

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического
развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Хабаровск, 2011

Содержание

Пленарные заседания	7–8
Бакланов П.Я. Динамика и инерционность территориальных структур хозяйства Тихоокеанской России.....	8–14
Сергиенко В.И. Технологические возможности обновления экономики Дальнего Востока России.....	15–35
КРУГЛЫЙ СТОЛ № 1 «СТРАТЕГИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА»	36–120
Авербух А. Б. Проблема идентификации государственно-частного партнерства как оптимального прямого механизма управления государственной собственностью в условиях кризиса.....	37–43
Басенко С.Г., Гнездилов Е.А. Основы формирования нормативного обеспечения стратегии долгосрочного развития Дальнего Востока.....	44–47
Васильковский А.В., Гнездилов Е.А. Проблема моногородов в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока.....	48–52
Величко А. С. Моделирование межрегиональных связей и транспортной системы Дальнего Востока.....	53–56
Гальцева Н.В. Сценарии развития Магаданской области в долгосрочной перспективе.....	57–62
Горбунов Н.М. Государственно-частное партнерство как инструмент развития экономики региона.....	63–67
Иголкина Л.М., Мысник В.Г. Государственно-частное партнерство при осуществлении проектов развития Дальнего Востока.....	68–70
Краснопольский Б.Х. Синергетическая концепция пространственной экономики: региональные приложения.....	71–76
Макаренко В.Г. Формирование долгосрочных прогнозов социально- экономического и культурного развития региона и проблемы высшей школы на Дальнем Востоке России: история и современность.....	77–78
Мишунина Л.Н., Якубовский Ю.В. Роль оборонно-промышленного комплекса Приморского края в долгосрочном прогнозировании мегатерритории.....	82–84
Напалкова А.А. Региональный маркетинг как инструмент инновационного развития Дальневосточного федерального округа.....	88–94
Фрисман Е.Я., Аносова С.В., Хавинсон М.Ю., Курилова Е.В., Кулаков М.П. Динамика социально-экономического развития региона (на примере Еврейской автономной области).....	95–100
Шелепа А.С. Проблемы долгосрочного развития структуры аграрного сектора ДФО.....	101–106
Шлык Н.Л. Влияние экспортной специализации и импортной зависимости на экономическую безопасность страны.....	107–113
Бурдина Е.И., Иванова И.А., Карастелев Б.Я., Якубовский Ю.В. Когнитивно-инновационный подход к мультидолгосрочному прогнозированию социально-экономического развития региона.....	114–120

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 2 «ДОЛГОСРОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНОВ».....	121–250
Антонова Н.Е. Факторные условия и ограничения долгосрочного развития лесного комплекса Дальнего Востока.....	122–127
Бардаль А.Б. Железнодорожный транспорт Дальнего Востока России.....	128–137
Бартюк О.В. Сравнительный анализ стратегии развития сельского хозяйства Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая.....	138–142
Демина О.В., Новицкий А.А. Баланс спроса и предложения электрической энергии и мощности на Дальнем Востоке в 2010–2020 гг.: роль крупных потребителей.....	143–151
Заостровских Е.А. Долгосрочные перспективы развития морского транспорта Дальнего Востока	152–156
Ким Л.В. Варианты развития аграрного сектора в Дальневосточном федеральном округе.....	157–162
Леонова Ю. А. Использование кластерных технологий как метод повышения эффективности организации промышленного производства в Хабаровском крае.....	163–168
Ломакина Н.В. Инновационные возможности и ограничения развития минерального сектора Дальнего Востока в долгосрочной перспективе.....	169–175
Мирошниченко Т.А. Вопросы энергосбережения при комплексном использо- вании топливно-энергетических ресурсов в Амурской области.....	176–181
Михайленко А.А. Состояние и перспективы развития отрасли животноводства в южных территориях ДФО.....	182–186
Михайлова Е.Г. Экономические предпосылки развития ресурсосберегающего производства рыбопродукции в Камчатском крае.....	187–191
Мошков А.В. Динамика и инерционность территориально-отраслевых систем промышленности Дальнего Востока.....	192–199
Новосельцев Е.М. О роли МТК и транспортных узлов в развитии транзитных перевозок.....	200–207
Нурминский Е.А. Мартюшев А. Анализ транспортных коридоров Азия – Европа с точки зрения теории конкурентного равновесия.....	208–209
Огороднова А.А. Совершенствование системы прогнозирования аграрного сектора.....	210–213
Рензин О.М., Троп Т.И. Трансформационные процессы в банковской системе России: тенденции и перспективы.....	214–219
Сухомиров Г.И. К стратегии развития сельского хозяйства Дальневосточного федерального округа до 2050 года.....	220–225
Третьяков Р.А., Омельчук В.А., Шарко Е.Е. Машиностроение Хабаровского края: реалии и перспективы роста.....	226–231
Халимендик В.Б. Методическое обеспечение формирования промышленного предприятия инновационного типа.....	232–239
Цховребова А.В. Роль транспорта и автомобильных дорог в развитии субъекта Российской Федерации (на примере Республики Саха (Якутия)).....	240–245
Юн С.Е. Деревянное домостроение как фактор долгосрочного развития лесопромышленного комплекса Хабаровского края.....	246–250

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 3 «СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ»	251–369
Авербух И.Б. Стратегическое влияние здравоохранения на экономику и воспроизводство трудовых ресурсов региона.....	252–256
Безруков И.С., Безруков В.И. Глобализация и эмиграционные настроения среди студентов.....	257–265
Бойко А.Н. Перспективы развития личных подсобных хозяйств населения Хабаровского края.....	266–271
Грицко М.А. Демографические проблемы долгосрочного социально-экономического развития Дальнего Востока.....	272–277
Золотова Я.В. Стратегические направления развития торговли в Хабаровском крае.....	278–283
Марков Д.Н., Шарко Е.Е. Стратегические направления развития региональной туристической индустрии (на примере Хабаровского края).....	284–289
Миндогулов В.В. Демографические факторы реализации мегапроектов в Дальневосточном регионе.....	290–293
Мотрич Е.Л., Сафронов М.Г. Миграция и рынок труда на российском Дальнем Востоке.....	294–300
Мысник В. Г., Пионтовский И.Н. Трудовая загруженность и напряженность населения в Дальневосточных регионах России.....	301–304
Найден С.Н. Социальный потенциал Дальнего Востока: тенденции и стратегические приоритеты развития.....	305–316
Нигаи Е.А., Бойко Т.С. Оценка текущей и перспективной потребности организаций Хабаровского края в рабочих и служащих.....	317–322
Норина С.В. Реализация медико-социальных детерминант как необходимого условия повышения качества жизни населения региона.....	323–325
Огий О.Г. Стратегические ориентиры социального развития Камчатки глазами социолога.....	326–331
Осипов В.А., Маякова А.А. Игровая зона как фактор ускоренного развития центральных районов Приморского края.....	332–337
Пастухова Н.Ю. Устойчивое развитие сельских территорий.....	338–343
Посвалюк Н.Э. Стратегические ориентиры развития здравоохранения Дальнего Востока России.....	344–348
Тотонова Е.Е. Оценка опыта Канады в организации туристской деятельности....	349–355
Хавинсон М.Ю. , Мищук С.Н. , Кулаков М.П. Прогнозирование регионального рынка труда (на примере Еврейской автономной области).....	356–360
Чижова Г.В. Разработка новых технологий в области охраны плода и новорожденного при беременности высокой группы риска.....	361–363
Нурминский Е.А., Шамрай Н.Б. Оценка влияния перспективного развития улично-дорожной сети Владивостока на транспортную ситуацию с помощью моделей потокового равновесия.....	364–369
КРУГЛЫЙ СТОЛ № 4 «НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ИННОВАЦИИ»	370–428
Билько А.М. Инновационное развитие АПК Амурской области.....	371–375
Бондаренко О.В. НИРС в системе подготовки будущих специалистов к инновационной деятельности в профессиональной сфере.....	376–380

Васильева О.Г. Выборы имеют значение? Трансформация политических институтов и инвестиции в образование в российских регионах.....	381–386
Вечерская Е.С. Некоторые аспекты эффективности экологической управленческой деятельности.....	387–390
Дудникова Л.А. Условия, факторы и принципы стимулирования развития информационного предпринимательства в формируемой инновационной экономике России.....	391–397
Можаева Е.А. Критерии инновационной компетентности фирмы	398–403
Названов С.В. Стратегия развития инновационной деятельности в Камчатском крае.....	404–406
Олиферова О.С. Проблемы интеграции науки и образования: региональный аспект.....	407–412
Римлянд Е.Ю., Вежновец И.А., Манухин В.В. Финансово-правовой аспект институционализации инновационной деятельности.....	413–418
Фролова Н.С. Инновационное развитие региона – проблемы и перспективы.....	419–424
Шишмаков В.Т., Шишмаков С.В., Курочкин П. Оценка инновационного потенциала компании как основа стратегии ее развития.....	425–428
КРУГЛЫЙ СТОЛ № 5 «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ».....	429–502
Александрова М.В. Направления и сферы развития российско-китайского межрегионального сотрудничества в ближайшее десятилетие.....	430–435
Белюсова А.В. Эффекты внешних шоковых воздействий для экономики региона (на примере Хабаровского края).....	436–444
Виноградов В.В. Транзитные контейнерные перевозки: проблемы и решения.....	445–450
Гайкин В.А. Проект «Туманган», «расовые войны» и футуропрогноз Ньютона... ..	451–455
Данченко Е.В. Перспективы использования иностранной рабочей силы на рынке труда Амурской области.....	456–460
Изотов Д.А. Северо-Восток Китая в условиях мирового кризиса.....	461–466
Калашникова И.В. Неформальные бизнес-практики в российско-китайском экономическом сотрудничестве.....	467–470
Новопашина А.Н. Оценка влияния иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие приграничных регионов России и Китая.....	471–476
Норин В.Г. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы и перспективы в посткризисный период развития мировой экономики.....	477–481
Понкратова Л.А. Трансграничная миграция населения на Дальнем Востоке: трансформация потоков и тенденции на перспективу	482–488
Рыжова Н.П. Взаимная торговля и интеграция России и Китая: пространство и институты.....	489–495
Суслов Д.В. Перспективы экономической интеграции в Восточной Азии.....	496–502

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 6 «НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ТЕХНОЛОГИИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ»	503–596
Абрамов О.В., Грибова В.В., Торгашов А.Ю. Разработка концепции прогнозирования научно-технологического развития Дальневосточного региона.....	504–508
Бек В.А. Ex-officio – как условие качественной работы таможенной службы РФ.....	509–514
Власюк Л.И. Ограничения развития экономики Дальнего Востока в перспективе.....	515–520
Гудкова Е.В. Стратегические факторы технико-технологической модернизации промышленности	521–526
Домнич Е.Л. Отрасли высоких технологий Дальнего Востока России в период кризиса.....	527–533
Ларичкин Ф.Д., Глущенко Ю.Г., Фадеев А.М. Возможности экономической модернизации недропользования на базе комплексного изучения и использования ресурсов недр.....	534–539
Латкин А.П., Кузьменко М.Д. Мнимые и реальные перспективы развития Дальнего Востока России.....	540–548
Леонов С.Н. Реализация конкурентных преимуществ России в условиях глобальных вызовов.....	549–556
Ли Е.Л. Рынок труда Дальнего Востока: долгосрочные тенденции развития.....	557–564
Непп А.Н., Колотов Ю. Построение скоринговой системы оценки рисков участников ВЭД при экспортном кредитовании. Инструменты минимизации.....	565–570
Резанов В.К., Скурская А.В. Дифференциация лесных платежей с учетом энергоемкости систем машин и степени их негативного воздействия на лес.....	571–576
Сергеев А.С. Проблемы использования стратегических ресурсов в развитии транспортных узлов Дальнего Востока России.....	577–580
Сидоренко О.В. Совершенствование подходов к селективной региональной политике в отношении проблемных регионов Дальневосточного федерального округа.....	581–585
Скиба А.Н. Системный подход в модернизации региональных производственно-технологических комплексов.....	586–591
Шишмаков В.Т., Бек В.А. Таможенный контроль в сфере торговли объектами интеллектуальной собственности.....	592–596

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Бакланов П.Я.

ДИНАМИКА И ИНЕРЦИОННОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР
ХОЗЯЙСТВА ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

Территориальные структуры хозяйства (ТСХ) рассматривается нами как двухуровневые, двухслойные образования [3]. Первый уровень образуют узлы – отдельные предприятия, компании, промышленные узлы, а также – линейные элементы – потоки ресурсов и готовой продукции узла – как точки отсчета структуры. Второй уровень образуют территориальные зоны влияния отдельных узлов: территории их размещения, социально-инфраструктурные зоны, ресурсно-экологические зоны, а также – рыночные зоны, в пределах которых формируются ресурсные и потребительские структуры.

В рамках данного подхода выделяются как первичные территориальные структуры, образуемые отдельными территориально компактными предприятиями со всеми их связями и сопряжениями, так и обобщенные, генерализованные структуры, выделенные для отдельных экономических центров (промышленных узлов) и экономических районов разного ранга [1; 3].

Основными характеристиками ТСХ являются:

- объемы и размещение источников ресурсов, регулярность их поставок;
- характеристики центрального звена территориальной структуры – узла производства или хозяйственного объекта (объемы производства, мощности, затраты и др.);
- объемы и размещение потребителей готовой продукции, услуг и регулярность их поставок;
- экономические характеристики – инвестиции, цены, себестоимость, транспортные тарифы и др.;

– экологические характеристики – виды и объемы отходов, их содержание, размещение;

– характеристики территориальных зон влияния: территории предприятия, компании социально-инфраструктурных, ресурсно-экологических и рыночных зон.

Можно выделить ряд свойств территориальных структур хозяйства, основные из которых – следующие:

– динамичность – как пространственно-временная изменчивость отдельных звеньев территориальных структур за тот или иной период времени;

– устойчивость – способность территориальных структур и их звеньев сохранять свои пространственно-временные характеристики в течение определенного времени;

– инерционность – способность территориальных структур и их звеньев сохранять свои пространственно-временные характеристики в течение определенного времени без дополнительных инвестиций;

– пространственные совмещения и пересечения ТСХ – в виде наличия звеньев, общих для двух или более территориальных структур;

– рассредоточенность и замкнутость – размещение звеньев территориальных структур в пределах определенного района.

Фундаментальным свойством ТСХ любого уровня является их динамичность, т. е. пространственно-временная изменчивость структур и их звеньев и инерционность – способность длительное время (годы) сохранять в той или иной мере – неизменными основные структурные особенности.

В рамках Программы «Тихоокеанская Россия – 2050» [4] в качестве одной из задач – необходимо оценить основные тенденции изменения, трансформаций ТСХ региона. Это, в общем, возможно сделать на основе выделения и оценок свойств инерционности и динамичности ТСХ.

В этой связи нами выполнены обобщенные оценки основных видов деятельности, существовавших на Дальнем Востоке СССР (в рамках Дальневосточного экономического района) в 70-е годы прошлого столетия, (табл. 1) т. е. с ретроспективой примерно в 40 лет (период, равный перспективе с 2010 г. по 2050 г.).

Обобщены и приведены оценки современных видов деятельности в регионе, в том числе в отдельных дальневосточных субъектах РФ (табл. 2).

Таблица 1

Основные направления экономического развития ДВР (70-е годы XX в.)

Основной вид деятельности в регионе	Экономическое развитие в районах							
	Якутия	Амурская область	Хабаровский край, включая ЕАО	Приморский край	Магаданская область	Чукотский АО	Камчатская область	Сахалинская область
Рыбный комплекс (добыча и переработка)	-	-	++	+++	++	+	+++	+++
Лесной комплекс (заготовка и деревообработка)	+	+++	+++	+++	+	-	+	++
Горнодобывающий (добыча и обогащение) (полиметаллов, драгоценных металлов)	++ +	++	++	+++	+++	++	-	-
Добыча угля, энергетика	++	++	+	++	+	+	-	+
Машиностроение (в т. ч. судостроение и судоремонт)	-	++	+++	+++	-	-	+	+
Сельское хозяйство	+	+++	++	++	+	+	+	+
Морской транспорт	-	-	++	+++	+	+	++	++

Примечания: +++ значительное развитие, ++ существенное развитие; + наличие видов деятельности.

Основные современные виды деятельности в Тихоокеанской России (начало 2000 гг.)

Вид деятельности в регионе	Экономическое развитие в районах								
	Якутия	Амурская область	Еврейская АО	Хабаровский край	Приморский край	Магаданская область	Сахалинская область	Камчатский край	Чукотская АО
Морехозяйственный комплекс, включая добычу и обработку морепродуктов, марикультуру, судоремонт	-	-	-	++	++ +	+	++	++	+
Лесной комплекс, включая заготовку и небольшую переработку древесины	+	++	+	++	++	-	+	+	-
Горнодобывающий комплекс, включая добычу угля, полиметаллов, драгоценных металлов и их обогащение	++ +	++	+	++	++	+	+	+	+
Морской транспорт (различные виды)	-	-	-	++	++ +	+	++	++	+
Нефтегазовый, включая добычу, транспортировку и переработку нефти и газа	+	+	-	++	+	-	++ +	+	-

Вид деятельности в регионе	Экономическое развитие в районах								
	Якутия	Амурская область	Еврейская АО	Хабаровский край	Приморский край	Магаданская область	Сахалинская область	Камчатский край	Чукотская АО
Машиностроение (в ограниченных размерах)	-	+	-	++	++	-	-	-	-
Туризм (в основном – выездной)	+	++	+	++	++	+	+	+	+

Примечания: +++ значительное развитие, ++ существенное развитие; + наличие видов деятельности.

С учетом тенденций, заложенных в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025г. и прогнозных оценок приоритетных направлений развития [2; 5 и др.] сделаны обобщенные прогнозные оценки основных возможных видов экономической деятельности в регионе к 2050 году (табл. 3).

В целом необходимо выделять несколько уровней анализа территориально-структурных трансформаций экономики: общерегиональный, уровни субъектов РФ в пределах Дальнего Востока, уровни экономических центров, городов и уровни первичных территориальных структур, формируемых отдельными предприятиями. В качестве последних выбираются предприятия специализации экономических центров. На этой основе возможно проводить более строгую оценку трансформации территориальных структур хозяйства в долгосрочной перспективе. В конечном итоге могут быть построены прогнозные экономические карты на отдельные районы Тихоокеанской России.

Основные виды деятельности,
 потенциально возможные в Тихоокеанской России к 2050 году

Основной приоритетный вид деятельности в регионе	Экономическое развитие в районах								
	Якутия	Амурская область	Еврейская АО	Хабаровский край	Приморский край	Магаданская область	Сахалинская область	Камчатская область	Чукотский АО
1. Структуры морехозяйственного комплекса (вкл. рыбодобычу и глубокую переработку, марикультуру, судостроение и судоремонт)	-	-	-	++	+++	+	++	+++	+
2. Структуры нефтегазового комплекса (включая добычу, транспортировку, глубокую переработку газа и нефти)	++	+	-	++	++	+	+++	+	+
3. Лесной комплекс (включая лесовозобновление, глубокую переработку низкосортной древесины)	++	+++	+	+++	++	+	+	+	-
4. Энергетика, в том числе ГЭС, АЭС, водородная)	+	+	-	+	+	+	+	+	+

Основной приоритетный вид деятельности в регионе	Экономическое развитие в районах								
	Якутия	Амурская область	Еврейская АО	Хабаровский край	Приморский край	Магаданская область	Сахалинская область	Камчатская область	Чукотский АО
5. Океаническое машиностроение (в том числе приборы и оборудование для освоения ресурсов океана, мониторинга)	-	++	+	+++	+++	-	+	-	-
6. Научно-образовательные центры	+	+	+	++	+++	+	+	+	+
7. Туризм	++	++	+	++	++	+	+	+++	+

Примечания: +++ значительное развитие, ++ существенное развитие; + наличие видов деятельности.

Список литературы:

1. Бакланов П.Я. Пространственные системы производства (микроструктурный уровень анализа и управления). – М.: Наука, 1986.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. – Владивосток: Дальнаука, 2009.
3. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. – М.: Наука, 2007.
4. Долгосрочный комплексный прогноз регионального социально-экономического и технологического развития «Тихоокеанская Россия – 2050» (методические положения) / под ред. В.И. Сергиенко, П.А. Минакира. – Хабаровск: РИОТИП, 2009.
5. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг. – М.: Экономика, 2006.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Сергиенко В.И.

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОБНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

1. Вводная часть. Одной из главных стратегических в направлении поступательного социально-экономического развития страны является формирование и развитие целостной национальной инновационной системы, объединяющей региональные инновационные системы, способные создать среду для активной хозяйственной деятельности и обеспечить устойчивое развитие собственной социально-экономической базы за счет рационального использования наукоемкого высокотехнологичного и ресурсного потенциала региона, способствующего укреплению национальной безопасности и усилению позиций России в мировом сообществе.

Стратегическое значение Дальнего Востока России в настоящее время многократно возрастает в связи с активно происходящими в мире, и особенно на сопредельных территориях, экономическими, демографическими, военно-политическими процессами, в связи с так называемой геополитической динамикой в АТР, т. е. с кардинальными изменениями политических, экономических, военно-политических соотношений стран региона.

Удаленность от промышленно развитых областей страны, ограниченные возможности самообеспечения, узкая хозяйственная специализация – все эти факторы ставят Дальневосточный федеральный округ в жесткую зависимость от внешней политики и внешнеэкономической стратегии России, экономических и политических интересов соседних государств.

Для Дальнего Востока России, являющегося форпостом страны в АТР, необходим перелом негативных тенденций и усиление внимания государства к геополитическим,

стратегическим, демографическим проблемам региона, от решения которых в конечном итоге зависят жизненные интересы всей России.

Необходим качественный и количественный скачок в развитии этого стратегически важного макрорегиона Российской Федерации.

Одними из ключевых конкурентных преимуществ Дальнего Востока России являются его экономико-географическое положение (в первую очередь – выход к Тихому океану и кратчайшие транспортные маршруты «Восток – Запад») в наиболее перспективном регионе мира – АТР, а также огромные запасы природных ресурсов (рудные и нерудные полезные ископаемые, водные биоресурсы и гидроэнергетические ресурсы, лесные, нефтегазовые, рекреационные и другие). Кроме того, сильными сторонами Дальнего Востока являются: наличие протяженного морского побережья и протяженной внешней границы как возможности для социально-экономического сотрудничества; и сравнительно развитой «базовой» портовой инфраструктуры, а также привлекательные туристические активы и близость к крупнейшим мировым туристическим рынкам.

Хотя Россия по экономическому и демографическому потенциалам уступает США, Европейскому союзу и Китаю, геополитические ее позиции в АТР остаются значимыми. Основанием для такой оценки является уникальное географическое положение страны, ее мощная сырьевая база, огромные территории, имеющийся научно-технический и сохранившийся военный потенциалы.

В связи с возрастающей ролью АТР в мировой экономике увеличивается и значимость российского Дальнего Востока как контактной зоны по обеспечению внешнеэкономического, культурного и других видов сотрудничества. В силу особенностей своего евразийского геостратегического положения и ресурсообеспеченности, данный регион России располагает потенциальными возможностями привлечения капитала и крупнейших товарных потоков не только Запада, но и азиатского Востока. Использование этих возможностей, безусловно, должно находиться как в сфере стратегических экономических интересов России, так и в сфере долгосрочных геостратегических приоритетов страны.

Реализация такой политики требует ускоренного развития экономического и демографического потенциалов дальневосточных территорий России в целом, технической, технологической модернизации хозяйства, увеличения мощностей портово-железнодорожных комплексов, обеспечивающих транзитные международные грузоперевозки и создание на Тихоокеанском побережье России крупных центров внешнеэкономического сотрудничества (сопоставимых с важнейшими в АТР международными центрами).

В «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г., № 2094-р, выделяются следующие проблемы и сдерживающие факторы развития региона:

1. Существует опасность превращения территории ДВР только в источник энергоносителей и сырья для стран АТР, в связи с чем не будет реализован интегрирующий потенциал России в системе экономических и пространственных связей Азии и Европы.

2. Отсутствие особой стратегии комплексного социально-экономического развития этой территории, ориентированной на ускоренный рост его экономического потенциала на инновационной основе, на реализацию интересов России в АТР, закрепление населения путем формирования комфортной среды обитания и оптимизации системы расселения.

3. Глобальный контекст экономического и геополитического прорыва России в АТР предполагает в долгосрочной перспективе особые характеристики развития Дальнего Востока и Байкальского региона.

Главными проблемами, сдерживающими реализацию экономического потенциала Дальнего Востока, являются его:

- экономическая и инфраструктурная изоляция от остальной части России и наиболее развитых российских рынков;
- низкая внутренняя транспортная связанность территории при ее огромных размерах;
- очаговый характер расселения с низкой плотностью населения; специфичность условий ведения сельского хозяйства;
- высокая затратность, дотационность и сезонность обеспечения завоза грузов для арктических и северных районов Дальнего Востока.

К числу сдерживающих развитие внутренних факторов также относятся экстремальные природно-климатические условия, наличие изолированно работающих энергосистем и энергорайонов, затратность и неэффективность структуры энергоисточников.

Неразвитая энергетическая и транспортная инфраструктура прямо или косвенно продолжают оставаться основными ограничителями осуществления любых видов социально-экономической деятельности на Дальнем Востоке, причиной низкой конкурентоспособности произведенных продукции, товаров и услуг.

Невысокая степень диверсифицированности и инновационности региональных экономик, имеющих ярко выраженную ресурсную направленность при низкой степени переработки природных ресурсов – один из ключевых факторов, сдерживающих развитие Дальнего Востока.

В различных частях этой территории наблюдается также большой разрыв между условиями для ведения экономической деятельности и условиями жизни населения. Наряду с этим – низкое качество социальной инфраструктуры, низкий уровень жизни и, как следствие, отсутствие комфортных условий проживания в городах и поселках, не имеющих эффективных градообразующих производств.

Пути решения проблем.

В этой связи в составе основных мероприятий, реализация которых повысит конкурентоспособность любых видов деятельности и даст возможность развития эффективной экономики, создания комфортных условий проживания на Дальнем Востоке, необходимо рассматривать, помимо комплексной федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Забайкалья» до 2025 года, разработку и реализацию отраслевых инвестиционных программ:

– в сфере электроэнергетики Дальнего Востока, направленные на повышение надежности электроснабжения, расщивания узких мест в технологических цепочках, развитие электросетевого хозяйства, создание новых генерирующих мощностей и снижение затрат на производство электро- и теплоэнергии, снижение потерь электро- и теплоэнергии;

– в сфере развития транспортной инфраструктуры, предусматривающие повышение транспортной доступности, повышения пропускной способности БАМа и Транссиба, повышение качества транспортно-логистических услуг, интеграцию в международные транспортно-логистические системы;

– в сфере жилищного строительства, направленные на создание благоприятных условий проживания в этом стратегически важном, но все еще слабо заселенном регионе России в целях обеспечения демографического контроля над собственными территориями и достаточного уровня безопасности.

Смещение вектора политических и экономических интересов России на восток, как подчеркивается в Стратегии развития региона, может принести огромные экономические и геополитические преимущества, основные из которых:

– обеспечение географической диверсификации рынков сбыта основных бюджетобразующих отраслей экономики Российской Федерации;

– предотвращение угрозы снижения экономического и политического влияния на территории Дальнего Востока;

– предотвращение угрозы дальнейшего оттока населения с Дальнего Востока;

– предотвращение угрозы переориентации в другие страны производства глубокой переработки добываемых сырьевых ресурсов, а также предприятий, выпускающих продукцию, товары и услуги с высокой добавленной стоимостью.

Стратегической целью развития Дальнего Востока и, прежде всего, его приграничных субъектов, ставится задача формирования развитой экономики и комфортной среды проживания населения, достижения уровня их социально-экономического развития, превышающего среднероссийские показатели – для реализации геополитической задачи закрепления населения и наращивания экономического потенциала в соответствии с ресурсными и прочими возможностями в этом стратегически важном регионе России.

Для достижения этой цели необходимо обеспечить сопоставимые или опережающие, по сравнению со среднероссийскими, темпы социально-экономического развития субъектов Дальнего Востока России, прежде всего, – приграничных, и решить ряд задач, первоочередными из которых являются:

- создание условий для развития перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации Дальнего Востока на основе природно-ресурсного, индустриального, кадрового, научного потенциала – в рамках взаимоувязанных федеральных отраслевых стратегий развития, стратегий социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований, стратегических программ крупных компаний;

- формирование устойчивой системы расселения с высоким уровнем комфортности среды проживания человека, опирающейся на региональные зоны опережающего экономического роста;

- формирование нормативно–правовой базы, определяющей особые условия ценовой, тарифной, таможенной, налоговой, бюджетной политики, которая обеспечивает экономический рост; конкурентоспособность продукции, товаров и услуг в соответствии с экономическими специализациями; снижение барьеров для экономической и социальной интеграции территории Дальнего Востока с остальными регионами России;

- рост численности населения и качества трудовых ресурсов, повышение качества человеческого капитала.

Долгосрочные перспективы развития экономики Дальневосточного региона неразрывно связаны с необходимостью решения крупных региональных научно-технических проблем. Региональные различия, присущие условиям и характеру хозяйственной деятельности в различных макрizonaх Дальнего Востока, предопределяют в них особые пути решения основных задач на основе научно-технического прогресса.

Принципиальным результатом научно-технической и региональной политики должно явиться ускоренное наращивание экономического потенциала районов Дальнего Востока России на основе:

- использования преимуществ экономико-географического положения;
- преимуществ приоритетных направлений научно технического прогресса;

– повышения роли региона в национальном производстве товаров и услуг мировой значимости и востребованности.

2. Предложения ДВО РАН по приоритетные направления развития и технологическим возможностям обновления экономики Дальнего Востока России. Ускоренное и системное внедрение достижений научно-технического прогресса должно обеспечить в дальневосточном регионе технологическое обновление различных инфраструктурных отраслей экономики и превышение темпов прироста производительности труда в целом над средними по России.

Транспортная инфраструктура. Важнейшими научно-техническими проектами, в соответствии со Стратегией, являются проекты по развитию транспортной инфраструктуры федерального значения. Развитие Дальнего Востока, как никакой другой территории России, зависит от эффективно действующей транспортной системы. Это связано, прежде всего, с малой давностью освоения и огромной территорией, несформированностью в предыдущие периоды систем расселения. Транспортные коммуникации объединяют Дальний Восток с другими районами страны, что является необходимым условием территориальной целостности и единства экономического пространства России. По этой территории проходят важнейшие евроазиатские транспортные коридоры «Транссиб», «БАМ», «Приморье – 1», «Приморье – 2», «Северный морской путь», а также другие транспортные коммуникации, связывающие Россию со странами АТР.

В области транспортной инфраструктуры требуется скоординированное развитие различных видов транспорта, повышение пропускной способности существующей дорожной сети, сооружение автодорожных обходов крупнейших городов, создание сети мультимодальных транспортных центров.

В перспективе до 2025 года необходимо осуществить технологическую реконструкцию транспортной системы на новейшей технологической основе, крупномасштабное развитие инфраструктуры, повышение транспортной связности населенных и промышленных пунктов между собой и с остальной территорией страны, реализацию благоприятных возможностей для развития международных транспортных коридоров. Решение этих задач приведет к значительному повышению безопасности и экологичности транспортных процессов, широкому привлечению и использованию инновационных технологий, в том числе дальневосточных.

Важнейшей задачей на этом пути является определение наиболее актуальных проблем развития транспорта (автомобильный, городской, железнодорожный, воздушный, трубопроводный, морской и речной транспорт, альтернативные виды транспорта), при

решении которых в мировой практике уже сложились определенные стереотипы инновационного поведения.

Именно ДВО РАН способно осуществить научные исследования, обеспечивающие получение потока инноваций, направленных на постоянное обновление транспортной сферы в регионах Дальнего Востока, изыскание научно-технических решений по улучшению и удешевлению транспортного освоения территории, оптимизации транспортных сетей с учетом перспектив развития региона, его транспортной связанности с определенными регионами и странами.

В ДВО РАН имеется ряд наукоемких разработок для технологического обновления транспортной инфраструктуры, в том числе, реализованные в авиационном производстве научные разработки Института химии:

- авиационное производство (КнААПО);
- применение в нескольких цехах вихревых влагомаслоотделителей различной производительности для очистки технологического сжатого воздуха;
- использование гидрофобных сорбентов в сочетании с природными полиэлектролитами для очистки сточных вод, гальваносточков, удаления нефтепродуктов (цех №12 КнААПО);
- применение технологической схемы химической очистки рубашек охлаждения вакуумных установок и печей от отложений солей и ржавчины;
- нанесение благородных металлов на контакты из латуни и бронзы без использования цианистых электролитов;
- обезвреживание и утилизация гальваноотходов.
- нанесение защитных покрытий на поверхность металлов для предотвращения коррозии, накипеобразования, износа, улучшения адгезии лаков и красок.

ОАО «Прогресс»

- проведение совместных работ в 1988–1990 гг. по совершенствованию технологии шликерной керамики и термохимической обработке (восстановительный отжиг) исходных материалов для порошковой металлургии.

Машиностроение. Робототехника. В настоящее время на базе Института проблем морских технологий ДВО РАН создается Центр робототехники по разработке, производству и испытанию необитаемых подводных аппаратов, цель которого – изготовление НПА двойного назначения для исследовательских, разведывательных и промышленных целей при работах на континентальном шельфе и в глубоководных районах Мирового океана.

Задачи Центра:

- Проектирование различных видов НПА;
- Изготовление НПА различных целевых назначений;
- Проведение натурных испытаний и отработка методик использования НПА и гидроакустической аппаратуры, разрабатываемой в Центре.

Реализация проекта будет способствовать созданию в регионе не менее 250–300 рабочих мест. Объем продаж составит 700–800 млн руб.

Требуемый объем инвестиций для создания и развития центра робототехники составляет 16 200 млн руб.

Сфера применения подводной робототехники чрезвычайно широка: обнаружение и отслеживание подводных протяженных объектов – трубопроводов, кабелей связи; картографирование рельефа дна; разведка полезных ископаемых; мониторинг биологических объектов, розыск утерянных объектов и многое другое.

Российская экспедиция 2007 года на Северный полюс достойно продемонстрировала геополитические амбиции России в Арктике. Добычей доказательств наших прав на большие территории занимался робот «Клавесин – 1Р» автономный необитаемый подводный аппарат, созданный учеными и специалистами ИПМТ ДВО РАН. Новый подводный аппарат может эффективно проводить поисково-исследовательские работы на океанских глубинах до шести километров. В зависимости от установленных источников питания автономность работы аппарата колеблется от двух до четырех суток. Робот способен самостоятельно, без вмешательства человека, выполнять поставленные перед ним задачи. В случае необходимости гидроакустический канал позволит оператору, находящемуся на борту сопровождающего судна, вмешаться в ситуацию и подкорректировать положение. «Клавесин» может рассмотреть и передать изображение морского дна с очень высокой разрешающей способностью. Еще одно достоинство аппарата – его исключительно российское происхождение и при этом он считается лучшим в мире. Аппарат оснащен самым совершенным оборудованием: навигационной системой, гидролокатором бокового обзора, акустическим профилографом, измерителем параметров среды, фототелевизионной системой, что позволяет ему проводить сложнейшие исследования.

В настоящее время в мире наблюдается высокий спрос на подобную технику. Рынок услуг подводных роботов оценивается в несколько миллиардов долларов США. А стоимость такого аппарата, как «Клавесин», по самым ориентировочным оценкам, составляет от двух до пяти миллионов долларов.

Материаловедение и новые материалы. На базе Института химии ДВО РАН разработаны теоретические основы сорбционного и сорбционно-реагентного способов извлечения радионуклидов стронция, марганца, кобальта и цезия из жидких радиоактивных отхо-

дов (ЖРО), накапливающихся при эксплуатации, ремонте и утилизации атомных подводных лодок (АПЛ). Используются при этом оригинальные гранулированные волокнистые и наноразмерные сорбенты. Разработанные материалы и технологии очистки ЖРО реализованы в промышленном масштабе на Дальневосточном заводе «Звезда» и Федеральном государственном унитарном предприятии «ДальРАО». Разработанная технология позволяет полностью решить проблемы переработки и утилизации ЖРО на действующих объектах Тихоокеанского флота, а также на судоремонтных предприятиях региона, занимающихся ремонтом и утилизацией АПЛ.

В Институте химии реализуется проект по созданию Центра по разработке и производству высокоэффективных селективных сорбентов и флокулянтов, цель которого состоит в создании коммерческого экономически эффективного промышленного производства новых материалов из местного сырья с характеристиками, превосходящими лучшие отечественные и зарубежные аналоги.

Задачи Центра:

- создать и запустить в эксплуатацию производство следующих новых наноматериалов;
- сорбционно-реагентные материалы, обладающие высокой селективностью к радионуклидам;
- флокулянты – функциональные жидкие полимеры на основе хитозана для очистки питьевой воды;
- гидрофобизированные сорбенты для очистки сточных вод от нефтепродуктов.

Реализация проекта будет способствовать созданию в регионе не менее 60 рабочих мест. Объем продаж составит 750–800 млн руб. Требуемый объем инвестиций для создания и развития центра составляет 600 млн руб.

Институт автоматизации и процессов управления ДВО РАН приступил к реализации проекта по созданию Тихоокеанского исследовательского центра нанотехнологий, который призван решать комплекс задач перспективных исследований по созданию новых передовых наукоемких материалов и технологий (нанотехнологий и наноматериалов), и гибридных наноструктур, имитирующих природные соединения, и получению на их основе инновационных разработок в области химии, физики, биологии, оптики, медицины, приборостроения.

Нанотехнологии позволяют найти возможные решения многих текущих проблем в сфере биомедицины и биотехнологии на новом более современном уровне (нанобиомедицина и нанобиотехнология), что открывает огромные перспективы для их применения в реальной жизни.

Задачи Центра:

- Детально исследовать физические и структурные характеристики известных Дальневосточных природных наноматериалов, понять механизмы и способы образования наноструктур; вести поиск новых природных наноматериалов;
- Осуществить химическое и биомиметическое моделирование процессов биоминерализации, происходящих в живых организмах;
- Разработать технологии получения наноструктурных пленок, волокон и объемных наноструктур на основе биомиметического моделирования; воплотить созданные технологии в соответствующее оборудование;
- Произвести опытные и серийные партии различных наноматериалов (пленок, волокон, объемных наноструктур и др.)

Реализация проекта будет способствовать созданию в регионе не менее 100 рабочих мест. Объем продаж составит 200–300 млн руб.

Требуемый объем инвестиций для создания и развития Тихоокеанского исследовательского центра нанотехнологий составляет 2400 млн

Энергетическая инфраструктура. Развитие энергетической инфраструктуры федерального значения должно происходить в полной корреляции со стратегическими планами социально-экономического развития Дальнего Востока, определяющим рост энергопотребления, и в соответствии с необходимостью повышения энергоэффективности производства и передачи электроэнергии.

Развитие «энергетики будущего» связано с расширением использования новых или «альтернативных» источников энергии, таких как атомная энергия, тепловой градиент Мирового океана и энергия приливов, геотермические электростанции, ветроэнергетика, управляемая термоядерная реакция и солнечная энергия. В решении энергетических проблем будущего значительную роль также должны сыграть новые гальванические элементы и аккумуляторы, топливные элементы и водородное горючее.

В «Концепции энергетической России на период до 2030 г.» отмечено, что в предстоящее 25-летие весьма высока вероятность вовлечения в топливно-энергетический баланс страны новых источников энергии и энергоносителей. В числе этих инновационных энергетических направлений: водородная энергетика, использование новых топливных и химических элементов, освоение газогидратов, термоядерные технологии и др. Без вовлечения в перспективе этих инновационных энергоресурсов в балансирование спроса и предложения топливно-энергетических ресурсов могут возникнуть трудности, которые приведут к резкому росту цен на энергоносители.

Для осуществления внедрения технологических инноваций в энергетику региона необходимо, в первую очередь, активизировать исследования в области альтернативных источников энергии и оценки их потенциальной роли в генерирующей системе региона. Профильные НИИ ДВО РАН сосредотачивают свои усилия на анализе мирового опыта использования альтернативных источников энергии, определении условий, при которых на тех или иных территориях указанные источники энергии оказываются эффективнее традиционных.

Институтом химии ДВО РАН разработан не имеющий аналогов в мировой практике гидротермальный способ переработки кубовых остатков атомных электростанций (АЭС). Проведенные испытания созданной технологии и макетного оборудования на Ново-Воронежской (2005 год) и Курской (2007 год) АЭС полностью подтвердили эксплуатационно-технологические и экологические преимущества созданной технологии. По капиталоемкости, энергопотреблению, степени очистки растворов от радионуклидов, коэффициенту редукации объемов радиоактивных отходов предложенная технология превышает зарубежные аналоги в 15–20 раз. Подготовлено техническое задание на проектирование промышленной установки. Результаты были доложены на научно-техническом совете Росэнергопрома, получили одобрение и были рекомендованы к внедрению, в том числе на строящихся в стране и за рубежом АЭС.

В ИАПУ ДВО РАН реализуется инновационный проект по созданию Автоматизированного информационно-аналитического центра Приморского края, который призван осуществлять поддержку энергосберегающих режимов функционирования объектов теплоэнергетики (ОТЭ) на основе достоверного дистанционного измерения и мониторинга основных параметров ОТЭ.

Задачи Центра:

- Монтаж измерительного оборудования на предприятиях потребителей энергоресурсов, контроль его технического состояния и проведение необходимого ремонта;
- Разработка программных средств для совершенствования технологии дистанционного получения достоверной информации о всесторонних характеристиках потребляемой тепловой энергии и последующей ее обработки;
- Выполнение с помощью программных продуктов дистанционного сбора, математической обработки и визуализации достоверных данных о тепловых и гидравлических режимах ОТЭ и количестве потребленного тепла;
- Оптимизация режимов функционирования ОТЭ.

Реализация проекта будет способствовать созданию в регионе не менее 200 рабочих мест. Объем продаж составит 500–600 млн руб.

Требуемый объем инвестиций для создания и развития Автоматизированного информационно-аналитического центра составляет 260 млн руб.

В ДВО РАН разработана технология и системы мониторинга, управление, анализ, обеспечение энергосберегающих режимов функционирования предприятий и муниципальных объектов, которые внедрены в системе теплоснабжения крупных объектов региона.

Информационно-телекоммуникационная инфраструктура. Дальний Восток, занимая значительную по географической протяженности территорию, отличается высоким дисбалансом развития телекоммуникаций и связи: в регионах с высокой плотностью населения существует развитая телекоммуникационная инфраструктура и доступ к магистральным каналам связи; на большей части остальной территории доступ к магистральным каналам связи является спутниковый.

Занимая важное геостратегическое положение, регион пока не в состоянии также соответствовать передовому уровню с точки зрения информационной инфраструктуры.

Исследования ДВО РАН позволяют разработать сценарии построения информационного общества в ДФО, осуществить оценку внутрорегиональной структуры пользования информационными услугами со стороны населения и организаций, дать прогноз структуры и масштабов спроса населения Дальнего Востока на новые и традиционные (на прогнозируемое десятилетие) услуги связи (сравнительная значимость): интенсивность обращений, темпы роста сегментов, относительная рентабельность организаций, предоставляющих услуги.

Это обеспечит соответствие масштабов, темпов и качества информационного роста тенденциям технического прогресса в области массовых коммуникаций в мире, позволит определить вероятные направления и ориентировочные сроки внедрения потенциальных новшеств, обосновать темпы проникновения данных инноваций в экономику России и Дальнего Востока.

В ИАПУ ДВО РАН реализуется проект по созданию Центра спутникового и лидарного мониторинга океана и атмосферы, цель которого состоит в информационном и инструментальном обеспечении хозяйственных, диагностических и исследовательских нужд потребителей в экологии, при чрезвычайных ситуациях, в метеорологии, земельном кадастре, рациональном природопользовании и управлении территориями.

Задачи Центра:

- Контроль чрезвычайных ситуаций: наводнения, пожары, тропические циклоны, аномально-высокие осадки, ледовая обстановка, нефтяные загрязнения океана, вредоносное цветение микроводорослей, обнаружение терпящих бедствие судов;

- Прокладка в зоне действия спутника оптимального пути для караванов судов, следующих Северным Ледовитым океаном;
- Спутниковый мониторинг: биопродуктивности морских акваторий, сельскохозяйственных и лесных угодий, а также мониторинг городских застроек.

Реализация проекта будет способствовать созданию в регионе не менее 20 рабочих мест. Объем продаж составит 60–70 млн руб.

Требуемый объем инвестиций для развития центра составляет 800 млн руб.

Океанические ресурсы и технологии их изучения. В ближайшей, и в более отдаленной перспективе основные открытия и приросты запасов и добычи углеводородов в мире будут происходить в шельфовых и глубоководных зонах акваторий. Несмотря на недостаточную степень геолого-геофизической изученности, не сопоставимую с изученностью зарубежных перспективных шельфов, арктический и дальневосточный шельфы России являются основным резервом нефтегазодобывающей промышленности страны, а также других полезных ископаемых. Поэтому долгосрочные перспективы расширения природно-ресурсной базы России должны быть связаны с вовлечением в хозяйственный оборот морских и океанических месторождений полезных ископаемых Дальнего Востока, и в этой связи проблемы изучения океана должны занимать важное место как в развитии науки, так и в долгосрочной стратегии развития Дальнего Востока России.

В этой связи исключительно велика роль ДВО РАН в оценке современного состояния изученности и использования ресурсов дальневосточных морей и шельфовой зоны, а также в определении прогнозных оценок ресурсов морской и шельфовой зоны.

Дальнейшие исследования в этом направлении позволят дать прогноз на ближайшее десятилетие по основным направлениям развития науки и технологий в области:

1) разведки ресурсов недр шельфов и океанов, определению их промышленных запасов; 2) создание технических средств для разведки и добычи полезных ископаемых на шельфе; 3) проектирования и строительства «морских» горнодобывающих предприятий, строительных и эксплуатационных баз; 4) использования возобновляемых источников энергии океана – волновой, приливной, морских течений, разности температур и др.

А это в свою очередь позволит выявить перспективы развития технологических процессов и соответствующих систем орудий труда в данных отраслях.

Минеральное сырье: ресурсы и технологии. Исключительное значение минерального сырья для наращивания экономического потенциала Дальнего Востока предопределяет возрастание роли научных исследований в рамках ДВО РАН, которые должны позволить:

1) выполнить оценку перспективного минерально-сырьевого потенциала ДВ региона, возможности разработки новых технологий поисков и оценки месторождений минерального сырья, выявления новых его видов;

2) обосновать характер и степень изменения технологий освоения месторождений, добычи и переработки минеральных ресурсов, внедрения прогрессивных технологий, обеспечивающих комплексность, безотходность, высокую производительность, и направленных как на максимально эффективное выделение всех ценных компонентов рудного сырья и концентратов, так и на создание материалов с учетом наличия элементов в сырье;

3) выявить возможности формирования инновационно-технологических цепочек «добыча новых видов минерального сырья – создание новых продуктов – формирование новых отраслей МСК» в Дальневосточном регионе. Дать оценку возможного будущего спроса на перспективную продукцию МСК Дальнего Востока со стороны экономики России и зарубежных стран с учетом изменения технологий в потребляющих отраслях;

4) оценить экологические последствия в районах интенсивного освоения недр, определить критические значения техногенной и антропогенной нагрузки, учитывая будущие технологии.

Природопользование, окружающая среда, экологическая безопасность – как в пределах суши региона, так и прилегающих морей – это также крупные многогранные проблемы, важные для долгосрочного регионального развития и для научных исследований.

Научные поиски также могут быть связаны с тем, что значительная часть территории Дальнего Востока относится к районам с экстремальными природными условиями. В дальнейшем хозяйственном освоении и заселении этих районов, в продвижении населения, экономики, в т. ч. перерабатывающих производств, сельского хозяйства в северном направлении (к ресурсам, на свободные земли, а также и в арктический сектор) видится большая роль науки.

Биотехнология и медицина. В данном направлении развития наукоемкой региональной экономики ДВО РАН предлагает к реализации следующие инвестиционные проекты:

1. Тихоокеанский центр биотехнологий, который призван осуществлять разработку технологий и изготовление опытных и серийных партий инновационных высокотехнологичных и эффективных лекарств и БАВ из уникального Дальневосточного природного сырья растительного и животного происхождения

Задачи Центра:

- Создать экспериментальное производство, отвечающее требованиям международных стандартов;

- Адаптировать разработанные технологии к производственным условиям и внедрению в медицинскую практику;
- Подготавливать весь комплект регламентирующих документов для каждой технологии и препарата;
- Производить опытные и серийные партии медицинских препаратов, вошедших в Перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств.

Центр может выступить координатором внедрения в производство рыбоперерабатывающих комплексов Приморья по проекту «Технология безотходной переработки океанического и марикультурного сырья», разработанного в ТИБОХ ДВО РАН.

Реализация только первого этапа проекта будет способствовать созданию в регионе не менее 150 рабочих мест. Срок окупаемости – 3 года. Объем продаж составит 900–1000 млн руб. Требуемый объем инвестиций: 2 160 млн руб.

2. Дальневосточный биоинженерный центр, цель которого состоит в производстве высокоэффективных отечественных субстанций и лекарственных препаратов на основе культуры растительных клеток для профилактики и лечения многих заболеваний

Задачи Центра:

- Создать пилотное наукоемкое биотехнологическое производство, отвечающее требованиям международных стандартов;
- Адаптировать разработанные технологии к производственным условиям и внедрению в медицинскую практику;
- Подготавливать весь комплект регламентирующих документов для каждой технологии и препарата;
- Производить опытные партии лекарственных препаратов, выполнить доклинические и клинические испытания лекарственных средств;
- Передавать разработанные технологии в экспериментально-промышленное производство Тихоокеанского центра биотехнологий;
- Производство опытных и серийных партий медицинских препаратов различного действия.

Реализация проекта будет способствовать созданию в регионе не менее 20 рабочих мест. Объем продаж составит 100–150 млн руб.

Требуемый объем инвестиций для создания центра составляет 100 млн руб.

3. Центр технологий наноструктурированных медицинских препаратов и материалов, который будет специализироваться на создании промышленного производства нано-

структурированных биополимерных матричных материалов, обладающих способностью к селективной иммобилизации биологических субстанций

Задачи Центра:

– Создание производства наноструктурированных лекарственных средств нового поколения – эффективных препаратов против различных заболеваний;

– Проведение НИОКР и создание производства медицинских материалов для травматологии и реконструктивной медицины в новой медицинской технологии лечения дегенеративных и посттравматических патологий на основе биополимерных и биополимерно-клеточных имплантатов.

Реализация проекта будет способствовать созданию в регионе не менее 60 рабочих мест. Объем продаж составит 10 000 млн руб.

4. Морской биотехнопарк «Островной» – система управления прибрежными морскими акваториями и территориями.

Целью проекта является:

– создание новой наукоемкой высокотехнологичной отрасли промышленности Дальнего Востока России, основанной на рациональном использовании, воспроизводстве, культивировании и глубокой переработке биологических ресурсов дальневосточных морей, базирующейся на новейших научных достижениях ученых ДВО РАН;

– переход на научно-обоснованную систему управления прибрежными морскими акваториями и территориями.

Задачи проекта:

- Создать высокотехнологичный Центр воспроизводства молоди ценных видов моллюсков, иглокожих и ракообразных, рассады макрофитов для обеспечения посадочным материалом плантаций вновь организуемых марихозяйств;

- Создать хозяйства марикультуры по выращиванию товарных трепанга, приморского гребешка, мидии, устрицы, а также новых объектов (моллюсков, креветок, крабов), пользующихся повышенным спросом, как на внутреннем, так и на внешнем рынках;

- Создать высокотехнологичный наукоемкий процессинговый Центр по первичной и глубокой комплексной переработке сырья.

Необходимое условие развития хозяйственной деятельности в прибрежных зонах – передача функций управления прибрежной акваторией специально созданным управляющим структурам, основными функциями которых будет являться содействие развитию проектов аквакультуры, рациональному рыболовству и развитию перерабатывающих предприятий.

Инструменты решения проблемы:

- создание специализированных морских биотехнопарков, как системы управления прибрежной территорией и прилегающей к ней морской акваторией от уреза воды до изобаты 50–60 м.
- разработка и реализация региональной программы развития аквакультуры;
- отработка новых механизмов экономического развития территорий.

Первый этап проекта состоит в запуске на территории Приморского края, в районе островных территорий г. Владивостока и в заливе Посыет Хасанского района, пилотного проекта территориально производственного комплекса «Морской биотехнопарк «Островной». Проектом предусматривается коммерциализация научного потенциала в области биотехнологий и охраны окружающей среды.

Дальнейший этап – создание внедренческой промышленно-инновационной зоны наукоемкого предпринимательства, обеспечивающей рациональное использование прибрежной акватории, и на этой основе возродить прибрежные и островные территории, обеспечив их устойчивое развитие.

Реализация проекта позволит создать только в районе островных территорий г. Владивостока не менее 1000 рабочих мест. Коммерческая эффективность проекта – 5 лет. Объем продаж составит 400–500 млн руб. Требуемый объем инвестиций: 4 840 млн руб.

Социальная инфраструктура. Развитие социальной инфраструктуры федерального значения, меры государственной политики по привлечению и закреплению населения на Дальнем Востоке. Проблема заселения, закрепления и воспроизводства населения на Дальнем Востоке России может рассматриваться как одна из наиболее актуальных для долгосрочного прогнозирования процессов экономического развития. Рассмотрение возможных вариантов социально-экономических и технологических сдвигов в регионе не может быть достоверно осуществлено без включения в базу расчетов оценок влияния на развитие демографического фактора.

В среднесрочной и долгосрочной перспективе одним из главных условий развития Дальнего Востока станет сохранение, а в перспективе – рост численности трудовых ресурсов посредством их эффективного внутреннего перераспределения, расширения естественного воспроизводства населения, привлечения и закрепления кадров из других субъектов РФ и зарубежных стран, повышения качества рабочей силы, что требует определенных усилий по развитию социальной инфраструктуры.

Демографический потенциал (включая как количественные, так и качественные характеристики) является фактором, лимитирующим процессы экономического роста в регионе, возможности для формирования новых сегментов в экономической системе, а также модернизации сложившейся структуры. Недостаточное количество населения в регио-

не и его экономически активной части создает проблему дефицита рабочей силы, необходимой для реализации крупномасштабных мероприятий, заложенных в долговременные программы. Особенно важно исследование влияния процессов формирования характеристик народонаселения (с учетом их высокой инерционности) при составлении долгосрочных прогнозов.

Целью развития социальной инфраструктуры является:

- 1) формирование развитой региональной и местной инфраструктуры в области здравоохранения, социальной защиты, образования, культуры, обеспечения досуга;
- 2) повышение доступности специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи,
- 3) создание системы доступного и высококачественного высшего образования,
- 4) обеспечение граждан комфортным жильем и жилищно-коммунальными услугами, преобразование среды проживания населения.

При этом качество и доступность услуг должны превышать среднероссийский уровень – с одной стороны для компенсации неблагоприятных природно-климатических условий проживания населения, с другой – для обеспечения высокого уровня привлекательности региона и роста, в конечном итоге, демографического потенциала и уровня безопасности.

Необходимо проведение систематического углубленного анализа существующего опыта и сформировать представление о пространственной дифференциации социально-экономических условий проживания и миграционной мотивации населения для целей региональной политики по сохранению существующего демографического потенциала и его миграционному приросту, с учетом демографических и миграционных процессов в Северо-Восточной Азии, в этом направлении проводится работа над соответствующими прогнозами, программами и проектами в ряде научных учреждений ДВО РАН.

Для выработки достоверного прогноза социально-экономического развития на долгосрочную перспективу необходимым является исследование формирования характеристик народонаселения региона, включая оценки естественного и механического движения, характеристики формирования человеческого капитала, его соответствия требованиям перспективного развития экономики Дальнего Востока.

Важную роль в развитии социальной инфраструктуры в целом будет иметь реализация проекта ДВО РАН по созданию Технопарка ДВО РАН в сфере высоких технологий, цель которого состоит в предоставлении современной технологической инфраструктуры малым и средним высокотехнологичным компаниям региона и стран АТР для производства конкурентноспособной продукции

Организация технопарка в сфере высоких технологий на территории Приморского края позволит, в том числе, создать новую и развить имеющуюся инфраструктуру для IT – компаний, включая каналы связи с внешним миром, офисные помещения, специализированные лаборатории, общую маркетинговую и коммерческие службы.

Задачи Технопарка:

- Обеспечение благоприятных условий для создания и развития малых и средних инновационных предприятий в области высоких технологий;
- Создание новых рабочих мест для закрепления молодых специалистов;
- Развитие экспортного потенциала высокотехнологичной отрасли;
- Взаимовыгодное сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона;
- Повышение инвестиционной привлекательности региона.

На первом этапе реализации проекта в Приморье будет создано не менее 2 000 рабочих мест. На последующих этапах развития технопарка количество новых рабочих мест увеличится в 2–3 раза.

По оценке специалистов ДВО РАН уже в первый год работы оборот технопарка составит порядка 10,0 млн долларов США с потенциалом дальнейшего роста не менее 50% в год. Объем продаж составит 1 300–1500 млн руб. Требуемый объем инвестиций: 2 560 млн руб.

3. Заключение. В сложных условиях трансформации российской экономики особенно важно сохранить то, что является не только национальным достоянием, но и позволяет России входить в число наиболее развитых стран. Это относится ко многим высоким технологиям и разработкам, созданным в научных учреждениях ДВО РАН.

Научно-технологическая безопасность и дальнейшее развитие наукоемких технологий на основе активизации инновационной деятельности могут быть обеспечены только при мощной государственной поддержке. Должна быть разработана система мер государственного экономического стимулирования инновационных проектов, соответствующих целям политики технологического обновления региональных экономик и общероссийской промышленной политики в целом. Требуется поддержка на законодательном уровне научно-технической и инновационной деятельности в области высоких технологий, конкурентных на внешнем рынке. Для реализации подобной стратегии необходимо не только сохранять, но и укреплять кадровый потенциал науки. Особое внимание должно быть уделено поддержке и достойной оценке созидательной научной и научно-практической деятельности ученых, исследователей, инженеров и специалистов, а также научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций Дальневосточного региона России и в целом научно-технического потенциала страны. Это особенно актуально для

российского Дальнего Востока, численность которого катастрофически сокращается в последние десятилетия. Если этот процесс не остановить, то лет через 15–20 некому будет переоснащать производство, даже если на эти цели будут выделены огромные средства.

Комплекс мер, предлагаемый ДВО РАН для решения проблемы коммерциализации научных знаний и формирования наукоемких отраслей экономики Дальневосточного региона России, должен включать следующие приоритетные направления:

- Создание и развитие центров высоких технологий в системе ДВО РАН и высших учебных заведений края;
- Разработка научно-технического обоснования по созданию в Приморском крае особой экономической зоны технико-внедренческого типа (ТВ ОЭЗ), приоритетами которой будут являться биотехнологии, фармацевтика и нанобиомедицина, информационно-коммуникационные и электронные технологии;
- Разработка региональной целевой программы «Формирование и развитие приоритетных направлений наукоемких отраслей экономики в в Дальневосточном регионе России (2011–2020 гг.)»;
- Организация и развитие на территории Приморского края фармацевтического производства на основе наукоемких биотехнологий;
- Совершенствование нормативно-правового регулирования и поддержки развития наукоемких производств в регионе, с этой целью необходимо разработать проекты закона Приморского края «О формировании системы региональных и ведомственных заказов на наукоемкую продукцию», «Положения о малых инновационных наукоемких предприятиях и центрах высоких технологий»; дополнений и поправок в таможенное законодательство для реализации задач ТВ ОЭЗ, направленных на стимулирование и ускоренное развитие инновационных процессов в крае; предусмотреть законодательное закрепление права и возможности сдачи в аренду на льготных условиях помещений академических НИИ наукоемким предприятиям, организованным в рамках Федерального Закона от 02.08.2009 № 217-ФЗ;
- Создание при Администрации Приморского края Координационно-экспертного совета по поддержке развития инновационной экономики и наукоемких производств;
- Разработка новых образовательных программ и системы подготовки кадров нового типа для обеспечения наукоемких отраслей экономики высококвалифицированными специалистами.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает создание Технико-внедренческой особой экономической зоны на территории Приморского края, которая

явится эффективной точкой роста малых наукоемких инновационных производств в регионе.

В качестве приоритетных задач ТВ ОЭЗ должны быть определены:

- создание и реализация наукоемкой инновационной продукции в области биотехнологий и фармацевтики, нанобиомедицины и IT-технологий, сельскохозяйственной и рыбохозяйственной отраслей, доведение ее до промышленного применения, включая изготовление, испытание и реализацию опытных партий;

- привлечение и концентрация национальных и зарубежных инвестиций в инновационные проекты, создаваемые в технико-экономической зоне;

- разработка поправок в таможенное законодательство, направленных на стимулирование и ускоренное развитие инновационных процессов и упрощающих ввоз в регион современных технологий и не производимых в стране комплектующих технологической и приборно-инструментальной базы, и внесение их на обсуждение в Законодательное собрание Приморского края.

- формирование в крае ТВ ОЭЗ будет способствовать реализации ряда инновационных проектов, направленных на развитие наукоемких производств в области биотехнологий, фармацевтики, IT-технологий, таких как:

- создание малого фармацевтического предприятия на основе наукоемких биотехнологий, с целью обеспечения населения края жизненно необходимыми и важнейшими современными лекарственными средствами;

- создание и развитие Технопарка ДВО РАН в сфере высоких технологий, цель которого состоит в предоставлении современной технологической инфраструктуры малым и средним высокотехнологичным компаниям региона и стран АТР для производства конкурентноспособной продукции;

- реализация пилотного проекта «Морской биотехнопарк «Островной» при участии Научно-образовательного комплекса «Приморский океанариум» ДВО РАН, цель которого состоит в создании высокотехнологичной инфраструктуры с комплексами по глубокой безотходной переработке морского биологического сырья и выпуску широкой гаммы продукции различного назначения.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 1
«СТРАТЕГИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА»

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Авербух А. Б.

**ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО
ПАРТНЕРСТВА КАК ОПТИМАЛЬНОГО ПРЯМОГО
МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СОБСТВЕННОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА**

Управление государственной собственностью в условиях кризиса – одна из сложных и мало разработанных проблем в экономической науке. Тем не менее, проблема формирования оптимальных экономических механизмов ее хозяйственного использования в различных видах промышленной деятельности является важнейшей. Как показывает анализ заявлений крупных региональных лидеров, стратегическими аспектами являются модернизация и «прорыв» российской экономики (табл. 1).

Таблица 1

Стратегические аспекты промышленного развития Хабаровского края

Отрасль	Субъекты ГЧП	Стратегическая цель	Результативность
Машиностроение	ОАО «КнААПО», федеральное и региональное правительства, ГК «РоснаноТех» и др.	Создание модифицированного многофункционального самолета СУ-35 и истребителя пятого поколения, выпуск более 100 авиалайнеров и формирование ниши на внешнем рынке.	Производство региональных пассажирских самолетов Sukhoi SuperJet-100 (SSJ 100) как для внутреннего, так и для внешнего рынка

Отрасль	Субъекты ГЧП	Стратегическая цель	Результативность
Судостроение	ОАО «Дальневосточный центр судостроения и судоремонта». «Хабаровский судостроительный завод», акционерные предприятия Минобороны РФ, Газпромбанк, и др.	Возрождение отрасли. Модернизации судостроительных мощностей и обеспечение их заказами как военного, так и гражданского назначения.	Производство современных корветов для ВМФ, судов для нужд Газпрома, Совкомфлота, Росрыболовства, десантных кораблей на воздушной подушке для инозаказчиков.
Ресурсодобывающая промышленность	Компания «Полиметалл» – крупнейший производитель серебра в РФ, завершила технико-экономическое обоснование проекта освоения золоторудного месторождения «Албазино».	Кардинальное повышение эффективности использования природных ресурсов. Проекты инновационного развития добычи драгоценных металлов. Привлечение инвестиций в добывающие отрасли («Полиметалл» вложит в «Албазино» 219 млн долл.).	Горно-обогатительный комбинат проектной мощностью 4,5 тонны золота в год и гидрометаллургический завод в г. Амурске по переработке золоторудного концентрата с Албазинского комбината, ввод в эксплуатацию запланирован в 2011 году.
Лесопромышленный комплекс	Федеральное Правительство, Правительство Хабаровского края, частный бизнес (ООО «Аркаим» и др.)	На среднесрочный период планируется опережающее развитие перерабатывающих производств. В долгосрочной перспективе планируется строительство целлюлозно-бумажного производства в г. Амурске мощностью 700 тыс. тонн целлюлозы в год.	5 деревоперерабатывающих предприятий. Рост заготовки древесины в 1,5 раза по отношению к 2009 году, переработки круглых лесоматериалов в 4,5 раза, отходов лесопиления и лесозаготовок. Объем инвестиций составит более 62 млрд рублей.

Рыбопромышленном комплексе	Правительство Хабаровского края, частный бизнес	Воспроизводство лососевых и осетровых видов рыб в р. Амур.	Строительство пяти рыбообразованных заводов увеличение объема рыбопродукции ежегодно на 4–6%.
Металлургия	ОАО «Амурметалл»	Завершение программы модернизации и реконструкции производства.	Увеличение объема выпуска стали, повышение доли продукции высокой степени передела.

Модернизация и «прорыв» российской экономики возможен только на современном технологическом уровне. Это невозможно сделать без восстановления промышленного потенциала страны и ее регионов. Структура промышленного комплекса Хабаровского края представлена на рисунках 1 и 2.

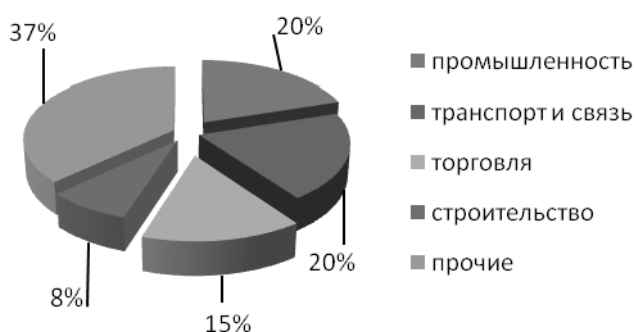

Рис. 1. Структура регионального ВРП по видам деятельности

Источник: [2].

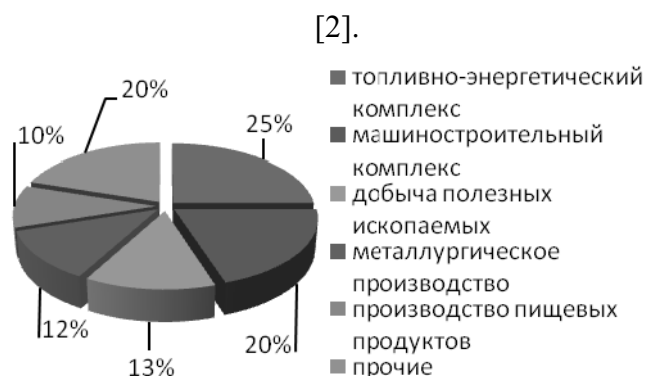

Рис. 2. Структура промышленного комплекса Хабаровского края

Источник: [2].

Как показывает хозяйственная практика, материальной основой возрождения промышленности в крае является федеральная и региональная государственная собственность. Применяемый механизм софинансирования модернизации и реконструкции старых и строительства новых предприятий с участием бизнеса признается эффективным экономическим механизмом. Поэтому целью данной статьи является идентификация природы, условий, факторов и форм участия (подклассов экономических механизмов) бизнеса и некоммерческих организаций, критериев их оптимальности в формировании и реализации стратегии промышленной политики региона. Объектом исследования является государственно-частное партнерство (ГЧП) как инструмент формирования и реализации промышленной политики субъекта РФ. Предметом исследования выступает совокупность отношений собственности, формирующаяся в процессе взаимодействия государства и частного сектора.

Условием возникновения ГЧП для достижения стратегических целей является недостаточность ресурсов и фондов ни у одного из его потенциальных участников. Рассмотрим субъектную структуру ГЧП. Прежде всего, это органы государственной власти и органы местного самоуправления, так как государство в случае совпадения интересов федеральной и региональной политических элит может выступить в качестве основного инвестора, который руководствуется государственными интересами. Потенциальными участниками являются коммерческие организации, которые представлены в регионе крупными зарубежными компаниями и российскими корпорациями, включая ОАО со значительной долей государственного капитала, а также малый и средний инновационно активный бизнес. Факторами, которые влияют на эффективность ГЧП, выступают: 1) институциональная среда, под которой понимаются политические, организационные, нормативно-правовые, методические условия хозяйствования в регионе; 2) ресурсы – совокупность климатических и географических условий для хозяйственной деятельности, степень обеспеченности ресурсами субъектов управления и частного сектора, необходимыми для реализации промышленной политики и т. д.; 3) субъективно-психологические (степень субъективно-психологической и экономической готовности субъектов частного сектора к участию в разработке и реализации промышленной политики региона).

В исследованиях российских ученых традиционными формами ГЧП в РФ признаются: совместное участие в реализации инвестиционных проектов; заключение концессионных соглашений; заключение договоров о развитии застроенных территорий; участие в хозяйственных обществах; заключение соглашений с территориальным общественным самоуправлением о выполнении работ и услуг; заключение соглашений о сотрудничестве и др. [1].

Материальной основой ГЧП выступают приватизация госсобственности, аренда государственной недвижимости, договор коммерческой концессии, государственный заказ, региональные банки, бизнес-инкубаторы, промышленные кластеры, кредитование частного бизнеса под гарантии органов власти субъектов РФ, фандрайзинг, проектное финансирование, аутсорсинг, участие в финансировании экспортно-импортных операций и инвестиционных программ холдингов, оказание консультационные услуги, в том числе, в области финансовой оценки и экспертизы и др. К формам общественного контроля ГЧП относят общественные слушания. Участниками выступают представители основных заинтересованных сторон: органы государственной и местной власти, ответственные за промышленную политику, органы государственной власти, ответственные за тарифную политику, государственные органы контроля и надзора, в том числе по вопросам экологии, ключевые поставщики, СМИ, деловые объединения и ассоциации, банки, крупные потребители, общественные организации, в том числе экологические, по защите прав потребителей, благотворительные организации и др.

При определении критериев результативности ГЧП сошлемся на критерии, предложенные еще в 1997 году американским ученым Джоном Элкингтоном. Они, получили название «тройного практического результата» (или «тройной основной линии», или «тройного критерия»). Согласно Элкингтону результативность вклада бизнеса в развитие общества можно оценить в трех аспектах: 1) экономическом – улучшение качества и объемов товара, предоставляемых услуг и работ, реализация проектов; 2) социальном – обеспечение доступности товаров и услуг для населения; 3) экологическом – обеспечение защиты окружающей среды, минимизация рисков неблагоприятного воздействия на природу, рациональное природопользование. В нашей гипотезе воспользуемся методом «издержек и выгод».

Пусть $RГ,Экон$, $RГ,Соц$, $RГ,Экол$ – экономическая, социальная и экологическая выгода соответственно, приобретаемая государством за счет участия в ГЧП; $RК$ и $RНК$ – прибыль коммерческих и некоммерческих организаций за счет участия в ГЧП. Тогда использование механизма ГЧП возможно только в том случае, когда $RК > 0$, $RНК > 0$, т. е. организации, входящие в ГЧП, получают прибыль. При этом государство должно получать совокупную выгоду государства $RГ(RГ,Экон, RГ,Соц, RГ,Экол) > 0$. Если хотя бы одно из этих условий не будет выполняться, то механизм ГЧП будет не эффективен и сложиться не должен. То есть, если коммерческая организация понесет убытки в результате участия в ГЧП, то она естественно от этого участия откажется. Аналогичным образом от участия в ГЧП откажутся некоммерческие организации и должно отказаться государство. Оптимальным механизмом ГЧП мы будем считать тот механизм, который дает максимальную

выгоду всем сторонам при их минимальных издержках. Тогда критериями оптимального ГЧП будут: 1) максимизация $RГ$; 2) максимизация $RК$; 3) максимизация $RНК$. Существуют шесть основных моделей развития ГЧП, основанных на приведенных выше критериях:

«Неэффективное ГЧП». Ситуация, в которой не выполняется хотя бы один из критериев эффективности, т. е. ГЧП не приносит выгод хотя бы одному из участников ГЧП. В данной ситуации наиболее вероятным исходом будет либо отказ стороны, терпящей убытки от участия в ГЧП, или ее выход из ГЧП, то есть при осуществлении данного сценария наиболее вероятным и логичным будет либо отказ от участия в ГЧП, либо его распад в процессе существования.

«Эффективное ГЧП» или «равновесное ГЧП». Ситуация, в которой механизм ГЧП будет эффективен, но ни один из участников ГЧП не может достичь максимизации своих выгод, т. е. в данной ситуации выполняются критерии эффективности ГЧП и ни для одной из сторон не выполняются критерии оптимальности ГЧП. Данная ситуация представляется наиболее часто встречающейся. В этой ситуации участникам удастся договориться об участии в ГЧП и установить нормы выгод и издержек для каждой стороны.

«Государственное ГЧП». Ситуация, в которой государству удастся минимизировать свои суммарные издержки и максимизировать свои суммарные выгоды. Речь идет о государственных корпорациях. В данной ситуации должны выполняться критерии эффективности ГЧП и критерий оптимальности ГЧП для государства (1). Реализация данного сценария должна быть приоритетной задачей государства.

«Коммерческое ГЧП». Ситуация в которой коммерческим организациям удастся минимизировать свои суммарные издержки и максимизировать свои суммарные выгоды. В данной ситуации должны выполняться критерии эффективности ГЧП и критерий оптимальности ГЧП для коммерческих организаций (2). Реализации данного сценария должен добиваться бизнес, основной задачей которого является максимизация собственной прибыли, даже в ущерб остальным участникам ГЧП. На практике же, реализация данного сценария возможна при наличии коррупционной составляющей или банальной глупости чиновников, отвечающих за формирование ГЧП со стороны государства.

«Некоммерческое ГЧП». Ситуация в которой некоммерческим организациям удастся минимизировать свои суммарные издержки и максимизировать свои суммарные выгоды. В данной ситуации должны выполняться критерии эффективности ГЧП и критерий оптимальности ГЧП для некоммерческих организаций (3). Данный сценарий практически не встречается, т. е. такая ситуация может возникнуть только в том случае, когда выгода некоммерческой организации дискретна, т. е. она либо есть (все цели достигнуты), либо ее нет (цели не достигнуты).

«Оптимальное ГЧП». Ситуация в которой выполняются все критерии эффективности и оптимальности ГЧП (практически недостижима).

Виды государственной поддержки развития ГЧП в Хабаровском крае

- субсидии на возмещение части затрат или недополученных доходов, в том числе связанных с тарифным регулированием цен на товары (работы, услуги) и реализацией партнером товаров (работ, услуг) по установленным соглашением о публично-частном партнерстве ценам (тарифам);
- предоставление государственных гарантий Хабаровским краем;
- предоставление налоговых льгот или «налоговых каникул»;
- размещение государственного или муниципального заказа на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд;
- реализация имущественных прав Хабаровского края;
- иные формы в соответствии с законодательством Российской Федерации, Хабаровского края, и муниципальными правовыми актами.

Предложения:

- обязательное заключение и документальное оформление соглашения о ГЧП всеми заинтересованными сторонами (стейкхолдерами);
- при вступлении (входе) в ГЧП должны нормироваться выгоды (в виде прибыли) и издержки всех участников ГЧП;
- в соглашении должны быть жестко определены условия входа и выхода из ГЧП, а также предусмотрены формы ответственности участников ГЧП за нарушение договоренностей и принятых на себя обязательств;
- необходимо введение постоянного мониторинга ГЧП для предотвращения развития ГЧП по 4 сценарию. Это – неоптимальный механизм, так как он не отвечает критериям его результативности.

Список литературы:

1. Государственно-частное партнерство: теория и практика. / В.Г. Варнавский, А.В. Клименко, В.А. Королев и др. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
2. *Шпорт В.И.* Стратегия развития Хабаровского края // Федеральный справочник. 2010. Том № 23. – <http://federalbook.ru/news/analytics/2.06.2010.html>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Басенко С.Г., Гнездилов Е.А.

**ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРА-
ТЕГИИ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Разработку стратегии долгосрочного развития макрорегионов страны можно выполнять лишь в рамках государственного регулирования, основанного на принципах сохранения целостности экономического пространства государства и единой методологии планирования и прогнозирования. Государственное регулирование экономики в определенных масштабах и направлениях присуще любой экономической системе как на национальном, так и на региональном уровнях. Нерегулируемой национальной экономики нет в современном мире ни в одной стране да и не было практически никогда.

Опыт ведущих западных государств, а также практика последнего десятилетия стран АТР свидетельствует, что в условиях острой экономической ситуации необходимость в более сильном государственном руководстве и даже применении прямых административных методов возрастает.

Современное состояние российского национального хозяйства и определенные центральной властью задачи долгосрочного развития Дальнего Востока и его интеграции в экономику АТР вполне оправдывают предлагаемые авторами принципы нормативного обеспечения инвестиционных программ капитального строительства – важнейшей и наиболее капиталоемкой отрасли, практически обеспечивающей реализацию всех планов и эффективность стратегии в целом.

Методологической основой обеспечения стратегии долгосрочного развития всего макрорегиона могут стать методы прямого и косвенного воздействия властных структур по следующим основным направлениям:

– стимулирование приоритетных отраслей, обеспечивающих экономическую безопасность восточных территорий страны (на базе целевых программ, госзаказов, льгот и др.);

– приоритетное усиление социальной направленности всех дальневосточных целевых программ как основы сохранения проживающего и привлекаемого населения;

– отказ от практики «сбрасывания» финансового обеспечения реформ в социальной сфере на местные бюджеты дальневосточных территорий в ближайшие 10–15 лет;

– организация и практическая реализация государственного регулирования регионального развития на основе формирования обоснованной и ясной региональной политики государства.

В условиях огромных пространств Дальнего Востока, крайне недостаточной транспортной освоенности территории (особенно северо-восточных районов), разного уровня экономического и социального развития и различных задач функционирования хозяйств (для одних – развитие, для других – «выживание») – нет и не может быть одинаковой структуры региональной социально-экономической политики.

Формирование новой концепции стратегии долгосрочного развития Дальнего Востока непосредственно должно быть связано с установлением места, роли и содержания планирования расширенного воспроизводства отраслями в механизме хозяйствования в регионе. Практика управления инерционным хозяйством российских регионов показывает, что существенные изменения в структуре экономики и его социуме могут быть получены за период 25–30 лет.

В настоящее время особо видна возрастающая стоимость прошлых ошибок при разрешении перспективных и масштабных проблем краев, областей и городов (пример – проблемы моногородов) Во многом они обусловлены потерей в прошлом социальных ориентиров, общей логики, закономерностей развития регионов. Восстановление практики разработки индикативных и программных документов на качественно новой основе может значительно повысить обоснованность стратегии развития региона и его важнейших отраслей; обеспечить социально-экономическую устойчивость регионального хозяйства.

Формирование программ регионального развития методологически предлагается осуществлять в несколько этапов:

- комплексный анализ социальной и экономической ситуации в регионе (анализ состояния основных элементов и взаимосвязей внутри региона и с внешней средой);
- прогноз развития ситуации (мониторинг, выявление и прогноз развития тенденций изменения состояния элементов региона);

- целеопределение (определение системы целей, установление их приоритетов, разработка концепции развития региона как социально-экономической системы);
- проблематизация (выявление, диагностика, формулировка основных региональных проблем, определенных в концепции развития региона);
- программирование (разработка комплекса вариантов программ регионального развития в соответствии с концепцией развития);
- оргпроектирование (разработка организационных проектов и организационных планов реализации программ).

Каждый этап содержит собственные процедуры и порядок анализа и прогноза ситуации, а также проработку специфических региональных проблем. Завершается весь процесс выбором и обоснованием методов и механизмов реализации программ регионального развития.

Авторами на примере дальневосточных регионов рассмотрены результаты неблагоприятного инвестиционного климата в стране и выявлены общие негативные закономерности социально-экономических процессов в регионах ввиду отсутствия действенной региональной инвестиционной политики на федеральном уровне и обоснован вывод о том, что главной целью этой политики должно стать обеспечение нормативов необходимых условий жизнедеятельности проживающего в регионе населения.

При анализе прогнозных предплановых разработок, выполненных для административно-территориальных образований Дальнего Востока, в качестве ориентира социальных нормативов использовались средние по Российской Федерации нормы обеспеченности жильем (в кв. м. общей площади на одного жителя) и другими объектами социальной сферы (в принятых натуральных показателях мощности, посещениях, койко-местах и др. на 1000 жителей) На основе расчета сложившегося несоответствия и перспективной потребности сформирована инвестиционная программа строительства жилья и объектов социально-культурной сферы. При этом было обосновано, что обеспечение требуемых условий жизни людей в районах нового освоения территорий может быть достигнуто, если капитальные затраты в социальную сферу будут составлять не менее 40% всей суммы инвестиций. На практике же на Дальнем Востоке за прошедшие десятилетия из общего объема инвестиций в создание объектов социальной инфраструктуры было направлено, как показали наши исследования, немногим более 17%, что прямо сказалось на качестве жизни дальневосточников, значительно отстающего от европейской части страны. В этом и состоит главнейшая причина массового оттока населения из районов Дальнего Востока в настоящее время.

Из общей совокупности негативных региональных факторов, влияющих на социальные и экономические процессы в регионе, выделены отдельные классификационные группы – подмножества, объединенные по одному или нескольким признакам и классифицированные по характеру распространения по зонам региона и степени воздействия на увеличение стоимости жизни в дальневосточных регионах, и соответственно рост стоимости объектов социальной инфраструктуры.

Апробация результатов исследований и предложений на материалах Приморского края подтвердила возможность и целесообразность применения предложенного методического аппарата формирования инвестиционных программ социального развития региона.

Научно обоснованные социальные нормативы (в том числе жильем и объектами социально-культурной сферы) должны быть дифференцированы не только на региональном, но и на внутрирегиональном уровне с учетом всех социально-экономических национально-бытовых, экономико-географических и других условий. Именно такие нормативы должны лежать в основе формирования региональных программ и стратегии долгосрочного развития Дальнего Востока. Авторами разработана и предложена технология (последовательность и состав) методического, нормативного и информационного обеспечения процесса формирования региональных инвестиционных программ для развития социальной инфраструктуры. Особенность этой программы состоит в том, что она определяет лишь возможные приоритетные стратегические направления социального развития региона и должна носить ранжированный характер их осуществления.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Васильковский А.В., Гнездилов Е.А.

**ПРОБЛЕМА МОНОГОРОДОВ В ДОЛГОСРОЧНОМ РАЗВИТИИ
РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

На территории Дальнего Востока исторически возникло множество «очаговых» поселений, с монопрофильными сферами деятельности, либо попросту моногородов. Их особенностью является значительная зависимость бюджета моногородов от деятельности одного (или нескольких) крупных предприятий, низкая диверсификация сфер занятости населения, значительная удаленность моногородов от других населенных пунктов, их закрытость (в случае с военными городами и предприятиями).

Как итог, Россия сейчас имеет на Дальнем Востоке множество городов с устаревшей инфраструктурой и жителями, оказавшимися в «ловушке» этих городов. Речь идет в первую очередь о городах, в которых располагаются предприятия машиностроительного комплекса. Не менее остро проблема стоит с чисто сырьевыми городками и поселками, но там хотя бы более-менее очевидно – на основе чего и какие принимать решения (количество оставшихся залежей сырья, рентабельность его добычи, стоимость переселения и наличия мест для переселения, потребность в освоении новых месторождений, необходимость переквалификации жителей и т. д.).

На все эти проблемы накладываются такие глобальные проблемы и вызовы, стоящие перед Дальним Востоком России как:

- разбалансированность экономики (ее сырьевая направленность), слабо развитая и устаревшая транспортная инфраструктура;
- нерациональное использование уникальных природных ресурсов и возникающие в виду этого экологические проблемы;
- демографические и миграционные проблемы;

- социальная напряженность;
- внешнеполитические риски.

Таким образом, очевидно, что проблема депрессивных моногородов является фактором, который в долгосрочной перспективе значительно повлияет на развитие не только Дальнего Востока, но и всей России. Это вызывает следующие вопросы:

Имеет ли смысл модернизация и сохранение этих производств с экономической точки зрения в долгосрочной перспективе? Нужен ли стране ВПК Дальнего Востока в его нынешнем виде?

Как проблемы моногородов и пути их решения повлияют на численность населения Дальнего Востока в долгосрочной перспективе? Нужно ли сохранять население моногородов или способствовать его переезду на запад России?

Возможно ли повторить переселенческую практику на Дальний Восток, осуществленную в России в начале XX века, и каких реальных затрат это потребует в настоящее время?

Какой человеческий капитал необходим для функционирования и развития Дальнего Востока? Соответствуют ли вложения по привлечению человеческого капитала на Дальний Восток получаемым результатам?

На эти вопросы пока что нет ответов. Поэтому с точки зрения разработки концепции долгосрочного развития Дальнего Востока России, необходимо определить стратегию и приоритетные направления развития моногородов. Важно определить конкретные преимущества, которыми обладают или могут обладать моногорода.

Любое производство строится на технологии. Технология есть формализованный способ производства чего-либо. Если нет технологий, то нет возможности создавать определенную вещь. И, следовательно, остается два пути – покупать данные вещи где-то, или обходиться без них. Модернизация любой из сфер деятельности человека, в том числе и экономики, ставит своей целью усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами. Это возможно только при условии, что имеется достаточное количество людей с «определенными качествами» (специалистов) для выполнения конкретных задач по модернизации и дальнейшей эксплуатации модернизированных объектов. Таким образом, встает вопрос о соответствии существующих гуманитарных технологий – формализованном способе производства какого-либо специалиста заданного качества, поставленным задачам. Ведь инновационная экономика и общество подразумевают постоянное и непрерывное совершенствование существующих и разработку новых технологий, техники, продукции и самосовершенствование непосредственных исполнителей, разработчиков и руководителей. Достигнуть этого

без высококвалифицированных кадров не удалось еще никому, и именно проблема наличия собственных специалистов всегда являлось главной проблемой, встающей при модернизации для любой страны мира. Следовательно, одной из основных задач модернизации является поиск квалифицированных специалистов и развитие гуманитарных технологий, способных в долгосрочной перспективе поставлять необходимые человеческие кадры в достаточных количествах на постоянной основе. И начинать надо с этого. Невозможно модернизировать экономику и надеяться на инновационный прорыв, не имея ученых, новаторов и людей способных воплотить их идеи.

Именно поэтому главной ценностью депрессивных моногородов являются квалифицированные кадры, проживающие в этих городах (особенно это касается моногородов ВПК). В случае с военными производствами их важность увеличивается и приобретает фактор стратегической безопасности страны, как носителей уникальных и секретных знаний о военных технологиях.

Начинать любую деятельность необходимо с оценки наличного человеческого капитала и анализа его пригодности для поставленных долгосрочных задач модернизации, а не с оценки состояния инфраструктуры и прочих финансовых показателей. Ведь как показал отечественный опыт, вложения в модернизацию инфраструктуры без наличия людей способных создать и в дальнейшем совершенствовать что-то на этой базе, являются бессмысленными (в лучшем случае получится копия уже существующего производства, без долгосрочных перспектив конкурентоспособности). Поэтому не стоит обольщаться грандиозными инфраструктурными проектами, которые уже начаты или планируются – своих целей они могут и не достигнуть.

Также нужно четко осознавать, что модернизация производств и внедрение новых «ноу-хау» возможно только на основе инновационных технических проектов, которые должны оцениваться техническими специалистами, а не различного рода чиновниками и экономистами, как это происходит сейчас. Они не в состоянии оценить конкурентные преимущества и недостатки новой техники или технологии с точки зрения производства и ее дальнейшие перспективы.

И здесь могут быть крайне полезны технические специалисты из моногородов. Хотя человеческий капитал моногородов неизбежно подвергнется «коррозии» в виду разных причин, но еще остались специалисты с ценными знаниями, опыт которых должен быть сохранен и использован при долгосрочном планировании и разработке инновационных проектов. В частности этот опыт может оказаться очень ценным при экспертизе технических инновационных проектов, которые должны будут «перезагрузить» перспективные моногорода. Так же их опыт может быть полезен для совершенствования методологии

оценки проектной эффективности НИОКР в инновационных системах производства. Ну и, конечно же, непосредственно в предоставлении новых технических решений и разработке новых отечественных гуманитарных технологий.

Задача же экономистов и чиновников – свести издержки от неизбежных «неверных поворотов», сделанных техническими специалистами к минимуму, максимально упростить путь и сократить сроки внедрения новых «ноу-хау», а также помочь промышленникам и перспективным новаторам в поиске денег для внедрения и апробации новых идей. Кроме того, экономисты должны обратить пристальное внимание на совершенствование методов оценки человеческого капитала и расчета эффективности инвестиций в человеческий капитал, в первую очередь для выбора наиболее эффективных гуманитарных технологий.

Только при условии выполнения этих условий, можно говорить о перспективах модернизации страны в целом и моногородов в частности. Но при этом нужно помнить, что у России, возможно, уже не осталось времени на подготовку и приготовления к непосредственной модернизации моногородов. Либо модернизация моногородов начнется в ближайшие годы, либо, скорее всего уже никогда. При этом финансовые и технические риски значительны, инвестиции в моногорода крайне рискованны. Поэтому часто появляются предложения строить новые производства с нуля в других местах, вместо того чтобы модернизировать и диверсифицировать уже существующие расположенные не в самых удачных местах. Отдаленность от рынков сбыта и связанные с этим трудности, делает большинство видов продукции, созданных на территории региона неконкурентоспособными в виду высокой стоимости транспортировки и слабой развитости транспортной системы Дальнего Востока.

Впрочем, тогда уже можно говорить не о модернизации, а о новой индустриализации. И при том, что риски у такого подхода меньше, они все равно останутся значительными. Но при этом значительно острее встанет вопрос, что делать с оставшимися людьми и закрывшимися производствами моногородов.

Численность населения на Дальнем Востоке всегда было делом государственной безопасности и национальных интересов, со времен Российской Империи. На территории в 6169,3 тыс. км² крайне богатой природными ресурсами сейчас проживает всего 6,5 млн человек. На всем Дальнем Востоке России, превышающем площадь Европы, проживает в 1,5 раза меньше жителей, чем в Москве. К 2025 г. численность населения может опуститься до 4,7 млн чел. А к 2050 г. при неизменности сложившейся демографической ситуации на Дальнем Востоке число жителей может составить всего порядка 3,5–4 млн чел. И сокращение численности населения за счет закрытия моногородов явно не поспособствует

улучшению демографической ситуации. При том что затраты на привлечение населения в будущем могут быть выше – чем затраты на его удержании сейчас.

Сейчас Россия является заложницей ситуации, когда создание новых производств на Дальнем Востоке зачастую происходило больше не в виду его целесообразности, а в виду необходимости создания рабочих мест для увеличения численности населения Дальнего Востока, из-за постоянных внешнеполитических рисков (фактически на случай войны) и необходимости освоения огромных территорий. Проблемы внешнеполитических рисков и освоения огромных территорий никуда не исчезли. Вопрос о моногородах на Дальнем Востоке все так же носит не только экономико-социальный характер, но и затрагивает вопросы национальной безопасности.

Таким образом, будущее Дальнего Востока не в последнюю очередь будет зависеть от того удастся ли достигнуть поставленных Президентом России стратегических целей по модернизации экономики России, и качеству воплощения в жизнь конкретных пунктов «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». Очевидно, что создание и модернизация производств на Дальнем Востоке будут затруднены серьезным противодействием и конкуренцией оказываемой странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь Китаем, Японией и Республикой Корея. Именно поэтому проблема моногородов Дальнего Востока должна решаться в рамках глобальной государственной стратегии модернизации экономики страны, ведь без государственной поддержки победа в этой борьбе невозможна.

Список литературы:

1. Моногорода и градообразующие предприятия. Аналитический доклад ООО «СоИнвест – Союз Инвесторов».
2. Проблемы национальной безопасности на Дальнем Востоке // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2005. – № 28 (280).
3. Рабочие материалы круглого стола «Подходы к формированию долгосрочных инструментов развития монопрофильных городов». – М.: Институт региональной политики при Министерстве регионального развития, 2009.
4. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ 08.12.2009 № 2094-р.
5. *John Garner*. The Company Town: Architecture and Society in the Early Industrial Age. – USA, Oxford University Press, 1992.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Величко А. С.

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ И
ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Протяженный, разреженный характер транспортной сети и мест размещения производств и ресурсов, мест проживания людей на Дальнем Востоке РФ в отличие от центральной части РФ, стран Европейского Союза и США обосновывает важность анализа особенностей транспортной сети и ее возможностей по обеспечению эффективного функционирования региональной экономики в современных рыночных условиях.

Транспортные системы в современных условиях характеризуются независимым некооперативным поведением большого количества разнородных экономических субъектов, реализующих свои индивидуальные интересы, совместно использующих сеть автомобильного, воздушного, трубопроводного, морского, железнодорожного транспорта, как для грузовых, так и для пассажирских перевозок. Обеспечивать безопасность функционирования таких сложных объектов нормативным образом, то есть только в рамках подхода оптимального планирования, в современных условиях не представляется возможным, поскольку задержки транспорта, простои грузов и пассажиров приводят к потерям доходов экономических агентов.

В современных рыночных условиях функционирования региональной экономики задачи выявления «узких мест» транспортной сети, оценки тесноты экономических связей между регионами с учетом транспортной сети, оценки влияния технологических факторов и внешнего влияния мирового рынка через экспортно-импортные потоки продуктов отраслей на структуру межрегиональных взаимосвязей, осуществляемых посредством транспортной сети региона, вызывают необходимость экономико-математического моделирования за невозможностью проведения «натурного эксперимента». Требуются новые подходы к решению подобных задач в условиях рыночного, «равновесного», а не норма-

тивного планирования, а решение подобных задач для региона Дальнего Востока РФ, и в частности для отдельных краев и областей, представляет собой практическую целесообразность и актуальность.

Равновесное математическое моделирование для транспортных систем получило развитие в мировой науке, начиная с пионерских работ 1952–1962 гг. Wardrop, Beckmann, Downs. К середине 1960-х гг. теория таких задач была систематизирована в работе Хейта, а затем к концу 1970-х гг., с учетом новых исследований, в работе Стенбринка, эти две работы были переведены на русский язык и изданы в СССР.

Современные труды по математической теории транспортных потоков рассматривают транспортную систему как сложную коммуникационную систему с большим количеством независимых некооперирующихся пользователей сети. Математические постановки возникающих задач имеют вид оптимизационных задач и вариационных неравенств. В долгосрочном периоде возникают задачи перспективного развития сети и стратегического планирования при размещении производств и мест проживания людей. Принцип равновесия в таких системах, сформулированный Wardrop, заключается в том, что самоорганизующиеся потоки стремятся так распределиться по транспортной сети, чтобы достичь положения, в котором ни один едущий не может уменьшить время своей поездки в результате изменения маршрута. Пользователи сети выбирают пути между каждой парой районов так, что издержки перемещения по всем используемым путям оказываются равными и ни один из неиспользуемых путей не имеет меньших издержек.

Исследователями международной торговли и региональной экономики развивался подход гравитационного моделирования к объяснению экспортно-импортных потоков товаров и услуг в рамках многопродуктовой задачи определения равновесных потоков на сети и классической теории общего экономического равновесия Вальраса.

Работы таких зарубежных авторов как Baldwin R., Forslid R., Fujita M., Krugman P., Ottaviano G., Puga D., Robert-Nicoud F., Thisse J.-F., Venebles A. направлены на изучение особенностей пространственного размещения производств и транспортных издержек в региональном и международном разрезе и анализу причин возникновения агломераций. Пол Кругман, принадлежащий к неокейнсианской школе экономической теории, известен своими исследованиями в области международной торговли, региональной и пространственной экономики. Его научные работы, в частности широко известная работа «Пространственная экономика: города, регионы и международная торговля» посвящены развитию современного направления экономико-математического моделирования как «новая экономическая география». 13 октября 2008 г. премия Банка Швеции памяти Альфреда Нобеля по экономическим наукам за 2008 год присуждена профессору Принстонского универ-

ситета США Полу Кругману именно «за анализ торговых моделей и мест расположения экономической активности».

Вильсоном был разработан общий подход энтропийного моделирования для учета неполноты информации в применении к равновесному моделированию для коммуникационных систем, который был использован для моделирования межрегиональных многопродуктовых и межотраслевых потоков продуктов, размещения производств и задачам максимизации полезности. В работе Вильсона гравитационная модель для потоков оказалась естественным следствием применения принципа максимизации энтропии.

Моделирование межрегиональных потоков в межотраслевой постановке было предложено В.В. Леонтьевым в 1963 г.

Подход Вильсона и Леонтьева в дальнейшем развивался Бойсом и другими исследователями для практических приложений к транспортной системе США с учетом конкретной конфигурации транспортной сети и многомодальности потоков (перевозок различными видами транспорта). В советской транспортной науке энтропийный подход широко использовался для планирования застройки городов и размещения производств. В работах российских исследователей (Лившиц В.Н., Левит Б.Ю., Персианов В.А., Попков Ю.С., Сильянов В.В., Федоров В.П., Шмульян Б.Л. и др.) проводится системный анализ процессов управления и планирования транспортных потоков в экономике СССР.

В результате практического применения используемых моделей для реальных транспортных сетей исследователи столкнулись с несколькими теоретическими и практическими трудностями.

Во-первых, для транспортных систем было показано, что, так называемый «системный эффект» от равновесного распределения потоков на всей сети, оцениваемый суммарной стоимостью равновесных потоков, не обязательно совпадает с нормативным распределением, получаемым в результате оптимального планирования потоков. В литературе этот эффект назван парадоксом Пигу-Найта-Доунса. Другая особенность задач равновесного моделирования транспортных потоков состоит в эффекте возможного ухудшения суммарной стоимости равновесных потоков при росте размеров сети, получивший название парадокс Брайеса.

Данные парадоксы связаны с наличием независимости и некооперативности действий агентов, использующих транспортную сеть, что не учитывается в рамках нормативных оптимизационных моделей.

Во-вторых, поскольку транспортная сеть в общем случае может быть описана графом произвольной структуры, возникает проблема NP-полноты задач, а следовательно и построения эффективных полиномиальных алгоритмов оптимизации на графах. По этой

же причине сложно установить теоретические свойства структуры распределения для произвольного графа транспортной сети, а равновесное распределение потоков существенно зависит от особенностей конкретной сети. Однако, можно оценить агрегированные характеристики сети, например, число Брайеса по отношению к отдельному пути графа, то есть максимальное отношение суммарной стоимости равновесного потока данной сети к суммарной стоимости равновесного потока по произвольным подграфам данной сети, содержащим данный путь. Второй агрегированный показатель называется «коэффициентом анархии», который определяется как отношение суммарной стоимости равновесного потока сети к стоимости оптимального потока в этой сети, определяемой нормативным образом. Показано, что точная оценка «цены анархии» для линейных функций стоимости проезда по дуге в зависимости от загрузки дуги (граница Пигу) равна $4/3$, и она не зависит от сложности сети. Число Брайеса, однако, зависит от сложности сети и растет с увеличением размера сети, оценка снизу для него равна половине вершин сети и достигается на графах Брайеса, обладающих наихудшими характеристиками в смысле различий нормативного и равновесного распределения потоков на сети.

Третий блок проблем связан с использованием численных методов для решения возникающих оптимизационных задач и вариационных неравенств. Большая размерность задачи может возникать как за счет многоиндексности переменных, так и счет конфигурации самой транспортной сети. Многоиндексность переменных задачи, порождаемая измерениями регионов, отраслей или продуктов, мультимодальностью перевозок приводит к мультипликативному росту количества моделируемых неизвестных. Ограничениями задачи являются балансовые условия на потоки по путям сети, а даже небольшие размеры транспортной сети региона по числу дуг и вершин могут приводить к большому количеству путей между каждой парой вершин графа, а значит к большому количеству переменных и ограничений задачи. Обычные численные алгоритмы существенно ограничены в использовании оперативной памяти, большая размерность по переменным или ограничениям осложняет получение решения с допустимой относительной погрешностью за приемлемое время, что требует использования новых численных декомпозиционных алгоритмов.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Гальцева Н.В.

**СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ
В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Для определения перспектив долгосрочного развития необходимо изучить экономическую историю, оценить современное социально-экономическое положение и имеющийся потенциал региона.

Начало промышленного освоения и динамика социально-экономического развития Магаданской области связаны с золотодобывающей отраслью, определившей специализацию региона на весь 80-летний период ее экономической истории. За период 1931–2009 гг. накопленная добыча золота составила 3 тыс. тонн, в том числе 2,7 тыс. т россыпного и 0,3 тыс. т рудного. В первые годы золотодобычи все прииски разрабатывали уникальные и богатые месторождения: среднее содержание золота в россыпях достигало более 100 г / м³. После пика его среднегодового значения по области – 36 г / м³ в 1933 г., главная качественная характеристика россыпных объектов начинает резкое волнообразное снижение, составляя с 1997 г. менее 1 г / м³. На основе анализа комплекса параметров, зависящих от возраста отрасли, была проведена периодизация золотодобычи в Магаданской области и выделены 3 периода – молодости, зрелости и старости [1]. Как изменяются основные характеристики отрасли по периодам возраста, представлено в таблице 1: снижаются объемы среднегодовой добычи, сглаживается амплитуда максимума и минимума, с истощением запасов россыпного золота начинается непривлекательная в периоды молодости и зрелости как более трудоемкая и дорогостоящая добыча рудного золота, достигая в период старости почти 50% суммарного объема золота.

Сравнительная характеристика периодов золотодобычи в Магаданской области

Показатель	Период		
	молодость (1931–1956 г.)	зрелость (1957–1995 г.)	старость (с 1996 г.)
Продолжительность, лет	26	39	11
Объем накопленной добычи, т	1091,4	1570,9	316,4
Среднегодовая добыча, т	49,2	40,3	26,4
Максимум годовой добычи, т	79,2	52,5	36,4
Минимум годовой добычи, т	0,6	23,9	15,8
Амплитуда добычи (макс./мин., раз)	132	2,2	2,3
Среднее содержание золота в россыпях, отрабатываемых открытым способом г / м ³	36–3,8	4–1,1	1,1–0,8
	11,0	2,3	0,9
Среднее содержание золота в руде, г / т	Н/ д	6,3	10,8
Доля рудной добычи в общем объеме за период, %	4	8	49,1
Добыча на занятого в отрасли, кг	0,9	2,7	2,7

Объективное истощение ресурсной базы привело не только к ухудшению показателей базовой отрасли, но и к падению практически в тех масштабах основных социально-экономических показателей Магаданской области. Сравнивая их изменение в период старости, мы видим (табл. 2), что показатели промышленного производства и доли дотаций ухудшились практически в той же пропорции, насколько снизилась добыча золота, валовой региональный продукт, занятые в экономике и численность населения – чуть в меньшей.

Проблемы социально-экономического развития Магаданской области вызваны не старением золотодобывающей отрасли, а тем, что данная отрасль до сих пор остается базовой отраслью региона, занимая около 70% (с учетом добычи серебра) в объеме промышленного производства региона. Иначе говоря, Магаданская область базируется на устаревшей структуре промышленного производства, не способствующей динамичному развитию территории, что позволяет отнести ее к категории проблемных старопромышленных регионов (СПР).

Основные показатели социально-экономического развития
Магаданской области

Показатель	1995	2000	2005	2006	2007	Снижение в 2007 г. к 1995 г., раз
Добыча золота, т	23,9	29,6	22,6	18	15,8	1,5
в т. ч. россыпного, т	18,1	13,3	12,6	11,3	10,6	1,7
Индекс промышленного производства в сопоставимых ценах к 1990 г., %	60,2	59,2	51,4	45,6	38,7	1,6
Доля дотаций в доходах бюджета, %	28	40,2	51,4	47,5	44	1,6 (рост)
Численность населения, тыс. чел.	240,2	193,9	171,6	168,5	165,8	1,4
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	134,8	104,3	93,8	94,1	95	1,4
ВРП в сопоставимых ценах, в % к 1995 г.	100	74,9	74,9	75,3	78,2	1,3

Обычно к категории старопромышленных не относят регионы ресурсной специализации, которые выделяются в отдельную группу проблемных регионов – «добывающие», причина их депрессивности увязывается с истощением природных активов.

На взгляд автора, депрессивность старопромышленных и добывающих регионов одинакова и заключается в старении экономической структуры, в силу старения базовых отраслей и ухудшения условий их функционирования – в одних регионах из-за отсталости техники и технологии производства, в других – из-за истощения ресурсной базы. Результат одинаков – неконкурентоспособность производимой продукции, снижение объемов производства, экономическая депрессия. Объективная природа старения структуры экономики общая для обоих типов регионов позволяет отнести к категории старопромышленных не только высокоиндустриальные регионы, но и добывающие, расширив типологию СПР за счет регионов ресурсной специализации.

Для того, чтобы убедиться в том, что депрессия области обусловлена старением базовой отрасли было проведено ретроспективное моделирование основных индикаторов

Магаданской области в зависимости от значения среднего содержания золота в россыпях – как самого чувствительного параметра к возрасту отрасли (табл. 3). Получено, что при тех же масштабах производства, но отработывая россыпи с содержанием 2,3 г/м³, а не 0,9 как это происходит сейчас, область добывала бы 36 т золота и была бы лидером среди золотодобывающих регионов РФ, по объему валового регионального продукта переместилась бы в рейтинге регионов РФ с 78-го лишь на 74-е место, по уровню дотаций в бюджете – с 71-го места на 47-е, а по численности населения достигла бы уровня Камчатского края (и населения Магаданской области в 1990 г.) и поднялась с 81-го места на 76-е.

Еще больший рост показателей имела бы Магаданская область, если бы отработывались месторождения с содержанием 11 г/м³ как это было в условиях периода молодости: добыча золота возросла бы до 151 т (общероссийский уровень), валовой региональный продукт увеличился в 3,7 раза (рейтинг по ВРП среди российских регионов с 78-й повысился бы до 46-й позиции), область стала бы бездотационным регионом, даже увеличив бюджетные расходы в 2 раза, а численность населения превысила бы современную численность Хабаровского края, переместив область в рейтинге регионов РФ с 81-го места на 28-е (уровень Тульской области).

Таблица 3

Результаты моделирования социально-экономических показателей Магаданской области в зависимости от периодов возраста золотодобычи

Показатель	2007 г., старость		Оценка			
	значение	место в РФ	зрелость		молодость	
			значение	место в РФ	значение	место в РФ
Добыча золота, т	16	3	36	1	151	1
ВРП, млрд руб.	35	78	49	74	131	46
Доля дотаций в бюджете, %	44	71	22	47	0*	1
Численность населения Магаданской области, тыс. чел.	166	81	375	76	1591	28

Примечание. * Собственные доходы превосходят уровень расходов 2007 г. в 2 раза.

Такое моделирование возможно лишь теоретически, а реальная ситуация в отрасли и экономике региона позволяет отнести Магаданскую область к категории старопромыш-

ленных регионов, требующих реструктуризации экономики, ключевыми направлениями которой исходя из анализа мирового опыта являются: диверсификация, внедрение инноваций и выработка новых компетенций (выход за рамки традиционной специализации). И эти направления совпадают с приоритетными направлениями модернизации экономики России на современном этапе.

Возможности реализации и конкретизация данных направлений определяются потенциалом территории, в частности ресурсным потенциалом, который свидетельствует о том, что в стоимостной структуре запасов и ресурсов Магаданской области 40% занимает уголь, 24 – углеводороды, 15 – цветные металлы, 16% – благородные, поэтому первоочередные направления реструктуризации следует искать именно в минерально-сырьевом комплексе.

В краткосрочной перспективе имеются предпосылки для диверсификации добычи ресурсов за счет начала освоения цветных металлов, наращивания добычи серебра и разработки месторождений нерудных полезных ископаемых. Наиболее сильное влияние на экономику региона окажет добыча цветных металлов в связи со значительными запасами в регионе, ростом цен в последние годы, существенно опережающем рост цен на традиционные для области золото и серебро. Так, например, на серебро и золото цены за период 2000–2010 гг. выросли в 3,5–3,9 раза, на медь и свинец – в 5 раз, а на молибден – в 15 раз; кроме того, в результате выполненной нами геолого-экономической оценки выявлены рентабельные объекты меди, вольфрама, молибдена, цинка [2].

В среднесрочной перспективе выделено три основных направления диверсификации (добыча железа, торфа и нефти и газа) каждое из которых имеет на сегодняшний день как «за», так и «против» их реализации, но самым масштабным по нашей оценке является освоение углеводородов на Северо-Охотском шельфе.

Вторым направлением реструктуризации экономики является внедрение инноваций. В числе обсуждаемых инноваций, реализация которых возможна в кратко- и среднесрочной перспективе целый комплекс, направленных на поддержку базовой золотодобывающей отрасли, которые необходимы для сохранения добычи золота на определенном уровне в период подготовки реализации других направлений реструктуризации. Самой же масштабной осуждаемой технико-технологической инновацией за рамками золотодобывающей отрасли является освоение и глубокая переработка бурых углей, способствующая не только переходу Магаданской области на самообеспечение практически всеми видами топлива, но и началу производства наукоемкой продукции – гуминовых кислот, горного воска, адсорбентов.

На основе направлений диверсификации и инновационного развития, подкрепленных инвестиционными проектами или научными разработками, имеющими количественную оценку эффекта разработаны четыре сценария реструктуризации минерально-сырьевого комплекса Магаданской области, ключевыми инвестиционными проектами которых являются:

- освоение Наталкинского золоторудного месторождения и окончание строительства Усть-Среднеканской ГЭС (1 сценарий – базовый);
- добыча и комплексная переработка бурых углей (2 сценарий);
- освоение объектов цветных металлов (3 сценарий);
- добыча углеводородов на Северо-Охотском шельфе (4 сценарий).

Все рассмотренные сценарии в разной степени способствуют улучшению социально-экономических показателей региона, но только в рамках четвертого сценария происходит кардинальное улучшение современной социально-экономической ситуации. Благодаря масштабности нефтяного проекта валовой региональный продукт территории в увеличится 2,6 раза, будет достигнут бездотационный бюджет даже при увеличении уровня расходов вдвое, а в результате необходимости привлечения 30 тыс. человек численность занятых в экономике региона и населения Магаданской области увеличится в 1,3 раза. Масштабность нефтяного проекта отразится и на специализации региона – она изменится с золотодобывающей на нефтедобывающую, благодаря чему начнется новый период экономической истории Магаданской области. Кроме того, следует отметить, что рассмотренные сценарии реструктуризации не являются альтернативными, объединение всего рассмотренного потенциала региона значительно увеличит получаемые эффекты.

Список литературы:

1. *Гальцева Н.В.* Ретроспективное моделирование социально-экономических показателей Магаданской области в контексте возраста базовой отрасли // Экономика и управление. – 2009. – Спец. выпуск. № 13. – С. 60–64.
2. *Гальцева Н.В., Шарыпова О.А.* Перспективы диверсификации минерально-сырьевого комплекса Магаданской области: цветные металлы // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2006. – № 5–6. – С. 50–55.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Горбунов Н.М.

**ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО
КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА**

Эффективность развития региона и его экономики определяется как усилиями органов власти, так и деятельностью хозяйствующих субъектов. Особенно это относится к отраслям социальной сферы, сферы услуг (здравоохранение, образование, транспорт и т. д.), где недостаточно бюджетных средств, а частный бизнес менее активен в силу низкой доходности. Поэтому государство объективно должно оказывать поддержку хозяйственной деятельности в таких сферах. Специфика развития экономики дальневосточных субъектов РФ также однозначно требует поддержки со стороны государственных органов развития традиционных отраслей, т. к. они в основном определяют экономический климат регионов. Нужны механизмы, способные привлечь к хозяйственной деятельности как бюджетные средства, так и средства частных инвесторов. Одним из эффективных инструментов может стать государственно-частное партнерство.

Подходы местных органов власти к взаимодействию с частным бизнесом разные. Одни стремятся активно использовать государственное участие в экономике, другие, наоборот, больше уповают на возможности рыночных сил. В определенной мере это связано с тем, что и специалисты до сих пор неоднозначно оценивают возможности государственно-частного партнерства. Одни считают, что этот инструмент позволяет действенно решать перспективные задачи. Другие же, наоборот, сомневаются в возможностях эффективного использования этого инструмента в нынешних условиях [3; 4]. Видимо, их скептицизм в определенной мере обусловлен негативным опытом использования Правительством РФ созданного в конце 2005 года Инвестиционного фонда. Он должен был финансировать крупные проекты по России на принципах государственно-частного партнерства. Государство готово было взять на себя треть всех финансовых затрат по избранным про-

ектам. Первые два года результатов больших не дали. Было израсходовано немногим более одного процента намеченных средств. Одна из основных причин неудавшейся идеи была обусловлена отсутствием четких подходов к отбору приоритетных проектов. Финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., вообще значительно ухудшил ситуацию в финансовой сфере.

В каждом субъекте РФ формируются принципы участия органов власти в экономических процессах. Во многом они схожи, но могут быть и различия. В качестве основных выступают создание равных условий для всех участников предпринимательской деятельности. Это позволяет развивать здоровые конкурентные отношения. Должны быть прозрачность, доступность власти для бизнеса, учет общественного мнения. Также необходимо использование экономических механизмов стимулирования хозяйственной деятельности, а не стремление «дать» средства отдельному бизнесу. Лишь при соблюдении таких принципов взаимодействия государства и частного бизнеса может быть обеспечен синергетический эффект.

Основными направлениями и формами развития государственно-частного сотрудничества могут выступать:

- создание благоприятной административной, инвестиционной, инновационной среды;
- формирование необходимой социальной, хозяйственной инфраструктуры;
- финансовая поддержка частных инвесторов, использование для этого бюджетных инструментов, механизмов налогового стимулирования;
- обеспечение стабильных тарифов на услуги естественных монополий;
- обеспечение кадрами, профессиональная переподготовка и повышение их квалификации;
- стимулирование спроса, обеспечение поставщиками хозяйствующих субъектов.

В регионах Дальнего Востока накоплен некоторый опыт реализации государственно-частного партнерства. Причем сотрудничество осуществляется как в сфере экономики, особенно в реализации хозяйственных проектов, так и в социальной сфере. Сегодня все большее значение приобретает перенесение ответственности за инвестиционный климат с федерального уровня на региональный. Считают, что это приведет к улучшению инвестиционного климата в России. Причем, здесь важен не только инвестиционный потенциал регионов, но и динамика изменений бизнес-климата. На Дальнем Востоке есть регионы, инвестиционная привлекательность которых высока в силу объективных условий – в силу выгодного географического положения (Приморский край), наличия природных богатств (Республика Саха (Якутия), Сахалин), Есть регионы, которые имея не очень высокие воз-

возможности естественных условий для привлечения инвестиций, все же постепенно их наращивают (Хабаровский край).

Органы власти и управления субъектов РФ стремятся активно использовать имеющиеся возможности. Не все сектора экономики в регионах являются привлекательными для инвесторов. Каждый регион должен находить наиболее привлекательные отрасли для капиталовложений инвесторов. Открытие трассы «Чита – Хабаровск», значительная часть которой проходит по территории Амурской области, подтолкнуло местные органы власти к дальнейшему развитию государственно-частного партнерства. В Амурской области на федеральной трассе должны в скором времени появиться автодорожные комплексы, включающие ремонтные дорожные службы, пункты скорой помощи, МЧС, автовокзалы, станции технического обслуживания и другое. Вдоль трассы «Амур» откроются пункты дежурства ГАИ с гаражами и комнатами отдыха для экипажей, гостиничные комплексы, кафе и закусочные. Будут использованы федеральные средства, средства областного бюджета, а также частного бизнеса. При этом частным предпринимателям правительство Амурской области предоставит областную гарантию на получение кредитов. В областной бюджет 2011 года будут заложены средства для обеспечения предпринимателям субсидирования процентной ставки по кредитам.

В области сложился определенный механизм взаимодействия власти и бизнеса. Утверждена Концепция развития страхования, которая призвана создать условия для развития благоприятного инвестиционного климата в сфере страхования и системы страховых гарантий. Благодаря такой системе, государственная поддержка бизнеса Приамурья в 2010 г. способствовало экономическому росту в промышленном производстве, переработке, на предприятиях сельского хозяйства. В области в 2010 г. малым и средним предприятиям предоставлялась поддержка из областного бюджета по пяти видам субсидий. Создан Фонд гарантий и развития малого и среднего бизнеса. Один миллиард рублей выдан предпринимателям, открывающим свое дело, 944 млн руб. направлено на субсидирование процентной ставки по кредитам банков.

Высокий рейтинг инвестиционной привлекательности региона в немалой степени формируется проектами, которые реализуются на его территории. Практически все федеральные и региональные целевые программы предусматривают государственно-частное партнерство для реализации инвестиционных проектов. При этом важно привлечь частный бизнес и к инфраструктурным, социальным проектам. Примером эффективного сотрудничества бизнеса и власти можно назвать взаимодействие ОАО «НК «Роснефть», ООО «РН-Сахалинморнефтегаз» и общества «Сахалинморнефтемонтаж» в реализации социальных проектов на территориях Охинского и Ногликского районов Сахалинской об-

ласти. Построены спортивно-оздоровительные комплексы, Ногликская Центральная районная больница, ведутся работы по благоустройству, ремонту объектов социально-бытового и культурного назначения. Совместными усилиями выполняется программа «Жилище», начатая в 2004 году, и уже построена 22 многоквартирных дома. Расходы по программе составили более 500 миллионов рублей.

Частный бизнес, особенно в условиях финансово-экономического кризиса, не готов к финансированию долгосрочных рискованных проектов. Из задач, решаемых хозяйствующими субъектами (рост доходов, снижение издержек, минимизация рисков) наиболее приемлемым для властных структур, видимо, будет минимизация рисков. Разделение рисков публичного заказчика и частного партнера остается важной проблемой в государственно-частном партнерстве. Минимизацию рисков государственные органы могут обеспечить за счет инструментов государственной поддержки и бюджетных обязательств, в т. ч. через: концентрацию финансовых, интеллектуальных ресурсов; регулирование цен на продукцию естественных монополий, обеспечение стабильных тарифов; предоставление имущественных, земельных, финансовых гарантий; размещение заказов государственными структурами в сфере предпринимательской деятельности; государственные инвестиции в модернизацию предприятий и создание новых высокотехнологичных производств.

Сферами сотрудничества государства и бизнеса могут стать разработки нормативных правовых актов. Так, для Сахалинской области существенное значение имеет участие региональных органов власти в разработке лицензионных соглашений федерального центра и частного бизнеса. Принятая «Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области до 2020 года» определяет приоритетные проекты, в разработке которых будут участвовать и региональные органы власти. Одним из таких проектов является газификация региона. Правительство Сахалинской области заключило договор с ОАО «Газпром», по которому предусматривается совместное участие в разработке и реализации инвестиционного проекта газификации Сахалинской области, региональной программы энергосбережения.

Интересным и перспективным направлением развития взаимоотношений государства и частного бизнеса становится то, что в последнее время государство активно передает часть своих функций некоммерческим организациям – саморегулируемым организациям, ассоциациям, гильдиям и другим. Тем самым государство стремится к тому, чтобы бизнес-сообщество само наладило контроль за деятельностью своих членов.

Так, создание в строительной отрасли института саморегулирования, учреждение Национального объединения строителей, и, прежде всего, НОСТРОЯ сделали работу в

сфере технического регулирования строительства более целенаправленной и плодотворной.

Государственно-частное партнерство, в конечном счете, должно обеспечить, во-первых, решение стоящих перед регионом задач, способствовать повышению благосостояния, уровня жизни населения, и, во-вторых, улучшение бизнес-климата. Надо развивать нормативную правовую базу регулирования государственно-частного партнерства. Как показывает практика, эффективней развитие государственно-частного партнерства идет там, где созданы в органах власти структуры, непосредственно занимающиеся этими вопросами. Имеются разработанные подходы к выбору проектных предложений для реализации на условиях государственно-частного партнерства [1].

В мировой практике инновационная экономика возникала только при участии государства. Государственно-частное партнерство может стать одним из важнейших инструментов инновационного пути развития, построения экономики, основанной на знаниях. Бюджетное финансирование предоставляется в развитых странах для проведения фундаментальных исследований, причем его доля доходит до половины и более расходов на науку [2, с. 78]. В регионах, прежде всего в Приморском и Хабаровском краях, есть реальный научный потенциал, способный генерировать инновационные идеи, востребованные бизнесом. Нужно создание кластеров в сфере нанотехнологий, биотехнологий и информационных технологий на имеющихся в этих регионах производственных площадях. Перспектива в развитии регионов может быть лишь на основе тесного взаимодействия государства и бизнеса.

Список литературы:

1. *Воротников А.* Организация управления проектами государственно-частного партнерства // Государственная служба. – 2010. – № 3–4.
2. *Иванова Н.* Финансовые механизмы научно-технической политики (опыт стран Запада) // Проблемы теории и практики управления. – 1997. – № 5.
3. Материалы сайта. – <http://lesgazeta.ru/new8.html>.
4. Материалы сайта. – <http://ppp-pf.ru/show.php?id=105>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Иголкина Л.М., Мысник В.Г.

**ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

В целях эффективного использования экономического потенциала Дальнего Востока разработана и утверждена «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкальского региона на период до 2025 года», основу которой составляют проекты, представляющие интерес для отечественных и зарубежных инвесторов.

Инвестиционным портфелем Дальнего Востока предлагается к реализации до 2013 г. крупных проектов на общую стоимость более 3 триллионов рублей, а до 2025 г. – более 9 триллионов, из них примерно 40–45% инвестиций приходится на нефтегазовую промышленность, 20–22% – на геологоразведку, 15–16% – на электроэнергетику, 10% занимают проекты в транспортную инфраструктуру и связь [3].

Частные инвестиции на Дальнем Востоке требуют особой поддержки и гарантий государства. Полагаем, что федеральные органы власти должны оказывать влияние на осуществление крупнейших инвестиционных проектов на Дальнем Востоке России по следующим основным направлениям: за счет проведения особой государственной политики в сфере налогового, таможенного и тарифного регулирования и инвестиций в инфраструктуру, создания на Дальнем Востоке благоприятного инвестиционного климата как для отечественных, так и для иностранных инвесторов, а также осуществления социальной политики, в рамках экономических задач.

При осуществлении крупнейших инвестиционных проектов, направленных на развитие экономики Дальнего Востока, ключевым механизмом их реализации становится государственно-частное партнерство (ГЧП), которое представляет собой систему отношений между государством и бизнесом при осуществлении общественно значимых проектов.

Это прежде всего, портовая особая экономическая зона в Советской Гавани (ПОЭЗ), которая будет функционировать 50 лет с момента создания и предполагает суммарный объем инвестиций в ценах 2008 года не менее 31 млрд рублей при финансировании из федерального бюджета на уровне 3,1 млрд рублей. Общий объем инвестиций будущих резидентов составит порядка 30 млрд рублей (в ценах 2008 года), из них с 2008 по 2010 гг. будет вложено 10 млрд рублей.

Разумеется, что и без использования такого механизма как ГЧП проект ПОЭЗ «Советская Гавань» будет реализовываться, однако его темпы и качество в этом случае будут на порядок ниже, а само осуществление проектов останется под вопросом.

Затем – реконструкция участка железной дороги Оунэ – Высокогорная со строительством нового Кузнецовского тоннеля на участке Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань, которая позволит создать особые условия перевозки грузов назначением на Ванинско – Советско-Гаванский транспортный узел. Проект финансируется за счет Инвестиционного фонда РФ. По словам Президента ОАО «РЖД» В. Якунина, инвестиции в реконструкцию Кузнецовского тоннеля оцениваются в 59,9 млрд рублей, из них 30% (17,7 млрд рублей) будет покрыто за счет средств Инвестиционного фонда Российской Федерации, а остальные – вложит ОАО «РЖД».

Особо следует отметить проект «Комплексное развитие Южной Якутии», реализуемый на принципах государственно-частного партнерства и включенный Распоряжением Правительства РФ от 17.01.08 г. № 21 в перечень инвестиционных проектов, проектно-сметная документация по которым разрабатывается на средства Инвестфонда РФ. Только на первом этапе реализации проекта «Комплексное развитие Южной Якутии» общая стоимость вложений составит 10,4 млрд рублей, из них 7,8 млрд рублей – бюджетные ассигнования Инвестиционного Фонда РФ, 2,6 млрд рублей – средства инвесторов [1].

Одним из первых масштабных шельфовых проектов является «Сахалин-1», который осуществляется в Российской Федерации на условиях соглашения о разделе продукции (заключен в 1996 году) [2] и представляет собой крупнейший проект в России с прямыми иностранными инвестициями, которые осуществляют Компании «Эксон Нефтегаз Лимитед» (ЭНЛ), родственная организация Корпорации «Эксон Мобил», являющаяся оператором международного Консорциума «Сахалин-1» (доля участия «ЭксонМобил» – 30%). Партнерами ЭНЛ по Консорциуму выступают японский консорциум «СОДЕКО» (30%) и индийская государственная нефтяная компания «ОНГК Видеш Лтд.» (20%), родственные организации российской государственной нефтяной компании «Роснефть» – «Сахалинморнефтегаз-Шельф» (11,5%) и «РН-Астра» (8,5%).

Вторым крупнейшим в России проектом на основе частных инвестиций по добыче и экспорту сырой нефти и природного газа, осуществляемым на основе соглашения о разделе продукции, является «Сахалин-2». Проект реализует компания «Сахалин-Энерджи», ее акционерами являются: ОАО «Газпром» (50%+1 акция), «Шелл (27,5% – 1 акция), «Мицубиси» (10%), «Мицуи» (12,5%).

Не менее важен и проект «Саммит АТЭС – 2012. Остров Русский». На его подготовку предполагается выделить 100 млрд рублей из федерального бюджета, 11 млрд руб. – из краевого. Частные инвестиции должны составить 38 млрд рублей. В 2008 году планировалось направить реализацию проекта 15 млрд рублей, в 2009 году – 20 млрд, в 2010 – 20 млрд, в 2011 году – 34,4 млрд, а в 2012 году – 0,6 млрд рублей.

Из этого следует, что крупные отечественные и зарубежные компании заинтересованы в реализации на Дальнем Востоке инвестиционных проектов в нефтегазовой отрасли, в тепло- и гидроэнергетике, угольной промышленности, лесопереработке. Однако требуется не только сформировать региональную нормативно-правовую базу, регулирующую взаимоотношения между государством и частным бизнесом, но и, учитывая опыт некоторых регионов России, рассмотреть вопрос о создании региональных центров государственно-частного партнерства.

Список литературы:

1. Разработка проектной документации для реализации инвестиционного проекта: «Комплексное развитие Южной Якутии» // Регионалистика. – 2009. – http://www.regionalistica.ru/about/news/news_detail.php?ID=437.
2. Сахалин – 1 // Сайт НК «Роснефть». – http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/russia_far_east/sakhalin-1.
3. Сыркин В.И. Дальний Восток – ставка на ресурсный сектор // Российское экспертное обозрение. – 2009. – <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1654&ids=139>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Краснопольский Б.Х.

**СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ЭКОНОМИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ¹**

Роль концептуального утверждения о способности материи к саморазвитию и самоусложнению, на котором строится синергетика как теория самоорганизации, стала осознаваться учеными сравнительно недавно. Классические статические законы здесь явно не работают, это явление другого порядка. Ученые различной направленности ведут постоянный поиск процессов самоорганизации в различных классах открытых неравновесных систем, который представляется весьма успешным. В общем плане особенности синергетического (читай – междисциплинарного) подхода характеризуются действием достаточно известных классических постулатов синергетики (см., напр.: [1, с. 65–67]). Их можно дополнить теми формулировками о роли инфраструктурных элементов системы, которые вытекают из ранее опубликованных автором материалов (см., напр.: [2, с. 147–156]), а именно: синергетический эффект в системном плане реализуется непосредственно через элементы инфраструктуры системы², создающие прямые коммуникационные связи, и опосредованно через ее основные элементы; внешние элементы инфраструктуры любой сложной системы, особенно в условиях неопределенности ее развития, выступают в качестве специфических механизмов, неких «щупальцев», устремленных в будущее и непосредственно обеспечивающих переход данного образования в точке бифуркации из настоящего в новое качественное состояние, которые «втягиваются» в зону действия новых аттракторов.

¹ Работа подготовлена при поддержке проекта № 09-I-П24-01.

² Внутренние элементы инфраструктуры в основном ответственны за создание и поддержание порядка в системе, внешние элементы - за открытость системы и внесение определенной порции хаоса, который вынуждает рассматриваемую систему к постоянному совершенствованию механизмов самоорганизации и адаптации к изменяющимся внутренним и внешним условиям.

Проявления всех этих постулатов синергетики, которые касаются условий открытости, неравновесности, хаотичности, нелинейности и особенностей скачкообразных переходов систем в точке бифуркации в общем-то достаточно хорошо известны экономистам, изучающим различного рода хозяйственные процессы, в особенности – стратегического характера на долгосрочных лагах и волнах. Экономисты всегда сталкиваются с подобными явлениями и предпринимают попытки учитывать их в исследованиях и разработать соответствующий математический аппарат для их адекватного отображения в экономических моделях. Например, что касается конструктивной роли хаоса в эволюции хозяйственных систем, то здесь используются рыночные отношения, т. е. здесь рынок в какой-то мере служит аналогом хаоса. Но позитивное действие его механизмов возможно только в том случае, если созданы условия реальной рыночной конкуренции, что в практике постоянно нарушается и, напротив, создаются монопольные структуры и сговоры, в организации которых принимают участие уже и национальные правительства. Так что само по себе «запускание» рыночных механизмов не является гарантией выхода на структуры самоорганизации экономических систем. Рынок может явиться только саморегулятором неких весьма ограниченных экономических процессов, связанных с финансовой доходностью тех или иных хозяйственных структур, оказывая некое, причем малосущественное влияние на выбор будущего пути вблизи точки бифуркации.

Все это подтверждает тот факт, что подобные явления и процессы, несмотря на их некую специфичность, имеют универсальный характер и действительно подпадают под действие названных выше постулатов синергетики, действующих как в естественно-природных, так и общественных системах. Эти постулаты очень важны для междисциплинарного анализа и синтеза изучаемых пространственных систем¹. Из основных постулатов синергетики как науки вытекают не только концептуальные и методологические принципы подобного подхода, но и более конкретные методические приемы, позволяющие исследователям проводить практические научные разработки. Что касается этих приемов, применение которых возможно в пространственной экономике, в т. ч. на региональном уровне, то в дан-

¹ Идеи и приложения, в том числе региональные, этой научной дисциплины носят ярко выраженный междисциплинарный характер и являются основой совершающегося не только в естествознании, но и в общественных науках глобального эволюционного синтеза, что весьма необходимо учитывать для реализации разрабатываемой в настоящее время программы НИР Президиума РАН № 24 «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». На данном этапе в разработке этой программы различными научными учреждениями сделаны весьма существенные шаги, в т. ч. и в Институте экономических исследований ДВО РАН, исследования которого возглавляет академик П.А. Минакир.

ном случае необходимо напомнить тот методологический подход, который предложен автором в ранее опубликованных статьях и который заключается в следующем.

Автор понимает зону действия пространственной экономики как охватывающую и синтезирующую предметы и объекты исследования трех базовых пространственно-экономических наук, к которым автор относит экономическую географию, региональную (территориальную) экономику (экономику региона) и индивидуальную экономику (экономику домохозяйства). Эти науки названы базовыми потому, что они имеют дело с первичными природно-естественными процессами пространственной организации хозяйства, а именно, концентрируются на изучении: 1) в экономической географии – процессов использования земельных и прочих природных ресурсов и действия различных экологических факторов; 2) в региональной экономике (экономике региона) – процессов, происходящих в исторически сложившейся системе национальных и региональных пространственных образований, формирующих действующие государства и их регионы и выступающих в качестве первичной основы размещения экономического потенциала как мирового, так и национальных хозяйств; 3) в индивидуальной экономике – процессов, связанных с естественными установками, убеждениями и целеполаганиями «экономического человека», с формируемым им домохозяйством и распространением ареалов его хозяйственной деятельности. Каждая из базовых пространственно-экономических наук включает в соответствии с ее специфическим предметом и объектом изучение взаимодействия трех основных так называемых факторов производства – земля, труд, капитал. Как ранее уже было обосновано в упомянутой выше работе автора, в каждой из этих дисциплин акценты в исследовании роли этих факторов меняются, а именно – в экономической географии акценты ставятся на факторе «земля», в индивидуальной экономике – на факторе «труд», в региональной экономике – на факторе «капитал».

Кроме этого, исходя из синергетической концепции можно вполне научно обоснованно говорить и еще об одном – четвертом производственном (читай – хозяйственном) факторе, а именно – о синергетическом факторе, который действует посредством его синтезирующего системного эффекта и который в приложении к пространственной экономике выступает специфическим пространственно-организующим фактором. Именно этот фактор выступает главным фактором формирования предмета этой науки, который сосредоточивается на изучении коэволюционных процессов в пространственно-экономическом взаимодействии различного рода хозяйствующих субъектов и оценке влияния упомянутого фактора на конечную эффективность различных пространственных образований. На базе согласования объектов всех трех базовых пространственно-экономических наук – индивидуально-хозяйственных, природно-хозяйственных и регионально-хозяйственных образований

возникает в результате действия этого фактора некий синергетический, системный эффект и формируется качественно новое пространственное образование, имеющее существенные специфические отличия по сравнению с базовыми дисциплинами, которое здесь называется пространственно-хозяйственным образованием. Это новое качество в прикладном плане выражается в формировании надгосударственных, межгосударственных, межрегиональных, межиндивидуальных и других интегрирующих пространственных хозяйственных структур и институтов, а также правил и процедур поведения. Их можно рассматривать как некие специфические формы более глубокой интеграции и глобализации¹, которые проявляют себя на современной этапе экономического развития далеко не только на международном глобальном уровне, но и на уровне первичных региональных пространственно-хозяйственных образований. Они могут иметь как общественно-государственную, так и частно-собственническую природу и должны представлять собой формы и механизмы системно-пространственных хозяйственных взаимодействий на нано-, микро-, мезо- и макроуровнях как в национальных, так и в мировых хозяйственных системах.

Еще раз подчеркнем, что в научном плане пространственно-организующий фактор выступает классическим синергетическим фактором, т. к. именно он выполняет задачи по формированию, начиная с первичных, базовых пространственных образований, нового образования, в котором в наибольшей степени должен действовать системный (синергетический, эмерджентный, комплексный, агломерационный и др.) эффект. В этой связи пространственная экономика как научная дисциплина другого сущностного содержания, базирующаяся в основном на синергетическом подходе и исследующая системы гораздо большей сложности, занимает свое связующее положение между базовыми пространственно-экономическими науками и общей экономической теорией. Безусловно, она должна иметь свои не только методологические, но и методические специфические особенности, в т. ч. для исследований на региональном уровне. Их выявление и изучение составляет весьма важную научную задачу.

Рассмотрим более детально в рамках ограниченного объема данных тезисов только один методический подход реализации синергетической концепции в пространственной экономике, который может применяться и на уровне отдельного региона, в частности – ДФО (Тихоокеанской России) и его территориальных составляющих, а именно – методические приемы определения производственной функции. Известно, что в экономике действует довольно универсальная, классическая формула производственной функции Кобба-

¹ Понятно, что пространственная глобализация - это один из специфических видов глобализационных процессов.

Дугласа, которая выражает отношение функциональной зависимости между объемом производства, с одной стороны, и используемыми факторами и их взаимной комбинацией – с другой. Она показывает, что объем национального выпуска Y является функцией трех факторов производства: труда L , капитала K , земли N и записывается в следующем виде: $Y = f(L, K, N)$. Учитывая ранее высказанные соображения о факторах производства (факторах хозяйствования), данную формулу, видимо, нужно дополнить и еще одним – четвертым фактором, а именно: синергетическим – S (в контексте данной статьи – пространственным) фактором. Тогда эта формула будет иметь вид: $Y = f(L, K, N, S)$. В нашей концепции именно инфраструктура со всеми ее элементами является практическим выражением синергетического (пространственного) фактора. Пропорции и соотношения в развитии ее внешних и внутренних элементов определяют в реальности возможность получения различных системных эффектов в развитии той или другой пространственно-экономической структуры. Учитывая это, синергетический фактор – S в свою очередь можно представить в следующем виде: $S = f(R_i, R_j)$, где R_i – уровень развития внешних элементов инфраструктуры, R_j – уровень развития внутренних ее элементов, или в динамической виде: $dS = f(dR_i, dR_j)$. Для каждого типового территориального образования – индивидуально-хозяйственного (домохозяйства), природно-хозяйственного, регионально-хозяйственного или пространственно-хозяйственного в зависимости от периода времени его формирования соотношения уровней развития инфраструктуры могут существенно варьироваться, но они обязательно должны позволять системе самоорганизовываться, балансировать на грани «порядка» и «хаоса» и постоянно адаптироваться как к внутренним, так и внешним изменяющимся условиям ее выживания, существования и развития. Т. е. в данном случае сама суть производственной функции применительно к оценке синергетического эффекта системы практически сводится к оценке тех соотношений и пропорций, которые складываются в формировании и развитии инфраструктурных элементов для различных видов изучаемых систем на различных этапах их развития. Причем в данном случае не нужно стремиться к тому, чтобы объемы производства продукции и услуг в самих инфраструктурных отраслях и их экономический потенциал были очень большими. Эти показатели могут быть и довольно малыми величинами. Но эти показатели являются как раз теми малыми флуктуациями, от действия которых зависят конечные показатели системы и ее поведение как в период становления, зрелости, так и в точке бифуркации. Так что для максимального синергетического (пространственного) эффекта, полученного в данной системе важно именно близкое к оптимальному пропорциональное соотношение между внешними и внутренними элементами инфраструктуры, которые и дают реальную

возможность данному объекту постоянно находится в режиме самовоспроизводства и самосовершенствования [3].

Количественное определение этих пропорций, в т. ч. на уровне отдельного регионального пространственного образования является одной из весьма сложных научных задач пространственной экономики. Близкое по сути своей к оптимальному соотношение может быть определено, исходя из анализа отобранных в международной и национальной практике реальных региональных типовых объектов – уже сложившихся пространственных систем, действующих достаточно устойчиво в хозяйственной жизни в течение длительного времени и способных к быстрой адаптации в изменяющихся условиях. Определение подобных пропорций для всех типов успешно функционирующих пространственных систем даст возможность при сопоставительном анализе полученных соотношений и тех пропорций в инфраструктуре, которые складываются в других создаваемых хозяйственных системах, делать выводы о направлениях совершенствования их инфраструктуры для обеспечения наиболее высокого синергетического (системного) эффекта. Также данные соотношения в элементах инфраструктуры можно будет применять и при формировании новых пространственно-хозяйственных образований на всех их уровнях, включая региональный. Фактологическое, количественное наполнение информационных данных по параметрам объема выпуска продукции данного типового пространственного образования и по группе производственных факторов является не простой задачей, но эту проблему можно частично решить на базе статистических данных, и, вообще, ее решение в принципе не представляет особых трудностей. Более сложный вопрос здесь связан с классификацией тех внутренних и внешних элементов инфраструктуры, расчеты по определению оптимальных соотношений в развитии которых должен быть произведен отдельно по каждому ее наиболее существенному виду. Все эти вопросы будут решаться в дальнейших исследованиях на следующих стадиях системного анализа изучаемой проблемы – синергетической парадигмы пространственной экономики и ее региональных приложений.

Список литературы:

1. Концепции современного естествознания: учебник для вузов / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. – М.: ЮНИТИ, 1997.
2. *Краснопольский Б.Х.* Пространственные науки и их роль в изучении экономики пространственных образований // Пространственная экономика. – 2010. – № 1. С. 147–156.
3. *Earl Peter E., Wakelev T.* Alternative perspectives on connections in economic systems. – <http://beta.springerlink.com/content/cm57724439944406>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Макаренко В.Г.

**ФОРМИРОВАНИЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ ПРОГНОЗОВ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И
ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Комплексная программа долгосрочной стратегии развития Дальнего Востока России в условиях интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона предполагает модернизацию экономики на основе современных достижений науки, новейших технологий, развитие социальной инфраструктуры. Это потребует значительного количества высококвалифицированных специалистов, подготовленных на современном уровне.

Сколько же именно нужно специалистов, какого именно профиля – магистров, бакалавров, специалистов, для каких именно отраслей и сфер экономики, культуры, управления? Данные вопросы постоянно дискутируются в средствах массовой информации, в академических институтах, вузах, но, тем не менее, они не решены, т. к. потребности нынешнего рынка в условиях глубокого системного кризиса непредсказуемы.

Возможно ли решение всех этих вопросов в рамках формирования долгосрочной программы развития региона такого как Дальний Восток? На наш взгляд, возможно, но только в самом первом приближении и вот почему.

Исторический опыт развития высшей школы на Дальнем Востоке свидетельствует о том, что сколько бы она не расширялась в соответствии с государственными долгосрочными и перспективными планами, не увеличивала выпуск специалистов, особенно в 1950–1960-е гг., потребности народно-хозяйственного комплекса региона в них постоянно не удовлетворялись.

Постоянно формировались диспропорции и в подготовке специалистов, и в их распределении по отраслям экономики, культуры, управления, социальной сферы. К середи-

не 1980-х гг. на Дальнем Востоке сформировалось даже перепроизводство специалистов по традиционным профилям, но остро ощущалась их нехватка по новым специальностям (автоматическим системам управления, электронике, порошковой металлургии, ЭВМ и др.). Нерационально осуществлялось и использование специалистов. Ученые относили данные недостатки к издержкам социалистической системы планирования и хозяйствования.

Однако ситуация не изменилась и в настоящее время, когда, как считалось, «рынок сам все расставит по своим местам», в том числе и в сфере подготовки и использования специалистов.

С начала 1990-х гг. в связи с кардинальным изменением общественно-политического и экономического строя в России осуществляется реформирование системы высшего образования на основе новой, рыночной концепции. Национальная доктрина образования принята правительством в декабре 2001 г., и с этого времени поэтапно проводится в жизнь комплексная программа модернизации образовательной системы в целом.

Следующим шагом в осуществлении программы реформ стало присоединение России к Болонской конвенции (в 2003 г.) с целью создания оптимальной образовательной модели, наиболее полно соответствующей изменившемуся социально-экономическому укладу страны, с одной стороны, и действующим мировым образовательным стандартам в условиях глобализации, с другой.

Закономерно, что формирующаяся рыночная экономика потребовала значительно-го количества новых специалистов – менеджеров, риэлторов, антикризисных управляющих и т. д. Высшая школа региона попыталась адекватно отреагировать на потребности рынка, увеличив прием студентов на бюджетной и коммерческой основах. Были созданы и негосударственные вузы. Общее количество вузов в Дальневосточном регионе за 1991–2008 гг. увеличилось в 1,4 раза. Если в середине 1990-х гг. на Дальнем Востоке было 29 высших учебных заведений (в том числе 12 университетов и 7 академий), в которых обучалось 101,2 тыс. студентов [4, с. 215], то в 2002 г. в Дальневосточном федеральном округе функционировали 20 университетов, 9 академий, 10 институтов [8, л. 6, 48–52]; подготовка специалистов осуществлялась по 300 специальностям (в Российской Федерации по 460), подготовка бакалавров и магистров – по 70 направлениям (в Российской Федерации по 95) [8, л. 6–7, 53]. Только в Хабаровском крае за 1990–2004 гг. численность специальностей в вузах возросла в 2,7 раза [2, с. 54]. В 2005 г. в вузах Дальневосточного федерального округа (включая филиалы) обучалось более 250 тыс. студентов, а ежегодный выпуск специалистов в 2000-е гг. в среднем составлял около 30 тыс. чел. [6, с. 18]. В 2006 г. в регионе насчитывалось уже 47 вузов (с учетом негосударственных и военных училищ), 46 филиалов дальневосточных вузов и 26 филиалов вузов других регионов страны, в которых обучалось 318,8 тыс. студентов; в 1991–2006 гг. численность студентов возросла в 2,7

раза. Только в Приморском крае сегодня обучаются на бюджетной и на платной основе 60–80 тыс. студентов. Таким образом, по наличию квалифицированных специалистов Россия относится к числу развитых стран.

Но при этом задачи высшей школы, по мнению д-ра техн. наук, проф. В.Г. Григоренко (г. Хабаровск), состоят не только в удовлетворении потребностей производства в квалифицированных специалистах, но и личности – в образовании. Так, в странах АТР нынешняя государственная образовательная политика направлена на повышение образовательного ценза населения, вплоть до получения всеобщего высшего образования. В то же время на территории Дальнего Востока доля населения, занятого в экономике и имеющего высшее образование, составляет около 25% [6, с. 2], что явно недостаточно в современных условиях.

Однако главной проблемой региональной высшей школы (как, впрочем, и страны в целом) в 1991–2009 гг. являлась ее работа «вхолостую» из-за невостребованности выпускников, т. к. в экономике продолжается кризис. В результате постоянно растет число безработных молодых специалистов с высшим образованием, а также специалистов, работающих не по профилю полученной специальности. В 2009 г. общее число безработных в РФ составило 1 млн 700 тыс. чел. К настоящему времени (август 2010 г.) их численность составляет 1 млн 663 тыс. чел. Таким образом, появилась масса «лишних людей» – безработных, в том числе и специалистов с высшим образованием, и это чревато ростом социальной напряженности, а также и криминогенной ситуации. По поручению Правительства РФ уже созданы региональные программы по снижению безработицы и отслеживанию ситуации на рынке труда.

В РФ предполагается дальнейшее проведение реформ в высшей школе, которое чревато сокращением численности вузов, что повлечет за собой и сокращение численности преподавателей.

Есть и другие проблемы, требующие изучения и принятия решений. Так, на сегодняшний день в РФ пока нет надежной системы оценки качества подготовки специалистов, т. к. нет единой модели, механизма и критериев подобной оценки [2, с. 55]. В то же время уже существует практика 1970–2000-х гг., которая показала эффективность обучения студентов, успешного овладения ими будущей специальностью на базовых кафедрах, в научно-образовательных комплексах, создаваемых академическими институтами в дальневосточных вузах. Подобные структуры успешно работают в гг. Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске на основе соглашений и договоров Дальневосточного отделения Российской академии наук (ДВО РАН) и ряда вузов региона. Так, задачи, обусловленные развитием глобализации, привели к целенаправленному созданию в марте 2006 г. в ДВГУ совместно с научными учреждениями ДВО РАН четырех научно-образовательных центров (НОУ): экспериментального – в Институте физики и информационных техноло-

гий (директор – профессор Б.Л. Резник, научный руководитель – председатель ДВО РАН, академик В.И. Сергиенко); медицинской физики (директор – начальник медицинского объединения ДВО РАН, канд. мед. наук С.П. Крыжановский, научный руководитель – д-р физ.-мат. наук Коренбаум); «Физика Земли» (директор – академик РАН А.И. Ханчук, научный руководитель – д-р техн. наук, профессор В.И. Белоконь); нанофизики и нанотехнологий (директор – профессор А.А. Сараник); «Оптоэлектроника и информационные технологии» (директор – член-корреспондент РАН Ю.Н. Кульчин, научный руководитель – д-р физ.-мат. наук Б.Н. Грудин) [1, с. 5, 10–11]. В перспективе, данная форма партнерского взаимодействия академической и вузовской структур в подготовке специалистов может стать одной из наиболее эффективных, т. к. кроме освоения теоретического материала, она дает возможность студентам получить и практическую подготовку.

Большие надежды возлагаются на создание федерального университета на о. Русском, которое предполагает обучение около 50 тыс. чел., в том числе и студентов из стран АТР. Сколько среди них будет иностранных студентов – трудно сказать, т. к. престиж российского образования в настоящее время падает. Одна из причин – рост коррупции в вузах, в том числе и в дальневосточных. Другие причины – рост криминогенной обстановки (проявление расизма и шовинизма в городах Дальнего Востока); низкий уровень развития городской и вузовской социальной инфраструктуры; постоянный рост оплаты за обучение и проживание в общежитиях.

При планировании или создании долгосрочной программы развития Дальневосточного региона необходимо учесть и сложившуюся демографическую ситуацию, так называемую демографическую яму.

Неоднозначно сегодня оценивается и введение единого государственного экзамена (ЕГЭ), т. к. его проведение носило формализованный характер и имело неоднозначные результаты, в том числе и в Приморском крае и на Дальнем Востоке в целом [7, с. 116–118].

Другой проблемой, требующей реагирования со стороны федеральных и региональных администраций, является тенденция снижения доступности высшего образования для среднего класса и малообеспеченных слоев населения. Так, по данным приемных комиссий вузов Хабаровского края, в 2006 г. стоимость обучения в институтах г. Хабаровска в среднем составляла 38 тыс. руб. в год. Самые «дорогие», «элитные» вузы в г. Хабаровске – Дальневосточный государственный медицинский университет, Дальневосточная академия экономики и права, Дальневосточный институт законодательства и правоведения, в которых стоимость обучения в среднем составляла свыше 40 тыс. руб. в год [6, с. 20]. Соответственно, есть вузы для «среднего класса», где плата несколько меньше – около 30 тыс. руб. (Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Хабаров-

ский институт искусств и культуры, Дальневосточная академия физической культуры и др.). При этом количество бюджетных мест в вузах ежегодно сокращается (общее количество бюджетных мест в вузах России в 2009 г. – 550 на 1000 выпускников школ), а плата за обучение ежегодно увеличивается. Например, обучение на коммерческой основе на юридических специальностях в вузах г. Владивостока стоит около 70–80 тыс. руб. В то же время государственные образовательные кредиты выдаются под высокие проценты (от 14 до 20%), их необходимо вернуть в течение 10 лет после окончания вуза, что проблематично в условиях существования долговременного кризиса и безработицы в России. По данным экспертов, по всей стране, брали кредиты на получения образования не более 1% студентов. Таким образом, бесплатное высшее образование с каждым годом становится все менее доступным [3, с. 2; 5].

Таким образом, при формировании программы долгосрочной стратегии развития Дальнего Востока России в условиях интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона необходим учет комплекса вышеприведенных проблем с учетом исторического опыта.

Список литературы:

1. Владивосток. – 2006. – № 75 (3661). – 26 мая; № 74 (3660). – 25 мая.
2. Дальний Восток: наука, образование. XXI век. Мат-лы междунар. научно-практ. конф. (Комсомольск-на-Амуре, 7–9 июня 2004 г.). В 3-х т. – Т. 1. – Комсомольск-на-Амуре: изд.-во Комс.-на-Амуре гос. пед. ун.-та, 2004.
3. Комсомольская правда. – 2009. – № 7. – 26 марта.
4. Образование в Российской Федерации. Стат. сб. – М., 1995.
5. Российская газета. – 2006. – 19 июля.
6. Российская газета. – 2005. – № 24 (3693). – 8 февр.
7. Социологические исследования. – 2008. – № 11 (295).
8. Текущий архив Дальневосточного федерального округа. Справка о деятельности высшей школы Дальневосточного федерального округа по реализации концепции модернизации российского образования на период до 2010 года и решений VII съезда Российского Союза ректоров (2001–2003 гг.). Информационно-аналитическое издание / сост. В.Г. Григоренко, Е.Ю. Римлянд, С.А. Иванилов. – Хабаровск, 2003.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Мишунина Л.Н., Якубовский Ю.В.

РОЛЬ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ПРИМОРСКОГО КРАЯ
В ДОЛГОСРОЧНОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ МЕГАТЕРРИТОРИИ

Россия очень быстро теряет высокотехнологичные виды производства со всеми вытекающими последствиями. Особенно это коснулось отраслей оборонно-промышленного комплекса (ОПК), в том числе и ОПК Приморского края, которые составляли основную и существенную часть экономического комплекса и служили источником финансирования развития кооперированных производств, социальной и производственной инфраструктур. Экономика края зависела от оборонно-промышленного комплекса, поскольку он обеспечивал заказами предприятия других отраслей, выполнение которых было необходимо для нормального функционирования предприятий гражданского машиностроения, нефтяной и химической промышленности, легкой промышленности, строительства; являлся градообразующим фактором (г. Арсеньев, г. Большой Камень и Комсомольск на Амуре и др.) На предприятиях оборонно-промышленного комплекса выпускалось до 12–15% товаров народного потребления (мебель, бытовая техника, электро- радиотовары, посуда, оснастка, инструментарий отдельных технологических узлов, приспособлений и т. д.), что положительно влияло на развитие экономики края.

Рыночные отношения в оборонном секторе хозяйства Приморья представляют собой при всей своей специфичности часть рыночного пространства страны и неотделимы от проводимой в стране экономической политики. За 1992–1996 гг. военное производство сократилось почти в 6 раз, а общий объем производства продукции ОПК – в 7 раз (то есть производство гражданской продукции снизилось еще больше, чем военной), госзаказ сократился в 10–15, а по некоторым наукоемким разработкам – в 100 раз; из военной сферы высвобождено от 2,0 млн до 3,5 млн работников [1]. Военное производство в 1998 г. со-

ставило всего 10% от уровня 1990 г. Но даже при увеличении объема военного производства в 1998 г. на 5%, а в 1999 г. – на 37%, уровень военного производства в 1999 г. составил только 14% от уровня 1990 г.[2]. Финансирование военной науки в 1991–1997 гг. по сравнению с дореформенным периодом сократилось в 15 раз. Около 80% оборонных предприятий стали убыточными [3].

Главные причины трудностей в оборонной промышленности обусловлены конверсией и приватизацией предприятий ОПК. Приватизация на предприятиях ОПК сопровождалась прекращением государственного финансирования, что вполне естественно. Однако новые собственники, прежде всего трудовые коллективы, оказались не способны делать инвестиции, особенно в его оборонную часть. Следствием этого стал масштабный и трудноконтролируемый для государства процесс ухода бывших оборонных предприятий от выпуска вооружений и военной техники, неоправданное сужение номенклатуры военной продукции. Приватизация предприятий ОПК привела к разрыву технологических «цепочек» и потере контроля со стороны государства.

Вместе с тем, предприятия ОПК – наиболее качественный компонент экономики России, обладающий передовыми технологиями, поэтому именно этому комплексу отводится особая роль в развитии мегатерриторий. ОПК, который может представить военно-технические и конверсионные технологии (в том числе двойного назначения), отличающиеся мировой новизной. ОПК – это не просто «милитаристский монстр», это величайшее достояние страны, становой хребет российских технологий, элита отечественной промышленности. Его научно-производственный потенциал при создании необходимых условий и сейчас может решать любую задачу в технологическом плане. В России насчитывается около 70 ранее закрытых городов, которые с полным правом могли бы именоваться наукоградами, поскольку их население занимается почти исключительно наукой. Любое военное предприятие при желании могло бы стать идеальным инкубатором инноваций, а закрытые города военной науки – технополисами мирового уровня.

Сегодня ОПК России еще существует во многом за счет того, что вооружает иностранные армии. Рубль, вложенный в производство оружия, гораздо эффективнее нефте-рубля, поскольку торговля вооружениями дает до 1000% прибыли. То есть оборонно-промышленный комплекс России способен приносить средства для будущих инвестиций в инновации.

На предприятиях ОПК традиционно создается наиболее наукоемкая продукция. В военном производстве разрабатываются высокие технологии, которые могут быть использованы не только для военных, но и для гражданских целей, то есть имеет двойное назначение. Например, ОАО ААК «Прогресс» представило на первой в истории России между-

народной выставки вертолетной индустрии Helirusia 2008 гражданский вертолет МИ-34. Уже сегодня предполагается увеличить ресурс машины с 300 до 2500 часов, усовершенствовать бортовое электро и радиооборудование, спутниковую связь, аварийные маяки, повысить комфортность салона, увеличить дальность полета, установить новый двигатель. То есть создать вертолет бизнес класса, который сможет конкурировать с иностранными вертолетами того же класса. Предусматривается использование модификаций вертолета в административном, санитарном варианте (эвакуация, оказание первой медицинской помощи) и в ряде других вариантов.

Создание таких технологий – длительный и дорогостоящий процесс, поэтому основная тяжесть расходов обычно ложится на государство. Например, в СССР в конце 1980-х годов доля военного производства в промышленности составляла от 50,0 до 66,7% в зависимости от отрасли [4]. В ОПК были сосредоточены наиболее совершенные в нашей стране промышленные технологии, но колоссальные расходы и безудержный рост оборонно-промышленного комплекса гипертрофировал и всю структуру российской экономики. Резкий спад в ОПК вследствие многократного снижения финансирования госзаказа из-за отсутствия средств в Госбюджете дал мультипликационный отрицательный эффект в сопряженных с ним отраслях. Только для сырьевых отраслей нашлась экспортная компенсация. Коллапс оборонной промышленности оказал серьезное воздействие на всю структуру экономики как количественно, так и качественно. Причинами резкого падения объемов производства в ОПК стали рост цен на энергоносители, долги Минобороны по оплате госзаказов, недостаточная поддержка государством программ конверсии.

За годы реформы объем производственной базы инноваций в России непрерывно сокращается. Следствием этого стала общая низкая конкурентоспособность российских товаров. В настоящее время конкурентоспособной может быть только продукция, созданная на основе интеллектуального продукта, так как такая продукция имеет или новые свойства, или лучшее соотношение качества и цены как результат применяемых в процессе ее производства новых технологий.

И все же проблема использования ОПК как ударной силы в развитии мегатерритории и создании инновационной индустрии в нынешних условиях является достаточно умозрительной.

Во-первых, совершенные технологии, разработанные в НИИ ОПК, чаще всего оказываются слишком дорогими и невыгодными для российских предприятий по сравнению с примитивной техникой, требующей применения низкоквалифицированного труда.

Во-вторых, сегодня в России на финансирование НИОКР в области военного производства из бюджета по плану в долларовом исчислении ассигнуется средств в 30 раз

меньше, чем в США и в 10 – чем в европейских странах НАТО [5] а по факту – еще меньше.

В-третьих, специалисты российского ОПК не имеют соответствующей их высокой квалификации зарплаты. В странах же Запада специалисты, занятые в высокотехнологичных производствах, являются национальной элитой и наиболее высоко оплачиваются.

В-четвертых, 80% предприятий ОПК сегодня нерентабельны и нуждаются в экономической поддержке государства для реконструкции и диверсификации.

У российских предприятий сегодня очень низкий уровень инвестиционной активности, который объясняется не только нежеланием внешних инвесторов вкладывать деньги в инновации, но и неготовностью предприятий их принять. Это объясняется тем, что на предприятиях разрушен инвестиционно-воспроизводственный блок: ликвидированы заводские лаборатории, КБ; нет необходимого оборудования, на котором можно было бы создать новые образцы конкурентоспособной продукции.

Без конверсии военного производства структурная перестройка экономики России невозможна.

Предприятия оборонно-промышленного комплекса Приморского края – это машиностроительные предприятия, имеющие низкую рентабельность и поэтому не способные делать инвестиции за счет собственных средств. Кредитные ресурсы банков не доступны этим предприятиям. Поэтому, на наш взгляд, заслуживает внимания идея о возможности привлечения внебюджетных источников финансирования разработки и производства вооружений и военной техники, а также высоких технологий. В качестве таких источников могут быть: реализация военного имущества, утилизация ВВТ и оказание услуг военными организациями; создание коммерческих структур в рамках ОПК и тесно связанных с заказчиками ВВТ; финансовые и материально-технические услуги предприятий-производителей ВВТ.

Спрогнозировать поведение предприятий ОПК Приморского края можно через воздействие мегасреды и ее активности. Воздействие мегасреды представлено на рисунке 1.

Для прогнозирования развития предприятий ОПК Приморского края применим метод регрессивного анализа, который выполняется в несколько этапов:

- определение классификационных параметрических значений;
- отбор параметров, в наибольшей степени влияющих на уровень развития мегатерритории; выбор и обоснование формы связи изменения уровня мегатерритории при изменении параметров;
- построение системы нормальных уравнений и расчет коэффициентов регрессии.

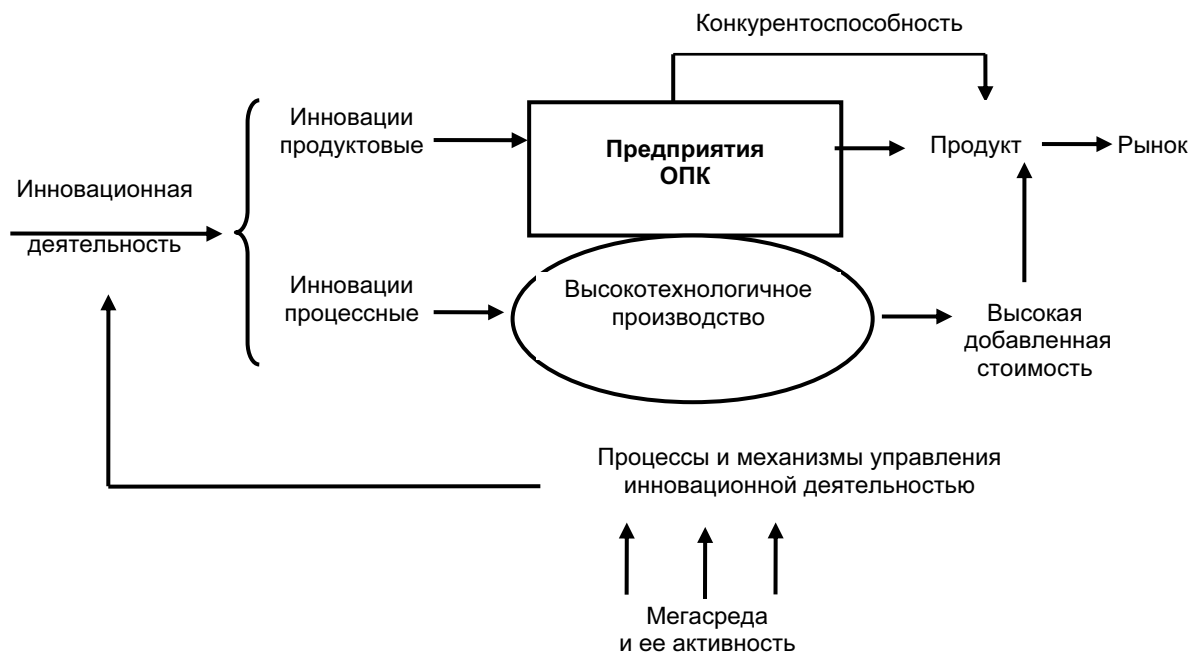

Рис. 1. Воздействие мегасреды и ее активности

Для отбора параметров, влияющих на развитие производства ОПК, вычислим матрицу коэффициентов парной корреляции. По величине коэффициентов корреляции между параметрами можно судить о тесноте их связи. При этом близкая к нулю корреляция показывает незначительное влияние параметра на уровень развития производства. Окончательный отбор параметров производится в процессе пошагового регрессивного анализа с использованием компьютерной техники.

В состав отобранных параметров включим производство изделий ОПК, объем финансирования, госрегулирование, создание инновационных продуктов, конкурентоспособность. Если оценить уровень развития мегасреды по шкале от 0 до 1 используя методику расчета с использованием малых чисел, то нелинейная функция будет иметь следующий вид $Y = f(\chi_1, \chi_2, \chi_3, \chi_4, \chi_5)$, где Y – численное значение фактического уровня состояния среды, χ_i – относительные параметры развития предприятий ОПК n – число параметров;

$$\chi_1 = 0,188; \chi_2 = 0,05 (0,01); \chi_3 = 0,308; \chi_4 = 0,05; \chi_5 = 0,5 \prod_{i=1}^5 x_i = 0,08 \cdot 10^{-3}$$

Произведение параметров $\prod_{i=1}^5 x_i$ имеет значение больше 0, такое значение говорит о формировании нового облика оборонно-промышленного комплекса путем его реформирования в соответствии с задачами военного строительства и с учетом основных парамет-

ров Государственной программы вооружения на 2001–2010 годы, прогнозных оценок военно-технического сотрудничества и необходимости поддержания на требуемом уровне мобилизационных мощностей, а также создание условий для устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса, разработки и производства конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках высокотехнологичной продукции военного и гражданского назначения.

В связи с вышесказанным важное значение приобретает организация в отдельных территориальных образованиях, обладающих необходимым научно-техническим потенциалом, особого типа хозяйственной деятельности: технополисов, технопарков, наукоградов и т. д.

Список литературы:

1. Вопросы формирования промышленной политики России на современном этапе. – М., 1999.
2. Григорьев Е.А. Роль интеллектуального продукта военного и двойного назначения в обеспечении национальной безопасности России: автореф. дис. канд. экон. наук. – М., 2009.
3. Королев В. Оборонно-промышленный комплекс России: вопросы регулирования // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 4.
4. Перевалов Ю. Конверсия в России: несбывшиеся надежды // Вопросы экономики. – 1999. – № 9.
5. Тихвинский С.Л. Реформы и революции в Китае // Новая и новейшая история. – 1999. – № 2.
6. Фармазян Р., Борисов В. Военная экономика: этапы развития и контуры будущего // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 9.
7. Эксперт. – 2009. – № 13.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Напалкова А.А.

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Россия испытывает определенный дефицит в капитале и качественной рабочей силе для освоения дальневосточных территорий. В условиях жесткой конкуренции среди регионов за приток инвестиций, квалифицированной рабочей силы, за удовлетворение растущего уровня потребностей населения в качестве коммунальных услуг и качестве жизни, экологически безопасного производства все более актуальной проблемой становится повышение имиджа и инвестиционной привлекательности региона. Принимаемые шаги в этом направлении носят несистемный характер и, как правило, комплексно не решают проблему, поэтому необходим инновационный подход к управлению регионами, отвечающий современным требованиям рынка. Очевидно, что в настоящее время регионам, и в том числе Дальневосточному федеральному округу и субъектам РФ, входящим в его состав, требуется изучение и оценка, с одной стороны, внутрирегиональных интересов и потребностей, а с другой стороны, оценка собственных возможностей их удовлетворения. Это потребует, безусловно, достаточно емких научно-практических исследований и прогностических разработок. В последнее время, в первую очередь, за рубежом широкое распространение получил комплексный метод разработки и реализации целевых программ развития регионов под названием «региональный маркетинг».

В настоящее время наблюдаются противоположные точки зрения как в определении, так и в содержании регионального маркетинга. Одни видят в маркетинге регионов применение маркетинговых инструментов, особенно рекламы, продвижения и спонсорства для повышения известности и улучшения имиджа территории. Другие понимают региональный маркетинг как функцию, которую выполняет назначенное должностное лицо

в администрации. Тем не менее, региональный маркетинг – это философия, требующая ориентации всей системы власти и менеджмента на потребности целевых групп потребителей товаров и услуг территории [1]. Так, Е.И. Мазилкина, Г.Г. Паничкина определяют региональный маркетинг как «элемент системы рыночных отношений, ориентированный на изучение рынка, спроса, цен на продукцию региона, реализации всего его потенциала как с точки зрения внутренних (региональных), так и с точки зрения внешних (за пределами регионами) потребностей» [2]. Таким образом, задача регионального маркетинга – это выявление местных преимуществ региона, формирование новых и усиление имеющихся преимуществ для привлечения в регион экономических агентов, способных повысить благосостояние жителей региона.

К основным причинам проведения комплексного регионального маркетинга в Дальневосточном федеральном округе можно отнести следующие:

- снижение инвестиционной привлекательности регионов и отток финансовых ресурсов;
- необходимость привлечения дополнительных инвестиций для развития производства и социальной сферы;
- отток трудовых ресурсов из региона и необходимость создания условий для сохранения имеющихся кадров высококвалифицированных рабочих, инженеров, ученых;
- необходимость создания или поддержания привлекательности региональных товаров внутри региона, а также обеспечения выгодных условий экспорта товаров;
- необходимость обеспечения гибкого реагирования всей системы регионального управления на изменения внешней среды;
- неудовлетворенность граждан деятельностью органов различных муниципальных образований в виду недостаточного уровня качества оказываемых услуг по обслуживанию потребностей населения;
- формирование и улучшение имиджа территорий Дальневосточного федерального округа, престижа, деловой и социальной конкурентоспособности.

Все органы власти, отвечающие за судьбу ДФО должны ориентироваться на потребности клиентов и целевые группы, а также на создание лучших, по сравнению с другими территориями России конкурентных преимуществ. В целом выделяются четыре крупных целевых рынка покупателей: рынок приезжих (деловые и частные посетители), жители и работающие по найму, отрасли экономики и инвесторы, отечественные инорегиональные и международные рынки [3]. Власти территории должны направлять свои усилия на привлечение тех посетителей, чьи ежедневные расходы наиболее высоки, а

пребывание – наиболее продолжительно. Вместе с тем должны быть внедрены системы оценок на территории, чтобы ограничить заселение нежелательными лицами, затруднить им проезд и пребывание в регионе.

Стратегия регионального маркетинга должна предусматривать способы увеличения предпринимательской и инновационной активности в регионе в целях повышения конкурентных преимуществ для привлечения инвестиций в регион (рис. 1). Региональный маркетинг обеспечивает, с одной стороны, сбор информации на возникающих на микроуровне возможностях производства и одновременно потребностях рынка региона, с другой стороны – поступление данных о конъюнктуре рынков более высокого уровня. Кроме того, региональный маркетинг должен быть встроен в региональную систему управления, стать стержнем такой системы. Сегментирование позволяет реализовывать целевые программы поддержки конкретных групп населения и бизнеса с учетом специфики каждого сегмента.

Выбор стратегии позиционирования региона зависит от ее образа и имиджа. Формирование и продвижение позитивного имиджа территории с учетом специфики спроса каждой группы клиентов направлено на повышение привлекательности территории в глазах потенциальных потребителей [4]. Регионы стремятся развивать конкурентные преимущества, распространяя маркетинговую информацию среди потенциальных целевых рынков, создавая наиболее благоприятные условия для размещения капитала, повышая уровень жизни работающих, создавая развитую инфраструктуру для бизнеса, туризма и жителей. Необходим постоянный мониторинг состояния привлекательности региона. Разделы, по которым можно проводить оценку привлекательности региона (табл. 1), являются интегральными и включают в себя ряд показателей.

Оценка формирования и развития конкурентного потенциала региона производится по схеме взаимодействия трех групп факторов – институциональных, экономических, социальных на основе диагностического подхода. Система обеспечения конкурентоспособности региона образуется за счет инвестиционной, инновационной и информационной составляющих. Ставка на инновации в конкурентной борьбе представляется сегодня более перспективной, нежели концентрация внимания на решении других стратегически значимых вопросов бизнеса. В данном ракурсе целесообразно рассматривать вопрос о строительстве, например, технопарковых структур или научно-производственных комплексов (инкубаторы, инновационно-технологические центры, технологические парки, наукограды, технополисы и регионы науки). Инновация воспринимается как средство ускоренного развития сложных систем не только в масштабе предприятий, но и отраслей и регионов.

Рис. 1. Стратегические направления регионального маркетинга

Примечание. * Вес фактора определяется экспертным методом. При этом факторы привлекательности будут иметь различные оценки в зависимости от целевых рынков, и для каждого рынка в итоге рассчитывается взвешенный обобщающий показатель (ВПК).

Форма для оценки факторов привлекательности региона

Фактор привлекательности	Вес фактора*	Бизнес потребители		Рабочие по найму		Туристы		Жители		Σ
		балл	ВПК	балл	ВПК	балл	ВПК	балл	ВПК	
Экономическая ситуация	0,2									
Инвестиционная привлекательность	0,3									
Политическая стабильность	0,05									
Уровень и стандарты жизни	0,11									
Уровень преступности	0,05									
Туристическая привлекательность	0,1									
Развитость гостиничного бизнеса	0,12									
Развитость инфраструктуры	0,07									
Сумма	1									

Осознание необходимости применения регионального маркетинга в региональном управлении приходит разными путями и по разным основаниям. В некоторых случаях – при столкновении с фактом снижения притягательности региона для туристов, инвесторов, других лиц, способных придать региону новые силы, большую известность, узнаваемость. В других случаях – если возникает озабоченность в связи с оттоком финансовых, трудовых и других ресурсов из региона. Так, например, Приморский край вошел в тройку

регионов Дальневосточного федерального округа по показателю минимального интегрального инвестиционного риска, а по показателю инвестиционного потенциала край занимает 22 место среди 89 регионов России [5]. Несмотря на то, что Приморский край занимает лидирующие позиции в Дальневосточном федеральном округе по инвестиционному потенциалу, иностранные инвестиции в экономику края в 2009 г. уменьшились в 10 раз по сравнению с 2008 г. Наиболее значимые объемы иностранных инвестиций в основной капитал направлены на производство и распределение электроэнергии, газа, воды и обрабатывающее производство, а большая часть инвестиций направляемых непосредственно в экономику края приходится на развитие транспорта и связи, также в сельское хозяйство, охоту и рыболовство. На фоне снижения иностранных вложений вследствие мирового кризиса, в Приморский край все равно поступают инвестиции из федерального бюджета на финансирование программ развития г. Владивостока и края, общий объем которых составит 528,517 млрд руб. Саммит АТЭС и крупные инфраструктурные проекты, реализуемые на территории Приморского края, позволят до 2015 г. привлечь в регион инвестиции в размере 3 трлн руб. и в целом решить задачу создания условий для развития экономики. Инвестиции в строительство объектов саммита АТЭС составляют примерно 10% всех инвестиционных проектов, запланированных к реализации в Приморском крае до 2025 года. Масштабное инфраструктурное строительство, финансируемое государством, становится стимулирующим фактором для бизнеса.

Но на фоне реализации плана действий по оздоровлению ситуации в финансовом секторе и в экономике по-прежнему остро стоит проблема, связанная с «недоверием» населения. Отток людей из Приморья не слишком значительный, но львиную долю уехавших составляют молодежь, которая могла бы приложить свои умения на благо края. Так, в 2009 году Приморье покинули 11 789 человек (44% от общего числа выбывших), что на 7% меньше, по сравнению с показателями 2008 г. [5]. Из них на постоянное место жительства за границу в 2009 г. уехали 484 человека (556 чел. в 2008 г.). Край покидает наиболее образованное, трудоспособное и молодое население, средний возраст 35–40 лет. С 2002 по 2008 годы из края выехало 59 докторов наук и только 36 приехало, среди кандидатов наук отток составил 10 мигрантов. Несмотря на все попытки властей сделать Дальний Восток привлекательным для жизни, отток населения продолжается, особенно дипломированных специалистов. К примеру, сейчас во Владивостоке строятся жилые микрорайоны для офицеров, но по некоторым оценкам, они не планируют там долгосрочного проживания. Ученые и специалисты выделяют следующие причины такого положения: из-за затяжного характера реформ у определенной части населения появилось неверие тому, «что жизнь наладится и то, о чем говорят чиновники, сбудется»; растут тарифы, медицинское обслуживание, цены на продукты питания, процветает коррупция, сохраняется криминальная си-

туация на улицах. В обществе растет социальная напряженность и наблюдается, своего рода, кризис доверия к власти. У молодежи не только отсутствует жилье, но и довольно низкие зарплаты, что является еще одним определяющим фактором миграции. Миграционными процессами надо управлять, разрабатывая комплексные государственные программы.

Несмотря на колоссальные усилия, которые в настоящий момент проводятся для создания привлекательного образа Владивостока и Приморского края, ряд мероприятий носит разрозненный и размытый, а порой и бесцельный характер. При этом, безусловно, в Приморском крае есть все предпосылки для удержания населения: это и климат, и географическое положение, и частично созданная инфраструктура. Но для этого должны создаваться рабочие места, нужна комплексная программа по изменению образа рабочих специальностей в сознании молодежи, должна улучшаться ситуация с заработной платой и поддержкой молодых семей, не только через программы жилищного строительства, но и льготное кредитование, вовлечение молодежи в инновационные проекты, в т. ч. поддержка инновационного предпринимательства среди студентов. При этом значительную часть работ необходимо проводить в школах. Все меры должны быть направлены на обеспечение приемлемого уровня жизни и поддержание снижения беспокойности за будущее свое и своих детей.

Таким образом, маркетинг, являясь функцией управления, связывает весь управленческий цикл от определения целей и задач до оценки выполнения с точки зрения конечных потребителей базу для улучшения взаимодействия в системе административного аппарата между основными его функциональными подразделениями. Именно использование регионального маркетинга как действенного инструмента инновационного развития Дальневосточного региона позволяет учитывать при принятии хозяйственных решений потребности, состояние и динамику спроса, конъюнктуры рынка региона и характер развития межрегиональных связей, а также, создать условия для максимального приспособления регионального производства к требованиям рынка.

Список литературы:

1. *Арженовский И.В.* Маркетинг регионов. – <http://www.marketing.spb.ru>.
2. *Мазилкина Е.И., Паничкина Г.Г.* Управление конкурентоспособностью. – М.: Омега-Л, 2009.
3. *Панкрухин А.П.* Маркетинг территорий. 2-е изд., дополн. – СПб.: Питер, 2006.
4. *Сачук Т.В.* Территориальный маркетинг. – СПб.: Питер, 2009.
5. Федеральная служба государственной статистики РФ. – www.gks.ru.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Фрисман Е.Я., Аносова С.В., Хавинсон М.Ю., Курилова Е.В., Кулаков М.П.

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)¹**

Важные теоретические результаты, полученные при моделировании «глобального» развития мировой цивилизации и свидетельствующие о реалиях кризисных явлений, привели к существенной корректировке сложившихся представлений о взаимоотношениях между природой и обществом [1; 2].

При переходе от глобального уровня описания к региональному, математическое моделирование динамики хозяйственных комплексов и получение адекватных сценариев их развития может существенно способствовать процессу принятия адекватных управленческих решений, обеспечивающих эффективность регионального развития [3; 4].

В настоящее время сформирована основа экономического блока предлагаемой региональной модели. Предложены базовые уравнения динамики факторов производства: численности занятых и основных фондов по отраслям экономики [5] и видам экономической деятельности.

В региональной модели вместо одного уравнения для капитала (основных фондов) следует рассматривать ряд уравнений, характеризующих отраслевую региональную динамику капитала. Годовое приращение капитала (основных фондов) j -ой отрасли может описываться уравнением типа:

$$\Delta V_j = C_{Vj} P_{Vj} - E_{Vj} V_j,$$

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ проект № 09-02-88202а/Т.

где CV_j – скорость генерации капиталовложений в данной отрасли на одного работающего, P_{Vj} – количество людей, занятых в данной отрасли.

Для годового изменения (приращения) численности занятых естественно воспользоваться следующим линейным уравнением:

$$\Delta P_{Vj} = b_{Vj} - a_{Vj} P_{Vj},$$

где b_{Vj} – годовая потребность работников в данной отрасли. Убыль числа занятых (a_{Vj}) связана с оттоком работающих из отрасли.

В результате оценки коэффициентов модели получены фазовые портреты системы для описания динамики численности занятого населения и стоимости основных фондов предприятий ЕАО. Динамика основных производственных факторов области достигает точки насыщения (рис. 1), причем в пересчете по видам экономической деятельности за 2004–2008 гг. стационарное состояние экономики ЕАО достигается уже к 2015 г.

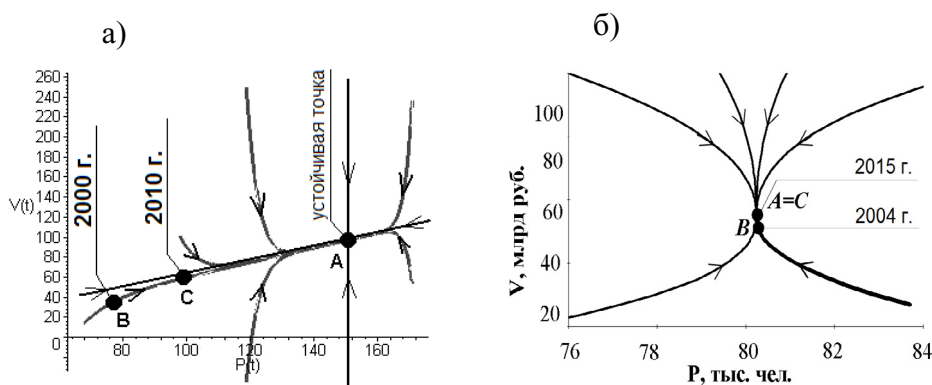

Рис. 1. Фазовый портрет системы и траектории развития экономики ЕАО:

а) по отраслям (2000–2004 гг.); б) по видам экономической деятельности (2004–2008 гг.)

Состояние промышленности качественно не изменилось в течение 10 лет и в настоящее время достигло состояния стагнации (рис. 2).

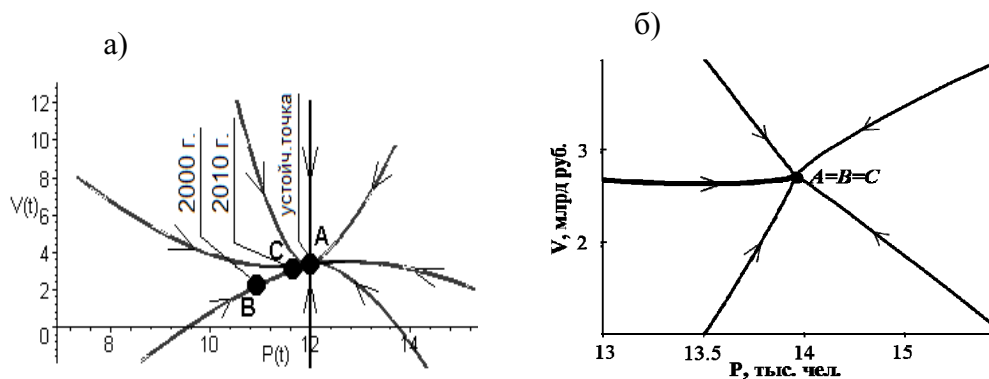

Рис. 2. Фазовый портрет системы и траектории развития промышленности ЕАО:

а) по отраслям (2000–2004 гг.); б) по видам экономической деятельности (2004–2008 гг.)

Одной из точек роста экономики ЕАО может стать проект по строительству Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината на базе Кимканского и Сутарского железорудных месторождений по добыче железной руды, производству железорудного концентрата для внутреннего дальневосточного потребления и экспорта в страны СВА, прежде всего, в Китайскую Народную Республику.

При реализации проекта выгодно смещается положение равновесия в динамике производственных факторов экономике ЕАО (рис. 3).

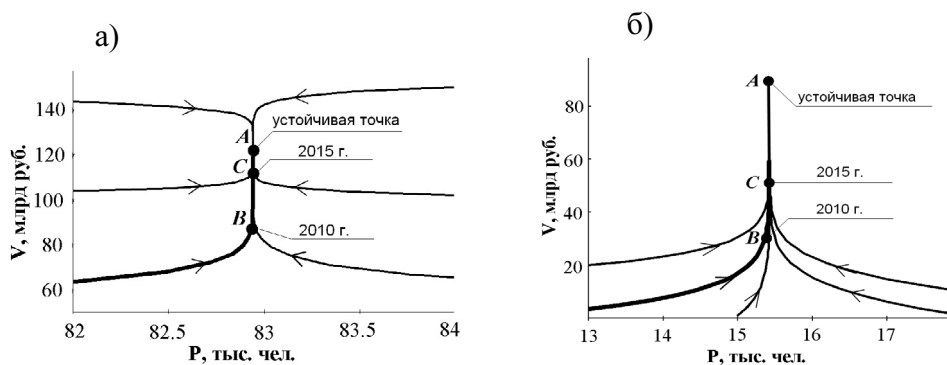

Рис. 3. Фазовый портрет системы и траектории модернизационного развития: а) экономики ЕАО; б) промышленности ЕАО

Дополнительным положительным эффектом строительства комбината является качественная трансформация динамики численности занятых и стоимости основных фондов обрабатывающих производств (рис. 4).

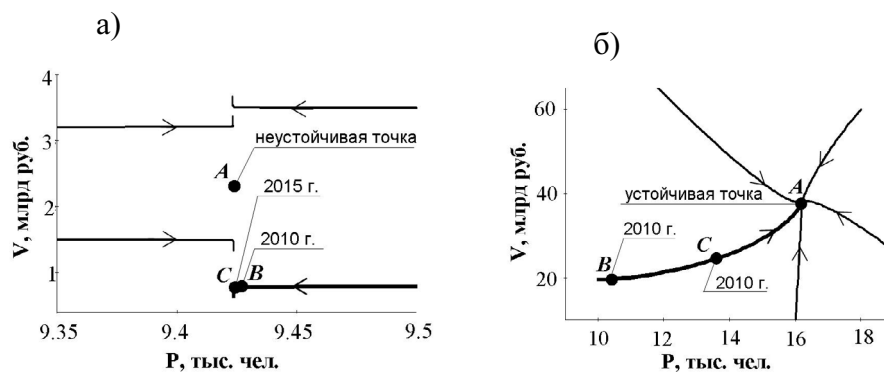

Рис. 4. Фазовый портрет системы и траектории развития обрабатывающие производств в ЕАО: а) инерционный вариант; б) модернизационный вариант

Полученные фазовые портреты хорошо отражают ситуацию, сложившуюся в экономике ЕАО. Трансформация фазовых портретов (изменение типа устойчивости особой точки или смещение положения равновесия) показывает кардинальные перемены в экономике области при реализации в автономии крупных инвестиционных проектов (в частности, строительства Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината). Характер

седла в инерционном развитии обрабатывающих производств (рис. 4а): нисходящая траектория, расположенная «в обход» равновесия, отражает процессы деградации, сопряженные с сокращением численности занятых и уменьшением объема основных фондов при инерционном варианте развития. Устойчивые узлы характеризуют виды экономической деятельности со стабильной динамикой: либо близкой к стадии насыщения (стагнации) (рис. 1б, рис. 2), либо продуктивно развивающиеся (рис. 3, рис. 4б.).

Естественным продолжением работ по математическому моделированию динамики численности занятых и стоимости основных фондов является включение других производственных факторов и нелинейных связей в систему уравнений. Открываются новые аспекты анализа и прогноза регионального развития, если рассматривать в модели динамику численности населения и использования ресурсов (динамику макрокомпонентов регионального развития). Примером подобной модели может быть следующая система уравнений:

$$\begin{cases} \dot{P} = bV + aP - c_0P^2 \\ \dot{V} = cP + c_1PR - eV \\ \dot{R} = qV - wRV \end{cases},$$

где P – народонаселение (тыс. чел), V – основные фонды (млн руб.), R – ресурсы (млн тонн), a, b – коэффициенты роста населения, c_0 – коэффициент парных взаимодействий, c, c_1 – коэффициенты роста капитала, e – коэффициент износа фондов, w – коэффициент истощения ресурсов, q – коэффициент восстановления ресурсов.

В результате аналитического и численного исследования модели установлено, что устойчивость регионального развития, то есть устойчивость ненулевого равновесия, может быть обеспечена при условии: превышения рождаемости над смертностью, привлекательности региона для мигрантов и продуктивного использования природных ресурсов. При нарушении этих условий ненулевая особая точка становится неустойчивой, и траектории стремятся к лучу, состоящему из стационарных точек $(0; 0; R)$, соответствующих отсутствию хозяйственной системы на «неперспективной» территории.

Система уравнений верифицирована на статистических данных ЕАО. Рассмотрено три возможных сценария развития области: инерционный вариант (сценарий 1); развитие при введении и реализации инновационных проектов (сценарий 2) и модернизационный вариант развития (сценарий 3) (рис. 5).

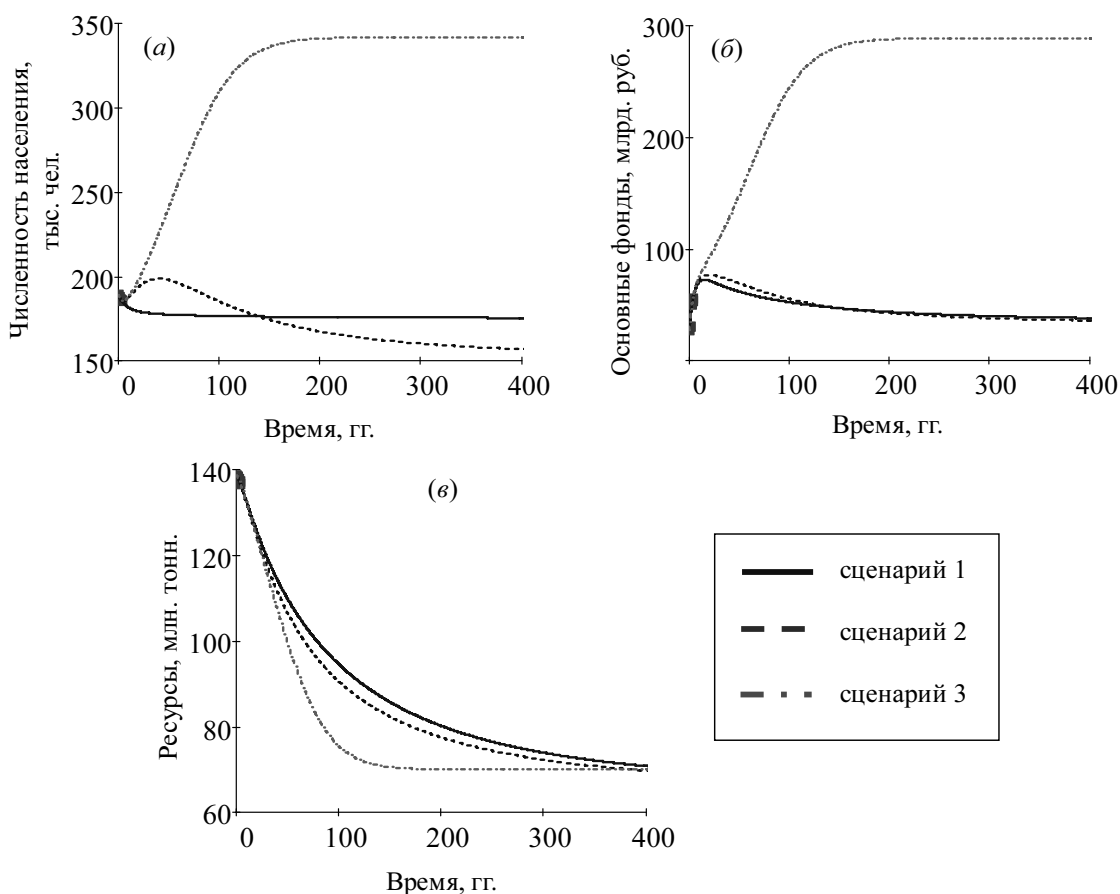

Рис. 5. Обобщенные сценарии развития ЕАО

В сценарии 1 наблюдаемое воспроизводство население слабо связано с экономической активностью в регионе. При таком варианте прирост населения, в основном, определяется теми социальными гарантиями населения, которые связаны со стимулированием рождаемости, без активных мер по созданию и предоставлению рабочих мест. Скачек фондов можно объяснить поступлением средств из федеральных фондов, направленных на реализацию социальных программ.

Сценарий 2 возможен в случае превышении рождаемости над смертностью, умеренной конкуренции (умеренном оттоке людей), высокой привлекательности региона, при разумном использовании ресурсов и их восстановлении. При значительном истощении ресурсов и снижении их качества наблюдается падение темпов роста капитала. Скачек численности населения на несколько тысяч, можно объяснить тем, что задействуется вся инфраструктура региона: расширяется административный штат, обслуживающий персонал, т. е. появляются рабочие места.

Для сценария 3 характерно значительное увеличение численности населения (в 2,2 раза), капитал при этом растет и сохраняется. Добываемые ресурсы в какой-то момент становятся недоступными (исчерпываются до труднодоступного уровня). При таком вари-

анте ресурсы активно используются, не принося ощутимого дохода, вследствие того, что внедряется дорогостоящее современное оборудование и это снижает темпы роста капитала. Наблюдаемый рост фондов, в этом случае, объясняется тем, что внедрение инновационных технологий приводит к тому, что на душу населения будет добываться больше ресурсов. Это приводит к увеличению привлекательности региона и как следствие активному росту населения. Но такой вариант развития практически маловероятен.

Полученные модели некоторых аспектов регионального развития носят довольно обобщенный характер: постоянные коэффициенты представляют собой «усреднение» сложных функциональных зависимостей. На данном этапе исследования мы руководствовались принципом простоты, что позволило разработать аналитические модели, качественно описывающие региональную динамику.

Список литературы:

1. *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. *Кортаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории: Математическое моделирование развития Мир – Системы. Демография, Экономика, Культура. – М.: КомКнига, 2005.
3. Моделирование и управление процессами регионального развития / под. ред. С.Н. Васильева. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2001.
4. *Путилов В.А., Горохов А.В.* Системная динамика регионального развития. – Мурманск: НИЦ «Пазори», 2002.
5. *Фрисман Е.Я., Хавинсон М.Ю., Аносова С.В., Фишман Б.Е., Петров Г.И.* Системная динамика регионального развития: подходы к моделированию блока экономики (на примере Еврейской автономной области) // Пространственная экономика. – 2007. – № 3 (11). – С. 134–146.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Шелена А.С.

**ПРОБЛЕМЫ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ СТРУКТУРЫ
АГРАРНОГО СЕКТОРА ДФО**

Сельское хозяйство не только производит продовольствие, но имеет большое значение для создания условий жизнедеятельности всего населения. Поэтому сохранение и устойчивое развитие аграрного сектора является одним из факторов не только развития экономики, но и роста численности и закрепления постоянного населения в регионе. Решение этих задач невозможно без формирования аграрной структуры, адаптированной к природным, экономическим и социальным условиям ДФО, способной адекватно реагировать на их изменения, восприимчивой к нововведениям.

Рациональная аграрная структура округа должна обеспечивать:

- эффективное использование природно-ресурсного потенциала региона с учетом традиций и навыков населения;
- рост объемов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции;
- развитие сельских территорий;
- повышение уровня занятости, доходности и качества жизни сельского населения.

При формировании и развитии аграрной структуры необходимо соблюдать принципы: комплексного решения проблем сельских территорий с учетом региональных особенностей; равноправного отношения ко всем товаропроизводителям аграрного сектора; доступности и адресности государственной поддержки различных субъектов хозяйствования; создания условий для расширенного воспроизводства и повышения престижности сельскохозяйственного производства.

В процессе общественно-политических и социально-экономических преобразований к настоящему времени в России сформировалась аграрная структура, включающая сельскохозяйственные организации различных организационно-правовых форм, крестьянские (фермерские) и личные подсобные хозяйства населения. Под воздействием внешних и внутренних факторов структура аграрного сектора постоянно меняется, имеет значительные различия в отдельных субъектах Федерации.

В процессе реформ в аграрном секторе возросло значение хозяйств населения и крестьянских хозяйств. Если в 1990 году они производили 26,3% валовой продукции сельского хозяйства, то в 2008 году уже 51,9%. А по Дальнему Востоку на их долю в 1990 году приходилось 23 и в 2008 году 68% валовой продукции сельского хозяйства.

Хозяйства населения производят преимущественно трудоемкую продукцию, пользующуюся устойчивым спросом и удовлетворяющую потребности семьи. В хозяйствах населения производится более 89% картофеля, 79% овощей, 67% молока и 52% скота и птицы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение производства продукции по категориям хозяйств в 2006–2008 гг., %

Виды продукции	Сельскохозяйственные организации		Крестьянские хозяйства		Хозяйства населения	
	Россия	Дальний Восток	Россия	Дальний Восток	Россия	Дальний Восток
Валовая продукция с.-х.	43,9	30,5	7,4	10,3	48,7	59,1
зерно	78,5	74,6	20,2	23,5	1,3	1,9
соя	76,2	72,1	23,0	26,8	0,8	1,1
картофель	7,5	6,1	3,3	4,0	89,2	89,9
овощи	14,0	11,2	6,9	9,8	79,1	79,0
скот и птица на убой	49,8	37,9	3,0	9,2	47,2	52,9
молоко	44,0	21,4	4,0	11,1	52,0	67,5
яйца	75,0	79,0	0,8	2,8	24,2	18,2

В период реорганизации сельскохозяйственных организаций, роста безработицы сельское население было вынуждено расширить личные подсобные хозяйства. Главным фактором в этом случае являлось экономическое принуждение, который действует в усло-

виях общего кризиса, и при стабилизации ситуации в экономике его влияние ослабевает. Это делает неизбежным сокращение производства в хозяйствах населения.

Данная тенденция проявляется, прежде всего, в животноводстве. В 1995 году население Дальнего Востока содержало 433,7 тыс. гол. крупного рогатого скота, 196,3 тыс. гол. коров и 328,2 тыс. гол. свиней. В 2008 году поголовье крупного рогатого скота составило 276,8 тыс. гол., коров – 119,1 и свиней 96,2 тыс. гол. или сократилось на 36; 40 и 71%. Последние годы личные подсобные хозяйства стали сокращать посевы сельскохозяйственных культур.

Изменение возрастной структуры и сокращение сельского населения ведет к уменьшению числа хозяйств. Однако в предстоящие годы данный сектор будет сохраняться, так как при ликвидации неплатежеспособных организаций личные подсобные хозяйства выступают массовой жизнеспособной социально-производственной ячейкой в сельской местности. В их сохранении и поддержке должны быть заинтересованы администрации субъектов Федерации, районов и сельских поселений.

Учитывая значение семейных хозяйств в закреплении сельского населения и развитии сельской местности, необходимо решать вопрос реализации сельскохозяйственной продукции через развитие потребительской кооперации. При поставках продукции перерабатывающим предприятиям, региональным и муниципальным социальным учреждениям на личные подсобные хозяйства и потребительские кооперативы должны распространяться меры поддержки, применяемые для организаций и крестьянских хозяйств. В перспективе личные подсобные хозяйства будут производить 30–35% сельскохозяйственной продукции.

Личные подсобные хозяйства нуждаются в обеспечении малогабаритной техникой, племенным скотом, семенами районированных сортов. Для них необходимо сохранить практику субсидирования кредитов, и в перспективе 8–10% крупных хозяйств населения могут стать предпринимательскими структурами.

Несмотря на относительно небольшой исторический срок, крестьянские хозяйства стали реальным элементом аграрной структуры. На начало 2009 года на Дальнем Востоке было зарегистрировано 9362 крестьянских хозяйств и индивидуальных предпринимателей, из них 44% в южных и 56% в северных территориях региона. Только в Республике Саха (Якутия) имелось 3878 крестьянских хозяйств (КФХ). В последние годы количество крестьянских хозяйств остается относительно стабильным. В пользовании крестьян находилось 806 тыс. га земли, в том числе оформлено в частную собственность 13,8%; используется на праве пожизненного наследуемого владения 28,4%, остальные земли арендуются. Размер площади одного хозяйства по округу достиг 60 га, в то же время в Амурской

области на одно хозяйство имеется 200 га, в Еврейской автономной области 226 га и Хабаровском крае 24 га. В Еврейской автономной области 22% крупных хозяйств используют 88% земель. В северных территориях наиболее крупные земельные наделы в Республике Саха (78 га). В то же время площадь посевов на одно хозяйство составляет 1,5 га в Республике Саха; 3,8 га – в Хабаровском крае; 122 га – в Амурской области и 178 га – в Еврейской автономной области.

По результатам сельскохозяйственной переписи хозяйственную деятельность в Хабаровском крае вели 13,4%, в Приморском крае – 25, Амурской области – 38, Еврейской автономной области – 62 и Республике Саха – 74% из зарегистрированных КФХ. В 2008 г. КФХ округа произвели 12,9% валовой продукции сельского хозяйства, в том числе 11,8% продукции растениеводства и 13,9% продукции животноводства.

Крестьянские хозяйства южных территорий специализируются преимущественно на производстве продукции растениеводства, а в северных преобладает продукция животноводства. Реализация приоритетного национального проекта (ПНП) и Государственной программы развития сельского хозяйства повысили доступность кредитов, но субсидируемые кредитами могут воспользоваться лишь рентабельные хозяйства. Таких хозяйств в округе около 8%.

Как показали результаты реализации ПНП и Государственной программы, сдерживающими факторами развития крестьянских хозяйств выступают:

- нерешенность земельных отношений, трудности с оформлением собственности и долгосрочной аренды земли, невозможность ее использования в качестве залога;
- сохраняющийся диспаритет цен, не позволяющий обеспечивать расширенное воспроизводство;
- трудности с реализацией продукции, отсутствие заказа на продукцию, неприемлемые условия для участия в тендерах на поставки продукции для федеральных, региональных и муниципальных нужд; большое число посредников;
- недостаточное развитие производственной и социальной инфраструктуры в сельской местности.

Как показывают расчеты, крестьянские хозяйства при решении общих проблем получат дальнейшее развитие и при незначительном росте численности смогут производить 20–25% продукции сельского хозяйства. В перспективе сохранится тенденция укрупнения крестьянских хозяйств, рациональные размеры будут составлять 350–500 га сельскохозяйственных угодий и 200–300 га посевов. Для обеспечения круглогодичной занятости в крестьянских хозяйствах необходимо стимулировать развитие животноводства.

На результаты хозяйственной деятельности в округе оказывает влияние ряд удорожающих факторов, но главной проблемой остается диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. За 1991–2008 гг. цены на приобретаемую промышленную продукцию по России выросли в 415 раз, по Дальнему Востоку – в 698 раз, а на реализуемую сельскохозяйственную продукцию в 110 и 74 раза. То есть, в округе диспаритет проявляется в 2,5 раза сильнее. Это ухудшает условия деятельности аграрного сектора и стимулирует отток сельского населения.

В сельскохозяйственных организациях сохраняется производство массовых видов продукции. В них сосредоточено 74% сельскохозяйственных угодий и 76% пашни; в 2009 году размещалось 72,5% посевов зерновых, 69% – сои, 81% – кормовых культур, 15,4 – овощей и 7,7% – посадок картофеля.

Сельскохозяйственные предприятия весь период реформ в условиях агрессивной экономической среды подтверждают свою жизнеспособность. При незначительном улучшении условий они увеличили по сравнению с 2000 годом производство валовой продукции в сопоставимых ценах на 18%. В сельскохозяйственных организациях выше товарность продукции, они являются основными поставщиками сельскохозяйственной продукции местного производства (табл. 2).

Таблица 2

Производство и реализация сельскохозяйственной продукции предприятиями, %

Вид продукции	1990		2004		2008	
	Производство	Реализация	Производство	Реализация	Производство	Реализация
Зерно	99,8	100,0	84,0	75,0	77,2	77,7
Соя	100,0	100,0	87,0	79,0	70,2	71,8
Картофель	45,0	62,0	10,0	14,0	7,5	14,2
Овощи	74,0	93,0	21,0	30,0	16,0	26,5
Молоко	78,0	93,0	30,0	52,0	21,1	31,1
Скот и птица на убой	75,0	92,0	36,0	57,0	40,2	68,0
Яйцо	90,0	99,0	78,0	96,0	78,5	94,2

Одновременно предприятия оказывают услуги владельцам личных подсобных хозяйств в выполнении энергоемких работ, реализуют корма, молодняк скота и птицы, другие ресурсы. Они способствуют сохранению объектов социальной инфраструктуры сельской местности, обеспечивают жизнеспособность сельского социума. Сохраняя рабочие места, сельскохозяйственные организации способствуют закреплению населения в сельской местности. В условиях глобализации экономики социальные функции сельскохоз-

ственных предприятий будут возрастать. Поэтому при развитии сельскохозяйственных организаций необходимо учитывать не только рост производства сельскохозяйственной продукции, но и возможности решения социальных проблем сельской местности.

Ликвидация сельскохозяйственных предприятий ухудшает ситуацию, более 70% работающих оказываются невостребованными. Крестьянские и личные подсобные хозяйства используют до 50% имеющихся угодий, сокращается поголовье скота, наличие техники. Повторное вовлечение в оборот заброшенных сельхозугодий требует затрат, превышающих расходы на оздоровление даже убыточного производства.

Предприятия различных организационно-правовых форм остаются хозяйственным укладом, в решающей степени определяющим возможности восстановления и развития сельскохозяйственного производства в регионе. На их долю с 2005 года приходится 80% прироста производства валовой продукции сельского хозяйства.

В перспективе сельскохозяйственные организации будут производить более 50% валовой продукции сельского хозяйства. Основным условием их возрождения является создание макроэкономических условий для расширенного воспроизводства в аграрном секторе. Это позволит привлекать внешних инвесторов и формировать эффективных собственников.

Важнейшим фактором обеспечения жизнеспособности и конкурентоспособности аграрного сектора является взаимодействие различных субъектов хозяйствования, расположенных на конкретных территориях. Эти процессы будут протекать в виде кооперации и интеграции, обеспечивающих координацию деятельности и защиту законных интересов участников сельскохозяйственного производства. Государство экономическими методами должно стимулировать развитие кооперации и интеграции и привлечение частных инвестиций в аграрный сектор. Только целенаправленный комплексный подход позволит в перспективе сформировать жизнеспособную, эффективную аграрную структуру в регионе.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Шлык Н.Л.

**ВЛИЯНИЕ ЭКСПОРТНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И ИМПОРТНОЙ
ЗАВИСИМОСТИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ**

Современные тенденции развития мирового хозяйства, характеризующиеся углублением экономической интеграции и глобализацией, оказывают непосредственное влияние на экономику отдельно взятой страны. В подавляющей части национальных экономик возрастает роль внешнеэкономического фактора, о чем свидетельствуют показатели роста экспортной, импортной и внешнеторговой квот, что особенно характерно для группы развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Так, мировая внешнеторговая квота за период с 1950 г. по 2000 г. повысилась до 37% и достигла 54% в 2007 г., в то время как в разрезе отдельных стран этот показатель еще выше (КНР – 74,3; Мексика – 69,7; Индия – 40,8).

Считается, что если внешнеторговая квота государства выше 25%, то внешняя торговля начинает оказывать стимулирующее воздействие на экономику, а ее направления определяются тенденциями мирового хозяйства. Такая экономика и называется открытой. Она способствует углублению международной специализации и кооперированию производства, рациональному распределению ресурсов, росту конкуренции на внутреннем рынке. Вместе с тем движение к открытости экономики связано с возможным возникновением ряда проблем. Важнейшая из них – проблема экономической безопасности, т. е. определение для страны оптимальных условий взаимодействия с мировым хозяйством.

Внешние факторы могут оказывать значительное влияние на экономику страны. Например, нефтяной кризис 1970-х гг., выразившийся в 20-кратном росте цен на нефть, оказал негативное воздействие на экономики всех государств, ориентированных на ближневосточную нефть. Еще более глубокие последствия на мировое хозяйство и экономику практически всех государств оказал нынешний мировой финансовый кризис, выразив-

шийся в резком падении темпов роста основных экономических показателей. По данным МВФ, в 2009 г. совокупный ВВП мира сократился на 0,6% (в 2008 г. отмечался рост на 3,0%). Наиболее затронутыми оказались развитые страны, их ВВП снизился на 3,2% (в США – 2,4; Японии – 5,2; Германии – 5%) [2]. Что касается мировой торговли, то впервые за последние 70 лет темпы мировой торговли оказались ниже показателя ВВП, снижение составило – 10,7%.

Как показывает нынешний кризис, возможности приспособления экономики к изменившейся внешней ситуации ограничены. Более того, меры приспособления связаны с дополнительными издержками, например, создание экспортных и импортозамещающих производств, формирование стратегических запасов. Когда критический порог приспособления пройден, возрастает уязвимость экономики. Это и создает проблему экономической безопасности.

В целом национальная экономическая безопасность – это положение, при котором обеспеченность товарами и услугами в данной стране защищена от действия внешних факторов, создающих угрозу эффективному функционированию национальной экономики. Следовательно, более открытая экономика требует определенного государственного вмешательства, выраженного в государственной таможенной, валютной, налоговой, экономической и денежно-кредитной политике.

Российская экономика является открытой, ее внешнеторговая квота составляет около 50%, в т. ч. экспортная в 2009 г. составила 24%, импортная – 25,5%. Столь значительная зависимость экономики от внешних факторов неоднозначно сказывается на развитии страны (табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных экономических показателей
России за 2002–2009 гг. (темпы роста, %)

Показатель	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
ВВП	4,7	7,3	7,2	6,4	6,7	8,1	5,6	–7,9
Промышленное производство	3,1	7,0	7,3	4,0	3,9	6,3	2,1	–10,8
Сельскохозяйственное производство	1,5	1,5	1,6	2,0	2,8	3,3	10,8	1,2
Инвестиции в основной капитал	2,8	12,5	11,7	10,7	13,5	21,1	9,8	–17,0
Экспорт	6,7	26,2	35,0	32,9	25,0	15,9	32,8	–35,5
Импорт	11,2	24,2	31,8	30,3	37,5	21,5	33,7	–37,3

Источник: [5].

Степень влияния внешнеэкономического фактора на экономику страны во многом определяется складывающейся конъюнктурой мирового рынка на экспортные товары. За счет экспорта обеспечивается до 70% прироста ВВП (в случае благоприятной ценовой конъюнктуры на товары). Основу же российского экспорта традиционно составляют сырьевые товары и эта тенденция усиливается (табл. 3). По существу экономика попала в зависимость от положения дел в странах – потребителях российского сырья и энергоносителей, а также от конъюнктуры на мировом рынке.

Таблица 2

Структура экспорта России, за 2002–2009гг., %

Наименование	Годы							
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Экспорт, всего	100	100	100	100	100	100	100	100
Продовольствие и сельхозсырье	2,6	2,5	1,8	1,9	1,7	1,9	2,3	3,6
Минеральные продукты	55,2	57,3	57,7	64,6	65,2	67,7	68,8	67,4
Продукты химической промышленности	7,0	6,9	6,6	5,9	5,6	5,4	6,5	6,2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4,6	4,2	3,9	3,4	3,2	3,4	2,5	2,8
Металлы и изделия из них	18,6	17,7	20,4	17,0	13,9	14,3	11,7	11,2
Машины, оборудование и транспортные средства	9,4	9,0	7,8	5,6	5,8	5,0	4,9	5,9
Другие товары	2,6	2,4	1,8	1,6	4,6	2,3	3,3	2,6

В текущем десятилетии почти в два раза снизилась доля машин и оборудования (до 5,9%), в то время как доля углеводородного сырья увеличилась до 70%. Россия экспортирует 56% добытой нефти, 29% газа и 46% угля, древесины – 31%. Такая структура экспорта не создает устойчивого и эффективного экономического роста. Не способствует подъему экономики на новый качественный уровень и сложившаяся структура российского импорта (табл. 3).

Для импорта России характерны более высокие темпы развития по сравнению с экспортом. Его структура и динамика непосредственно зависят от общеэкономического положения страны в целом, ее производственного потенциала, платежеспособности госу-

дарства, его хозяйствующих субъектов и населения, активностью участия в мирохозяйственных связях.

В отличие от сырьевой направленности экспорта, в структуре импорта в России преобладают товары с высокой долей добавленной стоимости. По имеющимся оценкам за счет импорта формируется около 45% ресурсов в розничном товарообороте. Доля импорта в продовольственных товарах в среднем составляет более 28%, в товарах длительного пользования – более 65% и в непродовольственных товарах – более 50% [2, с. 12].

Таблица 3

Структура импорта России за 2002–2009 гг., %

Наименование	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Импорт, всего	100	100	100	100	100	100	100	100
Продовольствие и сельхозсырье	22,5	21,1	18,3	17,7	15,7	13,7	13,2	18,0
Минеральные продукты	3,7	3,8	4,0	3,1	2,7	3,0	1,5	0,5
Продукты химической промышленности	16,7	16,8	15,8	16,5	16,6	14,4	13,2	16,7
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4,3	4,2	3,9	3,3	2,9	3,1	2,4	3,1
Текстиль и текстильные изделия, обувь	5,3	4,8	4,7	3,7	2,6	3,5	4,4	5,7
Металлы и изделия из них	6,4	7,3	7,9	7,8	6,0	6,3	7,0	6,5
Машины, оборудование и транспортные средства	36,2	37,3	41,2	44,0	48,1	49,1	52,7	43,4
Другие товары	4,9	4,3	3,9	3,6	5,2	3,1	5,6	6,1

В структуре импорта традиционно преобладают две товарные группы – «машины, оборудование и транспортные средства» и «продовольствие и сельхозсырье», на долю которых приходится более 60% (табл. 3). Рост импортных товаров привел к вытеснению отечественной продукции и подрыву целого ряда отечественных отраслей производства: животноводства, фармацевтической промышленности, производства радио- и телеаппаратуры, бытовой техники и др. Реальная картина засилья импорта на рынке еще мрачнее, так как статистика во многом не учитывает стоимостных показателей (импортные товары, как правило, дороже отечественных), а также неорганизованную торговлю. По разным оценкам она составляет от 10 до 20% розничного товарооборота. Все вышесказанное свиде-

тельствует о том, что сегодня в России превышен порог промышленной и продовольственной безопасности. По имеющимся оценкам, для достижения продовольственной независимости страны (а эта проблема стоит остро в мировом хозяйстве) доля импортного продовольствия не должна превышать 20% от общего объема продовольственной продукции. В России порог продовольственной безопасности существенно превышен и угроза потери Россией продовольственной независимости выглядит достаточно реально, особенно с учетом возможных негативных последствий после присоединения страны к ВТО. По имеющимся оценкам страна завозит из-за границы треть всего необходимого продовольствия, а в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах – до 70% [4].

Сложившаяся структура внешних связей России, как отражение сырьевой направленности экономики в целом, не отвечает современным тенденциям развития мировой экономики. В настоящее время место страны в мировом хозяйстве определяется не столько изобилием сырья, сколько инновационной активностью экономики. В новом столетии позиции любого государства в мировой экономике вообще и мирохозяйственных связей, в частности, во многом будут определяться потенциалом наукоемких отраслей, уровнем развития фундаментальной и прикладной науки, образования, «качеством» людских ресурсов.

В зарубежных исследованиях последнего периода в числе исходных ресурсов экономического роста особо выделяется роль человеческого капитала – образование, профессиональная подготовка, квалификация и опыт работников, а также инвестиции в систему образования. В России на развитие человеческого капитала приходится всего 3,7% фонда накопления, в то время как во Франции – 18,6%, в Германии – 16,2%, Литве – 17,4% и Эстонии 17,1%. По этому показателю Россия отстает от Португалии (в 6 раз) и Индии (2 раза) [3]. Низка доля России и на мировом рынке наукоемкой продукции – 0,3% (США – 36%, Япония – 30%, Германии – 16% [1]).

Инерционное формирование производственного потенциала России в основном на базе исчезающих ресурсных преимуществ «заморозило» стимулы к развитию преимуществ технологических. Опережающий спад выпуска продукции в высокотехнологичных отраслях происходит на фоне деградации технологической структуры инвестиционного сектора, в результате чего в стране резко снизился инновационно-технологический потенциал. Об инновационной деятельности государства свидетельствуют, прежде всего, такие показатели как затраты на НИОКР, их распределение по приоритетным направлениям развития, состояние торговли результатами научно-технических знаний, численность персонала, занятость исследованиями и разработками.

По имеющимся данным, доля расходов на НИОКР в ВВП России заметно отстает от развитых стран – 1,12% в 2008 г. (в США – 2,6%, Японии – 3,5%, Германии – 2,5%). В отличие от большинства развитых стран, главным источником финансирования исследовательских работ в России остается бюджет, на долю которого в 2008 г. приходится 62,6% (в США – 27,7%), предпринимательского сектора – 29,4 (в США – 66,4), на иностранные источники в России – 7,2%, средства высших учебных заведений – 0,6% (США – 2,7%).

Таблица 4

Денежные поступления от продажи/покупки патентов,
лицензий, ноу-хау по странам за 2008 г. (млн долл. и %)

№ п/п	Экспортеры			№ п/п	Импортеры		
	Страна	Стоимость	%		Страна	Стоимость	%
1	США	82 614	44,8	1	ЕС (17)	76 435	43,5
2	ЕС (27)	59 647	32,4	2	США	25 048	14,3
3	Япония	23 229	12,6	3	Япония	16 678	9,5
4	Швейцария	8926	4,8	4	Швейцария	11 174	6,4
5	Канада	3505	1,9	5	Сингапур	8946	5,1
6	Республика Корея	1735	0,9	6	Канада	8213	4,7
7	Сингапур	821	0,4	7	Китай	8192	4,7
8	Израиль	784	0,4	8	Республика Корея	5134	2,9
9	Норвегия	700	0,4	9	Австралия	2873	1,6
10	Австралия	690	0,4	10	Россия	2806	1,6
11	Россия	396	0,2	11	Тайвань	2575	1,5
12	Гонконг и Китай	358	0,2	12	Таиланд	2287	1,3
13	Китай	343	0,2	13	Бразилия	2259	1,3
14	Бразилия	319	0,2	14	Южная Африка	1596	0,9
15	Парагвай	287	0,2	15	Гонконг и Китай	1504	0,9
всего	15 стран	184 355	100,0	всего	15 стран	175 720	100,0

Источник: рассчитано по [6].

Важным показателем, влияющим на результаты инновационной деятельности государства, является численность специалистов занятых в науке, а также их доля в общей численности населения страны. По данным ЮНЕСКО в 2007 г. в мире насчитывалось более 7 млн человек, из них большая часть (4,3 млн чел.) проживает в развитых странах. В Азии, по сравнению с Америкой и Европой, сконцентрировано больше ученых (41,4% против 25,8% и 28,4% соответственно). Из азиатских стран на долю Китая приходится 20,1% и Японии – 10%. В России же численность ученых составляет 6,6%, причем здесь наблюдается тенденция к снижению (в 2002 г. – 492 тыс. чел., в 2007 г. – 469,1 тыс. чел.). По числу ученых на 1 млн жителей Россия по данным 2007 г. более чем в три раза превосходит среднемировые показатели, Китая и НИС Азии (соответственно 3291,8 чел., 1071,3 чел. и 1007 чел.) [7]. Однако по итогам внешней торговли продукцией интеллектуальной деятельности Россия занимает весьма скромное место (табл. 4).

Преодоление разрыва между потенциальными возможностями научно-образовательного комплекса России и низким уровнем их практического применения требует осуществления масштабных системных преобразований. Речь идет не только об увеличении объемов финансирования, но, что очень важно, о совершенствовании организации и нормативно-правовой базы научно-технологической деятельности и вовлечении ее результатов в хозяйственный оборот, включая и внешнеэкономическую область. А это, в свою очередь, положительно скажется на качественном уровне развития страны и ее экономической безопасности.

Список литературы:

1. БИКИ. – № 390. – 12.08.2009 г.
2. Внешнеэкономический комплекс России: современное состояние и перспективы / ВНИКИ. – 2010. – № 1.
3. *Кудров В.* Экономика России: сущность и видимость // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2009. – № 2.
4. Мосты / МЦТУР. – Ноябрь. – 2007.
5. Федеральная служба государственной статистики РФ. – <http://www.gks.ru>.
6. International Trade Statistics 2009 / World Trade Organization. – <http://www.wto.org>.
7. UNESCO institute for statics, 2009. – <http://www.uis.unesco.org>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Якубовский Ю.В., Бурдина Е.И., Иванова И.А., Карастелев Б.Я.,

**КОГНИТИВНО-ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД
К МУЛЬТИДОЛГОСРОЧНОМУ ПРОГНОЗИРОВАНИЮ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

Опираясь на методологические и предметные особенности прогнозирования научно-технологического развития в современных условиях [2] представляет повышенный интерес возможности мультидолгосрочного (2050 г.) предвидения социально-экономического состояния территорий российского Дальнего Востока и его южной части, включая Владивосток. В данном случае Forecast локализуется в системе временной оси: было – ретроспектива региональной науки, образования, культуры и форпост российского государства на Дальнем Востоке в течение 150 лет; есть – глубокие социально-экономические реформы, политические решения по участию России в третьей технологической волне революционного процесса развития цивилизации, значимые инфраструктурные финансовые вложения на развитие г. Владивостока и юга Приморья в целях проведения в 2012 году Форума АТЭС, создание федерального университета с числом студентов в среднем 50 тысяч с новой материальной базой и будущее – богатейшая по сырьевым ресурсам территория (углеводородные энергоносители, морские гидробионты, уникальные леса Сихотэ-Алиня и его рудные месторождения, Приханкайская низменность для ведения сельского хозяйства), транспортно-портовые незамерзающие морские акватории, специализированные академические институты ДВО РАН и университеты, мощный машиностроительный оборонно-промышленный комплекс, хорошие торгово-экономические и культурные связи со странами АТР, самодостаточная национально-региональная инновационная система и возможности формирования Foresight.

При этом главным негативным фактором динамики региональной экономики в долгосрочной перспективе будет демографический [3]: общее население края постоянно снижается и в 2030 году ожидается на уровне 1,5 млн человек, при коэффициенте собственного прироста на 1000 человек населения –7.

Последняя информация накладывает на прогнозный фон необходимость воздержания от инициирования крупномасштабных прорывных инновационных проектов, минимизируя технологические и социально-демографические риски. При этом, активной правительственной позиции по привлечению переселенцев на Дальний Восток по аналогии правительства графа С.Ю. Витте или советского периода 30 годов XX века ожидать не следует.

Представляется оптимальным использовать инновационно-активный сценарий локального технологического лидерства с опорой на государственное финансирование и финансирование в рамках частно-государственного партнерства ряда прорывных научно-технологических проектов, которые позволят российским компаниям создать или укрепить свои позиции на отдельных секторах российского и мирового рынков. Приоритеты должны опираться на создание высокотехнологичной продукции и услуг путем использования, прежде всего, своей сырьевой базы и осуществлять последовательное развитие инновационного потенциала территории.

Вторая часть когнитивно-инновационного подхода к долгосрочному прогнозированию касается практической оценки возможности создания проектного менеджмента или его алгоритма во временном и пространственном организационно-финансовом аспекте по осуществлению предмета исследования, что позволит реально выставить на рынках серийный высокотехнологичный инновационный продукт или услуги, включая создание обеспечивающей инновационной технологии. Уровень используемых технологий прямо определяет величину прибавочной стоимости, и, следовательно, объем ресурсов для последующего развития, который может получить производитель. Кроме того, он определяется средой, в которой становится возможным использовать данные технологии, т. е. существующими общественно-политическими отношениями и, в свою очередь, сам оказывает влияние на формирование соответствующей среды. Под инновационной средой понимают «сочетание внутренней (внутрифирменные отношения, связи, образуемые состоянием элементов системы фирмы, влияющих на ее инновационную деятельность) и внешней (макро и микро) сред участников инновационной деятельности».

Уровень развития инновационной среды влияет на способность экономического субъекта к восприятию и внедрению новых технологий и продуктов в производство.

Если рассматривать динамику изменения экономической субстанции во времени, то можно выделить понятия: средняя скорость, ускорение (или замедление) и относительная скорость изменения субстанции. Последняя величина, как самая важная, может быть количественно определена и использована для оценки состояния инновационной среды этой субстанции по отношению к более развитой. Тогда открываются подходы и возможности количественной индикации инновационной среды и влияния ее на процессы конкретного управления развитием высокотехнологичного производства.

Главное требование, предъявляемое к инновационной среде – это гибкость, способность быстро приспосабливаться к меняющимся условиям рынка и спросу покупателя, а также обладать активностью.

Сложности оценки уровня развития инновационной среды связаны со множеством параметров, характеризующих процесс инновационной деятельности, которые неоднородны по своей природе и силе влияния.

Несмотря на выделение большого количества показателей и параметров в практике регулирования инновационной деятельности, единая теория их представления не сформирована. В настоящее время существует две наиболее полные классификации этих параметров: американские ученые выделяют 50 позиций; специалисты ЮНЕСКО предлагают список более чем из 80 параметров. Определение влияния каждого из них является трудоемким процессом и требует привлечения большого объема статистической информации и экспертов-специалистов, а также перевода качественной информации в количественную. Поэтому, возникает проблема поиска интегральных критериев, позволяющих получить представление о состоянии среды.

Уровни развития инновационной среды предлагается рассматривать как: активную, пассивную и слабую.

Активная инновационная среда способствует беспрепятственной реализации конкурентоспособных инновационных проектов, отвечающих требованиям рынка. Субъекты активно внедряют инновации, повышая свою конкурентоспособность

Пассивная инновационная среда – промежуточное состояние между активной и слабой средой. Характеризуется индифферентным отношением к инновационной деятельности, невостребованностью результатов научных разработок. Инновации внедряются как результат государственного регулирования.

Слабая инновационная среда – полная неспособность к каким-либо инновациям, постепенная деградация производственной системы, а следовательно и обнищание социального общества.

Из вышесказанного можно заметить, что уровень развития инновационной среды, являющийся функцией параметров ξ_1, \dots, ξ_n будет:

$$Y = f(\xi_1, \dots, \xi_n) \quad (1)$$

Далее многочленные параметры сведем в определенные функциональные факторы, которые отвечают за инновационную деятельность исследуемого субъекта экономики. Нами выделены пять основных функциональных факторов.

Тогда активность инновационной среды Y по аналогии с модельным представлением потенциала развития фирмы [1], представим в виде произведения ее частных составляющих

$$Y_\phi = \prod_{i=1}^n X_i, \quad (2)$$

где Y_ϕ – численное значение уровня состояния среды;

X_i – относительное совершенство частного фактора инновационного развития среды субъекта;

$n = 5$ число факторов.

Значение каждого из частных факторов в относительном виде изменяется от 0 до 1. Для пяти параметрической функции шкалу значений Y_ϕ подразделяем на шесть интервалов: $[0,1^5; 0,2^5]; [0,2^5; 0,3^5]; [0,3^5; 0,4^5]; [0,4^5; 0,5^5]; [0,5^5; 0,7^5]; [0,7^5; 1]$, относя их к зонам слабой инновационной среды 1 типа (среда отторгает любые инновации, не способна к разработке и внедрению новшеств); слабой инновационной среды 2 типа (среда почти неспособна к восприятию инноваций); пассивной инновационной среды 1 типа (среда способна воспринимать инновации под воздействием внешних сил); пассивной инновационной среды 2 типа (среда способна к восприятию инноваций); устойчивого развития активной инновационной среды (среда легко воспринимает инновации и стремится к их самостоятельной разработке); высокого развития активной инновационной среды (среда активно разрабатывает и осуществляет инновации).

Для количественной индикации уровня инновационной среды осуществляем выбор экономических показателей исходя из информационной доступности данных и соответствия их содержания характеристикам инновационной деятельности. А частные факторы должны отражать следующие позиции инновационной деятельности: производство, финансирование, НИОКР, государственное регулирование, маркетинг. Тогда:

- производственный фактор X_1 рассматривается как организационная основа способствующая «вытапливанию» нового продукта в производство определяется через соотношение объема производства машиностроения территории ко всему объему промышленного производства;

- фактор инновационного финансирования X_2 оценивается как доля реального объема инвестиций на инновационный проект ко всем потребностям субъекта исследования в инвестициях;
- фактор НИОКТР X_3 оценивает способность субъекта к внедрению патентных разработок через количество внедренных в производство относительно запатентованных;
- фактор государственного регулирования X_4 определяет относительные затраты бюджета на развитие технологий в России к таковым в развитых странах;
- маркетинговый фактор X_5 определяет стоимостное соотношение реализуемой продвинутой продукции к инновационной.

В качестве примера можно предложить выполненные в ДВГТУ исследования (2000 – 2010 гг.) по индикации инновационной среды деревообрабатывающей отрасли Приморского края и ее инициирование разработкой деревянного каркасно-панельного модульного домостроения с применением клефанерных композитных комплектующих элементов в новой архитектурно-строительной композиции (табл. 1)

Таблица 1

Расчетные данные индикации уровня инновационной среды отрасли

Фактор	2007–2008 гг.	2008–2009 гг. (с учетом данных ОАО «Тернейлес»)	2008–2009 гг. (с учетом ООО «НИЦ «Деревообработка»)	2010–2012 гг. (с учетом ОАО «Приморсклес-пром»)
Производство	0,188	0,188	0,188	0,2
Финансирование	0,05 (0,01)	0,637	0,529	0,672
НИОКТР	0,308	0,308	0,5	0,78
Госрегулирование	0,05	0,05	0,205	0,51
Маркетинг	0,5	0,5	0,54	0,65
Произведение факторов	$0,08 \cdot 10^{-3}$	$0,92 \cdot 10^{-3}$	$5,5 \cdot 10^{-3}$	$35 \cdot 10^{-3}$
Интервал уровня состояния среды	[0,00001 – 0,0003)	[0,0003 – 0,002)	[0,002 – 0,01)	[0,031 – 0,16)
Место уровня среды	слабая I типа	слабая II типа	пассивная I типа	активная

Экономическая оценка инвестиционных вложений на разработку и создание высокотехнологичного продукта (деревянного домокомплекта) на основе участия университета в процессе управления реализацией проекта от начала регистрации генеральной идеи и формулирования цели до передачи опытного высокотехнологичного продукта в эксплуатацию первому заказчику – покупателю в конце третьего этапа, а также осуществления расширенного серийного производства представлена в таблице 2.

Таблица 2

Динамика инвестирования инновационного проекта

Этап	Продолжительность, годы	Источник инвестирования	Сумма вложений, млн руб.
1	1	Бюджет университета, материальная база	18
2	2	Госконтракты и инвесторы	22
3	1,8	Университет, инвесторы, патентодержатель	29
4	2,2	Субъект бизнеса и Государственное субсидирование по 218 постановлению	195 + 110
Всего 7		Расширенное серийное производство	Итого: 374

Экономический анализ этапов реализации проекта, говорит о том, что на создание одного рубля опытного высокотехнологичного продукта (малоэтажного деревянного дома) потребовалось 21,7 рублей вложений без учета инфляционной составляющей.

Данное соотношение согласно информационных источников может варьироваться в широких пределах 1: [15–30], разброс объясняется различной спецификой инновационного продукта и типа производства. На расширенное серийное производство инновационного продукта и обеспечивающей технологии на четвертом этапе (2010–2012 гг.) субъектом бизнеса (ОАО «Приморсклеспром») будет инвестировано 195 млн рублей при государственной субсидии – 110 млн рублей, при мощности производственного комплекса – до 100 тыс. м² жилья в год, что значительно улучшит состояние инновационной среды деревообрабатывающей отрасли территории.

В конечном итоге имеем практический опыт осуществления проекта высокотехнологичного инновационного производства в современных условиях хозяйствования субъектов бизнеса, государственного управления инновационным научно-технологическим развитием и научно-прикладной деятельности университета, который может быть полезен в технологизации средств и приемов долгосрочного прогнозирования в совокупности с видением размеров инвестирования этапов жизненного цикла продукто-технологической инновации.

Список литературы:

1. *Ансофф И.* Стратегическое управление: сокр. пер. с англ./ И. Ансофф. – М.: Экономика, 1989.
2. *Белоусов Д.Р., Фролов И.Э.* Методологические и предметные особенности прогнозирования научно-технологического развития в современных условиях // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 3. – С. 88–105.
3. Естественное движение населения в Приморском крае. 2010: стат. сб. / Приморскстат, 2010.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 2
«ДОЛГОСРОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ
ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНОВ»

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Антонова Н.Е.

**ФАКТОРНЫЕ УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО
РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹**

Перспективное развитие лесного комплекса (ЛК) Дальнего Востока будет определяться изменением системообразующих взаимосвязей, определяющих его структуру, в том числе институциональных, ресурсных, спросовых, инвестиционных.

Нельзя однозначно утверждать, являются ли институциональные изменения потенциалом или ограничением развития ЛК Дальнего Востока в долгосрочной перспективе. Пока что одновременное масштабное изменение нормативно-правовых основ в лесном комплексе служит ограничением в его развитии, поскольку приводит к нарушению устойчивости рынка лесопромышленной продукции, дестабилизации условий для бизнеса в этой сфере. Например, поднятие в 2007–2008 гг. экспортных пошлин на необработанную древесину стало основной причиной снижения показателей лесопромышленного производства в России в целом, поскольку сокращение экспорта круглой древесины не было компенсировано ростом внутреннего спроса.

Те же самые тенденции, даже еще более усугубленные экспортной ориентацией, были характерны для лесного комплекса Дальнего Востока. Тем не менее, введение пошлин стимулирует интенсификацию создания деревоперерабатывающих производств на Дальнем Востоке, так же как внедрение механизма приоритетных инвестиционных проектов.

¹ Работа подготовлена при поддержке проектов № 09-III-A-10-543, 09-I-ООН-01.

В Госдуме разработан законопроект о полном запрете экспорта круглой древесины [2]. Срок полного запрета может быть введен в период с 2012 по 2015 г., что будет оказывать влияние на параметры развития лесного комплекса Дальнего Востока в перспективе.

Доступность и качественные характеристики лесных ресурсов являются фактором, определяющим как кратко-, так и долгосрочное развитие лесного комплекса. Основные нетронутые лесные массивы расположены в северных районах Хабаровского края, Амурской области, в Южной и Западной Якутии. Освоение этих лесных массивов вызовет общий рост издержек лесозаготовительного производства, поскольку для доступа в них необходимо вложение значительных средств в создание инфраструктуры, в первую очередь дорог. При вовлечении в перспективе этих ресурсов в пользование для сохранения конкурентоспособности лесозаготовок необходимым условием является поддержка государства в создании лесопромышленной инфраструктуры. Поэтому лесной бизнес ожидает обещанного государством участия в создании инфраструктурных проектов в рамках программы государственной поддержки лесной отрасли, а также федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» [3]. Кроме того, в связи с освоением полезных ископаемых в Южной и Западной Якутии ожидается развитие транспортной инфраструктуры, которая может быть использована и для освоения лесных массивов.

Продукционный потенциал лесных ресурсов Дальнего Востока позволяет повысить интенсивность освоения древесных ресурсов, как минимум до уровня 1980-х годов – периода максимального использования лесных ресурсов региона. Наиболее значимым фактором, определяющим динамику лесного покрова, являются лесные пожары, поэтому снижение горимости будет залогом устойчивого развития лесного комплекса Дальнего Востока России. В значительной мере возможность наращивания объемов использования древесины с одновременным переходом к неистощительному лесопользованию будет зависеть от методов и способов рубки, а также от степени перестройки структуры всего лесного комплекса в сторону комплексного использования древесного сырья [4].

Усиливается роль спросового фактора. Возможность роста спроса на национальном рынке в перспективе скорее всего будет определяться только эксклюзивностью производства продукции переработки, если таковая появится в регионе. Развитие регионального рынка лесопромышленной продукции будет определяться экономическим ростом на Дальнем Востоке, что вызовет рост уровня благосостояния населения и спроса на жилищное строительство.

Одним из перспективных направлений роста внутреннего спроса на лесопромышленную продукцию на Дальнем Востоке могло бы стать деревянное малоэтажное домо-

строение, имеющее ряд преимуществ. Для этого должны быть созданы институциональные и инфраструктурные условия для его развития, отсутствующие в настоящее время. Кроме того, условием роста спроса на продукцию ЛК является диверсификация структуры экономики в регионе, появление новых потребителей.

Фактором развития для ЛК Дальнего Востока на перспективу останется внешний спрос на древесину. Лесоэкспортная политика России меняет расстановку сил на лесных рынках Восточной Азии в сторону снижения роли российских экспортеров как основных мировых поставщиков круглой древесины. Попытки государства заставить экспортеров сменить структуру предложения с круглой древесины на полуфабрикаты наталкиваются на объективные препятствия: во-первых, отсутствие товаров надлежащего качества и цены, которые можно было предложить на рынке, во-вторых, отсутствие наработанных ниш на лесных рынках с существующей там сильной конкуренцией для реализации новых для дальневосточных производителей товаров. Непоследовательность правительства страны в проведении таможенной политики создает нестабильные условия для поддержания уже сложившихся и формирования новых связей между дальневосточными и восточноазиатскими партнерами в торговле лесопромышленной продукцией.

Структура предложения лесопромышленной продукции на Дальнем Востоке в настоящее время определяется примитивным развитием мощностей по переработке древесины, наличием слабых технических и технологических возможностей отрасли для перехода от заготовки к полной переработке сырья. Такие низкие стартовые условия перспективного развития ЛК Дальнего Востока при изменяющейся институциональной среде требуют интенсификации инвестиционных вложений в деревопереработку.

Это возможно при условии распространения процесса корпоратизации на сферу переработки древесины, которая пока не была затронута, что объяснялось конъюнктурой внешнего спроса преимущественно только на круглую древесину. Распространение корпораций в перерабатывающую отрасль началось с процессом эскалации пошлин. Более широкие возможности доступа к инвестиционным ресурсам у крупных компаний по сравнению со средним и мелким бизнесом повышают вероятность создания ряда новых производств, уже заявленных этими компаниями.

В настоящее время на территории Дальнего Востока реализуется, включая приоритетные, 19 крупных проектов в области освоения лесов. Все они находятся в различной степени готовности – от стадии проектирования до строительства. В зависимости от набора реализованных проектов будет формироваться перспективная производственная и технологическая структура лесного комплекса Дальнего Востока.

Возможны два варианта развития лесного комплекса Дальнего Востока в перспективе: реалистичный и инновационный. Реалистичный вариант развития базируется на лесных планах дальневосточных субъектов РФ, ряде других стратегических документов, касающихся развития лесных комплексов территорий, а также ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года». В период с 2008 по 2018 г. на Дальнем Востоке планируется создать производства по изготовлению продукции всех переделов, включая деревообработку, деревопереработку и лесохимию. В первую очередь будет реализован ряд проектов в ведущих лесных регионах Дальнего Востока – Хабаровском и Приморском краях, Амурской области, которые сохранят за собой основной объем производства ЛК региона. Средний срок окупаемости проектов – 5,5 лет, общий объем финансирования – 66,5 млрд рублей. Источниками финансирования являются как собственные средства компаний, так и банковские кредиты. В качестве инвесторов, помимо российских компаний, выступают иностранные компании из КНР, Японии, США, Канады, Малайзии. Таким образом, по реалистичному варианту общий объем производства лесопромышленной продукции на Дальнем Востоке может составить к 2020 г. 10,6 млн м³.

Инновационный вариант исходит из того, что генеральной целью развития лесного комплекса Дальнего Востока является максимизация вклада комплекса в повышение благосостояния населения региона, т. е. на основе лесных ресурсов должна создаваться максимально возможная добавленная стоимость. Реализация инновационного варианта будет идти в 2 этапа. На первом этапе осуществится завершение ранее начатых инвестиционных проектов по созданию перерабатывающих мощностей (проекты из реалистичного варианта).

На втором этапе необходимо строительство лесопромышленного центра комплексной глубокой переработки древесины. Проект создания такого центра в Хабаровском крае активно обсуждается на региональном и на федеральном уровнях. Намечается строительство целлюлозного завода в г. Амурске по производству 700 тыс. т белой целлюлозы в год, способного перерабатывать 2,5 млн м³ низкосортной древесины и отходов деревообработки. Инициатором проекта является холдинговая компания ОАО «Дальлеспром». Общий объем требуемых инвестиций вместе с инфраструктурными объектами оценивается в 40 млрд рублей. Для его реализации предполагается за счет заявки на средства Инвестиционного фонда РФ (в объеме 8,7 млрд руб.) построить объекты транспортной инфраструктуры, энерго- и водоснабжения, о чем записано в ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года». Одним из возможных источников рассматриваются китайские инвестиции. Исходя из долгих сроков строи-

тельства ЦБК (5–7 лет) и неясностью с инвесторами создание предприятия и выход его на проектную мощность станут возможными, скорее всего после 2020 г.

Условием обеспечения эффективной организационно-хозяйственной структуры в ЛК Дальнего Востока является развитие малого и среднего бизнеса. Одним из путей для этого может стать создание ниши по производству небольших партий пиломатериалов, структура которых должна быть диверсифицирована, максимально приближена к структуре внутреннего спроса населения региона. Новым видом деятельности для небольших предприятий может стать использование отходов лесопромышленного производства для производства биотоплива, это одно из перспективных направлений в утилизации отходов, получаемая продукция пользуется большим спросом в мире. Большое поле деятельности представляет также комплексное использование недревесных лесных ресурсов и рекреационных услуг леса, особенно для арендаторов с небольшими лесными участками. Необходимо разработать правовой механизм для комплексного использования различных видов лесных ресурсов, в том числе совмещения различных видов пользования на одном земельном участке для разных лесопользователей.

Одно из возможных перспективных направлений развития лесного комплекса Дальнего Востока – био-рефайнинг (совокупность методов комплексной глубокой переработки древесины с целью использования всех ее компонентов) [1].

Одним из важнейших условий является разработка национальной долговременной лесной политики как совокупности лесохозяйственной, лесопромышленной и экспортной составляющих. Для экспортно ориентированного лесного комплекса Дальнего Востока особенно важным является обоснованное таможенное регулирование. Рисковые вложения в переработку должны быть поддержаны резервом – экспортом круглой древесины. Нужно держать уже созданную на внешних рынках нишу круглой древесины как страховку и готовить нишу для продукции с высокой добавленной стоимостью через режимы преференций, чтобы создать конкурентные преимущества: новые виды продукции с существенно более низкими ценами на нее. Для этого необходимо разработать систему государственной поддержки лесопромышленных предприятий, включающую различные институциональные инструменты (налоговые, бюджетные, таможенные).

Список литературы:

1. *Аким Э.Л.* Мировые тенденции в производстве и применении волокнистых полуфабрикатов при производстве тишью // Сборник трудов междун. научно-практ. конф. «Технология и оборудование в производстве санитарно-гигиенических материалов и из-

делий» (3–5 февраля 2010 г.) / под ред. проф. А.Н. Иванова ; ГОУВПОСПБГТУРП. – СПб., 2010.

2. Новости Lesprom Network от 26 октября 2009 г. – <http://les.lesprom.com/news/41052>.

3. Об утверждении федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года»: пост. Правительства РФ от 15.04.1996 № 480 (ред. от 31.07.2009).

4. *Шейнгауз А.С.* Пространственно-временные изменения интенсивности промышленного освоения ресурсов древесины в лесах Дальнего Востока России с середины XIX века до наших дней // *Пространственная экономика.* – 2006. – № 3.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Бардаль А.Б.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ¹

Перевозки угля по железной дороге в настоящее время

Дальневосточная железная дорога (ДВЖД) является филиалом ОАО «РЖД». Эксплуатационная длина дороги с учетом вошедшей в ее состав в 2010 г. островной сахалинской железной дороги составляет 6795,5 км. Численность работающих (с учетом сахалинской дороги) в 2010 г. составила 48,2 тыс. чел.

Объем погрузки ДВЖД (без учета Сахалинской дороги) в период до экономического кризиса 2008–2009 гг. имел положительную тенденцию (рис. 1).

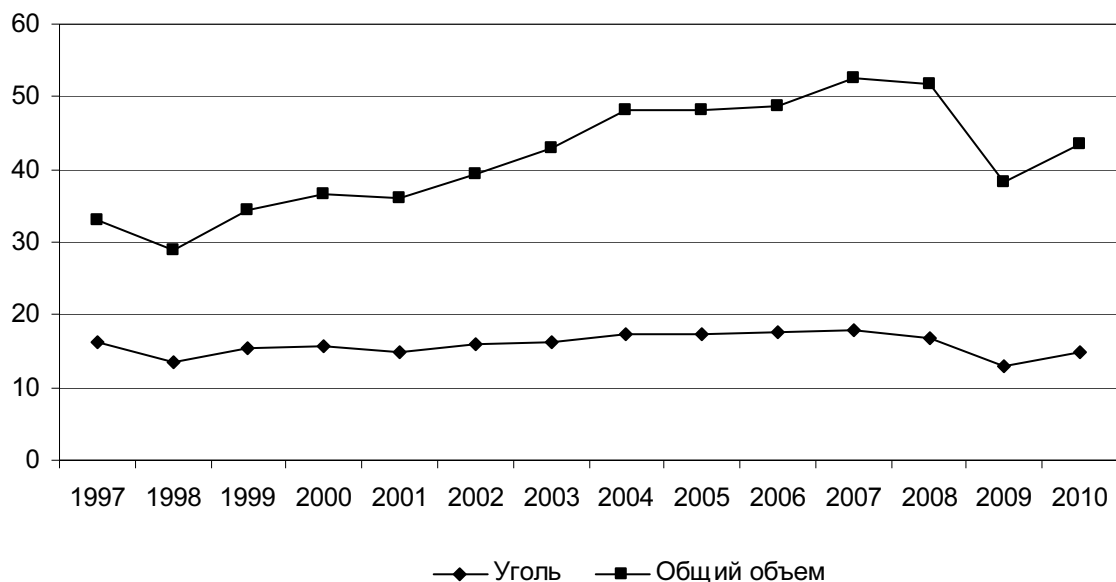

Рис. 1. Динамика погрузки ДВЖД: общий объем и уголь, млн т

¹ Материал подготовлен при поддержке проекта № 09-I-ООН-01.

Максимальные объемы грузовых перевозок за рассматриваемый период 1997–2010 гг. приходится на 2007 г., когда было погружено 52 млн 668 тыс. т. Начиная с третьего квартала 2008 г. объемы перевозки ДВЖД сократились в результате проявления общего экономического кризиса, общее падение по сравнению с 2007 г. составило 2%. Негативное влияние последствий кризиса продолжилось в 2009 г., общий объем предъявленных к перевозке грузов снизился на 26% по итогам года. В наибольшей степени в 2009 г. сократились перевозки угля – на 3,9 млн т, импортных грузов – на 2,8 млн т, лесных грузов – на 2,4 млн т.

Динамика перевозок угля ДВЖД также представлена на рисунке 1. Максимум перевозок также был достигнут в 2007 г., по итогам которого общий объем погрузки угля составил 17 млн 789 тыс. т. В 2008 г. погрузка данного вида груза снизилась на 5,5%. В 2009 г. продолжалось падение перевозок: погрузка угля по сравнению с 2008 г. снизилась на 23,4%. В 2010 г. перевозки стабилизировались, объем погрузки угля вырос по сравнению с 2009 г. на 15%.

При всех изменениях доля угля в общем объеме перевезенных грузов оставалась относительно стабильной с трендом к снижению (рис. 2).

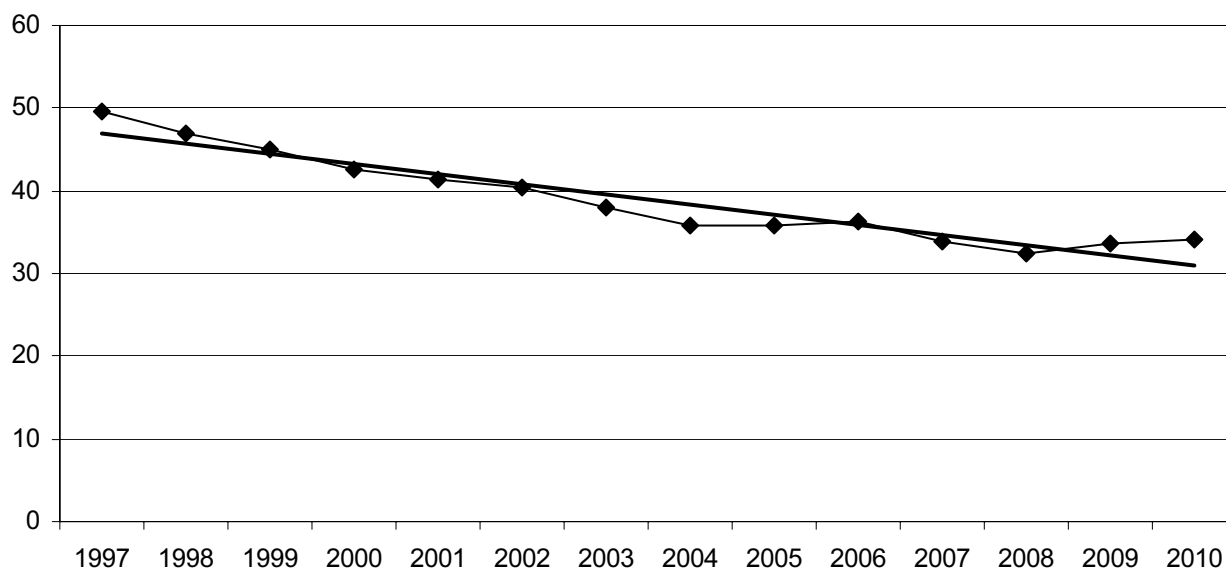

Рис. 2. Динамика доли угля в общем объеме погрузки ДВЖД, %

Примечание. Жирной линией представлен линейный тренд

На рисунке 2 тренд выделен жирной линией, для наибольшей наглядности выбран линейный тренд ($R^2 = 0,912$). Доля угля в общем объеме перевозок ДВЖД изменялась за период 1997–2010 гг. незначительно, максимальной она была в 1997 г. – 49,5%, мини-

мальной в 2008 г. – 32,5%. Снижение доли угля происходило до 2005 г. со среднегодовым темпом 4,5%.

На Дальнем Востоке при перевозках угля по железной дороге основными станциями погрузки являются:

- Станция Беркакит (отправитель ОАО ХК «Якутуголь», принадлежит компании «Мечел»);
- Станция Чегдомын (отправитель ОАО «Ургалуголь», входит в состав «СУЭК»);
- Станция Липовцы (отправитель ОАО «Приморскуголь», входит в состав «СУЭК»).

Наибольшие объемы угля поступают на следующие железнодорожные станции:

- Станция Хабаровск-2 (получатель Хабаровская ТЭЦ-1);
- Станция Гайдамак (получатель Владивостокская ТЭЦ);
- Станция Артём – Приморский-1 (получатель Артёмовская ТЭЦ);
- Станция Лозовый (получатель Партизанская ТЭЦ);
- Припортовые станции морских портов Восточный, Находка, Ванино (включая терминал ЗАО «Дальтрансуголь»), Посьет и Владивосток.

Железнодорожный тариф на перевозку угля рассчитывается согласно действующего с августа 2003 г. Прейскуранта 10-01. В общем виде стоимость перевозки зависит от многих факторов:

- тип груза (определяет тарифный класс груза при расчете, уголь относится к грузам первого тарифного класса);
- расстояние перевозки;
- вес груза;
- количество вагонов в отправке;
- использование собственного подвижного состава при перевозке;
- грузоподъемность вагона;
- необходимость разработки специального расписания для отправки и т. д.

Также в Прейскуранте приведены дополнительные поправочные коэффициенты в зависимости от направлений и условий перевозки, например, при перевозке через пограничные переходы Гродеково, Камышовая (Махалино), в случае, если расстояние перевозки по железной дороге больше, чем до Забайкальска, поправочный коэффициент составит 0,85. Определены в Прейскуранте сборы: за перегрузку грузов на пограничных станциях из вагонов одной ширины колеи в вагоны с другой шириной колеи, за перевозку порожнего вагона и др.

Помимо этих общих факторов устанавливаются исключительные тарифы на перевозку отдельных видов грузов, действующие определенный срок (обычно до конца календарного года). Исключительные тарифы вводят понижающие коэффициенты на перевозку грузов в зависимости от направления перевозки, станций отправления или назначения, применяемого типа подвижного состава и т. д. Значения исключительных тарифов и объекты их применения периодически корректируются. Действующее в настоящее время тарифное руководство признается экспертами одним из наиболее сложных по практике применения в мире. В каждом конкретном случае перевозки тариф рассчитывается индивидуально с использованием специализированных компьютерных программ.

В среднем, по данным ОАО «РЖД», доля тарифа на транспортировку по железной дороге в конечной стоимости угля сегодня достигает 29,8%, при этом на экспортных перевозках она выше – 33,7%. Следует учитывать, что основную прибыль угольные компании получают от поставок угля на экспорт, тогда как поставки на внутренний рынок больше носят «социальный характер».

ОАО «РЖД» рассматривает три возможных сценария роста железнодорожного тарифа на перевозку угля на ближайшие 20 лет, которые являются базовой информацией для подготовки «Долгосрочной программы развития угольной промышленности страны на период до 2030 года».

Первый вариант роста тарифов рассчитан на основе параметров индексации грузовых железнодорожных тарифов, предусмотренных Прогнозом социально-экономического развития России на 2011–2013 годы, на период с 2014 по 2020 год, и предусматривается рост тарифа в 2,5 раза к текущему уровню.

Второй вариант рассчитан на основе параметров индексации базового сценария при унификации порожнего пробега грузовых вагонов в 2012 г. Рост тарифа в этом случае составит 3,3 раза.

Третий вариант рассчитан на основе параметров индексации базового сценария, унификации тарифов на порожний пробег вагонов, а также сближения тарифных условий на перевозки грузов различных тарифных классов в 2012 г. Тариф в этом случае возрастет в 4 раза.

Основные проблемы при перевозках угля на сегодня: дефицит подвижного состава, нехватка пропускной способности отдельных направлений, недостаточная скорость движения по железной дороге, сезонные проблемы перегрузки в морских портах.

По состоянию на октябрь 2010 г. инвентарный парк ОАО «РЖД» включал 119,4 тыс. полувагонов, в т. ч. около 82,2 тыс. единиц, со сроками эксплуатации, превышающими нормативный. ОАО «Первая грузовая компания» владела 72,3 тыс. полувагонов (около

9,9 тыс. полувагонов превысили 22-летний срок эксплуатации). Эта компания образована в 2007 г. и является крупнейшим оператором железнодорожных перевозок в России. Основным учредителем и владельцем обыкновенных акций является ОАО «РЖД». Частным российским компаниям принадлежало 203,2 тыс. полувагонов, в т. ч. 32,5 тыс. полувагонов со сроком эксплуатации выше нормативного.

Пропускная способность главного Южного широтного хода ДВЖД (Транссибирская магистраль) после открытия второй очереди железнодорожного моста через Амур у Хабаровска составляет 153 пары поездов. Однако пропускная способность железной дороги фактически определяется участками, имеющими ограничение в мощности. По полученным оценкам пропускная способность отдельных направлений и станций составляет:

- станция Хабаровск-2 – 100 пар поездов в сутки;
- участок Уссурийск – Находка – 20 пар поездов в сутки (существуют ограничения по электротяге для поездов весом 6300 т);
- участок Гродеково – Суйфэньхэ – 14 пар поездов в сутки;
- участок Уссурийск – Барановский – Хасан – 9 пар поездов в сутки.

Основное ограничение Северного широтного хода (Байкало-Амурская магистраль) связано с участком Комсомольск-на-Амуре – Ванино, пропускающим 21 пару поездов в сутки (ограничение на участке Оунэ – Высокогорная, после реконструкции данного участка пропускная способность увеличится до 36 пар поездов).

Развитие пропускной способности железной дороги идет по нескольким направлениям:

Повышается весовая норма поездов: вводится технология вождения грузовых поездов весом 6000–6300 тонн.

Проводится модернизация отдельных участков дороги, являющихся лимитирующими в настоящее время либо тех, которые могут стать ограничивающими в среднесрочной перспективе.

Модернизация объектов инфраструктуры: открытие новых или реконструкция законсервированных ранее отдельных пунктов. На Северном широтном ходу (БАМ) в период спада перевозок 90-х годов были закрыты множество отдельных пунктов. В настоящее время в связи с увеличением объемов перевозок в направлении тихоокеанских портов разъезды открываются.

Перевозки угля по железной дороге в перспективе

В 2008 г. была принята «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877-р). Одна из идей Стратегии, касающихся железных дорог Дальнего

Востока, состоит в специализации двух основных железных дорог региона в стратегической перспективе. Предполагается, что Северный широтный ход (Байкало-Амурская магистраль) будет пропускать тяжеловесные поезда, а Южный широтный ход (Транссибирская магистраль) – пассажирские поезда и специализированные контейнерные поезда.

Стратегия рассматривает два варианта развития сети железных дорог: минимальный и максимальный. В связи с событиями 2008–2010 гг., проявлениями финансового кризиса и последовавшим сокращением инвестиционных программ ОАО «РЖД», наиболее вероятным представляется реализация минимального варианта Стратегии (табл. 1).

Одно из «узких мест» ДВЖД сегодня при перевозке грузов в направлении портов Ванино и Советская Гавань является участок Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань, имеющий на своём протяжении уклоны до 27 промилле, кривые малого радиуса, скальные прижимы и многочисленные искусственные сооружения, включая Кузнецовский тоннель. Инфраструктура однопутной линии Волочаевка-2 – Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань работает в настоящее время на пределе пропускной способности. Особенно ограничивает пропуск грузопотока сложный по плану и профилю пути участок Оунэ – Высокогорная. Пропускная способность данного участка составляет 21 пара поездов весовой нормой 3600 т. В результате поезда с углем в среднем идут составностью 65 вагонов проходящие от Нового Ургала до Комсомольска должны быть реформированы для линии от Комсомольска до Высокогорной с ограничением числа вагонов 48–49 единиц. Поднять весовые нормы поездов позволит строительство обходного участка с возведением нового Кузнецовского тоннеля. После ввода в эксплуатацию нового Кузнецовского тоннеля и реконструкции участка пропускная способность увеличится до 36 пар поездов весовой нормой до 5600 т.

ОАО «РЖД» для обеспечения перевозок в этом направлении и ликвидации барьерного места был разработан проект «Реконструкция участка Оунэ – Высокогорная со строительством нового Кузнецовского тоннеля на участке Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань», получивший государственную поддержку. Ключевым проектом в рамках реконструкции участка Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань является строительство нового Кузнецовского тоннеля. Его общая протяженность – 3,89 км. Общая стоимость проекта 59,584 млрд руб., из них 17,264 млрд руб. – средства Инвестиционного фонда РФ. Реализация проекта завершится в 2013 г. Значение его для развития Северного широтного хода переоценить сложно.

Проекты, включенные в минимальный вариант развития железных дорог на территории Дальнего Востока России в соответствии со Стратегией

Участок железной дороги	Протяженность, км	Объем инвестиций, млрд руб.*	Назначение
Строительство новых линий			
Томмот – Кердем – Нижний Бестях	450	18,9	Обеспечение стабильного завоза грузов в Республику Саха (Якутия) и создание круглогодичной опорной транспортной сети
Селехин – Сергеевка	1085	125,0	Развитие подхода к новым портовым мощностям, создание параллельного хода Транссибирской железнодорожной магистрали
Сукпай – Самарга	290	31,0	Освоение малообжитых территорий, развитие подходов к новым портовым мощностям
Тыгда – Зея	105	11,0	Обеспечение устойчивого транспортного сообщения с г. Зея, создание инфраструктурных условий социально-экономического развития района
Селихин – Ныш	582	337,3	Создание бесперебойного железнодорожного сообщения между материковой частью России и о. Сахалин
Усть – Кут – Нэпа – Ленск	400	40,0	Создание опорной сети для освоения нефтегазоконденсатных месторождений и лесных ресурсов
Шимановская – Февральск	289	23,2	Освоение Гаринского железорудного месторождения
Якутск – Кангалассы	50	2,2	Освоение Кангаласского угольного месторождения
Улак – Эльга	313	32,4	Освоение Эльгинского месторождения каменного угля

Участок железной дороги	Протяженность, км	Объем инвестиций, млрд руб.*	Назначение
Хани – Олекминск	450	45,0	Освоение месторождения железной руды
Ильинск – Углегорск	143	8,7	Освоение Солнцевского угольного месторождения
Правая Лена – Якутск	105	13,9	Создание опорной транспортной сети для обеспечения устойчивого северного завоза и связи с городом Якутск
Ленинск – граница**	6	2,3	Создание нового пограничного перехода с КНР
Обход Кузнецовского тоннеля	25	20,3	Увеличение пропускных мощностей направления Комсомольск – Советская Гавань в связи с ростом грузопотока в порт Ванино и Ванинско – Советско-Гаванский транспортный узел
Новочугуевка – Рудная Пристань	288	31,0	Развитие подходов к новым портовым сооружениям на тихоокеанском побережье и освоение месторождений
Вынос участка Известковая – Чегдомын	30	0,3	Вынос участка железнодорожного полотна из зоны затопления водохранилищем Бурейской ГЭС
Повышение пропускной способности существующих линий			
Участок железной дороги		Протяженность, км	
Участки Байкало-Амурской магистрали		578	
Комсомольск – Волочаевка		70	
Хабаровск – Волочаевка		3	
Уссурийск – Гродеково		48	

Примечания: * в ценах 2007 г.; ** проект включает также реконструкцию участка Биробиджан – Ленинск (протяженность 120 км) и строительство российской части мостового перехода через реку Амур напротив села Нижнеленинское (ЕАО) (протяженность 2,1 км, инвестиции 12 млрд руб.).

Проект включает в себя также необходимое развитие железнодорожных участков, расположенных на железнодорожной линии Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань: строительство новых разъездов, реконструкцию станций с удлинением путей до 71 условных вагонов. Реализация проекта позволит к 2020 г. грузопотоки на восточных участках БАМа до 50 млн т в год.

В 2008 г. в рамках данного проекта было вложено 1 млрд 565 млн руб. Введено в действие два новых разъезда, начато строительство нового Кузнецовского тоннеля. В 2009 г. были реконструированы станции Высокогорная, Токи, Тумнин, Челсары, Имбо, построен второй путь на перегоне Имбо – Усть-Орочи. Помимо этого, введена в эксплуатацию новая станция Дюанки и построен ряд новых разъездов. С добавлением каждого отдельного пункта увеличивается провозная способность участка.

В 2010 году продолжается строительство разъездов и Кузнецовского тоннеля. При строительстве тоннеля пройдено 2650 м (общая протяженность 3890 м). Открыты новые разъезды: Люду, Дайчи, Дакка и Удоми. Параллельно с проходкой основного гнезда тоннеля ведутся монтаж систем противопожарного водоснабжения, вентиляции, электрообеспечения, бурение дренажных скважин, обустройство подъездных путей и транспортно-дренажной штольни. Открытие движения по обходному участку дороги, которая соединит западный и восточный порталы нового тоннеля с действующей линией, запланировано на 2013 год.

Возможность дальнейшего роста перевозок на этом направлении зависит от реализации мероприятий «Стратегической программы развития Байкало-Амурской магистрали на период до 2020 года». Институтом «ГипротрансТЭИ» разработан проект «Актуализация «Стратегической программы развития БАМа на перспективу до 2020 года», где отражены все проблемные места и приняты предложения дороги по представленным вариантам перспективного роста объемов перевозок. По I варианту: к 2015 г. – до 35,5 млн т, к 2020 г. – до 51,5 млн т. По II варианту: к 2015 г. – до 59,3 млн т, к 2020 г. – до 92,8 млн т. Инвестиции на выполнение комплекса мероприятий в границах Дальневосточной железной дороги по предварительным расчётам составят: по I варианту – 360,5 млрд руб.; по II варианту – 783,5 млрд руб.

Уголь является в настоящее время и остается на среднесрочную перспективу одним из основных видов грузов, перевозимых железнодорожным транспортом на Дальнем Востоке. Поэтому необходимо осуществлять на постоянной основе не только мониторинг те-

кущей ситуации, но и угроз возникновения узких мест, анализ перспективных направлений перевозок, возможностей применения новых технико-технологических элементов.

Список литературы:

1. Об утверждении Прейскуранта № 10-01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами» (Тарифное руководство № 1, части 1 и 2): пост. ФЭК РФ № 47-т/5 от 17.06.2003 (ред. от 30.12.2008, с изм. от 07.08.2009).

2. Основные направления формирования и перспективы развития Ванино – Советско-Гаванского транспортно-промышленного узла на период с 2007 до 2020 г. – Хабаровск, 2006.

3. Реконструкция участка Оунэ-Высокогорная со строительством нового Кузнецовского тоннеля на участке Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань: паспорт комплексного инвестиционного проекта: утв. распоряжением Правительства РФ № 1708-р от 30.11.2006 г.

4. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877-р.

5. Федеральная служба по тарифам РФ. – <http://www.fstrf.ru>.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Бартюк О.В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ

Сельское хозяйство всегда являлось одним из приоритетных направлений экономической политики любого государства. Без устойчивого развития сельского хозяйства невозможен устойчивый рост всей национальной экономики. Опыт XX века и начала третьего тысячелетия показывает, что все передовые, процветающие в экономическом отношении страны, опираются в своем экономическом росте на современное, интенсивно развитое сельское хозяйство с активной государственной поддержкой. В рамках этого государством разрабатываются различные программы, содействующие развитию сельского хозяйства. Подобные программы принимаются как на государственном, так и на региональном уровнях. При определении основной стратегии развития сельского хозяйства, а также основных целей и принципов развития данных программ, необходимо точно понимать особенности современного состояния данной отрасли, выявлять самые проблемные места современного состояния сельского хозяйства и формировать приоритетные направления дальнейшего развития.

Россия и Китай прошли долгий путь реформирования сельского хозяйства. Несмотря на ряд положительных результатов реформирования, сельское хозяйство обоих государств на сегодняшний день сталкивается с рядом трудностей, как на государственном, так и на региональном уровнях. При этом следует отметить, что региональные проблемы полностью соответствуют общегосударственным. В качестве основных проблем, которые на сегодняшний день сложились в сельском хозяйстве Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, следует отметить:

1. Низкое качество и высокая себестоимость местных сельскохозяйственных товаров, производимых на устаревшем оборудовании, не выдерживающих конкуренцию с иностранной продукцией.

2. В сельскохозяйственном производстве по-прежнему доминируют экстенсивные методы развития, наблюдается отсталость технического оборудования, сокращение пахотных земель.

3. Все более усугубляющиеся экологические проблемы.

4. Огромная безработица в сельской местности.

5. Рост разницы в уровне благосостояния населения города и деревни.

6. Дискриминация сельского населения в предоставлении социальных услуг по сравнению с городским населением.

7. Ухудшение социальных вопросов на селе, прежде всего, в области образования и здравоохранения.

Учитывая все трудности, которые возникли в аграрном секторе Китая, в 2008 году на III пленуме ЦК КПК 17-го созыва, была разработана долгосрочная стратегия развития сельского хозяйства. Была определена ключевая слабая сторона государственной аграрной политики – недостаточная социальная направленность. Сельские жители испытывали дискриминацию в предоставлении общественных товаров по сравнению с горожанами. Такая ситуация требовала создания для крестьян большей доступности к системе образования, здравоохранения, социального обеспечения, более того, осуществления скоординированного развития в целом города и села.

Связи города и села рассматривались как большая долгосрочная стратегия укрепления и продвижения модернизации. Соединить индустриализацию, урбанизацию и модернизацию сельского хозяйства с тем, чтобы ускорить создание эффективного и долгосрочного механизма на основе принципов «рабочий помогает крестьянину», «город – деревне»; упорядочить систему распределения национальных доходов; укрепить и усовершенствовать политику предоставления преференций сельскому хозяйству [2].

На сегодняшний день реализация данной стратегии уже имеет положительные результаты. В 2000 году разница доходов городского и сельского населения Китая составляла 2,8:1, в 2006 году уже 3,3:1 [2]. С внедрением новой стратегии стала наблюдаться положительная динамика по относительному сближению доходов сельского и городского населения. К 2020 году в Китае планируется в 2 раза увеличить среднедушевого дохода сельского населения.

В России также наблюдается существенное различие доходов городского и сельского населения. Так, по оценкам, в 2009 году соотношение душевого дохода горожан и

сельского населения составило 1,65:1. В 2009 году продолжилась положительная динамика по относительному сближению объемов среднедушевых располагаемых ресурсов сельских и городских домохозяйств, начавшаяся в 2005 году после предшествующей длительной тенденции увеличения разрыва в этих показателях. Но по прогнозам, в 2010–2013 годах разница в доходах значительно увеличится, что негативно скажется на социально-экономическом положении сельского хозяйства как Дальнего Востока, так и России в целом [3].

Правительство Китая полагает, что социально-экономическая ориентация стратегии в перспективе позволит не только значительно повысить уровень потребления, и, в основном ликвидировать абсолютную бедность, но и существенно снизит социальную напряженность на селе, а, следовательно – позволит решить задачу поддержания социально-политической стабильности в обществе [2].

Принцип данной стратегии закреплён и в российских программах. Необходимость социального развития села сформулирована в «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» и отображена в «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

Реальные же приоритеты развития сельского хозяйства в РФ можно рассмотреть по результатам реализации государственной программы в 2009 году. На осуществление мероприятий по достижению финансовой устойчивости сельского хозяйства в 2009 году, было израсходовано 137 млрд руб., т. е. 72% всех средств Государственной программы (включая взносы в уставные капиталы ОАО «Россельхозбанк» и ОАО «Росагролизинг»). Общий объем финансирования федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2012 года» составил 32,95 млрд руб. При этом фактически ассигнования из федерального бюджета на реализацию мероприятий в области развития социальной и инженерной инфраструктуры села, были сокращены на 44% к показателям государственной программы. На субсидирование процентных ставок по кредитам в 2009 году было выделено почти на 50% выше, чем предусмотрено государственной программой [3].

Существенны различия России и Китая в объеме финансовых расходов на развитие сельского хозяйства. Так, в 2009 году Минсельхозу России в рамках антикризисных мер было выделено из федерального бюджета на выполнение мероприятий государственной программы 165,1 млрд руб. (5,5 млрд долл.) [3]. В Китае в 2009 году по антикризисной программе, только на создание инфраструктурных и жилых объектов в сельской местности было, выделено 370 млрд юаней (54,2 млрд долл.) [1].

Также необходимо отметить различия в объеме финансовых расходов на развитие сельского хозяйства, выделяемых из федерального бюджета в регионы. Так, в 2009 году центральное правительство Китая выделило 100 млрд юаней (14,65 млрд долл.) провинции Хэйлунцзян на жилищное строительство, сельское хозяйство, здравоохранение, защиту окружающей среды. Правительство России из федерального бюджета, на реализацию программы «Социальное развитие села до 2012 года» выделило Дальнему Востоку менее 0,15 млрд долл.

Следует отметить понимание Правительством Китая необходимости корректировок всех осуществляемых мер, учитывая индивидуальные особенности регионов. Северо-Восток Китая, а именно провинция Хэйлунцзян является одним из крупнейших зернопроизводящих районов Китая. Весь комплекс мер по развитию сельского хозяйства Правительства Китая, направлен в первую очередь именно на развитие этого района. Так в 2004 году в провинции, в качестве одной из первых, был отменен сельскохозяйственный налог. Местные власти впоследствии столкнулись с рядом трудностей потому, что налоговые поступления преимущественно шли в местный бюджет. В первую очередь уменьшился размер финансирования образования, социальных программ, фондов помощи малоимущим, медицинского обслуживания в сельских районах. В связи с этим китайское правительство решило увеличить на десятки млрд юаней ассигнования из центрального бюджета на эти нужды [5].

При этом необходимо отметить, что сельское хозяйство Китая финансируется в основном из местных бюджетов. Пропорции между центральным бюджетом Китая и бюджетом провинции Хэйлунцзян составляют 1:9. На Дальнем Востоке России на 1 рубль средств федерального бюджета приходится 2,19 рублей бюджета региона. Среднее соотношение по России составляет 1:3,07.

Дальний Восток на сегодняшний день уже выделен как проблемный регион России в сфере социально-экономического развития сельского хозяйства. В качестве наиболее негативных тенденций выделены угрожающие темпы сокращения сельского населения и сельскохозяйственных товаропроизводителей [4]. При этом, по результатам 2009 года по рейтингу субъектов Российской Федерации по строительству (приобретению) жилых домов (квартир) в сельской местности, Хабаровский край относится к наихудшим показателям и занимает 71 место из 77 (53,5% выполнения нормативного значения, предусмотренного государственной программой). По рейтингу субъектов Российской Федерации по вводу локальных водопроводов в сельской местности Камчатский край находится на 58 месте из 58 по рейтингу (0% выполнения) [3].

Возникает необходимость понимания того, что сельское хозяйство – стратегическая отрасль, обеспечивающая безопасность государства и стабильность народа. Без модернизации села не будет модернизации государства, без стабильности и процветания сельского хозяйства не будет стабильности и процветания государства. Россия без создания необходимых условий развития села, не будет иметь современного, высокоэффективного сельского хозяйства, а значит, и не будет иметь дальнейших возможностей для устойчивого развития конкурентной национальной экономики.

Понимание этой проблемы уже нашло свое отражение на государственном уровне. Всероссийским научно-исследовательским институтом экономики сельского хозяйства совместно с участием экономических научно-исследовательских институтов Россельхозакадемии в 2010 году был разработан проект «Стратегии долгосрочного социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года». Но для эффективной реализации данной стратегии необходимо понимание данной проблемы, как на федеральном, так и на региональном уровнях. В рамках этого, долгосрочная стратегия развития сельского хозяйства Дальнего Востока России должна носить более ярко выраженный социальный характер.

Список литературы:

1. *Изимов Р.Ю.* Последние коррективы к антикризисному плану Китая. – <http://www.easttime.ru/analytic/3/8/667.html>.
2. *Изимов Р.Ю.* Проблемы реформирования аграрного сектора в решениях 3 пленума ЦК КПК 17-го созыва. – <http://www.easttime.ru/analytic/2/8/605.html>.
3. Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2009 году государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2010 годы». – <http://www.mcx.ru>.
4. Проект «Стратегии долгосрочного социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года». – <http://www.vniiesh.ru/documents>.
5. *Синъюй Т.* Китайские крестьяне полностью освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога. – http://www.kitairu.net/rus/about_china/magazine/archive/2006/2/80.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Демина О.В., Новицкий А.А.

БАЛАНС СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ И
МОЩНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 2010–2020 ГГ.:
РОЛЬ КРУПНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ¹

Одна из специфических особенностей электроэнергетики состоит в том, что ее продукция в отличие от продукции других отраслей промышленности не может накапливаться для последующего использования: производство электроэнергии в каждый момент времени должно соответствовать объемам потребления. В связи с этим актуальной задачей является прогнозирование предложения и спроса на электроэнергию в локализованных на конкретных территориях энергосистемах, и оценка возможных рисков несбалансированности производства и потребления электроэнергии.

В данной работе поставлены задачи:

- 1) охарактеризовать основные долгосрочные изменения, ожидаемые в секторе производства электроэнергии Дальнего Востока до 2020 г., планируемые объемы ввода мощностей в основных энергосистемах ДФО.
- 2) рассмотреть особенности долгосрочной динамики спроса на электроэнергию на Дальнем Востоке, оценить роль существующих крупных потребителей и объем будущего нового спроса на территории ДФО в связи с реализацией крупных инвестиционных проектов.

¹ Работа подготовлена при поддержке проектов № 09-I-ООН-01, 09-I-П26-02.

3) проанализировать прогнозную динамику и выявить проблемные аспекты баланса спроса и предложения электрической энергии и мощности в ДФО на перспективу до 2020 г.

Текущее состояние и перспективы развития производства электроэнергии в ДФО до 2020 г.

На территории Дальневосточного федерального округа функционируют следующие территориальные энергосистемы: Амурская, Приморская, Хабаровская, Камчатская, Магаданская, Чукотская, Сахалинская и Якутская. В зону Объединенной энергосистемы (ОЭС) Востока межсистемными линиями электропередачи объединены Амурская, Приморская, Хабаровская энергосистемы и Южный район Якутской энергосистемы. Изолированными энергосистемами являются: Камчатская, Магаданская, Чукотская и Сахалинская энергосистемы, а также Западный и Центральный энергорайоны Якутской энергосистемы. Чукотская и Сахалинская энергосистемы также включают ряд энергорайонов, работающих изолированно друг от друга.

Установленная мощность электростанций Дальнего Востока составляет 14 000 МВт; в структуре мощности наибольшую долю занимают ТЭС (62,0%), на ГЭС приходится 37,1% суммарной установленной мощности, 0,6% приходится на другие ВИЭ – геотермальные электростанции (Камчатский край, Сахалинская область), а также ВЭС. Кроме того, 0,3% составляют мощности АЭС (Билибинская АЭС, Чукотский автономный округ).

В настоящее время развитие электроэнергетики в России и, в частности на Дальнем Востоке, определяется рядом документов: «Энергетическая стратегия России до 2030 г.» (далее ЭС – 2030; одобрена распоряжением Правительства РФ от 13.11.2009 №1715-р), «Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики России до 2020 г. с учетом перспективы до 2030 г.» (далее ГСРОЭР – 2020; одобрена распоряжением Правительства РФ от 22.02.2008 № 215-р), «Стратегия развития электроэнергетики Дальнего Востока до 2020 года и на перспективу до 2025 года» (далее СРЭДВ – 2020; проходит доработку).

В соответствии с предложенным в СРЭДВ – 2020 прогнозным балансом электрической мощности, в 2010–2025 гг. объем установленных мощностей в энергосистеме ДФО увеличится с 13,4 тыс МВт до 21,3 тыс МВт (на 60%). Максимум нагрузки за тот же период увеличится с 7,6 тыс МВт до 12,9 тыс МВт (на 70%). Таким образом, фактический резерв, представляющий собой разницу между располагаемой мощностью и максимумом нагрузки, вырастет с 5,8 тыс МВт до 8,4 тыс МВт (на 45%).

Согласно целевому сценарию, производство электроэнергии в ДФО в 2010–2025 гг. увеличится с 44,5 до 82 млрд кВт·ч (на 84%), что соответствует среднегодовому темпу роста в 4,2%.

Таблица 1

Прирост мощностей в энергосистемах ДФО в 2010–2025 гг.

Энергосистема	Прирост мощности, МВт	в % к текущему объему мощностей	в % к общему объему прироста ДВ
ОЭС Востока	5839	63,7	73,5
Хабаровский край и ЕАО	1118	51,1	14,1
Амурская область	794	21,4	10,0
Приморский край	2250	85,1	28,3
Южно-Якутский энергорайон	1677	271,4	21,1
Изолированные энергосистемы:			
Центральный энергорайон Якутии	234	45,4	2,9
Западный энергорайон Якутии	90	8,6	1,1
Камчатский край	160	27,8	2,0
Магаданская область	700	67,4	8,8
Сахалинская область	884	116	11,1
Чукотский автономный округ	34	12,5	0,4
Дальний Восток, всего	7941	59	100,0

Источник: [6].

Наибольший прирост мощностей в 2010–2025 гг. ожидается в энергосистемах Приморского края (2250 МВт), Южно-Якутского энергорайона (1677 МВт), Амурской области (794 МВт), Хабаровского края и ЕАО (1118 МВт) (табл. 1). В Приморском крае основной прироста мощности станет как строительство новых, так и расширение действующих ТЭС. В Южно-Якутском энергорайоне, прирост будет обеспечен за счет строительства Канкунской и Нижнетимптонской ГЭС. В Хабаровском крае, в основном прирост обусловлен расширением мощностей Хабаровской ТЭЦ-3 и Комсомольской ТЭЦ-3, а также строительством Совгаванской ТЭЦ. В изолированных энергосистемах наибольший прирост произойдет в Сахалинской области (884 МВт) и Магаданской области (700 МВт).

Текущее состояние и перспективы развития спроса на электрическую энергию и мощность в ДФО до 2020 г.

В течение 2009–2020 гг. социально-экономическое развитие Дальнего Востока будет осуществляться, в основном, в рамках комплексных проектов развития территорий и / или крупных инвестиционных проектов по освоению месторождений полезных ископаемых, строительству промышленных производств. Реализация крупных энергоемких проектов повлечет существенный рост энергопотребления со стороны предприятий и промышленных объединений.

Спрос на электроэнергию может быть представлен как сумма двух составляющих: инерционной и инвестиционной. Инерционная составляющая создается автономным потреблением электрической энергии, которое обусловлено динамикой существующих потребителей в сфере производства товаров и услуг, средними сезонными климатическими колебаниями, поддержанием и ростом стандартов жизни домашних хозяйств. Инвестиционная составляющая обусловлена реализацией крупных проектов на рассматриваемой территории, которые способны значительно повлиять на существующие объемы потребления.

Инерционная составляющая

За период с 1998 по 2008 год объем потребления электроэнергии на территории ДФО увеличился на 18%. При этом среднегодовые темпы роста электропотребления составили 1,7%. Почти половина всего потребления электроэнергии приходится на долю промышленного производства (49%) (рис. 1). При этом на долю крупных потребителей электроэнергии в ДФО в 2008 году приходилось около 40% общего объема потребления электроэнергии и 61,5% от объема потребления промышленности и транспорта. Средние темпы ежегодного прироста промышленного потребления за период с 1998 по 2008 гг. составили 1%, в то же время за весь период потребление увеличилось только на 8,5%. Вторым по величине потребителем электроэнергии является население: на его долю приходится 18%. На протяжении исследуемого периода средний ежегодный темп снижения составил – 0,2%. Снижение потребления в секторе происходило на фоне постоянно снижающейся численности населения ДФО (темп ежегодного снижения – 1%).

В секторе транспорта наблюдалось самое значительное увеличение электропотребления – в 1,6 раза за исследуемый период. Средние темпы ежегодного прироста электропотребления в секторе составляли 6%.

Таким образом, три рассмотренных сектора потребления обеспечивают свыше 75% совокупного спроса на электроэнергию в регионе.

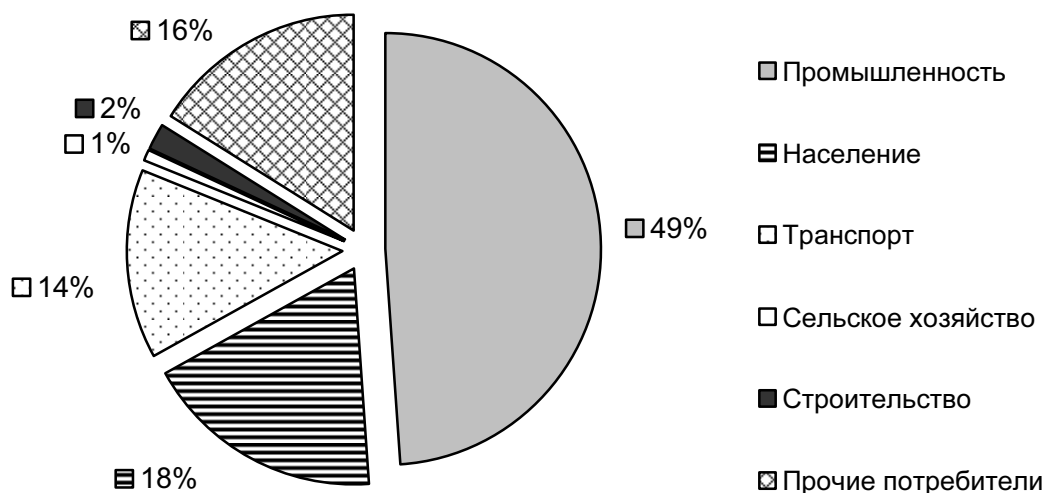

Рис. 1. Структура потребления электроэнергии в ДФО в 2008 г. по секторам

Инвестиционная составляющая

Для оценки инвестиционной составляющей прироста энергопотребления были рассмотрены 227 инвестиционных проектов, предлагаемых к реализации на территории ДФО до 2020 года. Отбор инвестиционных проектов осуществлялся на основе данных мощности (2,5 МВ и более) и объема электропотребления (25 млн кВт·ч и более). Потребители рассматривались по территориальному признаку (принадлежность к энергосистеме).

Таблица 2

Инвестиционная составляющая перспективного спроса на электрическую мощность и энергию в 2010–2020 гг.

Энергосистема	Прирост в 2010–2020 гг.	
	мощности (МВт)	объема потребления, млн кВт·ч
ОЭС Востока	4060,1	24356,4
Республика Саха (Якутия)	1367,0	8526,8
Сахалинская область	1826,3	13451,7
Камчатский край	254,6	1082,0
Магаданская область	755,6	3966,8
Чукотский автономный округ	56,9	313,4
Всего	8320,6	51696,9

Источник: материалы Агентства по прогнозированию балансов в электроэнергетике.

В случае реализации рассматриваемых инвестиционных проектов ежегодные темпы прироста электропотребления составят 24% (от индуцированного проектами объема потребления). Так приросты объема потребления по ДФО с 11 млрд кВт·ч в 2011 достигнут 34,4 млрд кВт·ч к 2015 году и 60 млрд кВт·ч в 2020 году. Суммарное потребление электроэнергии (инерционная составляющая – темп ежегодного прироста 3% и инвестиционная) в регионе возрастет к 2020 году в 2,8 раза. Таким образом, ожидается дальнейший рост доли крупных потребителей в регионе в формировании спроса на электроэнергию.

Реализация 6-ти проектов: строительство алюминиевого завода мощностью 600 тыс. тонн продукции в год в Приморском крае, завода по производству целлюлозы в г. Амурске, инфраструктуры САММИТа АТЭС (о. Русский), модернизация металлургического производства ОАО «Амурметалл» г. Комсомольск-на-Амуре, строительство Приморского интегрированного нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплекса и завода по производству химикотермомеханической массы-ХММ потребует 36,2% (1228,2 МВт) от суммарного прироста мощности, связанного с реализацией инвестиционных проектов в зоне функционирования ОЭС Востока. Годовое потребление данных проектов в 2020 году составит более 6500 млн кВт·ч (38,8% от суммарного годового потребления проектов).

Реализация 5 проектов: создание металлургического комбината на базе железорудных месторождений Южной Якутии, завершение строительства и сдача в постоянную эксплуатацию железной дороги Беркакит – Томмот – Якутск с совмещенным железнодорожно-автомобильным мостом на реке Лена в г. Якутске, освоение Эльгинского месторождения каменного угля, строительство газохимического комплекса и подземных рудников алмазов потребует 48% (891,5 МВт) от суммарного прироста мощности, связанного с реализацией инвестиционных проектов в Якутии. Годовое потребление данных проектов в 2020 году составит более 5500 млн кВт·ч (48,6% от суммарного годового потребления проектов).

Реализация 3-х проектов в Камчатском крае: строительство и ввод в эксплуатацию горно-обогательного комбината по глубокой переработке титано-магнетитового песка Халактырского месторождения, газоснабжение Камчатской области. 1-я очередь – газоснабжение г. Петропавловска-Камчатского и строительство горно-обогательного комплекса на Шанучском месторождении Камчатского края приходится 102,4 МВт (36,8%) и объем электропотребления в 2020 году – 506,6 млн кВт·ч (42,2%).

Проекты Магадан-1, -2 – разработка месторождений нефти и газового конденсата на шельфе Охотского моря и освоение золоторудного месторождения Наталкинское потребуют 605 МВт (78,6%) и объем электропотребления в 2020 году 3221,43 млн кВт·ч (78,6%).

Газохимический комплекс, завод по производству алюминия (ОАО РУСАЛ), Сахалин-1, Сахалин-2, нефтеперерабатывающий завод и строительство целлюлозно-бумажного комбината 400 тыс. тонн в год потребуют 1833,9 МВт (88,8%) и объем электропотребления в 2020 году 13767,6 млн кВт·ч (91,2%).

Особенности баланса спроса и предложения электрической энергии и мощности на ДВ в 2010–2020 гг.

Анализ соотношения спроса со стороны крупных потребителей и предложения в рамках целевого сценария СРЭДВ – 2025, показывает, что в целом, даже при реализации всех заявленных крупных проектов-потребителей, возникновение серьезного дефицита мощностей и электроэнергии маловероятно (рис. 1, рис. 2).

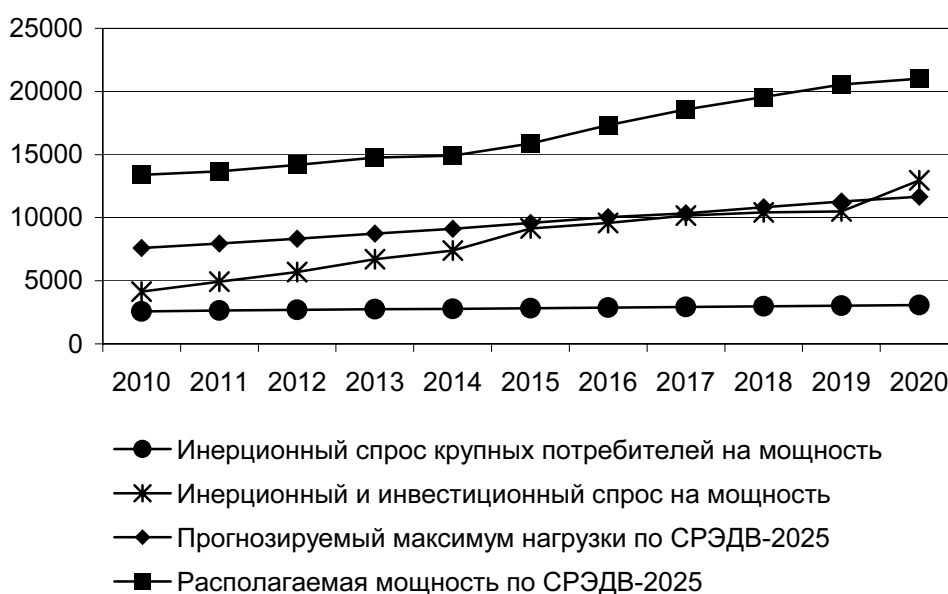

Рис. 2. Соотношение совокупного спроса и предложения на мощность в энергосистеме Дальнего Востока России в 2010–2020 гг. (только крупные проекты), МВт

Вместе с тем, важно отметить, что заявленные в СРЭДВ – 2025 максимумы нагрузки уже сегодня не учитывают потенциал развития спроса в некоторых энергосистемах ДВ при условии максимальной реализации заявленных инвестиционных проектов (рис. 2, 3, 4).

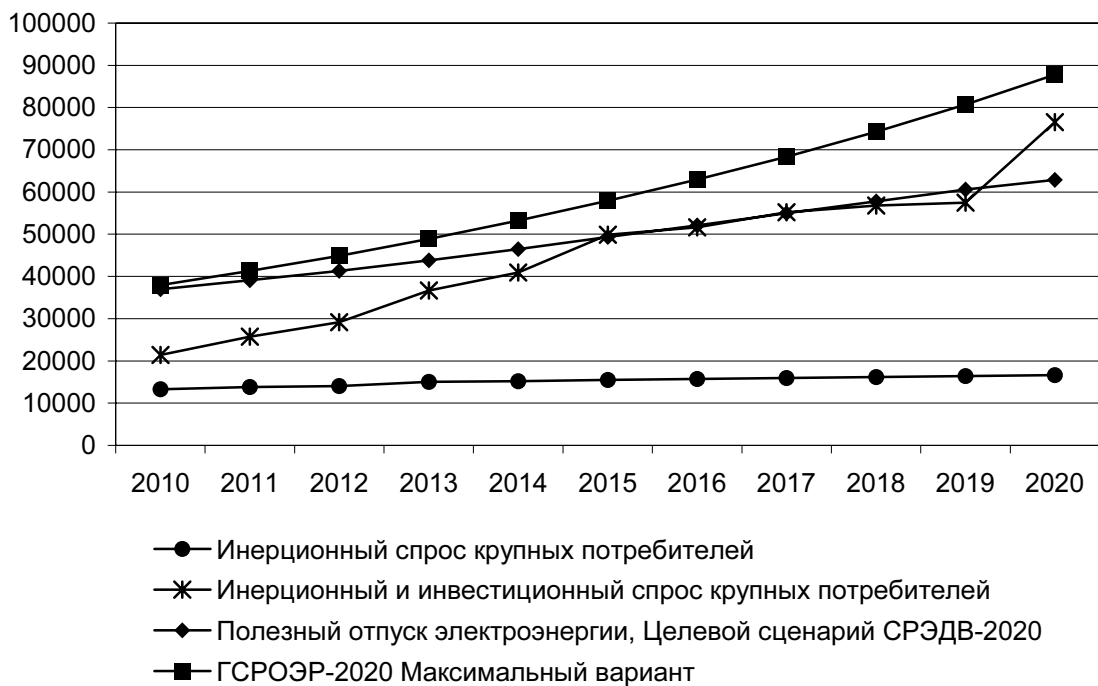

Рис. 3. Прогнозы производства и потребления электроэнергии в энергосистеме Дальнего Востока России и спрос со стороны крупных потребителей в 2010–2020 гг., млн кВт·ч

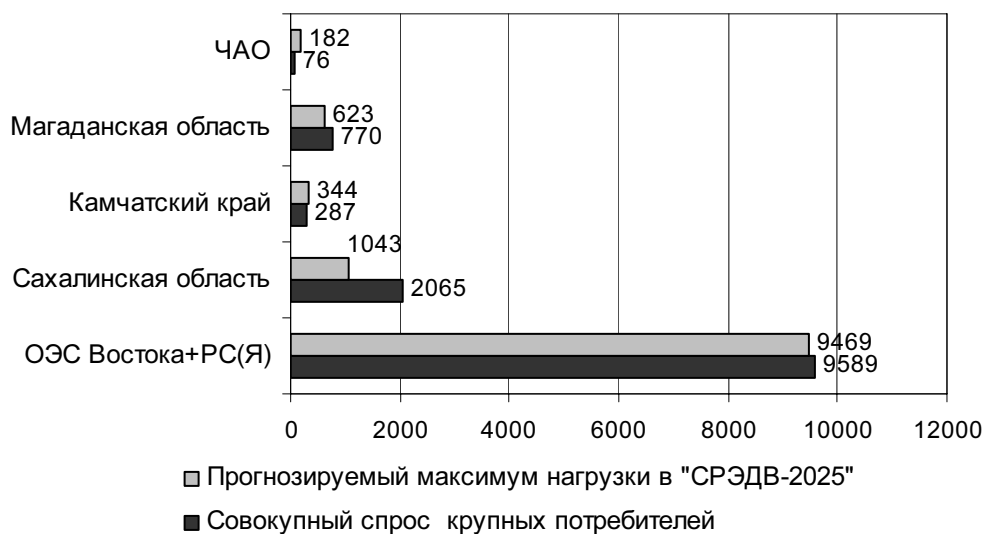

Рис. 4. Соотношение прогноза максимума нагрузки и максимального совокупного спроса крупных потребителей по энергосистемам Дальнего Востока России в 2020 г., МВт

Основной причиной таких несоответствий является недостаточный учет потенциально возможной реализации крупных проектов потребителей и соответствующего до-

полнительного объема спроса на мощность и электроэнергию. Также, отчасти, причиной может быть наличие собственных источников генерации в ряде проектов¹.

Основные выводы:

1) Роль крупных потребителей в формировании совокупного спроса ДФО на электроэнергию будет увеличиваться. Их доля вырастет с 40% в 2008 г. до 70% в 2020 г.

2) Прогнозы энергопотребления, заявленные в ряде официальных документов требуют своевременной корректировки в части потенциально возможного совокупного спроса на мощность и электроэнергию. В случае максимального варианта реализации заявленных инвестиционных проектов, с учетом ежегодного темпа прироста автономного потребления, совокупный объем спроса на электроэнергию может вырасти в 2,7 раза по сравнению с 2008 годом. В то же время, даже при реализации наиболее интенсивных вариантов развития в ГСРОЭР – 2020 и ЭС – 2030 прогнозируется рост спроса на электроэнергию лишь в 1,9 раза.

Список литературы:

1. Анализ итогов функционирования электроэнергетики за 2009 год, прогноз на 2010 год: доклад Министерства Энергетики РФ. – Апрель. – 2010 г.

2. Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 г. (одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.02.2008 г. № 215-р).

3. Гулидов Р.В. Опыт сценарного моделирования долгосрочного развития ТЭК Дальнего Востока России // Пространственная экономика. – 2007. – № 3.

4. Данные статистической формы № Э-3 «Электробаланс», 2000–2008 г. / Росстат.

5. Калашиников В.Д. ТЭК Дальнего Востока: системные проблемы развития // Пространственная экономика. – 2006. – № 3.

6. Стратегия развития электроэнергетики Дальнего Востока до 2020 г. и на перспективу до 2025 г. (проект).

7. Энергетическая стратегия РФ до 2030 г.: одобрена распоряжением Правительства РФ от 22.02.2008 № 215-р.

¹ Собственные мощности будут построены в Сахалинской области (377 МВт) и Якутии (278 МВт).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Заостровских Е.А.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
МОРСКОГО ТРАНСПОРТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

С переходом от региональной парадигмы развития к новой парадигме² и изменений геополитической концепции страны стал по-новому рассматриваться концептуальный подход в области развития морского транспорта региона [1]. По причине влияния рыночной конкуренции между товаропроизводителями и регионами усилился поиск новой ниши каждого Дальневосточного морского порта на рынке транспортных услуг. Изменилась специализация некоторых портов. По мере мобильности функционирования транспортной инфраструктуры страны и изменений традиционных хозяйственных связей между регионами обозначились проблемы во взаимодействии железнодорожного и морского видов транспорта, увеличились диспропорции в развитии портовой инфраструктуры и морского торгового флота на Дальнем Востоке.

В результате таких преобразований в регионе произошли принципиальные сдвиги в структурах грузовой массы:

- сократилась доля сухих грузов и увеличилась доля наливных грузов в результате сокращения продукции конечных отраслей страны (наливные: 2000 г. – 19%, 2009 г. – 29%; сухие: 2000 г. – 81%, 2009 – 71%) [4];

¹ Работа подготовлена в рамках гранта ДВО РАН № 11-III-B-10-237.

² Новая парадигма регионального развития рассматривается на основе современных информационных технологий, экономики «знаний», нового подхода к оценке использования своей ресурсной базы, отражающей современные мировые тенденции, и новых организационных структур, базирующихся на развитии интеграционных процессов [1].

- структура объема грузопотока стала диаметрально противоположна структуре грузов советского периода; Так, объем каботажных перевозок в 1985 г. составлял 85%, внешнеторговых – 15%; а в 2009 г. объем внешнеторговых – 85%, каботажных – 15% [3].

Кроме того, на фоне этих структурных сдвигов в национальной грузовой базе технический уровень морских портов Дальневосточного региона перестал соответствовать современным требованиям в части износа и старения портовых мощностей во внешнеторговом направлении [5].

Поэтому существующие специализированные комплексы Дальневосточного региона не достигли требуемого уровня конкурентоспособности по сравнению с портами Северо-Западного и Южного бассейнов. В связи с этим суммарный грузопоток портов Дальнего Востока от общего объема грузооборота России снизился с 40% до 18%. Лишь только в 2008 году был преодолен максимальный показатель 1990 г. – 72 млн тонн, в то время как максимальный показатель по России был преодолен в 2000 году, рисунок 1.

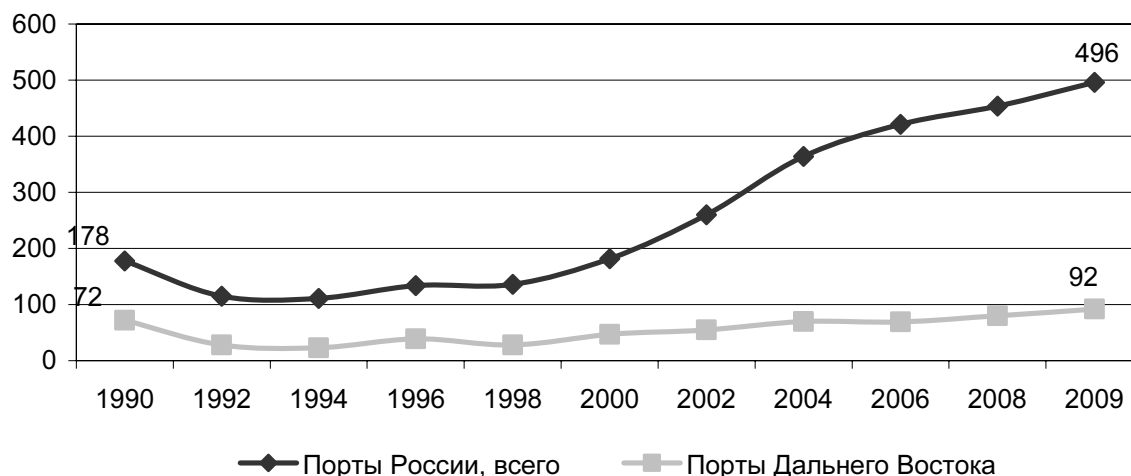

Рис. 1. Грузопоток морских портов России и Дальнего Востока, в млн т

Приведенные данные показывают, что за отмеченный период прослеживается тенденция возрастающего отставания в развитии портов региона, характеризуемая постоянным снижением его роли на фоне устойчивого увеличения грузооборота портов России и закреплением за регионом роли сырьевого придатка стран-потребителей необработанных ресурсов.

В состоянии морского торгового флота региона прослеживаются следующие негативные тенденции:

- стремительное сокращение доли перевозок российскими судами. Так, за 19-летний период флот морских пароходств сократился в 6 раз (с 2,8 млн т до 0,4 млн т) [6], (рис. 2).

- резкое выбытие флота в результате его старения. Средний возраст судов в 2010 году составляет 20 лет [7];
- увеличение доли наливного флота и сокращение доли сухогрузного флота.

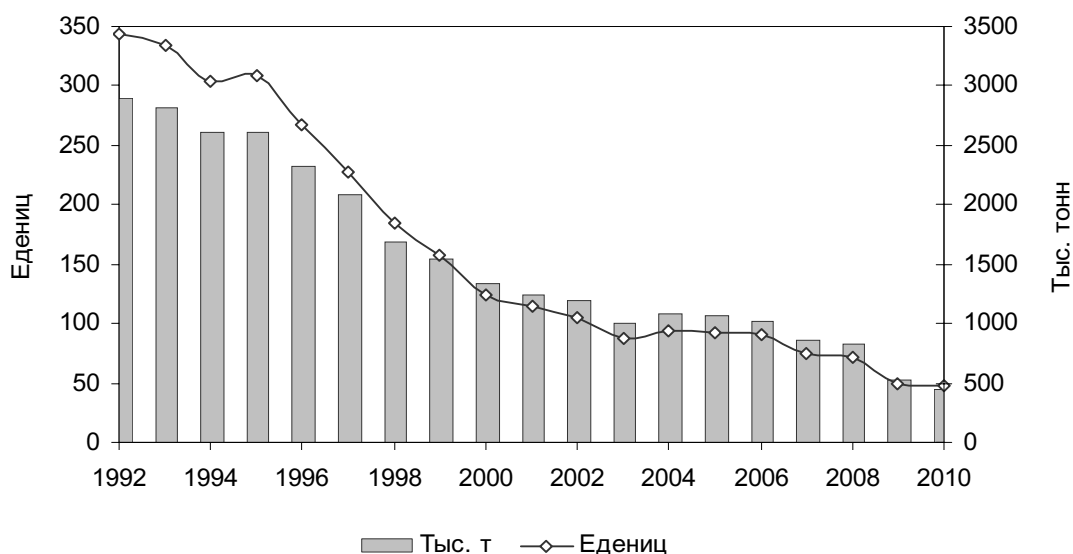

Рис. 2. Наличие транспортных судов морских парокходств Дальнего Востока на балансе и эксплуатируемых под флагом России

Сложившиеся тенденции приводят к усилению зависимости России от мирового фрахтового рынка, к увеличению импорта транспортных услуг, сдерживанию развития отечественного судостроения, что создает угрозу национальной безопасности страны.

Таким образом, несмотря на общую адаптацию морского транспорта региона к рыночным условиям, его состояние в настоящее время нельзя считать оптимальным, а уровень ее развития недостаточным. В целом изменения, произошедшие в работе морского транспорта, совпадают с общероссийской тенденцией, однако территориальные особенности региона обуславливают более высокую значимость морского транспорта.

Ключевым документом, определяющим дальнейшее развитие морского транспорта, является Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года [8].

Для преодоления сложившейся негативной тенденции в регионе ожидается увеличить объем груза в 2,7 раза. Объем переработки сухих грузов увеличится 2,5 наливных – в 3 раза, контейнерных – в 7 раз. Таким образом, суммарный грузооборот портов Дальневосточного региона достигнет лишь 24% от общего грузооборота морских портов России (рис. 3).

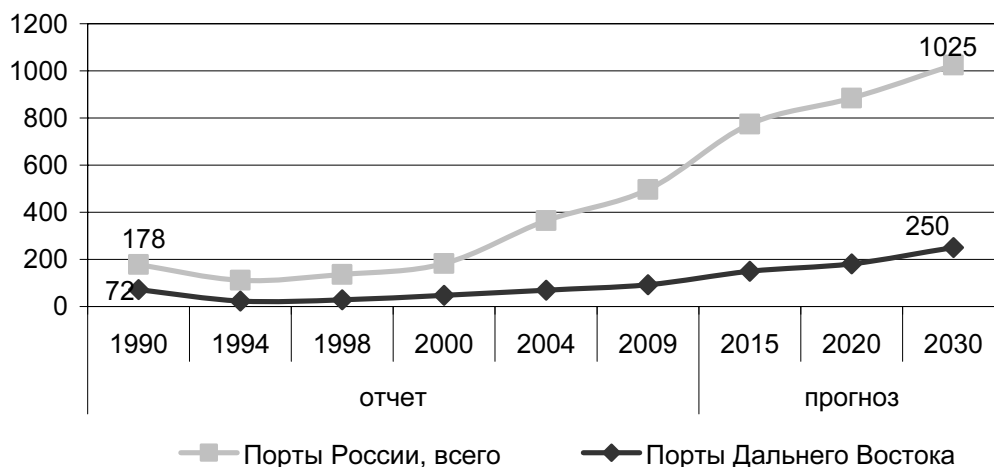

Рис. 3. Прогноз грузооборота морских портов России и Дальнего Востока, млн т

Кроме того, намечено увеличить объем грузов, перевозимых российскими судоходными компаниями на 17,5%. Общий тоннаж транспортного флота, контролируемого Россией, к 2030 году должен составить не менее 27%, а средний возраст судов – снизиться до 13 лет.

Помимо этого в Стратегии определен перечень конкретных «точечных» мероприятий по расширению и реконструкции морских портов, созданию сопутствующих инфраструктурных объектов и улучшению работы судоходных и стивидорских компаний в Дальневосточном бассейне и т. д. Так, например, намечено развитие портов Ванино, Петропавловск-Камчатский, Находка, Магадан, Холмск, Анадырь, портопунктов Камчатского края и Сахалинской области, а так же строительство порта в районе поселка Набиль и терминалов, обеспечивающих работу трубопроводной системы Восточная Сибирь – Тихий океан. Предусматриваются реконструкция и строительство терминалов, обеспечивающих работу Северного морского пути [2].

Вместе с тем, этих мер недостаточно. Даже при условии успешной реализации мероприятий Транспортной стратегии, обозначенные направления развития обеспечат лишь нормальную работу морских портов и морского транспортного флота Дальневосточного региона.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что заложенные тенденции возрастающего отставания в развитии портов региона и снижении доли транспортного флота, контролируемого Россией, на фоне устойчивого увеличения грузооборота портов России и увеличении доли иностранного флота будут прослеживаться в дальнейшем.

Список литературы:

1. *Белякова Е.* Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 2.
2. Концепция развития Северного морского пути (СМП) на период до 2015 г. – <http://www.morflot.su>.
3. *Люцкина О.Г.* Анализ структурных сдвигов в грузопотоках Дальнего Востока // Региональные экономические проблемы развития транспортной системы Дальнего Востока. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982.
4. Отчетные данные ОАО «ДНИИМФ».
5. *Симонов А.Н.* Состояние и перспективы развития морской транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке Российской Федерации // Дальневосточный международный экономический форум – 2007 г.
6. Статистические данные ЗАО «ЦНИИМФ».
7. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года: приказ Минтранса РФ № 45 от 12 мая 2005 г.
8. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 г. № 1734-р.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Ким Л.В.

**ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ**

Повышение темпов экономического роста, выбор теоретических подходов к его ускорению и обеспечению их устойчивости – важнейшая проблема, обсуждаемая учеными-экономистами всего мира. Особенно актуальна она для агропромышленного комплекса Дальнего Востока, объемы производства в котором сократились за последние 15 лет примерно в два раза, а душевое потребление продуктов упало до уровня слаборазвитых стран.

Меры, принятые Правительством РФ и органами власти субъектов Федерации, позволили в некоторой степени стабилизировать и обеспечить рост сельскохозяйственного производства. В 2008 г. прирост валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах составил к уровню 2005 г. 11,5%, причем продукции растениеводства – 12,3%, животноводства – 11,1%.

Анализ тенденций развития основных отраслей сельского хозяйства, материально-технической базы и продовольственного обеспечения региона показал, что имеются значительные различия не только со среднероссийскими показателями, но и между отдельными территориями внутри Дальнего Востока. Эти различия объясняются как неустраняемыми природными, так и экономическими, и социальными условиями. Дальневосточный федеральный округ из-за недостатка сельскохозяйственных угодий, сложных природных условий и структуры народного хозяйства не обеспечивает потребности населения в большинстве продуктов питания.

Поэтому перспективные задачи агропромышленного производства Дальнего Востока состоят в том, чтобы на основе применения ресурсосберегающих технологий, повышения до рационального уровня интенсификации и культуры ведения сельскохозяйствен-

ного производства, совершенствования его структуры, эффективного использования производственного потенциала ослабить влияние негативных природных и экономических факторов, повысить конкурентоспособность отрасли и обеспечить на этой основе потребление минимально необходимого биологически полноценного продовольствия местного производства, сохранение и закрепление постоянного сельского населения в регионе.

Экономика сельскохозяйственного производства является труднонаблюдаемым объектом, так как имеет большие масштабы, протекающие в ней разнообразные процессы рассеяны во времени и пространстве.

При разработке прогноза учитывались такие последствия длительного кризиса, как распад материально-технической базы села, сужение емкости внутреннего рынка, давление необеспеченной кредиторской задолженности, потеря управляемости АПК и возрастание роли нетоварного сектора. При этом главная трудность видится в том, что нет возможности разработки единого направления развития АПК для Дальнего Востока, т. к. территории различаются как по природно-климатическим условиям, так и социально-экономическим. В связи с этим разработка направлений развития аграрного сектора проводилась для каждой территории отдельно, с учетом природных, социальных и экономических особенностей.

Для решения противоречивых задач использован вариантный подход и различные методы прогнозирования. В качестве наиболее распространенных методов использованы: экспертные оценки, расчетно-конструктивный, прогнозы, базирующиеся на аналогах, моделирование. Следует иметь в виду, что при разработке прогнозов приходится учитывать произошедшие негативные изменения в состоянии аграрного сектора: длительный спад производства, последствия разрушения производственного потенциала и социальной сферы села.

Развитие аграрного сектора в северных территориях ДФО зависит от социально-экономического курса страны. В настоящее время реализация Приоритетного национального проекта «Развитие АПК», принятие Государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.» на краевых и областных уровнях позволили приостановить спад поголовья свиней и птицы во всех категориях хозяйств, в малых формах хозяйствования наблюдается увеличение производства картофеля, овощей и яиц.

Прогноз развития сельскохозяйственного производства должен предусматривать возможность изменения нынешнего курса аграрной политики. Это будет означать определенные меры защиты отечественного сельскохозяйственного товаропроизводителя, как от недобросовестной внешнеторговой конкуренции, так и от диспаритета цен, улучшение

кредитоспособности и бюджетной поддержки производителей продукции растениеводства и животноводства. При сочетании дотаций из федерального бюджета и поддержки на местах в условиях севера Дальнего Востока можно обеспечить рентабельную работу отраслей растениеводства и животноводства, стабилизировать положение в аграрном секторе. С ростом платежеспособного спроса появятся условия для увеличения производства.

Эффективное производство на промышленных свиноводческих и птицеводческих комплексах даже в современных условиях обеспечивается при строгом выполнении технологии. Для этого необходимо восстановление нормативного обеспечения предприятий оборотными средствами, соблюдение технологической дисциплины, постепенный выход на проектные показатели продуктивности.

При восстановлении этих отраслей требуется дифференцированный подход. Яичным птицефабрикам поддержка может быть оказана путем предоставления кредитов на пополнение оборотных средств.

Производство мяса для промышленной переработки на привозных кормах в регионе в ближайшие годы не может быть эффективным. Поэтому объемы производства целесообразно ограничить потребностями в парном мясе.

На первых этапах предстоит компенсировать сокращение посевных площадей и поголовья скота повышением урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животных за счет улучшения мотивации труда, более строгого выполнения технологий и перехода к ресурсосберегающим технологиям.

Системообразующим укладом, от которого в регионе зависит состояние других укладов, являются крупные предприятия различных организационно-правовых форм. С изменением статуса предприятий необходимо совершенствовать их организационно-производственную структуру. Внутри предприятий следует формировать экономических собственников, заинтересованных в эффективном использовании собственности путем передачи земли и имущества в аренду первичным подразделениям, семьям работников.

Изменение экономической ситуации поставило задачу превращения аграрного сектора в конкурентоспособную часть экономики. В структуре сельскохозяйственного производства должен повышаться удельный вес отраслей, позволяющих снижать потребности в энергетических ресурсах, минеральных удобрениях, технике. В структурной политике необходимо для каждой территории определить приоритеты и источники средств для их реализации.

Основным направлением развития личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйств будет развитие их кооперации с сельскохозяйственными предприятиями в сфере совместного производства, оказания производственных услуг, переработки и сбыта

продукции.

На втором этапе предусматривается рост доходов малообеспеченных слоев населения, и, соответственно, существенное увеличение спроса на продовольствие, что позволит прогнозировать более высокие темпы вывода сельского хозяйства из кризиса.

В прогнозе важно учесть определенную вероятность различных вариантов смены курса аграрной политики на федеральном уровне и возможности оперативной корректировки проектируемой программы экономических преобразований в регионе путем выделения тех звеньев АПК, за счет которых такого рода корректировки могут быть осуществлены с минимальными издержками.

Методика разработки прогноза предусматривает оценку возможных вариантов развития ситуации. За базовый вариант предполагается принять сохранение сложившихся тенденций за 2000–2008 гг., действие внутренних и внешних факторов; итоги реализации ПНП с 2005 г., Программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.» и др. программы на региональных уровнях.

Во втором варианте рассматриваются возможности аграрного сектора для рентабельной работы, увеличение поддержки как из федерального, так и бюджетов субъектов Федерации, рациональное использование всех ресурсов, мобилизацию внутривладельческих резервов, обеспечение условий для расширенного воспроизводства в предприятиях и товарных крестьянских (фермерских) хозяйствах.

Третий вариант развития производства зерна и сои предусматривает использование ресурсосберегающих технологий возделывания, повышение внесения минеральных удобрений до рационального уровня, обеспечивающего сохранение плодородия, увеличение машинно-тракторного парка к 2020 г. на 20% при широком внедрении региональных машин, что позволяет прогнозировать получение дополнительной продукции за счет повышения урожайности и роста посевных площадей.

Материально-техническое обеспечение АПК прогнозируют исходя из формирующегося рынка материально-технических средств. В условиях новых экономических отношений сделан резкий переход от системы централизованного материально-технического обеспечения к свободной реализации ресурсов по ценам предприятий – поставщиков. Потребности АПК в технике, оборудовании, топливе, удобрениях, запасных частях и материалах прогнозируют индикативным путем, т. е. вначале проводят расчеты на уровне различных предприятий, а затем определяют общую потребность на уровне района, территории. Это дает возможность в последующем спрогнозировать мощности для производства необходимых материально-технических ресурсов.

Предлагаемым вариантом основной объем сельскохозяйственной продукции на перспективу, как и прежде, будет производиться в южных территориях ДФО. Северные смогут обеспечить население картофелем и овощами, частично молоком, мясом и яйцом.

Принятые Правительством РФ оперативные меры государственной поддержки позволили сельскому хозяйству ДФО в некоторых отраслях сохранить положительную динамику прироста посевов, поголовья и производства продукции.

В растениеводстве приоритетными направлениями на Дальнем Востоке признаны отрасли соеводства, рисоводства и производство зерновых культур.

Аграрная политика региона должна быть направлена на развитие устойчивого и конкурентоспособного сельскохозяйственного производства, способствующего продовольственной безопасности Дальнего Востока. В ближайшее десятилетие за счет собственного производства можно полностью обеспечить внутренние потребности населения в продовольственном картофеле и частично овощах, яйце и молокопродуктах.

Рост сельскохозяйственного производства будет сопровождаться повышением эффективности его основных отраслей (табл. 1). Оценка проведена в ценах 2009 г.

Таблица 1

Эффективность вариантов прогноза развития сельского хозяйства
Дальнего Востока (на 2015–2020 гг.)

Показатель	Варианты развития		
	I	II	III
Реализация продукции за период, млрд руб.	116,9	149,6	156,2
Результат от реализации продукции за 2005–2010 гг. (+ прибыль, – убыток), млрд руб.	+12,5	+15,7	+16,3
Инвестиции в аграрный сектор, млрд руб.	120	170	200
Рентабельность, %	10,7	10,4	10,4
Окупаемость инвестиций, лет	9,6	10,8	12,2

Чтобы преодолеть сохраняющееся пока кризисное положение аграрного сектора, необходимы разработка и реализация стабильной гибкой системы государственной поддержки АПК; в растениеводстве перспективным направлением является освоение эффективной технологии возделывания сельскохозяйственных культур в сочетании с максимальным использованием их сортового и биоклиматического потенциала. В животноводстве – повышение генетического потенциала продуктивности скота и птицы с учетом достижений селекции, регулирование процессов высокой продуктивности животных на основе использования рациональных систем их кормления.

Процесс стабилизации и дальнейшего развития АПК Дальнего Востока потребует длительного промежутка времени, значительных капитальных вложений. Без финансовой и ресурсной поддержки со стороны Федерации за счет внутренних резервов восстановить и наращивать агропромышленное производство Дальнего Востока невозможно.

Для поддержания производственного потенциала сельского хозяйства на сохранившемся уровне потребность в инвестициях до 2020 года составляет по ДФО 200 млрд рублей. То есть, даже для решения этой проблемы необходима поддержка аграрного сектора из бюджетов разных уровней.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Леонова Ю. А.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛАСТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК МЕТОД
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННО-
ГО ПРОИЗВОДСТВА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ¹**

Актуальность разработки механизмов повышения эффективности организации промышленного производства в России в целях обеспечения конкурентоспособности российской экономики, ее модернизации и стабильного экономического роста является одной из предпосылок проведенного исследования. Спад в экономиках субъектов Российской Федерации в 2008–2009 годах оказался более глубоким, чем ожидалось. В условиях кризиса и бюджетных дефицитов регионы столкнулись с падением спроса на промышленную продукцию со стороны традиционных партнеров. Реализация большинства проектов остановилась на стадии проектирования из-за недостаточного финансирования. В сложившейся ситуации определенным преимуществом обладает кластерная технология оптимизации промышленного производства посредством развития государственно-частного партнерства, позволяющая объединять финансовые, институциональные ресурсы государства (государственная собственность на ресурсы, институциональные возможности) и бизнеса в виде частнопредпринимательских принципов хозяйствования, инвестиций, менеджмента, инноваций. На уровне федерального правительства уже реализуется кластерный подход в структурной промышленной политике Российской Федерации и формировании государственных холдингов.

¹ Научно-исследовательская работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации.

Анализ основных подходов к определению кластеров, представленных в работах М. Портера, М. Энрата, Э. Бегмана, Э. Фезера, С. Рузенфельда, Д. Якобса, А. ДаМака и других [2; 3; 4; 5], позволил сформулировать авторское определение кластера как сетевой организации территориально взаимосвязанных и взаимодополняемых самостоятельных промышленных предприятий, соединенных горизонтальными и вертикальными связями с финансовыми организациями, органами государственной власти, институтами науки и профессионального образования в целях повышения уровня и качества производства и сервисного обслуживания определенного вида продукции. Кластерные технологии – это процедура управления промышленностью, включающая различные способы поддержки инициатив по созданию и развитию сетевых объединений предприятий кластеров.

Основой разработки и реализации кластерной стратегии развития промышленности является государственно-частное партнерство и муниципально-частное партнерство. В самой стратегии были выделены следующие блоки (рис. 1).

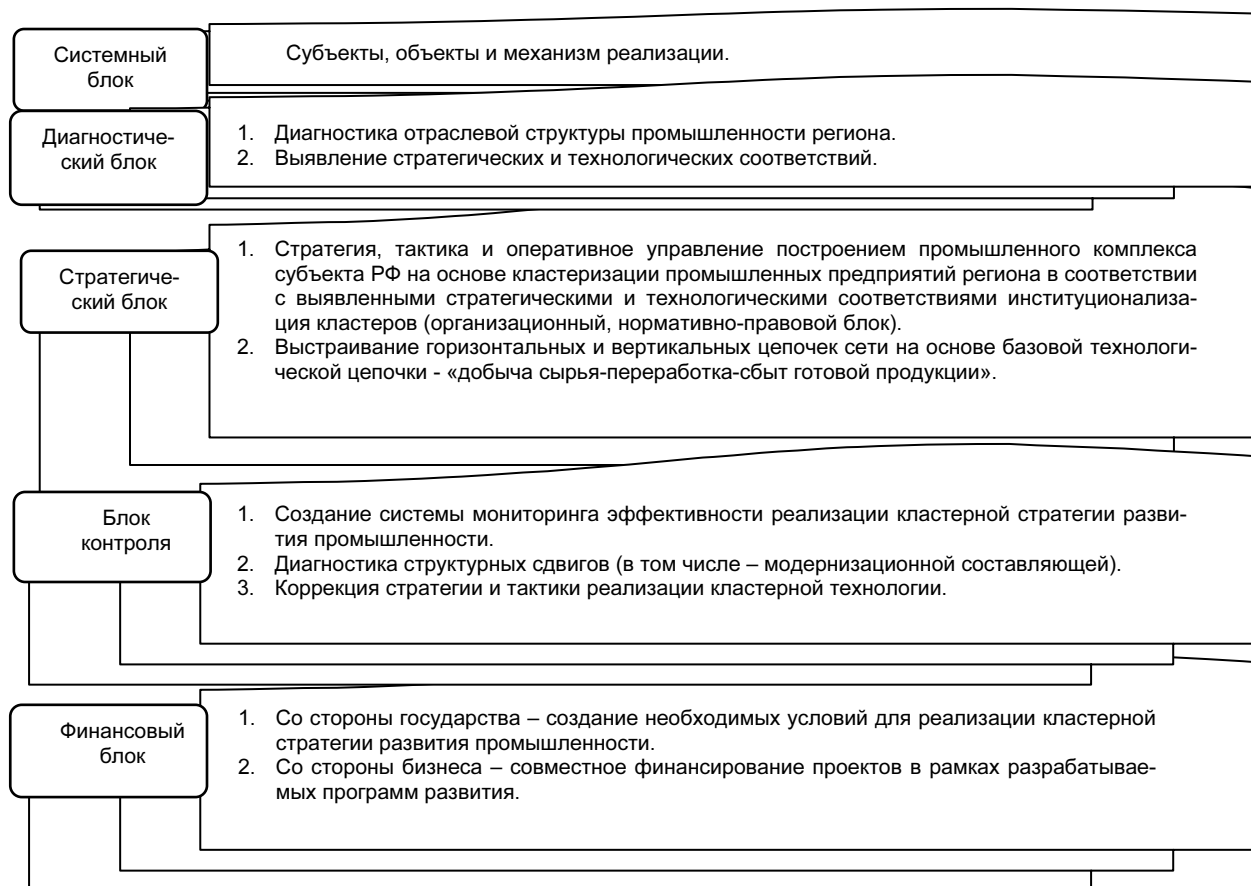

Рис. 1. Кластерная стратегия развития промышленности края

Исследование формирования промышленных комплексов на примере отдельных субъектов РФ позволило выделить основные предпосылки, факторы и условия их развития. Со стороны бизнеса данные предпосылки включают: наличие ключевых предпри-

ятий, которые заинтересованы в сотрудничестве в рамках комплекса; наличие кооперационных связей и механизмов взаимодействия между данными предприятиями. Со стороны органов государственной власти: заинтересованность в кластерном варианте развития промышленности региона; наличие успешного опыта взаимодействия с крупным бизнесом у органов государственного управления.

На основе проведенного исследования были выделены три технологические стадии формирования промышленного комплекса на основе использования кластерных технологий (рис. 2).

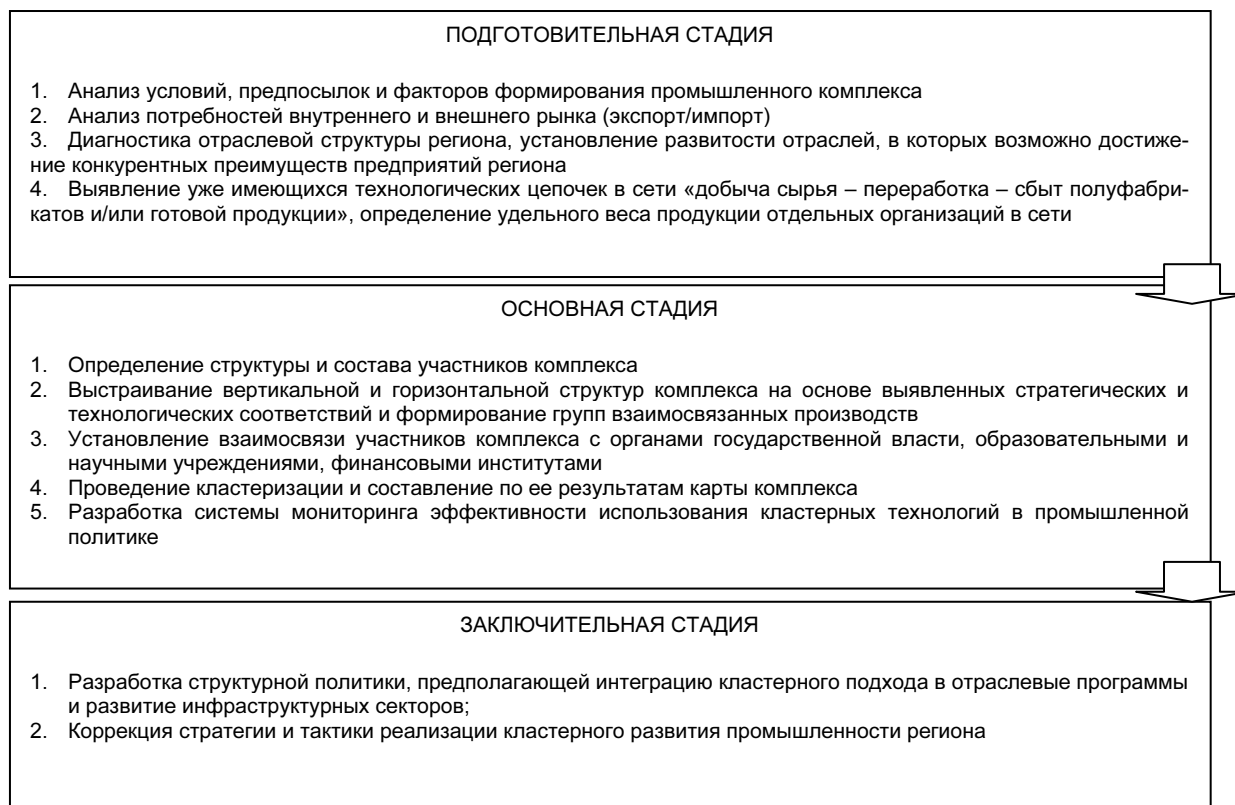

Рис. 2. Стадии реализации кластерного подхода

Перейдем к оценке возможности формирования промышленного комплекса в Хабаровском крае на основе использования кластерных технологий. Как показал анализ коэффициента специализации за 2005–2008 гг., основными видами экономической деятельности в крае являются: производство транспортных средств; производство и распределение газа и воды; обработка древесины и производство изделий из дерева; производство нефтепродуктов [1]. Тем не менее, необходимо отметить, что глубина спада базовых отраслей в период кризиса, составила более 40%, а некоторых видах деятельности она достигла 66% (производство машин и оборудования). В то же время, несмотря на ухудшение макроэкономической ситуации, как показал анализ деятельности ВСГТУ (снижение пока-

зателей на 10–12%), где уже сформирован транспортно-промышленный кластер, глубина спада производства значительно меньше при наличии сетевых структур. Основным фактором, определяющим глубину спада, является малоэффективная структура промышленного производства края и отсутствие сетевой организации производства на основе выстраивания технологических цепочек, что приводит к бесперспективному развитию отраслей. Кластеризация приводит к ориентации на региональный рынок и развитию национального рынка, а также придает экономическому развитию устойчивости.

Промышленный комплекс Хабаровского края, сформированный на основе использования кластерных технологий может состоять из следующих структурообразующих системных блоков:

- 1) административный, включающий региональные, муниципальные органы государственной власти;
- 2) производственный. Он включает в себя ядро, которое может составить лидирующие предприятия отрасли «Машиностроение и металлообработка» («КнААПО», «Амурский судостроительный завод»). Автоматически включаются в комплекс (сеть) также транспортная, лесная и лесоперерабатывающая, нефтеперерабатывающая отрасли, между которыми уже существуют или формируются устойчивые межфирменные связи;
- 3) блок ресурсного обеспечения (добывающие отрасли)
- 4) сбытовой блок (в том числе и региональные ярмарки, вставки достижений и т.д);
- 5) транспортно-логистический, включающий транспортно-логистические фирмы, а также независимые консалтинговые агентства, специализированные центры по аутсорингу и субконтрактингу;
- 6) научно-исследовательский, объединяющий бизнес-инкубаторы, академические и отраслевые научные институты, промышленные парки, венчурные фонды, центры трансферинга знаний, исследовательские и испытательные центры.

Включение в комплекс предприятий лесной и деревообрабатывающей отрасли также позволит повысить эффективность ее работы, развитию деревообработки, а также решить проблемы, связанные с подрывом устойчивого лесопользования и позволит обеспечить весь цикл работ от лесозаготовок до производства и реализации высококачественной продукции лесопереработки, имеющих возможности привлечения значительных инвестиций. Таким образом, увеличение объемов переработки древесины позволят существенно снизить сырьевую направленность экспорта лесных материалов, увеличить объемы экспортной выручки, укрепить долю лесопромышленного комплекса в формировании ВРП и бюджета края. Формирование комплекса позволит решить ряд проблем машино-

строительного комплекса, что приведет в дальнейшем к повышению конкурентоспособности конечной продукции: диверсификации и конверсии излишних оборонных мощностей для потребностей предприятий, входящих в комплекс; привлечению инвестиций в целях технической и технологической модернизации производств, повышению конкурентоспособности продукции, снижению издержек производства; появлению эффективных механизмов внедрения в производство наукоемких и высокотехнологичных разработок.

Возможны два варианта реализации кластерной политики в Хабаровском крае: регулируемое и спонтанное формирование промышленных кластеров. При формировании кластеров на основе государственных предприятий (например, авиационного холдинга «КнААПО», предприятий ВПК «Амурского судостроительного завода», «Хабаровского судостроительного завода» и др.) необходима государственная поддержка, поэтому государство вправе определять директиву развития будущего промышленного кластера. С другой стороны, если кластер формируется на базе частной (смешанной) собственности, то нет необходимости активного вмешательства в его формирование. Основное внимание государство должно уделять поддержанию процесса кластеризации путем развития институциональной составляющей, которая включает создание благоприятных условий (организационно-правовых, социально-экономических, финансовых и др.) и устранение барьеров для развития конкурентной среды в Хабаровском крае, налоговое стимулирование реализации кластерных инициатив, организационную помощь в координации усилий участников кластера, поддержку создания и развития инфраструктуры.

Предлагаемый метод реструктуризации промышленности приводит к сокращению издержек производства и транзакционных издержек, сроков внедрения инноваций в производство, более эффективному использованию ресурсных возможностей территорий и формированию конечноцелевых воспроизводственных циклов. Формирование промышленного комплекса на основе использования кластерных технологий будет способствовать оптимизации функционирования предприятий, расположенных на территории Хабаровского края и обладающих конкурентоспособным потенциалом роста. Появившиеся полюса или точки роста будут стимулировать развитие других предприятий и социально-экономическое развитие территории в целом.

Список литературы:

1. Паспорт Хабаровского края. 1997–2008 годы: стат. сб./ Хабаровскстат. – Хабаровск, 2009.
2. *Bergman E.M. and Feser E.J.* Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications / Regional Research Institute, WVU., 1999.

3. *Enright M.J.* Regional clusters and economic development: a research agenda / M. J. Enright // *Business Networks: prospects for the regional development.* – 1996.
4. *Porter M.E.* The competitive Advantage of the Nations. – New York: Free Press., 1990.
5. *Rosenfeld S.A.* Bringing business clusters into the mainstream of economic development // *European planning studies.* – 1997. – № 5(1).

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Ломакина Н.В.

**ИННОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ
РАЗВИТИЯ МИНЕРАЛЬНОГО СЕКТОРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹**

Развитие Дальнего Востока России – это, по сути, результат сменяющих друг друга государственных программ освоения региона. Для каждого этапа были характерны различные цели, интенсивность и результаты. Современный этап вновь демонстрирует активное внимание государственных органов управления к развитию Дальневосточного федерального округа (ДФО). К настоящему времени утверждена государственная Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года. В регионе реализуется ряд отраслевых программ федерального уровня и федеральная целевая программа «Дальний Восток и Забайкалье» (ФЦП ДВиЗ). Разработаны стратегии развития отдельных субъектов РФ, входящих в ДФО.

Практически во всех документах подтверждено, что стратегической основой перспективного развития Дальнего Востока до 2020–2030 годов является эффективное использование природных ресурсов региона – в первую очередь, топливно-энергетических и минерально-сырьевых. При этом потребность в валовых инвестициях для формирования новых горнодобывающих и перерабатывающих кластеров в ДФО (включая ресурсные и инфраструктурные проекты) до 2025 г. превышает 30 млрд долл.

Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока в период до 2030 года по-прежнему рассматривается как сектор национальной специализации региона, при этом многие целевые задачи перспективного регионального развития (в частности, его инфра-

¹ Работа подготовлена при поддержке проектов № 09-I-П26-02, 09-I-ООН-01.

структурное освоение) выстраиваются, в том числе, и как «работающие» на повышение конкурентоспособности этого комплекса. В перспективной пространственной структуре минерально-сырьевого комплекса (МСК) лидирующие позиции по-прежнему останутся за Республикой Саха (Якутия), Магаданской и Амурской областями, Чукотским автономным округом. Существенно возрастет в структуре регионального минерального сектора роль Камчатского края и Еврейской автономной области.

В последние 2–3 года на Дальнем Востоке появились предприятия, осваивающие добычу новых для региона видов полезных ископаемых: титаномагнетитовые руды в Амурской области; никель и кобальт в Камчатском крае; железные руды в Еврейской автономной и Амурской областях.

Однако основой минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока по-прежнему является добыча драгоценных металлов и алмазов. Ключевой задачей алмазодобывающего комплекса является переход на подземную добычу. В 2009 г. «АЛРОСА» добывала открытым способом около 80% алмазов. Компания ожидает, что к 2025 году соотношение «перевернется»: доля подземной добычи вырастет до 75%. Переход на подземный способ алмазодобычи характеризует существенные, принципиальные изменения в этой отрасли.

Не менее важные изменения происходят в динамике производства, ресурсной базе, в технологиях освоения и в золотодобывающей отрасли. Для золотодобывающей отрасли Дальнего Востока, как и для всей золотодобывающей промышленности России, ключевым технологическим изменением реформенного периода стал реальный переход к освоению рудного золота: если в 1992 г. соотношение добычи рудного и россыпного золота составляло 20:80, то в 1998 г. – уже 40:60. К настоящему времени это соотношение «развернуто» уже, практически, наоборот, со значительным преобладанием в добыче рудного золота.

Прогнозное развитие минерального сектора Дальнего Востока до 2030 года следует предполагать в некоей «вилке». Одним из «наименее благоприятных» может стать вариант развития МСК, основывающийся на современном уровне освоения и воспроизводства минерально-сырьевой базы. Этот вариант можно условно обозначить как «инерционный».

Среди множества проблем реформенного периода ключевыми для развития минерально-сырьевой базы стали изменение модели ее воспроизводства и доступа к минеральным ресурсам. Результатом стали серьезные трансформации минерально-сырьевой базы Дальнего Востока. После 2005 г., с утверждением долгосрочной государственной программы воспроизводства МСБ России до 2020 г., ситуация начала меняться. В последние годы в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) отмечалась положительная тенденция финансирования геологоразведочных работ (ГРР).

Однако, кризис оказал влияние на возможности и недропользователей, и государства по воспроизводству минерально-сырьевой базы. Вопросы воспроизводства минерально-сырьевой базы по-прежнему остаются проблемными. Поэтому, если не удастся восстановить непрерывность воспроизводственного цикла минерально-сырьевой базы, концентрацию достаточных финансовых средств для освоения месторождений, развитие МСК Дальнего Востока на базе только современных запасов может пойти и по минимальному варианту – со значительным сокращением добычи, прежде всего драгоценных металлов. Более того, к 2050 году это сокращение может усилиться. Так, по прогнозам ИГЕМ РАН [2] после «пика роста» в 2020–2030 гг. уровень добычи золота на Дальнем Востоке к 2050 году может составить лишь чуть более 45 тонн, серебра – на уровне 220–250 тонн.

Риск реализации такого варианта, конечно, существует. Но, на наш взгляд, к сегодняшнему дню сложился ряд базовых факторов, «императивов развития», определяющих потенциал «выхода» минерального сектора Дальнего Востока на верхнюю планку возможной «вилки развития». Важнейшие из них:

- во-первых, стратегическая направленность, качественные и количественные индикаторы перспективного развития определяются крупнейшими компаниями мирового и национального уровней;

- во-вторых, дальнейшее позитивное развитие может быть реализовано только на основе серьезных технологических трансформаций в отрасли, поскольку практически исчерпаны доступные, высоко рентабельные запасы, освоение которых было возможно самыми простыми и традиционными методами. Необходим переход к принципиально иным методам и технологиям на всех стадиях – от оценки ресурсного потенциала до добычи и переработки минеральных ресурсов¹;

- в-третьих, «возвращение» государства в минеральный сектор экономики. Появляются элементы реального государственного участия в стратегическом управлении использованием и воспроизводством минеральных ресурсов:

- 1) «оформление» роли государства в воспроизводстве фонда недр в рыночных условиях;

- 2) попытка перейти к перспективному планированию взаимосвязанного развития МСК и территорий – целевому формированию локальных площадей – перспективных центров экономического роста (ЦЭР).

¹ Подробно примеры такого подхода, характеристика важнейших инвестиционных проектов, их направленности и ожидаемых результатов представлены в работе [1].

Благоприятное сочетание всех трех групп факторов может обеспечить формирование инновационного варианта перспективного развития минерального сектора, выражающееся, прежде всего, через:

- 1) Трансферт в регион новых технологий добычи и переработки минерального сырья.
- 2) Реализацию новой модели управления, финансирования и организации воспроизводства минерально-сырьевой базы (минерально-сырьевые центры экономического роста).
- 3) Формирование новых отраслей и подотраслей минерально-сырьевого комплекса, включая производства конечного передела.
- 4) Обеспечение позитивной динамики ключевых показателей МСК (инвестиции, выпуск продукции, производительность, рентабельность) и его вклада в региональное развитие (формирование ВДС, обеспечение занятости и доходов бюджета).

Какова может быть «программа действий» и конкретные шаги, обеспечивающие развитие минерального сектора Дальнего Востока преимущественно по инновационному варианту?

1. Трансферт в регион новых технологий добычи и переработки минерального сырья. Минерально-сырьевой комплекс на современном этапе становится науко- и инновационным комплексом. Чем более усложняются условия по добыче ресурсов (технологические, геологические, географические и т. д.), тем больше он «притягивает» научных знаний и инноваций. Это – уже складывающаяся мировая тенденция. На эти вызовы вполне отвечает и российский минерально-сырьевой комплекс (МСК), в том числе и его «дальневосточная» составляющая. И тому уже есть примеры. Инновационные подходы на стадии «оценки – разведки месторождений» уже сейчас положены в основу стратегии крупных горнодобывающих компаний. Так, применение на месторождении Наталка (Магаданская область) современных методов оценки и пересмотр многих стереотипов позволили компании «Полюс Золото» перевести месторождение в статус уникальных в мировом масштабе. Компания проводит аналогичные работы на месторождениях Якутии. По оценке компании это позволит удвоить производство золота в Республике Саха (Якутия).

Есть примеры планируемых инноваций и в добыче. Так, компания «Полиметалл» реализует на Дальнем Востоке проект «Албазино – Амурск» и строит два предприятия в Хабаровском крае:

- Горно-обогатительный комбинат непосредственно в районе месторождения Албазино
- Гидрометаллургический комбинат в Амурске.

По оценке компании это первый в России проект переработки упорных золотосодержащих руд с применением высокотехнологичного и экологически более безопасного метода автоклавного окисления.

Сегодня этот проект уже имеет и свое продолжение. Компания «Полиметалл» приобрела месторождение Майское на Чукотке – одно из пяти крупнейших золоторудных месторождений России. Компания разрабатывает уникальную стратегию: добычу и обогащение руды на Чукотке с последующей доставкой концентрата в Амурск для переработки. Проведенный аудит подтвердил целесообразность создания хаба по переработке упорных концентратов с привлечением предприятий на территории Хабаровского края.

Учитывая перспективность технологии, Амурск может стать значимым межрегиональным центром по переработке концентратов и из других территорий Дальнего Востока России, и возможно, северо-восточных регионов Китая.

Другой пример инновационных планов – это освоение железорудных ресурсов юга Дальнего Востока. В рамках создания кластера компания «Петропавловск» предполагает производить на своем металлургическом комбинате прямо восстановленное железо на базе наиболее передовой технологии ИТМК-3. Для производства железа прямого восстановления (DRI) выбор сделан в пользу инновационной технологии ITmk3, которая разработана японской компанией Kobe Steel и «принадлежит к третьему (последнему на сегодня) поколению технологий получения сырья для производства стали». По оценке компании, это будет второй подобный завод в мире и первый в России. С 2015 года Дальневосточный металлургический комбинат может производить до 4 млн тонн прямо восстановленного железа, а на следующем этапе планируется удвоить выпуск железа и начать выпуск стали.

Таким образом, на Дальнем Востоке минерально-сырьевой комплекс становится и «полюсом притяжения», и возможным источником инноваций для развития других отраслей в регионе.

Еще один важный элемент формирования инновационного варианта перспективного развития минерального сектора Дальнего Востока – это реализация новой модели управления, финансирования и организации воспроизводства минерально-сырьевой базы: переход к целевому формированию локальных площадей – перспективных центров экономического роста. Их принципиальными характеристиками являются:

- наличие многопрофильного минерально-сырьевого потенциала и возможности его существенного наращивания;
- необходимость и возможность инфраструктурных преобразований в регионе в рамках общегосударственных программ перспективного развития;

- финансирование развития ЦЭР на основе механизмов частно-государственного партнерства;
- возможность обеспечения за счет этих факторов существенного экономического роста и устойчивости развития территорий.

К настоящему времени на основе этих принципов в России формируется 29 перспективных центров экономического развития, из них 11 – в Дальневосточном федеральном округе. Степень готовности к освоению этих центров (ЦЭР) различна и определяется, прежде всего, изученностью минерально-сырьевой базы и уровнем инфраструктурной обеспеченности. Реальными центрами освоения и развития в период 2010–2030 гг. могут стать более половины из формируемых на Дальнем Востоке ЦЭРов (6 из 11): Становой и Хинганский в южной зоне ДФО, Южно-Якутский, Яно-Колымский, Купольный, Южно-Камчатский – в северных материковых и приморских территориях.

Перспективными центрами экономического развития национального уровня определены в государственных стратегических документах Южно-Якутский и Яно-Колымский. В докризисных условиях предполагалось, что при успешном решении инфраструктурных проблем в Южно-Якутском ЦЭР уже к 2015 г. возможно производство 32–37 млн т каменного угля, 20 млн т железной руды, 10 т золота и 5 тыс. т урана. Программа комплексного развития Южной Якутии не потеряла своего значения, однако без сдвижек программных мероприятий во времени вряд ли обойтись.

Примерно такая же ситуация складывается и с освоением Яно-Колымского золоторудного района. По первоначальным планам начало добычи «большого золота» в рамках этого проекта предполагалась уже к 2010 году на месторождении Наталка с выходом к 2013 г. на уровень добычи в 40 т золота и поддержание этого уровня еще на протяжении 30–40 лет. Кроме того, предполагалось, что в период 2020–2030 гг. будет достигнут максимальный уровень добычи в целом по Яно-Колымской золоторудной провинции – до 125 тонн ежегодно за счет поэтапного включения в освоение и других месторождений (Павлик, Дегдеканское, Бадран и др.). В 2009 г. был скорректирован план разработки Наталкинского месторождения. В результате практически на 10 лет «сдвигается» выход на максимальную мощность по Наталкинскому месторождению: производство 40 т золота ожидается к 2022 году.

Подобного масштаба последствия ожидаются и для других крупных месторождений на Дальнем Востоке. Безусловно, это повлияет на формирование и ВРП, и бюджетов «сырьевых» территорий.

Тем не менее, освоение месторождений в рамках формирования перспективных центров экономического развития (ЦЭР) за счет «пространственно-временной» концен-

трации финансовых ресурсов (государственных и частных) может обеспечить развитие минерально-сырьевого комплекса региона по максимальному варианту – и с точки зрения необходимых инвестиций, и возможных объемов выпуска, и воздействия на макроэкономические показатели регионального развития.

Как показывают исследования и прогнозные оценки, и в перспективе минеральный сектор Дальнего Востока сохранит национальную специализацию. Кроме того, не исчерпан потенциал его международного взаимодействия. Принципиальным становится вопрос оценки вклада минерального сектора в устойчивое региональное развитие.

Список литературы:

1. *Ломакина Н.В.* Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока: потенциал развития / отв. ред. П.А. Минакир. – Хабаровск: РИОТИП, 2009.
2. *Попов В.В., Сафонов Ю.Г.* Минерально-сырьевая база топливно-энергетического и металлургического комплексов России: состояние, перспективы освоения и развития (2006 – 2020 – 2050 гг.). М.: ИГЕМ РАН, 2006.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Мирошниченко Т.А.

**ВОПРОСЫ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ ПРИ КОМПЛЕКСНОМ
ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Решение проблем энергосбережения в настоящее время является одной из стратегически важных задач для обеспечения успешного экономического развития страны и укрепления ее энергетической безопасности.

Следует отметить, что на территории Амурской области сконцентрированы значительные объемы топливно-энергетических ресурсов. Функционируют и строятся объекты тепло- и гидрогенерации. Производимая электроэнергия с избытком покрывает внутриобластные потребности, обеспечивает межрегиональные перетоки в пределах юга Дальнего Востока, часть ее идет на экспорт в Китай (около 800 млн кВт·ч в 2009 г.) [5].

Проблемы энергосбережения в области складываются, прежде всего, из недостаточно эффективного использования топливных ресурсов, а также изношенности электросетей и объектов коммунального хозяйства.

Во исполнение федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» разрабатывается «Программа энергосбережения и повышения энергетической эффективности в Амурской области с 2010 по 2014 год и на период до 2020 года» (далее Программа энергосбережения).

Целевая направленность Программы определяется необходимостью решения задач повышения энергоэффективности экономики области, снижения издержек населения и промышленности на потребление энергоресурсов, увеличения надежности энергоснабже-

ния, снижения отрицательного влияния отраслей ТЭК на окружающую среду, повышения энергетической безопасности Амурской области.

Финансирование мероприятий Программы планируется осуществлять из разных источников, общая сумма на период до 2014 г., по предварительным оценкам, должна составить около 9 млрд руб., из них примерно две трети – внебюджетные средства (инвестиции, собственные средства предприятий), около 18% – средства областного бюджета, 12% – средства муниципальных образований и около 1% – средства федерального бюджета [3].

Необходимо еще раз напомнить об особенностях отраслевой структуры хозяйства области. Одно из ведущих мест в нем, как известно, занимает топливно-энергетический комплекс (ТЭК). В масштабах экономики России ТЭК на данный момент является одним из наиболее устойчиво работающих производственных звеньев. На его долю приходится 26% валового внутреннего продукта (ВВП), около 30% объема промышленного производства, 25% налоговых доходов консолидированного бюджета и 60% валютных поступлений в страну. В Амурской области добывающая промышленность, а также производство и распределение электроэнергии газа и воды тоже относятся к основным промышленным видам экономической деятельности, хотя и не являются лидерами при формировании ВРП [2].

Такая структура хозяйства, как не странно, сыграла в определенной степени положительную роль при прохождении областью кризисного 2009 года, который для России был отмечен снижением ВВП на 7,9%. В Амурской области негативные последствия экономического кризиса сказались на снижении объемов строительства, ввода жилья, индекса промышленного производства по большинству видов деятельности обрабатывающих производств, реальных располагаемых денежных доходов, потребительского спроса, оборота розничной торговли. Однако в целом область входит в число субъектов Российской Федерации, среди которых сохранилась положительная динамика роста в добыче полезных ископаемых, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Индекс промышленного производства по сравнению с 2008 годом составил 110,6%, в том числе в добыче полезных ископаемых – 115,5%, что связано с увеличением добычи и цены на золото, а также вводом новых и выходом на проектную мощность функционирующих золоторудных объектов [1]. Производство электроэнергии в 2009 году составило 11 586 млн кВт·ч, в том числе на гидростанциях – 10 330,5 млн кВт·ч, или 125,0% к уровню 2008 года, на тепловых станциях – 1255,5 млн кВт·ч (102,0%). Тепловой энергии отпущено 10 186 тыс. Гкал (87,9%).

Экономика России, как известно, носит энергорасточительный характер. Только прямые потери топливно-энергетических ресурсов достигают 25–30%, потребление энер-

горесурсов превышает аналогичные показатели индустриально развитых стран в промышленности в 3 раза, в жилищно-коммунальном хозяйстве – в 3,5 раза [4]. Потери электроэнергии в Амурской области в 2008 г. составили 16,1% от отпуска, для сравнения по России в целом данный показатель составил 10,7%, в ДФО – 15,7% [6].

Энергоемкость валового внутреннего продукта РФ в 2,5 раза выше среднемирового уровня и в 2,5–3,5 раза выше, чем в развитых странах. В свою очередь энергоемкость валового регионального продукта (ВРП) Амурской области превышает энергоемкость ВВП РФ в 1,26 раза, а электроемкость, соответственно в 1,51 раза (по состоянию на 2007 год). По уровню производства ВРП на душу населения Амурская область значительно отстает от среднего показателя по России, ДФО и находится на 8-м месте среди дальневосточных субъектов РФ [2].

Энергоемкость, электроемкость и теплоемкость валового регионального продукта Амурской области снижаются. Снижение энергоемкости ВРП, в общем, является положительной тенденцией, которая в случае роста производства во всех отраслях экономики, характеризует применение современных энергосберегающих мероприятий и технологий, однако в Амурской области такое положение является, в основном, следствием снижения промышленного производства, сокращения численности населения и соответственно сокращения энергопотребления. Однако следует отметить, что в 2009 г. в области был зафиксирован 10%-й рост электропотребления, в основном за счет промышленного производства (об этом говорилось выше) и транспорта.

Реализация мероприятий Программы энергосбережения, наряду с планируемым масштабным строительством на территории области крупных энергоемких объектов, позволит полнее использовать ее электроэнергетический потенциал.

Среди целей, поставленных в Программе можно особо выделить следующие:

1. Снижение затрат при производстве и передаче топливно-энергетических ресурсов. Достижение этой цели связано, прежде всего, с уменьшением потерь тепловой и электрической энергии при производстве, транспортировке и потреблении, путем замены изношенного, морально и физически устаревшего оборудования, инженерных коммуникаций (котлов, трубопроводов, линий электропередач, подстанций).

2. Снижение затрат на потребление электрической и тепловой энергии, в социальной сфере и жилищно-коммунальном хозяйстве, включая население Амурской области. Осуществление данной цели возможно, к примеру, при снижении удельных показателей потребления электрической и тепловой энергии в результате замены ламп накаливания на энергосберегающие, а также в результате повышения теплоизоляции зданий.

3. Реализация стратегии комплексного эффективного использования топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) при устойчивом экономическом росте и неуклонном повышении качества жизни, конкурентоспособности выпускаемой продукции и улучшении экологической обстановки в регионе.

Осуществление третьей цели связано, прежде всего, с такими мероприятиями как: проведение энергетического аудита и мониторинга; оснащение приборами учета при производстве, передаче и потреблении топливно-энергетических ресурсов; модернизация мощностей тепловой и электрической энергии; внедрение энергосберегающих осветительных приборов, энергоэффективного оборудования и технологий, энергосберегающих материалов, и т. д. [3].

Поскольку в Амурской области в настоящее время нет крупных энергоемких объектов, за исключением самих объектов генерации, значительная доля электропотребления приходится на население. В среднем по области этот показатель составляет 37% от общего потребления электроэнергии по муниципальным образованиям, по некоторым районам, таким как Архаринский, Завитинский, Ромненский он превосходит 50% (рассчитано по: [3]). В этой связи проведение мероприятий по переходу населения на энергосберегающие приборы выглядит более чем оправданно.

Распределение потерь электроэнергии по районам области свидетельствует о том, что этот показатель не связан с размещением промышленных предприятий области, а имеет прямое отношение к техническому износу электросетей. Лидерами по доле потерь в общем отпуске электроэнергии по районам в 2008 г. явились Мазановский, Серышевский, Ивановский и Михайловский районы с показателями 40% и выше, в 2009 г. к ним присоединился также Ромненский район; перечисленные районы не являются лидерами в промышленном и сельскохозяйственном производстве, тогда как потери в районах со значительными объемами промышленного и сельскохозяйственного производства: Благовещенском, Зейском и Тындинском, находятся в пределах от 10 до 30% (рассчитано по: [3]).

По сравнению с 2007 г. уровень потерь в электрических сетях Амурской области в 2008 г. возрос на 431,3 млн кВт·ч или на 33,6%, а в 2009 году потери снизились на 357 млн кВт·ч или на 38,5%. Такой скачок говорит о том, что в сетях высок уровень метрологических потерь, и настоятельно требуется повысить эффективность учета электроэнергии при 100%-м охвате всех точек поставки электроэнергии на розничном рынке и в жилищно-коммунальном комплексе.

Общая экономия электроэнергии, согласно Программе энергосбережения, должна составить 15% к 2014 году, что означает 980,432 млн кВт·ч, а к 2020 году этот показатель должен достичь 40% и 2372,539 млн кВт·ч соответственно [3].

Как уже говорилось выше, в перспективе к 2020 и 2030 гг. на территории Амурской области планируется возведение крупных энергоемких объектов; их потребность в электроэнергии представлена в «Стратегии развития топливно-энергетического комплекса Амурской области до 2010 г. и на перспективу до 2030», главным разработчиком которой выступил Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева Сибирского отделения Российской академии наук [4].

В Стратегии предлагается три сценария развития области: оптимистический, базовый и умеренный. Различаются они по количеству запланированных инвестиционных объектов и степени их реализации к соответствующему году.

К 2020 г. потребность в электроэнергии крупных предприятий при реализации умеренного сценария составит 4575 млн кВт·ч, базового – 10 325 млн кВт·ч и оптимистического – 15 925 млн кВт·ч [4].

Реализация мероприятий по Программе энергосбережения позволит удовлетворить часть потребности вводимых объектов в электроэнергии без строительства новых генерирующих мощностей. В частности при умеренном сценарии этот показатель в 2020г. составит 22,84% от потребности, при базовом и оптимистическом 10,12% и 6,56% соответственно (рассчитано по: [3; 4], в расч. электропотр. не учитывая железнодорожный транспорт и потери). Причем по некоторым районам эффект будет значительным, например в Свободненском районе к 2020г. при строительстве космодрома Восточный потребность в размере 360 млн кВт·ч на 6,1% может быть удовлетворена за счет сэкономленной электроэнергии, в Тындинском, Сковородинском и Белогорском районах на 16,53%; 10,27 и 64,56% соответственно (расчет сделан при условии реализации базового сценария строительства объектов, при умеренном сценарии эффект от энергосбережения будет несколько выше).

Таким образом, эффект от реализации энергосберегающих мероприятий на территории Амурской области будет иметь большое значение не только для существующих потребителей, но и облегчит выполнение стратегических задач по реструктуризации ее хозяйственного комплекса.

Список литературы:

1. Амурская область в цифрах: стат. сб. / Амурстат. – Благовещенск, 2010.
2. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2008 гг. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Р32: стат. сб. / Росстат. – М., 2009.

3. Программа энергосбережения и повышения энергетической эффективности в Амурской области на период с 2010 по 2014 годы // Официальный сайт Правительства Амурской области. – <http://www.amurobl.ru>.

4. Стратегия развития топливно-энергетического комплекса Амурской области до 2010 г. и на перспективу до 2030 / Сиб. отд. РАН. Ин-т систем энергетики им. Л.А. Мелентьева. – Иркутск 2008.

5. Экспорт электроэнергии в Китай способствует росту выработки на ГЭС Приамурья. <http://www.regnum.ru/news/1212956.html>.

6. Электробаланс РФ 2008 // Российский статистический ежегодник. 2009. – <http://www.gks.ru>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Михайленко А.А.

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ
ЖИВОТНОВОДСТВА В ЮЖНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ДФО**

Животноводство в составе агропромышленного комплекса занимает особое место, что обусловлено значительным удельным весом в производстве совокупной продукции сельского хозяйства. В отсутствии круглогодичного животноводческого производства стремительно деградируют производственная сфера и социальная инфраструктура сельской местности, нарастает невосполнимое сокращение трудовых ресурсов села. Поэтому уровень его развития во многом определяет продовольственную безопасность государства, социально-экономическую стабильность общества.

В новых экономических условиях многие сельхозтоваропроизводители различных форм собственности не смогли адаптироваться к рыночным условиям хозяйствования. Ликвидация государственной централизованной системы управления производством, разрыв сложившихся связей в агропромышленном комплексе, резкий диспаритет цен на сельскохозяйственную продукцию и промышленные ресурсы создали неблагоприятные условия для развития животноводства и сделали его убыточным.

Производство продукции животноводства резко сократилось в сельскохозяйственных предприятиях и переместилось в индивидуальный низкотоварный сектор. В 1990 г. в хозяйствах населения Дальневосточного федерального округа содержалось 343 тыс. гол. КРС, в том числе 147 тыс. гол. коров, в 2008 г. соответственно 280,8 и 119 тыс. голов, т. е. сократилось на 18–19%. Особенно активно эти процессы протекают в глубинных районах, где отсутствуют условия для реализации излишков продукции. В настоящее время 76% КРС, 52 – свиней, 96 – овец и коз и 20% птицы содержится в ЛПХ и КФХ, в которых бо-

лее тщательный уход и большие затраты труда обеспечивают более высокую продуктивность.

Владельцы личных подсобных и крестьянских хозяйств среди причин сокращения поголовья скота и птицы выделяют высокие цены на концентрированные корма, ухудшение возможностей приобретения грубых и сочных кормов, молодняка животных и птицы. Эти причины в основном обусловлены разрушением крупных предприятий и сокращением производства в них кормов и молодняка.

С начала 2006 г. Правительство РФ приступило к реализации одного из приоритетных национальных проектов «Развитие АПК». В результате реализации мер отмечено увеличение поголовья КРС и коров в крестьянских (фермерских) хозяйствах Амурской области (на 12,2% в 2008 г. по отношению к 2004 г.), Приморском крае (30%), Еврейской а.о. (37%), хотя в личных подсобных хозяйствах продолжается спад.

В 2009 г. в сравнении с 2001 г. увеличилось поголовье свиней в сельхозорганизациях в Амурской области на 21,2%, в Приморском крае – в 2,3 и Еврейской автономной области – в 2,9 раз. В личных подсобных хозяйствах поголовье снизилось во всех территориях ДФО.

За период 2004–2009 гг. численность птицы увеличивается в сельхозпредприятиях, исключение составляют Еврейская автономная область и Хабаровский край. В последние 3–4 года темпы снижения численности поголовья скота и птицы замедлились, а в отраслях свиноводства и птицеводства наметилась устойчивая положительная динамика.

Таким образом, проведенные исследования свидетельствуют о том, что за последние три года наметилась тенденция увеличения поголовья свиней и птицы в сельскохозяйственных предприятиях и крестьянских (фермерских) хозяйствах. Повышается продуктивность животных: среднесуточные привесы КРС на 15,8% в целом по округу, свиней – 24,1, надой молока на 1 корову – 24,3, средняя яйценоскость – на 4,4%, но поголовье КРС и коров во всех категориях хозяйств продолжает снижаться. Для развития социально значимой отрасли скотоводства требуется реализация дополнительных мер и более длительные сроки.

На социально-экономические показатели аграрного сектора оказывают негативное влияние макроэкономические факторы. Ухудшение соотношения цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию (услуги), потребляемую в сельском хозяйстве, в условиях низкой ценовой поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и деградирующего потенциала ведет к изъятию доходов и снижению темпов роста производства.

Таким образом, несмотря на принимающиеся в последние годы меры в сфере агропромышленного производства, перечень и глубина проблем, решение которых необходи-

мо для обеспечения его устойчивого экономического развития, возросли. Это требует разработки прогноза развития АПК и в его основном секторе – сельском хозяйстве, с использованием сценарного развития, учитывающего тенденции, приоритеты развития аграрного сектора.

В связи со сложившейся ситуацией реальным является рассмотрение двух сценариев развития до 2012 года:

Первый – инерционный в условиях реализации Государственной программы с сохранением ее базовых условий функционирования АПК до 2020 г.;

Второй – интенсивный, в условиях реализации Государственной программы до 2012 г. с коренным улучшением социально-экономических условий АПК в 2013–2020 гг. При этом следует исходить из роли и места АПК в экономике региона, многофункциональности сельских территорий, необходимости обеспечения продовольственной безопасности.

В зависимости от складывающихся условий, осуществляемых мер федерального уровня и от участия субъекта РФ в решении проблем аграрного сектора тенденции его развития имеют значительные различия по территориям. Поэтому разработка прогноза проводилась по отдельным субъектам РФ юга Дальнего Востока.

Восстановление животноводства потребует более длительного периода. При прогнозировании животноводства рассматривался вариант сохранения действующих экономических условий и вариант обеспечения поддержки животноводства в рамках реализации национальных проектов и программ развития сельского хозяйства до 2012 г., позволяющий обеспечить рентабельность отрасли.

В настоящее время две трети крупного рогатого скота и коров содержатся в хозяйствах населения. При создании условий для реализации продукции личных подсобных и крестьянских хозяйств возникнут предпосылки для увеличения поголовья КРС во всех категориях хозяйств к 2020 г. на 75%, свиней в 1,5 раза, птицы в 0,5 раза по отношению к 2008 г.

В сельскохозяйственных предприятиях рост поголовья КРС будет происходить за счет введения в строй крупных животноводческих комплексов с современными технологиями, возводимых с использованием субсидированных кредитов. К 2020 г. поголовье КРС увеличится на 68 тыс. голов или на 75% по отношению к 2008 г. (табл.).

Прогноз развития животноводства на 2015, 2020 гг.

Показатель	2008	2010	2015	2020	2008	2011	2015	2020
	Все категории				СХП			
Поголовье								
КРС, тыс. гол.	205,0	222,9	243,4	272,1	68,5	73,8	85,6	103,3
в том числе: коровы	98,4	113,2	126,3	144,2	29,6	32,6	40,7	50,8
Свиньи, тыс. гол.	231,3	270,4	336,4	422,0	111,1	127,6	169,9	221,0
Птица, тыс. гол.	7867,7	10365,3	13440,1	16676,1	6363,4	8707,8	11697,1	14822,6
Производство								
Мясо (в уб. ве- се), тыс. т	80,9	111,9	140,1	180,5	44,4	71,2	93,4	122,0
Молоко, тыс. тонн	329,9	420,6	517,1	627,1	81,9	129,4	198,9	275,0
Яйцо, млн штук	798,7	1293,2	1710,2	2230,8	582,7	1054,6	1452,3	1944,9
	КФХ				ЛПХ			
Поголовье								
КРС, тыс. гол.	16,2	17,9	20,8	26,1	120,3	131,3	137,0	142,7
в том числе: коровы	6,9	9,3	10,7	12,6	61,9	71,3	74,9	80,7
Свиньи, тыс. гол.	28,7	36,8	48,9	59,9	91,5	106,0	117,6	141,1
Птица, тыс. гол.	94,0	138,4	174,8	237,9	1410,3	1519,1	1568,2	1615,6
Производство								
Мясо (в уб.весе), тыс. т	2,1	5,0	6,6	10,3	34,4	35,7	40,1	48,2
Молоко, тыс. тонн	18,1	26,2	36,1	44,7	229,9	265,0	282,1	307,4
Яйцо, млн штук	35,7	34,9	43,6	61,3	180,3	203,7	214,3	224,6

Основными факторами стабилизации и дальнейшего развития отрасли животноводства являются рациональная породная структура в территориальном аспекте с учетом различных форм хозяйствования, организация кормовой базы и повышение эффективности использования кормов. Основой совершенствования пород и повышения молочной продуктивности коров является селекционно-племенная работа. Главным направлением увеличения производства молока должно выступать повышение продуктивности до 5–6 тыс. кг на корову. За счет развития свиноводства и птицеводства будет наращиваться производство мяса.

Производство молока в южных территориях ДФО во всех категориях хозяйств может составить 600–700 тыс. тонн, мяса в убойной массе до 160–165 тыс. тонн, яиц до 1,7–1,8 млрд шт. При этом 60% мяса 87% яиц и 34% молока будут производить предприятия различных форм хозяйствования. Исключения составят Еврейская автономная область, где 69% молока, 61% мяса и 72% яиц будут производить хозяйства населения.

Для укрепления кормовой базы требуется обеспечить совершенствование структуры посевных площадей (в сторону увеличения зернофуражных культур: ячмень, овес, пайза), повышение урожайности кормовых культур, оптимальное соотношение полевого и лугового кормопроизводства, восстановление и рациональное использование естественных кормовых угодий.

Процесс стабилизации и дальнейшего развития АПК Дальнего Востока потребует длительного промежутка времени, значительных капитальных вложений. Без финансовой и ресурсной поддержки со стороны Российской Федерации за счет внутренних резервов восстановить агропромышленное производство Дальнего Востока невозможно.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Михайлова Е.Г.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ
РЕСУРСОСБЕРЕГАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА РЫБОПРОДУКЦИИ
В КАМЧАТСКОМ КРАЕ**

Правительство Камчатского края связывает перспективы развития рыбохозяйственного комплекса прежде всего, с «дальнейшим развитием прибрежного рыболовства, созданием мощного рыбопромышленного комплекса, полностью обеспечивающего добычу, хранение, переработку и реализацию продукции из водных биологических ресурсов с высокой добавленной стоимостью, развитием береговой инфраструктуры глубокой переработки рыбо- и морепродуктов» [1]. Это обусловлено сложившейся к настоящему времени структурой ассортимента продукции РХК, в которой основную долю выпуска пищевой рыбной продукции занимают рыба мороженая (67,8%) и рыба живая (20,1%), т. е. продукция, прошедшая первичную обработку и не имеющая высокой добавленной стоимости. При этом динамика выпуска этих видов товарной пищевой продукции показывает значительное увеличение объемов предложения на рынок: рыбы живой – на 44%, рыбы мороженой – на 55,3%, икры – 39,5%.

Мотивы поддержки ресурсосберегающего производства органами государственной и региональной власти достаточно прозрачны, декларативны, в первую очередь выделим:

- повышение продовольственной безопасности – в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации развитию рыбохозяйственного комплекса придается большое значение: на него возлагается задача по обеспечению внутреннего рынка отечественной рыбной продукцией в объеме не менее 80 процентов [2]. К тому же необходимо повысить уровень потребления рыбопродукции до рекомендуемых Академией медицин-

ских наук – 23,7 кг в год: в 2009 году среднестатистический показатель потребления составил 19,1 кг рыбы в год [3];

- рост добавленной стоимости – в 2009 году валовая добавленная стоимость по данному виду экономической деятельности составила 75 миллиардов рублей против 63,5 миллиардов рублей в 2008 году. Ее удельный вес к общему итогу по Российской Федерации в целом сохранился на уровне 0,2%. При этом по Российской Федерации в целом валовая добавленная стоимость снизилась на 1208,1 миллионов рублей (3,3%) [3];

- уровень жизни и закрепление жителей в приграничных территориях.

Мотивы предпринимателей также очевидны: максимизация прибыли. Какую и как продукцию выпускать предприятие решает, ориентируясь на потребительский рынок и учитывая конкурентные условия. Состояние конкуренции в целом можно определить как квазиконкуренцию. С одной стороны, явно низкодифференцированный характер выпускаемой продукции, обуславливающий ценовую конкуренцию, низкий уровень «статистической» прибыли, большое количество товаропроизводителей, низкий уровень концентрации; с другой стороны, высокие барьеры входа, значительный объем неучтенной продукции, который может серьезно сказаться на реальных оценках, как нормы прибыли, так и показателей концентрации в отрасли.

Негативное влияние на эффективное производство рыбопродукции оказывают различные факторы. Выделим факторы, действующие на разных этапах производственного цикла: вход ресурсов, преобразование их в готовую продукцию, продвижение продукции до конечного потребителя. К первой группе факторов можно отнести, во-первых, нестабильность уловов, которая обусловлена природными и климатическими условиями. Во-вторых, сезонный характер поступления сырья, влияющий на уровень загрузки производственных мощностей. В лососевом хозяйстве можно отметить такой специфический фактор, снижающий конкурентоспособность камчатских производителей как усиление предложения продукции предприятиями аквакультуры, специализирующимися на садковом и пастбищном разведении лососевых пород, особенно производителей из Норвегии. В-третьих, затраты на производство продукции в части топлива и энергии, заработной платы, транспортных расходов значительно выше, чем в других регионах. Так, сравнительные оценки производства консервной продукции в Калининградской области и Камчатском крае показали, что разница в величине заработной платы составляет от 10 до 15 тысяч рублей на человека в зависимости от категории персонала. Тарифы на электроэнергию в Камчатском крае для промышленных предприятий в два раза превышают тарифы для калининградских производителей: 1 кВт электроэнергии в Камчатском крае составляет 4,7 – 6 рублей, в Калининградской области 2,81 рубля. Только вода в Камчатском крае де-

шевле, чем в Калининградской области: для камчатских производителей 6 рублей за кубический метр, для калининградских – 8 рублей [4]. В итоге, чистая прибыль от реализации консервной продукции, которая производилась бы камчатским предприятием, (см. таблицу) в Калининграде почти на 42% выше, чем в Камчатском крае.

Таблица

Чистая прибыль от реализации сопоставимого объема рыбопродукции, произведенной в Камчатском крае и Калининградской области за год, тыс. руб.

Регион	Сайра	Лосось	Икра лососевая	Итого чистая прибыль
Калининградская область	125 549	21 320	55 476	201 224
Камчатский край	67 511	6 087	44 557	116 160
Отклонение	58 038	15 233	10 919	85 063
Отклонение, %	46,23	71,45	19,68	42,27

Во вторую группу входят факторы: низкий уровень технологии переработки, дифференциации продукции. Исследование автора ассортимента рыбной продукции в магазинах и на рынках г. Петропавловска-Камчатского показало, что пресервы представлены 2–3 производителями и 5–17 наименованиями, (наибольшее число наименований у рыболовецкого колхоза им. В.И. Ленина), консервы – 7–8 производителями по 5–6 наименований, в группе копченая и вяленая продукция – 5–6 производителей от 4 до 18 наименований. При этом были выявлены значительные ценовые колебания от 20–30% по консервам до 220–250% по пресервам и копченой продукции, что связано с низкой эффективностью действующих каналов сбыта, наличием длинных цепочек посредников – эти проблемы относятся к третьей группе факторов, снижающих конкурентоспособность камчатских производителей. К этой же группе можно отнести промышленное браконьерство, которое вызывает рост предложения продукции и как следствие снижение цен и соответственно прибыли; низкий уровень транспортной инфраструктуры в условиях удаленности основных рынков сбыта; высокие барьеры входа на рынки готовой продукции за рубежом.

Можно отметить значительно возросший интерес государства и общественности к проблемам рыбной отрасли, при этом интерес проявляется не в усилении жестко-административных методах воздействия на предпринимателей, а связан с выполнением требований и предложений предпринимателей, безусловно, не в полной мере, но по существу. Сформирована современная нормативная и правовая база, регламентирующая вопросы изучения, сохранения и рационального использования водных биологических ресурсов. На долгосрочной основе закреплено право пользования водными биоресурсами за

добросовестными добывающими предприятиями. С 2009 года начали действовать экономические меры поддержки предприятий отрасли, например, снижены ставки платы за пользование водными биоресурсами. Для малых предприятий решен вопрос о возможности уплаты единого сельскохозяйственного налога. Государство субсидирует процентные ставки по кредитам на строительство и модернизацию флота, объектов береговой инфраструктуры. Шаг вперед в усилении конкурентной позиции отечественных производителей – введение поправки в отраслевые санитарные правила и нормы, ограничивающие 5% к массе рыбы количество глазури (доля намораживаемой на рыбу и филе воды достигает 50% и более). Эти поправки, направленные на повышение качества рыбной продукции, уравнивают условия конкуренции для отечественных и зарубежных производителей.

Развитие ресурсосберегающего производства в Камчатском крае в настоящее время не имеет существенных преимуществ перед сложившейся практикой продажи мороженой рыбопродукции с минимальной добавленной стоимостью. Решение проблемы видится в формировании экономической политики, устраняющей влияние общих для всех производителей негативных факторов в крае. Выбор инструментов влияния на активизацию ресурсосберегающего производства должен подкрепляться обоснованными расчетами, подтверждающими их экономическую эффективность. У предпринимателей нет возможности самостоятельно решить общую проблему, связанную с высокими тарифами на электроэнергию, при этом действия региональных и федеральных органов власти по ее решению не приносят эффекта: использование газа на ТЭЦ-2 никак не отразилось на тарифах.

К мероприятиям, позволяющим повысить конкурентоспособность ресурсосберегающего производства, можно отнести: развитие информационной, транспортной инфраструктуры, максимальное сокращение промышленного браконьерства, продвижение рыбопродукции камчатских производителей на зарубежные рынки под общим брэндом.

Слабая вертикальная интеграция не позволит реализовать надежную цепочку продвижения продукции от промысла к прилавку. Вертикально-интегрированные компании имеют экономические преимущества перед другими компаниями, следовательно, их появление на рынке не должно быть связано с дополнительными преференциями государства.

Безусловно, условия конкуренции должны быть равными для всех участников, поэтому приемлемы только равнодоступные виды государственной поддержки, при этом предлагаемые меры по субсидированию рыбной отрасли должны быть минимизированы и тщательно обоснованы в силу их «анти рыночного» характера.

Список литературы:

1. Выступление Министра рыбного хозяйства Камчатского края В.М. Галицына на заседании «круглого стола» по теме «Повышение конкурентоспособности рыбопереработки в Российской Федерации» в рамках V Международного конгресса рыбаков по теме «Рыбная отрасль России – переход к экономике лидерства и инноваций» (г. Владивосток). 2010-09-08. – http://www.kamchatka.gov.ru/?cont=g_intervg&menu=3&mcont=&act=info&id=108.
2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. – <http://news.kremlin.ru/news/6752>.
3. Роль государства в развитии рыбохозяйственного комплекса России // РИА Fishnews.ru Журнал «Fishnews – Новости рыболовства». – <http://webryba.ru/?mod=shownews&id=573><http://www.fishery.ru/news/?idnews=75920>.
4. Сравнительная характеристика факторов производства камчатских и калининградских производителей / Шаруева А.О. // Наука, образование, инновации: пути развития: материалы межрегиональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (30 марта 2010 г.). – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2010.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Мошков А.В.

**ДИНАМИКА И ИНЕРЦИОННОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВЫХ
СИСТЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Структурные изменения территориально-отраслевых систем промышленности (ТОСП) регионов Дальнего Востока (состоящей из специализированных производств, а также обслуживающих потребности производства и нужды населения) формирует региональный уровень структурных изменений ТОСП и достаточно полно отражает общие тенденции этого процесса.

Выделенные внутри разных периодов (формирование и функционирование хозяйства в условиях складывающегося рынка; пришедшей ему на смену административно-командной экономики; современных рыночных преобразований) этапы структурных изменений ТОСП регионов Дальнего Востока характеризуют последние, во-первых, как части народнохозяйственного комплекса страны, подчиняющие свои экономические интересы необходимости решения общегосударственных задач, во-вторых, как относительно самостоятельные образования со специфическим для каждого составом структуры, степенью ее завершенности, пропорциями и диспропорциями. Следует отметить, что формирование структуры ТОСП регионов Дальнего Востока происходило как в процессе реализации стратегических государственных задач (в первую очередь, строительство предприятий оборонного комплекса, эксплуатация уникальных природных ресурсов), так и под воздействием рыночных механизмов, в т. ч. международных рынков сырья и материалов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Изучение пространственно-временных особенностей изменений элементов структуры региональных систем Дальнего Востока, которые связаны с перестройкой социаль-

но-экономической ситуации в стране и регионах, представлено в виде последовательных этапов, стадий, периодов, охватывает время с 1922 по 2000-е годы.

Индустриально-добывающий и инфраструктурный этап (середина XIX в. – 1922 г.). До 1922 г. в экономике Дальнего Востока специализированную функцию выполняли угледобывающая промышленность, цветная металлургия (добыча руд цветных металлов, их обогащение, производство концентратов) лесозаготовка и рыбная промышленность. Важнейшим инфраструктурным объектом, который оказал существенное влияние на формирование структуры экономики Дальнего Востока, была Транссибирская железнодорожная магистраль. Она выступила своеобразной «хозяйственной осью», вокруг которой сформировались основные промышленные узлы юга Дальнего Востока [2; 11]. Одними из первых в составе ТОСП регионов Дальнего Востока появились предприятия угольной, лесной, рыбной промышленности и цветной металлургии.

Угольная промышленность выполняла важнейшую задачу обеспечения топливом потребностей Тихоокеанского флота, железной дороги и растущего населения. Лесная промышленность (заготовка древесины, производство пиломатериалов) в южных регионах Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Амурская область) из-за слабой транспортной освоенности территории развивалась довольно медленно, несмотря на большой спрос на древесину в соседних странах и ее значительные запасы. Цветная металлургия (добыча руд драгоценных металлов) была представлена свинцово-цинковой и золотодобывающей промышленностью. Золотодобыча кустарным и полукустарным способами осуществлялась во всех регионах юга Дальнего Востока, добыча и обогащение свинцово-цинковой руды – в Приморском крае. Рыбная промышленность (улов рыбы и добыча морепродуктов – крабов, морской капусты, промысел морского зверя) осуществляла добычу и переработку рыбы и морепродуктов (засол лососевых рыб, рыбная мука из тихоокеанской сельди, заготовка морской капусты и др.). Значительные запасы рыбных ресурсов и стабильный спрос на рыбопродукцию обеспечивали быстрое развитие отрасли.

К отраслям, обслуживающим потребности производства, можно было отнести электроэнергетику (теплоэнергетика на базе угля), промышленность строительных материалов (добыча нерудных строительных материалов, производство кирпича), металлообработку, судостроение и судоремонт, ремонт машин и оборудования. Главная проблема в развитии обслуживающих производств заключалась в их ограниченных возможностях собственными силами удовлетворять потребности хозяйства Дальневосточного региона.

Индустриально-добывающий этап с элементами обрабатывающих производств, преимущественно оборонного назначения (1922–1940 гг.). Особенности исторического развития Дальнего Востока позволили частному капиталу (отечественному и

зарубежному) сохранить к концу 1922 г. командные позиции в большинстве отраслей промышленности, сельского хозяйства и торговле [14]. Процессы национализации частного сектора Дальнего Востока в разных отраслях экономики также имели свои особенности.

Характерной чертой этого времени было свертывание роли частного капитала в народном хозяйстве и усиление государственного сектора экономики. Важнейшей отраслью региональных систем Дальнего Востока являлась золотодобывающая промышленность (в 1923 г. частный капитал контролировал 43,9% предприятий отрасли) [9]. Реформирование отрасли началось с установления для частного капитала высоких налоговых ставок. В результате такой экономической политики в Амурской области сначала была приостановлена разведка золота, а потом и его добыча.

Угольная промышленность. Особенно заметным было преимущество частного капитала в угледобывающей отрасли Приморского края. В 1922 г. государственные угольные копи давали продукции в 3 раза меньше и по более высокой цене, чем частные предприятия. Резкое сокращение добычи угля на национализированных предприятиях, его высокая себестоимость привели к тому, что Уссурийская железная дорога была вынуждена перейти с угля на дрова.

Лесная и деревообрабатывающая промышленность. Традиционно российские частные лесопромышленники выполняли посреднические функции между дальневосточными лесозаготовительными предприятиями и японскими деревообрабатывающими фирмами. В результате негибкой ценовой политики со стороны государственных органов управления практически было утрачено монопольное положение российских лесозаготовителей на тихоокеанском рынке сбыта продукции (осиновой чурки).

Изучение опыта реформирования экономики Дальнего Востока позволяет выделить наиболее эффективные сферы приложения частного капитала – закупка, транспортировка, переработка и реализация сельхозпродукции; сбыт в сельской местности товаров широкого потребления, сельскохозяйственных машин и механизмов; пищевая промышленность (в том числе лов рыбы и морепродуктов); легкая (кожевенно-обувная); лесопереработка. Частный капитал оказался малоэффективен на железнодорожном транспорте; в судостроении и судоремонте; электроэнергетике. Иностранные инвестиции в дальневосточную экономику охотнее всего направлялись в добычу природных ресурсов и вывоз сырья [12].

В это время силами «Дальстроя» начинается освоение месторождений цветных металлов Магаданской области (золото, олово, вольфрам и др.) – в первую очередь, добыча руд драгоценных металлов (золота). В хозяйственном комплексе Сахалинской области появилась новая отрасль специализации – добыча нефти. Для доставки нефти в Хабаров-

ский край был построен нефтепровод (Оха – Комсомольск-на-Амуре). Стратегические интересы страны на Дальнем Востоке и выгодное экономико-географическое положение Хабаровского края благоприятствовали появлению в его составе новой отрасли специализации – топливной (нефтеперерабатывающей) промышленности. Ухудшение политической обстановки в Дальневосточном регионе вызвало переориентацию некоторых экспортных отраслей Дальнего Востока из стран АТР на рынки СССР.

Индустриально-оборонный этап (1941–1945 гг.). Быстрыми темпами развивались специализированные производства по выпуску экспортных и стратегических видов продукции (лесная, рыбная промышленность, цветная металлургия). Наибольшие изменения затронули структуру промышленности Хабаровского края – введено в эксплуатацию единственное на Дальнем Востоке предприятие черной металлургии («Амурсталь», г. Комсомольск-на-Амуре). Выпускаемая здесь продукция должна была частично удовлетворить потребность в металле машиностроительных заводов, которые ранее получали металл из Сибири и европейской части страны. Существенные изменения произошли в отраслях топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока: на севере Сахалинской области началась добыча природного газа, в Хабаровском крае и Чукотском автономном округе – добыча угля.

Индустриально-обрабатывающий этап с интенсивно развивающимися обслуживающими производствами (1946–1961 гг.). Стратегия развития хозяйства заключалась в решении задачи как можно быстрой ликвидации нанесенного войной ущерба, достижения довоенного уровня и дальнейшего развития производительных сил. Важнейшей чертой этапа явились хозяйственные преобразования, связанные с переходом на новые принципы планирования и управления народным хозяйством. Были созданы экономические административные районы с Советами народного хозяйства [7; 8]. Переход к территориальному принципу управления способствовал улучшению хозяйственной деятельности предприятий, укрепил производственные связи в региональных ТОСП Дальнего Востока. В это время открывались предприятия, обслуживающие потребности населения, – швейные, обувные фабрики, хлебозаводы, крупные мясокомбинаты, молокозаводы. В Приморском крае на базе уникального месторождения датолитов было введено в строй предприятие «Бор» (г. Дальнегорск) горнохимической промышленности. В Хабаровском крае появились новые предприятия оловодобывающей и тяжелой промышленности, в Амурской области – электротехнической промышленности. В Республике Саха (Якутия) началась промышленная добыча алмазов.

Индустриально-обрабатывающий этап с развитием инфраструктуры (1962–1991 гг.). Данный этап характеризовался следующими изменениями в структуре регио-

нальных территориально-отраслевых систем промышленности. На Дальнем Востоке сформировался еще один авиастроительный центр союзного значения (г. Арсеньев). В Хабаровском крае была создана новая отрасль специализации – целлюлозно-бумажная промышленность (новый центр переработки древесного сырья в г. Амурске), в Амурской области – тяжелое машиностроение.

Для обеспечения потребностей населения и производства (добыча руд цветных металлов) в дешевой электроэнергии в Чукотском автономном округе был создан крупный энергетический центр, включающий Билибинскую АЭС, Чаунскую и Анадырьскую ТЭЦ и Эгвекинотскую ГРЭС.

Интенсификация производства во всех составляющих элементах структуры формирующихся и развивающихся ТОСП – главная черта рассматриваемого этапа структурных изменений ТОСП [10; 13]. Особенностью этого этапа являлось также разработка и реализация территориальных целевых комплексных программ, таких как комплексная программа развития восточных районов СССР – «Программа экономического освоения зоны Байкало-Амурской магистрали» [3]. Следующая особенность этого этапа структурных изменений ТОСП формирование и развитие такой ее разновидности, как акваторриальная производственная система (АТПС) [1]. Примером подобной системы может служить АТПС, которая начала формироваться на базе нефтяных и газовых месторождений шельфа северного Сахалина.

Индустриально-добывающий этап с деградацией обрабатывающих производств (1992–2000 гг.). Основа хозяйственной специализации регионов Дальнего Востока (цветная металлургия, лесная и рыбная промышленность) была заложена еще на первых этапах хозяйственного освоения территории [15]. Эти отрасли сохраняли свое значение в структуре региональных ТОСП на протяжении десятков лет и наиболее эффективно вписались в новые условия хозяйствования в регионах Дальнего Востока, завоевали свои ниши на мировых рынках сырья и материалов [4; 5]. Однако сравнительно эффективное сырьевое направление специализированных производств в значительной степени зависит от колебания мировых цен на металлы. Снижение спроса на мировых рынках на цветные металлы (олово, вольфрам) оказало негативное влияние на развитие отраслей цветной металлургии в регионах Дальнего Востока. В это время были существенно снижены объемы добычи руды и производства концентратов на всех предприятиях Дальнего Востока, а некоторые горнодобывающие предприятия остановили работу: в Чукотском автономном округе (Иультинский и Певекский ГОКи), в Приморском крае (Хрустальненский ГОК), Еврейской автономной области (Хинганский ГОК).

Кризис затронул и обрабатывающие отрасли промышленности, отрасли, обслуживающие потребности населения и производства. Именно для этих отраслей в это время был характерен наибольший спад производства, обусловленный в первую очередь потерей традиционных рынков сбыта продукции в стране.

Индустриально-добывающий этап с развитием производственной инфраструктуры и дальнейшей деградацией обрабатывающих производств (2000–2010 гг.).

На этом этапе (2000–2010 гг.), как в целом и по стране, отмечались высокие темпы прироста производства в промышленности, что было вызвано благоприятными условиями (в первую очередь, высокими ценами на продукцию добывающих отраслей промышленности из-за устойчивого роста спроса на сырье и топливо) на мировых рынках. Это позволило инвестировать значительные средства в развитие линейных объектов инфраструктуры, способствующие экспорту продукции добывающих отраслей промышленности – нефте- и газопроводы, портовое хозяйство, линии электропередач, новые электростанции и т. д. (например, строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан, морского порта в б. Козьмино, Нижне Бурейской ГЭС).

Индустриально-добывающий этап с развитием производственной инфраструктуры и обрабатывающих производств, обслуживающих добывающие отрасли специализации и транспортно-логистические функции (2011–2050 гг.). В структуре промышленности вероятнее всего сохранят свое значение добывающие виды экономической деятельности с дальнейшим углубленным и комплексным использованием местных и транзитных природных ресурсов в форме линейно-очаговых структур, кластеров: 1) горно-металлургический кластер на базе железорудных месторождений и металлургических производств ЕАО, Амурской области и Хабаровского края; 2) нефтегазохимические кластеры – на основе переработки местной нефти и природного газа (Сахалинская область) и транзитной нефти и газа (Хабаровский и Приморский края); 3) металлургические кластеры на базе месторождений руд цветных металлов в Республике Саха, Магаданской области, Камчатском крае, Чукотском АО; 4) топливно-энергетические кластеры на базе месторождений угля (Республика Саха) и гидроэнергоресурсов (Амурская область); 5) рыбохозяйственные кластеры (Сахалинская область, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Магаданская область); 6) лесохозяйственный кластер (Амурская область, Приморский и Хабаровский края) и др. Дальнейшее развитие обрабатывающих производств, скорее всего, будет происходить по следующим направлениям: 1) судостроительные кластеры (Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Магаданская и Амурская области); 2) авиационные кластеры (Хабаровский и Приморский края); 3) космический кластер

(Амурская область); 4) автомобильный кластер (Приморский край); 5) электротехнический кластер (Приморский край, ЕАО) и др.

Интенсификация производства, внедрение достижений научно-технического прогресса определяются уровнем развития обрабатывающих производств регионов. Таким образом, для Дальнего Востока отмечается необходимость одновременного, пропорционального развития отраслей, обслуживающих производство и население, а также специализированных производств, осуществляющих не только добычу и обогащение сырья, но и производство готовой продукции с высокой долей добавленной стоимости. Однако решить эти задачи не удавалось ни в условиях административно-плановой экономики, ни формирующегося в настоящее время рынка. Именно с этими нерешенными проблемами организации рациональной территориальной структуры производства и подошли субъекты Дальневосточного федерального округа к началу крупномасштабных рыночных преобразований в структуре региональной экономики.

Список литературы:

1. *Бакланов П.Я.* Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. – Владивосток: Дальнаука, 2001.
2. *Богданова Л.П.* Основные этапы формирования территориально-промышленных структур южной зоны Дальнего Востока // Территориально-хозяйственные структуры Дальнего Востока. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982.
3. *Гладышев А.Н., Николаев Н.И., Сингур Н.М., Шапалин Б.Ф.* Экономика Дальнего Востока. Проблемы и перспективы. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1971.
4. *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. – М.: Экономика, 2006.
5. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. – Хабаровск: ДВО РАН, 2010.
6. *Мошков А.В.* Этапы хозяйственного комплексобразования в южной зоне Дальнего Востока // География и природные ресурсы. – 1988. – № 1.
7. Очерки экономических реформ / Ю.В. Воробьев, Н.Д. Лелюхина, А.А. Скоробов и др. – М.: Наука, 1993.
8. Приморский край. – Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1958.
9. Районы Дальневосточного края (без Камчатки и Сахалина). – Хабаровск: Дальневост. краевое изд-во «Книжное дело», 1931.

10. Региональная экономика и региональное социально-экономическое развитие Дальнего Востока (заключит. отчет). Т. 1–3. – Хабаровск: Ин-т эконом. исследований ДВНЦ АН СССР, 1980.
11. *Романов М.Т.* Территориальная организация хозяйства слабоосвоенных регионов России. – Владивосток: Дальнаука, 2009.
12. *Саначев И.Д.* Дальневосточный НЭП: опыт и уроки // Вестник ДВО РАН. – 1993. – № 2.
13. Стратегия территориальной организации хозяйства Приморского края / под ред. П.Я. Бакланова, М.Т. Романова. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1991.
14. Экономика Дальнего Востока / отв. ред. Колосовский Н.Н. – М.: Плановое хозяйство, 1926.
15. Экономика Дальнего Востока: пять лет реформ. – Хабаровск: ДВО РАН, 1998.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Новосельцев Е.М.

**О РОЛИ МТК И ТРАНСПОРТНЫХ УЗЛОВ В РАЗВИТИИ
ТРАНЗИТНЫХ ПЕРЕВОЗОК**

2 июля 2010 года, на совещании в Хабаровске, посвященном вопросам развития Дальнего Востока и укреплению позиций России в АТР Президент РФ Дмитрий Медведев призвал активней использовать инструмент соглашений о свободной торговле, добавив, что будущее экономическое сообщество в регионе формируется именно на этой основе.

10 ноября 2010 года, в рамках официального визита Президента РФ Дмитрия Медведева в Республику Корею было подписано соглашение по морскому транспорту. Соглашение направлено развитие отношений в области морского транспорта, на содействие развитию торговых и экономических отношений, в том числе в устранении препятствий в развитии.

Принято, что каждая сторона примет все необходимые меры для облегчения и ускорения морских перевозок, и насколько это возможно, таможенных и иных действующих в портах формальностей.

14 ноября 2010 года в Иокогаме завершил работу двухдневный саммит АТЭС. По итогам заседаний главы государств и правительств стран-членов АТЭС наметили цели по дальнейшей экономической интеграции в регионе, утвердили результаты работы по реализации «Богорских целей», приняли стратегию развития и рассмотрели возможные варианты формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ).

Поэтому в контексте общего развития страны нужно думать обо всех возможностях интеграции в международную экономику, а с точки зрения торговли и транспорта – о развитии всех возможных маршрутов движения товаров, как внутри страны, так и внешне-торговых, включая экспорт, импорт, транзит.

Здесь недостаточно рассуждать о развитии лишь только отдельных маршрутов, например, БАМа, Транссиба или морских маршрутов в Европу через Суэцкий канал или Арктику.

Понятно, что речь должна вестись о создании и развитии в регионе единого транспортного пространства, имеющего насыщенную транспортную сеть, множество трансконтинентальных и региональных маршрутов, а не только один, два или несколько коридоров. Необходимо также продумать систему особых экономических зон в регионе, включая портовые (ПОЭЗ).

Дальневосточные регионы нашей страны должны быть частью обширного пространства АТР не только географически, но и экономически. Международное сотрудничество на взаимовыгодной основе позволит получить России эффект общей пользы.

Вернемся к проблемам стратегического уровня. Анализ конъюнктуры мировых торговых и транспортных рынков приводит к выводам о том, что на Дальнем Востоке Россия не в полной мере использует благоприятные возможности этих рынков.

Наиболее очевидны следующие факты:

- под контролем России находится не более 20% национальной морской грузовой базы на Дальнем Востоке;

- неконкурентоспособные условия функционирования российского флота привели к тому, что он на Дальневосточном бассейне значительно сократился и устарел морально и технически;

- отсутствие транзитных перевозок свидетельствует о низкой конкурентоспособности портов и транспортной инфраструктуры, в обход портов Дальневосточного бассейна движется значительное количество мировых грузопотоков;

- наличие резервов мощностей магистральных участков железной дороги при хроническом недовольстве ее пользователей в отношении простоя грузов в портах и на погранпереходах;

- неразвитость автоперевозок, которые на значительных территориях не способны конкурировать с железной дорогой, несмотря на то, что в других странах это происходит успешно;

- отставание в эффективности товародвижения, в развитии логистики, в освоении контейнерных перевозок.

Например, сегодня товары из стран Северо-Востока Азии, прежде чем попасть на прилавки магазинов Владивостока, Хабаровска, Петропавловск-Камчатского и иных городов Дальнего Востока, обслуживаются на европейских складах. В масштабе таможенной стоимости оборот таких грузов исчисляется десятками млрд долл. Зарубежный логистиче-

ский сервис формирует весомую часть этой стоимости. Так, грузы из Японии, Южной Кореи, Китая и т. д., прежде чем попасть на Дальний Восток, «преодолевают» более 30 тыс. км., включая морскую перевозку через Суэцкий канал, доставку на европейские склады, перевозку на российские склады с дальнейшей перевозкой на восток по всей территории России. В то время как прямой маршрут составляет 1–2–3 тыс. км. Существующий маршрут выгоднее зарубежным логистическим компаниям. А для государства, производства и населения это убыточно: дорого и расточительно, поскольку осуществляется оплата услуг иностранным перевозчикам, зарубежным транспортно-логистическим компаниям и складскому бизнесу. Это ограничивает развитие собственной логистики.

Пока очевидным конкурентным преимуществом Сибири и Дальнего Востока являются богатые природные ресурсы. Они приобретают особую ценность в условиях растущего дефицита энергоносителей и других сырьевых товаров. Российские нефть, газ, уголь, другие виды минерального сырья, лес, электроэнергия пользуются спросом на мировом рынке.

На этом фоне высшее руководство страны справедливо ориентировано на движение по инновационному пути развития экономики. Решение этой задачи позволит России найти достойное место в АТР. Для этого необходимо развитие на Востоке России современной инфраструктуры, включая энергетику, связь, и, в первую очередь, транспорт.

Следует отметить, что на Дальнем Востоке существует достаточно большое множество различных транспортных проектов, часть из которых реализуется, часть находится в виде обоснований и ТЭО, остальные только в виде идей и долгосрочных планов. В этом множестве проектов, направленных на интеграцию российской и сопредельных транспортных систем соседних стран совсем не много. В основном, направленность развития – это обеспечение вывоза природных ресурсов. К проектам интеграционного плана можно отнести: создание портовых особых экономических зон, строительство новых контейнерных терминалов, создание мультимодальных логистических центров.

Возможности интеграции Дальнего Востока в транспортную систему СВА имеются во всех сферах транспорта. Это воздушный, автомобильный, морской, трубопроводный виды транспорта.

Такие возможности есть во всех видах перевозок, включая экспорт и импорт, но прежде всего речь идет о транзите.

Развитие российской транспортной инфраструктуры должно осуществляться в обеспечение сквозных логистических цепей поставок, современного сервиса и с учетом потребностей и возможностей как российской экономики, так наших партнеров.

Пока развитие нашего транспорта происходит в условиях преобладающего объема экспорта сырьевых грузов. Но интеграция в международную транспортную систему не может быть ограничена развитием только таких экспортных мощностей. Здесь должно решаться множество задач, среди которых главными можно назвать освоение транзита и развитие сервиса для обслуживания товародвижения.

Указанные возможности Дальнего Востока совпадают с ожиданиями международного окружения.

Так, существует согласованная Концепция торговых коридоров СВА, сформулированная Институтом экономических исследований стран Северо-Восточной Азии (ERINA, Япония) с привлечением ведущих экспертов Японии, Китая, России, Республики Корея и Монголии.

ДНИИМФ принимал непосредственное участие в этой работе.

Суть этой концепции заключается в развитии транспортного пространства СВА на основе взаимодополняющего развития отдельных коридоров. В этой концепции они больше «сотрудничают», нежели конкурируют. Все они, действующие или перспективные, важны для региона. Все они необходимы для создания эффективного транспортного пространства в СВА и с течением времени будут востребованы рынком и заполнены грузопотоками.

Эта концепция постоянно развивается. В одной из ее версий представлены 8 существующих маршрутов и перспективные.

В конфигурацию указанных маршрутов в виде составляющих частей входят российские МТК, называемые (по документам Министерства транспорта РФ):

«Приморье-1» – участок маршрута 3 через г.Суйфэньхе, а именно: Харбин – Суйфэньхэ – Владивосток, Находка, Восточный – и далее морские линии;

«Приморье-2» – фрагмент маршрута 4 или коридора Туманган, а именно: Чаньчунь – Цзилинь – Хуньчунь – Зарубино (бухта Троицы) – и далее морские линии.

В международных кругах это часто называется концепцией «Девяти коридоров СВА». 9-м является восточный Транскорейский маршрут Пусан – Раджин – Хасан – Транссиб.

Несмотря на то, что развитие МТК на российской территории проходит в рамках ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2015 года)», (Подпрограмма «Экспорт транспортных услуг») реально наши успехи за 15 лет в этом направлении весьма скромные, особенно на Дальнем Востоке. Перевозки транзитных грузов по Транссибу находятся на уровне 6473 шт. TEU за 9 месяцев 2010 г., на МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» проходят только опытные перевозки контейнеров. При этом, потенциал по транзи-

ту по нашим оценкам на МТК «Приморье-1» ок. 3,0 млн TEU, а МТК «Приморье-2» по оценкам экспертов разных стран – 8,0 – 10,0 млн TEU в год.

Серьезным препятствием для развития транзитных перевозок является состояние портовых транспортных узлов. Сегодня понятие «транспортный узел» должным образом не узаконено действующими нормативно-правовыми документами. Есть только рекомендации относительно того, что считать транспортными узлами с «технической» точки зрения, и какие из них являются портовыми или железнодорожными. Но термин на практике используется активно и значительно шире технических аспектов. Жизнь опережает нормативы: примеры – утвержденные на уровне Минтранса России генеральные схемы развития транспортных узлов (например, по Мурманскому ТУ). Такая генеральная схема тесно связана со Схемой территориального планирования, но по своему значению гораздо шире, поскольку включает в себя вопросы строительства транспортных объектов и поэтапного развития разных видов транспорта в рамках ТУ.

На Дальнем Востоке России функционируют следующие транспортные узлы (ТУ): Ванинско-Совгаванский транспортный узел (ВСГТУ), Владивостокский транспортный узел (ВТУ), Восточно-Находкинский транспортный узел (ВНТУ), Хасанский транспортный узел (ХТУ). На самом деле, это не полный перечень ТУ с участием портов: они продолжают или должны развиваться (например, на севере, на Сахалине и т. д.), и это неизбежно с развитием Дальнего Востока. Тем не менее, именно их уже привыкли называть транспортными узлами, и они сегодня являются ключевыми, поскольку их доля превышает 73% грузооборотов всех портов ДВ бассейна.

Обратимся к системным проблемам организации работы транспортных узлов. На тактическом уровне, в повседневной деятельности, каждый транспортный узел, так или иначе, старается согласовать внутри себя работу разных предприятий. Это достигается за счет создания разного рода совместных органов управления, проведения совещаний по решению общих вопросов, за счет практики взаимного информирования друг друга о событиях и производственных планах на перспективу. К примеру, во Владивостокском транспортном узле действует Координационный совет Владивостокского транспортного узла (КС ВТУ). В состав КС входят представители около 30 организаций, и данный совет возглавляется вице-мэром Владивостока.

Координационный совет эффективен в части текущего управления и информационного обмена. Полноценное планирование в развитии ему пока не по плечу. Касательно долгосрочных планов развития отметим, что существуют подпрограммы развития отдельных видов транспорта, увязанные между собой в рамках федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010–2015 года)». Но есть пробелы. Первый –

это недостатки программного подхода, не успевающего за изменением рыночной ситуации, особенно на Дальнем Востоке. Второй – это уровень ФЦП, недостаточно «приземленный» для действующих предприятий. Ведь уровень «всей страны» предполагает, что в этих документах (ФЦП) приводятся лишь очень обобщенные планы государства. Фактически, это государственная политика в сфере транспорта, но не стратегия самих предприятий. А на региональном и местном уровнях, то есть на том уровне, где действуют реальные предприятия, долгосрочные планы развития портовых территорий и технологий, железной дороги, автомобильных дорог, городских территорий не скоординированы. Каждый участник транспортной системы имеет свою стратегию, свои проекты развития, которые зачастую противоречат друг другу, что отрицательно сказывается на развитии транспортной системы региона в целом.

Сложившаяся практика, когда каждое транспортное предприятия «выбивает» технические условия для своего развития у ОАО «РЖД» или энергетиков, ведет переговоры с Минтрансом России или местными органами власти и т. д. – неэффективна. И чем дальше от «центра принятия решений», тем сложнее.

Вполне естественно, что даже такой орган как КС ВТУ не в состоянии решить задачу по координации развития транспортного узла.

Указанные обстоятельства приводят к целому ряду проблем, таких как:

- периодическое образование транспортных «заторов», простоев, снижающих эффективность работы транспортной системы вследствие несоответствий технологических возможностей портов, железнодорожного и автомобильного транспорта;
- дисгармония в вопросах развития портов и их транспортной и логистической инфраструктуры, расположенной в городской черте (например, склады на городских землях, автотранспорт, следующий в/из порта через территорию города и так далее);
- отсутствие внятной специализации причалов, формирующее нерациональную конкурентную среду и приводящее к техническим и технологическим перекосам в освоении отдельных грузопотоков в условиях порта в городской черте;
- возникновение ограничений со стороны городских администраций на передвижение автомобильного транспорта, следующего в/из порта через территорию города.

Для выхода из сложившейся ситуации, необходимо решить две задачи.

Прежде всего, речь идет о создании полномочного органа управления и координации деятельностью транспортного узла с административными функциями. Такого органа сегодня нет.

И в былые времена было непросто, так как мы имели несколько транспортных ведомств. Сегодня имеем единое Министерство транспорта, имеющее значительные воз-

возможности. Имеем активное обновление законодательства. Но создание полномочного органа управления легче не стало, ведь объем транспортных вопросов вышел за рамки транспортных инстанций. Сегодня мало решать старые задачи в ведомственной постановке. Актуальный уровень задач уже дорос до управления товародвижением, где транспорт – только часть общего. Следовательно, к «круглому столу» управления приглашаются такие инстанции, как таможенная служба, Росграница и т. д.

К другой задаче относится разработка Генеральных схем развития транспортных узлов. В рамках подобных документов, согласованных со схемами территориального планирования, может быть представлено поэтапное развитие всей инфраструктуры ТУ, определена и согласована в установленном порядке потребность в энергоресурсах и воде, разработана логистическая схема перевозок разных видов груза, решены вопросы экологии и т. д. Такая схема должна позволять эффективно решать не только транспортные, но и мобилизационные вопросы в «особый период», в том числе при возникновении различных чрезвычайных ситуаций (ЧС).

Разработка Генеральных схем развития для каждого транспортного узла региона, а так же их согласование всеми участниками транспортного процесса, краевыми и городскими администрациями, более того, объединение ТУ в региональную транспортно-логистическую систему позволит решить следующие задачи функционирования и развития транспортной системы региона:

- согласовать с краевыми и городскими администрациями программы и проекты развития всех участников транспортных узлов – портов, железной и автомобильной дорог, тем самым обеспечить их эффективное функционирование и развитие без ущерба городской среде;
- специализировать порты по грузопотокам с учетом их текущей и планируемой специализации, опыта, перспектив развития, экологических норм для портов, располагающихся в городской черте;
- гармонизировать нагрузку портовой деятельности на городскую среду (согласовать планы развития транспортных объектов и коммуникаций с генеральной схемой развития города, например, электрические сети, движение автотранспорта в порт и из порта по городским дорогам, создание логистических центров в пригородной зоне и так далее);
- обеспечить развитие магистральной части международного транспортных коридоров, имеющих выход на ВТУ и ВНТУ, обеспечить конкурентоспособное функционирование восточной оконечности транспортного коридора «Восток – Запад».
- улучшить взаимодействие портов как друг с другом, так и с железной дорогой и автоперевозчиками, в том числе за счет строительства сухих терминалов, расположенных за

пределами городских земель, позволяющих устранить из портов все операции кроме стивидорных, и развернуть логистические, складские и дистрибуционные услуги.

Как решать эти проблемы? В рамках доклада трудно изложить все идеи формирования эффективного органа управления ТУ. Но можно отметить, что это должна быть какая-то из форм многостороннего договора между государственным органом власти и частными компаниями. Следовательно, в основе должны быть положены принципы государственно-частного партнерства, но не только в целях развития и вложения капиталов, но и для достижения эффективности функционирования ТУ, повышения его конкурентоспособности, снижения транспортных расходов. Разработка принципов создания указанного органа, необходимых правоустанавливающих документов и т. д. должна стать предметом совместной деятельности Минтранса России, АСОП с участием ученых и специалистов.

В отношении разработки и реализации Генеральных схем развития транспортных узлов полагаем, эта практика должна применяться Минтрансом России и для объединения локальных проектов и идей в комплексные проекты, и для решения общих задач в рамках целей Транспортной Стратегии. Здесь может быть широко использован механизм государственно-частного партнерства. Такие Схемы должны базироваться также и на Программах социально-экономического развития страны и отдельных регионов. Представляется логичным то, что эта деятельность должна осуществляться Минтрансом России (с привлечением специализированных организаций), при этом согласование должно проходить на уровне как муниципальных властей, так и губернатора субъекта РФ. Генеральная схема... должна предусматривать участие инвесторов в строительстве (реконструкции) инфраструктуры и поэтапное, согласованное развитие разных видов транспорта.

Понятия «международный транспортный коридор», «транспортный узел» и «генеральная схема развития транспортного узла» должны войти в нормативные и руководящие документы, хотя бы на уровне Минтранса России.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Нурминский Е.А. Мартюшев А.

**АНАЛИЗ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ АЗИЯ – ЕВРОПА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ КОНКУРЕНТНОГО РАВНОВЕСИЯ**

Одной из важных отраслей экономики Дальнего Востока России является транспорт грузов из центров производства, размещенных в Северо-Восточной Азии к рынкам Европы. Состав и состояние используемых при этом транспортных коридоров является предметом тщательного мониторинга международных организаций: таких, например, как UN ESCAP [1]. Значительный объем фактографического материала, собранный при этом, может служить основой экономико-математического моделирования функционирования этой системы с целью прогноза ее функционирования при изменяющихся внешних условиях и для выработки рекомендаций по ее улучшению, оценки конкурентных преимуществ того или иного маршрута. В данной работе описаны результаты пилотного моделирования функционирования системы железнодорожных транспортных коридоров проекта TAR, в который входит Трансибирская магистраль и ряд конкурирующих маршрутов Москва – Lianyungang, Tiantzin, Pusan и Rajin на основе теории потокового равновесия. Теория конкурентного бескоалиционного равновесия активно применяется для исследования транспортных потоков начиная с пионерской работы Beckmann, MacGuire, Wittmen [2]. С современным состоянием теории и практики этого направления экономико-математического моделирования транспортных систем можно ознакомиться по обзору [3] и ссылкам в нем. Основным ее поведенческим предположением является то, что транспортные потоки образуются большим количеством экономических агентов, конкурирующих за общий ресурс пропускной способности сети и не вступающих между собой в коалиции. Особую популярность этот подход имеет в приложении к сильно загруженным автомобильным магистралям больших городов: однако он применяется и для железнодо-

рожных перевозок [4]. В докладе представлены основные характеристики 7 важнейших международных транспортных коридоров, модель конкурентного равновесия для распределения грузопотоков и результаты вычислительных экспериментов.

Список литературы:

1. *Beckmann C.B., McGuire C.B.* Winsten Studies in the economics of transportation. – New Haven: Yale University Press, 1956.
2. *Boyce D.* A retrospective on Beckmann, McGuire and Winsten «Studies in the Economics of Transportation» // Papers in Regional Science. – 2005. – Vol. 84.
3. *Fernández J.E., De Cea J., Ricardo G.E.* A strategic model of freight operations for rail transportation systems // Transportation Planning and Technology . – 2004. – Vol. 27, 4.
4. The United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP). – <http://www.unescap.org>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Огороднова А.А.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
АГРАРНОГО СЕКТОРА**

В аграрном секторе России и Дальнего Востока в настоящее время наблюдаются негативные тенденции снижения поголовья скота, ухудшения состояния производственного потенциала. Большая часть сельскохозяйственных товаропроизводителей не располагает материально-техническими и финансовыми ресурсами для ведения нормальной хозяйственной деятельности, осложняется социально-демографическая ситуация в сельской местности.

Влияние названных тенденций имеет долговременный характер и будет отражаться на состоянии и темпах восстановления агропромышленного производства Дальнего Востока. В этой связи разработка вариантов прогноза развития сельскохозяйственного производства становится не только научной, но и важной практической задачей. Все это предопределяет необходимость оценки состояния, выявления тенденций и возможностей развития сельскохозяйственного производства. Прогноз направлен на решение следующих проблем: остановить спад, создать условия для дальнейшего развития и обеспечения населения продуктами питания, производство которых возможно и оправдано в конкретных условиях; сохранение и повышение плодородия почв, применение экологически безопасных ресурсосберегающих технологий, использование высокопродуктивных сортов сельскохозяйственных культур и пород животных.

Нестабильность и неопределенность экономических условий усиливают роль прогнозов, требуют новых методических подходов. Реализация ПНП и Государственной программы изменили условия развития аграрного сектора, создали возможности стабилизации положения. Разработка прогноза развития отраслей растениеводства и животноводства

ва на более длительный срок позволяет определить направления и возникающие риски. Для этого необходим принципиально новый механизм взаимоотношений государства и бизнеса, в рамках которого государство определяет основные тенденции и приоритеты, использует не директивные методы управления, а рекомендательную модель взаимодействия с бизнесом. Требованиям такой модели в большей мере соответствует система индикативного планирования.

В аграрной сфере примером четко сформулированной системы применения индикативного планирования в настоящее время является Государственная программа, в которой представлены 60 конкретных целевых индикаторов, сгруппированных в основные разделы: устойчивое развитие сельских территорий; создание общих условий функционирования сельского хозяйства; развитие приоритетных отраслей сельского хозяйства; достижение финансовой устойчивости.

Одна из основных причин невыполнения в 2009 г. большинства целевых индикаторов – влияние последствий финансового кризиса и как следствие снижение притока инвестиций в реальный сектор экономики, рост производственных затрат, сокращение объемов производства продукции. Сельскохозяйственные производители отмечают, что все труднее получить кредит, причем как на короткий срок для выполнения весенних полевых работ, так и под обеспеченные залогами инвестиционные проекты. Растет дефицит кредитных ресурсов.

Дестабилизирует ситуацию на рынке сельхозпродукции ценовой диспаритет. Необоснованно низкие закупочные цены на агропродукцию в 2009 г., привели к потере доходов многими хозяйствующими субъектами. Необходимое обеспечение через рыночные механизмы справедливых ценовых соотношений между сельским хозяйством и промышленностью, энергетикой и транспортом все еще не достигнуто.

При формировании эффективной системы индикативного планирования в аграрном секторе экономики, разработке планов и программ различного уровня важно ориентироваться на следующие перспективные направления, обеспечивающие рост агропроизводства:

- оптимизация отраслевых структур и сбалансированность развития отраслей;
- повышение эффективности использования ресурсного потенциала;
- инновационно-инвестиционное развитие АПК, разработка ресурсосберегающей аграрной политики, обеспечивающей экологическую безопасность;
- совершенствование всех форм агробизнеса – крупного, среднего и малого;
- восстановление и поддержание паритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию;
- формирование эффективной конкурентной среды и взаимовыгодных отношений между субъектами сельской экономики;

- формирование разветвленной производственной и социальной инфраструктуры сельских территорий.

Освоение нововведений непосредственно связано с ресурсосбережением – наиболее эффективным средством обеспечения экономически рационального хозяйствования. Ориентир на ресурсосбережение является неременным условием перехода к инновационной экономике.

В настоящее время доминирующая часть предприятий АПК продолжает применять ресурсоемкие технологические процессы и технику невысокой надежности, а также недостаточно эффективные в условиях современного рынка формы организации производства и управления затратами. Поэтому за последнее десятилетие значительно возросла ресурсоемкость агропродукции.

Анализ передового мирового и отечественного опыта свидетельствует о том, что экономическая эффективность любого из предприятий АПК зависит не только от величины ресурсного потенциала, но и от умения с максимальной отдачей использовать имеющиеся в распоряжении ресурсы, то есть от развития ресурсосберегающих процессов в хозяйствующих субъектах.

Значительные резервы ресурсосбережения сосредоточены в сельском хозяйстве, в отраслях растениеводства и животноводства. Для осуществления ресурсосберегающей деятельности в растениеводстве необходимо сочетать использование химических средств защиты растений и минеральных удобрений с биологическими или органическими. Чередование сельхозкультур (севооборот) позволит накапливать питательные вещества в почве и обеспечивать высокую продуктивность. Хорошие результаты дает применение сидеральных удобрений, использование многолетних трав.

В животноводстве, где за последние два десятилетия значительно сократилось поголовье скота, целесообразны скрещивание его различных пород, закупка племенных животных, внедрение автоматизированного оборудования, установок по контролю микроклимата в помещениях, автоматизация кормораздачи и уборки навоза.

Производство животноводческой продукции является наиболее ресурсоемкой отраслью сельского хозяйства, поэтому следует применять технологии, признанные ресурсосберегающими, экологически сбалансированными, носящими выраженный зональный характер. Главный принцип экономики отрасли заключается в повышении продуктивности животных при одновременном уменьшении удельных затрат на производство. Основным фактором интенсификации выступает кормопроизводство, поскольку расходы на корма составляют 70% от себестоимости мяса и молока. Выбранный тип кормления скота, с одной стороны, призван обеспечивать его полноценным переваримым протеином, микроэлементами, витаминами, а с другой – быть доступным, рентабельным. Эффективны собственное кормопроизводство и организация комбикормовых цехов.

В настоящее время, с реализацией Государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» и отраслевых региональных программ большое внимание уделяется поддержке сельхозтоваропроизводителей. В АПК существует значительное количество различного рода компенсаций затрат на горючее и смазочные материалы, минеральные удобрения, средства защиты растений, субсидирование сельхозорганизаций. Однако такой способ поддержки имеет затратный характер, так как требует большого количества трудовых ресурсов и не дает желаемого результата. Для эффективного регулирования АПК необходимо интегрировать средства, выделяемые сельскохозяйственным товаропроизводителям, разрабатывать новые механизмы их государственной поддержки с учетом результатов экономической деятельности.

Таким образом, к критериям, используемым при оказании поддержки сельхозтоваропроизводителей, следует отнести ускоренный переход на систему ресурсосбережения, опирающуюся на безотходные технологии и автоматизацию производственных процессов, эффективный производственный менеджмент, новейшие достижения по совершенствованию рецептур вырабатываемой продукции и рациональную коммерческую деятельность.

В настоящее время проблема устойчивого ресурсосберегающего развития АПК является одной из самых актуальных, так как общество столкнулось с рядом проблем, угрожающих жизни современных и будущих поколений: деградацией природной среды, обостряющимся дефицитом минерально-сырьевых, энергетических, почвенных, водных и лесных ресурсов.

Развитие аграрного производства неразрывно связано с совершенствованием индикативной модели управления. Выполнение в полном объеме целевых индикаторов Государственной программы на федеральном и региональном уровнях следует считать реальной необходимостью для обеспечения дальнейшего развития сельского хозяйства, достижения эффективного функционирования всех отраслей и звеньев агропромышленного комплекса, решения социальных вопросов, повышения качественного уровня жизни сельского населения. Необходимо проведение научных исследований по оптимизации системы индикативного планирования, доведения методики и процедуры плановой работы до практической реализации. Это позволит в целом повысить эффективность механизма реализации системы индикативного планирования, направленного на обеспечение конкурентоспособности экономики аграрного сектора, выполнение задач, поставленных Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Рензин О.М., Трон Т.И.

**ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ
РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹**

Макроэкономические изменения, связанные с цикличностью развития, являются важным фактором для трансформационных процессов в каждом из сегментов экономической системы. Особо чувствительным к такому воздействию является финансовый сектор, в котором при возникновении в производственной системе кризисных явлений начинается активный процесс перестройки как в функциональном, так и в пространственном аспектах.

Одной из важных исследовательских задач, которая сформировалась в период мирового финансового кризиса 2008–2010 гг., является осуществление мониторинга и анализ реакций национальных банковских систем, включая их региональные составляющие, на внешние шоки.

В данном докладе рассматриваются изменения, происходившие в банковской системе России в период активной фазы кризиса 2008–2009 гг., а также тенденции, наметившиеся при выходе из кризисной траектории. В качестве одной из важных характеристик этого процесса рассматривается региональная дифференциация изменений банковской системы с особым выделением Дальневосточного федерального округа (ФО).

Анализ осуществлялся на основе отслеживания функционирования банковских систем в пошаговом режиме с интервалом в один месяц на двух временных отрезках:

¹ Работа подготовлена при поддержке проектов № 09-И-П24-01, 09-И-П26-02.

предкризисном (с 1 января 2007 г. по июль 2008 г.) и кризисом, начавшемся в августе 2008 г.

Были рассмотрены тренды, характеризующие следующие трансформационные процессы: изменения в институциональной структуре, в активах банковских систем, в объемах основных операций по размещению и привлечению ресурсов.

Изменения в институциональной структуре

1) За рассматриваемые периоды в институциональной структуре банковской системы произошли следующие изменения:

– сокращение в период кризиса численности действующих кредитных организаций (банков-резидентов), как в рамках национальной банковской системы, так и по отдельным регионам. Особенно заметное снижение произошло на Дальнем Востоке (в 1,3 раза), а также в Уральском и Сибирском ФО, хотя в этих двух регионах оно было гораздо менее выражено;

– сокращение численности филиалов действующих кредитных организаций, особенно значительное в Дальневосточном ФО (в 2,4 раза), а также в Сибирском и Северо-Западном ФО (хотя и гораздо менее интенсивное).

При этом филиальная сеть сжималась как за счет местных банков, так и филиалов банков-нерезидентов территориальных систем.

Поскольку для различных групп финансовых институтов темпы происходящих изменений были различными, это привело к реструктурированию территориальных банковских систем в пользу филиалов инорегиональных кредитных организаций. Дальний Восток стал единственным регионом, где коэффициент присутствия (отражающий уровень внешней банковской экспансии) существенно (в 1,5 раза) вырос с начала кризиса. С 2009 г. регион устойчиво занимает третье место по величине этого показателя после Сибирского (4) и Северо-Западного (3,5) округов. В докризисный период в наибольшей степени усиление внешней экспансии испытали Южный и Уральский ФО.

Сокращение институциональной структуры в Дальневосточном регионе было самым существенным среди округов (27%), в том числе было потеряно две трети филиалов региональных банков, численность которых сократилась почти в три раза. Опережение ближайших «конкурентов» по величине потерь (каковыми, как правило, были Сибирский, Уральский и Южный ФО) – до полутора раз.

Соответственно сократились долевые показатели ДФО (в 1,2–1,3 раза), в том числе доля филиалов местных банков сократилась более чем в два раза.

Изменения активов банковской системы

Как известно, агрегированным показателем деятельности банков являются их активы. В изменении активов банков России с начала кризиса четко прослеживаются два этапа:

1-й этап – с августа 2008 г. по февраль 2009 г., и 2-й этап – с февраля 2009 г. по настоящее время. Но на обоих этапах траектории показателей ДФО и России в целом были разнонаправленными. И лишь с конца 2009 г. оба показателя росли, причем дальневосточный – с ускорением, в итоге составив более 160% докризисного уровня. В результате доля дальневосточных банков выросла в 1,6 раза и значительно превысила предкризисный уровень.

Накануне кризиса быстрее общероссийских росли активы банков Северо-Западного и Сибирского ФО, но после августа 2008 г. как в этих, так и в большинстве других регионов тенденции изменения показателей стали противоположными по отношению к общероссийскому тренду, который, естественно, полностью определяла динамика показателя банков Центрального округа.

Столь различные тенденции в восстановлении объемов активов региональных банков привели к тому, что и без того высокая асимметрия в региональном развитии с позиций финансовой ресурсобеспеченности демонстрирует дальнейший рост.

Используя рост банковских активов как индикатор кризисного процесса, можно заключить, что процесс адаптации региональных дальневосточных банков начался с середины 2009 г., а началом выхода из кризиса можно считать I кв. 2010 г., когда величина активов уверенно превысила 120%-ую отметку предкризисного уровня, а их темпы роста заметно (до 5,4 раз) опережали среднероссийские показатели. Так же говорить об устойчивой адаптации и начале выхода из кризиса региональных банков можно применительно к Приволжскому, Уральскому и Северо-Западному округам: в первом случае – с начала 2010 г., в двух других – примерно с середины 2010 г.

Изменения в динамике размещения банковских ресурсов

Основу активных операций банков составляет кредитование. Доля кредитов и прочих размещенных средств в активах банков России и региональных банков ДФО накануне кризиса составляла 75–76%, к октябрю 2010 г. – сократилась соответственно до 67 и 63%.

Объемы кредитов и прочих размещенных средств российских банков накануне кризиса росли последовательно и динамично, и этот рост продолжался до февраля 2009 г., после чего наступила стагнация со слабой понижительной тенденцией на уровне 111–115% предкризисного уровня, сменившаяся ростом лишь в III кв. 2010 г. В предкризисный период тенденции в развитии кредитной деятельности в региональных банках Дальнего

Востока так же имели позитивные тренды и характеризовались более высокой динамикой, чем общероссийские.

Кардинальная ломка тенденции произошла в августе 2008 г., когда объем кредитов, предоставленных экономике и населению дальневосточными банками, впервые сократился в абсолютном выражении. До середины 2010 г. траектории изменения общероссийских и дальневосточных показателей размещения банковских ресурсов были разнонаправленными. В ДФО процесс адаптации завершился в середине 2010 г., когда был преодолен 110%-ый уровень августа 2008 г., а дальневосточные динамические приростные показатели уверенно (в 2–5 раз) стали опережать общероссийские. По нашему мнению, именно с середины 2010 г. можно говорить о возобновившемся процессе кредитования экономики региональными банками, а, следовательно, о начавшемся выходе из кризиса. Естественно, что этот процесс благотворно сказался на увеличении доли региональных дальневосточных банков в общероссийском итоге.

В этом плане региональные дальневосточные банки смотрятся преимущественно по сравнению с банками-резидентами других федеральных округов, так как только в Центральном ФО превзойден 120% уровень начала кризиса и наметился рост объемов кредитования с середины 2010 г. В Сибирском и Северо-Западном ФО в последние месяцы также наблюдается рост показателя, однако динамика показателя неустойчива, следовательно, и говорить об адаптации преждевременно. В других федеральных округах предкризисный уровень до сих пор практически не превзойден (а с учетом инфляции – даже не достигнут), а в Южном ФО к середине 2010 г. отмечался почти 20%-ый спад показателя по сравнению с предкризисным уровнем.

При рассмотрении структуры кредитов дальневосточных банков по категориям заемщиков оказалось, что общую траекторию практически определяет динамика кредитов физическим лицам. Доля розничных кредитов с трети общего их объема в предкризисный период повысилась до 44% к середине 2008 г., а к октябрю 2010 г. составляла около половины общего объема кредитов и прочих размещенных средств, значительно превысив объем кредитования нефинансовых организаций. В этом плане дальневосточные банки разительно отличаются от региональных банков в других федеральных округах и России в целом, где доля кредитов физическим лицам, во-первых, значительно ниже (на 20–40 пп.), во-вторых, была относительно стабильной, а на Урале и, особенно, в Сибири даже снизилась.

На начальном кризисном этапе глубина падения дальневосточного показателя была наивысшей среди федеральных округов, но, начиная со II кв. 2010 г., его траектория стала, наоборот, наиболее последовательной и «крутой». Вместе с тем, столь длительная фаза

выхода из «пике», растянувшаяся более чем на полтора года, свидетельствует, что кризис носит и затяжной и весьма болезненный характер.

Данный сегмент кредитного рынка в других федеральных округах очень серьезно пострадал в результате кризиса, и говорить о его адаптации, тем более о выходе из кризиса, не приходится. Глубина падения региональных показателей к октябрю 2010 г. по сравнению с предкризисным уровнем варьировала от 2–7% в Приволжском и Сибирском ФО до 10–13% в Северо-Западном и Уральском ФО, а розничный кредитный рынок Южного ФО в его региональной составляющей за время кризиса потерял треть своего объема. Даже в Центральном ФО розничный кредитный рынок по существу так и не восстановился, так как 4% роста с августа 2008 г. давно «съела» инфляция. Естественно, что в результате такой динамики доля банков-резидентов Дальнего Востока резко повысилась (в 1,7 раза).

К сожалению, выход из «пике» в отношении рынка корпоративного кредитования оказался гораздо более трудновыполнимой задачей, а завоевание прежних позиций растянулось более чем на полтора года.

Кредитование «реального сектора» в региональных дальневосточных банках еще накануне кризиса существенно отставало от общероссийской динамики и динамики показателей региональных банков других федеральных округов. Начиная с IV кв. 2008 г. в ряде округов, прежде всего, в Дальневосточном, Уральском, Сибирском и Южном, произошел «обвал» показателей. По существу к октябрю 2010 г., с учетом инфляции, докризисные объемы корпоративного кредитования в большинстве федеральных округов не восстановились (20%-ый рост отмечен в Дальневосточном и Центральном ФО, 13%-ый – в Северо-Западном округе). Исключение представляет динамика объемов кредитования «реального сектора» региональными сибирскими банками, которые показали рост более чем в два раза к августу 2009 г., но далее их динамика была непоследовательной, и рост возобновился лишь в июле – сентябре 2010 г.

Изменения ресурсной базы банковской системы

Проблемы, связанные с фондированием банковской деятельности, в период кризиса становятся главенствующими. Без достаточно надежного и относительно недорогого пополнения ресурсной базы даже наиболее благополучные банки начинают свертывать свою деятельность.

Среди всех элементов привлеченных средств, составляющих ресурсную базу банков, вклады населения в региональных банках меньше всего пострадали от кризиса. Показатели дальневосточных банков как накануне кризиса, так и с его началом демонстрировали наиболее динамичные и последовательные тенденции среди округов. Незначительное падение показателя в начальный кризисный период сменилось ростом уже в декабре

2008 г., а к середине 2009 г. и превышением общероссийского показателя. В результате доля региональных банков ДВ в общероссийском итоге выросла довольно существенно по сравнению с докризисным уровнем. Единственным «конкурентом» на определенном этапе были региональные банки Сибири, но с середины 2010 г. они стали уступать показателям дальневосточных банков. В региональных банках Северо-Западного, Уральского и Южного округов объемы вкладов физических лиц восстанавливаются крайне медленно и не достигли даже 20%-го роста относительно предкризисного уровня.

Гораздо более «ранимыми» оказались в условиях кризиса средства организаций на расчетных и прочих счетах: глубина падения в региональных дальневосточных банках оказалась круче, а траектория их изменения носит более хаотический характер. Этот элемент ресурсной базы во всех федеральных округах демонстрирует резкие колебания динамики и ее слабое наращивание по сравнению с предкризисным уровнем. А банки-резиденты Южного и, в меньшей степени, – Приволжского и Северо-Западного федеральных округов в достаточной степени утратили свои позиции на соответствующих региональных рынках, уменьшилась их роль в привлечении средств юридических лиц.

Более всего пострадали в результате кризиса депозиты юридических лиц: глубина падения в банках-резидентах ДФО составила к началу второго квартала 2009 г. около 40% от докризисного уровня, который был превышен лишь к октябрю 2010 г. Однако с учетом инфляции реального роста по существу еще не было. В результате доля банков ДФО, и так мизерная, стала вообще незаметной. Примерно такая же картина наблюдается в Уральском и Приволжском ФО, но особенно плачевное состояние данной составляющей ресурсной базы – в банках-резидентах Южного ФО (менее 80% докризисного уровня).

Резюмируя вышеизложенное, отметим следующее:

1) Тенденции в развитии банковского сектора Дальнего Востока, сложившиеся в предкризисный период, оказались недостаточно устойчивыми, что привело к ее реструктуризации.

2) Если за процесс адаптации принять начавшееся замедление падения показателей или их стабилизацию, а за начало выхода из кризиса – начавшийся рост, то можно сделать вывод, что как реакция, так и степень адаптации, и скорость выхода из кризиса различаются в федеральных округах.

3) Анализ кризисных процессов в экономике России позволил выявить различные реакции территориальных банковских систем на происходящие макроэкономические изменения. Существовавшие ранее как гипотеза представления о неоднородности российского финансового пространства, о неомогенных реакциях на внешние шоки в различных региональных образованиях получили количественные оценки. Это чрезвычайно важно с точки зрения прогнозирования процессов финансового развития на долгосрочную перспективу, а также управления обеспеченностью экономики финансовыми ресурсами.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Сухомиров Г.И.

К СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ДО 2050 ГОДА¹

Сельское хозяйство в округе функционирует в условиях рискованного земледелия, обусловленного сложными, нередко экстремальными природно-климатическими факторами. Преобладающая часть территории (83%) находится в зоне вечной и многолетней мерзлоты, где выращивание зерновых и большинства видов овощных культур в открытом грунте невозможно или резко ограничено. Поэтому с чисто рыночных отношений, производство сельскохозяйственной продукции, особенно в северных его территориях неконкурентоспособно и с 1994 г. стало убыточным.

Однако сельское хозяйство выполняет не только экономическую функцию, производит продовольствие, хотя это является важнейшей его задачей, но оно при эффективном развитии обеспечивает получение значимых общественных благ, которые не всегда могут получить стоимостную оценку. Эти блага проявляются в сохранении и поддержании природных ландшафтов, традиций и культуры коренных жителей, в обеспечении экологического равновесия, формировании условий для отдыха населения, его закрепления на постоянное местожительство на огромных приграничных территориях, снижении социального напряжения в селах.

Учитывая многостороннее значение, сельское хозяйство региона в 1960–1980-е годы благодаря большой государственной поддержке развивалось относительно успешно. За 1981–1985 гг. по сравнению с 1961–1965 гг. площадь пашни увеличилась на 23,3%, а объем валовой продукции сельского хозяйства – на 174,6% (в сопоставимых ценах).

¹ Работа подготовлена при поддержке проекта № 09-1-ООН-01.

В 1990-е годы с проведением ряда реформ обстановка в агропромышленном комплексе резко ухудшилась. Расходы федерального бюджета на аграрный сектор страны неуклонно снижались. В 1991 г. они составляли 19,8%, в 1995 г. – 3,8, а с 1999 г. находятся в пределах 2,0–0,7%. В это же время собственные источники предприятий изымаются диспаритетом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

Эта проблема усугубилась разрушением многообразной системы поддержки сельского хозяйства, в частности, доступного кредитования и страхования, применяемых в развитых странах. Все это привело к разрушению производственного и экономического потенциала сельскохозяйственных товаропроизводителей региона, сокращению числа занятых и падению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства. Оплата их труда упала с 95% в 1990 г. до 40–50% среднероссийского уровня.

В округе из оборота выведено более 1,5 млн га пашни, наблюдается деградация почв, разрушение материально-технической базы отрасли. С 1990 по 2008 г. посевные площади сельскохозяйственных культур сократились в 2,2 раза, производство зерновых культур в 2001–2005 г. по сравнению с 1986–1990 гг. уменьшилось в 2,9 раза, сои – в 1,9 раза, с 1990 по 2009 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось в 3,6 раза, коров – в 3, свиней – в 5,7 и птиц – в 2,7 раза. С 1990 по 2005 г. производство мяса сократилось в 3,7 раза, молока – в 2,7 и яиц – в 2,3 раза.

С реализацией национального проекта «Развитие АПК» в 2006–2007 гг. и «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы», положение с производством продукции растениеводства и животноводства несколько улучшилось, но оно очень далеко от уровня 1990 г. и тем более потребностей региона.

Учитывая, что в настоящее время на Дальнем Востоке в ресурсах потребления на местное производство приходится мяса и мясопродуктов всего 24%, зерна и продуктов его переработки 29, молокопродуктов 48, яиц 73 и овощей 70%, проблема ускоренного развития сельского хозяйства приобретает особую актуальность.

Более того, по прогнозам мировых экспертов в ближайшие 20 лет в мире будет наблюдаться дефицит продовольствия и к 2025 г. число голодающих в мире может возрасти до 1,2 млрд человек. Такое положение не может пройти без последствий и для ДФО, поэтому ускоренное развитие собственного сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке жизненно необходимо.

В условиях современного кризиса сельское хозяйство имеет преимущество перед другими отраслями экономики, поскольку на фоне совокупного падения потребительского спроса на товары потребность людей в продовольствии почти не меняется. Постоянный

спрос на продукты питания влечет за собой необходимость стабильного производства. Даже в самых худших условиях производить сельскохозяйственную продукцию будут. Наши огромные сельскохозяйственные площади – такой же стратегический ресурс, как газ, нефть, полезные ископаемые, пресная вода. Они не могут не использоваться в массовом масштабе, поскольку продовольствия в мире хронически не хватает.

Кроме того, наше сельское хозяйство обладает определенными конкурентными преимуществами, сохранившее оттенок реликтового. Слабое использование агрохимикатов (на порядок меньше, чем в развитых странах) и других направлений интенсификации сельского хозяйства позволило сохранить наши угодья, в основном, в первозданном виде. В этом их преимущество. Эти земли во многих случаях пригодны для производства экологически чистой продукции. В современном мире производство продовольствия в естественных условиях становится глобальным конкурентным преимуществом. Здесь можно рассчитывать на получение своего рода рентного дохода от реализации продукции, произведенной главным образом природными способами. Поэтому технологии, ориентированные на использование биологических методов, должны стать приоритетным направлением развития сельского хозяйства, призваны повысить его эффективность.

Кризисные условия могут и должны быть использованы для начала новой стадии развития сельского хозяйства ДФО. Повышение курса доллара и евро делает импортную продукцию более дорогой, следовательно, менее конкурентоспособной на нашем рынке. Тем самым создаются предпосылки для постепенного замещения зарубежного продовольствия отечественным. Государству необходимо только создать ресурсные возможности для реализации конкурентных преимуществ сельского хозяйства, для активного внедрения ресурсосберегающих технологий и передовых методов хозяйствования, масштабы которых в настоящее время явно недостаточны.

Дальнейшее развитие сельского хозяйства региона возможно по двум сценариям: преимущественно инерционному или стратегическому (инновационному). При продолжении действующей аграрной политики, отсутствии действенной государственной поддержки и сохранении диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, производство сельскохозяйственной продукции по инерционному сценарию будет увеличиваться медленно и достигнет уровня 1990 г. только на рубеже 2030–2040-х годов.

Такой вариант развития не позволит рентабельное ведение отрасли и будет способствовать выезду из региона не только сельского, но и городского населения. Это отрицательно скажется на развитии всей экономики Дальневосточного федерального округа, а следовательно, не приемлем не только для региона, но и России в целом

При инновационном сценарии, в качестве стратегической цели развития сельского хозяйства в ДФО может рассматриваться полная обеспеченность населения за счет местного производства мясом, молоком, яйцом, медом, картофелем и овощами, которые можно выращивать в наших природно-климатических условиях. Возможно значительное увеличение производства фруктов и ягод, последних преимущественно за счет естественных угодий. Возможно значительное увеличение производства зерна, однако вопрос о полном обеспечении им региона не стоит. При благоприятной рыночной конъюнктуре производство сои и продуктов ее переработки следует ориентировать на удовлетворение внутренних потребностей и поставки в другие регионы страны и на экспорт.

Инновационный сценарий развития сельского хозяйства предполагает расширенное воспроизводство земельных, других природных и трудовых ресурсов, используемых в отрасли, улучшение условий функционирования аграрного сектора, повышение эффективности всего АПК и конкурентоспособности продукции, а также создание на селе современной производственной и социальной инфраструктуры.

Для развития сельского хозяйства по стратегическому сценарию необходимо усиление регулирующей роли государства, обеспечение эквивалентного обмена сельского хозяйства с другими секторами экономики, стимулирование внедрения ресурсосберегающих, инновационных технологий производства, защита собственного сельскохозяйственного товаропроизводителя от внешнеэкономической экспансии, решение отраслевых и социальных задач в сельской местности.

Главным, определяющим условием успешного развития сельского хозяйства является размер его государственной поддержки. Для устойчивого развития отрасли необходимо, прежде всего, создание условий обеспечения в хозяйствах доходности, необходимой для расширенного воспроизводства. Рост цены реализации сельскохозяйственной продукции до уровня, обеспечивающего условия расширенного воспроизводства в аграрном секторе, невозможен по социальным и политическим причинам. Поэтому в большинстве развитых стран доходы и прибыль фермеров в значительной степени формируются за счет субсидий, компенсаций и других форм господдержки. В государствах с федеральным устройством на бюджетную поддержку федерального уровня приходится более 90% всей поддержки сельского хозяйства. В развитых странах Европы прямая господдержка сельхозпроизводителей составляет около 20% расходной части бюджета, а в России в 2010 г. – менее 1%. Поддержка землевладельцев в России – 10 долл/га, а в странах ЕЭС – 300 долл.

Необходимо усиление регулирующей роли государства в проведении политики по сдерживанию роста цен на нефтепродукты, топливо, электроэнергию, минеральные удоб-

рения, средства защиты растений и животных, транспортных тарифов. Возможно ослабление диспаритета цен путем компенсации затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей, вызванных опережающим ростом цен на промышленные ресурсы.

Государственное регулирование должно способствовать преодолению убыточности сельского хозяйства. При этом возможно применение различных методов. Среди них прямая бюджетная поддержка в виде дотаций и компенсаций на производство отдельных видов продукции, капитальные вложения из бюджета, долгосрочные кредиты, краткосрочные ссуды из специального фонда или под залог производимой продукции. С помощью дотаций и компенсаций из федерального бюджета должно поддерживаться элитное семеноводство и племенное дело, обеспечивающие воспроизводственный потенциал сельского хозяйства. Такая поддержка должна быть постоянной для стимулирования научно-технического прогресса. Бюджетное финансирование на безвозвратной основе необходимо сохранить на выполнение программ защиты населенных пунктов и сельскохозяйственных угодий от наводнений, на социальное обустройство сельской местности, сохранение в работоспособном состоянии мелиоративных земель, государственных мероприятий по повышению плодородия почв, обеспечение ветеринарной безопасности.

Для выхода сельского хозяйства из кризиса необходимо повышение доходов сельского населения, восстановление стимулирующей, воспроизводственной функции заработной платы, формирование экономических и моральных стимулов для занятия сельскохозяйственным производством. Только комплексный подход к проблеме повышения доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей позволит создать условия для расширенного воспроизводства в аграрном секторе. Большинство экономистов аграрников считают, что для успешного развития сельского хозяйства размер господдержки должен составлять минимум 5–10% совокупных расходов федерального бюджета.

Кроме оказания надлежащей господдержки требуется сосредоточить усилия на «очистке» произведенного в сельском хозяйстве первоначального продукта от непомерных и необоснованных «накруток» многочисленных перекупщиков, переработчиков и торговых организаций. Только торговая наценка на продукты питания в России достигает 25–30 и даже 40% – этого нет ни в одной стране мира. Так, в Канаде, Китае, Белоруссии, Казахстане предельная наценка составляет 12%, а на социально значимые продукты – 8%, такой она была и в советской России. В сложившихся условиях аграрные предприятия не могут работать рентабельно. Необходимо соблюдение баланса экономических интересов производителей и потребителей продукции. Для устранения противоречий интересов на разных стадиях производства, переработки и реализации сельскохозяйственного сырья необходимо

создание кооперативов, интегрированных формирований и переход на распределение выручки от реализации конечной продукции в соответствии с долевым участием.

Важнейшей задачей земледелия является восстановление выведенной из оборота пашни и увеличение на этой основе посевов зерновых, сои и кормовых культур. При совместных усилиях Правительства и регионов неиспользованные земли можно восстановить и ввести в оборот максимум за 10 лет.

Рост производства зерна и кормовых культур позволит увеличить поголовье свиней, птицы и крупного рогатого скота, как в крупных предприятиях, так и хозяйствах населения. Но основной прирост производства мяса, молока и яиц будет обеспечен за счет строительства новых и реконструкции имеющихся мощностей свинокомплексов, птицефабрик и коровников, т. е. на предприятиях с промышленной технологией.

Для повышения конкурентоспособности АПК требуется широкое применение инновационных ресурсосберегающих технологий на основе технического перевооружения и привлечения квалифицированных кадров. Для их привлечения необходимо организовать строительство жилья, помочь им в приобретении домашнего скота, транспортных средств, стройматериалов, предоставлять льготные ссуды для хозяйственного обустройства. Кадровая политика предприятий должна ориентироваться на привлечение местных трудовых ресурсов через организацию обучения, сохранения и создания новых рабочих мест, использования системы непрерывного повышения квалификации и создание высокой заинтересованности работников в конечных результатах.

Устойчивое развитие АПК – многоцелевая (многоаспектная) категория. Речь идет о развитии сельского хозяйства как системообразующего сектора экономики региона, определяющего удовлетворение жизненных потребностей всего населения, как сектора, который является «заказчиком» и «потребителем» товаров и услуг для многих отраслей промышленности, а, следовательно, является мультипликатором, способствующим развитию взаимодействующих с ним отраслей, созданию новых рабочих мест и снижению безработицы.

С ростом населения планеты, увеличением антропогенной нагрузки продовольствие становятся все более важными стратегическим ресурсом. Поэтому ускоренное развитие сельского хозяйства на Дальнем Востоке является актуальнейшей задачей. Оно позволит снизить зависимость региона от поставок продовольствия, обеспечить экономическую безопасность и пополнить бюджет за счет воспроизводимых ресурсов. Это даст возможность решать как социально-экономические, экологические, так и геостратегические проблемы.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Третьяков Р.А., Омельчук В.А., Шарко Е.Е.

МАШИНОСТРОЕНИЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ:
РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА

Машиностроение являлось в СССР одной из наиболее высокотехнологичных отраслей промышленности и оказывало прогрессивное влияние на многие смежные отрасли экономики страны. По ряду выпускаемой продукции оно находилось на уровне высоко-развитых стран.

С началом рыночных преобразований в отрасли начались существенные изменения. Прежде всего, сократились объемы выпуска. Так, в 1996 г. индекс производства к 1990 г. составил 38% [4, с. 331]. В последующем динамика сохраняла неустойчивый характер, и только с 1999 г. она начинает принимать положительную направленность. В 2004 г. индекс производства к 1998 г. составил 184,9% [5, с. 411]. Шел экстенсивный рост, машиностроительные предприятия выходили на предел своих проектных мощностей.

Кризисные явления начали ощущаться в производстве машин и оборудования только в IV квартале 2008 г. Индекс производства составил к соответствующему периоду 2007 г. 88,0% [3, с. 205]. Важно также добавить, что к концу 2008 г. отечественное машиностроение в значительной степени исчерпало свои «запасы» мощностей и персонала. То есть экстенсивные факторы перестали быть основой развития отрасли. В это время одним из основных способов ускорения роста машиностроения стало увеличение масштабов инвестиций в основной капитал. В результате наиболее существенное влияние на поддержание динамики отрасли оказали виды деятельности, ориентированные на выпуск товаров инвестиционного спроса.

В условиях усиливающегося давления со стороны импорта повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции становится для предприятий жизненной необхо-

димостью. В этой борьбе продукция отечественных заводов явно проигрывает.

К основным причинам снижения конкурентоспособности продукции российских предприятий респонденты отнесли устаревшее оборудование, высокие цены на энергоресурсы и транспорт. Причем значимость их растет.

В результате негативных тенденций в период рыночных преобразований доля производства машин и оборудования в структуре обрабатывающих производств России составляла в 2005–2007 гг. 19,9–20,8%. Для сравнения в таких странах, как Китай и Япония в этот период она равнялась 37,9 и 47,0% соответственно [2, с. 361, 362].

Машиностроение на Дальнем Востоке страны развивалось в контексте общероссийских тенденций. Существенное влияние на него оказывала транспортная удаленность региона от индустриально развитой европейской России. В связи с этим оно было нацелено в первую очередь на удовлетворение внутренних экономических и оборонно-стратегических потребностей. Но реализация «эффекта масштаба» обусловила поставки машиностроительной продукции (до 70%) в западные регионы. Еще большее количество машинотехнической продукции завозилось в регион. Шел сюда и поток комплектующих, сырья, материалов. В условиях плановой экономики благодаря регулированию цен и тарифов это незначительно сказывалось на эффективности машиностроительных предприятий. Некоторые из них, особенно работающие в системе ВПК и отличающиеся наукоемкостью, имели высокую рентабельность производства. Однако большинство вырабатываемой на Дальнем Востоке машинотехнической продукции по эффективности уступало аналогам, выпускаемым в западных регионах страны.

Отрасль играла также важную роль в решении различных социально-экономических проблем. Так, машиностроение больше, чем какая-либо другая отрасль способствовала росту и стабилизации населения в регионе [1].

На пороге радикальных рыночных преобразований (1990 г.) машиностроение занимало важное место в экономике юга Дальнего Востока. На его долю приходилось в Хабаровском крае 35,0% промышленного производства, в Приморском крае – 21,0%, в Амурской области – 13,6%.

Годы рыночных реформ особенно негативно сказались на развитии машиностроения. В 1995 г. индекс физического объема его продукции составил в Хабаровском крае 23,2% к уровню 1990 г. Это был один из самых низких показателей в промышленности края. Особенно сократился выпуск литейных машин, дизелей, газовых турбин, кабельной продукции, мостовых кранов. В результате доля машиностроения и металлообработки в 1995 г. в промышленности уменьшилась до 20,4%.

Уже в первые годы рыночных преобразований наметился ряд предприятий, где

наиболее остро встали проблемы выживания. В качестве примера можно привести машиностроительные заводы г. Хабаровска.

В этот период просматривалась зависимость динамики производства от размещения потребителей. Предприятия, работающие на сторонних, находящихся за пределами края потребителей, переживали более сильный спад. Но сузился и внутренний рынок. Так, в 1995 г. индекс промышленного производства к 1990 г. составил 33,4%, индекс инвестиций в основной капитал – 23,5%. Отчетливо проявились диспропорции между уменьшающимися региональными потребностями и сложившимися структурой и масштабом производства.

В результате машиностроение начинает терять рабочую силу. Только за период 1991–1997 гг. из отрасли ушло 17,3 тыс. человек. Стремление сохранить квалифицированные кадры вынуждало руководителей повышать заработную плату, темпы роста которой существенно опережали рост реализации. Неполная загрузка мощностей и необходимость содержания законсервированных производств еще более усиливала рост издержек.

Все это заставляло машиностроителей диверсифицировать производство, расширять ассортимент продукции. Вместе с тем, как показал первый опыт, на многих предприятиях этот процесс был затруднен в силу узости внутреннего рынка и действия удорожающих факторов. Там же, где он шел, был направлен, как правило, в сторону менее наукоемкой продукции.

Общие проблемы и перспективы развития, характерные для машиностроения в Хабаровском крае в настоящее время, можно проследить на примере завода «Дальэнергомаш». Он специализируется на изготовлении газовых турбин, центробежных компрессоров, нагнетателей, систем автоматического управления, дымососов, вентиляторов, насосов, емкостного оборудования.

С целью расширения представлений о состоянии и возможностях развития завода был проведен опрос, в котором приняли участие в качестве респондентов рабочие и руководящий состав предприятия.

Несмотря на существующие на «Дальэнергомаше» проблемы, 54,0% работников оценивают условия труда преимущественно как удовлетворительные. К главным же факторам неудовлетворенности они отнесли: низкую заработную плату (84,6%), нестабильную работу предприятия (71,4%), плохую организацию производства (41,8%).

Работники проявили достаточно высокую активность в обсуждении проблем и направлений развития своего предприятия. Так, в качестве основных направлений улучшения работы завода они отметили необходимость улучшения организации труда (58,9%), модернизации производства (43,3%), замены устаревшего оборудования (36,7%), повыше-

ния квалификации управленцев (32,2%).

При оценке конкурентоспособности продукции завода «Дальэнергомаш» мнения рабочих разделились: 47% из них считают, что существует конкуренция со стороны нескольких производителей, но продукция завода пользуется спросом; 41% – продукция предприятия не выдерживает конкуренции. По сравнению с рабочими, оценки руководителей более оптимистичны. Так, 69% последних считают, что продукция предприятия пользуется спросом, 24% – что не выдерживает конкуренции.

В качестве проблем, наиболее серьезно влияющих на низкую конкурентоспособность продукции, были названы: устаревшие мощности и отсутствие новых технологий (63,1%), низкое качество продукции (20,2%), отсутствие информации у предприятия о рынках ее сбыта (15,5%).

Что касается наиболее важных направлений развития машиностроения в регионе, то, по мнению работников предприятия, необходимо осуществлять такие меры, как государственная поддержка (82,6%); освоение новых видов продукции (54,4%); стимулирование федеральных заказчиков на использование в своих проектах продукции дальневосточных предприятий (47,8%); предоставление субсидий и бюджетных инвестиций (37%).

Таким образом, на примере завода «Дальэнергомаш» можно сформулировать основные проблемы развития машиностроительных предприятий в Хабаровском крае:

- существенный физический и моральный износ производственного оборудования;
- снижение конкурентоспособности продукции;
- высокая себестоимость производства;
- уменьшение спроса на производимую продукцию;
- значительная удаленность от традиционных потребителей продукции;
- «старение» кадрового состава, особенно в среде рабочих;
- нехватка высококвалифицированных управленцев;
- недостаточность мер государственной поддержки.

Анализ деятельности завода «Дальэнергомаш» и результаты опроса его работников показали наличие ряда «болевых точек», среди которых основными названы техническое и технологическое отставание предприятия. Для их преодоления, как отметили большинство опрошенных, необходимо в первую очередь освоение производства нового «лидирующего» продукта. Однако этот процесс затрудняется сдерживающим фактором развития машиностроения в крае – высокими издержками: повышенными транспортными затратами (на каждую тонну товарной продукции, как произведенной на Дальнем Востоке, так и ввезенной для потребления, в Хабаровске требуется в 10–12 раз больше единиц

транспортной работы, чем в европейской части страны), расходами на топливо и электроэнергию, на воспроизводство рабочей силы (выше в 2–4 раза).

Наиболее показательной здесь будет ситуация с судостроительными предприятиями Хабаровского края. По расчетам ДальНИИ рынка, строительство судов, например «река – море», эффективнее на верфях КНР, что достигается благодаря меньшей стоимости производства судна, более благоприятным финансовым условиям. Так, цена китайского судна составляет 144 млн руб. против 204 млн руб. в России, срок строительства 14 и 18 месяцев соответственно. На основе этих расчетов был сделан вывод, что на сугубо коммерческих принципах региональное машиностроение развиваться пока не может.

Перспективы отрасли необходимо рассматривать в контексте социально-экономического состояния края, поскольку она выступает необходимым условием его устойчивого развития. Противозатратная деятельность в машиностроении, освоение новых видов «лидирующей» продукции, содержащей в себе ренту по интеллекту и позволяющей перекрывать объективное в регионе удорожание, должно базироваться на комплексной системе государственной поддержки. В русле этих идей должны лежать все остальные организационно-экономические мероприятия, позволяющие сnivelировать неблагоприятные условия деятельности местных предприятий и повысить их конкурентоспособность до уровня передовых компаний сопредельных стран.

Устойчивое развитие машиностроительных предприятий в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке достигается при соблюдении определенных условий. Они выведены из анализа [1, с. 195, 196] функционирования промышленных предприятий Хабаровского края и включают:

- государственную поддержку на федеральном или субъектном уровне в виде прямого лоббирования заказов, а также развития инновационной инфраструктуры;
- востребованность продукции на внешнем рынке, широкое привлечение для ее производства зарубежных инвестиций, менеджмента, техники и технологии;
- наличие в производимой продукции ренты по интеллекту;
- наличие конкурентоспособного производственного потенциала (квалифицированная рабочая сила, производственные фонды, научные и проектно-конструкторские структуры);
- квалифицированный менеджмент, ориентирующийся на стратегию развития;
- наличие кооперационных связей и интеграции с ведущими конкурентоспособными отечественными организациями, включение их в производственные цепочки по выпуску продукции высшего технологического уклада.

В последнее время Правительство России и Хабаровского края обеспокоено отста-

ванием дальневосточного машиностроения и принимает меры по включению механизмов стимулирования его развития. Так в «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» предусмотрен ряд мероприятий, направленных на создание условий для эффективного развития отрасли:

- разработка комплекса мер, направленных на сохранение и развитие машиностроительного комплекса, увеличение объемов и совершенствование системы размещения и финансирования государственного и оборонного заказов;
- предоставление из федерального бюджета предприятиям субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях на осуществление инновационных и инвестиционных проектов по выпуску высокотехнологичной продукции;
- выдача гарантий организациям на получение беззалоговых кредитов в российских кредитных организациях на осуществление инновационных и инвестиционных проектов по выпуску высокотехнологичной продукции.

Для развития машиностроения планируется стимулировать формирование локальных промышленных зон и технопарков, которые будут ориентированы на развитие венчурных, высокотехнологичных предприятий с максимально льготным налоговым режимом. Предусматривается совершенствование финансовых механизмов поддержки программ и проектов создания и развития инновационных производств, субсидирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, конкретных производств в краткосрочном и долгосрочном периодах, а также развитие инфраструктуры и кадрового потенциала для поддержки инноваций.

Список литературы:

1. Быстрицкий С.П., Заусаев В.К. Хорошавин А.В. Дальний Восток России: становление новой экономики – Хабаровск: Изд-во ДВАГС. – 2008.
2. Промышленность России. 2008: стат.сб. / Росстат. – М., 2008.
3. Российская экономика в 2008 г. Тенденции и перспективы. Вып. 30. – М.: ИЭПП, 2009.
4. Российский статистический ежегодник. 2000: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2000.
5. Российский статистический ежегодник. 2005: стат. сб. / Росстат. – М., 2005.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Халимендик В.Б.

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ТИПА¹

Анализ различных сценариев социально-экономического развития Хабаровского края [3] показывает, что единственный путь достойного развития – это инновационное, которое должно сопровождаться созданием *организационно-правовых условий* для усиления инновационной активности и инновационной восприимчивости предприятий, и, как следствие усиления их конкурентоспособности.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [2] намечены следующие ориентиры, касающиеся становления и развития инновационной экономики в Российской Федерации: доля промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40–50% (2008 год в Хабаровском крае – 13,9%); доля инновационной продукции в объеме выпуска – до 25–35% (2008 год в Хабаровском крае – 0,4%).

Для осуществления перехода Российской Федерации к инновационной экономике необходимо создание условий по увеличению инновационной активности малых и средних предприятий, путем предоставления им соответствующих преференций, учитывающих реализацию этапа инновационного процесса предприятия.

По результатам социологического и статистического анализа промышленных предприятий были выявлены причины, сдерживающие инновационную активность и предложены возможные формы государственной поддержки инновационных предприятий

¹ Научно-исследовательская работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации.

(табл. 1).

Таким образом, переход к инновационной экономике должен сопровождаться совершенствованием законодательства, стимулирующего развитие инновационной деятельности. На сегодняшний день ни один нормативно-правовой документ не дает четкого определения критериев, по которым можно было бы отнести промышленное предприятие к категории инновационных, поэтому основной задачей является определения субъекта инновационного бизнеса, к которому могут быть применены формы государственной поддержки.

Таблица 1

Формы государственной поддержки инновационных предприятий

№ п/п	Причины, сдерживающие инновационную активность	Формы предоставления государственной поддержки
1.	Отсутствие источников финансирования инновационных проектов, особенно на ранних стадиях развития (НИОКР)	Установление пониженной налоговой ставки налога на прибыль организации в части, зачисляемой в краевой бюджет, в соответствии с законодательством Хабаровского края
		Предоставление организациям, льгот по уплате налога на имущество организаций в соответствии с законодательством Хабаровского края
		Установление режима ускоренной амортизации основных фондов для организаций, осуществляющих инновационные проекты, в соответствии с законодательством Российской Федерации
		Предоставление государственных гарантий Хабаровского края для обеспечения надлежащего исполнения субъектами инновационной деятельности их обязательств перед кредитными, заемными организациями в соответствии с законодательством Хабаровского края
		Участие в финансировании за счет средств краевого бюджета, и государственных внебюджетных фондов инновационных программ и проектов
		Оказание помощи в привлечении финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, путем осуществления бизнес-сессий инновационных проектов

№ п/п	Причины, сдерживающие инновационную активность	Формы предоставления государственной поддержки
		<p>Финансирование патентования в Российской Федерации и за рубежом изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, созданных за счет средств бюджета Хабаровского края;</p> <p>Организация системы венчурного финансирования научной, научно-технической и инновационной деятельности в Хабаровском крае</p>
2.	Недостаток инновационных менеджеров, инженерно-технического персонала в организациях	Содействие развитию кадрового потенциала инновационной деятельности, подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров в инновационной сфере, включая специалистов в области инновационного менеджмента, на основе имеющейся учебно-образовательной инфраструктуры, совершенствования научно-методической базы и внедрения прогрессивных форм обучения;
3.	Отсутствие стратегического маркетинга и опыта вывода на рынок инновационных товаров и услуг;	<p>Организация семинаров, конференций, «круглых столов», выставок по вопросам развития инновационной деятельности, мероприятий по подготовке и повышению квалификации кадров для субъектов инновационной деятельности.</p> <p>Экспертное, информационное и иное обеспечение инновационной деятельности</p>
4.	Слабая информированность потенциальных потребителей об инновационных товарах, их преимуществах перед конкурентами, что ограничивает распространение инновационной продукции.	<p>Содействие продвижению инновационных разработок:</p> <p>Организационная и финансовая поддержка участия субъектов инновационной деятельности при проведении выставок и конференций, в том числе за пределами территории Хабаровского края;</p> <p>Оказание информационной поддержки инновационной деятельности в средствах массовой информации, в сети Интернет;</p> <p>Организация закупок для государственных нужд, научных исследований, наукоемкой продукции и технологий</p>

При определении критериев отнесения промышленного предприятия к инновационному типу авторами было выделено два уровня предприятий, представляющих высокотехнологичный сектор экономики, к которым целесообразно применять формы государственной поддержки, это – инновационно-активное предприятие и инновационное предприятие.

Таблица 2

Критерии инновационности промышленных предприятий

Инновационно-активное предприятие	Инновационное предприятие
	<p>Базовые параметры инновационности: выработка на одного человека – не менее 600 тыс. р.; годовой объем отгруженной инновационной продукции – не менее 3000 тыс. р. оформленная интеллектуальная собственность (патент, лицензионное соглашение).</p>
Доля затрат на технологические, маркетинговые и организационные инновации в общей структуре затрат – не менее 15%;	<p>Параметры возможностей инновационного развития: наличие научного центра (подразделения) на предприятии; модернизация технологических процессов; повышение квалификации работников.</p>
Оформленная интеллектуальная собственность (патент, лицензионное соглашение); Бизнес-план инновационного проекта;	<p>Показатели инновационности: доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции не менее 15%; доля затрат на технологические, маркетинговые, организационные инновации не менее 20%, в том числе доля затрат на НИОКР не менее 5%</p>
Команда проектного менеджмента	<p>Показатели, характеризующие инновационное развитие: увеличение балансовой стоимости предприятия не менее 10%; увеличение рабочих мест в основном производстве не менее 10%; увеличение размера заработной платы на предприятии не менее 15%; увеличение производительности труда не менее 15%; снижение энергоемкости производства не менее 10%</p>

Определение критериев для категории «инновационно-активное предприятие» осуществлялось исходя из базового набора требований, которым должно отвечать предприятие. Определение критериев для категории «инновационное предприятие» осуществлялось по четырем позициям, представленным в таблице 2.

Такое понимание инновационной активности позволяет нам сформулировать *траекторию инновационного развития предприятия*, начальным условием движения которой должно являться наличие научной идеи, обладающей коммерческим потенциалом. Скорость развития инновационного предприятия во многом зависит от факторов внутренней и внешней среды. Таким образом, *траекторию инновационного развития* можно определить как непрерывную, замкнутую линию движения инновационного проекта от возникновения научной идеи до создания на ее базе наукоемкого, высокотехнологичного производства, под воздействием факторов внутренней и внешней среды. Формирование траектории инновационного развития окажет влияние на обеспечение устойчивого роста субъектов инновационного бизнеса за счет возможности получения государственной поддержки, способствующей переходу предприятия из категории инновационно-активных в категорию инновационных, и предполагает обеспечение ускорения НТП за счет оказания государственной поддержки промышленным предприятиям, относящимся к инновационному типу.

При принятии решения об отнесении промышленного предприятия к инновационному типу необходимо использовать гибкий подход. Так, например, если по какому-либо из критериев предприятие не достигает нормативного значения, следует рассматривать их совокупность при присвоении ему статуса инновационного. Поэтому необходимо формирование и обоснование модели, включающей в себя индексы инновационности по каждой группе критериев и комплексный показатель инновационности предприятия. Кроме того, необходимо ранжировать группы критериев инновационности по степени их значимости (табл. 3). Наличие модели будет являться инструментом необходимым для принятия управленческих решений при разработке стратегии инновационного развития промышленного предприятия.

Пороговое значение комплексного показателя инновационности установлено в размере 0,85. Если $J_{ин} \geq 0,85$, то предприятие можно отнести к инновационному типу. Данное значение позволяет учитывать *незначительные отклонения* по некоторым показателям.

Таким образом, наличие критериев отнесения предприятия к инновационному типу будет являться мотивационным стимулом на ранних стадиях жизненного цикла инновационного предприятия, и будет способствовать превращению инновационно-активных предприятий в инновационные, производящие востребованную рынком, высокотехноло-

гичную продукцию с высокой долей добавленной стоимости. Указанное обстоятельство подтверждают актуальность и научную значимость разработки и обоснования *траектории инновационного развития предприятий*.

Таблица 3

Показатели инновационности предприятия и уровень их значимости

№ п/п	Критерии инновационности	Норматив	Значимость критерия в группе	Значимость группы
<i>I. Базовые параметры инновационности</i>				
1.	Выработка на одного человека, тыс. р. (P ₁)	600	0,3	0,4
2.	Годовой объем отгруженной инновационной продукции, тыс. руб. (P ₂)	3000	0,3	
3.	Оформленная интеллектуальная собственность (P ₃)	Патент, лицензионное соглашение	0,4	
Итого			1,0	
<i>II. Параметры возможностей инновационного развития</i>				
4.	Наличие научного центра (подразделения) на предприятии (P ₄)	✓	0,25	0,25
5.	Модернизация технологических процессов (P ₅)	✓	0,6	
6.	Повышение квалификации работников (P ₆)	✓	0,15	
Итого			1,0	
<i>III. Показатели инновационности</i>				
7.	Доля инновационной продукции в общем объеме реализованной продукции, % (P ₇)	15	0,4	0,25
8.	Доля затрат на технологические, маркетинговые, организационные инновации, % (P ₈)	20	0,6	
Итого			1,0	

№ п/п	Критерии инновационности	Норматив	Значимость критерия в группе	Значимость группы
IV. Показатели, характеризующие инновационное развитие				
9.	Увеличение балансовой стоимости предприятия (преимущественно за счет инвестиций в основной капитал), % (P ₉)	10	0,4	0,1
10.	Увеличение рабочих мест в основном производстве, % (P ₁₀)	10	0,1	
11.	Увеличение размера заработной платы на предприятии, % (P ₁₁)	15	0,2	
12.	Увеличение производительности труда, % (P ₁₂)	15	0,3	
Итого			1,0	1,0

Результаты исследования, приведенные в работе, представляют практический интерес при определении критериев отнесения промышленных предприятий к инновационному типу – для выявления инновационных предприятий на территории Хабаровского края и создания базы данных показателей их инновационного развития, усиления инновационной мотивации посредством оказания финансовой поддержки предприятием, ориентированным на инновационное развитие, осуществления внутреннего управленческого учета на предприятиях, основной целью которых является инновационное развитие.

Практическая и научная полезность результатов исследования заключается в разработке управленческой технологии, которая призвана способствовать достижению установленных критериев инновационности, с целью повышения уровня инновационной активности промышленных предприятий Хабаровского края.

Список литературы:

1. *Зубарев А. Е.* Анализ инновационной активности предприятий и организаций Хабаровского края / А. Е. Зубарев, В. Б. Халимендик // Вестник Тихоокеанского государственного университета 2008, №4 (15).

2. Российская Федерация. Президент. Встреча с ведущими российскими и зарубежными политологами (10 сент. 2010 года г. Ярославль). – <http://kremlin.ru/transcripts/8882>.

3. Стратегия социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года. Проект / Правительство Хабаровского края. – Хабаровск, 2008.

4. *Халимендик В. Б.* Методические основы определения соответствия промышленных организаций инновационному типу // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2010. № 3 (18) .

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Цховребова А.В.

**РОЛЬ ТРАНСПОРТА И АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ
В РАЗВИТИИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**

Потенциал экономико-географического и геополитического положения России и ее субъектов в масштабах мировой экономики становится ресурсом, если вся территория страны вовлечена в процессы глобализации. Принимая это во внимание, и, учитывая необходимость освоения громадной территории России, неизбежным становится обеспечение развитой транспортной системы внутри страны в целях осуществления взаимодействия всех сторон жизнедеятельности и формирования региональных систем.

Социально-экономический потенциал региона, как совокупность элементов национального богатства, образует жизненную среду для функционирования регионального воспроизводственного процесса. Это сложный процесс, характеризующийся сетью взаимопереплетающихся социально-экономических и производственно-технологических связей и отношений. Каждому региону присуща своя специфика. И именно разнообразие потенциалов регионов решающим образом влияет на характер и динамику регионального воспроизводственного процесса, на выбор управленческих решений, направленных на развитие производительных сил и повышение уровня жизни населения. В конечном счете, региональное воспроизводство имеет две основные функции: обеспечение воспроизводства продуктов специализации региона для хозяйства страны и обеспечение воспроизводства проживающего на его территории населения. Между тем, необходимо обратить внимание на тот факт, что в результате рыночных трансформаций расширилась самостоятельность регионов в межрегиональных экономических связях. Подобное расширение самостоятельности регионов, а также развитие международной торговли существенно увели-

чили количество прямых транспортных связей между регионами, а также с зарубежными странами, портами, рекреационными районами. Быстрое развитие происходит в сфере торговли, обслуживания и связанных с ними отраслей, которые в силу своей специфики тяготеют к автомобильному транспорту. Изменяется и схема расселения жителей Российской Федерации, особенно вблизи крупных и крупнейших административных и промышленных центров. С началом экономической реформы в малых городах и сельских районах высвобождаются значительные трудовые ресурсы, которые, не находя применения в местах проживания, устремляются в крупные и крупнейшие административные и промышленные центры. Вместе с получением большей самостоятельности регионы теперь должны разрешить задачу всестороннего обоснования структуры экономики и хозяйственных межрегиональных связей, их оптимизации.

Благодаря региональным и межрегиональным экономическим связям формируется система взаимодействующих регионов, а экономика каждого региона становится частью какой либо одной или нескольких региональных систем и, в конечном счете, образует экономику страны в целом. Это идеальная модель, реализации которой зачастую серьезно ограничивается неразвитостью инфраструктуры отдельной территории. Как известно, эффективное развитие хозяйства любого региона подразумевает рост не только реального промышленного или аграрного секторов экономики, но и соответствующего развития инфраструктуры, обеспечивающей продвижение собственных внутренних для региона и транзитных товарных потоков. Одним из основных элементов инфраструктуры товародвижения является транспорт.

Составной частью транспорта и транспортной инфраструктуры является дорожное хозяйство, оказывающая транспорту и в целом народному хозяйству услуги, имеющие отношение как к области материального производства (перемещение грузов автомобильным транспортом), так и непродуцственной сфере (перевозка пассажиров и социально-культурное обслуживание населения определенного региона).

Кроме того, интересы национальной безопасности России диктуют необходимость совершенствования транспортной системы в районах Севера. Эта система должна обладать способностью в минимальные сроки и с максимальным экономическим эффектом доставить груз, обеспечить наиболее оптимальный вид транспорта, маршрут, способ доставки. При этом основными задачами совершенствования транспортной системы выступают максимальное удовлетворение потребностей северных территорий в транспортном обеспечении и создание современной транспортной инфраструктуры. Сегодня северные районы Дальнего Востока оторваны от единой автодорожной сети страны. Причем ни железные дороги, ни авиация, если они имеются в этих регионах, никогда не заменят самый

массовый и доступный автомобильный транспорт. Жизнедеятельность огромных территорий страны, особенно Республики Саха (Якутия), продолжает обеспечиваться за счет северного завоза грузов, ежегодные расходы на который значительно превышают инвестиции на дорожное строительство в этих регионах.

Без дорожной сети сложно реализовать положения статей Конституции Российской Федерации, в которых гарантируются права на свободу передвижения граждан, на свободное перемещение товаров и услуг, единство экономического пространства. Важную роль играют автомобильные дороги и в решении социальных задач, реализации приоритетных национальных проектов.

Автомобильная дорога – это комплекс сооружений, предназначенных обеспечить безопасную, высокопроизводительную и эффективную работу автомобильного транспорта по перевозке грузов и пассажиров в соответствии с задачами народного хозяйства. Эффективность работы автомобильного транспорта во многом зависит от технического уровня и состояния автомобильных дорог. При ухудшении технического состояния дорог и, прежде всего, ровности и прочности проезжей части снижаются производительность и безопасность движения автомобилей, повышается себестоимость перевозок.

Автомобильные дороги делают транспортную систему страны действительно единой, объединяя различные регионы, предоставляя материальную и техническую базу для взаимодействия всех элементов системы, для соединения конечных пунктов (терминалов) отдельных видов транспорта между собой, отправителями и получателями грузов. Эффективная организация транспортного процесса, как в масштабе всей единой транспортной системы, так и на отдельных видах транспорта в большой степени зависит от уровня услуг, предоставляемых дорожным хозяйством. Огромное непосредственное влияние оказывает состояние автомобильных дорог на работу предприятий всех форм и отраслей. Налицо и обратная связь. Поскольку все основные ресурсы автодорожного хозяйства получают именно с предприятий обслуживаемых им отраслей непосредственно или в порядке распределения через органы государственного управления.

Решение проблемы формирования транспортной инфраструктуры региона является необходимым условием эффективного освоения недр, реализации энергетической стратегии и аграрной реформы, совершенствования социальной политики, развития экономики в целом. Особенно это актуально для Сибири и Дальнего Востока, главным образом, из-за большой территориальной удаленности и практического отсутствия между ними транспортного сообщения. Действительно, слабо развитая транспортная инфраструктура является фактором, сильно сдерживающим экономическое развитие Дальневосточного региона. Проблема важности решения вопроса по созданию транспортной структуры

экономики региона и энергетических мощностей на Дальнем Востоке и влияние их на показатели народного хозяйства является постоянной темой для обсуждения не только ученых, но и практических работников. На это обратил внимание в своем вступительном слове на совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации», проводимом 21 мая 2009 года в Хабаровске, Президент России Д.А. Медведев. Он особенно подчеркнул, «что успех развития Дальнего Востока зависит, конечно, от развития транспортной и энергетической инфраструктуры: при развитии инфраструктуры будут создаваться новые рабочие места» [5].

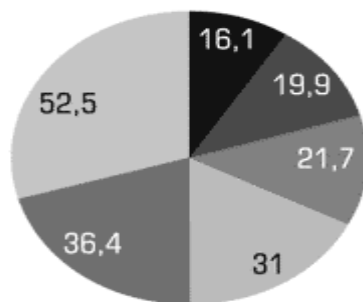
Республика Саха (Якутия) – самый изолированный и труднодоступный регион России, располагаясь на пересечении кратчайших путей между Европой, Северной Америкой и Азией, может при реализации принятых транспортных стратегий стать крупнейшим транспортным узлом и позволит создать дополнительные условия для развития территорий.

На сегодняшнем этапе транспортная система республики ограничивается 21,8 тыс. километров автодорог общего пользования (причем, из них грунтовые дороги и зимники составляют около 65%), 16,9 тыс. км внутренних водных путей, а также 165 км железной дороги, эксплуатируемых постоянно, и 360 км дороги Беркакит – Томмот, используемой пока в режиме временной эксплуатации. Сейчас ведутся работы по доведению действующего участка этой дороги до норм постоянной эксплуатации. Более чем для 80% территории республики единственный транспортный путь – река Лена.

Следовательно, совершенствование транспортной инфраструктуры будет способствовать освоению минерально-сырьевой базы региона, дальнейшему развитию и укреплению межрегиональных экономических связей Республики Саха (Якутия), а также экономической интеграции Дальнего Востока и Сибири в экономику страны и мировое хозяйство. Об этом свидетельствуют данные исследований Информационного центра при Президенте Республики Саха (Якутия), представленные на рисунке 1.

Именно положительные ожидания являются фактором оптимизации имеющихся транспортных мощностей и ввода новых. Так, например, развитие транспортной сети повлечет разработку новых направлений горно-добывающей промышленности в Республике Саха (Якутия) и Хабаровском крае, в частности, разведку месторождений редкоземельных металлов, полиметаллических и железных руд.

№ ответивших на каждый вопрос от общего числа

- Положительных изменений не ожидаю
- Повысится качество жизни
- Появится возможность переобучения
- Повысятся зарплаты
- Новые дороги улучшат транспортную доступность
- Появятся новые рабочие места

Источники: рейтинговое агентство «Эксперт РА»
и Информационный центр при Президенте Республики
Саха (Якутия)

Рис. 1. Положительный эффект от реализации мегапроектов
и транспортных стратегий Республики Саха (Якутия)

С вводом в промышленную эксплуатацию магистральных дорог «Колыма» (Якутск – Магадан), «Амга» (Якутск – Усть-Мая – Аян), «Виллой» (Якутск – Мирный – Усть-Кут) будет ускорено решение проблемы освоения Непско-Ботуотинской нефтегазонасосной области мирового значения, Ковыктинского и Чаяндинского месторождений газа. Сырье будет направляться на экспорт, а кроме того, использоваться для нужд Амурской, Читинской и Еврейской автономной областей, Хабаровского и Приморского краев, Республики Бурятия и самой Республики Якутия. В результате будут полностью закрыты потребности Дальнего Востока в высокоэффективном и экологически чистом топливе. Эти меры позволят отказаться от дорогого из-за высоких транспортных расходов топлива «с большой земли». Со временем доля газо- и нефтепромышленности в валовом продукте Якутии будет втрое больше нынешнего вклада алмазной промышленности.

Таким образом, развитие сети автомобильных дорог и стратегические задачи дорожной политики будучи неразрывно связанными с развитием экономики и транспортной системы страны и ее субъектов, должны обеспечить единое транспортное пространство и формирование грузопроводящей и пассажиропроводящей системы.

В период постоянного изменения системы политических и экономических отношений в стране и реструктуризации народного хозяйства строительство автомобильных дорог должно стать особым элементом экономической политики, а для утверждения такого

направления развития необходим новый подход к автодорожному хозяйству. Это, прежде всего, обоснованное прогнозирование развития с учетом особенностей экономики региона, оценка эффективности автономных инвестиций, необходимых для развития сети дорог, а также комплексный подход к дорожно-строительной и дорожно-эксплуатационной системам в целом.

Список литературы:

1. *Аксенов И.Я.* Единая транспортная система. – М.: Высшая школа, 1991.
2. *Гарманов Е.Н., Авсеенко Е.Н., Дингес Э.В.* Экономика дорожного хозяйства. – М.: Транспорт, 1990.
3. Единая транспортная система / под ред. В.Г. Галабурды. 2-е изд. с измен. и дополн. – М.: Транспорт, 2001.
4. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 24. – Политиздат, 1961.
5. *Медведев Д.А.* Вступительное слово на совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации». – [http:// www.kremlin.ru](http://www.kremlin.ru).
6. Северо-восток России: региональная экономика и управление: монография / Е. А. Борисов, Е. Н. Галичанин, В. А. Уваров, В. А. Штыров. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финтрекс, 2006.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Юн С.Е.

**ДЕРЕВЯННОЕ ДОМОСТРОЕНИЕ КАК ФАКТОР
ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО
КОМПЛЕКСА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ¹**

Хабаровский край является одним из наиболее многолесных регионов России. На его долю приходится 25,3% запасов древесины Дальнего Востока. Доля Хабаровского края в объеме вывозки древесины по ДФО – 53,5% (в 2008 году – 52,4%) [1, с. 5].

Лесопромышленный комплекс Хабаровского края представлен предприятиями-арендаторами лесного фонда, количество которых варьировалось от 100 до 132 в течение последних десяти лет. Эти предприятия занимаются лесозаготовками, деревообработкой и экспортом древесины.

Начиная с 2008 г. в ЛПК края наблюдается спад промышленно-экономических показателей (табл. 1). Мы считаем, что он связан с повышением экспортных пошлин и сокращением внешнего спроса на необработанную древесину. Данное обстоятельство проявило высокую степень зависимости ЛПК от внешних рынков, что может негативно влиять на его функционирование в долгосрочной перспективе. Это делает целесообразным исследование факторов, определяющих устойчивое развитие ЛПК Хабаровского края в длительном промежутке времени.

Согласно Майклу Портеру, можно выделить четыре агрегированных группы факторов обеспечивающих долгосрочное развитие экономических агентов, называемые факторами конкурентоспособности: спрос, факторы производства, поддерживающие отрасли (кластеры) и конкуренция [2, с. 221]. Для ЛПК Хабаровского края в настоящее время наи-

¹ Работа подготовлена при поддержке проекта № 09-III-A-10-543.

более значим фактор спроса, как внешнего, так и внутреннего. Фактор спроса может дать импульс для последовательного развития трех остальных факторов конкурентоспособности. Характер спроса в конечном счете определит характер функционирования ЛПК.

Таблица 1

Соотношение экспорта и вывозки в ЛПК Хабаровского края за 2005–2009 гг.

Показатель	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Вывозка	7891,3	7928,8	8194,0	8489,9	6883,5	5936,4
Экспорт	7328,7	7743,8	8871,8	9606,8	7980,8	5660,0
Доля экспорта в вывозке, %	93	98	108	113	116	95

Источник: [1, с. 14, 19].

Усилиями государственного стимулирования через систему приоритетных инвестиционных проектов на 2010 г. в крае фактически реализовано 4 проекта и мощности по переработке древесины возросли на 1,3 млн м³.

Сданы в эксплуатацию проекты:

– завод по производству 35 тыс. м³ комплектующих изделий для домостроения в г. Хабаровске (ООО «Магма»);

– завод по производству 75 тыс. м³ облагороженных пиломатериалов в пос. Сукпай района имени Лазо (ООО «Рос-ДВ»);

– лесопильный завод по производству 150 тыс. м³ пиломатериалов в пос. Березовый Солнечного района (ООО «Амур-Форест»);

– деревообрабатывающий комплекс в пос. Октябрьский Ванинского района по производству 350 тыс. м³ пиломатериалов (ООО «СП «Аркаим»).

Завершается строительство завода по производству 300 тыс. м³ плит МДФ в пос. Хор района имени Лазо (ООО «Римбунан Хиджау МДФ»).

В терминах факторов конкурентоспособности реализованные в крае проекты можно отнести к развитию факторов производства. Но, к сожалению, они не могут обеспечить устойчивое функционирование ЛПК края, из-за экспортной ориентации отрасли и предельно низкого уровня конечного потребления лесопродукции внутри региона. То есть фактор спроса выступает детерминантой функционирования ЛПК края.

Следовательно, в сложившихся условиях функционирования для долгосрочного развития ЛПК Хабаровского края необходимо поддерживать и стимулировать спрос на лесопродукцию, представленный двумя составляющими: внешним и внутренним спросом.

Внешний спрос можно поддерживать путем диверсификации экспорта лесной продукции, гибкого регулирования таможенных пошлин, привлечения иностранных инвестиций в лесопереработку. Внутренний спрос можно стимулировать за счет инициации массового малоэтажного деревянного домостроения.

Если обратиться к истории освоения Дальнего Востока, то процесс развития лесопромышленного комплекса был непосредственно связан со строительным сектором и строительством железной дороги Владивосток – Хабаровск [3, с. 13]. С 1883 по 1915 г. на Дальнем Востоке были построены: один фанерный завод, две спичечные фабрики, 57 лесопильных заводов. Такое стремительное развитие лесопромышленного комплекса Дальнего Востоке было вызвано интенсивно развивающимся строительным сектором.

Деревянное домостроение является самым емким потребителем продукции из древесины. Деревянное домостроение в Финляндии, Канаде и Японии имеет норму расхода пиломатериалов 0,2–0,5 м³/ м² жилья. Данные за 2007 г. показали, что строительство в Хабаровском крае 0,4 тыс. м² деревянных каркасных домов потребовало 320 м³ древесины, то есть удельное потребление расхода древесных составило 0,8 м³/ м², что показывает высокую перспективность деревянного домостроения для развития лесного сектора края.

Малоэтажное деревянное домостроение не требует использования дорогой техники и сложных технологий по сравнению со строительством многоэтажных панельных, кирпичных или монолитных домов. Строительный цикл сборки деревянных малоэтажных домов составляет всего несколько суток, что является очевидным преимуществом по отношению к строительству железобетонных зданий. При должном развитии деревообрабатывающей промышленности российским предприятиям вполне по силам выпускать до 60–100 млн м² в год.

Малоэтажные деревянные дома конкурентоспособны по цене и качеству по сравнению с домами из железобетона. На данный момент себестоимость 1 м² жилой площади в деревянном каркасном доме, произведенном с учетом современных зарубежных технологий, составляет около 400–450 долл. США, что существенно ниже затрат на строительство железобетонных зданий. По мере увеличения объемов производства комплектов для деревянного домостроения их себестоимость может заметно сократиться. Добавим, что современные технологии позволяют предупредить горение и гниение древесины, что резко увеличивает срок службы деревянных домов.

Массовое малоэтажное деревянное домостроение может активизировать деятельность смежных отраслей производства, позитивно влияя на общую экономическую деятельность в крае. Более того, увеличение ввода в эксплуатацию деревянных жилых домов

приведет к росту рынка продукции деревообработки, используемой для отделки: вагонки, шпелевки, фанеры и т. д., а это еще более расширит внутренний лесной рынок.

Развитие деревянного домостроения даст мощнейший импульс всему лесопромышленному комплексу. С учетом емкости российского рынка можно по-настоящему поднять лесной комплекс и удовлетворить социальную потребность населения в жилье. При должном развитии деревянного домостроения в целом по России понадобится порядка 40 млн м³ леса, а это уже сравнимо с количеством сырья, вывозимого за рубеж.

Не случайно вопрос о развитии деревянного домостроения все чаще встает на повестку дня при обсуждении путей реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России».

Согласно данным министерства строительства Хабаровского края, объем ввода в эксплуатацию малоэтажного жилья в 2009 году составил 82,5 тысячи квадратных метров. За девять месяцев 2010 г. введено 39,54 тысячи. В общем объеме введенного жилья на территории Хабаровского края доля малоэтажного строительства в последние годы составляет порядка 20 процентов. К сожалению определение доли деревянного домостроения в общем объеме малоэтажного строительства представляет трудность.

В настоящее время в г. Хабаровске ведется освоение микрорайона малоэтажной жилой застройки «Сокольники» в Краснофлотском районе, квартала «Лукашево» в Железнодорожном районе.

В целях последующего предоставления на основании заявлений физических и юридических лиц ведется формирование земельных участков на площади – 820 га. Данные территории позволяют реализовать строительство – 9,0 тыс. жилых домов (включая таун-хаузы и блокированные дома), общей площадью – 900,0 тыс. м².

На перспективу, по г. Хабаровску, в соответствии с документами градостроительного развития города, для малоэтажного строительства предусмотрены территории общей площадью – 970 га. Следовательно, малоэтажное деревянное домостроение в Хабаровском крае имеет резонные перспективы.

Мировой опыт показывает, что, в отличие от ЦБК, строительство современного комбината, ориентированного на выпуск комплектов для строительства деревянных домов, требует на порядки меньших затрат. Такой объем инвестиций вполне под силу отечественным лесопромышленникам. Наиболее крупные российские компании уже имеют собственные деревообрабатывающие заводы. Организация производств, ориентированных на деревянное домостроение, создаст предпосылки и для строительства заводов по изготовлению необходимых материалов.

Было бы целесообразно, используя преимущества деревянных стройматериалов, в том числе относительную их дешевизну, параллельно решить вопрос с оплатой в рассрочку выкупленного под застройку участка. Поскольку ипотека недоступна для большинства жителей страны, проценты по ней в 5–10 раз выше, чем в других странах, то необходимо искать другие способы заметного снижения расходов. Стоимость участка следует включить в коммунальные платежи и оплачивать частями в течение 15–20 лет. Это серьезно снизило бы затраты граждан России на приобретение сейчас практически недоступного жилья.

В заключение отметим то, что массовое деревянное домостроение является одной из самой доступной, дешевой, перспективной, социально ориентированной формой долгосрочного развития ЛПК Хабаровского края. Более того, деревянное домостроение может стимулировать внутренний спрос на жилье. Но формирование внутреннего спроса невозможно без активной государственной поддержки, проведения стимулирующих программ для населения по приобретению деревянного жилья, так и строительных компаний по их созданию, а также инициативного поведения самих предприятий.

Список литературы:

1. Лесопромышленный комплекс края в современных экономических условиях: стат. сб. – Хабаровск, 2010.
2. *Портер М.* Конкуренция. – М.; СПб.; Киев: Издательский дом «Вильямс», 2005.
3. *Шулятьев Д.А.* Лесозаготовительная промышленность Дальнего Востока: Историко-экономический очерк. – Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1974.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 3
«СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ
СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ»

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов

(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Авербух И.Б.

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
НА ЭКОНОМИКУ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА**

Введение

Здравоохранение представляет собой особую сферу социальной политики государства по обеспечению граждан медицинской помощью и профилактике заболеваний. Эффективное здравоохранение является существенным фактором, стабилизирующим социально-политическую обстановку. С одной стороны, уровень развития этой сферы является показателем социально-экономического развития любой страны, уровня производительности труда и эффективности функционирования хозяйственной системы в целом. С другой стороны, развитие социальной сферы выражает перспективную всемирную тенденцию гуманизации общественных отношений, а также переход к сохранению и преумножению человеческого капитала. Поэтому здравоохранение должно относиться к одному из приоритетных направлений социально-экономической политики государства.

В России здравоохранение принято относить к социальной сфере и, в отличие от мирового сообщества, критериями оценки эффективности данной системы являются сугубо количественные показатели. В то же время, по оценке Всемирной организации здравоохранения, только ежегодная пандемия гриппа наносит вред экономике и сокращает ВВП примерно на 2,5–3%. Что же говорить о других заболеваниях?

Проблемы системы здравоохранения

Основными проблемами функционирования и управления системой здравоохранения являются информационный, финансовый и материальный голод, а также отсутствие четких экономических критериев оценки и прогнозирования состояния системы в долгосрочной перспективе.

В последние годы, государство на всех уровнях пытается справиться с первой проблемой. Разрабатываются различные программы организационно-структурной и информационной модернизации здравоохранения, реализуются национальные проекты. Но все эти меры не дают ответа на вопрос об эффективности системы в целом. Сложившаяся, на данный момент, система оценки качества и эффективности медицинской помощи не удовлетворяет ни потребностям общества, ни государства. От года к году растет количество выездов скорой помощи, количество приемов пациентов в поликлиниках и количество пролеченных больных. Однако это не привело к коренному изменению демографической ситуации (в данном случае мы не рассматриваем различные социальные программы, не связанные непосредственно со здравоохранением, например «Материнский капитал»).

Вторая проблема же так и осталась за кадром. Критерии, используемые в настоящее время, видимо не дают полной и точной картины происходящего, что делает затруднительным управление системой и решение текущих насущных проблем и проблем, которые возникнут в долгосрочной перспективе. Так, в последние два десятилетия во всех регионах России сохраняются негативные тенденции в демографической ситуации. Высокая смертность населения, сверхсмертность населения трудоспособного возраста уже стали обыденными и не вызывают особой тревоги.

Здравоохранение как фактор влияния на экономику и воспроизводство трудовых ресурсов

Данная работа посвящена именно долгосрочной оценке экономического воздействия состояния здравоохранения на воспроизводство трудовых ресурсов и экономику региона. Факторы влияния на экономику можно разделить на две группы.

К первой группе относятся факторы, оказывающие краткосрочное влияние на экономику, например пандемия гриппа. Они не оказывают существенного воздействия на воспроизводство трудовых ресурсов. Вторая группа включает в себя факторы, оказывающие долгосрочное влияние на экономику и влияющие на воспроизводство трудовых ресурсов. К ним относятся:

- младенческая, детская, подростковая и смертность населения в трудоспособном возрасте (по причинам смерти);
- травматизм и инвалидность (по причинам инвалидности);
- болезни с длительным периодом лечения или неизлечимые болезни.

Оценка влияния факторов краткосрочного воздействия (первая группа) не представляет сложности. Сложившаяся система критериев позволит оценить влияние этих факторов на экономику (однако таких критериев в системе оценки эффективности в России нет). Методика оценки проста. Возьмите количество людей переболевших заболева-

нием, умножьте на стоимость лечения и прибавьте потери трудового времени $L_{К,з} = N_3 \times C_3 + T_3$. Теперь, для оценки совокупного влияния всех факторов данной группы просуммируем потери по заболеваниям:

$$L_3 = \Sigma_3 L_{Кз} \quad (1)$$

Теперь покажем, что данная оценка непригодна для факторов второй группы, и при ее использовании данные факторы не будут учтены полностью. Для примера возьмем смертность населения трудоспособного возраста. Допустим, что в течение года умерло $N_{Тр}$ человек. Тогда экономические потери составят

$$L_{Тр} = \frac{N_{Тр} \times C_{Тр}}{2}, \quad (2)$$

где $C_{Тр}$ – средняя стоимость потери рабочего года. В данном случае мы делим произведение на 2, предполагая, что люди умирают равномерно в течение года. Но отражает ли данная оценка реальное влияние данного фактора? Ответ на этот вопрос вполне однозначен – нет. Давайте разберемся почему.

Чтобы корректно оценить влияние данного фактора мы должны также учитывать продолжительность его влияния, т. е. тот интервал времени, на протяжении которого будет сказываться влияние фактора. Например, смерть мужчины в возрасте 30 лет будет сказываться на экономике и воспроизводстве трудовых ресурсов последующие 30 лет, т. е. то время, которое он мог бы еще проработать. Соответственно, каждый из этих 30 лет экономика будет терять результат труда одного человека, а значит, для данного случая наша предыдущая оценка занижена в 60 раз, т. к. она сделана из расчета потери половины года, а не 30 лет. Корректной оценкой можно считать $L_{Тр} = N_{Тр} \times C_{Тр} \times \Delta T_{Тр}$, где $\Delta T_{Тр}$ – среднее количество потерянных лет, которое можно вычислить для мужчин как $\Delta T_{Тр} = 60 - A_{Тр}$, для женщин $\Delta T_{Тр} = 55 - A_{Тр}$, где $A_{Тр}$ – средний возраст людей умерших в трудоспособном возрасте. Однако данная оценка бессмысленна, т. к. она позволяет оценить лишь весь ущерб экономике, но не позволит спрогнозировать влияние данного фактора в будущем.

Горизонт влияния и прогнозирование потерь трудовых ресурсов

Для оценки влияния смертности на трудовые ресурсы мы абстрагируемся от конкретных случаев и рассмотрим картину в целом. Для этого нам необходимо рассчитать горизонт влияния фактора – т. е. год, в котором влияние фактора прекратится. Рассмотрим методику расчета на примере. Пусть за год умирает N_i человек, средняя стоимость потери трудового времени C_i , а горизонт влияния равен $t+5$ (рис. 1).

t	t+1	t+2	t+3	t+4	t+5
---	-----	-----	-----	-----	-----

личестве случаев, но и на продолжительности воздействия, должно привести к пересмотру приоритетов при развитии системы здравоохранения.

Можно выделить три основные причины смерти в трудоспособном возрасте – это сердечно-сосудистые заболевания, онкологические заболевания и внешние причины. Из них наиболее сильное воздействие оказывает фактор внешних причин, в силу большей продолжительности его влияния. Однако, на основе оценки эффективности используемой сейчас в России, развитие получили онкологический и кардиологический центры, в то время как необходимо не менее интенсивно развивать травматическую медицину и направлять развитие общества в сторону более строгого отношения к безопасности жизнедеятельности.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Безруков И.С., Безруков В.И.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ
СРЕДИ СТУДЕНТОВ

Глобализация в третьем тысячелетии обусловила основные тенденции мирового развития. Главную движущую силу в них представляют транснациональные корпорации (ТНК), которые определяют не только рынок товаров и услуг, факторов производства и финансов, но и рынок труда. Современная миграция характеризуется огромными потоками трудовых ресурсов между государствами с различными уровнями социально-экономического развития.

В 2005 г. количество международных мигрантов достигло 190 млн чел., из них 91 млн приходится на развитые индустриальные страны, а 51 млн чел. на страны со средним уровнем доходов на душу населения (по оценкам ООН). На долю нелегальных мигрантов приходится 50 млн чел., вынужденных переселенцев – 35 млн чел..

Мировой финансовый кризис существенно увеличил долю трудовой миграции в общем потоке и количество нелегальных мигрантов. На сегодня в мире сформировались миграционные центры из разных стран. Такие центры включают экономически развитые страны ЕС, США, Канада, Австралия, НИС Юго-Восточной Азии. Наибольшее количество мигрантов проживает в Европе (56 млн), Азии (50 млн), Северной Америке (41 млн). По приему переселенцев США занимает первое место или 20% всех мигрантов в мире. Россия на втором месте – 7,6%. В настоящее время в России находится от 10 до 13,3 млн мигрантов, в том числе на неформальных рынках труда до 5 млн иностранцев, выходцев из стран СНГ.

По оценкам экспертов экономика США, Канады и стран ЕС на ближайшие 25 лет потребует 100 млн квалифицированных специалистов, которые должны будут обладать не только профессиональными навыками, но и иметь достаточно высокий интеллект.

Иммигранты стран-доноров по оценкам Всемирного банка, работающие в развитых странах, ежегодно переводят на родину более 100 млрд долл. Только выходцы из Китая вложили в экономику этнической родины более 60 млрд долл..

От «утечки умов» экономические потери России от отъезда одного специалиста оцениваются в среднем от 300 до 800 долл. Общие потери России по этой причине составляют ежегодно 25–33 млрд долл. Расчет ущерба, связанного с интеллектуальной миграцией из стран доноров, проводимой по методике ООН, определялся вычитанием из ВВП прямых и косвенных расходов на подготовку выезжающей элиты.

Современная Россия вошла в мировой рынок труда, прежде всего, как импортер иностранной рабочей силы. В последнее десятилетие экспорт рабочей силы из России приобрел устойчивый, хотя и небольшой по масштабу, характер. Россия, несмотря на разницу в зарплатах, по сравнению с экономически развитыми странами, не стала крупным экспортером рабочей силы. Можно констатировать, значительного оттока рабочей силы из России не произошло. Основными причинами можно назвать: языковой барьер, связанный с «железным занавесом», слабая информационная база по трудоустройству за рубежом, почти полное отсутствие опыта посреднических фирм, высокой конкуренции на международном рынке труда.

Экспорт рабочей силы из России в 1990-е годы составлял от 80 до 100 тыс. человек ежегодно. К началу 2000 года численность эмигрантов составила 62,3 тыс. человек.

В состав основных групп трудовых мигрантов входят экипажи морских судов (Кипр, Великобритания, Греция, Япония, Сингапур). Помимо морских профессий в экспорте участвуют инженерно-технические работники (4,1 тыс. человек) и работники искусства (в основном музыканты, певцы, танцоры, артисты цирка, выступающие без знания языка). Российскими районами выхода рабочей силы являются крупные морские порты (Санкт-Петербург, Новороссийск, Владивосток и др.). Общая доля российских граждан, выехавших за рубеж через посредничество фирм по трудоустройству, составляет 80%.

Направление российских граждан за рубеж на строящиеся объекты на коммерческой основе в Индию, Пакистан, Португалию, Мальту и Йемен составляет незначительную долю от общего числа. Можно предположить, что в перспективе роль экспорта рабочей силы может быть усилена при увеличении экспорта машин и оборудования из России или при возобновлении практики технической помощи развивающимся странам.

В рамках разработки мер по сокращению оттока населения с территории Дальнего Востока особенно важной является задача закрепления и привлечения молодежи. Являясь наиболее мобильной социальной группой, молодежь всегда стремится к познанию нового, а реалии современного социального устройства стимулируют ее к проявлению особой настойчивости в достижении своих целей. Отсутствие миграционных ограничений и неравномерность экономического развития территорий способствуют тому, что наиболее перспективная и активная часть молодого населения покидает пределы Приморья и выезжает в западные регионы страны. Значительная часть молодых людей настроена на поиск места самореализации за рубежом, где, по их мнению, есть больше возможностей для карьерного и социального роста.

С целью изучения эмиграционных настроений в студенческой среде вузов г. Владивостока в 2009 году межвузовской исследовательской группой преподавателей ВГУЭС был проведен социологический опрос. В ходе данного исследования выяснялась мотивация принятия решения о выезде за рубеж для постоянной работы и жительства, а так же факторы, влияющие на эмиграционные настроения студентов.

Проблема «экспорта» молодых специалистов и «утечки умов» за границу является сейчас особенно актуальной. За рубежом ценятся молодые российские специалисты и, несмотря на попытки организовать благоприятные условия для закрепления молодых специалистов внутри страны, эта проблема еще очень далека от своего решения.

Владивосток является студенческим городом, где сосредоточено большое количество учебных заведений. В вузах города обучаются около 150 тыс. студентов.

В ходе исследования были опрошены студенты наиболее крупных ВУЗов города, обучающиеся на различных специальностях.

Обобщенные результаты исследования не являются оптимистичными. После окончания вуза хотели бы уехать в другую страну для постоянного проживания и работы около 30% опрошенных студентов.

По результатам исследования можно сделать вывод, что интерес к эмиграции больше проявляют девушки (33,3%), чем юноши (26,3%).

Выявлена некоторая зависимость, желая эмигрировать от курса, на котором обучался опрошенный студент. Так заметное повышение доли на начальных курсах и максимальное количество желающих эмигрировать за границу на средних курсах, заметно сокращается у студентов-выпускников.

Вероятно, по мере взросления и накопления опыта молодые люди начинают более адекватно воспринимать перспективы успешной адаптации в другой культурной и социальной среде при эмиграции. Кроме того, многие студенты к моменту окончания вуза уже

находят себе работу по специальности и вопросы переселения в поисках лучшей жизни становятся для них менее актуальными.

Результаты исследования показали наличие связи между желанием эмигрировать за рубеж и уровнем знания иностранного языка. Так, среди студентов желающих выехать за рубеж для постоянного проживания и работы, свободно владеют английским языком 31%, а среди студентов не рассматривающих возможность эмиграции, только 21% свободно владеют английским языком.

В студенческие годы – это время когда молодые люди не обременены большими заботами, семьей, работой и т. д. В это время студенты стремятся путешествовать и используют возможности выезда в другие регионы и страны.

В результате исследования выявлено, что по причине оторванности регионов Дальнего Востока от центра, только четверть студентов никогда не выезжали в другие страны (24%), при этом никогда не были в Москве больше половины опрошенных (56%). Многие студенты посещали зарубежные страны по два и более раза.

Таким образом, отдаленность Приморья от центральной части страны, и опыт поездок в страны расположенные в непосредственной близости к региону способствует, тому, что отношение к возможности эмиграции за рубеж у многих молодых людей становится более естественным и реалистичным. Среди студентов выезжавших за границу доля желающих эмигрировать выше, чем среди студентов, не посещавших другие страны.

Среди стран, которые респонденты посещали во время обучения в вузе, наиболее часто упоминались: Китай (52%), США (20%) и Республика Корея (6%). Посещение Китая большинством из студентов, выезжавших за границу, в первую очередь связано с близким географическим расположением, доступностью путевок и низкими ценами. Посещаемость США (20% из числа студентов выезжавших за рубеж) вероятно, отражает результативность работы различных обучающих программ, а так же программ совмещающих временную работу и туризм (Week and Travel), пользующихся большой популярностью у студентов владивостокских вузов.

Среди целей поездок в другие страны доминирует туризм (52%), однако, значительная доля студентов выезжали за рубеж для работы (20%) и учебы (14%).

Финансирование учебы за рубежом чаще всего берут на себя родители (69%). Самостоятельно финансируют свои поездки за границу около 14% студентов. В основном это молодые люди, выезжающие с целью временной, сезонной работы. Иногда финансирование поездок осуществляет принимающая сторона (7%), в рамках официальных мероприятий, или посещения родственников.

Большая часть студентов работавших за границей была задействована в сфере услуг (53%) и торговли (21%).

Несмотря на значительную долю студентов выезжавших за рубеж с целью временной работы (20%) среди мотивов поездок желание заработать указали лишь 9% из студентов, посещавших другие страны. Большая часть респондентов этой группы стимулированы желанием путешествовать (32%) и изучением иностранного языка (29%) (рис. 1).

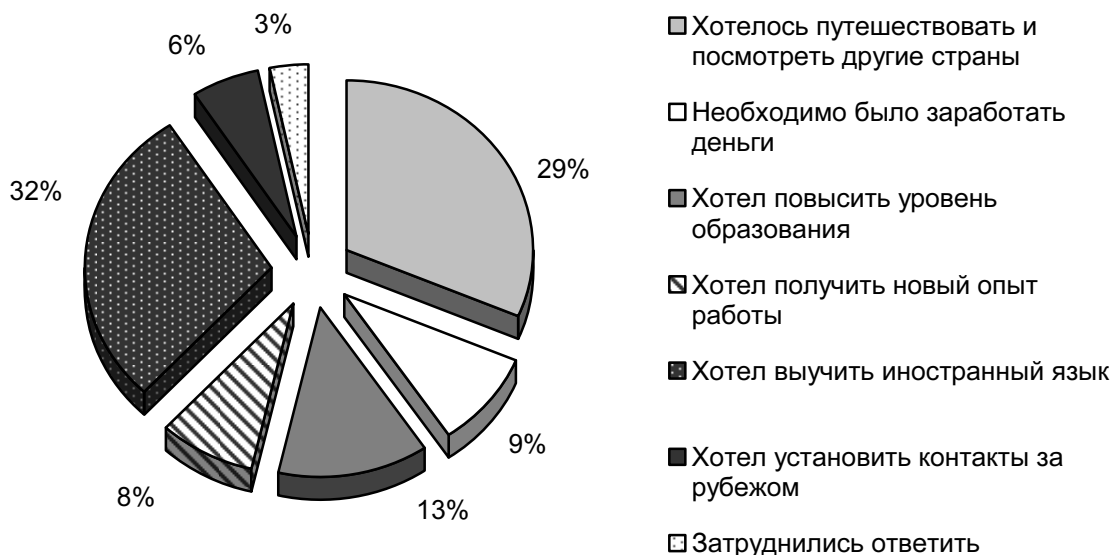

Рис. 1. Мотивация студентов, выезжавших за рубеж с целью учебы / стажировки или работы

Желание временно поработать в той или иной стране высказали многие из опрошенных (47%), видя в этом шанс посмотреть другие страны, найти друзей, получить хорошую языковую практику, возможность установить деловые отношения, а также возможность заработать (рис. 1).

Список стран, куда респонденты предпочли бы поехать на временную работу возглавляют: США (84%), Австралия (38%), Германия (24%) и Канада (22%).

Список стран, в которые респонденты хотели бы выехать для постоянного проживания, несколько отличается от предыдущего, хотя наиболее привлекательными по-прежнему являются англоязычные страны с относительно недавним историческим опытом эмиграционного заселения: США (24%), Австралия (19%), Канада (11%) и Новая Зеландия (8%). Отдельные страны с давней и особой традиционной культурой, также являются привлекательным местом для постоянного проживания.

Представление об уровне заработной платы, у студентов желающих работать за рубежом довольно размытое, и, по мнению большинства студентов этой группы (58%), диа-

пазон предполагаемой оплаты за их труд лежит в пределах от 1000 до 5000 евро в месяц (в пересчете на евро с разных валют, которые назывались респондентами).

Основными мотивами для временной работы за рубежом являются: возможность улучшить знание иностранного языка (23,6%), повышение перспектив карьерного роста, связанных с получением опыта работы за границей (21,6%), а также высокий уровень оплаты труда (19,3%).

Основным источником информации при поиске работы за рубежом для большинства студентов является Интернет (29,6%). Кроме того, в поисках работы им часто помогают знакомые и родственники (25,8%), а многие студенты (23,3%) используют личные контакты установленные за рубежом во время предыдущих поездок.

На решение о поиске работы за рубежом, с возможной последующей эмиграцией, влияют многие факторы. В первую очередь это: отсутствие хорошо оплачиваемой работы у себя на Родине (26%), наличие контракта для работы по специальности в иностранной компании (23%) или контракта для работы по другим специальностям (18%). Значительная часть студентов, настроенных на поиск работы за рубежом, планирует сделать это, не зависимо от наличия контрактов, и в любом случае попытаются уехать на работу за границей (23%).

Интересно отметить, что для студентов, принявших участие в исследовании, наличие интересной работы и работы по специальности гораздо менее важно, чем уровень заработной платы. Таким образом, можно сделать вывод, что уровень оплаты труда является доминирующим фактором, влияющим на решение о поиске работы за рубежом и многие молодые специалисты готовы работать по любой специальности при условии высокой заработной платы.

Можно отметить, что в сумме указанных мотивов стабильность, уверенность в завтрашнем дне и общее благополучие жизни в привлекательных для респондентов странах, значительно превышает мотив высокой заработной платы. Возможность карьерного роста мотивирует лишь 8,1% из числа желающих эмигрировать в другую страну для постоянного проживания).

Основными причинами эмиграционного настроения студенты считают низкую заработную плату (28,7%), социальную и политическую нестабильность (25,9%), так же отсутствие безопасности (17,6%) и неуверенность за будущее своих детей (9,3%) (рис. 2).

Рис. 2. Факторы, определяющие желание эмигрировать из страны

Однако результаты исследования показывают, что значительная часть студентов желающих искать работу за рубежом с возможной последующей эмиграцией на постоянное место жительства, готовы пересмотреть свои планы и остаться для работы в регионе. Наиболее важным для этого является наличие хорошо оплачиваемой работы с перспективами карьерного роста и приносящей удовлетворение.

Уровень заработной платы, который способен удовлетворить молодых специалистов на первом этапе их карьерного роста после окончания вуза лежит в пределах от 1000 до 3000 евро в месяц (в пересчете на евро с разных валют, которые назывались респондентами). Это заметно ниже ожиданий от уровня заработной платы за границей, однако значительно превышает текущий уровень средней заработной платы в регионе и в целом по России.

Средний желаемый уровень заработной платы молодого специалиста на отечественном предприятии, составил 1584 евро (по всей выборке). По мнению студентов, планирующих искать работу за границей, средний уровень заработной платы должен составлять 2157 евро. Это заметно выше среднего желаемого уровня по всей выборке участников исследования, но ниже уровня ожидаемой заработной платы за границей (рис. 3).

По мнению опрошенных для сокращения эмиграции молодых специалистов, необходимо обеспечить достойный уровень заработной платы на отечественных предприятиях (21%), гарантировать работу молодым специалистам после окончания вуза (18%), а так же обеспечить их социальными гарантиями и жильем (18%) (рис. 3).

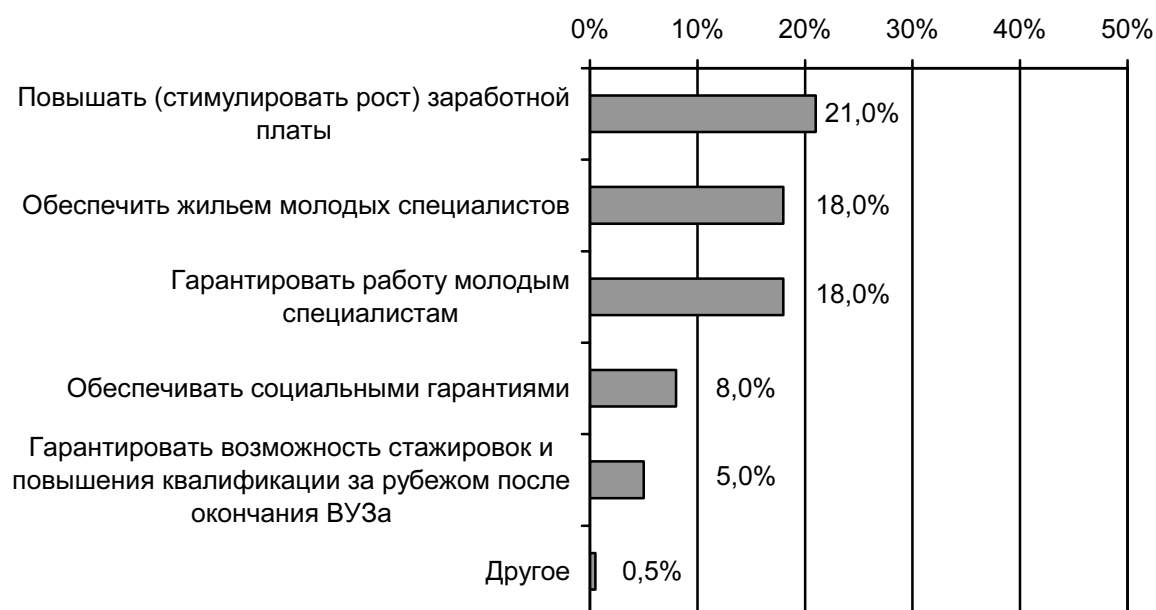

Рис. 3. Меры, способствующие снижению эмиграционных настроений

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, о наличии высокого уровня эмиграционных настроений среди студентов вузов Владивостока. Учитывая географическую близость стран АТР и повышение доступности зарубежных поездок для многих молодых людей, наличие таких настроений несет реальную угрозу повышения оттока молодых специалистов из региона. Эта проблема требует особого внимания и разработки специальных мер по повышению привлекательности жизни в Приморье для молодых людей.

Закрепление на территории края молодых специалистов, имеющих высокий уровень профессиональной и языковой подготовки, активную жизненную позицию и желание улучшить свою жизнь, является важной задачей. Эмиграция за рубеж и миграция в центральные регионы России наиболее перспективной части молодого населения Приморья способна нанести ощутимый урон экономике региона, и эта проблема требует серьезного изучения и внимания со стороны государственных органов и общества в целом.

Список литературы:

1. Безруков И.С. Актуальные проблемы использования иностранной рабочей силы в экономике Дальнего Востока // Дальневосточный международный экономический конгресс. В 8 т. Развитие населенческого потенциала Востока России. Т. 2. – Хабаровск: ДВО РАН, 2006.

2. *Безруков И.С., Юрова Т.В.* Влияние рынка образовательных услуг КНР на рынок труда Приморья в перспективе до 2012 г. // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009.
3. *Переслегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М., 2006.
4. *Малах И.* К вопросу об «утечке умов» из России во второй половине 1990-х гг. // Мир в зеркале международной миграции: сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2002.
5. International migration and development // Report of the Secretary General / UNGA. – 2006. – 18 May.
6. Two current issues facing developing countries // World Economic Outlook IMF. – 2005. – Apr.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Бойко А.Н.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ
НАСЕЛЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

За годы аграрной реформы личные подсобные хозяйства (ЛПХ) населения Дальневосточного федерального округа стали наиболее устойчивой формой хозяйствования в системе аграрной экономики. Рост удельного веса личных подсобных хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции свидетельствует не только о вынужденной необходимости вести хозяйство, но и о наличии неиспользованных резервов, требующих пристального внимания к этому сектору со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

Состояние и размеры личных подворий напрямую связаны с уровнем удовлетворения потребностей, которые в свою очередь зависят от социально-бытовых условий жизни на селе, степени развития крупного сельскохозяйственного производства и его взаимосвязей со всеми хозяйствующими субъектами, возможностями реализации излишков выращенной продукции, а также уровнем государственной поддержки.

В 2008 году на долю личных подсобных хозяйств Дальнего Востока приходилось 75,9% всей валовой продукции сельского хозяйства в действующих ценах, а растениеводческой продукции – 90,2%. Доля хозяйств населения в Хабаровском крае в 2008 году составляла 75,9% против 28,0% в 1990 году (табл. 1). Несмотря на высокий удельный вес, сохраняется низкая эффективность развития личных подсобных хозяйств сельского населения. Это связано со слабой материально-технической базой подворий.

Площадь пашни в личном пользовании граждан за период 1990–2008 гг. увеличилась по краю в 1,5 раза. Практически во всех территориях Дальнего Востока (Хабаровский край не стал исключением) основными культурами являются картофель и овощи, так как

население независимо от природных условий из-за низких доходов и роста цен стремится к самообеспечению этими продуктами. За период с 1990 по 2009 гг. в личных подсобных хозяйствах края отмечается устойчивый рост производства картофеля и овощей. В них производится 92,8% картофеля и 94,4% овощей.

Таблица 1

Удельный вес хозяйств населения в общем объеме производства продукции сельского хозяйства (в фактических ценах), %

Регион	1990	1995	2000	2002	2004	2006	2008
ДФО	22	46,0	69,0	68,0	67,3	66,6	60,5
Хабаровский край	28	49,6	68,2	70,2	71,5	72,1	75,9

В процессе реорганизации крупных предприятий, при сокращении реализации молодняка скота и птицы населению, росте цен на корма в хозяйствах населения стало резко уменьшаться поголовье скота, особенно свиней и птицы на подворьях сельских жителей. Так, в хозяйствах Хабаровского края поголовье крупного рогатого скота снизилось на 65,0%, коров – на 63,8 и свиней – на 88,2% (табл. 2). К основным причинам сокращения поголовья скота в хозяйствах населения можно отнести не только высокие затраты на содержание животных, но и старение населения, миграцию из сел трудоспособных граждан.

В районах Хабаровского края практически отсутствует система закупок у населения молочной продукции и мяса, что также способствует сокращению поголовья коров. На 100 дворов в селах Хабаровского края в 2008 году приходилось всего 4 коровы и 7 свиней против 12 и 89 голов в 1990 году.

Таблица 2

Поголовье скота в хозяйствах населения Хабаровского края, тыс. гол.

Годы	Крупный рогатый скот	в т. ч. коровы	Свиньи	Овцы и козы
1990	29,7	13,0	100,0	5,1
1995	27,2	14,9	38,4	8,0
2000	22,6	13,0	19,7	7,4
2005	13,3	6,7	10,3	7,1
2007	11,6	4,7	11,0	6,3
2008	10,4	4,7	11,8	6,0

В Хабаровском крае в целях пропагандирования и обобщения передового опыта ведения личных подсобных хозяйств, вовлечения жителей сельской местности в наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции в 2007 году был проведен конкурс «Лучшее личное подсобное хозяйство года». С 2007 года выплачивается компенсация за содержание животных на подворьях – за свинью 500 руб. и корову – 1000 руб., с 2009 года выплаты незначительно увеличились – 1000 и 2000 руб. соответственно.

По данным социологического обследования проведенного в 2010 году 93,3% респондентов имеют участок для ведения личного хозяйства. Среди тех, кто не имеет подворья (6,7%) есть желающие (53,0%) им обзавестись.

В зависимости от возраста владельцев личных подсобных хозяйств меняется их отношение к своим подворьям. В возрасте до 30 лет молодежь стремится уехать из деревни в городскую местность, что пополняет армию безработных; от 31 до 45 лет происходит становление и расширение личного хозяйства; от 46 до 60 лет подворье для владельцев является не только дополнительным доходом, но и возможно единственным приложением труда, а также значительной поддержкой для детей, живущих отдельно; владельцы старше 60 лет в силу возрастных возможностей сокращают свои хозяйства до поддержания личных потребностей.

В результате обследования было выявлено, что 29,2% опрошенных в силу возрастных особенностей отказались от расширения хозяйств (72,5% в возрасте старше 60 лет и 27,5% – до 30 лет).

Основными условиями расширения личного подсобного хозяйства являются: улучшение условий сбыта продукции 19,0%, упрощение возможностей получения кредита и увеличение суммы по ним – 11,9% и 6,5% соответственно.

Обращает на себя внимание тот факт, что никто из сельских жителей края в ходе опроса не проявил желания стать фермером. Скорее всего, это связано с тем, что большинство фермерских хозяйств перешли в ЛПХ из-за отсутствия условий для развития.

Повышение удельного веса подсобных хозяйств населения в общем объеме производимой сельскохозяйственной продукции сопровождается небольшим ростом товарности в них. Но в целом хозяйства населения сохраняют в своей основной массе натуральный подсобный характер. В Хабаровском крае товарность в 2008 году составляла по молоку – 45,0%, мясу – 14,3, картофелю и овощам – 8,5% (в 2001 году – 24,8, 7,2 и 7% соответственно). Частные предприниматели и владельцы ряда крестьянских (фермерских) хозяйств осуществляют закуп сельскохозяйственной продукции от населения по заниженным ценам с целью дальнейшей переработки или продажи ее на рынках.

В перспективе личные подсобные хозяйства населения будут развиваться как многоотраслевые хозяйства, удовлетворяющие потребности семьи не только в продуктах питания, но и дополнительном денежном доходе при реализации значительной части выращенной продукции на организованном рынке.

Хозяйства населения могут трансформироваться в хозяйства различных типов – от потребительского до предпринимательского, обеспечивая при этом устойчивое развитие. Как показывают социологические опросы, 49% сельских жителей региона используют хозяйства как дополнительный источник и занятости, и дохода, т. е. обеспечивается вторичная занятость. Сохраняется возможность профессиональной ориентации молодежи.

Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» и Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственного производства, сырья и продукции на 2008–2012 гг. создали возможности получения субсидированных кредитов, позволяющих в значительной степени изменить положение, а в ряде случаев создать мелким товаропроизводителям условия для наращивания объемов производства, гарантированного сбыта продукции, повышения качества продукции и уровня товарности хозяйства, облегчения условий труда и повышения его производительности.

В связи с множеством факторов, влияющих на результаты функционирования личных подворий, обоснование параметров хозяйств, имеющих перспективы развития и обеспечивающих самозанятость сельского населения в современных условиях, приобретает принципиальное значение. Только жизнеспособные товарные хозяйства могут получить, а главное, возратить субсидированный кредит. В таком случае бюджетные средства, направленные на развитие личных подсобных хозяйств будут использованы эффективно.

Перспективы развития личных подсобных хозяйств различных типов будут определяться, на наш взгляд, прежде всего, объективными условиями, а также различными мерами государственной поддержки под определенные программы. Поддержка хозяйств населения может осуществляться по двум направлениям: первое – прямая поддержка региона (края, области) непосредственно хозяйств населения через различные программы, второе – поддержка через коллективные хозяйства. Оказание поддержки владельцам подворий позволит увеличить производство высококачественной и экологически чистой сельхозпродукции и повысить жизненный уровень населения, эффективность всего сельскохозяйственного производства и сохранить его потенциал.

В процессе реализации Государственной программы развития сельского хозяйства часть личных подсобных хозяйств товарного типа может трансформироваться в хозяйства

предпринимательского типа. Оптимальный возраст владельцев таких хозяйств – 30–50 лет. При этом данные хозяйства могут иметь предельно допустимый размер обрабатываемой земли и получать доходы выше прожиточного минимума в 1,7–2,4 раза. Они будут обеспечивать занятость и создадут приемлемые условия жизни, что, в свою очередь, отразится на увеличении объемов сельскохозяйственной продукции и создаст предпосылки для закрепления молодых семей в сельской местности. Но без мер государственной поддержки, организации сети кооперативов и реализации приоритетных направлений национального проекта они окажутся нежизнеспособными. Принимаемые на федеральном и региональном уровне меры предполагают улучшение возможностей получения субсидированных кредитов, позволяющих в значительной степени изменить положение, а в ряде случаев создать мелким товаропроизводителям условия для наращивания объемов производства, гарантированного сбыта продукции, повышения уровня товарности хозяйства, облегчения условий труда и повышения его производительности. Однако, как показали обследования, ими смогут воспользоваться 15–20% хозяйств, из них хозяйств предпринимательского типа будет не более 5–7%.

Рост производства продукции в личных подсобных хозяйствах в перспективе возможен при техническом перевооружении, внедрении новых технологий, сортов сельскохозяйственных культур, пород скота и птицы. В значительной мере устойчивое функционирование хозяйств населения будет связано с объемом производственных услуг, которые смогут им оказывать сельхозпредприятия, кооперативы и предприниматели.

Личные подсобные хозяйства сельского населения в будущем не утратят своей роли. Удельный вес хозяйств населения в 2015 г. в общем объеме производства картофеля составит около 96,0% а овощей – чуть больше 80%. Производство картофеля и овощей прочно закрепится в хозяйствах населения.

В связи с сокращением численности сельского населения, изменением его возрастной структуры и высокими затратами на содержание животных к 2015 г. поголовье крупного рогатого скота по сравнению с 2008 г. сократится на 5,2%, в том числе коров – 10,6, свиней – 37,7, овец и коз на 8,9% и составит соответственно 110; 59; 60 и 51,0 тыс. голов. По сравнению с 2008 г. производство молока уменьшится по южным территориям к 2015 г. на 8,2%, сокращение производства мяса скота и птицы составит 3,0%, производство яиц за анализируемый период снизится на 2,8%. Причины связаны с сокращением численности сельского населения, изменением его возрастной структуры, а также высокими затратами на содержание животных.

При обосновании перспектив развития личных подсобных хозяйств предусматривается необходимость стимулирования их связей не только с сельскохозяйственными

предприятиями, но также с заготовительными и перерабатывающими предприятиями и организациями. Вступать в производственно-экономические отношения могут не только отдельные самостоятельные владельцы подворий, но и товарищества, союзы добровольно объединившихся граждан. В этом случае наибольшими возможностями для эффективной организации интеграции обладают именно заготовительные и перерабатывающие организации, чтобы владельцы хозяйств имели надежный рынок сбыта.

Таким образом, состояние личных подсобных хозяйств населения и перспективы их развития зависят от влияния различных процессов, происходящих в экономике страны и аграрном секторе в целом. Изменения в экономической политике, поддержка в разных формах могут способствовать улучшению деятельности личных подсобных хозяйств, повышению заинтересованности в его ведении, закреплению сельского населения при опережающем росте доходов сельских жителей в расчете на члена семьи не менее прожиточного минимума.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Грицко М.А.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОЛГОСРОЧНОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹**

Россия и ее регионы уже достаточно длительное время находятся в острой фазе демографического кризиса. Еще в 60-е гг. прошлого столетия уровень рождаемости в стране опустился ниже границы простого воспроизводства населения. При этом численность пожилых людей была невелика, что оказывало непосредственное влияние на показатели смертности. Подобная динамика позволяла сохранять положительный естественный прирост населения, в связи с чем, депопуляция населения вплоть до 1992 г. носила скрытый характер. С начала 1990-х гг. естественный прирост сменился убылью населения, что означало переход к более опасной фазе демографического кризиса. Последствия убыли населения до настоящего времени смягчались благоприятными изменениями в возрастной структуре населения, что положительно влияло на рост рождаемости и снижение смертности в последние годы. Однако, структурные резервы исчерпаны, в связи с чем демографический кризис переходит на новую еще более опасную стадию. Среди главных демографических вызовов, определяющих будущее социально-экономическое развитие российских регионов, будут нарастающая естественная убыль населения, и как следствие продолжение сокращения населения, быстрая естественная убыль населения в трудоспособном возрасте, рост демографической нагрузки на трудоспособное население, сокращение числа потенциальных матерей, старение населения, большой приток иммигрантов и возможное увеличение эмиграции [1, с. 12].

¹ Статья подготовлена при поддержке проектов ДВО РАН № 09-И-П24-0 и 09-И-П28-02

Основной задачей демографического прогноза в складывающихся условиях выступает не точная количественная оценка численности населения через 40 лет, а рассмотрение наиболее вероятных границ демографических трендов, в пределах которых будут происходить изменения.

Демографическое развитие Дальнего Востока всегда отличалось от общероссийских тенденций в силу особенностей освоения и заселения территории, социально-экономической динамики и условий проживания населения. В советские времена, благодаря мерам государственной политики, в регионе были созданы более высокие стандарты уровня жизни, притягивающие трудоспособное население. Однако, с началом радикальных экономических преобразований и ослаблением внимания со стороны федеральных властей к региону Дальний Восток начал быстро терять население. С 1993 г. регион находится в режиме депопуляции населения. К началу 2010 г. численность дальневосточников сократилась более чем на 20% по сравнению с 1991 г., когда была зафиксирована максимальная численность населения в Дальневосточном федеральном округе (ФО) (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения, тыс. чел., на начало года

Территория	1991	2010	Убыль населения за период 1991–2010 гг., тыс. чел.	Сокращение населения за 1991–2010 гг., %
Российская Федерация	148 273,7	141 914,5	–6359,2	–4,3
Центральный ФО	38 154,9	37 118,0	–1036,9	–2,7
Северо-Западный ФО	15 311,0	13 437,1	–1873,9	–12,2
Южный ФО	21 017,7	22 968,4	1950,7	9,3
Приволжский ФО	31 837,3	30 109,4	–1727,9	–5,4
Уральский ФО	12 747,6	12 280,1	–467,5	–3,7
Сибирский ФО	21 141,6	19 561,1	–1580,5	–7,5
Дальневосточный ФО	8063,6	6440,4	–1623,2	–20,1

Столь масштабные потери населения на Дальнем Востоке обусловлены, в первую очередь, миграционным оттоком населения. При этом данный фактор можно считать отличительной особенностью Дальневосточного федерального округа, поскольку это единственный регион, в котором естественная убыль населения усугубляется отрицательным миграционным сальдо. Так, динамика демографических показателей в целом по стране и в разрезе федеральных округов за период 1991–2010 гг. свидетельствует, что сокращение

населения в большей степени обусловлено низкой рождаемостью и высокой смертностью, тогда как миграционный прирост населения позволяет сгладить эту негативную тенденции. Подобная картина характерна для всех федеральных округов, за исключением Дальневосточного (рис. 1). В целом за указанный период сокращение населения произошло на всех территориях страны. Отрицательное миграционное сальдо отмечалось в трех округах – Северо-Западном, Сибирском и Дальневосточном. При этом из общего сокращения населения на Дальнем Востоке на долю миграции пришлось более 86%, тогда как в Северо-Западном округе – 11%, а в Сибирском – 23%.

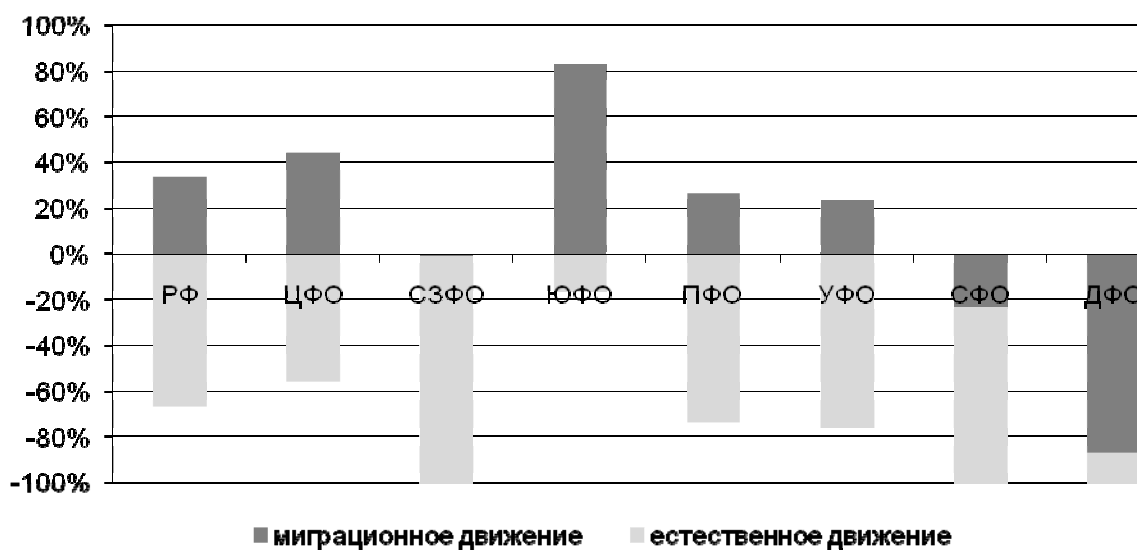

Рис. 1. Естественное и миграционное движение населения за период 1991–2010 гг.

В разрезе дальневосточных субъектов РФ сокращение населения происходит повсеместно, однако характер воздействия отдельных компонентов на общий итог различен. Так, в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе благодаря высокой рождаемости, обеспечивающей простое воспроизводство населения, с 1990 г. по настоящее время наблюдается положительный естественный прирост. В Хабаровском и Приморском краях основной причиной убыли населения выступает низкая рождаемость и высокая смертность, на долю миграции приходится немногим более 30%. В остальных субъектах РФ сокращение населения обусловлено, прежде всего, масштабным оттоком населения в другие регионы страны и за рубеж. Так, например, в Магаданской области более 95% убыли населения было вызвано миграционным оттоком.

Необходимо заметить, что благоприятная возрастная структура населения на Дальнем Востоке при существующем уровне смертности могли бы обеспечить простое воспроизводство населения и при более низких, чем критический уровень, значениях коэф-

фициента суммарной рождаемости. Так, в 2009 г. при фактическом значении суммарного коэффициента рождаемости на Дальнем Востоке 1,575 численное замещение поколений произошло бы и при более низком значении – 1,572 (рис. 2).

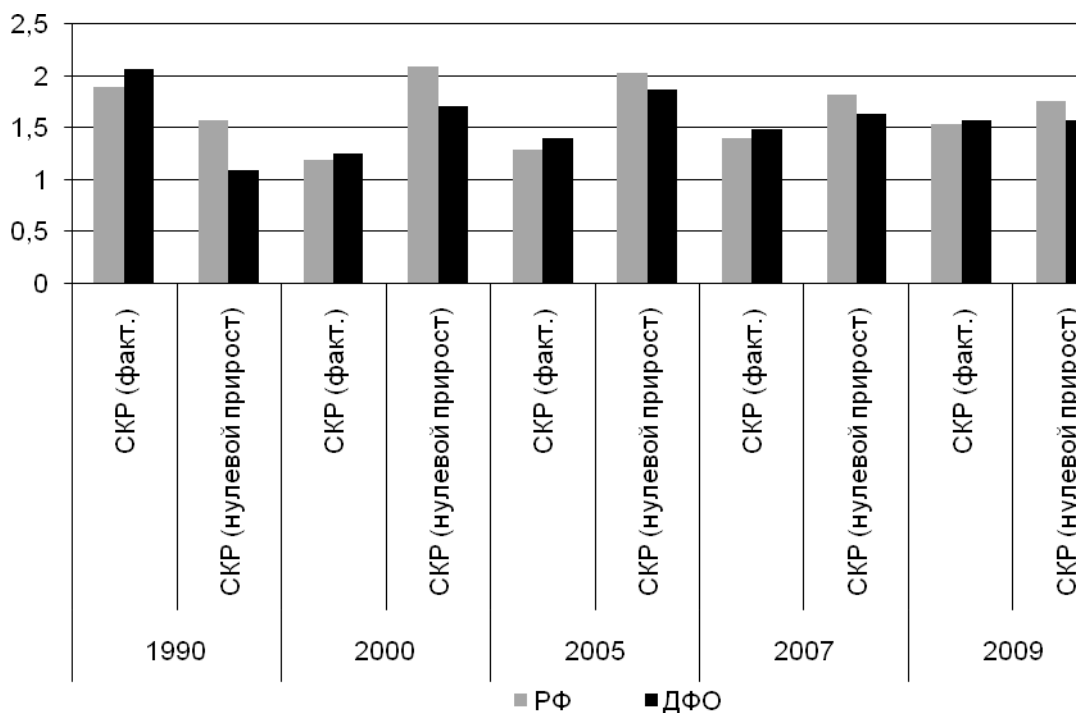

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости (фактическое значение и обеспечивающий нулевой естественный прирост населения)

Таким образом, демографические тенденции последних 20 лет не дают достаточных оснований для прогнозирования роста численности населения в регионе. Сокращение населения продолжится и в дальнейшем.

Прогноз численности населения до 2050 г. осуществлялся по двум сценариям. Первый исходил из предположения о сохранении в прогнозном периоде демографических показателей на уровне базового 2007 года. По второму сценарию принималась гипотеза об изменении уровня рождаемости под влиянием трансформации численности и структуры женского репродуктивного контингента, а также принимаемых Правительством РФ мер по стимулированию рождаемости и поддержанию материнства и детства. В отношении смертности предполагалось постепенное ее сокращение благодаря государственной политике по развитию современной системы здравоохранения и пропаганде здорового образа жизни. Половозрастные коэффициенты миграционного движения сохранялись на уровне базового года. Абсолютная величина сальдо миграции и общий коэффициент миграционного прироста в этом случае менялись в связи с изменениями в половозрастном составе и численности населения.

Согласно прогнозным расчетам, численность населения Дальнего Востока к 2050 году может составить от 4,1 млн чел. до 5,1 млн чел., что меньше уровня 2010 г. на 36,1% по первому сценарию и на 21% по второму (рис. 3).

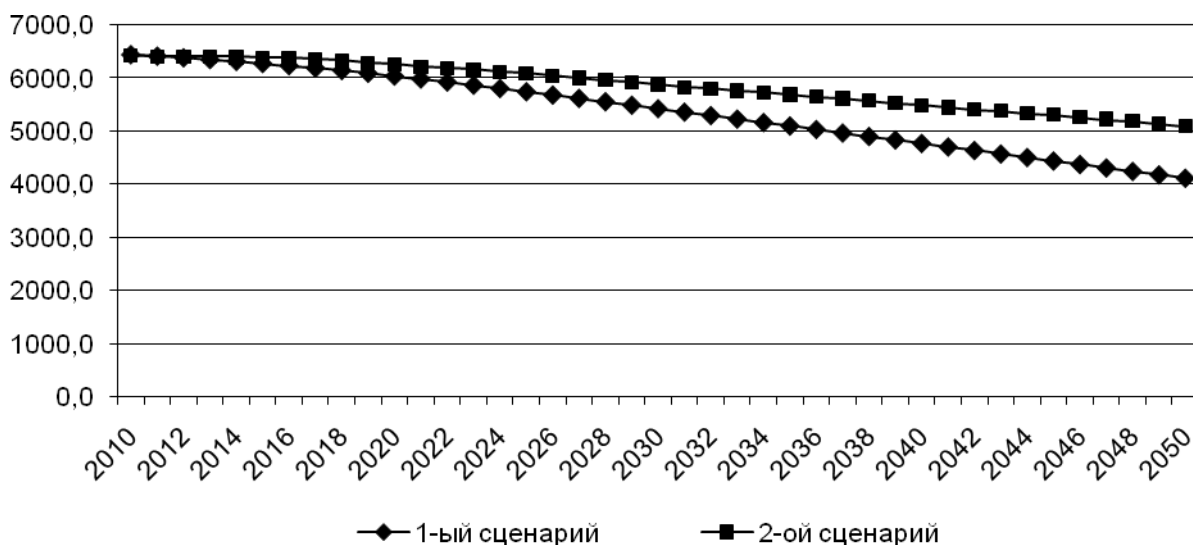

Рис. 3. Прогноз численности населения Дальнего Востока

При этом дальнейшее снижение рождаемости обусловит сохранение тенденции старения населения и трансформации возрастной структуры в сторону уменьшения удельного веса трудоспособного населения. К 2050 г. доля трудоспособного населения может составить от 46,7% (по второму) до 53% (по первому сценарию) (рис. 4).

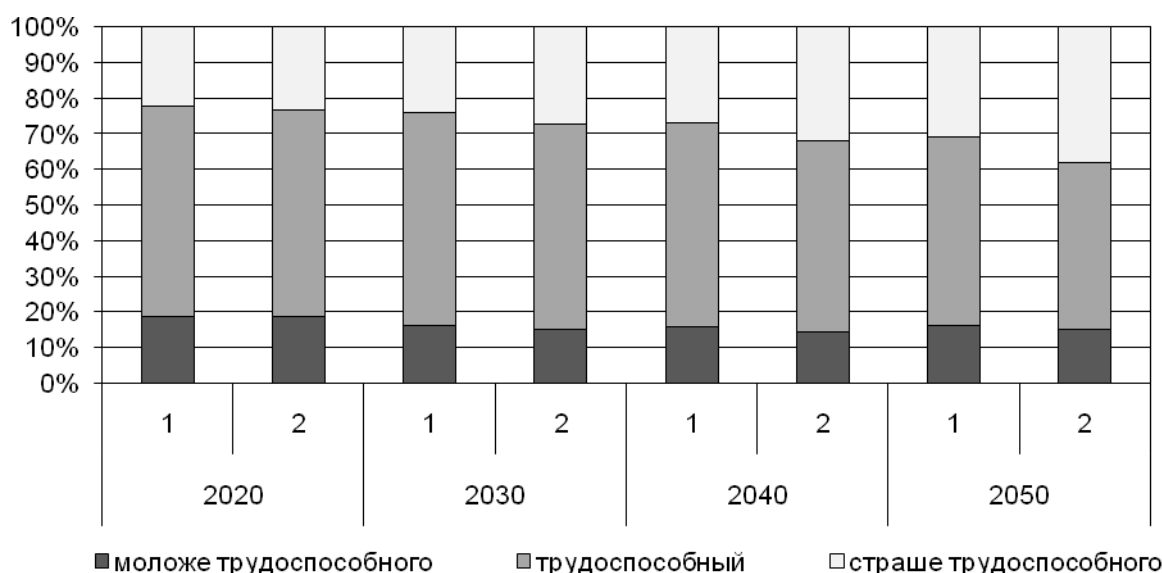

Рис. 4. Возрастная структура населения Дальнего Востока

Сокращение в перспективе возрастных групп моложе трудоспособного и трудоспособном возрасте грозит сокращением объема потенциальных трудовых ресурсов в регионе, необходимых для обеспечения квалифицированными кадрами экономического роста Дальнего Востока. Рост численности населения старших возрастов приведет к увеличению нагрузки на трудоспособное население: до 581 чел. по первому варианту прогноза и до 814 чел. по второму.

В заключении необходимо отметить, что сокращение численности населения на Дальнем Востоке может стать серьезным ограничением социально-экономического развития округа в перспективе. В этой связи объективную необходимость приобретает принятие дополнительных мер, направленных на привлечение и закрепление населения. Современная социально-экономическая ситуация на Дальнем Востоке характеризуется более низкими темпами роста доходов населения при опережающем темпе роста потребительских цен и тарифов на услуги естественных монополий. В результате более низких параметров уровня и качества жизни активная часть населения трудоспособного возраста покидает регион в поисках более комфортных условий проживания. С точки зрения стратегических интересов государства по поддержанию безопасности, контролю и сохранению территории, решение данных проблем имеет первостепенное значение.

Список литературы:

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Россия перед лицом демографических вызовов. – М., 2009.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Золотова Я.В.

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ
В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ**

Торговля является исторической категорией любой общественно-экономической формации, в которой имеет место производство товаров для обмена, продажи. Поэтому почти во всех странах мира торговля рассматривается как самостоятельная отрасль экономики страны.

Состояние торговой отрасли характеризуется высокой экономической устойчивостью. В настоящее время в российской торговле создается более одной пятой национального богатства. С 1990 года ее вклад в ВВП возрос более чем в 3,3 раза и практически сравнялся с долей промышленности. Наметилась устойчивая тенденция снижения доли убыточных предприятий торговли.

Торговля является важной бюджетобразующей отраслевой системой. Существенная часть доходов бюджета формируется за счет косвенных налогов, которые являются налогами на потребление и поступают в казну государства только после реализации потребительских товаров.

Торговля занимает лидирующее положение среди прочих отраслей экономики по количеству функционирующих предприятий. Так, из более чем 38,5 тыс. единиц всех предприятий и организаций, функционирующих в Хабаровском крае на 1.01.2009 года, на долю торговли и общественного питания приходится более одной трети. Структура предприятий по отраслям экономики в последние годы характеризуется достаточной стабильностью (табл. 1).

Анализируя изменения структуры предприятий по отраслям экономики, можно констатировать, что темп прироста количества предприятий, функционирующих в сфере

торговли и общественного питания, значительно превышает аналогичный показатель по народному хозяйству в целом по отдельным отраслям экономики.

Таблица 1

Динамика структуры предприятий Хабаровского края по отраслям экономики,
в % к итогу

Отрасль экономики	2005	2006	2007	2008
Экономика, всего	100	100	100	100
промышленность	20,2	17,6	18,5	17,3
сельское хозяйство	8,2	7,1	5,0	5,3
строительство	5,9	7,5	6,7	8,4
торговля	13	14,9	14,6	14,5
транспорт	19,1	16,9	18,0	17,7
прочие отрасли	33,6	36	37,2	36,8

Основным фактором, повлиявшим на увеличение общего числа предприятий в отрасли, явился интенсивный рост числа малых предприятий, что во многом объясняется спецификой торговой деятельности.

Торговля лидирует среди других отраслей экономики не только по количеству малых предприятий, но и по численности занятых на них работников и объему произведенной продукции (табл. 2).

Таблица 2

Число малых предприятий, численность работающих и объем оборота продукции
(работ и услуг) по отраслям экономики на 1.01.2009 г.

Показатель	Число предприятий, тыс.	Среднесписочная численность, тыс. чел	Объем оборота продукции, млн руб.
Всего	6,9	73,5	136,4
торговля	4,5	47,9	88,8
прочие отрасли	2,4	25,6	47,6

В целом приведенные выше показатели показывают, что доля малых предприятий в торговле Хабаровского края составляет более 65%. Малые предприятия в сфере торговли и услуг создают наиболее выгодные и дешевые государству рабочие места. Малое предпринимательство в этой сфере создало условия для выживания значительной массы насе-

ления различных слоев населения в период проведения рыночных реформ в последние 10–13 лет, которые оказались безработными в результате реструктуризации экономики.

Представляет интерес рассмотрение изменения структуры торговой отрасли по формам собственности. Развитие новых форм хозяйственной деятельности предприятий и организаций привело к тому, что основной формой собственности стала частная. Структура предприятий по формам собственности на 1.01.2009 года характеризовалась данными, приведенными в таблице 3.

Таблица 3

Динамика структуры торговых предприятий Хабаровского края по формам собственности (в процентах к итогу)

Форма собственности	2000	2006	2007	2008
Частная	79,4	86,5	93,9	92,9
Государственная и муниципальная	9,3	7,3	4,7	3,3
Прочая	11,3	6,2	1,4	3,8

На протяжении последних лет наблюдается рост частной формы собственности и сокращение государственных торговых предприятий. Общая характеристика динамики оборота торговых предприятий позволяет отметить резкое увеличение доли оборота негосударственных торговых предприятий, начиная с 1992 года, при соответствующем снижении государственных и перемещение большей его доли в сферу малого предпринимательства. В настоящее время розничные торговые предприятия, находящиеся в государственной и муниципальной формах собственности, контролируют не более 3,3% розничного товарооборота края.

С 1992 года торговля подверглась кардинальным изменениям, деятельность предприятий отрасли приобрела форму торгового предпринимательства. Торговля в условиях рыночной экономики претерпела существенные изменения, подверглась наибольшему реформированию и сегодня она испытывает острую потребность в высококвалифицированных кадрах. По оценкам экспертов торговле в перспективе потребуется свыше 10 миллионов специалистов. В настоящее время в отечественной торговле на 100 работников приходится на около 10 человек с высшим профессиональным образованием, в то время как в США и Японии на 100 работающих в сфере обращения приходится около 60 человек.

Торговля – важнейшая сфера жизнеобеспечения населения. До 90% своих доходов население расходует на приобретение товаров и услуг на потребительском рынке. Являясь

источником поступления денежных средств (в виде торговой выручки), отрасль формирует основы финансовой стабильности государства. Основным индикатором, характеризующим состояние и особенности изменений, происходящих в торговле, был и остается розничный товарооборот (РТО), являющийся не только экономическим, но социальным результатом деятельности торговой отрасли. Начиная с 2001 года, наметилась ярко выраженная тенденция роста реального объема продаж, которая свидетельствует о реальном росте благосостояния населения края (табл. 4).

Таблица 4

Динамика объема розничного товарооборота Хабаровского края
за период 2000–2008 гг.

Показатель	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Индекс физического объема РТО (в процентах к предыдущему году)	103,7	106	111,6	106,8	110,2	113,5	115,3	107,9

Из таблицы видно, что лишь за последний год анализируемого периода наблюдается некоторое замедление темпов увеличения товарооборота, в целом же обозначилась положительная тенденция роста товарооборота.

В товарной макроструктуре (соотношение продовольственных и непродовольственных товаров) оборота преобладает доля продовольственных товаров, что можно расценивать как отрицательный сдвиг в структуре потребления (табл. 5).

Таблица 5

Динамика товарной структуры розничного товарооборота Хабаровского края за период 2000–2009 гг. (в процентах)

Показатель	2000	2006	2007	2008	2009
Доля продовольственных товаров	55,4	53,3	53,3	53,8	55,4
Доля непродовольственных товаров	44,6	46,7	46,7	46,2	44,6

Современное развитие экономических отношений характеризуется все более активным внедрением в практику хозяйствования интегрированных, крупных форм организации бизнеса. В последние десятилетие одной из новейших тенденций развития корпоративного управления стал переход к сетевым принципам организации бизнес-структур. При такой организации возникает эффект синергии, когда взаимодополнение ресурсов увеличивает совокупный потенциал бизнес-системы. Процессы возникновения бизнес-

структур, имеющих сетевую организацию, получили широкое распространение и в розничной торговле. В 2008 г. оборот торговых сетей составлял 14,6% от общего оборота торговли Хабаровского края.

Как показывает вышеприведенный анализ, отрасль торговли обладает критической значимостью для экономики Хабаровского края, качества жизни населения, обеспечения безопасности и здоровья граждан. Неэффективное или недостаточно быстрое развитие торговли может оказать негативное влияние на ключевые показатели развития Хабаровского края. Поэтому для достижения целей государства необходимо разработать Стратегию развития торговли Хабаровского края, которая позволит ясно сформулировать задачи государственной политики по отношению к отрасли, механизмы и инструменты решения этих задач, а также опишет четкий план действий органов государственной власти.

На данном этапе в Хабаровском крае действует Концепция основных направлений развития торговли Хабаровского края до 2010 года. Она включает перечень мероприятий по совершенствованию нормативно-правовой базы, развитию материально-технической базы торговли и общественного питания, формированию структуры торговли и общественного питания, обеспечению безопасности и качества товаров и услуг.

Общее исследование Концепции показало, что в ее составе предусмотрены мероприятия, способные положительным образом сказаться на отрасли торговли. Большинство мероприятий касаются вопросов обеспечения потребительского рынка края товарами, отвечающими требованиям безопасности и качества, формированию развитой системы товародвижения с применением традиционных и передовых методов обслуживания; развития материально-технической базы торговли, создания единой информационной системы торговли в крае. Однако отсутствуют мероприятия по стимулированию потребительского спроса. В частности, практически полностью отсутствуют инициативы по льготному налогообложению торговых организаций.

Мероприятия, касающиеся аспектов развития торговли в Хабаровском крае, к сожалению, нельзя назвать систематизированными и взаимосвязанными. С целью повышения эффективности предприятий торговли края, необходимо провести систематизацию принимаемых мер и, что более важно, привести эти меры в соответствие общероссийской стратегии развития внутренней торговли. Возможно, разрабатываемая Стратегия развития внутренней торговли может стать необходимым инструментом и связующим звеном, вокруг которого будут выстроены программы развития торговли в регионах.

Основной целью Стратегии развития торговли РФ на 2010–2015 годы и на период до 2020 года является создание эффективной товаропроводящей инфраструктуры, соответст-

вующей требованиям инновационного сценария развития экономики и способствующей модернизации экономики в целом.

Исходя из целей Стратегии задачами развития торговли Хабаровского края выступают:

- повышение эффективности регулирования сектора торговли;
- развитие инфраструктуры торговли;
- стимулирование развития торговли в малых и отдаленных населенных пунктах;
- снижение кадрового дефицита в торговле;
- обеспечение необходимого уровня конкуренции;
- поддержка развития малого и среднего бизнеса без ограничения развития сетей;
- стимулирование развития удаленных каналов продаж.

Отмеченные направления стратегического развития торговли Хабаровского края позволят в дальнейшем эффективно решать социально-экономические проблемы экономики и будут стимулировать развитие производства в целом.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Марков Д.Н., Шарко Е.Е.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Основным документом, которым необходимо руководствоваться при разработке стратегических направлений, является «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года» (Стратегия). Реализация ее должна обеспечить вклад туристской индустрии в решение следующих общенациональных задач современной России: создание условий для динамичного и устойчивого экономического развития за счет высоких темпов роста туристской индустрии; повышение уровня и качества жизни населения путем увеличения доступности туристских услуг; усиление конкурентоспособности российской экономики путем повышения привлекательности страны как туристского направления; обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации за счет увеличения доли туризма в валовом региональном продукте.

Обслуживание туристических потоков является выгодным и высоко рентабельным видом деятельности. Туризм обеспечивает занятость населения и приносит достаточно высокие доходы при небольших затратах. К тому же туристические ресурсы при осуществлении данного вида деятельности не тратятся и могут использоваться при грамотном подходе неограниченное количество раз.

Международная практика показывает, что повышение конкурентоспособности туристского продукта любой страны на мировом рынке может быть достигнуто при условии выделения государственных бюджетных средств, достаточных для некоммерческого продвижения туристского продукта на внутреннем и мировом рынках. Большинство европейских стран, имеющих туристские ресурсы и стремящиеся развивать туризм, вкладывают

ощутимые средства в продвижение своих стран на мировом рынке. В среднем они ежегодно составляют около 31,7 млн евро. Вложения России в продвижение своих туристических ресурсов на фоне других развитых государств являются малозначимыми (3,4 млн евро). И это при том, что Российская Федерация по площади занимает самую большую в мире территорию.

Широкая рекламная кампания туристских возможностей страны способствует росту количества иностранных и отечественных туристов, и, следовательно, росту поступлений в экономику страны. При этом следует учитывать значительный мультипликативный эффект туризма, развитие сопутствующих ему сфер экономической деятельности и рост занятости населения.

Но не только по продвижению туризма на мировых рынках Россия уступает развитым странам. К наиболее значимым проблемам, требующим пристального внимания и серьезного подхода к их решению, относятся недостаточное развитие туристской инфраструктуры и отсутствие, за редким исключением, практики создания субъектами Российской Федерации благоприятных условий для инвестиций при строительстве средств размещения и иных объектов туристского использования.

В настоящее время в нашей стране значительная часть материальной базы туризма нуждается в обновлении. Около половины гостиниц относятся к некатегорийным.

Согласно Стратегии Хабаровский край относится к регионам с недостаточным уровнем развития туристского продукта, хотя обладает значительным потенциалом для перспективного развития.

По методике, разработанной Дальневосточным научно-исследовательским институтом рынка, был определен вклад туристической отрасли в валовой региональный продукт Хабаровского края, который в 2008 г. с учетом прямых и косвенных к туризму видов экономической деятельности составил 4,68%. Только 0,38% приходится на прямые к туризму виды экономической деятельности (коллективные и специализированные средства размещения, туристические организации), остальные 4,3% были получены за счет обслуживания туристических потоков транспортом и связью (3,9%), общественным питанием (0,17%), розничной торговлей (0,15%), здравоохранением (0,05%), образованием (0,04%). Стоит заметить, что 83% от всего вклада внес международный и междугородный транспорт, что объясняется превышением выездного направления над въездным в 16 раз и преобладанием в Хабаровском крае делового и профессионального туризма (более 60%).

Для определения наиболее приоритетных направлений развития туризма Хабаровского края и выявления сильных и слабых сторон, преимуществ, недостатков туристической деятельности был проведен SWOT-анализ, в ходе которого было опрошено 24 экс-

перта. Анализом были охвачены 14 факторов, характеризующих преимущества, 11 – возможности, 13 – недостатки и 10 – угрозы. Оценка производилась по 5-ти балльной шкале.

По результатам SWOT-анализа в качестве самых важных преимуществ Хабаровского края отмечены (наличие, важность): близость Китая и стран АТР, как перспектива развития въездного иностранного туризма (4,4/4,8); большое количества заказников и заповедников (4,4/4,4); расположение Хабаровского края в южной части Дальнего Востока (4,3/4,5); нахождение на пересечении железнодорожных, автомобильных, водных путей и авиасообщений (4,3/4,9); разнообразие видов флоры и фауны, многие из которых относятся к категории эндемиков или занесены в красную книгу (4,3/4,3); наличие в г. Хабаровске международного аэропорта (4,2/4,9), судоходной р. Амур с красивой природой по берегам (4,0/4,5), большого числа пресноводных рек и озер, пригодных для рыбалки и спортивного отдыха (3,9/4,4), спортивных объектов высокого уровня, огромного количества перспективных территорий для развития экологического туризма (3,8/4,6), уникального рекреационного ресурса Шантарские острова (3,8/4,1), археологических объектов (3,8/4,3).

Низкий балл был отдан количеству специализированных средств размещения (3,3/4,4), подготовленности горных массивов, карстовых пещер, термальных источников для посещения туристами (3,2/4,3). Показатель важности говорит о их высокой значимости для развития туристической деятельности, но по факту наличия они оцениваются не высоко.

Большая часть специализированных средства размещения Хабаровского края, за исключением нескольких достаточно неплохих туристических комплексов, сейчас находится в неудовлетворительном состоянии. В санатории и профилактории население края едет в основном по профсоюзным путевкам. В редких случаях отдыхающий оплачивает пребывание в них самостоятельно. Функционирует большое число посредников и полученных специализированными средствами размещения финансов не достаточно для покрытия текущих издержек и обновления основных фондов.

В целом же преимущества Хабаровского края сосредоточены в нетронутых природных, экскурсионных, археологических туристических ресурсах, на основании которых необходимо развивать инфраструктуру.

Возможности развития Хабаровского края (вероятность/важность) эксперты связывают, прежде всего, с разработкой и реализацией специальных комплексных программ развития туризма в регионе с учетом территориальных особенностей туристических зон и районов (4,2/4,8), завершением строительства в г. Хабаровске крытого стадиона для хоккея с мячом (4,2/4,0), развитием транспортных магистралей, обеспечивающих внутрирегиональные и межрегиональные связи (4,0/4,8), строительством новых железнодорожных

веток, особенно в северной части Хабаровского края (3,7/4,4), созданием новых туристических маршрутов и оборудованием новых туристических объектов на базе природных и археологических объектов края (3,4/4,4), формированием в крае атмосферы доброжелательности, гостеприимства и безопасности (3,4/4,7), созданием современной и эффективно работающей гостиничной инфраструктуры, соответствующей международным стандартам (3,3/4,8), формированием широкой гаммы рекламно-информационного пакета, обеспечивающего продвижение туристического продукта на местных и международных рынках (3,3/4,7).

Главным инструментом реализации этих возможностей эксперты связывают с разработкой специальной программы. На сегодня в Хабаровском крае первый шаг в этом направлении уже сделан. На следующий год будет разработана краевая программа развития туризма. Важным в развитии туризма является и состояние транспортной и гостиничной инфраструктуры, которое на сегодня ниже среднего. Но необходимо учитывать тот факт, что туристы не будут активно использовать транспорт и гостиницы, если не будет доступных туристических ресурсов.

Поэтому для развития туризма в Хабаровском крае необходимо в первую очередь организовать на базе имеющихся туристических ресурсов объекты туризма и только потом под них развить инфраструктуру. Все должно сопровождаться обширной и продолжительной рекламной кампанией новых туристических продуктов на местных и зарубежных рынках. Такие капиталовложения имеют достаточно значительный срок окупаемости и рядовой предприниматель не может замораживать свои денежные средства на неопределенный срок. Поэтому затраты на их реализацию должны обеспечиваться бюджетами всех уровней.

В случае, если будут реализованы представленные выше рекомендации, недостатки, выявленные в ходе SWOT-анализа, будут постепенно сглаживаться. Эксперты выделили следующие из них (наличие / важность): удаленность края от европейской части России (4,7 / 4,6), сильно завышенная стоимость транспортных услуг (4,6 / 4,5) и услуг коллективных средств размещения (4,6 / 4,7), близость Китая и стран АТР с хорошо развитой индустрией туризма (4,3 / 4,6), слабое развитие транспортной инфраструктуры (4,3 / 4,8), высокий уровень преступности (4,3 / 4,4) и не использование в полной мере природного потенциала края (4,2 / 4,8).

В целом недостатки указывают на завышенные цены услуг транспорта и проживания, которые отпугивают потенциальных туристов. К тому же эксперты выделили, как основную угрозу в будущем, повышение стоимости транспортных (4,7 / 4,8) и гостиничных услуг (4,3 / 4,8).

Также к основным угрозам эксперты отнесли (вероятность, важность): рост загрязнения вод р. Амур и ухудшение качества питьевой воды (4,5 / 5,0), быстрый рост стоимости на товары массового потребления и первой необходимости (4,3 / 4,8), разрушение из-за старости зданий или разорение большей части специализированных средств размещения (4,3 / 4,8).

На рисунке 1 представлены схематично результаты SWOT-анализа.

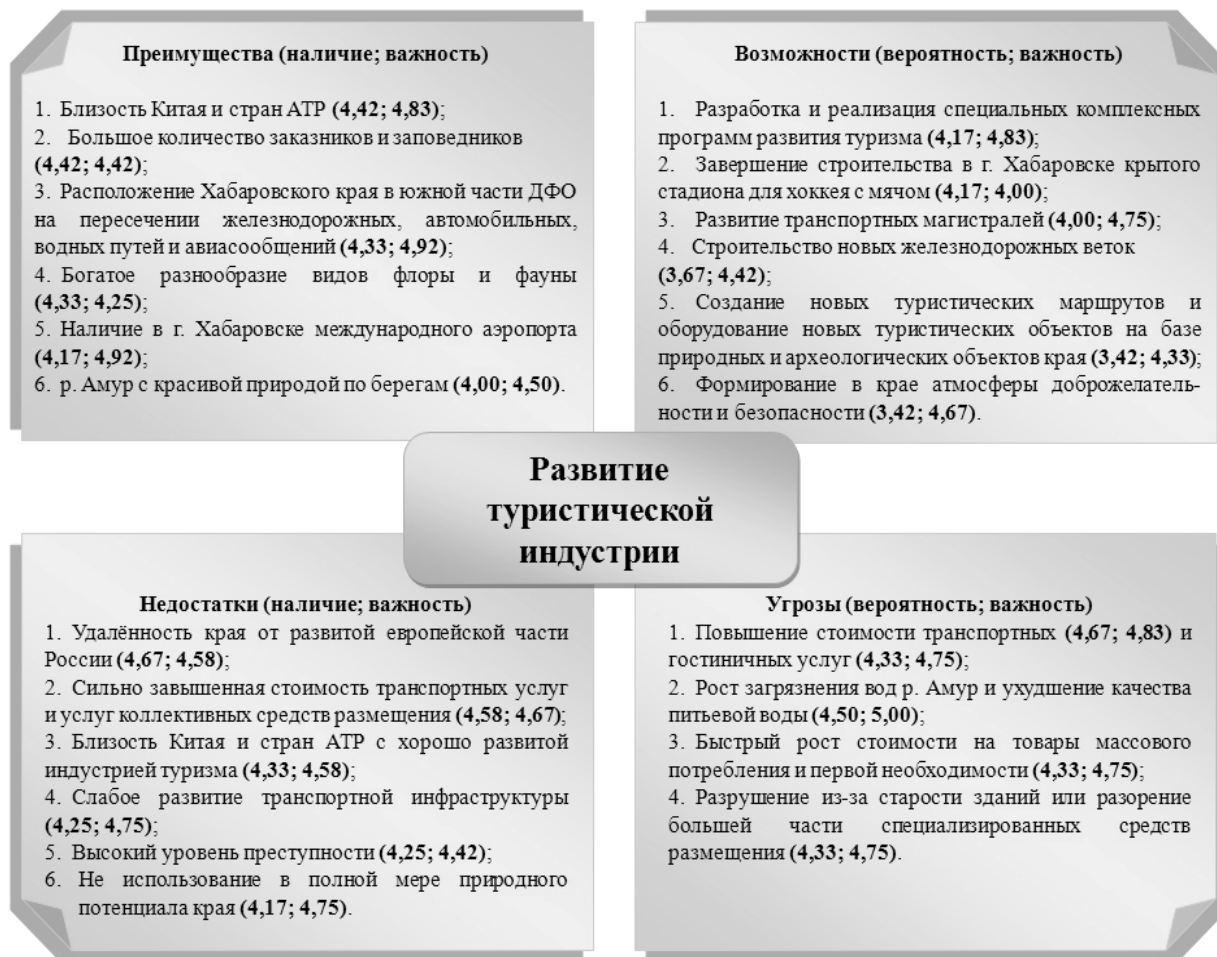

Рис. 1. Развитие туристической индустрии Хабаровского края

Основываясь на проведенном анализе можно выделить следующие стратегические направления развития туристической индустрии:

1. Разработка и реализация специальных комплексных программ развития туризма.
2. Строительство спортивных и развлекательных объектов туризма.
3. Создание новых туристических маршрутов и оборудование новых туристических объектов на базе природных и археологических объектов региона.
4. Создание современной и эффективно работающей гостиничной инфраструктуры, соответствующей международным стандартам.
5. Развитие транспортной системы (автомагистрали и железнодорожные пути).

6. Осуществление активного продвижения туристических продуктов региона на территории других государств.

7. Формирование в регионе атмосферы доброжелательности и безопасности.

Реализация этих направлений обеспечит в регионе эффективное развитие туристической индустрии, будет способствовать увеличению туристических потоков, создаст условия для развития множества смежных туризму отраслей.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Миндогулов В.В.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕГАПРОЕКТОВ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ**

Среди наиболее очевидных демографических проблем, сопровождающих процесс реализации мегапроектов в Дальневосточном регионе, является существующая депопуляция населения и отрицательное миграционное сальдо территорий региона, вызванное массовым исходом населения, и в первую очередь славянского населения, в том числе из приграничных районов и Тихоокеанского побережья российского государства в силу очевидных различий в уровне и качестве жизни с территориями европейской части Российской Федерации.

Населенческий, в первую очередь, трудовой потенциал Дальнего Востока все больше становится недостаточным для сохранения и развития оптимального количества населения на территориях формирования мегапроектов, в перспективе являющихся центрами будущего экономического прорыва в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Среди наиболее перспективных мер, позволяющих сохранить населенческие и трудовые ресурсы, имеющиеся в перспективных точках экономического роста, какими однозначно являются районы реализации мегапроектов, можно обозначить закрепление и привлечение молодежного контингента.

Наиболее перспективным в этом плане является мегапроект связанный со строительством в Амурской области космодрома «Восточный», который обеспечит мощный импульс в социально-экономическом развитии не только самой области, но и Дальневосточного региона в целом, а также позволит экономике региона создать новое направление на рынке космических услуг мирового уровня и соответствующую российскую ры-

ночную нишу для стран Северо-Восточной Азии и стран Тихоокеанского бассейна. Начатые подготовительные работы к строительству космодрома уже стимулировали приток высококвалифицированных кадров. Положено начало целевой подготовки высококвалифицированных специалистов, из числа молодежи Амурской области, для работы на космодроме в ведущих вузах России. Закреплению населения ранее депрессивных территорий Амурской области будет способствовать мультипликационный эффект от начала строительства космодрома «Восточный» в виде предстоящего формирования комплексующих предприятий строительной и транспортной отраслей в районах агломерации городов Свободный – Шимановский. Реализация проекта строительства космодрома «Восточный» позволит создать новые престижные производства на территории техноэкополиса «КАС» (Комсомольск-на-Амуре – Амурск – Солнечный). Рост экономической активности на обозначенных территориях позволит стабилизировать процесс естественного воспроизводства населения, оптимизировать миграционные процессы убытия и прибытия населения. Положительную роль в этом отношении должны сыграть наметившееся повышение уровня рождаемости и практическая реализация программ по решению жилищных проблем молодых семей.

Аналогичным мегапроектом с точки зрения закрепления имеющегося и привлечения нового населения является освоение и запуск месторождений высококачественных углей в Южной Якутии, который позволит не только нарастить экономический потенциал территорий Южной Якутии, Амурской области и Хабаровского края, но и решить вопросы создания новых рабочих мест и уменьшения оттока населения.

Приоритетное положение вопросов воспроизводства населения в регионе для реализации существующих и разрабатываемых мегапроектов обусловлено тремя основными группами факторов.

Во-первых, снижение рождаемости и режим депопуляции на территории Дальневосточного региона отмечаемые в регионе с 90-х годов XX в., как одна из составляющих воспроизводственного процесса населения на практике требуют мер экономической поддержки, особенно на уровне молодой семьи и семей с двумя – тремя детьми.

Во-вторых, повышенные темпы невосполнимых потерь населения за счет наличия параметров высокой и сверхсмертности трудоспособных и фертильных групп населения относительно других регионов России и, что особенно важно, относительно уровня пограничных с Россией государств. Специфичность, выраженная в доминировании в смертности социальных и немедицинских причин, не дает возможности в сценарные сроки подъема и развития экономики региона обеспечить необходимый демографический потенциал.

В-третьих, роль миграции как фактора демографического развития региона и своеобразного регулятора в поддержании стабильности численности ряда половозрастных групп в 1990-е годы снизилась до минимума по сравнению с 1930-ми или 1960-ми годами, когда она выступала в роли своеобразного фактора увеличения численности наиболее экономически активных и молодежных половозрастных групп.

Формирование и использование демографического потенциала территорий площадок реализуемых мегапроектов помимо общих задач воспроизводства населения настоятельно требует разработки и реализации новой региональной миграционной политики, что требует экономического расчета эффективности входа и выхода миграционных потоков не вообще в регион, а на уровне отдельных экономических территорий локального типа Северного и Южного широтных поясов экономического развития. Необходимость разработки такого подхода уже продемонстрировал полный провал программы переселения соотечественников в Дальневосточный регион, в которой данные аспекты не были отражены в полной мере..

Демографические последствия трансформации экономических отношений в российском обществе, их воспроизводственной и миграционный компонент определяют необходимость анализа изменений внутрирегионального демографического пространства под влиянием перемещения наиболее экономически активных групп населения на территории реализации мегапроектов.

Формирование и функционирование регионального экономического пространства на территориях реализации мегапроектов будет во многом определяться тем, насколько оно будет сопряжено со сферой воспроизводства трудовых ресурсов, причем, в первую очередь, в отраслях специализации региона, на территориях размещения комплексирующих отраслей с подорванной расселенческой схемой и недостаточным демографическим потенциалом.

Представляется, что уже реализуемые программы первых мегапроектов должны найти отражение в концепции нового подхода к воспроизводственным процессам населения как об многоуровневом процессе, в котором в условиях рыночной экономики значительно больше, чем прежде переплетены и взаимозависимы друг от друга правовые, экономические, этнические и другие аспекты. Достаточно обозначить такой из них как появление на территории группы экономических мигрантов из Узбекистана и Таджикистана, желающих постоянно поселиться на территории Дальнего Востока. Зарубежный опыт регулирования миграционных процессов, социального и экономического влияния миграционных групп на общую динамику населенческих процессов показывает, что принятие ре-

шения о их размещении в геополитически важных территориях, возможно только при тщательном учете воздействия на этнические и национальные интересы.

Необходимость нового содержания региональной демографической политики связана также с возможными статусами территорий реализации мегапроектов, предопределяет и обеспечение устойчивых параметров воспроизводства населения на основе адекватных сценариев развития конкретных населенческих схем, включая новые точки роста, полюса экономического роста, новые разновидности особых экономических зон, в частности, первой в России портовой экономической зоны на побережье Татарского пролива в Хабаровском крае.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Мотрич Е.Л., Сафронов М.Г

МИГРАЦИЯ И РЫНОК ТРУДА НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

Определяющее воздействие на все фазы воспроизводства трудовых ресурсов оказывает динамика демографических и миграционных процессов. Они влияют как на стадию формирования новых ресурсов труда, так и на общую их численность. Взаимозависимость между демографическими и миграционными процессами и экономическим развитием всегда была значительной. Со второй половины XX столетия такая взаимосвязь стала особенно показательной и в большей степени стала рассматриваться как важная составная часть целостной системы устойчивого социально-экономического развития государства (отдельного его региона), то есть утверждение о наличии такой тесной взаимосвязи стало практически азбучным.

Демографический кризис на российском Дальнем Востоке, сложившийся под совместным влиянием естественной убыли населения и миграционного оттока, является серьезным ограничителем расширенного воспроизводства человеческого потенциала как доминантного фактора социально-экономического развития, включающего накопленный совокупный человеческий капитал² экономически активного населения. В силу этого демографический и миграционный факторы выступают исходным этапом кругооборота – формирования, накопления и реализации человеческого (в т. ч. его составной части – трудового) потенциала общества.

¹ Статья подготовлена при поддержке проектов ДВО РАН № 09-1-П28-02, № 09-III-A-10-546, № 09-1-ООН-01.

² Человеческий капитал – это совокупность навыков, воплощенных в человеке: образование, интеллект, харизма, созидательность, опыт работы, предпринимательская энергия, или человеческий капитал – экономический паспорт [8, с. 136, 138].

Территория, занимаемая субъектами Российской Федерации на Дальнем Востоке России, составляет 36,1% площади России (сократилась на 0,75% в связи с новой демаркацией границы с КНР), проживает здесь всего 4,5% населения России. Вместе с тем, регион обладает значительными предпосылками для своего экономического развития и роста, но испытывает давление негативных факторов: слабая освоенность территории, отдаленность региона от промышленных центров страны, малонаселенность и низкая плотность населения, миграционный отток и естественная убыль населения. Получается, что предпосылки есть, и немалые, а условия для получения конечных результатов оставляют желать лучшего. Иными словами, Дальний Восток – осваиваемое, но недоосвоенное пространство. Процесс колонизации, освоения, заселения – относительно возможной емкости для населения не завершился.

Являясь динамической системой, население рассматривается в качестве неперемного условия общественного производства и как важнейший элемент народнохозяйственного механизма и реализации резервов экономического роста. От слаженного функционирования (занятости) трудовых ресурсов в целостной социально-экономической системе общественного воспроизводства, где пересекаются различные экономические и социальные интересы, во многом зависит решение основных экономических и социальных задач [2]. В связи с этим расчеты по формированию трудовых ресурсов и народонаселения в целом должны присутствовать в программах регионального развития наряду с расчетами по размещению вещественных элементов производства. Схему развития народнохозяйственного комплекса любой территории можно рассматривать только в следующем виде: производство (капиталовложения) – трудовые ресурсы – население.

Изменения в экономической и социальной жизни, привнесенные перестройкой, стали основным фактором спада производства и эрозии демографического берега Дальневосточного региона. В период 1986–1990 гг. миграция, обеспечивающая прежде прирост численности населения и необходимых трудовых ресурсов для народнохозяйственного комплекса, стала играть подчиненную роль, а в конце 1980-х годов ее значение в формировании населения региона стало уже отрицательным. В 1989–1990 гг. миграция «унесла», по имеющимся оценкам, за пределы Дальнего Востока 11,3 тыс. местного населения [4, с. 121].

Последняя максимальная численность населения на Дальнем Востоке – 8 056,6 тыс. чел. была на 1 января 1991 г. С этого времени впервые после начала его освоения русскими сокращение численности населения из-за миграционного оттока стало стабильным процессом. Для преодоления негативной тенденции в демографических и миграционных процессах в районах Дальнего Востока была принята Федеральная целевая программа

«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года», реализация которой предусматривала «развитие социальной сферы, достижение необходимых социальных нормативов, соответствующих специфике Дальнего Востока и Забайкалья», что должно было способствовать сокращению отставания Дальнего Востока и Забайкалья от среднероссийского уровня по основным макроэкономическим показателям.

Фактические итоги развития региона оказались далеки от запланированных. За период 1991 – 2009 гг. регион потерял 1616,2 тыс. чел., или 20,1% собственного населения, в том числе 222,0 тыс. чел. (13,7%) – естественная убыль и 1394,2 (86,3%) – миграционный отток. В начале 2010 г. на Дальнем Востоке проживало 6440,4 тыс. чел. [5, с. 6]. Это меньше, чем было в регионе в 1975 г. Регион находится в «лидерах» по сокращению населения среди федеральных округов РФ. В последние годы, несмотря на принимаемые меры, численность населения продолжает сокращаться. Если в целом по России за прошедший 2009 г. население увеличилось на 10,5 тыс. чел., то в ДФО сокращение составило 19,7 тыс. чел., в том числе за счет естественной убыли на 6,6 тыс. чел. (33,5%) и за счет миграции на 13,1 тыс. (66,5%) [3, с. 78; 5, с. 6; 7].

Независимо от структуры потери населения (за счет естественной убыли или миграционного оттока), очевидно, что одновременно регион теряет население в трудоспособном возрасте: естественная убыль – это недовоспроизводство трудоспособного населения; в миграционном оттоке, как правило, преобладает население в активной возрастной группе. К примеру, за 2008 г. в общей потере населения за счет миграции на долю трудоспособного населения пришлось 64,4%, а в миграционном взаимодействии с регионами России – 71,0% [9, с. 90]. Таким образом, Дальний Восток, по существу, стал донором трудоспособного населения для других федеральных округов России.

Сложившийся характер динамики населения в Дальневосточном округе является первопричиной заметного старения населения и, как следствие, его выбытию из экономически активного возраста, что влечет за собой естественное сокращение занятости на производстве и требует поиска вариантов их замещения. В год переписи 2002 г. численность населения в возрасте моложе трудоспособного составила 59,1% относительно переписи 1989 г. и превышала численность населения старше трудоспособного в 2,7 раза. В 2002 г. это превышение составило 28,1%, а в 2008 г. – всего 0,8%. Численность населения старше трудоспособного между переписями 1989–2002 гг. увеличилась на 24,9%, и его доля в структуре населения, по данным переписи 2002 г., составила 15,4% против 10,4% в 1989 г. За период после переписи населения 2002 г. (2002–2008 гг.) численность населения в трудоспособном возрасте сократилась на 85,5 тыс. чел. при некотором увеличении его доли в

структуре населения (0,7%). В будущем прогнозируется спад доли трудоспособного населения до 60,0% в 2015 г. и 57,1% в 2030 г. (рассчитано по [6, с. 18–20, 99–101]) (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения по возрастным группам и их доля в ДФО

Год	Возрастные группы					
	моложе трудоспособного		в трудоспособном		старше трудоспособного	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
2002	1321,5	19,8	4336,4	64,8	1031,4	15,4
2008	1122,4	17,3	4250,9	65,5	1113,1	17,2

Источники: [1, с. 267; 3, с. 51].

Безусловно, соотношение показателей сокращения населения и сокращения его трудоспособной части различно по отдельным субъектам Дальневосточного федерального округа (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение показателей сокращения общей численности населения и населения в трудоспособном возрасте

Территория	Численность населения			Трудоспособное население		
	2008 г. тыс. чел.	2030 г.* тыс. чел.	прирост (убыль), %	2008 г. тыс. чел.	2030 г.* тыс. чел.	прирост (убыль), %
Россия	142 008,8	139 207,4	– 2,0	89 751,6	76 277,9	– 15,0
Дальневост. ФО	6460,1	6009,4	– 7,0	4250,9	3429,8	– 19,3
Респ. Саха (Якутия)	949,8	972,4	+ 2,4	620,0	563,8	– 19,1
Камчатский край	343,5	301,5	– 12,2	236,4	179,6	– 24,0
Приморский край	1988,0	1787,8	– 10,1	1294,0	996,3	– 23,0
Хабаровский край	1401,9	1364,9	– 2,6	922,4	783,5	– 15,1
Амурская область	864,5	777,3	– 10,1	564,7	439,2	– 22,2
Магаданская область	163,0	134,6	– 17,4	113,9	78,1	– 31,4

Территория	Численность населения			Трудоспособное население		
	2008 г. тыс. чел.	2030 г.* тыс. чел.	прирост (убыль), %	2008 г. тыс. чел.	2030 г.* тыс. чел.	прирост (убыль), %
Сахалинская область	514,5	441,9	– 14,1	344,2	254,5	– 26,1
Еврейская АО	185,4	181,0	– 2,4	120,3	103,9	– 13,6
Чукотский АО	49,5	48,0	– 3,0	35,0	30,9	– 11,7

Примечание: * средний вариант прогноза.

Источники: [6, с. 18–20, 99–101; 10, с. 26–28].

Среди федеральных округов России в ДФО предполагается самый высокий показатель сокращения численности трудоспособного населения, в 2,8 раза превышающий сокращение численности населения. По сокращению трудоспособного населения лидируют в ДФО Магаданская и Сахалинская области, Камчатский и Приморский края.

Может ли миграция спасти критическую ситуацию на Дальнем Востоке по воспроизводству трудовых ресурсов? Естественно, привлечение населения для формирования и упрочения его экономически активной части в регионе в целях удовлетворения спроса на рынке труда необходимо. Вопрос – кого и откуда? Из районов России прибывает меньше, чем убывает в обратном направлении. Так в 2008 г. прибыло 39,1 тыс. чел., а убыло 65,3 тыс. чел. В результате в Дальневосточном федеральном округе, единственном среди федеральных округов России, общий коэффициент миграционного прироста имел в 2008 г. отрицательное значение (–30,5) (табл. 3).

Объемы миграции из федеральных округов России по прибытию на Дальний Восток в 2009 г. составили 22,6% относительно 1986 г. В условиях, когда Дальний Восток не сможет получать трудовые ресурсы за счет миграции из других районов России, поскольку они уже сами выступают конкурентами по привлечению населения, то, следовательно, для обеспечения народнохозяйственного комплекса ресурсами труда, регион вынужден привлекать рабочую силу из ближнего и дальнего зарубежья. На 01.01.2008 г. работало в ДФО 80,7 тыс. иностранных работников, на 01.01.2009 г. – 101 тыс. В связи с экономическим кризисом, в результате которого сократились объемы производства (часть предпри-

ятей вообще была ликвидирована), количество иностранных работников на 01.06.2009 г. в Дальневосточном регионе составило 90,0 тыс. человек¹.

Таблица 3

Динамика движения населения, тыс. чел.

Год	Прибывшие из районов России	Выбывшие в районы России
1986	146,7	66,5
1996	45,8	107,7
2008	39,1	65,3
2009	33,1	56,1

С 2006 г. действует программа содействия добровольному переселению соотечественников. За весь период реализации этой программы на Дальний Восток прибыло 155 участников (с членами семей – 352), в том числе: в Хабаровский край – 66 (с членами семей – 140); Приморский край – 56 (132); Амурскую область – 30 (77); Камчатский край – 3 (3). Наибольшее количество участников прибыло из Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Украины. К настоящему времени в ДФО эта программа реализована лишь на 4,7%.

В условиях отставания Дальнего Востока по уровню жизни, население не видит перспектив для реализации своих приоритетов и социальных установок в случае перемены места жительства в пределах России в пользу Дальнего Востока. Поэтому вполне проблематично, чтобы миграция в будущем стала составляющей прироста населения и ресурсов труда в регионе.

Список литературы:

1. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 2. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.
2. Демографические проблемы занятости / под ред. Литвякова П.П. – М.: Экономика, 1969.
3. Демографический ежегодник России. 2008: стат.сб. / Росстат. – М., 2008.
4. *Мотрич Е.Л.* Демографические тенденции // Экономика Дальнего Востока: переходный период / под ред. П.А. Минакира и Н.Н. Михеевой. – Хабаровск – Владивосток: Дальнаука, 1995.

¹ Данные УФМС России по Хабаровскому краю.

5. Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в январе 2010 года (1 часть). Сравнительные показатели социально-экономического положения регионов: стат. бюлл. № 3(64). – Хабаровск, 2010.

6. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года: стат. бюлл. / Росстат. – М., 2009.

7. Федеральная служба государственной статистики РФ. – www.gks.ru.

8. *Чарлз Уилэн*. Голая экономика. Разоблачение унылой науки. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005.

9. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008 году: стат. бюлл. / Росстат. – М., 2009.

10. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2008 года: стат. бюлл. / Росстат. – М., 2008.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Мысник В. Г., Пионтовский И.Н.

**ТРУДОВАЯ ЗАГРУЖЕННОСТЬ И НАПРЯЖЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ**

Одной из наиболее острых и определяющих проблем для российской экономики является неэффективная занятость. Она определяет, во-первых, меру отставания России от развитых стран в производительности труда, во-вторых, безработицу, скрытую от официального наблюдения, когда фактически безработные причисляются к экономически активному населению, в-третьих, несоответствие спада производства и размеров занятости (излишней рабочей силы).

Как известно, трудовой потенциал общества определяется количеством экономически активного населения, уровнем занятости, профессиональной подготовки лиц, реально участвующих в трудовой деятельности, производительности их труда. Эффективность использования человеческого потенциала страны зависит от того, как соотносятся показатели занятости на макро- и микроэкономическом уровне. В первом случае оценивается занятость трудоспособного населения в целом, во втором – трудовая загруженность работников на конкретных предприятиях. Другими словами, следует различать полную занятость населения и полную трудовую загруженность персонала.

Понятие «трудовая загруженность» не используется в социально-экономической литературе и, в частности, в статистике. Однако, на наш взгляд, это понятие не только имеет право на существование, но может и должно использоваться при рейтинговой оценке экономики и рынков труда регионов. Слово «загруженность» согласно словарю синонимов русского языка идентично слову «занятость», а, следовательно, трудовая загруженность и трудовая занятость являются синонимами. Можно высказать и предположение,

что эти два понятия имеют и некоторое отличие. Занятость населения, как нам представляется, больше характеризует количественный показатель использования трудового потенциала, а трудовая загруженность больше качественный показатель.

Для сравнительного анализа трудовой загруженности можно использовать показатель удельного веса занятого населения в экономике в общей численности постоянного населения или в численности экономически активного населения. Расчеты показывают, что этот показатель имеет значительное колебание по федеральным округам, а также по регионам одного федерального округа. На основе статистических данных нами рассчитано, что по регионам Дальнего Востока в 2008 г. трудовая загруженность населения по удельному весу занятых в экономике к общей численности населения в среднем составила 51,3%, а например, в Южном федеральном округе в 2008 г. этот показатель составил в целом по регионам 41,2%, по Сибирскому – 46,5%, по Приволжскому – 48,6%, по Северо-Западному – 49,6%, по Уральскому – 49,8%, по Центральному – 51,2%. По РФ этот показатель равен 48,3% [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что в регионах Дальнего Востока России самая высокая трудовая загруженность населения.

Формирование в России рынка труда диктует необходимость разработки политики занятости, учитывающей специфику региональной экономики, национальные особенности, менталитет населения. Это не исключает использования некоторых принципов и подходов, характерных для стратегий занятости в других странах с рыночным хозяйством, что, однако, возможно лишь при условии их адаптации к российским реалиям. Регионы РФ настолько обширны и многообразны, что анализ их экономики часто равнозначен анализу отдельной страны. Вполне понятно, что экономика и рынок труда, условия их функционирования, например, любого дальневосточного региона будут значительно отличаться от регионов других федеральных округов. И действительно, Дальневосточный федеральный округ (ДФО) самый крупный по территории (36,1% территории РФ), но плотность населения в ДФО самая низкая и составляет 1,1 человека на кв. км. Но даже в пределах регионов ДФО значительно различаются уровень занятости, денежные доходы и средняя начисленная заработная плата.

Так, например, денежные доходы и средняя начисленная заработная плата в январе – декабре 2009 г. по данным Хабаровского краевого комитета государственной статистики среди регионов ДФО были самыми высокими в Чукотском автономном округе (ЧАО) и Сахалинской области, а самыми низкими в Еврейской автономной области (ЕАО) и Амурской области.

Денежные доходы и среднемесячная начисленная заработная плата соответственно составляли в ЧАО 37 063,5 руб. и 40 979 руб., в Сахалинской области 26 652,6 и 32 527 руб., в Магаданской области – 23 895,4 и 31 937 руб., в Республике Саха (Якутия) – 21 171,7 и 25 706 руб., на Камчатке – 22 353,7 и 30 783 руб., в Хабаровском крае – 18 134,5 и

20 411 руб., Приморском крае – 15 127,7 и 18 505 руб., в Амурской области – 13 092,7 и 18 360 руб., в ЕАО – 12 934,6 и 16 462 руб. [1]. Приведенные данные показывают, что на Дальнем Востоке региональные различия в денежных доходах и средней начисленной заработной плате очень высоки. Еще более неравномерна региональная заработная плата по отраслям экономики, а также задолженность по заработной плате, которую как нам представляется, следует считать не по общей сумме задолженности в регионе, а на одного занятого в экономике. Тогда будет видна реальная задолженность региона по заработной плате. Так, на 01.01.10 г. задолженность по заработной плате в ДФО составляла 420 250 тыс. руб. из них 29 7828 тыс. руб. или более 70% в Хабаровском крае, в Магаданской области 54 833 тыс. руб., в Республике Саха (Якутия) – 21 469 тыс. руб., в Приморском крае – 17 121 тыс. руб., в Камчатском крае – 15 000 тыс. руб., в Амурской области – 10 419, в Сахалинской области – 2591 тыс. руб., в ЕАО – 989 тыс. руб. и нет задолженности в ЧАО [1]. Исходя из этих данных и оценивая рейтинг регионов, трудно сказать в каком из названных регионов положение наиболее неблагоприятное. Расчет показывает, что в Магаданской области на одного занятого приходится 777 руб. задолженности, а в Хабаровском крае только 550 руб.

Неравномерность экономического развития регионов приводит к неравномерной трудовой загруженности населения в регионах и везде она имеет свою специфику. Как показали наши расчеты, фактор заработной платы оказывает влияние на структуру занятости и трудовую загруженность населения в дальневосточных регионах.

Трудовая загруженность в регионах ДФО на начало на 1 января 2009 г. составляла: в республике Саха (Якутия) – 50,9%, в Камчатском крае – 53,9%, в Приморском крае – 49,1, в Хабаровском крае – 52,3%, в Амурской области – 49,5%, в Магаданской области – 57,0%, в Сахалинской – 57,0%, в ЕАО – 44,6% и в ЧАО – 76,6%.

Неравномерная трудовая загруженность населения регионов свидетельствует о низкой эффективности занятости и вряд ли в этих условиях можно говорить о достижении полной занятости. Принято считать, что полная занятость населения означает наличие подходящей работы у каждого трудоспособного и желающего трудиться человека. Непременное условие ее достижения – соответствие числа имеющихся рабочих мест количеству трудоспособного населения. Однако этого условия при всей его важности недостаточно. Во-первых, потому, что не учитывается samozанятость населения, рабочие места которой не всегда поддаются учету. Во-вторых, полная занятость возможна только при эффективном использовании персонала на имеющихся рабочих местах, при полной трудовой загруженности работников. Отсюда можно сказать, что занятость населения на макроуровне теснейшим образом связана с использованием каждого работника на микроуровне.

Показателем трудовой загруженности персонала предприятий, на наш взгляд, будет выступать степень использования рабочего времени, его интенсивность. Более полное использование каждым работником установленного рабочего времени – свидетельство высокой трудовой загруженности.

Полная и эффективная занятость практически не достижимы, хотя теоретически это можно допустить. При оценке полной и эффективной занятости, на наш взгляд, необходимо учитывать экономические интересы не только работодателя, но и самого работника, поскольку они существенно различаются по своему содержанию и ожиданиям. Так, для работодателя конечным результатом являются трудовая загруженность каждого работника, его выработка, загрузка оборудования, уровень использования производственных ресурсов, влияющие на величину его доходов и прибыли. Для работников – размер оплаты труда и уровень доходов, включая социальные блага, которые ему предоставляет работодатель. Во всех случаях, если зарплата на рабочем месте окажется ниже реального прожиточного минимума, то, такую занятость нельзя признать эффективной.

Ситуация в области занятости объективно обуславливает необходимость усиления государственного вмешательства, предполагающего разработку концепции регулирования рынка труда в федеральном округе и региональных программ занятости. Региональные программы в части создания и сохранения рабочих мест должны учитывать прогноз социально-экономического и демографического развития региона в целом. Большое значение в этой связи приобретает составление социальных кадастров, содержащих основные показатели социально-экономического положения региона, т. к. региональные программы занятости должны отражать такие основные стороны социально-экономической политики, как состояние производственного и профессионального потенциала региона, его место и перспективы развития.

На наш взгляд, показатели трудовой загруженности населения регионов можно использовать при рейтинговой оценке работы региональных органов в области труда и занятости, а также при разработке региональной экономической политики.

Список литературы:

1. Основные показатели социально-экономического положения регионов Дальневосточного федерального округа в январе – декабре 2009 года: стат. бюл. № 12. – Хабаровск, 2010.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009 / Росстат. – М., 2009.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Найден С.Н.

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
ТЕНДЕНЦИИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ¹**

По качеству жизни и развитию социальной сферы Дальний Восток – регион больших контрастов, связанных с различной освоенностью территории, плотностью населенных пунктов и транспортными связями, что оказывает непосредственное влияние на доступность услуг социальной сферы. Суммарная численность населения Дальнего Востока составляет более 6,4 млн чел. (4,5% от общей численности населения Российской Федерации). За период 1991–2009 гг. субъекты Российской Федерации, расположенные на территории Дальнего Востока, потеряли полтора миллиона человек, из которых на миграционный отток пришлось более 1,3 млн человек.

Сдерживающим фактором для Дальнего Востока в плане сохранения местного населения и закрепления мигрантов является неудовлетворительное решение проблемы бедности работающего населения. В 2009 г. по сравнению с 1995 г. номинальная заработная плата в экономике ДФО выросла в 25,8 раза, а в среднем по России в 36,6 раза [4; 5]. Если в целом по стране реальная зарплата выросла за этот период в 3,4 раза, то для дальневосточников рост составил только 2,7 раза (рис. 1).

Заработная плата остается основным источником формирования доходов населения дальневосточных районов страны, а в Корякском и Чукотском автономных округах ее доля в доходах трудоспособного населения достигает 80%. Недостаточный уровень социально-экономического развития субъектов, неразвитость производственной и финансовой

¹ Работа подготовлена при поддержке проектов № 09-И-П28-02, 09-И-П24-01.

инфраструктуры, сравнительно низкий уровень развития предпринимательской деятельности объективно ограничивают возможности получения населением альтернативных видов доходов. Поскольку Дальний Восток традиционно является одним из самых дорогих в России районов, рост потребительских цен здесь был выше средних по стране в дореформенный период и в течение всего реформенного периода.

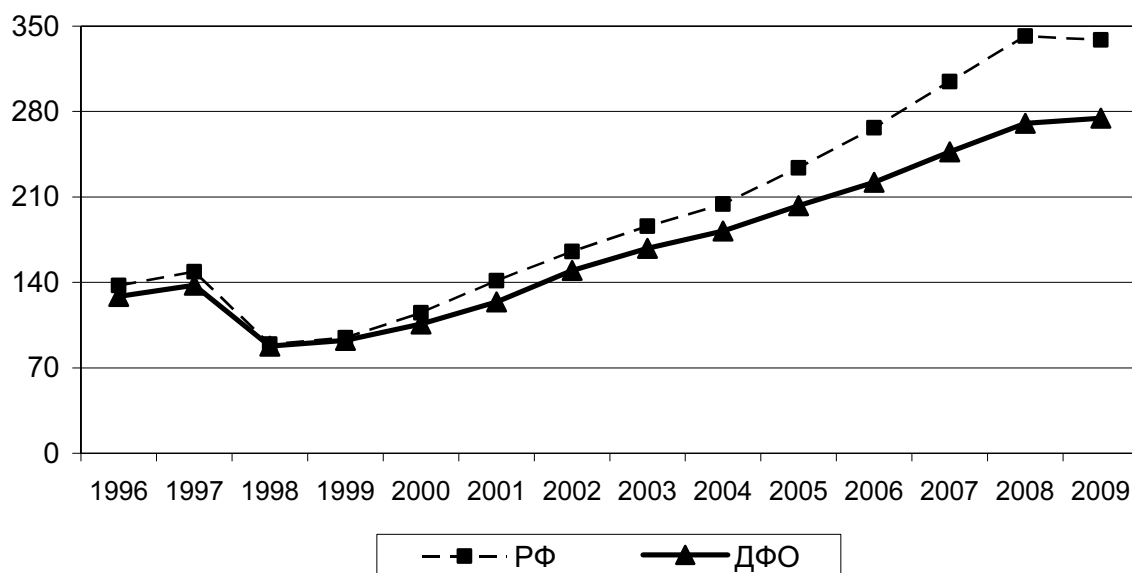

Рис. 1. Индекс реальной заработной платы в экономике РФ и ДФО за период 1996–2009 гг., в % к 1995 г.

Общий рост потребительских цен в 2009 г. по отношению к 1995 г. при среднем показателе по стране 1164,8% был ниже только в Республике Саха (Якутия) (847,3%), Приморском крае (1002,2%), Амурской области (1016,8%) за счет развития собственной продовольственной базы и региональной политики сдерживания роста цен. Во всех остальных субъектах Федерации Дальнего Востока цены росли значительно быстрее средних по стране, особенно в Чукотском автономном округе – 1986,5%, что в 1,7 раза превышает средний по России показатель. В результате повышенной стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в первую двадцатку самых дорогих регионов страны попадают все дальневосточные субъекты (рис. 2).

Лидирующие позиции занимает Чукотский автономный округ, где стоимость потребительского набора почти в 2 раза выше, чем в среднем по России. Необходимо отметить, что, начиная с 2003 года, в большинстве субъектов ДФО цены на продовольственные товары росли со скоростью выше средней по стране. В результате покупательная способность среднедушевых доходов населения Дальнего Востока оказывается ниже, чем в среднем по России (табл. 1).

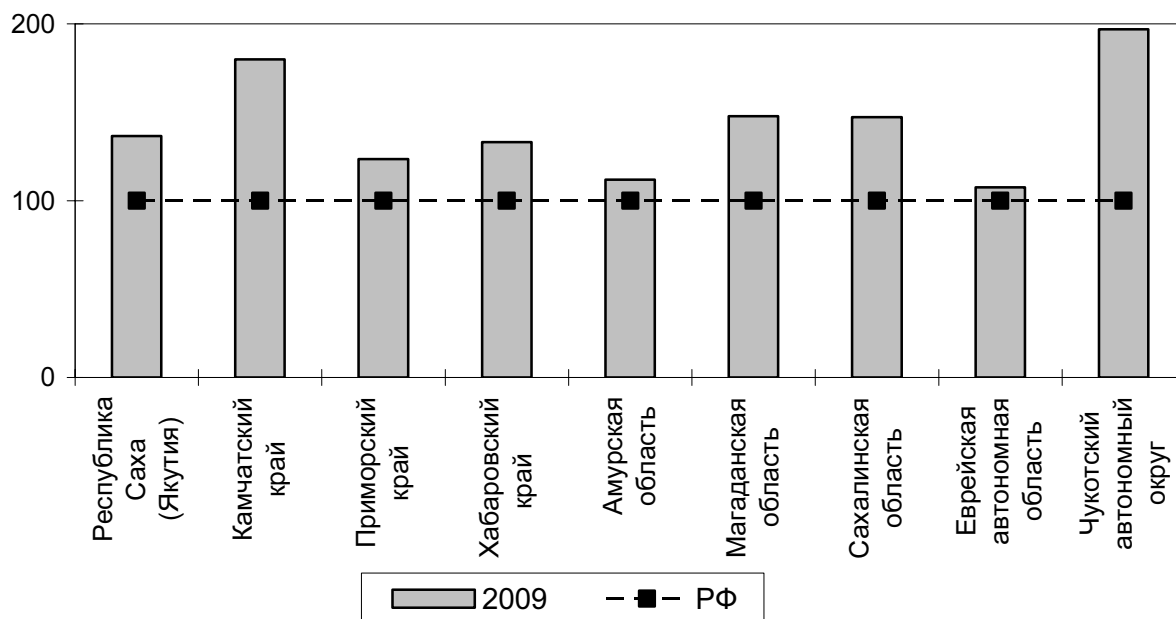

Рис. 2. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг по субъектам РФ Дальнего Востока, в % к среднему по России в 2009 году

Таблица 1

Покупательная способность доходов, заработной платы и пенсий в регионах Дальнего Востока, %

Регион	Соотношение с величиной прожиточного минимума					
	Среднедушевых доходов		Среднемесячной заработной платы		Среднемесячной пенсии	
	1995	2009	1995	2009	1995	2009
Республика Саха (Якутия)	152	245	193	309	74	98
Камчатский край	163	249	197	311	71	102
Приморский край	181	210	232	292	69	90
Хабаровский край	149	237	180	298	75	98
Амурская область	140	242	178	259	78	92
Магаданская область	159	207	199	300	82	99
Сахалинская область	169	275	194	379	64	116
Еврейская автономная область	137	330	178	394	72	101
Чукотский АО	121	213	146	278	76	98
В среднем по РФ	156	337	245	395	55	108

Источники: рассчитано по [4; 5].

Как следствие, регион отличается повышенной долей населения с доходами ниже прожиточного минимума (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес населения
с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума,
% от общей численности населения субъекта

Регион	1995	2000	2003	2005	2007	2009
Республика Саха (Якутия)	29,2	28,3	20,4	20,0	20,1	19,5
Камчатский край	22,7	–	26,8	26,3	22,0	23,2
Приморский край	31,8	55,9	37,5	27,6	21,7	19,4
Хабаровский край	28,9	35,5	24,5	21,3	15,7	18,9
Амурская область	36,1	47,7	35,8	30,9	25,3	24,1
Магаданская область	23,2	30,9	18,5	18,7	16,4	15,8
Сахалинская область	27,4	39,6	25,0	18,4	12,9	12,0
Еврейская автономная область	„„	57,3	33,0	28,4	26,7	22,3
Чукотский АО	„„	50,1	19,2	14,5	12,4	11,3
В среднем по РФ	24,8	29,0	20,3	17,7	13,3	13,2

Источник: [9].

Каждый четвертый житель Камчатского края (включая Корякский АО) и Амурской области, а также каждый пятый – Республики Саха (Якутия), Приморского края и Еврейской автономной области имеет доход ниже величины прожиточного минимума. Для сравнения в среднем по России бедным является лишь каждый восьмой.

Высокая стоимость прожиточного минимума, сложившаяся в восточных регионах страны, наиболее болезненно отражается на бедных слоях населения, в частности, на пенсионерах, средний размер пенсии которых ни в одном из субъектов ДФО на протяжении всего периода исследования (1995–2008 гг.) не превышал установленный минимум жизни. Это существенная проблема, особенно для северных территорий, где пенсионеры в силу природных условий лишены возможности поддерживать уровень жизни за счет приусадебных и дачных участков. Только в 2009 году в результате существенной индексации выплат из Пенсионного фонда РФ впервые в отдельных регионах Дальнего Востока (Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области, Чукотский АО) размер среднемесячных пенсий превысил или сравнялся с минимальной стоимостью жизни.

Существующий уровень доходов населения в дальневосточном регионе не только стал наиболее поляризующим компонентом, но и все сильнее влияет на другие характеристики качества жизни.

Количество детских садов и яслей в регионах Дальнего Востока, по сравнению с 1990 годом, сократилось более чем в 2–3 раза, при этом в Магаданской области – в 4,2, а на Чукотке – в 5,2 раза¹ (для сравнения по стране в целом этот показатель составил 1,9). Такое сокращение детских учреждений было связано не только с естественным сокращением населения в результате миграционного оттока, но и с активной политикой «избавления» ведомств от непрофильных видов деятельности, находящихся на балансе промышленных предприятий, а также в связи с отсутствием у местных бюджетов средств на содержание дошкольных учреждений.

По охвату детей соответствующего возраста дошкольными учреждениями все территории Дальнего Востока соответствует среднероссийскому уровню. Традиционно лидерство сохраняют Чукотка и Магаданская область, где более 75% детей посещают подобные учреждения. К сожалению, данные показатели не отражают реальное положение вещей, поскольку сглаживают и усредняют обеспеченность по отдельным муниципальным образованиям. В действительности в крупных городах и областных центрах существует острый дефицит мест в учреждениях дошкольного воспитания, что связано с ростом рождаемости в последние годы и о чем свидетельствуют очереди, регистрируемые в муниципальных органах образования.

Ситуация усугубляется тем, что за 15 летний период (1995–2009 гг.) во всех регионах Дальнего Востока было введено в строй всего 6391 место для дошкольного воспитания (для сравнения только за 5 лет с 1990 г. по 1994 г. было введено в 5,4 раза больше) (рис. 3). Из них 62% – это вклад Республики Саха (Якутия), которая ежегодно производит наращивание дошкольного фонда. При этом за 15 лет в Магаданской области не было введено в строй ни одного детского сада, в Чукотском АО, на Сахалине, Камчатке и в Корякском АО – по одному.

Всеобщее обязательное общеобразовательное образование предполагает полную обеспеченность соответствующей инфраструктурой. Сокращение общей численности населения в северных регионах Дальнего Востока, закрытие приисков и фактическое исчезновение населенных пунктов привело к двукратному сокращению числа школ в Магаданской области и Чукотском автономном округе (2009 г. к 1990 г.). Примерно на 30% сокра-

¹ Наивысший показатель по стране, что было связано со значительным сокращением местного населения в результате миграционного оттока.

тилось число школ в Амурской области и Еврейской автономной области, где обезлюдели поселки вдоль железнодорожной магистрали БАМ.

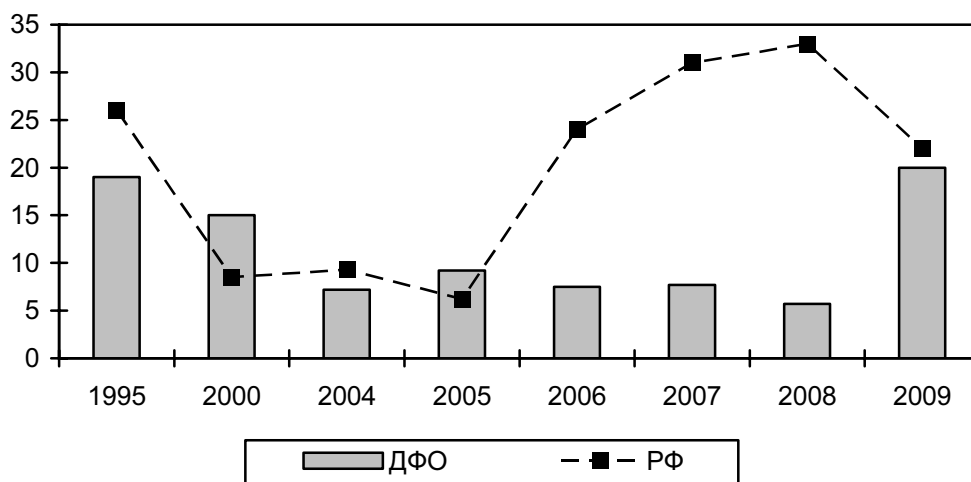

Рис. 3. Ввод в действие дошкольных учреждений, мест на 10 тыс. детей соответствующего возраста

Несмотря на ввод в действие за период 2000–2009 г. общеобразовательных школ на 50,1 тыс. ученических мест во всех субъектах Дальнего Востока доля учащихся во вторую и третью смену (за исключением Чукотского АО) превышает среднероссийский показатель [8, с. 142–145] (рис. 4). Продолжается закрытие малокомплектных, в основном сельских школ, ради повышения эффективности учебного процесса (по идеологии «нацпроекта») на территориях, испытывающих отток населения, что ускоряет процесс самоликвидации мелких населенных пунктов на этих, и без того редко заселенных территориях.

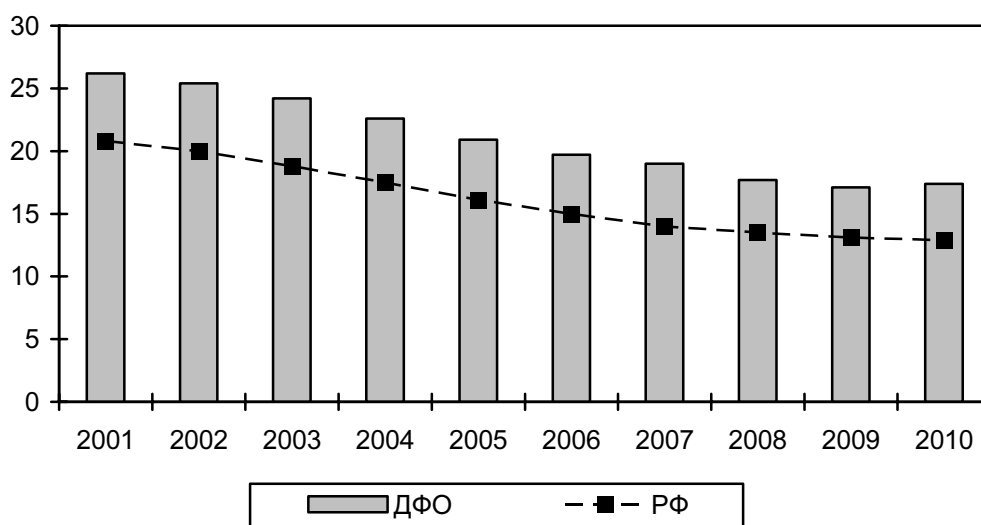

Рис. 4. Удельный вес учащихся дневных общеобразовательных учреждений, занимающихся во вторую и третью смены в % от общей численности учащихся

Система начального профессионального образования за последние 20 лет сократилась на 25%. Наиболее сильно пострадали Хабаровский край и Еврейская автономная область, где закрытие предприятий привело к двукратному уменьшению числа ПТУ.

Доступность получения средней и высшей профессиональной квалификации наоборот за последние годы выросла. Число вузов увеличилось вдвое, а численность студентов – в 2,5 раза. Это произошло, во-первых, за счет открытия передовыми вузами европейской части страны своих представительств в регионах, во-вторых, путем создания негосударственных вузов и, в-третьих, в результате преобразования части филиалов в самостоятельные высшие учебные заведения. Однако профессионально-квалификационный состав выпускаемых специалистов учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования не отвечает социально-экономическим потребностям регионов Дальнего Востока. Особенно остро не хватает рабочих высокой квалификации для промышленных и строительных организаций, врачей-специалистов, а также инженеров различных технических специальностей. Специфической проблемой Дальнего Востока, особенно его северных регионов, стала своеобразная автономизация образовательной среды, когда в связи с удорожанием жизни выпускники школ вынуждены выбирать учебные заведения внутри своих регионов, что существенно сокращает для них возможности для реализации своих творческих и образовательных амбиций.

Основные показатели обеспеченности медицинскими услугами в регионе традиционно лучше средних параметров по стране, поскольку необходимо содержать сеть учреждений во многих удаленных городах и поселках. Тем не менее, возможности стационарного лечения для населения Дальнего Востока за годы реформ снизились. Если в 1990 г. на 10 тыс. населения всего региона приходилось 148 больничных коек (в среднем по России – 137), то к 2009 г. этот показатель сократился на 28% и составил 107,5 (в среднем по России – 96,8). Высокий уровень обеспеченности больничными койками сохраняют практически все северо-восточные субъекты ДФО: Чукотский автономный округ (177,4), Магаданская (148,3) и Сахалинская (142,8) области, что связано с миграционными оттоком населения с этих территорий в период реформ (рис. 5). При этом самый низкий уровень обеспеченности населения больничными местами зафиксирован в южной зоне Дальнего Востока Приморском и Хабаровском краях, где сконцентрировано основное население региона.

Сложившаяся в 1980-х начале 1990-х гг. норма ежегодного ввода в строй объектов здравоохранения на уровне не менее 15–16 койко-мест на 100 тыс. человек сократилась к 2009 г. втрое и составила всего 5,5 койко-мест [9]. За 2000–2009 гг. в строй было введено 4803 больничных койки, половина из которых – на территории Республики Саха (Якутия),

1/5 часть – в Хабаровском крае за счет политики «продавливания» инвестиционных проектов при формировании федерального бюджета и за счет возможностей региональных бюджетов. Остальные территории отметились единичными случаями ввода в строй незначительных по масштабу объектов здравоохранения, за исключением Магаданской области, на территории которой после 1997 г. строительство медицинских учреждений не велось вообще.

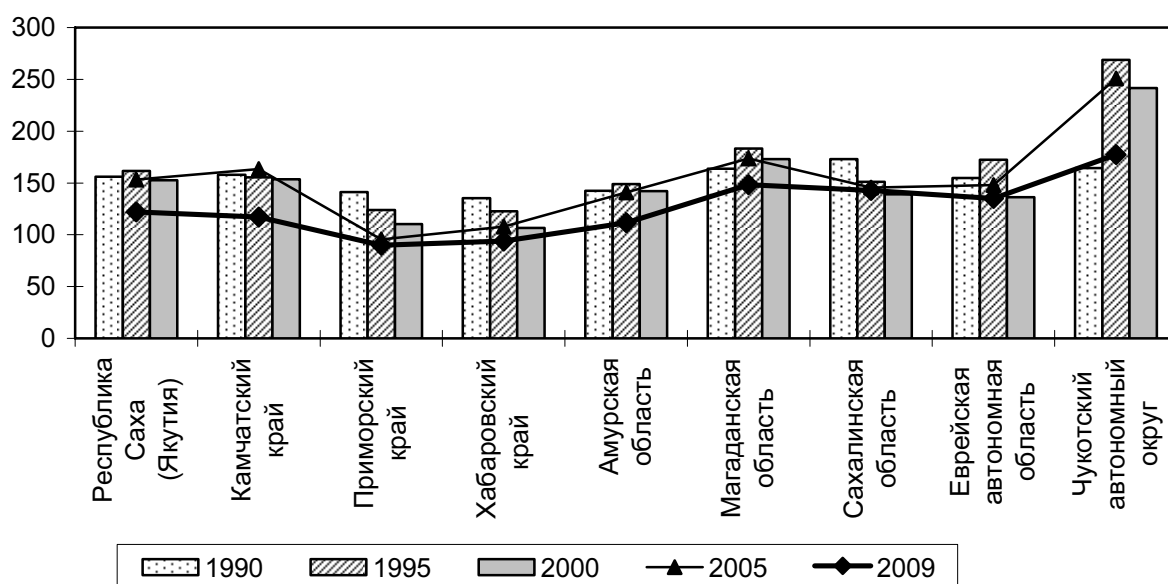

Рис. 5. Обеспеченность субъектов ДФО больничными койками на 10 тыс. чел.

Обеспеченность врачами на 10 тыс. населения в регионе объективно лучше, чем по стране в целом: Чукотский автономный округ – 78 специалистов высшей медицинской квалификации на 10 тыс. жителей, что в 1,5 раза выше, чем в РФ, Амурская область, Хабаровский край, Республика Саха (Якутия) – превышение составляет 10–15% от среднероссийского. Однако в ряде регионов существует проблема кадрового обеспечения врачами наиболее дефицитных специализаций: Еврейской автономной области (уровень обеспеченности всего 34,6 чел. на 10 тыс. населения против 50,1 в среднем по стране), Камчатском крае (45,1), Сахалинской области (47,9). К сожалению, официально публикуемая информация по обеспеченности населения медицинскими кадрами и услугами в разрезе субъектов РФ не позволяет увидеть реальную ситуацию. В условиях реформы здравоохранения рост обеспеченности внутри субъектов РФ происходит на фоне перераспределения медицинского персонала и укомплектованности медицинских учреждений из малых и неперспективных муниципальных образований в сторону более крупных и развитых населенных пунктов. Для населения малых поселений это становится катастрофой, влияющей на качество жизни.

Дальний Восток постоянно «опережает» Россию по показателям младенческой смертности [2]. Число детей, умерших до одного года на 1000 родившихся живыми в 2009 г. на Дальнем Востоке было 10,5 против 8,1 в России (в 1990 г. соответственно 17,4 и 18,8) [1, с. 102–104]. Другой проблемой демографической ситуации на Дальнем Востоке является низкая продолжительность жизни. Для дальневосточников, рожденных в 1989–1990 гг., ожидаемая продолжительность жизни была 67,2 лет, в России – 69,2. Рожденные на Дальнем Востоке в 2009 г. имеют шанс дожить только до 65,9 лет, в России – до 68,7. Средняя продолжительность жизни дальневосточников за период 1990–2009 гг. сократилась на 1,3 года, в России соответственно на 0,5, то есть при более низкой продолжительности жизни ее сокращение на Дальнем Востоке опережает среднероссийские темпы. Средняя продолжительность жизни мужчин на Дальнем Востоке для рожденных в 2009 г. на 12,1 год меньше продолжительности жизни женщин против 10,1 года в 1990 гг.¹

Несмотря на то, что период 2000-х годов ознаменовался постепенным возвратом большей части территорий в двадцатку лидеров по обеспеченности медицинским персоналом за счет сокращения численности местного населения, этого нельзя сказать про уровень доступности медицинских услуг. Внедрение рыночных механизмов в систему здравоохранения и расширение перечня платных услуг при низком уровне доходов населения, особенно в периоды нетрудоспособности, существенно ограничило возможности профилактики и восстановления здоровья дальневосточников. Одновременно продолжается не учитываемое официальной статистикой социальное расслоение внутри регионов, когда растет обеспеченность медицинскими услугами в крупных и центральных населенных пунктах за счет деградации малых и неперспективных поселений.

Обеспеченность населения жильем по субъектам Дальнего Востока в среднем находится на уровне 21 кв. м на человека, что традиционно ниже, чем в среднем по России (22,4 кв. м на чел.) [6]. Исключение составляют: Чукотский автономный округ (31,5 кв. м на чел.) и Магаданская область (27,5 кв. м на чел.), которые в основном испытали миграционный отток населения при практически полном отсутствии жилищного строительства. В целом рост жилищной обеспеченности происходит в основном не за счет вновь построенного жилья, объемы ввода которого на Дальнем Востоке упали, начиная с 1998 г. почти в 5 раз по отношению к уровню 1990 г. (по России только в 2 раза за тот же период), а в результате миграционного оттока и сокращения численности постоянно проживающего населения (рис. 6.).

¹ Для сравнения в развитых западных странах вообще, в странах «восьмерки», в частности, эта разница в 2-3 раза меньше [3].

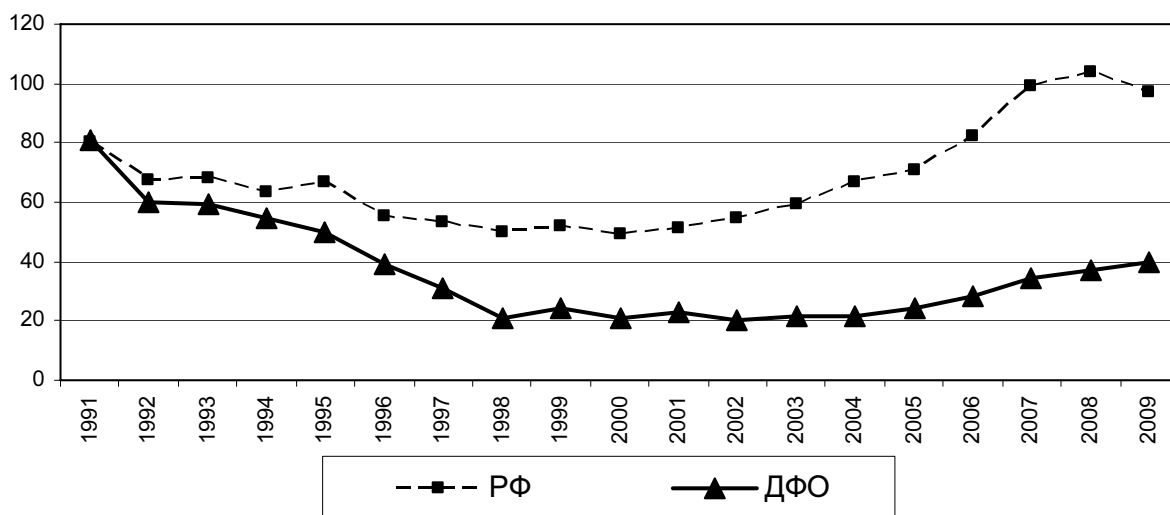

Рис. 6. Ввод жилья по России и Дальневосточному федеральному округу, % к уровню 1990 г.

По вводу жилья Дальний Восток стабильно занимает последнее 7-е место среди федеральных округов. Несмотря на то, что восточные территории в целом повторяют общероссийскую тенденцию по темпам ввода жилья к уровню 1990 г., с каждым годом увеличивается разрыв между этими трендами. Если в 1995 г. в целом по стране ввод жилья от уровня 1990 г. составил 66%, то на Дальнем Востоке – всего 42% (в 1,4 раза меньше). К 2008 г. в целом по России был превышен рубеж 1990 года (103,8%), в то время как дальневосточниками введено в строй жилья в 2,7 раза меньше от достигнутого в 1990 году. С 1997 по 2009 г. в ДФО вводилось в эксплуатацию в среднем не более 0,23 кв. м общей площади на человека в год, что почти в 2 раза ниже, чем в среднем по России (0,42 кв. м в 2009 г.). При этом для нормального воспроизводства и обновления жилищного фонда требуется ввод не менее 1 кв. м на человека в год.

Не менее важным остается вопрос о возможности и доступности для жителей Дальнего Востока приобретать жилье на имеющиеся у них доходы. На практике основным показателем состояния рынка жилья с точки зрения возможности приобретения квартир гражданами является коэффициент доступности жилья¹, который показывает, сколько лет потребуется такой семье для приобретения жилья при существующем у нее уровне дохода. Используя расширенную модель [7, с. 43–46] для расчетов, в которой учтены не только среднедушевые доходы, но и стоимость годовых текущих расходов на все потребности

¹ Рассчитывается путем сопоставления доходов населения с ценами, сложившимися на рынке региона и измеряется как отношение средней стоимости стандартной квартиры (общей площадью 54 кв. метра) к среднему годовому доходу семьи из трех человек.

семьи в виде годового прожиточного минимума семьи, получаем следующую картину по субъектам Дальнего Востока.

Минимальная продолжительность накопительного периода для покупки семьей из трех человек квартиры общей площадью 54 кв. метра в 2009 году сложилась на вторичном рынке в Магаданской области и составила всего 2,9 лет, что в 2 раза быстрее, чем по ДФО и РФ в целом. Это связано, прежде всего, с постоянным потоком предложения квартир на продажу в связи с миграцией жителей области в другие регионы страны при практически полном отсутствии нового жилищного строительства. Среднестатистическая семья из Амурской области сможет приобрести квартиру в новостройке через 10 лет, а на вторичном рынке – через 8 лет, в Приморском крае чуть раньше, на первичном рынке через 7,6 лет, а на вторичном – только через 8,7 лет, в Хабаровском крае еще раньше – на первичном через 7, а на вторичном через 5,5 лет. Однако условные расчеты скрывают реальную недоступность улучшить свои жилищные условия для той части дальневосточников, которые живут на грани и за чертой бедности, включая как представителей старшего поколения (пенсия которых варьирует в пределах прожиточного минимума), так и молодежи (доходы которых еще далеки до среднедушевых).

Говоря о доступности жилья необходимо учитывать не только возможность его свободного приобретения для последующего проживания. Одновременно с приобретением возникает необходимость содержать и обслуживать это жилье, неся соответствующие затраты, к которым относятся текущий ремонт, различные виды страхования, оплата коммунальных услуг и некоторые другие. Плата за содержание жилья и коммунальные услуги в условиях роста тарифов являются дополнительной составляющей растущих обязательных платежей, влияющей на оценки потребителей относительно их потенциальных возможностей нести бремя растущих в динамике расходов.

Таким образом, хотя средние показатели по уровню жизни и обеспеченности социальной инфраструктурой по дальневосточному региону близки к среднему по стране, к этой территории нельзя подходить со средними мерками и нормативами. В первую очередь, из-за суровых природных и климатических условий, во вторую, из-за разрозненности и отдаленности значительной части населенных пунктов от центральных дорог круглогодичного использования (использование же авиационного, морского и речного транспорта, а также зимников в большой степени зависит от погодных условий), и в третью, из-за неразвитости или недоступных современных каналов связи.

Негативные тенденции в демографическом развитии Дальнего Востока могут быть преодолены только в том случае, если качество жизни в макрорегионе будет отвечать требованиям, вытекающим из специфики региона (а по среднедушевым региональным пока-

зателям превышать среднероссийские). Достижение этого возможно путем внедрения специфических форм организации образования, оказания медицинских услуг, социального и культурного обслуживания, что требует восстановления или строительства новых дополнительных объектов социальной инфраструктуры в мелких населенных пунктах независимо от численности жителей, а также повышенных бюджетных расходов на текущее содержание социальной сферы.

Стратегические интересы государства, безопасность, контроль и удержание, а также ресурсный потенциал территории, от которого зависит развитие страны в будущем, требуют повышенного внимания к этому региону и значительных государственных вливаний, прежде всего, в социальную инфраструктуру макрорегиона.

Список литературы:

1. Демографический ежегодник России. 2010: стат.сб. / Росстат. – М., 2010.
2. *Мотрич Е.Л., Найден С.Н.* Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. – 2009. – № 2.
3. *Переведенцев В.И.* Демографические перспективы России // *Социологические исследования*. – 2007. – № 2.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: стат. сб. / Росстат. – М., 2005
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2010.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010.
7. *Стерник Г.М., Краснопольская А.Н.* Определение коэффициента доступности жилья с учетом ипотечной поддержки. // *Журнал «Имущественные отношения в РФ»*. – 2007. – № 3 (10).
8. Строительство в России. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010.
9. Центральная база статистических данных / Федеральная служба государственной статистики РФ. – <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/>

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Низай Е.А., Бойко Т.С.

**ОЦЕНКА ТЕКУЩЕЙ И ПЕРСПЕКТИВНОЙ ПОТРЕБНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИЙ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ**

Работа по оценке и прогнозированию потребности организаций-работодателей Хабаровского края в рабочих и служащих проводится в Хабаровской государственной академии экономики и права с 2003 года. По результатам проведенных исследований был подготовлен отчет для Министерства образования Хабаровского края, доклад на Совет ректоров вузов Хабаровского края и ЕАО. Результаты исследования нашли отражение в выступлениях на региональных, общероссийских и международных конференциях, включая Дальневосточный международный экономический форум – 2008.

Авторами разработана методика оценки текущей и прогнозирования перспективной потребности организаций региона в рабочих и служащих, основанная на синтезе частных мнений экспертов в единую информационную базу.

Одним из ключевых аргументов в пользу применения экспертных опросов является отсутствие приемлемого информационного обеспечения. В настоящее время в Хабаровском крае не проводится статистических обследований кадрового состава предприятий. Это в значительной степени затрудняет оценку обеспеченности экономики края рабочей силой в разрезе отдельных видов экономической деятельности и категорий работников. Ситуация осложняется также и отсутствием информации о степени насыщенности кадрами по отдельным категориям работников и видам экономической деятельности в отчетах органов государственной статистики, что вынуждает исследователей при оценке и про-

гнозировании потребности в рабочих и служащих ограничиваться данными о численности трудовых ресурсов, экономически активного населения и вакансий.

Использование опросов экспертов позволит частично решить проблему недостатка информации по вопросам обеспеченности организаций кадрами, а также получить общую картину изменения потребности в рабочих и служащих в перспективе, основываясь непосредственно на мнениях работодателей.

Общий алгоритм проведения исследования, оценки и прогнозирования потребности организаций региона в рабочих и служащих на основе данных экспертов представлен на рисунке 1.

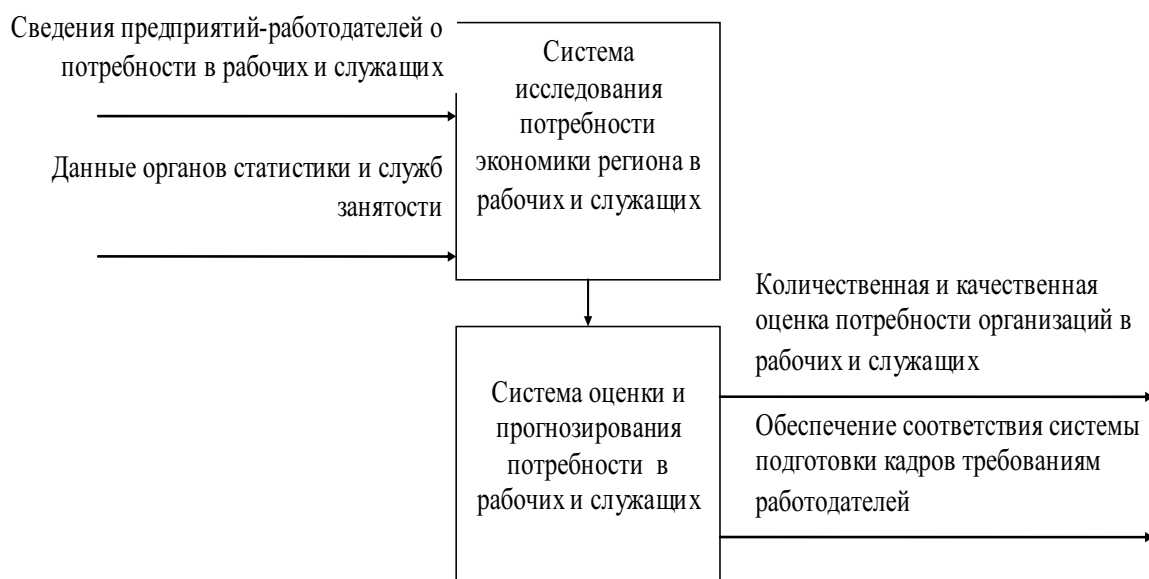

Рис. 1. Обобщенная модель исследования, оценки и прогнозирования потребности в рабочих и служащих

На основе разработанной авторами методики была рассчитана потребность в рабочих и служащих в Хабаровском крае до 2024 года. Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Таким образом, общая потребность организаций Хабаровского края в рабочих и служащих, выявленная в ходе исследования, имеет тенденцию к росту. Как видно из таблицы 2, к 2024 году ее увеличение ожидается более чем в десять раз по сравнению с 2008 годом.

В целом осуществление всех видов экономической деятельности, развиваемых в Хабаровском крае, не может обойтись без рабочих и служащих, но по-разному. Для организаций региона наиболее актуален прирост числа квалифицированных рабочих, а также специалистов и других служащих и наименее – руководителей.

Таблица 1

Оценка текущей и перспективной потребности организаций Хабаровского края в рабочих и служащих в разрезе групп видов экономической деятельности и категорий работников до 2024 года

Период прогнозирования	Общая потребность, чел.	Потребность по категориям работников, чел.				
		руководители	специалисты	служащие	квалифицированные рабочие	неквалифицированные рабочие
1	2	3	4	5	6	7
Сельское, лесное, рыбное хозяйство						
2008 г. (базовый)	7815	1274	2066	1913	1531	1048
2009–2011	10 315	1396	2833	2694	2214	1141
2012–2014	11 778	1468	3282	3151	2614	1242
2015–2017	12 816	1519	3601	3475	2897	1351
2017–2020	13 620	1558	3848	3727	3117	1471
2021–2024	14 278	1591	4050	3932	3297	1601
Промышленность						
2008 г. (базовый)	10 936	453	2149	1987	3964	2257
2009–2011	21 702	2313	4304	5002	7203	2894
2012–2014	32 468	3401	6459	8017	10 443	3712
2015–2017	43 234	4173	8614	11 031	13 683	4760
2017–2020	54 000	4771	10 769	14 046	16 922	6104
2021–2024	64 766	5261	12 924	17 061	20 162	7827
Строительство						
2008 г. (базовый)	1654	282	373	42	730	109
2009–2011	7703	671	2211	1899	1621	820
2012–2014	18 948	1594	6259	3756	3601	2677
2015–2017	35 885	3785	13 094	5614	7998	6194
2017–2020	58 888	8991	23 214	7471	17 764	11 875
2021–2024	88 267	21 356	37 061	9329	39 455	20 211
Оптовая и розничная торговля						
2008 г. (базовый)	3324	1110	978	392	979	347

Продолжение таблицы 1

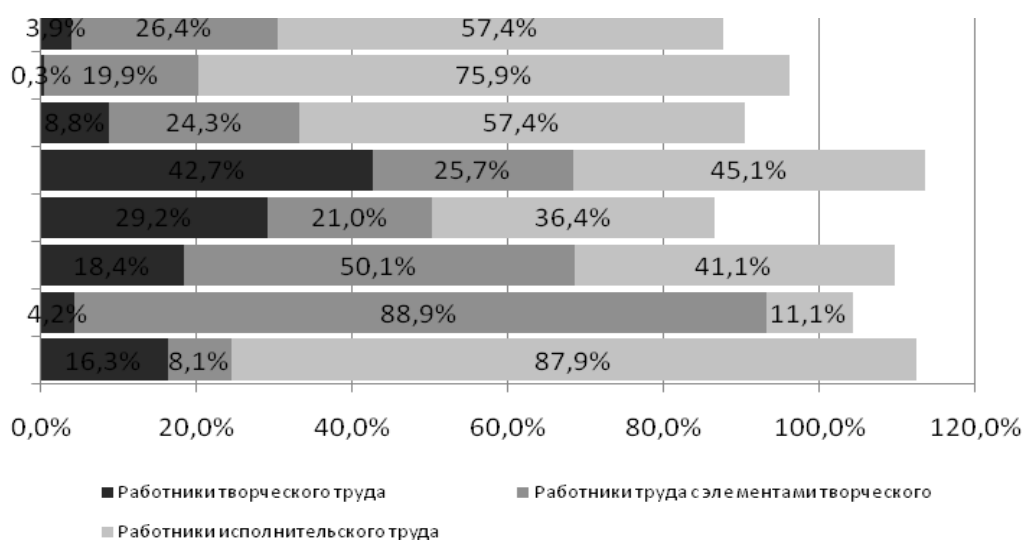
1	2	3	4	5	6	7
2009–2011	13 583	1503	4345	1555	4140	1213
2012–2014	19 584	2035	6314	2717	5989	2079
2015– 2017	23 842	2756	7712	3879	7301	2945
2017–2020	27 145	3732	8796	5041	8318	3811
2021–2024	29 844	5054	9681	6203	9150	4677
Транспорт и связь						
2008 г. (базовый)	8527	3519	1730	582	2311	105
2009–2011	20 002	3638	6488	3601	5699	241
2012–2014	26 714	3758	9271	5368	7680	320
2015– 2017	31 477	3877	11 246	6621	9086	377
2017–2020	35 171	3997	12 778	7593	10 177	421
2021–2024	38 189	4116	14 029	8388	11 068	457
Финансы, страхование, недвижимость, информационные технологии						
2008 г. (базовый)	719	68	388	113	49	156
2009–2011	2234	177	1224	180	338	185
2012–2014	3748	309	1713	236	1049	201
2015– 2017	5262	459	2060	287	2343	213
2017–2020	6776	624	2329	333	4371	222
2021–2024	8290	802	2549	377	7274	230
Государственное управление, военная безопасность, образование						
2008 г. (базовый)	471	3	847	61	6	39
2009–2011	4246	294	4658	574	291	156
2012–2014	15 377	464	8318	2139	2782	225
2015– 2017	38 317	585	11 827	5440	13 809	274
2017–2020	77 798	679	15 186	11 222	47 851	312
2021–2024	138 763	755	18 394	20 276	132 088	343
Предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг						
2008 г. (базовый)	4898	194	402	140	3275	926
2009–2011	5512	213	698	216	3383	934
2012–2014	5871	292	871	278	3449	939
2015– 2017	6126	431	994	332	3495	942
2017–2020	6323	630	1089	382	3532	945
2021–2024	6485	888	1167	428	3563	947

Таблица 2

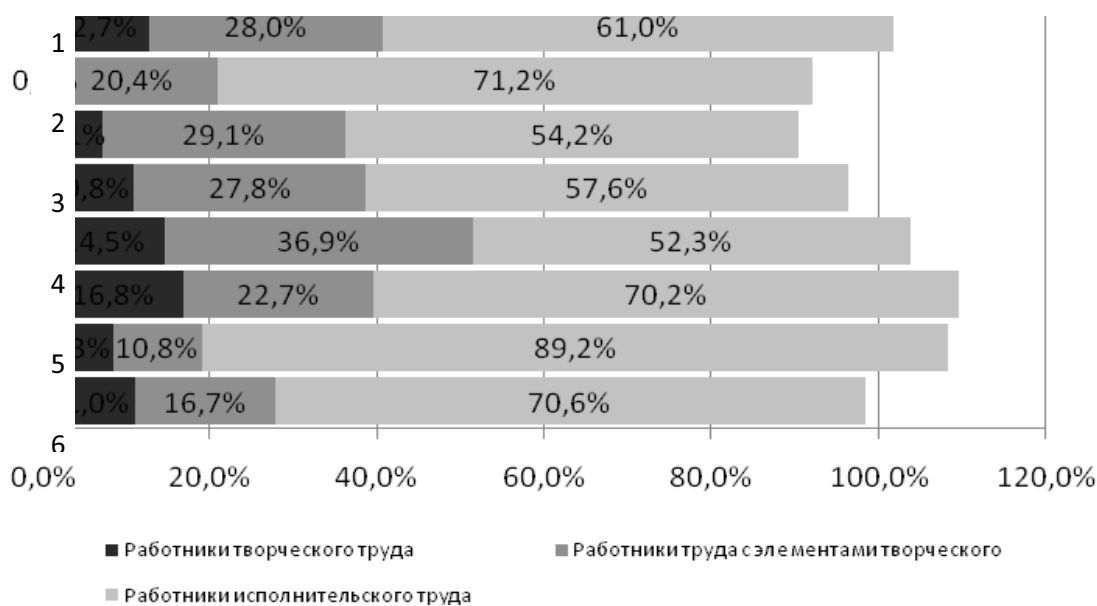
Общая оценка текущей и перспективной потребности организаций Хабаровского края в рабочих и служащих до 2024 года

Период оценки	Потребность, чел.
2008 г. (базовый)	36 192 (текущая)
2009–2011 гг.	85 297
2012–2014 гг.	134 488
2015–2017 гг.	196 959
2017–2020 гг.	279 721
2021–2024 гг.	388 882

Кроме основных сведений о потребности организаций Хабаровского края в рабочей силе данные исследования были дополнены оценкой динамики изменения характера требуемого труда в организациях. Были выделены категории работников профессий преимущественно исполнительского труда; работников профессий с элементами творческого труда и работников профессий преимущественно творческого труда. При этом предполагалось, что со временем будет увеличиваться потребность в работниках творческих профессий, а потребность в работниках исполнительского труда будет сокращаться. Структура потребности организаций в рабочей силе по характеру труда представлена на рисунке 2. Так, доля работников творческого труда может увеличиться лишь в сельском, лесном, рыбном хозяйстве с 3,9% до 12,7%, а также в государственном управлении, образовании с 4,2% до 8,3%, и уменьшиться во всех оставшихся шести видах экономической деятельности.

Факт (2008 г.)

Прогноз (2021 – 2024 гг.)

- 1 – сельское, лесное, рыбное хозяйство;
- 2 – промышленность;
- 3 – строительство;
- 4 – оптовая и розничная торговля;
- 5 – транспорт и связь;

- 6 – финансы, страхование, недвижимость, ИТ;
- 7 – государственное управление, военная безопасность, образование;
- 8 – предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг.

Рис. 2. Структура общей потребности организаций Хабаровского края в наемном труде

Доля исполнительского труда может снизиться с 75,9% до 71,2% в промышленности; с 57,4% до 54,2% в строительстве, с 87,9% до 70,6% в области предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг. Ожидается, что во всех других видах экономической деятельности эта доля вырастет.

Список литературы:

1. Нигай Е.А., Бойко Т.С., Разумовская М.И. Оценка текущей и перспективной потребности в наемном труде: региональный аспект. Моногр. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2010.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Норина С.В.

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ
КАК НЕОБХОДИМОГО УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА**

Важнейшим показателем национального богатства и необходимым условием процветания любой нации является состояние здоровья населения.

Серьезность кризисных явлений в России в области экономики, социальной политики, экологии, культуры, медицины, образования, с его интенсифицированным учебным процессом, уже привела к состоянию, которое демографы называют депопуляцией – вымиранием населения, это находит свое отражение в неблагоприятных медико-демографических показателях болезненности и смертности, продолжительности жизни. Ухудшается здоровье нации, происходит деформация жизненных ценностей, мотивационной сферы, нарушение института семьи, растут алкоголизация, наркопотребление и наркомания, преступность, проституция, ВИЧ-инфицированность и заболеваемость СПИДом, вирусным гепатитом.

В сфере общественного здоровья все шире признается, что здоровье определяется не только поведенческими, биологическими и генетическими факторами, но также и рядом экономических, экологических и социальных детерминант. Важное значение, при этом, отводится программам охраны здоровья, связанным с совершенствованием внешних условий жизнедеятельности человека. Речь идет обо всей совокупности факторов, формирующих среду обитания и развития индивида и общества: природных, социальных, климатических, психоэмоциональных и др. Без решения данной группы вопросов невозможно эффективное формирование здорового образа жизни населения региона.

Особенности условий труда и жизни, возрастающий уровень заболеваемости населения, требуют повышенного внимания к организации его медицинского обслуживания. В последнее десятилетие в значительной степени ослаблено внимание к проведению различных видов медицинских профилактических и целевых осмотров, к работе по выявлению факторов и групп риска возникновения и обострения заболеваний, к валеологическому обучению и образованию.

Актуализация социальных проблем позволила установить, что к числу приоритетных общественно-значимых проблем социальной политики, требующих решения, население Хабаровского края относит безработицу, уровень цен на товары и услуги, защиту денежных накоплений от инфляции, жилищную проблему и охрану от преступлений.

Среди личных проблем лидирующее положение занимали уровень цен на товары и услуги, охрана здоровья, охрана от преступности, защита денежных накоплений от инфляции, безработица.

Для улучшения состояния здоровья населения необходимо на региональном уровне разработать механизм организации профилактической помощи населению который должен включать:

- определение потребности населения в профилактической помощи;
- анализ распространенности факторов риска развития заболеваний и патологических состояний;
- оценку организации профилактической деятельности учреждений здравоохранения;
- анализ системы управления и финансирования профилактической деятельности;
- установление стратегических целей, задач и приоритетов в организации профилактических мероприятий;
- определение реальной потребности населения в профилактических мероприятиях;
- модернизация организации системы оказания профилактической помощи.

Параметрами оценки профилактической деятельности являются показатели здоровья населения, показатели (характеристики) поведенческих факторов риска, удовлетворенность потребностей, выполнение объема профилактических мероприятий, внедрение новых технологий профилактического вмешательства и др.

Количественные показатели результативности должны оцениваться в сравнении с исходными или запланированными и могут быть представлены в виде:

- уменьшения числа лиц с факторами риска поведенческого характера (курение, алкоголизм и др.);
- снижения показателей заболеваемости по конкретным нозологическим формам;
- снижения преждевременной смертности и показателей смертности от конкретных заболеваний;
- уменьшения частоты осложнений;

- уменьшения направлений на оперативное вмешательство у лиц с определенными нозологическими формами заболеваний;
- увеличения обученных в школах здоровья из числа лиц, имеющих факторы риска;
- переходом из одной группы диспансерного наблюдения в другую и т. п.

Формирование модели организации медицинской помощи должно осуществляться с учетом:

1. Сложившихся за 3–5 лет показателей, характеризующих здоровье населения: демографические данные (возрастно-половой состав); заболеваемость; инвалидность; физическое развитие.

2. Показателей деятельности стационара в разрезе профиля коек, сложившихся за последние 5 лет, с выявлением востребованности их населением: невостребованных коек; заполняемых больными I категории сложности (амбулаторными); коек, работающих по принципу «стационара дневного пребывания»; сокращения срока госпитализации путем интенсификации лечебно-диагностического процесса.

3. Удовлетворения потребности населения в медицинской помощи при сопоставлении объемов стационарной и амбулаторной помощи с показателями их здоровья.

Оптимальная модель организации медицинской помощи должна формироваться в соответствии с потребностями населения и предусматривать:

- сокращение коечного фонда, используемого нерационально и не по назначению; при этом специализированные койки должны сосредотачиваться преимущественно в одной (двух) медицинских организациях с наиболее профессиональными кадрами и оснащенными лечебно-диагностическим оборудованием;

- распределение дополнительного потока пациентов, переориентированного на лечение в амбулаторных условиях, в т. ч. после выписки из стационара, по примерной схеме: до 60% пациентов – на амбулаторное лечение; до 40% – на лечение в дневном стационаре.

В процессе работы необходимо моделировать схемы организации потоков пациентов, формировать различные структуры сети и подразделений медицинских организаций, определять эффективность используемых вариантов.

Модернизация системы организации и оказания медицинской помощи требует дальнейшего внедрения и развития многоуровневой, многоэтапной системы оказания медицинских услуг с широким обеспечением преемственности профилактики, лечебно-диагностического процесса и реабилитации на основе использования адресных стандартов профилактических, лечебно-диагностических и реабилитационных технологий, ориентированных на конечные результаты деятельности с оценкой эффективности.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Огий О. Г.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
КАМЧАТКИ ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГА

«Стратегические ориентиры развития России требуют ускоренной модернизации экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока», – подчеркнул Председатель Совета Федерации С. Миронов в выступлении на Международной экономической конференции «Роль Сибири и Дальнего Востока в реализации стратегии социально-экономического развития России» [2].

Возможна ли модернизация субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, в условиях, когда и по качеству жизни, и по демографическим процессам округ отстает от центральной России, а сырьевая направленность экономики усиливает ее зависимость от внешних воздействий? Какими должны быть стратегические ориентиры дальневосточных субъектов РФ в контексте общероссийского направления на модернизацию и инновационное развитие? Эта работа посвящена поиску ответов на эти вопросы на примере одного из самых неблагополучных дальневосточных субъектов РФ – Камчатского края на основе социологических обследований, проведенных автором «Социально-трудовая сфера Камчатки: социологическое обследование» (2008), «Региональная безопасность в социологическом измерении» (2004, 2009), «Структура власти в Камчатском крае в контексте роли и влияния государственных и общественных институтов» (2010). Следует отметить ценность научных работ отечественного социолога Н.Ф. Наумовой, посвященных анализу опыта осуществления модернизационных программ в странах «третьего мира» [3; 4].

Реализация задач модернизации на Камчатке на начальном этапе требует не столько кардинального обновления технологической базы, сколько принципиального измене-

ния подходов к социальной политике, которая остается наиболее «слабым звеном» в системе стратегического планирования регионального развития России. Необходимо также новое, адекватное глобальной и локальной социальной реальности понимание «социального развития» как генеральной цели, и основного фактора экономического роста, с позиции формулирования стратегических ориентиров. Первоочередной задачей, в этой связи, является определение глобальных требований к перспективному развитию Камчатского края, исходящее, с одной стороны, из интересов России в АТР и на Дальнем Востоке, с другой, интересов проживающего на полуострове населения, затем оценки состояния внешней среды и внутренней среды развития региона. Заметим, что эти требования должны быть определены не только, и не столько как цели, а как «социальные императивы», не нарушаемые ни при каких обстоятельствах. Попытаемся сформулировать и обосновать основные из них.

1. *Достаточность человеческих ресурсов.* Среди ключевых факторов, определяющих вектор развития Камчатки, особую роль играет социально-демографическая ситуация, дающая представление о реальном состоянии человеческого потенциала. С начала 90-х годов в регионе наблюдается системный демографический кризис, основным проявлением которого является продолжающееся сокращение численности населения и трудовых ресурсов. Возникают существенные диспропорции между площадью территории региона и численностью его населения, в Камчатском крае она составляет 0,7 человек на 1 км², [6], что почти в 12 раз ниже среднероссийского значения. В то же время эксперты отмечают и положительные тенденции – более молодой возрастной состав населения по сравнению с центральными регионами России (68,4% – на Камчатке, 63,2% – по России в среднем), выше общие коэффициенты естественного движения населения [7]. Что касается смертности, то ситуация здесь менее благоприятна, чем в среднем по стране. Несмотря на принимаемые в последние годы усилия государства по регулированию демографических процессов, ситуация остается критической в основном вследствие миграционного оттока.

По данным социологических исследований (N-1317) 35% населения планируют отъезд за пределы Камчатского края на постоянное место жительства. В основном речь идет о внутрироссийских миграционных потоках, на долю которых приходится 96% общего миграционного оборота. Доминирующими мотивами переезда являются неблагоприятные климатические условия; отсутствие работы, отвечающей уровню квалификации, и перспектив роста; отсутствие достойных жилищных условий. Наиболее интенсивную миграционную мотивацию демонстрирует население в возрасте от 18 до 40 лет, причем, 45,9% молодежи в возрасте от 18 до 25 лет не связывают свое будущее с жизнедеятельностью на Камчатке. В общем объеме населения, представляющего «кадровое ядро», т. е.

лиц, имеющих профессиональное образование в возрасте от 25 до 40 лет, 39,3% планируют покинуть полуостров. В рейтинге причин лидирующие позиции занимают: неблагоприятные климатические условия (9,7%), отсутствие перспектив роста и работы, отвечающей уровню квалификации (8,7%), в равной степени (оба фактора по 7,7%) отсутствие достойных жилищных условий и неблагоприятная социально-экономическая обстановка. Согласно полученным данным в течение следующих 5 лет, то есть в период с 2010 по 2015 гг., с определенной степенью вероятности, около 60% всех желающих уехать покинут полуостров. В расчете на всех «положительно» и «отрицательно» высказавшихся о желании переехать в другие регионы, данная группа мигрантов составит 21,2% населения. Еще через 5 лет, то есть к 2020 году возможно Камчатку покинет еще 10,8%.

О серьезных проблемах свидетельствуют как объективные характеристики здоровья жителей Камчатки (продолжительность жизни, смертность, ожидаемая продолжительность здоровой жизни), так и субъективная оценка населением полуострова своего состояния здоровья. Хорошим считают свое здоровье менее четверти населения полуострова (21%); 28% считают состояние своего здоровья плохим. Наиболее распространенную оценку состояния своего здоровья – «удовлетворительное» – дает 51% населения края. Только 16% населения отметили, что «всегда имеют возможность получить качественную медицинскую помощь», а 25,2% – указали на отсутствие такой возможности.

В ходе социологического исследования установлено, что 51% жителей Камчатки не удовлетворены своими жилищными условиями, из них 48% по причине несоответствия имеющихся жилищных условий установленным нормам и составу семьи, 24% проживают у родственников (родителей). В расчете на все население края, немногим менее 11% – не имеют жилплощади, 3,7% живут в общежитиях, 12,5% проживают у родственников.

Вместе с тем, велика доля тех, кто испытывает высокий уровень тревоги по поводу трудовой занятости, и демонстрирует неудовлетворенность своей работой и условиями труда. В общей совокупности опрошенных доля таких респондентов составила 42,2%. Основные причины недовольства своей работой в основном складываются по факторам условий труда и качества рабочих мест. В рейтинге «демотиваторов» лидирующие позиции занимает «неудовлетворенность оплатой труда», на его долю приходится 24% из всех оцененных факторов. Столько же (24%) отрицательных ответов приходится на оценку перспектив профессионального и карьерного роста. Результаты опроса, позволяют сделать вывод о том, что на Камчатке мы имеем дело с комплексным восприятием трудовой занятости как бесперспективной, не имеющей потенциала развития.

Отсутствие возможностей улучшения значимых аспектов уровня и качества жизни может привести к необратимой маргинализации и криминализации населения, дальней-

шему снижению социальной и экономической активности населения, интенсивному миграционному оттоку и, в конечном итоге, деградации всех сфер жизнедеятельности. Большинство опрошенных главным условием социально-экономического развития и улучшения социального самочувствия считает «повышение уровня комфортности проживания» (45,1%), отдавая меньшее предпочтение монетарным льготам [5].

2. *Качество человеческого капитала.* Для реализации модернизационного развития этот стратегический ориентир, по мнению автора, носит определяющее значение. Следует отметить, что камчатские проблемы развития человеческого капитала не обладают яркой региональной спецификой, и в основном, сходны с общероссийскими. Вместе с тем, их застойный и хронический характер требует неординарных решений, рассчитанных на долгосрочную перспективу.

Крайне опасной является тенденция снижения качества общего и профессионального образования. Наряду с произошедшей в течении последних 20 лет, примитивизацией труда в камчатской экономике, происходит общее снижение интеллектуального потенциала моноотраслевого региона, где определяющим является рыбохозяйственный комплекс. Советский запас производственных инноваций практически исчерпан, а технологическая цепочка, которая обеспечивала воспроизводственные циклы – от науки, в т. ч. и отраслевой, до внедрения – распалась. Этот разрыв неизбежно ведет к деградации и науки, и практики, к ухудшению качества жизни людей, ослаблению квалификационного, духовно-нравственного и экономического потенциала региона и его позиций в России и АТР. Если не изменить подход к образованию и науке на Камчатке, то произойдет консервация примитивной структуры экономики, усиление научно-технологического отставания, дальнейшее снижение конкурентоспособности продукции и закрепление унизительного для богатейшего региона статуса сырьевого придатка страны.

3. *Повышение уровня доверия населения к региональной власти.* Исследование, проведенное в начале 2010 года (N – 1365), показало, что камчатцы демонстрируют недоверие к большинству основных общественных и государственных институтов. Достаточно высоким уровнем доверия пользуются лишь армия и средства массовой информации – доверяют 78% и 69% соответственно. Подавляющее большинство населения не доверяет институтам политических партий, профсоюзам, органам местного самоуправления, т. е. институтам, призванным реализовывать интеграционный потенциал социальной и политической активности граждан, а также правоохранительным органам – не доверяют 78%, 77%, 68% и 66% соответственно.

На Камчатке практически нет действительно популярных местных политиков, имеющих высокий уровень доверия у населения. Большинство политиков, отмеченных

респондентами самостоятельно, при ответе на открытый вопрос пользуется отрицательным имиджем у населения и недоверием в разной степени – из десяти наиболее часто упоминаемых политиков (5% и более анкет) семь имеют отрицательный рейтинг.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что комплексная стратегия эффективного реагирования региональной общественно-политической системы на актуальные вызовы еще не выработана и носит ситуативный характер. В то же время политика интенсивного развития Камчатки может быть реализована только при согласованных действиях основных политических и общественных институтов, даже если понадобится их преобразование.

4. *Рост численности среднего класса.* Данные, полученные в результате исследования уровня доходов жителей полуострова (N – 973) отражают высочайший уровень социального неравенства, диспропорциональность слоевой структуры по доходам и наглядно демонстрируют необходимость наращивания «среднеклассового ядра» экономики.

Около 3% населения находятся «за чертой бедности» и оценивают свой среднемесячный доход как «ниже прожиточного минимума». Отметим, что речь идет об официально установленном прожиточном минимуме, который далеко не полностью учитывает удорожание жилищно-коммунальных услуг и реальный рост потребительских цен. Подавляющее большинство населения – 73,6%, вынуждены рассчитывать на доходы от 10 до 30 тыс. рублей. На первый взгляд, такое положение кажется не критичным в сравнении со среднероссийским уровнем. Однако заметим, что при утвержденном прожиточном минимуме около 11 тыс. рублей, почти 42% населения имеют возможность удовлетворять только минимальные жизненные потребности. Еще около 32% могут позволить себе некоторые дополнительные блага, не имея при этом возможности формировать финансовый запас, совершать крупные покупки, участвовать в ипотеке [1]. Доходы 10% наиболее обеспеченного населения превышают доходы наименее обеспеченного в 11,5 раз. Также значительный разрыв наблюдается в доходах наиболее и наименее обеспеченного населения, и численность населения с доходами ниже прожиточного уровня постоянно увеличивается. Регистрируется и разнонаправленность тенденций в уровне дохода у различных возрастных групп. В наиболее тяжелом материальном положении находится молодежь и население старше 60 лет.

5. *Поиск объединяющей идеи развития региона.* Объективные и субъективные оценки положения дел на Камчатке, сходятся в одном – вектор регионального развития полуострова по-прежнему не определен. Социальное пространство региона балансирует на грани критической отметки. Данная ситуация имеет негативные геополитические, социальные и экономические последствия, и может провоцировать усиление территориаль-

ных притязаний и миграционного давления со стороны перенаселенных приграничных стран Центральной и Юго-Восточной Азии, Китая. В этой связи, представляется стратегически необходимым формирование идеи развития Камчатки, учитывающей как уникальность и критические факторы успеха региона, так и системные проблемы его развития.

Объединяющая идея, логично связанная со сформулированными выше стратегическими ориентирами, должна стать конструктом, способным объединить население, власть, бизнес, общественные организации в едином векторе планируемого развития региона; транслировать значимость развития Камчатки для России и заинтересованность страны в этом. Как следствие, это будет способствовать повышению межрегионального рейтинга Камчатского края, искоренению психологии «временщичества» в поведении власти, бизнеса и населения, формированию конструктивного мотивационного паттерна.

Список литературы:

1. Комплексное обеспечение региональной безопасности / под ред. А.Я. Исакова. – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2010.
2. *Миронов С.* Выступление на Международной экономической конференции «Роль Сибири и Дальнего Востока в реализации стратегии социально-экономического развития России», 2009. – <http://www.council.gov.ru/news/announces/2009/07/index.html>.
3. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. – М.: Эдиториал, 1999.
4. *Наумова Н.Ф.* Человек и модернизация России. – М.: Канон, 2006.
5. *Огий О.Г.* Социальная безопасность Камчатки в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. – 2010. – № 2(51).
6. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. – http://www.gks.ru/wps/portal/OSI_N/DEM.
7. Труд и занятость в Камчатском крае: стат. сб. – Петропавловск-Камчатский: Камчатстат, 2009.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Осинов В.А., Маякова А.А.

**ИГОРНАЯ ЗОНА КАК ФАКТОР УСКОРЕННОГО РАЗВИТИЯ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ**

После вступления в силу закона Российской Федерации «О госрегулировании деятельности по организации и проведению азартных игр» [1] стало ясно, что с 1 января 2009 года все игорные заведения должны быть размещены в четырех регионах: Приморском и Алтайском краях, Калининградской области и на границе Ростовской области и Краснодарского края.

Сам факт, что представители игорного бизнеса практически ничего не предпринимали по исполнению этого закона (за исключением лоббирования на высшем уровне), позволяет повторить старые теоретические выводы о том, что развитие инфраструктуры даже для такого выгодного бизнеса капиталу не посильна или не выгодна. Требуется, с одной стороны, срочные меры по созданию этой зоны, так как игровой капитал особенно не терпит пустоты. Он уйдет в легальный бизнес, либо в подпольный, если срочно не создать эту зону.

Качественный анализ проблемы показывает, что игорная зона может рассматриваться в виде специальной экономической зоны, которая самим фактом своего размещения может значительно повлиять на существенное развитие производительных сил вокруг зоны.

Сам факт того, что Приморский край выбран местом для размещения игорной зоны позволяет судить о том, что руководством страны понимается геополитическая роль Приморского края. И это – действительно существенное решение для региона, которое может стать реальным фактором развития для Приморского края особенно в условиях современного кризиса. А если размещение зоны изначально будет неудачным, то может и не стать.

В этой статье мы постараемся показать, что с позиций интересов развития экономики Приморского края наилучшим местом размещения игорной зоны является территория в районе малого города Лесозаводска и п. Ружино.

Согласно принятому закону существуют следующие формальные требования к созданию игорных зон. По определению «игорная зона – часть территории Российской Федерации, которая предназначена для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр...». В статье 5 п. 5 отмечается, что игорные зоны не могут быть созданы на землях поселений. А в статье 11 закона «Критерии отбора земельных участков для создания игорных зон» отмечается, что «на момент создания игорной зоны земельные участки, ее образующие, не должны находиться во владении и (или) в пользовании граждан, юридических лиц, за исключением земельных участков, которые предоставлены для размещения и использования объектов инженерной инфраструктуры и на которых размещены такие объекты». Далее сказано, что «на момент создания игорной зоны на земельных участках, ее образующих, могут быть расположены только объекты, находящиеся в государственной собственности, в муниципальной собственности и не находящиеся во владении и (или) в пользовании граждан, юридических лиц, за исключением объектов инженерной и транспортной инфраструктур» [1].

Опыт создания наиболее известных зарубежных игорных зон позволят в основном определить некоторые общие факторы, которые помогут повлиять на выбор места для игорной зоны. Игорные зоны исторически созданы там, где имеется постоянный поток достаточно богатых людей, имеющих желание на отдыхе пощекотать свои нервы для развлечения, т. е. если проиграть, то не в ущерб собственному благосостоянию. Но главной целью создания такой зоны является стимулирование развития реальной экономики региона или общественных ценностей за счет концентрации денежной массы и превращения ее в реальный капитал региона. Анализ процессов создания игорных зон в мире позволяет выделить следующие факторы, которые влияют на их создание и развитие:

- удовлетворение потребностей в игре и развлечении;
- выгодное географическое положение;
- хорошо развитая инфраструктура;
- наличие территорий для последующего расширения зон совместного предпринимательства, с соответствующими необходимыми ресурсами;
- привлечение квалифицированных трудовых ресурсов.

По существу игорные зоны представляют собой ограниченные участки территории, на которых созданы льготные условия для игорной деятельности отечественных и иностранных предпринимателей за счет привлечения всех желающих поискать удачу. Учиты-

вая неизбежную при этом морально-психологическое, социальное, экономическое воздействие на социум принимающей территории вследствие концентрации игорного капитала, необходимо подходить к этому как к фактору способствующему реализации государственной, региональной и местной политики принимающей территории. Игровая зона может и должна стать средством реализации государственной экономической политики на уровне Приморского края за счет привлечения отечественного и иностранного капитала и углубления личных и экономических связей между странами Тихоокеанского региона, а так же за счет удовлетворения азарта многих слоев населения.

Рассмотрим как российские игорные зоны соответствуют этим требованиям.

Игровая зона «Азов-Сити». Российский «Лас-Вегас», предполагается, что это будет крупнейшая зона в России. «Азов-Сити» должна быть построена в Щербиновском районе Ростовской области на берегу теплого Азовского моря в районе нескольких крупных хуторов. Проектируется, что к 2018 году число игроков должно быть не менее 10 тысяч в день. Уже проведены проектные работы и работы по обеспечению инфраструктуры.

Алтайская зона «Сибирская монета». Игровая зона в районе горнолыжного курорта Белокурихи – километрах в 60 от Горно-Алтайска. Рядом строится Катунская ГЭС, которая даст дешевую энергию для «рая на Алтае». Игровая зона «Сибирская монета» будет примыкать к территории особой экономической зоны «Бирюзовая Катунь».

Игровая зона «Янтарная». Калининградская область. Правительство Калининградской области уже дважды объявляло конкурс на концепцию построения игровой зоны. Оба раза – неудачно. Конкурсы признаны несостоявшимися из-за неполноты представленных документов. Концепция, по настоянию областного правительства, слегка изменилась ко второму конкурсу. Теперь вместо игровой зоны это будет семейный парк развлечений.

Игровая зона «Приморье». Для нее выделяется участок на мысе Черепаша, где предлагается разместить игорную зону, находится в 70-ти км от Владивостока, в 23-х км от аэропорта. Ее территория, расположенная на мысе Черепаша вблизи бухты Муравьиной, займет площадь в от 620 до 700 га и включает в себя памятник природы – пресное озеро недалеко от береговой линии. При этом 30 га занимают леса первой категории, еще 300 га – земли сельхозназначения.

На территории согласно данным администрации Приморского края должны появиться три – пять многофункциональных развлекательных комплексов мирового уровня. В них будет размещено 5–7 тысяч гостиничных номеров с высоким уровнем обслуживания, до 1 тысячи 200 игровых столов и до 5 тысяч игровых автоматов. Проект предполагает создание в бухте Муравьиной туристско-рекреационной зоны. Поэтому помимо казино

там появятся места для семейного отдыха, зимних и летних видов спорта. В проекте предусмотрены три гостиницы примерно на 1800 номеров, а также торгово-развлекательные центры, парки развлечений и отдыха, аттракционы, салоны красоты, бары, рестораны, конференц-зал, общественно-деловой и спортивные центры, ипподром, каток, поле для гольфа, теннисные корты и горнолыжная трасса на предполагаемом лыжном курорте (который представляет собой независимый проект). Кроме того, на территории зоны планируется возвести 1100 малоэтажных индивидуальных домов для обслуживающего персонала, четыре детских сада, две школы.

При этом в игорную зону Приморье не собираются вкладывать ни краевых, ни федеральных средств. Это инвестиционный проект, который будет реализован за счет внебюджетных источников, подчеркнул губернатор ПК Сергей Дарькин [2]. Поскольку сейчас на этой территории нет ни какой инфраструктуры за исключением автомобильной дороги, то эти планы практически не реальны. Владивосток не в состоянии одновременно вести две стройки века: игорную зону и объекты Саммита 2012 г.

Важно отметить определяющую роль государственного вмешательства в создание и развитие игорных зон. Оно может быть разнообразно: на разных иерархических уровнях власти, от оказания консалтинговых услуг и предоставления льгот, до прямого вмешательства в управление территорией или даже игорных заведений. Основной общественной целью создания игорной зоны в условиях кризисной стагнации региональной экономики на территории может стать повышение экономической эффективности региональной экономики.

В реальности игорная зона – это всегда место отдыха, иногда лечения на курорте, место спорта и только потом уже место игры. Ключевой вопрос: кто может быть клиентом игорной зоны в Приморском крае. Ориентация только на богатых иностранцев была бы ошибочной. Приехать в холодную Россию в туманный Владивосток могут только экстремалы. Другие иностранцы – это китайцы. Народ победнее, зато гораздо мобильнее, ближе размещен и помассовее. Вот на этой массе иностранцев и нужно учиться азам международного сервиса. И наконец, отечественные любители игры. Это не только приморчане. Их много. Это жители г. Хабаровска, отпускники других регионов Дальнего Востока. Законные возможности проиграть свои деньги в Приморском крае, они должны получить в первую очередь. И дать тем самым толчок для развития экономики Приморского края.

Второй фактор – географическое положение показывает, что размещение игорной зоны должно опираться на путях массового скопления отдыхающих.

Третий фактор – развитая инфраструктура. Прежде всего, можно рассмотреть варианты размещения игорной зоны на территориях вблизи малых городов Приморского края.

Они могут служить уже готовой инфраструктурной базой, имеющей свободные производственные помещения, пустующими в результате кризиса, источником трудовых ресурсов для начала строительства. Наиболее перспективными в этом отношении могут быть малые города, расположенные вдоль железной дороги Владивосток – Хабаровск.

Четвертый фактор – именно здесь на равнине Приморского края имеются свободные площади, все возможности для дальнейшего развития игорной зоны, развития всех видов спорта.

Лесозаводск – лучшее место для размещения игорной зоны (население 50 тыс. чел.). Создающийся имидж г. Лесозаводска как спортивного и рекреационного центра уже сейчас обеспечивает рост туристического потока и отдыхающих из Китая, Хабаровска, Владивостока. В непосредственной близости расположен известный курорт «Шмаковка». Экологически чистая территория с наличием большого количества озер и реки Уссури привлекает поток туристов для летнего отдыха. Вокруг города имеются большие лесные массивы и свободные территории.

Лесозаводск находится в непосредственной близости с китайской границей. Благодаря этому в перспективе можно организовать прямые заезды отдыхающих и туристов из этой страны.

Важнейший положительный фактор – это срединное расположение в отношении административных центров г. Хабаровска и г. Владивостока. Он расположен рядом с крупной железнодорожной станцией Ружино. Поэтому возможна организация стыковых маршрутов скоростных комфортабельных электричек не только от Владивостока, но и от г. Хабаровска до Ружино. Лесозаводск обладает довольно большой и недостаточно загруженной производственной инфраструктурой (производственные помещения предприятий, избыток энергообеспеченности (рядом Лучегорская ГРЭС). Транспортная инфраструктура достаточна для нормального снабжения строительства и функционирования будущей зоны. Параллельно железной дороге в непосредственной близости от города проходит федеральная автомобильная трасса, в непосредственной близости (около 10 км) имеется аэродром, способный принимать самолеты малой авиации – все это может стать факторами ускоренного строительства и развития игорной зоны. Наличие вполне комфортабельные гостиницы вполне могут принять первые волны отдыхающих-игроющих. В первые годы возможна организация для игроков из Хабаровска и Владивостока «маршрутов выходного дня» (на 1–2 дня) с проживанием в комфортабельных железнодорожных вагонах.

Но самый главный эффект от такого размещения игорной зоны состоит в том, что географический центр Приморского края наполнится экономической жизнью. Строительство оживит местное производство строительных материалов, деревообработку, перераба-

тывающие сельхозпродукцию предприятия и окрепнет сельскохозяйственное производство, которое обеспечит игорную зону экологически чистыми продуктами. Все это в целом придаст толчок дальнейшему равномерному развитию производительных сил Приморского края.

Список литературы:

1. О госрегулировании деятельности по организации и проведению азартных игр: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ.
2. Российская газета. Федеральный выпуск. – 2009. – № 4952 (128). – 15 июля.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Пастухова Н.Ю.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Важным направлением экономической политики государства является формирование условий устойчивого развития сельских территорий. Разработка и реализация механизма устойчивого сельского развития имеет для страны и, в частности, для Дальнего Востока, большое значение, учитывая, во-первых, удельный вес сельских территорий, и, во-вторых, социально-экономическую бедность и обезлюдение сельских пространств.

В широком понимании устойчивое развитие – это концепция перехода современной цивилизации к установлению нового экономического порядка в мире, обеспечивающего удовлетворение жизненных потребностей людей нынешнего поколения без лишения подобной возможности для будущих поколений.

Под устойчивым развитием сельской местности понимают стабильное развитие сельского сообщества, обеспечивающее выполнение им народнохозяйственных функций (производство продовольствия, сельскохозяйственного сырья, других несельскохозяйственных товаров и услуг), а также общественных благ (сохранение сельского образа жизни и сельской культуры, предоставление рекреационных услуг, социальный контроль над территорией, сохранение исторически освоенных ландшафтов); расширенное воспроизводство населения, рост уровня и улучшение качества его жизни; поддержание экологического равновесия в биосфере.

Наблюдаемые изменения в социально-экономической обстановке в стране усугубили ситуацию с бедностью.

Бедность различается по критерию отнесения людей к кругу бедных, по масштабам распространения (или по уровню бедности), по глубине и остроте, продолжительности пребывания людей в состоянии бедности. Наличие бедности в стране способствуют такие

общеэкономические процессы, как безработица и инфляция, уровень которых характеризует степень бедности.

Социально-экономический портрет бедности представляет собой систему показателей, характеризующих бедность как состояние определенной части общества. В ее составе выделяют следующие группы показателей: природно-климатические, экономические, социальные и демографические.

Природно-климатические факторы при прочих равных условиях способствуют локализации бедности в районах с неблагоприятным местоположением, климатическими и почвенными условиями для ведения сельского хозяйства.

Экономические факторы – это неполная занятость, неэффективная (низкодоходная) занятость, монозанятость, невысокий уровень МРОТ, неразвитость инфраструктуры, низкий доступ к товарам, услугам, информации, отсутствие условий для развития малого и среднего бизнеса, слабая система социальной защиты.

Социальные факторы – неадекватная современным требованиям общеобразовательная, профессионально-квалификационная и возрастная структура рабочей силы, неудовлетворительное состояние здоровья, алкоголизация, социально-экономическая пассивность, замедленное формирование рыночного менталитета – признаки, характеризующие качество рабочей силы как низкое.

Демографические – более высокая по сравнению с городом детская нагрузка на трудоспособных, рост числа неполных семей с детьми, более высокий удельный вес пенсионеров.

Дальневосточное село переживает системный кризис, проявляющийся в ухудшении демографической ситуации в сельской местности, низком уровне жизни, сокращении сфер занятости сельского населения, снижении качества жизни в сельской местности.

Ограниченный доступ сельского населения к рынкам продукции, материально-техническим, финансовым и информационным ресурсам, обусловлен, прежде всего, низким уровнем развития в сельской местности рыночной и инженерной инфраструктуры, банковской сети, отсутствием фондов поддержки сельского развития, кредитных кооперативов, а также демонстрационных хозяйств и консультационных центров.

Основные проявления кризиса в ухудшении вышеперечисленных показателей можно представить следующим образом.

В ДФО продолжается сокращение населения. Сокращение всего населения, в том числе и сельского, происходит как по южным территориям, которые более благоприятны для проживания, так и по северным. За период 1990–2010 гг. округ в общей сложности потерял 1616,6 тыс. чел. или 20,1% постоянного населения, в т. ч. 253,9 тыс. чел. или

13,3% всего сельского населения. Больше всего выехало из сельской местности Чукотского автономного округа, Камчатского края и Амурской области. В Магаданской области постоянного населения в 2010 году к уровню 1990 года осталось 30,2%, в т. ч. сельского – 7,2%.

На демографическую ситуацию в целом по ДФО оказывает воздействие кризис экономики и снижение уровня жизни населения, трансформация социально-экономической системы, низкий уровень и качество развития отраслей социальной сферы.

Существование и острота социальных проблем в сельской местности ДФО зависит от ряда факторов, взаимосвязанных между собой. К ним относятся: наличие рабочих мест на территории, уровень развития сельского хозяйства и других отраслей, наличие и состояние объектов производственной и социальной инфраструктуры и т. д. От всех этих факторов зависит занятость сельского населения, а соответственно, его доходы и уровень жизни.

Тенденцией последнего времени был рост численности экономически активного населения: в Камчатском крае на 1 тыс. человек или на 0,5% и в Амурской области на 17 тыс. человек или на 3,9%. Но в 2009 году по сравнению с 2008 годом в целом по ДФО наблюдается снижение численности экономически активного населения на 32 тыс. чел. или на 0,1%. В сельской местности ДФО численность экономически активного населения сократилась на 24 тыс. человек или на 2,8%. По территориям увеличение произошло только в Амурской области и Чукотском автономном округе на 24 и 1 тыс. чел. или на 18,2% и 12,5% соответственно.

В целом по ДФО наблюдается тенденция сокращения численности занятых в сельскохозяйственной отрасли. В среднем в период с 2005 по 2009 гг. отрасль в год теряла 1,72 тыс. человек, а организации – 5,6 тыс. человек. По территориям в анализируемый период в целом по отрасли среднегодовая численность занятых приросла в Амурской области на 11,2 тыс. человек или 25,5%, в Еврейской автономной области – на 200 человек или 1,7%. Наибольшее сокращение произошло в Чукотском автономном округе и Хабаровском крае – на 28,0% и 24,1% соответственно.

В организациях сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства среднегодовая численность работников в период 2005–2009 гг. по территориям сократилась от 41,7% в Сахалинской области до 12,5% в Камчатском крае.

В сельскохозяйственных организациях весь пореформенный период сохраняется низкая оплата труда. В 2009 году она составила в Республике Саха (Якутия) – 36,0% (в 2008 году – 35,2%), Чукотском автономном округе – 35,9 (33,5), Амурской области – 52,2 (49,0), Еврейской автономной области – 58,0% (52,0%).

Численность занятых в непроизводственной сфере Хабаровского края за анализируемый период выросла, в основном за счет увеличения занятых в государственном и муниципальном управлении и обороне; в социальном обеспечении – на 13,6 тыс. человек или 81,0%.

Значительно сократилась занятость в таких отраслях как образование – на 1,5 тыс. человек или 7,7%, здравоохранении – на 6,6 тыс. человек или 57,9%. Особенно важно это в рамках обсуждаемой проблемы, так как эти отрасли во многом формируют несельскохозяйственную занятость сельского населения и, в основном, занятость женщин.

Это связано с тем, что в сельской местности активизировался процесс структурных преобразований в системе учреждений, оказывающих образовательные и медицинские услуги населению. Значительная часть учреждений утрачивают самостоятельность и перестают функционировать как самостоятельные юридические лица, входя в состав других учреждений.

Спецификой современной российской бедности является пребывание в этом состоянии массы работающего населения. Такая бедность называется экономической. Так, по данным опроса 2009 года в Хабаровском крае половина бедных среди опрошенных – это работающие члены домохозяйств, из них в трудоспособном возрасте 46,0%, а крайне бедных – 18,0%. Рабочих среди бедных 19,6%, служащих – 25%. Доля безработных среди бедных – 12,5%.

На долю социальной бедности приходится 39,3% (37,5% – пенсионеры, 1,8% – инвалиды). По данным нашего обследования, среди сельских домохозяйств, состоящих из работающих супругов трудоспособного возраста, без детей 55,3% бедных и 30,8% крайне бедных (по среднедушевому денежному доходу). Для сельских семей рождение даже одного ребенка является риском скатывания в бедность. Уровень бедности среди семей, где оба супруга трудоспособного возраста работают, с рождением ребенка повышается до 76,9%.

Ситуация с дальнейшим увеличением детей в семьях, если сравнивать с результатами обследования 2008 года, несколько улучшилась. В 2009 году в семьях с двумя и более детьми бедных было 57,1% (в 2008 году 84,0%). Однако это по-прежнему ограничивает экономическую базу для осуществления функции простого воспроизводства – воспитание даже двух детей.

Численность занятых в производственной сфере сократилась на 15,9 тыс. человек, что обусловлено снижением занятости в сельском и лесном хозяйстве на 42,1%, рыболовстве – на 79,2%, строительстве – на 43,1%. В остальных отраслях производственной сферы

имел место рост численности занятых: в обрабатывающих производствах – на 86,7%, в торговле – на 19,3%, на транспорте и связи – на 10,0%.

Число безработных в Дальневосточном федеральном округе в 2009 году по сравнению с 2008 годом увеличилось на 1,5 п.п. В сельской местности уровень безработицы увеличился на 3,5 процентных пункта. Снижение наблюдается в двух территориях округа от –4,6 процентных пункта в Еврейской автономной области до –1,6 – в Чукотском автономном округе. Охват сельских безработных пособием по безработице составляет 58,4%.

Вследствие сокращения рабочих мест в экономике сельской местности численность занятых в личных подсобных хозяйствах увеличивается. Так, за 2005–2008 гг. в Хабаровском крае она увеличилась в 1,9 раз, на 25,1% сократилось количество реализующих продукцию, но увеличилась доля тех, кто производит продукцию для собственного потребления, с 87,2% в 2005 году до 94,8% в 2008 году.

Результаты социологического опроса показывают, что за счет подворий полностью удовлетворяют свои потребности в картофеле и овощах около 90% респондентов, а в молоке и мясе – 24–25%, поскольку далеко не все семьи содержат скот. Реализацией собственной продукции занимаются 68,5% опрошенных домохозяйств района края, из них бедные домохозяйства составляют 58,7%, в т. ч. крайне бедные – 19,0%.

Одним из элементов формирования занятости сельского населения может стать развитие несельскохозяйственной деятельности, в т. ч. в рамках сельхозпредприятий. В условиях Дальнего Востока возможно создание рабочих мест в деревообработке, производстве строительных материалов и переработке сельскохозяйственной продукции. Перспективным направлением развития альтернативной занятости на селе является также жилищно-строительный комплекс, который может способствовать развитию многих сопряженных с ним отраслей, размещаемых в сельских районах.

Таким образом, для претворения принципов устойчивого социально-экономического развития сельской территории необходимо.

Во-первых, в основу стратегии планирования должна быть заложена ориентация на собственные ресурсы сельского муниципального образования, с помощью которых оно разрабатывает программы и проекты, обеспечивающие приток на территорию района финансовых ресурсов для реализации социальных проектов.

Во-вторых, ориентировать на непрерывное отслеживание качества жизни граждан, поскольку его повышение является ключевой задачей. Поэтому центральным моментом анализа состояния экономики – должен стать расчет значений основных показателей качества жизни населения района и выявление их динамики, чтобы в ходе реализации программ и проектов своевременно выявить насколько результативно они влияют на рост

благополучия граждан, оправдываются ли их ожидания, и своевременно скорректировать управление районом, приняв соответствующие политические и экономические решения.

В-третьих, непрерывное влияние и формирование конкурентных преимуществ территории и расположенных на ней экономических объектов, анализ сильных и слабых сторон, угроз и возможностей для определения стратегических направлений к поддержанию конкурентоспособности территории во временных горизонтах планирования.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Посвалюк Н.Э.

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

Формирование долгосрочного прогноза социально-экономического развития Дальневосточного региона на период до 2050 года происходит на междисциплинарной платформе комплексных научных исследований, включая фундаментальные и прикладные направления биомедицинской науки. Открывается новый этап аналитической работы по проблемам развития здравоохранения в регионе, который тесно связан с подготовкой «Концепции модернизации здравоохранения Российской Федерации до 2020 года». Организационно-управленческие решения, принимаемые в процессе подготовки и реализации «Концепции...», опережают предложения аналитиков, что может привести к ошибочной стратегии, экономическим и демографическим потерям, неудовлетворенности населения в вопросах получения медицинской помощи. Авторы считают необходимым обсуждение ориентиров стратегического развития здравоохранения региона в контексте долгосрочного прогноза социально-экономического развития Дальнего Востока России, так как по важности решение медико-демографических проблем стоит на одном уровне с обеспечением необходимых темпов роста российской экономики и национальной безопасности. Для Дальневосточного региона сохранение достаточной численности населения имеет огромное геополитическое и стратегическое значение. Происходящие социально-демографические процессы, экономический рост, развитие высоких медицинских технологий предъявляют серьезные вызовы системе здравоохранения. Общество ожидает от системы здравоохранения эффективного противостояния тенденции роста смертности населения, в особенности в трудоспособном возрасте, снижение показателей младенческой смертности (МС) и материнской смертности. Результаты анализа МС в Хабаровском крае

почти за семидесятилетний период позволяют сделать вывод о снижении показателей МС почти в 8 раз. Тем не менее, общее падение рождаемости, все еще значительный уровень МС требуют реализации комплекса программ по снижению МС до средневропейского уровня. Значительное повышение доли лиц пожилого возраста в составе населения влечет изменения в масштабах и структуре заболеваемости, требует более высоких затрат на медицинскую помощь и медико-социальное обслуживание. Только в силу действия этого фактора потребность в расходах на здравоохранение возрастет к 2020 году более чем на 15%. Задачи модернизации российской экономики будут побуждать федеральное правительство к увеличению расходов на здравоохранение и одновременно к предъявлению повышенных требований по эффективному использованию ресурсов отрасли. Усиление региональной дифференциации по уровню первичных доходов населения в условиях реформирования здравоохранения региона обусловило формирование устойчивой тенденции к сокращению возможностей получения бесплатной медицинской помощи основной группой населения. По мнению экспертов, экономический рост усилит конкуренцию бизнеса за высококвалифицированную рабочую силу. С одной стороны, это вызовет расширение спроса на эффективно функционирующие системы негосударственного медицинского страхования и оказания медицинской помощи работникам, с другой – усилится давление бизнеса на государство в сторону расширения финансирования здравоохранения и роста эффективности его работы как фактора сокращения производственных издержек.

Развитие высоких медицинских технологий и появление новых поколений лекарственных средств существенно расширяют возможности раннего выявления заболеваний и лечения больных, но одновременно определяют удорожание медицинских услуг, поскольку подавляющая часть новых технологий требует больших инвестиций и текущих затрат. При этом четко проясняется ограниченность системы здравоохранения в улучшении показателей здоровья населения. Очевидным становится значение комплексного межсекторного подхода, требующего тесного взаимодействия системы здравоохранения с местными органами власти, системами образования и социальной защиты, производством, бизнесом и общественными объединениями в вопросах охраны здоровья населения и увеличения продолжительности жизни наряду с увеличением периода трудовой и социальной активности.

В ряду главных проблем существующей государственной системы здравоохранения лежит несбалансированность государственных гарантий медицинской помощи с их финансовым обеспечением, связанное с этим нарастание платности услуг и неравенства в доступности медицинской помощи; низкий уровень материально-технического оснащения учреждений и недостаточная квалификация значительной части медицинского персонала;

низкая эффективность действующей системы обязательного медицинского страхования (ОМС); ограниченные возможности для рационального привлечения личных средств населения; серьезные структурные диспропорции (слабое развитие первичной помощи, доминирование в системе многопрофильных больниц, излишние мощности медицинских учреждений и проч.); слабость экономической мотивации медицинского персонала и расширение устойчивой практики неформальной оплаты услуг в медицинских учреждениях на фоне трансформации ценностных и этических составляющих врачебной профессии у современных медицинских работников.

В последние годы государство осуществляет крупные вложения в здравоохранение, при этом не наблюдается кардинальных положительных изменений в отрасли. Специальными определены направления, которые позволят противостоять новым вызовам: модернизация системы здравоохранения, повышение его технологического, организационного и профессионального уровня; институциональные преобразования в системе государственного управления и финансирования здравоохранения, создание институциональных условий для эффективного сочетания государственных и частных источников оплаты медицинской помощи; развитие здравоохранения как важного элемента политики борьбы с бедностью. Уровень финансовой защиты граждан от больших расходов на медицинскую помощь должен стать важнейшим индикатором результативности функционирования отрасли. В ситуации существенного удорожания медицины эта стратегия является социальным и нравственным императивом развития общества. К числу наиболее важных задач государственной политики в сфере здравоохранения относятся: повышение роли профилактики заболеваний и формирование здорового образа жизни; развитие современных медицинских технологий и расширение их доступности; улучшение финансового обеспечения государственных гарантий бесплатной медицинской помощи; сглаживание неравенства в доступности медицинской помощи для различных групп населения; расширение возможностей граждан влиять на систему здравоохранения; преодоление структурных диспропорций в системе оказания медицинской помощи; создание конкурентного рынка медицинских услуг и расширение возможностей выбора медицинской организации и врача; усиление профессиональной и экономической мотивации медицинских работников к повышению качества и эффективности медицинской помощи; усиление позитивного влияния медицинского страхования на показатели деятельности здравоохранения; развитие государственно-частного партнерства в решении проблем здравоохранения; формирование солидарных форм частного финансирования здравоохранения.

Медико-демографическая ситуация в Дальневосточном регионе является уникальной, ее нельзя не учитывать при формировании стратегии развития системы здравоохра-

нения. Сегодня можно с уверенностью говорить о процессах формирования нового дальневосточного этноса, как с позиций социально-политических, так и медико-биологических. Дальневосточные аборигены, коренное пришлое население (переселенцы XVIII–XIX вв.), все активнее ассимилируются с новейшими переселенцами, среди которых увеличивается доля выходцев с Кавказа, стран Средней Азии и сопредельных территорий. Эта ситуация будет приобретать все большую актуальность в связи с государственными программами переселения на Дальний Восток, активной миграцией населения Дальнего Востока за пределы страны и в европейскую часть России, созданием свободных экономических зон и интенсификацией международных обменов в различных областях деятельности стран АТР. В сознании населения уже сформировано понимание неизбежности сосуществования с населением Китая на территории российского Дальнего Востока. Очевидно, что при всем желании воспроизводство населения Дальнего Востока России в ближайшие десятилетия не восполнит понесенных демографических потерь. Это побуждает нас к исследованию вопросов сбережения жизни дальневосточного населения, адаптации переселенцев – южан, северян, китайцев, потомков смешанных браков к проживанию в экологических условиях Дальнего Востока; изучению и прогнозированию медико-социальных проблем, которые будут возникать в процессе формирования новой общности; поиску способов передачи опыта выживания в регионе аборигенного населения. Мы ожидаем появление новых болезней, видоизменения известных, модификации эндемичных видов патологии в связи с генетическими изменениями популяции человека в регионе. Соответственно, потребуются новые методологические подходы к оказанию медицинской помощи населению с учетом особенностей территории проживания (зон жизнедеятельности); формирование новых стратегий и технологий подготовки специалистов (медицинских и социальных работников, психологов, педагогов, юристов, экологов, профессионологов и других) на основе интегрированных медико-генетических, медико-психологических, медико-экологических, медико-социальных, медико-экономических, нормативно-правовых и других знаний и навыков для совместной деятельности в области охраны и укрепления здоровья населения; расширение здоровьесберегающего пространства и делегирование части ответственности за качество здоровья и качество жизни населения за пределы медицинских учреждений, с выходом в образовательные, производственные, территориальные учреждения и общественные объединения; создание мотивированной модели индивидуальной ответственности каждого человека за сохранение и укрепление личного здоровья и здоровья детей.

В настоящее время активно расширяется сетевое пространство, в том числе, региональные социальные сети, которые ежедневно регистрируют присутствие сотен тысяч

пользователей. Это огромные ресурсы для медико-профилактической работы с населением, социально-психологического сопровождения и правового консультирования семей, которые требуют научной разработки принципиально новых методов взаимодействия с населением по вопросам охраны здоровья. Создание проблемно-ориентированных территориальных компьютерных атласов, в основе функционирования которых лежит работа с геоинформационными системами (ГИС) позволит создать интегрированные модели комплексного развития территории в различных условиях жизнеобеспечения для решения задач оценки, прогноза и управления социальными процессами и здоровьем населения. Технологии и возможности включения специалистов первичного звена здравоохранения в интерактивную систему контроля экологической, эпидемиологической и социально-экономической ситуации в зоне жизнедеятельности его пациентов для обмена информацией с различными службами жизнеобеспечения территории позволит координировать профилактическую деятельность среди населения территории, оптимизировать управление ресурсами здравоохранения, разделить ответственность врача за здоровье и качество жизни населения с природоохранными и административными структурами. Условия жизнедеятельности должны найти отражение в новом поколении электронных медицинских карт пациентов и электронной медицинской карте участка обслуживания ВОП. Необходимо предусмотреть создание регионального здоровьесберегающего информационного ресурса в развивающихся социальных образовательных сетях, адресованного в первую очередь, школьникам, их родителям, учителям и школьным врачам, психологам, что позволит осуществлять мониторинг здоровьесберегающей деятельности работников образования и врачей общеобразовательных учреждений, школьников и их родителей в условиях формирования механизмов мотивационного стимулирования. Внедрение инновационных технологий электронной медицины в территориальных лечебно-профилактических учреждениях, обеспечение дистанционного мониторинга индивидуального здоровья населения с ведением электронной медицинской карты; приближение медико-профилактической помощи к населению посредством телемедицинских технологий (в том числе, в домашних условиях); развитие новых здоровьесберегающих технологий; оптимизация контроля тренировочного и адаптационного процессов, составление индивидуальных программ питания детей и взрослых на основе комплексной оценки медико-генетических и конституциональных особенностей пациента, биоритмологических и сезонных условий в зоне жизнедеятельности позволят сформировать модели паритетного сотрудничества системы здравоохранения и населения региона в вопросах управления индивидуальным здоровьем и качеством жизни. Системный подход к пониманию причин нарушения здоровья населения позволит строить долгосрочные прогнозы демографического развития территории и по возможности, управлять рисками.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Тотонова Е.Е.

**ОЦЕНКА ОПЫТА КАНАДЫ В ОРГАНИЗАЦИИ
ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В мире наблюдается тенденции увеличения путешествий к северу, занятий активными видами отдыха, которые давно используются многими северными странами для развития своих северных территорий. Канада является северным государством, которому принадлежат более 2/3 северных и арктических территорий, оно имеет многонациональное население и федеральную форму государственного устройства. В мировой туристской специализации Канада выделяется, как страна, позиционирующая природные виды туризма, к чему способствуют огромная территория страны (9970 тыс. км², часть которой, кроме узкой южной полосы, где живет 90% населения страны, малоосвоена) и имеет разнообразные природно-рекреационные ресурсы.

В северных территориях Канады (40% территории страны, расположенные к северу от 60-й параллели), состоящих из трех территорий: Юкон, Северо-Западные Территории, Нунавут, живет менее 1,0% ее жителей, называемых первой нацией (инуиты, индейцы) (табл. 1).

Хозяйственное освоение Севера становится устойчивым, если одновременно идет не только обживание территории, но и сохранение традиционного хозяйства коренных народов и бережное отношение к окружающей среде. С точки зрения туризма Север можно считать регионом «пионерного» освоения и развитие туризма имеет очаговый характер. Среди видов туристской деятельности, по которым проводится активное позиционирование на Севере Канады, можно перечислить морские круизы, туры на собачьих упряжках, сафари на снегоходах, охота, рыбалка, наблюдение за животным миром Севера, экологические туры, катание на лыжах, походы по горным районам тундры, сплавы по рекам.

Северные территории Канады

№	Территория	Площадь, доля от общей площади страны в %	Население, доля коренного населения в %	Кол-во национальных парков	Количество туристов, посетивших северные территории
1	Юкон	483 тыс. км. ² 4,8%	31 тыс. из них 20% коренное население	3	2520 тыс.
2	Северо-Западные Территории	1,3 млн км. ² 13,5%	43 тыс. (50% коренное население)	3	360 тыс.
3	Нунавут	2,1 млн км. ² 21,0%	30 тыс. (85% коренное население)	4	180 тыс.

Источники: [2; 3].

Опыт управления индустрией туризма в Канаде. Туризм в Канаде является 11 по счету наиболее развитым промышленным сектором страны и входит в зону ответственности Министерства промышленности, которое является одним из ключевых министерств с широким мандатом. Туризм является значительной статьёй дохода канадской экономики. По данным ВТО 2008 г. Канада занимает 12 место по туристским прибытиям (15,8 млрд канад. долл.), 11 место по туристским расходам и имеет стабильное отрицательное туристские сальдо, то есть, чем более развита страна, тем выше доля населения, формирующего туристские потоки. Доходы от туризма Канады составляют 74,8 млрд канад. долл., доля туризма в ВВП страны – 2%, туризм страны обеспечивает работой 660 тыс. человек (2008 г.) [3]. Управление туризмом в Канаде осуществляется на 3 уровнях.

1. Федеральный – государство выполняет регулирование туризма путем создания федеральных целевых и региональных программ, так как туризм имеет огромное значение для развития социальной сферы и одновременно, при минимальных вложениях приносит прибыль выше средней.

2. Региональный – совершенствование управления туристкой индустрией Канады лежит в сфере развития туризма по регионам. Каждая провинция / территория имеет региональное управление туризмом.

3. Местный – формирование местных органов управления на Севере Канады является эффективной формой управления туризмом, поскольку именно местное население будет заинтересовано не только в экономической стороне развития туризма, но и в сохранении природы Севера, как традиционной среды своего обитания. Основной целью деятельности органов местного самоуправления является повышение конкурентоспособности местных предприятий.

Механизм взаимодействия государственных, региональных, муниципальных структур с туристскими предприятиями является наиболее эффективным методом управления туризмом на Севере.

Канадская комиссия по туризму. Национальной туристической организацией страны является Канадская комиссия по туризму – ККТ (Commission canadienne du tourisme), в состав которой входят управления по туризму всех провинций/территорий (создан в 1995 г.). ККТ занимается вопросами регулирования, разработкой нормативно-правовой базы, координацией деятельности регионов, международным сотрудничеством на межгосударственном уровне, маркетинговой деятельностью, участием в выставках, управлением туристскими представительствами за рубежом. Состоит из 4 рабочих комитетов, которые занимаются основными направлениями реализации программ Комиссии: ключевыми рынками, МІСЕ-туризмом (деловой туризм), разработкой турпродуктов и исследованиями [2].

Бюджет ККТ (2008 г.) составляет 178,8 млн канад. долл., из которых 82,9 млн канад. долл. было выделено Правительством Канады, а 95,8 млн канад. долл. было профинансировано частным сектором. Доля затрат на маркетинг и реализацию турпродуктов в суммарных расходах Канадской комиссии по туризму превышает 50% [2]. Канадская комиссия по туризму оказывает следующие услуги: повышение квалификации и профессиональная подготовка работников туристической индустрии, маркетинговые исследования и анализ рынка, формирование турпакетов, развитие рынка и информирование о лучшей практике.

Региональное управление туризмом. Каждая провинция / территория страны имеет свое региональное управление. Стратегию развития туризма разрабатывает Ассоциация туризма территорий, подчиняющиеся правительствам провинций / территорий Канады. Все управления / ассоциации по туризму провинций/территорий входят в состав ККТ. Основными причинами создания региональных туристических ассоциаций на Севере являются:

- отсутствие согласования совместной работы в туристической индустрии между бизнесом и местными общинами;
- создание новых рабочих мест;
- разработка стратегии развития туризма;
- лоббирование проектов развития туризма на Севере в территориальных правительствах и в Правительстве Канады.

Региональная туристическая ассоциация разрабатывает маркетинговый план и стратегию развития туризма, также поддерживает развитие среднего и малого бизнеса в регионе. В стратегии развития туризма на Севере Канады уделяется внимание на разработку следующих турпродуктов: на короткий срок – развитие делового туризма, охоты и рыбалки; на средний срок – развитие приключенческого туризма; на долгий срок – развитие основного туризма. Партнерами региональной туристической ассоциации являются:

- местные предприятия (общины, муниципальные советы, кооперативы), которые заинтересованы в развитии туризма;
- предприниматели, занятые в туристической индустрии (транспорт, гостиницы, рестораны и др.);
- туроператоры и турагенты.

Во всех городах страны существуют офисы по туризму, которые принадлежат правительству провинций/территорий. Работает сеть частных туристических компаний, занимающихся рекламой имеющихся достопримечательностей (МОМ – маркетинговые организации мест) и сеть турфирм, занимающихся организацией поездок местного значения [2].

Местное управление туризмом на Севере Канады. В 1960–1970-е годы инуиты, индейцы и метисы стали создавать политические институты для представления своих интересов на уровне федерации, провинций, территорий и регионов. В результате политической активности инуитов были образованы новые территории Нунавут и Северо-Западные территории, создано региональное правительство Нунавика в Квебеке. Изменения, которых добились коренные народы в области управления, значительны: в результате последовательной борьбы, проведенной организациями коренных народов, существующие аборигенные и договорные права представителей «первых наций», инуитов и метисов закрепились в Конституции Канады. Политическая активность коренных народов позволила им создать сильные общеканадские организации, представляющие их интересы: Ассамблею первых наций, Конгресс коренных народов, Национальный совет метисов, Инуитский Тапириит Канатами, Пауктутит – инуитскую женскую организацию и ассоциацию уроженцев Канады.

Характерной особенностью современного развития Севера Канады является то, что на уровне территорий Канады развитие туризма получает активную поддержку, которая заключается в финансировании научных разработок, реализации образовательных программ, привлечении внешних инвестиций и оказании сопутствующих услуг. Ведущую роль в управлении туризма на уровне северных территорий оказывают агентства регионального развития – управляющие компании при правительстве территорий. Основной целью деятельностью органов местного самоуправления является повышение конкурентоспособности местных предприятий: вовлечение местных тематических туристских кластеров в региональные кластеры; информационно-аналитическая поддержка; нормативно-правовая поддержка; административная поддержка; налогово-бюджетная поддержка; денежно-кредитная поддержка; инвестиционная поддержка; развитие инновационной составляющей; развитие инфраструктуры; развитие и привлечение трудовых ресурсов [2].

В Канаде первые кооперативы были созданы в 1960 г. По данным 1997 г. в стране функционировало 132 кооперативов коренных народов, работающих, в основном, в производстве сувениров, произведений искусств (8%), жилищно-коммунальном хозяйстве (5%), в сфере услуг – 76% (торговля, службы такси, гостиницы, рестораны), в других отраслях – 11%. Доходы 75 кооперативов, расположенных на севере страны составляют 224 млн долл., из них 76% северных кооперативов работают в секторе услуг. При этом 38% кооперативов коренных народов расположены на Северо-Западных территориях (51 кооператив, доходы – 144 млн долл.), 17% в Квебеке [8].

Таблица 2

Кооперативы коренных народов Канады, 1997 г.

Показатель	Кооперативы Севера Канады	Кооперативы юга Канады	Итого
Количество всех кооперативов	75	57	132
Количество всех работников	19366	4790	24 156
Из них количество постоянных работников	843	165	1008
Оборот, млн долл.	224	25	249
Активная общая сумма, млн долл.	166	22	188

Источник: [8].

Таким образом, в Канаде распространена система партнерства бизнеса и местных сообществ при участии и активной поддержке Правительства Канады. Управления туризмом северных территорий подписывают соглашения с региональными ассоциациями туризма, при котором стороны предусматривают взаимное сотрудничество для развития экономики и стимулирования развития туристической индустрии в регионе. В настоящее время большая часть частных туристических предприятий Севера управляется местным населением. Правительства северных территорий Канады, предприятия северной туристической индустрии уверены, что туризм является опорой развития экономики территорий, который не оказывает негативного влияния на хрупкую северную природу и образ жизни коренных народов. Туристская политика является эффективным инструментом, с помощью которого можно добиться гармоничного сочетания экономических поступлений от туризма.

Проблемой развития северного туризма является то, что существует слишком большое количество уровней управления (федеральные, территориальные, региональные, муниципальные), где каждый старается применять свои проекты развития северного туризма и свою политику. Актуальным является вопросы регулирования, согласования деятельности различных туристических посредников государственных структур и частного сектора.

Опыт формирования местных органов самоуправления и их партнерские отношения с крупным, малым бизнесом, под регулированием федеральных и территориальных правительств является оптимальным и выгодным условием развития туризма на Севере. Развитие туризма северных территорий Канады является составной частью государственной социально-экономической политики, которая ориентирована на формирование новой модели функционирования данной сферы, с сочетанием эффективных рыночных механизмов с сохранением традиционного природопользования коренных народов.

Применение опыта «смешанной занятости», то есть сочетания традиционных форм трудовой деятельности с современными формами, которая в течении 30 лет практикуется на Севере Канады, актуальна для северных регионов России. В рамках развития северного туризма можно использовать опыт Канады как развитие различных видов кооперации и трудовых ассоциаций, который также учитывает специфические особенности занятости на северных территориях. Основным направлением развития северного туризма является возрождение в общинах коренных народов национального самоуправления, поддержка традиционного природопользования, законодательное признание прав на землепользование которое является единственным ресурсом северных территорий.

Список литературы:

1. География туризма / под ред. А.Ю. Александровой. – М., 2008.
2. Материалы сайта <http://www.canadatourism.com>.
3. Материалы сайта. <http://www.statcan.ca>.
4. *Тотонова Е.Е.* Глобализация и развитие северных регионов. Экономические исследования: науч. сб. ФЭИ. Вып. 3. – Якутск, 2007.
5. *Тотонова Е.Е.* Развитие туризма северных территорий Канады // Канадский ежегодник «Труды Российской Ассоциации изучения Канады». Вып. 12. – М.: РОИК, 2008.
6. *Тотонова Е.Е.* Региональный опыт использования туристско-рекреационного потенциала (на примере Канады) // Туризм и региональное развитие: сборник научных статей. Вып. 5. – Смоленск: Универсум, 2008.
7. *Тотонова Е.Е.* Туристско-рекреационный потенциал Канады // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: труды II Междунар. научно-практ. конф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, географический факультет; Москва, 20 апреля 2007 г.). – М.: РИБ «Турист», 2007.
8. *Belhadji Bachir.* Profil socio-economique des cooperatives autochtones au Canada. Secretariat aux cooperatives Gouvernement du Canada. – Ottawa, 2001.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Хавинсон М.Ю. , Мищук С.Н. , Кулаков М.П.

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА
(НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)¹**

Решение проблем региональной занятости и безработицы является одной из важнейших задач социально-экономического развития региона. Анализ динамики численности занятых и безработных может быть проведен при условии глубокого понимания не только экономической ситуации, но и сути социальных отношений на региональном рынке труда. Теория и практика математического моделирования показывают, что простые взаимодействия между объектами могут приводить к колебательным режимам поведения системы, появление которых сложно интуитивно предвидеть и вовсе невозможно количественно охарактеризовать без привлечения соответствующего научного аппарата [2]. Таким образом, экспертный анализ в решении вопросов региональной занятости и безработицы, а также прогнозирования регионального рынка труда будет недостаточно эффективным без применения математического инструментария, а именно, метода математического моделирования.

Целью настоящего исследования является построение математических моделей развития регионального рынка труда, позволяющих получить описание динамики и прогноз численности местных, иностранных занятых, безработных и экономически неактивного населения.

Построение математической модели региональной занятости и безработицы производится с помощью дифференциальных уравнений на принципах, изложенных в работе В.

¹ Исследование проведено при частичной поддержке РГНФ проект № 09-02-88202а/Т, ДВО РАН проект № 10-III-B-01M-005.

Вольтерра [1]. В региональном развитии распространено трудоустройство посредством социальных сетей [3], поэтому в модели будем полагать, что молодые специалисты из группы экономически неактивных перейдут в категорию занятых или безработных в зависимости от взаимодействий соответственно с занятыми или безработными. Социальные взаимодействия экономически активного населения будем описывать тройными взаимодействиями типа «безработный – занятый – занятый» (иными словами, «безработный – посредник – работодатель») по аналогии с моделью брюсселятора взаимодействия молекулы одного вещества с двумя молекулами другого [5]. В итоге, получаем следующую систему уравнений:

$$\begin{cases} \dot{x}_1 = \alpha_0 \cdot x_1 z_1 + \beta_0 \cdot x_1^2 y_1 - a_0 \cdot x_1 \\ \dot{y}_1 = \alpha_1 \cdot y_1 z_1 - \beta_1 \cdot x_1^2 y - a_1 \cdot y_1 \\ \dot{z}_1 = \gamma \cdot x_1 - b \cdot z_1 \end{cases} \quad 1)$$

где x_1 – численность занятых, y_1 – численность безработных, z_1 – численность экономически неактивного населения, $\alpha_0, \beta_0, \alpha_1, \beta_1$ – коэффициенты социальных взаимодействий, a_0, a_1 – коэффициенты убыли местных и иностранных занятых соответственно, γ – доля занятых, пополняющих когорту экономически неактивных, b – обобщенный коэффициент смертности, миграции и перехода в категорию занятых экономически неактивного населения.

С помощью полученных уравнений можно описать различные режимы социальных взаимодействий между занятыми, безработными и экономически неактивными.

В системе (1) есть стационарное состояние с отсутствием безработных, которое возможно, скорее всего, в регионе с богатой инфраструктурой и «равновесным» количеством рабочих мест. Ненулевые особые точки соответствуют ситуации наличия непривлекательных рабочих мест, создающую некоторую постоянную «текучку» кадров, либо кадрового перенасыщения рынка труда.

Модельные уравнения применены для описания динамики занятости и безработицы в Еврейской автономной области (ЕАО). Для ЕАО выявлены колебания в численности занятых x_1 , безработных y_1 и экономически неактивных z_1 . Значения коэффициентов корреляции $r_{xy} = -0,87$, $r_{xz} = 0,94$, $r_{yz} = -0,75$ (по данным 1995–2007 гг.) показывают наличие линейной связи между этими колебаниями и правомерность применения описанной модели для описания динамики данных показателей.

Модельные кривые для занятости и безработицы в области приведены на рисунке 1, на котором видно, что значения исследуемых показателей близки к насыщению. Флуктуации численности экономически активного населения ЕАО вызваны кризисом 1990-х

годов и в настоящее время носят характер затухающих колебаний, стабилизирующихся в точке с координатами (89,5; 3,79; 93,4).

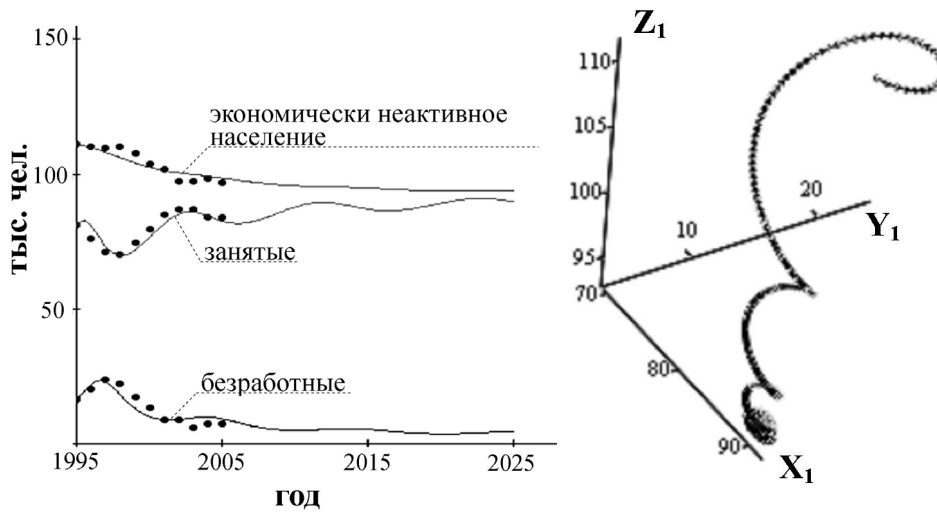

Рис. 1. Интегральные кривые в сравнении и фазовая траектория модели (1) для ЕАО

Отметим, что численность безработных в устойчивом состоянии рассматриваемой системы будет отлична от нуля, что может означать наличие «буфера» трудовых ресурсов в ЕАО. «Резерв» из безработных образуется вследствие «текучки» кадров, обусловленной, скорее всего, поиском наиболее престижной, высокооплачиваемой и интересной работы квалифицированными безработными.

Учитывая немаловажную роль иностранной рабочей силы в социально-экономическом развитии ЕАО [4], нами разработана модель взаимодействия иностранной и местной рабочей силы в регионе.

Динамика численности иностранной и региональной рабочей силы может быть описана с помощью системы дифференциальных уравнений с тремя фазовыми переменными: численность местных занятых x_2 , численность иностранной рабочей силы y_2 и численность безработных z_2 . Взаимодействия между рассматриваемыми группами занятых можно ввести в модель в виде соответствующих произведений так, как это принято в популяционной биологии [1], [5]. Уравнения динамической системы примут следующий вид:

$$\begin{cases} \dot{x}_2 = b_1 x_2 - a_1 x_2 y_2 + c_1 z_2 - k_1 \cdot x_2^2 \\ \dot{y}_2 = b_2 y_2 - a_2 x_2 y_2 - k_2 \cdot y_2^2 \\ \dot{z}_2 = b_3 x_2 - c_2 z_2 \end{cases} \quad (2)$$

где x_2 – численность местных занятых, y_2 – численность иностранной рабочей силы, z_2 – численность безработных, a_1, a_2 – коэффициенты социальных взаимодействий, b_1, b_2 – коэффициенты роста численности местных и иностранных занятых, c_1 – коэффициент трудоустройства безработных, k_1, k_2 – коэффициенты самолимитирования (коэффициенты описывающие эффект мальтузианской ловушки), b_3 – коэффициент безработицы, c_2 – коэффициент сокращения безработицы.

С помощью полученных уравнений можно проанализировать различные варианты социальных взаимодействий между местной и иностранной рабочей силой и безработными в регионе.

Модельные уравнения применены для описания динамики взаимодействия местных и китайских занятых в ЕАО. Установлено, что в настоящее время в ЕАО достигнуто некоторое равновесное «симбиотическое» взаимодействие между китайской и местной рабочей силой. Модельные кривые для занятости и безработицы в области приведены на рисунке 2, на котором видно, что значения исследуемых показателей близки к насыщению (фазовый портрет системы – устойчивый узел с координатами (76,3; 6,3; 6,2)).

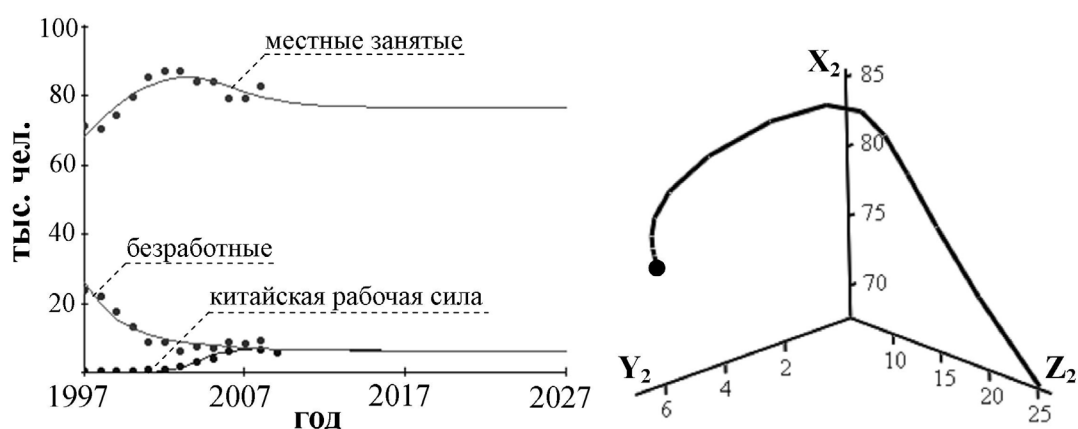

Рис. 2. Интегральные кривые в сравнении и фазовая траектория модели (2) для ЕАО

Предварительное сравнение результатов моделирования показывает, что в настоящее время в ЕАО китайская рабочая сила не является источником наблюдаемых колебаний численности занятых и безработных (модель 2), которые можно понимать как дестабилизацию развития рынка труда области. Причиной флуктуаций численности экономически активного населения, вероятно, являются внутренние экономические факторы, связанные с кризисными явлениями, ростом социальной напряженности и активностью социальных сетей (модель 1).

Список литературы:

1. *Вольтерра В.* Математическая теория борьбы за существование. – М.: Главная редакция физико-математической литературы изд-ва «Наука», 1976.
2. *Короновский А.А., Трубецков Д.И.* Нелинейная динамика в действии: Как идеи нелинейной динамики проникают в экологию, экономику и социальные науки. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002.
3. *Лаврушевич П.Е.* Личные связи на российском рынке труда // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 2.
4. *Мищук С.Н., Хавинсон М.Ю.* Международная трудовая миграция в приграничном регионе: анализ и прогнозирование (на примере Еврейской автономной области) // Региональные проблемы. – 2010. – Т. 13. – № 1.
5. *Рубин А.Б., Пытьева Н.Ф., Ризниченко Г.Ю.* Кинетика биологических процессов. – М.: Изд-во МГУ, 1987.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Чижова Г.В.

**РАЗРАБОТКА НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПЛОДА И НОВОРОЖДЕННОГО
ПРИ БЕРЕМЕННОСТИ ВЫСОКОЙ ГРУППЫ РИСКА**

Устойчивая негативная медико-демографическая ситуация в стране вообще и Дальневосточном регионе в частности обуславливает актуальность разработки фундаментальных проблем и совершенствование клинико-диагностических технологий в области охраны материнства и детства, сохранения и укрепления здоровья детей и подростков как основы формирования трудового потенциала, необходимого для реализации планов по дальнейшему развитию Дальнего Востока.

В Хабаровском крае общая заболеваемость детей выросла с 227,1 (в 2004 г.) до 269,7 (в 2009 г.) на 1000 детей. В связи с этим особую озабоченность вызывает неуклонное уменьшение числа здоровых детей и рост числа детей с хроническими заболеваниями. Отмечен рост заболеваемости подростков по основным классам болезней, выявлена четкая тенденция к омоложению и хронизации болезней, влекущих развитие профессиональных ограничений и стойкой инвалидизации молодежи. Установлено, что наиболее значимыми для формирования патологии подросткового возраста являются факторы перинатального риска, психоневрологические нарушения, синдром недифференцированной дисплазии соединительной ткани, высокая степень наследственной отягощенности по заболеваниям сердечно-сосудистой системы.

В этой ситуации состояние здоровья беременных женщин, детей и подростков зависит от воздействия различных факторов риска, а сохранение, укрепление и восстановление здоровья каждого ребенка продолжит оставаться приоритетной государственной задачей.

С учетом перехода с 2012 г. на новые критерии ВОЗ живорождений в сроки беременности 22 недели и более, необходимо внедрение дополнительных новых технологий по профилактике и лечению невынашивания беременности, преждевременных родов, выхаживания плодов и новорожденных с низкой и экстремально низкой массой тела.

Доля внутриутробных инфекций (ВУИ) в структуре причин перинатальной смертности возросла за последние 20 лет в 4 раза. Более, чем в 50% случаев причиной невынашивания и недонашивания беременности является именно инфекционный фактор. С помощью разработки и применения ПЦР на аутопсийном и биопсийном материале будут получены новые данные о влиянии отдельных возбудителей TORCH-комплекса на формирование фетоинфантильных потерь и врожденных дефектов развития, на заболеваемость новорожденных и младенцев. И это только одна из проблем.

В этой связи необходима координация деятельности медицинских научно-исследовательских и образовательных учреждений, органов управления и учреждений здравоохранения в области охраны здоровья детей и подростков на территории Дальнего Востока, обобщение результатов фундаментальных и прикладных исследований, определение приоритетных задач учреждений академической и вузовской науки, практического здравоохранения в решении актуальных проблем охраны здоровья материнства и детства в условиях реализации национального проекта в области здравоохранения и его модернизации.

Цель программы – снижение перинатальной и младенческой заболеваемости, инвалидности и смертности путем прогнозирования, ранней диагностики и реабилитации детей, рожденных от матерей с осложненным течением беременности, в том числе на фоне инфекции.

Основные целевые задачи программы:

- Формирование группы высокого гестационного риска по реализации перинатальной патологии во время беременности, родов и раннего неонатального периода, а также детей до 1 года.
- Выявление основных предикторов развития тяжелых соматических и функциональных аномалий у новорожденных, приводящих к распространенным инвалидизирующим болезням у детей.
- Разработка инновационных, диагностических, лечебных и реабилитационных программ охраны здоровья плода и новорожденного в условиях беременности высокого перинатального риска.

Ожидаемые результаты:

Снижение перинатальной заболеваемости и смертности, улучшение качества здоровья новорожденных и младенцев, снижение показателей инвалидности с детства от управляемых причин и, в конечном счете, улучшение демографических показателей на территории Хабаровского края и Дальневосточного региона.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Шамрай Н.Б., Нурминский Е.А.

**ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ УЛИЧНО-
ДОРОЖНОЙ СЕТИ ВЛАДИВОСТОКА НА ТРАНСПОРТНУЮ СИТУАЦИЮ
С ПОМОЩЬЮ МОДЕЛЕЙ ПОТОКОВОГО РАВНОВЕСИЯ**

Введение

Одной из острейших инфраструктурных проблем крупных городов современной России является несоответствие топологии исторически сложившихся улично-дорожной сети (УДС) и ее состояния настоящему и быстро растущему уровню автомобилизации населения, требованиям обеспечения мобильности рабочей силы, ускорению оборота продуктов и доставки произведенной продукции. В целом тут присутствует комплекс проблем, связанных как с оперативным управлением дорожной ситуацией, поддержанием УДС в работоспособном состоянии, так и с решением перспективных вопросов развития и модернизации существующих УДС.

В ходе реализации масштабных федеральных программ развития Дальнего Востока России значительные средства вкладываются в инфраструктурные проекты совершенствования транспортных сетей Владивостока и его непосредственного окружения. В связи с этим возникают вопросы оценки эффективности этих вложений, их влияния на экономическую и экологическую среду города, на которые можно ответить используя современные средства экономико-математического и компьютерного моделирования.

В данной работе изложены результаты проведенных исследований для прогнозирования автомобильного трафика на автодорогах Владивостока. Описываются результаты математического моделирования транспортных потоков на реальной и перспективной УДС в предположении конкурентного бескоалиционного поведения водителей, минимизирующих свое время в пути. Сообщается о результатах численных

расчетов и проводится сравнение рассчитанных и эмпирических данных. Исследования показали, что запланированные в генеральном плане развития Владивостока работы по строительству новых дорог улучшат транспортную ситуацию в городе.

Моделирование транспортных потоков во Владивостоке

В столице Приморья городе Владивостоке к настоящему моменту сложилась крайне тяжелая транспортная ситуация. Согласно данным статистики [3] Владивосток является самым насыщенным автомобильным транспортном городом России с 566 автомобилями на 1000 населения, опережая почти в два раза Москву. Ситуация усугубляется тем, что для Владивостока характерен сложный рельеф территории города и хаотически развивавшаяся дорожная сеть. Для улучшения транспортной ситуации администрацией города предпринимаются различные меры, в том числе включение в генплан перспективного развития Владивостока ряда крупных дорожных проектов: строительство дублирующих дорог, новых развязок, мостов, туннелей и др. [4]. Эти проекты весьма затратны и среди специалистов и общественности существуют различные мнения об их эффективности. Все это делает проблему моделирования транспортных потоков Владивостока весьма актуальной.

Подавляющее большинство участников дорожного движения в часы пик во Владивостоке составляют легковые автомобили и миниавтобусы, совершающие преимущественно маятниковые поездки место проживания – место работы и обратно. Именно такие поездки создают пиковые нагрузки на УДС, вызывают основные потери времени и других ресурсов, повышают аварийность и усложняют социально-экономическую ситуацию. Вместе с тем маятниковые поездки трудовой миграции имеют ряд особенностей, делающих их удобными для моделирования. В первую очередь в силу их повторяемости характеристики таких поездок можно считать стационарными, а самих водителей – имеющих полную информацию о возможных издержках на различных маршрутах. Также разумно предполагать совершенный эгоизм участников этих поездок и стремление нести минимальные потери при проезде. Очевидно также и отсутствие возможностей организовать коалиционное поведение.

Поэтому при исследовании транспортной ситуации во Владивостоке в качестве основной загрузки УДС в утренне–вечерние часы пик были рассмотрены транспортные потоки, порождаемые легковым частным транспортом при трудовой миграции, а в качестве поведенческой модели был использован первый поведенческий принцип Вардропа (принцип пользовательской оптимизации) [7], утверждающий, что пользователи сети независимо друг от друга выбирают маршруты следования, соответствующие их минимальным транспортным расходам. Исходя из приведенных принципов,

прогнозирование распределения транспортных потоков в УДС было сведено к решению монотонного вариационного неравенства [2; 6].

Для проведения численных расчетов УДС Владивостока была представлена ориентированным графом, географическая привязка которого осуществлялась на основе данных, предоставленных геодезическим предприятием ФГУП «ПримАГП». Интересной особенностью УДС является большое (2521) количество вершин степени 3, что характерно для естественных графовых структур (трещин на поверхности земли, речных сетей, кровеносных сосудов и пр.) и говорит о том, что в большей степени топология УДС города складывалась стихийно. Исходная графовая модель включала дороги четырех категорий, в том числе внутриквартальные подъезды к домам, грунтовые дороги через лесные массивы. Хотя на практике и эти пути используются для сквозного движения или объезда пробок, но все же они не играют особой роли в переносе основного потока автотранспорта и при расчетах использованы не были. В результате для расчетов была рассмотрена сеть, состоящая из 537 вершин и 1128 ориентированных дуг, изображенная на рисунке 1. В рассматриваемой транспортной сети было выделено 37 потокообразующих вершин, каждая из которых одновременно являлась источником и стоком.

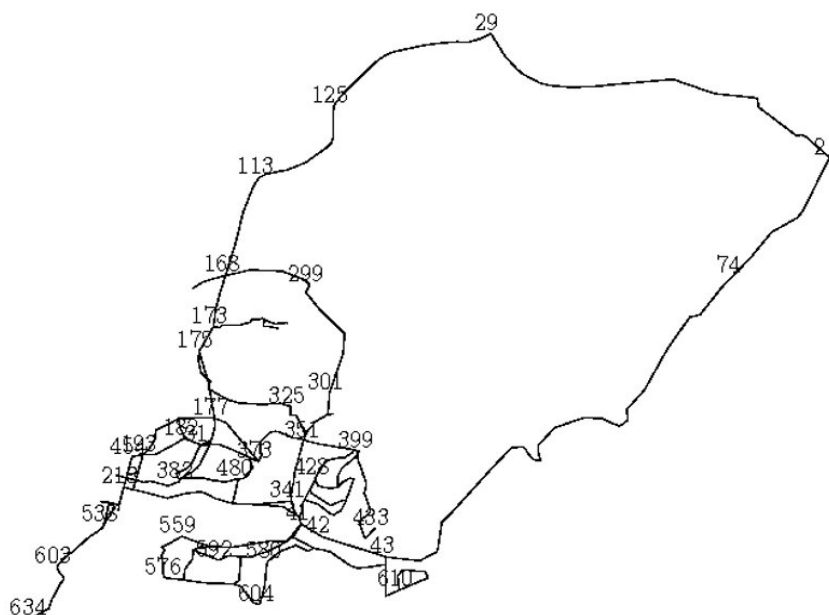

Рис. 1. Графовая модель УДС Владивостока, дороги категорий 3 и 4.

Примечание. Пронумерованы потокообразующие вершины.

При анализе влияния на транспортную ситуацию ввода в эксплуатацию новых дорог в представленную на рисунке 1 графовую модель были введены новые дороги, предусмотренные генеральным планом как магистрали первой очередности строительства.

Дальнейшая работа заключалась в построении матрицы корреспонденций трудовой миграции для каждой выделенной потокообразующей пары. Для определения объемов корреспонденций территория Владивостока была поделена на квадратные зоны. Интерактивная карта города, позволила получить детальную информацию о застройке каждой зоны: тип здания (жилое, производственное предприятие, образовательное учреждение, торговый комплекс, бизнес центр, медицинское учреждение и т. п.) и его этажность, что помогло подсчитать количество жилых домов разной этажности, выявить предприятия, организации и учреждения, формирующие рабочие места в каждой из рассматриваемых зон.

По таблице соответствия этажности здания и проживающих в нем людей был определен объем населения в каждой зоне. В результате таких подсчетов, суммируя количества проживающих по всем зонам, общий объем населения Владивостока получился равным 587 768 человек, что всего лишь на 1,5% отличается от данных переписи 2008 года. Согласно официальной статистике уровень занятости населения в экономике Владивостока составляет 60% от общего числа жителей. Предполагалось, что именно эта часть населения города порождает трудовую миграцию. Учитывая полученные с помощью интерактивной карты данные по типам предприятий, организаций, учреждений и используя информацию из статистических сборников, аналитических записок и деловой прессы Владивостока было определено количество рабочих мест в каждом квадрате и построена зональная матрица отправок и прибытий для трудовой миграции по 638 квадратам. Далее за каждой из 37 выделенных вершин в графе были закреплены близлежащие зоны, что дало объемы исходящих и входящих потоков для этих вершин. Сами корреспонденции рассчитывались с помощью модифицированной гравитационной модели [1].

Для проверки достоверности сделанных расчетов в «узких» местах УДС Владивостока, то есть на дугах, движение по которым является единственно возможным способом попасть из одной агрегированной территориальной зоны в другую, были сделаны натурные замеры потока автотранспорта. Максимальная абсолютная ошибка в подсчетах была равна 382 автомобилям или 14% от наблюдаемого значения, что при таких приближенных оценках, можно считать вполне приемлемым.

Численные расчеты загрузки сети

На подготовленных исходных данных с использованием численных методов решения вариационных неравенств [5] была рассчитана загрузка реальной УДС. Для проверки соответствия полученных результатов реальной ситуации на автомагистралях города проведены натурные замеры интенсивности движения на 16 участках транспортной

сети в утренний час пик. Сравнение рассчитанных и наблюдаемых потоков показало, что рассматриваемый равновесный подход моделирования загрузки УДС весьма адекватно описывает транспортную ситуацию во Владивостоке. Среднее отклонение рассчитанных потоков от натуральных замеров составило 540,38 автомобиля. Максимальная абсолютная ошибка вычислений равна 1298 автомобиля, что означает превышение в 2,5 раза рассчитанного потока над наблюдаемым или относительную ошибку 150%. Минимальная абсолютная ошибка вычислений равна 34 автомобиля, что означает превышение в 1,02 раза рассчитанного потока над наблюдаемым или относительную ошибку 2%.

Предварительный анализ перспективной УДС показал, что суммарная длина кратчайших путей в сети уменьшилась на 4%. В среднем кратчайшие пути в новой сети стали короче на 415 м. Кратчайший путь сократился для 17% пар вершин из общего числа 288 369.

На рисунке 2 показано как изменится загрузка существующих дорог в перспективной сети: черным цветом выделены участки, на которых поток уменьшится, серым – участки, на которых поток увеличится, пунктиром обозначены новые дороги.

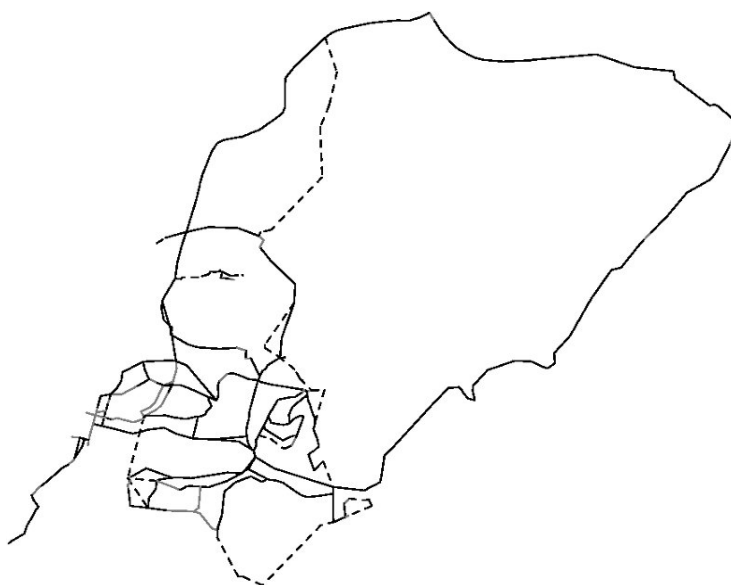

Рис. 2. Изменение загрузки дуг перспективной сети

Из рисунка видно, что практически на всех дугах объемы потоков уменьшились. Однако существуют и участки, по которым поток увеличился, а значит возросли транспортные затраты. Но это не портит общей положительной картины, поскольку системные задержки в новой сети сократятся на 3090 часов.

Проведенные расчеты показывают, что строительство новых дорог не приведет к транспортным парадоксам и ситуация на дорогах города существенно улучшится.

Список литературы:

1. *Васильева Е.В., Игудин Р.В., Лившиц В.Н.* Оптимизация планирования и управления транспортными системами. – М.: Транспорт, 1987.
2. Введение в теорию, методы и экономические приложения задач о дополнителности. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001.
3. Все об авто, авторынок, последние новости из жизни автомобилей. – <http://www.autonews.ru/autobusiness/news.shtml?2008/09/24/1419317>.
4. Генеральный план Владивостокского городского округа. – <http://vlc.ru/architect/genplan.htm>.
5. Решение задач транспортного равновесия с декомпозицией по ограничениям // Труды всероссийской конференции «Равновесные модели в экономике и энергетике». – Иркутск: Изд-во ИСЭМ СО РАН, 2008.
6. *Network Economics: A Variational Inequality Approach* (second revised edition). – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1999.
7. *Wardrop J.G.* Some theoretical aspects of road traffic research // Proc. of the Inst. of Civil. Eng. – Part II. – 1952. 1.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 4
«НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ИННОВАЦИИ»

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Билько А.М.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ АПК АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Современное состояние агропромышленного комплекса (АПК) Амурской области характеризуется сохранением кризисных тенденций, которые вызваны просчетами в стратегии и методах проведения аграрной реформы, сохраняющимся диспаритетом цен и высокими издержками на производство продукции. В АПК Амурской области, как и во всей российской экономике, наблюдается возрастающая потребность в переходе на инновационный путь развития. Становится все более очевидным, что без опоры на инновации не получится одержать победу над экономической и технологической отсталостью, повысить конкурентоспособность российских предприятий на внутреннем и мировых рынках. Широкое применение инноваций является наиболее действенным и эффективным средством решения социально-экономических задач АПК по обеспечению населения продовольствием, роста уровня жизни сельского населения, повышению эффективности агропромышленного производства, сохранению окружающей среды.

Инновационное развитие АПК означает его качественное преобразование, достигаемое за счет роста производительных сил при одновременном совершенствовании организационно-экономического механизма сельского хозяйства, взаимодействующих с ним отраслей и АПК в целом. Оно обеспечивается постоянно расширяющимся использованием более совершенных технологий производства и переработки сельскохозяйственной продукции, улучшенных сортов сельскохозяйственных культур и пород животных, новых машин, прогрессивных организационно-экономических моделей, современных информационных технологий и других нововведений.

К сожалению, в АПК Амурской области, инновационное обновление идет в замедленном темпе. Еще не создана инновационная система, отвечающая задачам и требованиям устойчивого развития АПК. Поскольку первоочередной задачей многих сельскохозяйственных предприятий в настоящее время является не развитие, а выживание, то соответственно и приоритетные цели, в основном, направлены не на расширение производства продукции или услуг за счет инноваций, а на удержание уже завоеванных позиций. Об этом свидетельствуют показатели посевных площадей и объемов производства сельскохозяйственной продукции растениеводства и животноводства (табл. 1).

Таблица 1

Показатели объемов производства сельскохозяйственной продукции в Амурской области
в 2000–2009 гг.

Показатель	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2009 в % к 2008
Вся посевная площадь, тыс. га.	659,5	585,6	636,1	662,4	726,0	761,5	104,8
Зерновые культуры, тыс. га	235,1	166,8	205,7	231,8	258,1	258,1	100,0
Соя, тыс. га	197,5	289,9	310,1	313,9	359,8	401,6	111,7
Зерновые культур, тыс. т	120,1	214,2	233,7	361,8	272,8	337,8	123,8
Соя, тыс. т	168,7	174,6	222,2	245,6	304,9	435,6	142,8
Крупный рогатый скот, тыс. голов	149,7	109,0	100,3	95,3	104,5	94,4	90,3
Молоко, тыс. т	32,4	20,7	21,8	24,7	26,5	30,9	16,6
Скот и птица на убой, тыс. т	5,6	10,4	10,3	10,9	13,1	16,2	123,3

Анализ данной таблицы свидетельствует о положительной динамике посевных площадей на протяжении пяти лет, что связано, прежде всего, с реализацией государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.» [1], но по сравнению с советским периодом (1991 г. – 15 601,94 тыс. га.) посевная площадь практически сократилась на половину. Основной причиной такого снижения является ухудшение материально-технической базы.

Увеличение посевов сои закономерно, так как это фирменная культура Амурской области, на нее сохраняется устойчивый спрос и достаточно высокая цена закупки. Поэтому происходит плавное увеличение валовых сборов данной культуры, но не за счет внедрения новшеств и увеличения урожайности, а за счет роста посевных площадей. Это

ведет к ухудшению структуры севооборотов: посевные площади сои должны занимать в них не более 40%, тогда как в 2009 они уже занимают 52%.

На развитие животноводства в области и увеличение ряда показателей повлияло начало реализации национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» [5]. В его рамках в области был построен ряд животноводческих комплексов: в с. Ивановка колхоз «Луч» – животноводческий комплекс на 1200 голов дойного стада, сметной стоимостью проекта 307,7 млн рублей; в с. Алексеевка – СПК «Алексеевский» животноводческий комплекс на 1200 голов маточного поголовья мясного направления, сметной стоимостью проекта 107,3 млн рублей; в с. Грибское ЗАО «Агрофирма АНК» животноводческий комплекс на 1000 голов дойного стада, сметной стоимостью проекта 461,77 млн рублей. В ИП Мельниченко реконструирован животноводческий комплекс на 400 голов дойного стада, сметной стоимостью проекта 47,2 млн рублей. В крестьянском хозяйстве «Орта» проведена реконструкция действующего коровника на 300 голов коров молочного направления, сметной стоимостью проекта 145,1 млн рублей. Данные меры привели к увеличению производства молока на 6,2 тыс. тонн и мяса на 5,3 тыс. тонн начиная с 2007 года. Но, несмотря на принимаемые меры в области сохраняется отрицательная тенденция уменьшения поголовья КРС.

Инновационное развитие сельского хозяйства невозможно без качественного скачка аграрной науки и образования, эффективно функционирующей инновационной системы АПК, которая представляет собой совокупность взаимодействующих организаций – участников процесса создания и освоения нововведений с комплексным обеспечением инновационного процесса в аграрной сфере [7].

Системообразующим ее началом являются воспроизводство сельскохозяйственных инноваций и освоение в массовой практике более совершенных методов ведения сельскохозяйственного производства, определяющих в своей совокупности инновационное развитие сельского хозяйства. Обеспечение инновационного развития АПК состоит из двух блоков – ресурсного и институционального. Ресурсный блок включает финансовое, кадровое, материально-техническое, информационное обеспечение. В состав институционального блока входят организационно-экономическое, инфраструктурное, нормативно-правовое обеспечение.

Инновационное развитие АПК определяется двумя основными составляющими этого процесса - научными исследованиями и освоением их результатов в производстве. На этих стадиях сразу возникает ряд проблем. Во-первых, научные исследования, осуществляются в академических институтах, высших учебных заведениях, отраслевых научно-исследовательских, проектно-конструкторских, опытно-внедренческих организациях. Все эти организации раньше были бюджетными, поддерживались гарантированными государственными заказами. Переход к рыночным отношениям подорвал финансовое обеспечение деятельности учреждений научного и проектного профиля, в которых зарождаются инновации. Государственным

финансированием обеспечены разве что научно-исследовательские организации Российской академии наук, да и то в явно недостаточной степени. Так, например, число опытно производственных хозяйств Российской академии сельскохозяйственных наук сократилось с 398 в 2002 г. до 298 в 2009 г., что привело к сокращению численности исследователей с 14,5 тыс. до 13,5 тыс. соответственно [6]. Научные подразделения высших учебных заведений и отраслевые исследовательские институты практически лишились государственной финансовой поддержки и поставлены в полную зависимость от получения заказов на продукт их деятельности. Во-вторых, существует различия в уровне научно-технического развития; 88,3% НИИ, 83,6% сельскохозяйственных вузов, 78,8% опытных станций и 84,4% проектно-конструкторских организаций сельскохозяйственного профиля, 69% докторов и кандидатов наук сосредоточены в Европейской части России [3]. В 2009 году в Амурской области насчитывалось всего 15 организаций, выполняющих исследования и разработки для нужд региона: к научно-исследовательским можно отнести 8 организаций: АмурКНИИ АмурНЦ ДВО РАН, ДНЦ физиологии и патологии дыхания СО РАМН, ВНИИ сои, Дальневосточный научно-исследовательский проектно-технологический институт механизации и электрификации сельского хозяйства, Дальневосточный научно-исследовательский ветеринарный институт, ГУЧ АмурНЦ ДВО РАН Ботанический сад АмурНЦ ДВО РАН, Хинганский заповедник; к высшим учебным заведениям – 4, прочим – 3. В области отсутствуют конструкторские бюро, проектно-изыскательные организации. Численность персонала, занятого в научно-исследовательской сфере, составляла в 2009 году 819 человек, но непосредственно исследованиями занимается всего 411 человек. Число работников, занятых научными исследованиями и разработками, сократилось на 19,2% в сравнении с 2000 годом. Общая сумма затрат на исследования и разработки в 2009 году составила 314,6 млн рублей. За этот период финансирование исследований увеличилось в 5,7 раза, но по-прежнему основным источником финансирования являются средства федерального бюджета (85,9%), средства иностранных источников вообще отсутствуют, а доля финансирования местного бюджета составляет всего 7%. В-третьих, возникают проблемы с внедрением инноваций в производство, так как это требует крупных финансовых затрат и высокой информированности об инновационном продукте или технологии.

Таким образом, основной проблемой развития инноваций в Амурской области является низкая концентрация инновационного потенциала - способности осуществлять инновационную деятельность, которая предполагает целый комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, к которым в своей совокупности приводят к инновациям.

Решением проблем инновационного развития Амурской области могло бы стать создание новых форм инновационного развития: технопарк или инновационно-

технологического центра. Попытки создания такого рода форм развития инноваций в области ведутся с 2005 года, но останавливаются на стадии разработки проектов.

Во время рабочей поездки Президента России по регионам Дальнего Востока было озвучено предложение по созданию регионального агротехнопарка в Еврейской автономной области. Основными направлениями его деятельности будут растениеводство и животноводство. Это может дать толчок для развития инновационной деятельности во всем Дальневосточном регионе.

Следующим шагом в развитии инноваций в сельском хозяйстве и внедрении их в производство, на наш взгляд, является развитие системы сельскохозяйственного консультирования в области, ее деятельность будет направлена на доведение до клиентов разработанных знаний, определяющих инновационное развитие аграрных и иных отраслей производства, развивающегося в сельских территориях.

Система сельского консультирования способна обеспечить требуемые масштабы инновационной деятельности в сельском хозяйстве, реализуя не только передачу новшеств от науки производству, как это делают отделы внедрения НИИ, но и осуществляя эффективную инновационную деятельность на основе сбора, обобщения ранжирования по значимости и передачи в органы управления и научные центры информации о потребностях сельскохозяйственных товаропроизводителей в решении проблем развития НТП.

Список литературы:

1. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия на 2008–2012 годы: утв. пост. Правительства РФ от 14.07.2007 г. № 446.
2. Инновации / Барышева А.В. – М.: Дашков и К, 2010.
3. Инновационный менеджмент в АПК / Минниханов Р.Н., Алексеев В.В., Файзрахманов Д.И., Сагдиев М.А. – М.: МСХА, 2003.
4. Организация инновационного развития сельского бизнеса в регионе / Козлова В.В. – М.: ФГНУ, 2007.
5. Приоритетный национальный проект «Развитие агропромышленного комплекса».
6. Романенко Г.А. Научное обеспечение АПК за Семилетний период // АПК: экономика и управление. – 2009. – № 8.
7. Скрынник Е.Б. Государственная стратегия модернизации АПК // АПК: экономика и управление. – 2010. – № 6.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Бондаренко О.В.

**НИРС В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ
К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ**

Необходимость перехода российской экономики с энерго-сырьевого на инновационный путь развития очевидна. Пути решения этой задачи активно и давно обсуждаются в широких научных кругах. Мировой финансовый кризис в очередной раз продемонстрировал низкую конкурентоспособность российских товаропроизводителей, технологическое отставание которых от зарубежных партнеров объясняется среди прочего также медленным освоением и внедрением передовых научно-технических достижений. Многие промышленные предприятия не имеют притока инноваций и эффективной научной поддержки. Из-за низкой инновационной активности отечественных предприятий доля России на мировом рынке наукоемкой продукции в 2008 г. составила менее 0,3%, в то время как в США – 36, Японии – 30, Германии – 17% [2]. По данным за 2009 г., удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе всех организаций сократился с 10,5% в 2004 г. до 9,4% в 2009 году.

Одной из причин такого неблагоприятного состояния дел в инновационной сфере является дефицит высококвалифицированных специалистов, готовых к инновационной деятельности в избранной ими профессиональной сфере. Что есть инновации и инновационная деятельность? Инновации можно определить как результат инновационной деятельности, воплощенный в новом или усовершенствованном продукте, новом или усовершенствованном технологическом процессе. Согласно определению понятия «инновационная деятельность», принятому Организацией экономического сотрудничества и развития, к этой деятельности отнесены «все научные, технологические, организационные и коммерческие действия, реально приводящие к осуществлению инноваций, или задуман-

ные с этой целью» [2]. Формировать готовность будущих специалистов к деятельности такого рода должно высшее учебное заведение.

Стратегическим императивом модели отечественного высшего образования должна быть ориентация на подготовку специалиста для работы в постиндустриальной цивилизации, основанной на инновационной экономике, поскольку инновационная деятельность, как показывает мировой опыт, становится самостоятельным и доминирующим хозяйственно-экономическим укладом.

Готовность к инновационной деятельности предполагает сформированность таких качеств у молодых специалистов, как стремление создавать, осваивать и использовать новшества в своей профессиональной деятельности, способность анализировать происходящие события в профессиональной сфере, объективно оценивать значение инноваций в решении актуальных проблем развития общества в целом. Специалист должен иметь практический опыт решения нестандартных профессиональных задач, видеть проблемы, иметь гибкое мышление, легко генерировать идеи. Важными компонентами готовности к инновационной деятельности являются также:

- развитое воображение, необходимое для переноса представлений из одной сферы деятельности в другую (технико-технологическую, организационно-управленческую, правовую, политическую и т. д.);
- умение прогнозировать будущее, компетентно «выстраивать» научно обоснованные перспективы дальнейшего развития какого-либо явления;
- способность и готовность идти на разумный риск для завоевания новых позиций в профессиональной сфере.

Современный вуз должен не только научить студента осваивать знания и проводить научные исследования, но и обучить методикам, позволяющим получать, перерабатывать новую информацию, внедрять новые идеи, коммерциализировать новые научные знания.

Для эффективной подготовки специалистов, владеющих рассмотренными выше характеристиками, необходимо наиболее полно использовать возможности научно-исследовательской работы студентов, которая является важной и неотъемлемой частью образовательного процесса любого вуза (НИРС). Именно НИРС создает благоприятные условия для актуализации полученных студентами знаний, для формирования опыта поведенческих отношений в конкретных ситуациях при решении сложных задач практики.

Данная форма самостоятельной работы позволяет эффективнее формировать мотивацию психологической и практической готовности к достижению качественных результатов в профессиональной деятельности. В процессе проведения исследовательской рабо-

ты студенты лучше осознают междисциплинарные связи, что способствует приданию системе профессиональной подготовки целостного характера. Мобилизуя усилия на свое саморазвитие и самосовершенствование, студенты реализуют индивидуальную траекторию обучения.

В рамках исследовательской работы у студентов формируются следующие компетенции, необходимые для дальнейшей инновационной деятельности:

- способность приобретать новые знания, используя современные образовательные и информационные технологии;
- способность и готовность продуцировать новые идеи;
- умение проявлять настойчивость в достижении цели;
- умение критически переосмысливать накопленный опыт;
- умение работать самостоятельно и в коллективе, руководить и подчиняться;
- готовность самостоятельно ставить конкретные задачи для научного исследования.

Студенты учатся не только видеть и вычленять проблему, но и подбирать, создавать варианты ее решения. Будущие специалисты учатся ставить цели, анализировать ситуации, строить предположения о возможных причинах и последствиях каких-либо явлений, выдвигать и научно обосновывать гипотезы.

Исследовательская работа студентов в вузе может быть разделена на два типа: включаемая в учебный процесс (учебно-исследовательская работа) и выполняемая во внеучебное время [1]. Учебно-исследовательская работа осуществляется в рамках изучения дисциплин, предусмотренных учебным планом, под руководством преподавателя. В ходе учебно-исследовательской работы студент не выполняет роль пассивного объекта внешнего педагогического воздействия, он становится активным субъектом познавательного процесса. Будущие специалисты отрабатывают навыки самостоятельной теоретической и экспериментальной работы, овладевают методологией и методами научных исследований, что является предпосылкой для освоения логики научного поиска. Элементы исследовательской работы обязательно присутствуют при подготовке рефератов, выполнении лабораторных, расчетных и тем более курсовых и дипломных работ. Знания и навыки, сформированные в ходе выполнения таких работ, могут применяться студентами и в процессе осуществления научно-исследовательских работ во внеучебное время. Принимая участие в работе научных лабораторий, кружков, студенческих научных центров, проектных и конструкторских бюро, студенческих научных обществ студенты учатся выстраивать свои взаимоотношения с коллективом, проявлять организаторские и лидерские качества, развивают навыки научно-исследовательской работы.

Помимо перечисленных форм организации НИРС следует также назвать участие студентов в олимпиадах, конкурсах, выставках, студенческих семинарах и научных конференциях, научно-образовательных форумах; подготовку научных публикаций; участие в выполнении научно-исследовательских проектов.

Большое разнообразие форм НИРС свидетельствует о том, что данный вид работы со студентами давно используется отечественной высшей школой для повышения уровня профессиональной подготовки выпускников. Вместе с тем существует ряд проблем в организации научно-исследовательской работы студентов. Наряду с многочисленными достоинствами, применение исследовательских методов в процессе обучения сопряжено с определенными трудностями: дефицит учебного времени, неоднородность обучающихся в академической группе студентов.

Научно-исследовательскую работу лучше всего начинать с младших курсов. Однако именно на начальных этапах обучения в вузе и возникает большинство проблем в организации НИРС, так как студенты младших курсов, как правило, проявляют малую заинтересованность в научно-исследовательской деятельности, у большинства из них нет сформированных элементарных умений, необходимых для проведения простых видов исследовательской работы. Зачастую студенты испытывают значительные затруднения при составлении конспектов, аннотировании и реферировании. Самостоятельный поиск информации часто не дает желаемых результатов. К сожалению, иногда приходится сталкиваться с неумением грамотно конспектировать источники информации даже у студентов 3 и 4 курсов. Поэтому задача научить студентов самостоятельно подбирать научную литературу для своих исследований, составлять аналитические обзоры, грамотно планировать свою научно-исследовательскую деятельность остается актуальной на протяжении всех лет обучения в вузе.

Проблемы в организации НИР студентов связаны также и с большой загруженностью преподавателей учебными занятиями, особенно это относится к преподавателям не выпускающих кафедр, имеющих наибольшую аудиторную нагрузку. В связи с низким уровнем подготовленности студентов младших курсов к исследовательской деятельности и, учитывая, что средний уровень подготовки абитуриентов снижается с каждым годом, следует заметить, что НИР со студентами младших курсов требует от преподавателя много времени. Слабая координация между преподавателями выпускающих кафедр и общеобразовательных, к сожалению, не позволяет в полной мере выявлять студентов, склонных к научной работе уже на младших курсах.

Вместе с тем, создание определенных условий может способствовать эффективной организации НИРС. Так, например, применение рейтинговых технологий обучения позво-

лит полнее и объективнее учитывать достижения студентов в научно-исследовательской работе. Моральное и материальное стимулирование студентов (дипломы, ценные призы, денежные премии и пр.) также может способствовать более активному привлечению студентов к НИР.

Успешность вовлечения студентов в НИР во многом определяется и той ролью, которую должен выполнять преподаватель в организации учебного исследования. Педагог должен уметь грамотно выбирать нужный уровень проведения учебного исследования в зависимости от подготовленности студентов. Следует целесообразно сочетать индивидуальные и коллективные формы проведения исследований. Необходимо умело формировать проблемные ситуации в зависимости от уровня учебного исследования, его места в структуре учебного процесса и целей обучения. Руководитель НИРС должен выступать не столько в роли носителя новой информации, сколько умелым организатором систематической самостоятельной поисковой деятельности обучающихся.

К факторам успешной организации НИРС можно отнести ориентацию участников образовательного процесса на продуктивное достижение результата; активное использование проблемного обучения как инструмента формирования опыта творческой деятельности; креативную организацию учебного процесса, насыщение его творческими ситуациями; создание психологической атмосферы, оптимальных условий для творческой деятельности.

Таким образом, обучение в вузе с систематическим целенаправленным участием студентов в научно-исследовательской работе создает условия для более эффективной подготовки квалифицированных кадров к предстоящей профессиональной деятельности. В рамках НИРС происходит усиление творческого, самостоятельного и заинтересованно-ответственного участия студентов в образовательном процессе. В силу своей специфики, грамотно организованная НИРС является важнейшим фактором успешной подготовки будущих специалистов к инновационной деятельности в избранной профессиональной сфере.

Список литературы:

1. Матушкин Н., Столбова И., Ульрих Т. НИРС как составляющая системы формирования компетенций специалиста // Вестник высшей школы. – 2007. – № 5.
2. Тодосийчук А. Условия перехода к инновационной экономике // Экономист. – 2010. – № 2.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Васильева О.Г.

**ВЫБОРЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ?
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И
ИНВЕСТИЦИИ В ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ**

Оказывает ли изменения политических институтов влияние на параметры экономической политики, на объем и структуру общественных благ? Как было показано в многочисленных исследованиях, политические институты, так называемые «конституционные переменные», могут оказывать существенное влияние на экономическую политику, а значит и на результаты экономического развития [2; 5; 6; 9].

Одним из ключевых вопросов для стран с неоднородным пространственным развитием, является вопрос о том, как должны соотноситься фискальная и политическая децентрализация, как должны формироваться органы государственного управления в регионах. Должны ли губернаторы назначаться или избираться напрямую населением регионов? Должны ли органы законодательной власти формироваться по мажоритарному или пропорциональному принципу? Какие стимулы для политиков и бюрократии формирует система назначения или избрания, и каким образом эти стимулы находят свою реализацию в проводимой ими социальной и экономической политике (см. напр. [7]).

Недавняя политическая история России предоставляет богатый эмпирический материал для исследований в этой области. В данной работе рассматривается переход от выборов глав администраций субъектов РФ к их назначению Президентом РФ и его влияние на политику в области финансирования образования региональными бюджетами. Автор пытается ответить на следующий вопрос: какой механизм замещения поста губернатора – избрание или назначение – создает больше стимулов для инвестиций в образование в условиях ограниченной политической конкуренции?

В работе тестируются следующие гипотезы:

1) в условиях ограниченной политической конкуренции как на федеральном, так и на региональном уровнях, назначенные губернаторы склонны тратить меньше на образование, чем избранные;

2) существование конкуренции между политическими партиями в органах законодательной власти на субнациональном уровне через систему сдержек и противовесов может нивелировать негативное влияние замены избрания губернаторов их назначением.

В качестве меры усилий губернаторов рассматриваются расходы на образование в региональном бюджете как в абсолютном (среднедушевые расходы на образование в региональном бюджете), так и в относительном выражении (доля расходов на образования в совокупных расходах регионального бюджета). Акцент на образование среди других общественных благ обусловлен тем, что все практические эмпирические исследования экономического роста, также как и теория эндогенного роста, связывают вариацию уровня экономического развития с разным уровнем человеческого капитала и, прежде всего, образования [1; 3; 4].

Для оценки влияния способа занятия поста главы субъекта Российской Федерации на расходы регионального бюджета на образование в качестве регрессора была использована фиктивная переменная порядка замещения должности губернатора: 0 – губернатор занял свой пост в результате выборов в регионе; 1 – губернатор был назначен Президентом РФ. Уровень политической конкуренции был оценен с помощью доли партии власти («Единой России» и ее предшественниц) в региональном парламенте.

Также для оценки региональной специфики в регрессии были включены фиктивные переменные для регионов Дальнего Востока, Кавказа, а также г. Москва и г. Санкт-Петербург.

Любая переменная, коррелированная с долей партии власти в региональном парламенте, но не включенная в регрессию может быть причиной получения смещенных оценок. Поэтому в качестве контролей в регрессию были также включены логарифм ВРП на душу населения и уровень урбанизации.

Оценивание выдвинутых гипотез было произведено на основе панельных данных по 79 регионам РФ за период с 2003 по 2007 гг. используя модель случайных эффектов. Выбор модели случайных эффектов, а не фиксированных эффектов обусловлен следующим. Поскольку до 2002 г. избрание в региональные органы законодательной власти происходило на мажоритарной основе, то в электоральной статистике отсутствует точное указание на то, какую партию представлял тот или иной кандидат. Поэтому автор не располагает информацией о партийной структуре всех региональных парламентов за этот пе-

риод, что делает невозможным использования метода фиксированных эффектов. Результаты оценивания приведены в таблице 1.

Таблица 1

Оценка связи расходов на образование в бюджетах российских регионов и политических институтов

Показатель	Доля расходов на образование в региональном бюджете		Среднедушевые расходы на образование в региональном бюджете	
	1	2	3	4
Фиктивная переменная назначенный/избранный губернатор	-0,99	5,35***	1,37	9,72***
Доля «Единой России» в региональном парламенте	-9,32***	-6,47***	17,78	21,21
Доля «Единой России» в региональном парламенте * Фиктивная переменная назначенный / избранный губернатор	-	-16,80***	-	-22,95*
Логарифм ВРП на душу населения	1,61***	1,63***	19,23***	19,39***
Урбанизация	-0,12***	-0,10***	-0,38**	-0,32*
Фиктивная переменная для регионов ДФО	-2,99***	-3,26***	25,29***	24,57***
Фиктивная переменная для регионов Кавказа	-4,59***	-3,33***	-21,65***	-19,41**
Фиктивная переменная для г. Москвы	-13,06***	-13,91***	12,21	9,87
Фиктивная переменная для г. Санкт-Петербурга	10,81***	11,01***	15,30	15,75
Константа	17,16***	14,47***	-179,88***	-186,90***
Количество наблюдений	194	194	194	194
R2	61	64	61	62

Примечания: *** помечены коэффициенты при переменных, статистически значимых на уровне 1%, ** 5%; * 10%.

Полученные в работе результаты свидетельствуют о том, что переход от избрания губернаторов к их назначению сам по себе не ассоциируется с более низкими расходами на образование. Более того, в регионах, где губернаторы были назначены, но доля партии власти не превышала 42% ($9,72/22,95 = 0,42$), положительный эффект от изменения порядка замещения должности губернатора на размер среднедушевых расходов доминировал над его отрицательными эффектами. Для показателя доли расходов на образование в региональном бюджете пороговое значение этого показателя составляет около 32% ($5,35/16,8=0,32$). Другими словами, если в регионе существует сильная оппозиция в органе законодательной власти и губернаторам необходимо согласовывать свои решения в отношении бюджетных расходов, то отрицательные эффекты, связанные с усилением политической централизации в исполнительной власти (худшая информированность органов федеральной власти, а также, доминирование стимулов, не связанных с долгосрочным ростом общественного благосостояния), оказываются нивелированными. В то же время, положительные эффекты, обусловленные заинтересованностью в карьерном продвижении в федеральных органах власти, оказывали свое благоприятное влияние на стимулы политиков [8].

В то же время, снижение политической конкуренции в органе законодательной власти, рост доли партии власти ассоциируется со снижением доли расходов на образования в региональных бюджетах и не оказывает влияние на размер среднедушевых расходов.

Худшим с точки зрения расходов на образование вариантом является назначение губернатора в регион с низким уровнем политической конкуренции в парламенте. В этом случае, отсутствие подотчетности избирателям не компенсируется системой сдержек и противовесов между ветвями власти, что приводит к игнорированию интересов населения и ориентацией региональных политиков при принятии решений только на цели, поставленные им федеральным правительством. Таким образом, одновременное усиление централизации в отношениях между регионами и федеральным правительством и снижение политической конкуренции ведет к сокращению расходов на образование на субнациональном уровне и, тем самым, к снижению темпов накопления человеческого капитала, а значит и формированию эффективных экономических и политических институтов (см. напр.,[4]).

Отметим, что фиктивная переменная для ДФО является статистически значимой на 1% уровне как для доли расходов на образование, так и для среднедушевых значений. Однако, если в первом случае, она входит в регрессию с отрицательным знаком (т. е. доля расходов на образование в ДФО ниже, чем в РФ в целом), то в случае с душевыми расхо-

дами она положительна. Более высокие среднедушевые расходы в ДФО могут быть обусловлены меньшей плотностью населения, большим количеством сельских школ с не-большой численностью учащихся (т. е. большей составляющей постоянных, независящих от числа учащихся, расходов), а также районными повышающими коэффициентами к заработной плате. Отметим, что высказанные предположения в отношении среднедушевых затрат на образование в ДФО требуют дополнительных исследований.

В целом, несмотря на более высокие среднедушевые расходы, дальневосточные регионы РФ склонны тратить меньшую часть располагаемых средств на финансирования образования.¹ В условиях более низкого уровня образования населения ДФО, более низких показателей развития науки подобная практика способствует дальнейшему закреплению сырьевой специализации региона, ограничению возможностей реализации на его территории инвестиционных проектов, требующих высококвалифицированных специалистов, что, в свою очередь, создает стимулы для усиления оттока наиболее высококвалифицированного населения из региона.

Полученные в работе результаты, позволяют сделать вывод о том, что в силу большей удаленности ДФО, большей информационной асимметрии между регионами, входящими в его состав, и федеральным правительством, усиление централизации и снижение политической конкуренции может оказывать в ДФО более негативное влияние на накопление человеческого капитала, чем в других регионах РФ. Для корректировки неэффективных решений федеральных органов власти, обусловленных удаленностью региона и информационной асимметрией, уровень политической конкуренции в органах законодательной власти в ДФО должен быть больше, чем в других регионах РФ.

Список литературы:

1. *Acemoglu D.* Constitutions, Politics and Economics; A Review Essay on Persson and Tabellini's «The Economic Effects of Constitutions» // *Journal of Economic Literature*. – 2005. – № 43(4).
2. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P.* From Education to Democracy // *The American Economic Review*. – 2005. – Vol. 95. – № 2.
3. *Barro Robert J.* The Determinants of Democracy // *Journal of Political Economy*. – 1999. – № 107(S6).

¹ Более того, принадлежность региона к ДФО ассоциируется со снижением доли расходов на образование аналогичным тому, которое наблюдается в регионах Кавказа.

4. *Gleaser E., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.* Do institutions cause the growth? // *Journal of Economic Growth*. – 2004. – № 9(3).
5. *Persson T.* Do political institutions shape economic policy? // *Econometrica*. – 2002. – Vol. 70. – № 3 (May).
6. *Persson T., Tabellini G.* Do constitutions cause large governments? Quasi-experimental evidence // *European Economic Review*. – 2002. – № 46.
7. *Qian Y., Weingast B.* Federalism as a Commitment to Preserving Market Incentives // *Journal of Economic Perspectives*. – 1997. – Vol. 11.
8. *Riker W.* *Federalism: Origins, Operation, Significance*. – Boston: Little, Brown and Co, MA, 1964.
9. *Treisman D.* *Decentralization and the Quality of government*. Mimeo: University of California, 2002.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Вечерская Е.С.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современных исследованиях управление (менеджмент) рассматривается как целенаправленный процесс воздействия субъекта на объект, то есть как деятельность отдельных личностей, групп или организации в целом, обеспечивающей функционирование, сохранение и развитие последней. Мы считаем, что социальное управление – это специализированная система различных классов, типов и видов управленческой деятельности как отдельного руководителя, так и социально-профессиональных групп. Управление на уровне общества представляет собой определенную систему классов деятельности: анализ и прогноз динамики внешней ситуации, например, развития промышленного производства, целеопределение, разработка стратегических программ, организационных проектов, планов, в том числе экологических программ.

Эффективное управление – это адекватные организационные, финансовые, технологические и информационные взаимосвязи между целями, организацией, а также деятельностью социальных групп по регулированию функционирования социального объекта. Управление возникает непосредственно в форме самоуправления, а также через специально созданные структуры – государство, общественные организации, партии, предприятия, холдинги, организации, союзы и т. д. Сама же многообразная деятельность, том числе управленческая, проявляется в материальных и социальных результатах.

Эффективная управленческая деятельность включает в себя: определение концепции развития организации, предприятия, планирование и контроль, корректирующую дея-

тельность, направленную на недопущение невыполнения заданий и задач в иерархической структуре управления.

В настоящее время в управленческой деятельности властей в Хабаровском крае проявляется плановая стратегия улучшения качества окружающей природной среды. Однако, эффективной природоохранной деятельности и различным мероприятиям в данной области мешает не только отсутствие средств у предприятий, но и недостаточная сформированность структуры управления, так как сама структура постоянно меняется. Одна из основных причин неэффективных управленческих решений на предприятиях заключается в отсутствии сбалансированной системы управления и экоконтроля за их деятельностью.

В связи с этим необходима обязательная экологическая паспортизация всех предприятий края: перерабатывающих и ресурсодобывающих. Она должна стать обязательной формой статотчетности, на основе которой структурами власти должны приниматься конструктивные решения. При этом на большинстве крупных и средних промышленных предприятиях должны функционировать экологические лаборатории, на организацию которых с 1990-х годов не хватает средств. Спорные вопросы по экоаудиту должны решаться на основе работы подобных лабораторий, а также выявления недостатков в организации экологического мониторинга на любых предприятиях.

Авторы считают, что в настоящее время необходимо создание некоммерческой организации – центра управления экологией промышленного производства, основным направлением работы которого должен быть системный социально-экологический анализ экологической деятельности предприятий любых форм собственности. Следует подчеркнуть, что закон РФ об экологическом аудите отсутствует. В этом случае основным фактором улучшения экосоциальной обстановки выступает социально-психологический фактор, который заключается в том, что принятие каких-либо законов должно основываться на мнениях определенных экспертных групп, реализующих управленческие решения на практике.

Прежде чем принимать какие-либо законы или вносить в них изменения на областном, краевом, республиканском и федеральном уровнях, необходимо проводить совместные, постоянно действующие семинары, конференции, съезды руководителей предприятий и представителей МПР по разным аспектам экологии. На таких совещаниях необходимо обсуждать вопросы, вырабатывать общие решения по принятию экологических законов и проводить экспертные социологические опросы руководителей предприятий по проблемным задачам управления, а предложения направлять не только в краевую, но и Государственную Думу.

Системный анализ опросов должен проводить Центр управления экологией промышленного производства, анализы опросов необходимо публиковать в местных и общероссийских СМИ. В дальнейшем социально-экологический мониторинг общественного мнения по проблемным эковопросам должен проводиться совместно органами местного самоуправления и Центром управления экологией промышленного производства, а также НИИ, общественными организациями и пр.

Организационному взаимодействию между структурами управления природопользованием должны соответствовать четкий контроль, подотчетность, выдвижение требований руководителями предприятий через своих представителей в структуры МПР. Согласованность управленческих действий должна основываться на системном социально-экологическом мониторинге и на социальном заказе властей. Должна поощряться самостоятельная активность руководителей предприятий в их деятельности при введении каких-либо экопроизводственных инноваций, эффективной менеджерской работы руководителей в плане связей с общественностью, со СМИ. Более того, должны поощряться предложения экологов и общественности по применению каких-либо улучшений и инноваций в промышленной деятельности. Данные предложения должны публиковаться в ежегодных методичках и рекомендациях, направленных на улучшение состояния природной среды Хабаровского края.

Необходимо выпускать еженедельную газету – «Экология и производство». В газете важно систематически освещать все проблемы экологии промышленного производства, а также должна быть рубрика, посвященная деятельности общественных экологических организаций. Выпуск газеты будет способствовать не только экологической информированности всех социальных групп региона, но и их объединению для реализации эффективных управленческих решений.

Основные причины неэффективных управленческих решений заключаются в незавершенности процессов формирования рыночной экономики, характеризующейся условиями риска, неопределенностью ситуации, при которых происходит ломка сложившихся стереотипов мышления и поведения руководителей предприятий по отношению к проблемам природопользования.

Неэффективность управленческих решений обуславливается разорванностью системных информационных связей между предприятиями, природоохранными и контролирующими организациями. Полный качественный и своевременный обмен информацией является социально-психологическим фактором, определяющим устойчивость системы управления природопользованием.

Новые экологичные эффективные управленческие решения должны учитывать социально-психологический фактор: интересы и мнения определенных социально-профессиональных групп и включать в себя следующее:

- Объединение руководителей промышленных предприятий в общественные организации с целью комплексного решения задач управления производством и выполнения социально-экономических и экологических задач, стоящих перед обществом, основанном на эффективном взаимодействии социальных групп по реализации и контролю за принятием решений.

- Создание некоммерческого Центра управления экологией промышленного производства и государственного Центра по экологическому просвещению населения, которые способствовали бы эффективному участию общественности в управлении природопользованием на региональном уровне.

- Проведение исследований по экономическим, социологическим и социально-психологическим аспектам экоманеджмента с учетом общественного мнения, способствующих совместной разработке законодательных решений всеми участвующими в управленческом процессе группами.

- Своевременное и качественное освещение экологического законодательства средствами массовой информации на федеральном и региональном уровне с целью формирования правового общественного сознания и экологической деятельности населения.

- Предоставление руководителям предприятий постоянно обновляющейся информации по различным аспектам производства, переработке продукции, ресурсосбережению, включая новые технологии и методы ведения хозяйства со стороны служб контроля.

- Освещение вопросов, поднятых на конференциях, средствами СМИ с целью участия общественности в решении производственных проблем и формирования общественного экосознания с использованием технологий экопропаганды, что способствовало бы его дальнейшему развитию.

- Социально-психологические аспекты обучения и подбора кадров для представителей управленческих экоструктур в составе Министерства природных ресурсов и инженерно-технического состава предприятий.

- Изучение конфликтов, суждений, мотивов, социальных установок различных социально-профессиональных групп и их влияния на экологическую деятельность.

- Мониторинг общественного экологического сознания и показателей его развития, а также уровней восприятия экопроблем всеми социально-профессиональными группами не только на уровне сознательной компоненты, но и на уровне глубинного бессознательного восприятия экоценностей населением.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Дудникова Л.А.

**УСЛОВИЯ, ФАКТОРЫ И ПРИНЦИПЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В ФОРМИРУЕМОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ**

Россия на современном этапе стремится всячески поддержать предприятия, создать благоприятные условия для их развития. Это находит отражения в новых нормативных документах и правительственных программах. Тем не менее, информационное предпринимательство характеризуется неоптимальной структурой в разрезе отраслей и регионов России. Информационное предпринимательство сконцентрировано, преимущественно, в центральных регионах страны.

Кроме того, субъекты информационного предпринимательства имеют ограниченные возможности для развития в силу ряда сдерживающих факторов, основным среди которых является недостаток собственных средств у фирм. Эффективность функционирования фирм в сфере информационного предпринимательства сдерживается такими факторами, как высокие кредитные ставки коммерческих банков, ограниченные сроки предоставления кредитов, неразвитость лизинговых отношений.

На развитие информационного предпринимательства оказывают влияние существующая в стране экономическая ситуация и связанные с ней общие для всех проблемы:

- недостаток стартового капитала и профессиональной подготовки для успешного начала предпринимательской деятельности, а также средств на развитие предпринимательской деятельности;
- сложности доступа к ресурсам коммерческих банков, недостаточное применение системы микрофинансирования, неразвитая система гарантий (поручительств), слабо развитые механизмы самофинансирования;

– недостаточная развитость системы информационного обеспечения малого предпринимательства;

– частые изменения нормативной правовой базы, наличие административных барьеров при осуществлении деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства;

– недостаточно развитая инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства.

Все эти факторы отрицательно влияют на динамику роста числа фирм в сфере производства информации. Сложившаяся ситуация требует значительной активизации государственной политики развития информационного предпринимательства. Для их успешного развития необходимо определить экономический механизм перехода от стихийной к организованной деятельности. Основой этого может стать Федеральная целевая программа развития информационного предпринимательства Российской Федерации, призванная способствовать налаживанию обмена информацией, практическому взаимодействию предпринимателей, как между собой, так и с органами государственной власти и местного самоуправления.

Основным назначением федеральных целевых программ является обеспечение ускоренного развития социально-экономических процессов, ведущих к решению наиболее важных проблем экономического и социального развития. Их использование позволяет сократить сроки достижения тех целей и целевых ориентиров, которые имеют первостепенный характер для общества в целом и отдельных сфер экономики.

Основной целью программы должно стать достижение устойчивого развития информационного предпринимательства в условиях рыночной экономики.

Финансирование Федеральной целевой программы развития информационного предпринимательства предполагается за счет следующих источников:

- средства федеральных бюджетов;
- внебюджетные, включая средства фондов занятости и социального страхования, собственные средства организаций сферы производства информации, отечественных организаций, целевые отчисления от прибыли предприятий;
- средства регионального бюджета;
- средства организаций – фондодержателей гарантов.

Развитие материальной базы информационного предпринимательства должно осуществляться путем реализации конкретных проектов, в основном, за счет привлечения внебюджетных средств.

Подготовка системы мероприятий и начало их реализации должны осуществляться путем распределения выделяемых бюджетных средств, среди исполнителей на конкурсной основе посредством заключения государственных контрактов (договоров).

Таким образом, учитывая факторы, сдерживающие развитие информационного предпринимательства, можно выделить некоторые мероприятия по развитию информационного предпринимательства, входящие в состав Федеральной целевой программы информационного предпринимательства (табл. 1).

В рамках Федеральной целевой программы развития информационного предпринимательства необходимо проведение ряда мероприятий.

Условно их можно разделить на следующие группы:

- государственная поддержка прямых инвестиций на макроэкономическом уровне;
- снижение административных барьеров;
- создание дополнительных побудительных механизмов для потенциальных инвесторов;
- создание эффективной информационной системы для потенциальных инвесторов;
- мероприятия по созданию благоприятного имиджа информационного предпринимательства для инвесторов;
- создание регионального агентства по инвестиционной политике.

Государственная поддержка прямых инвестиций может осуществляться на основе следующих механизмов:

- предоставление бюджетных гарантий;
- страхование зарубежных инвестиций;
- урегулирование инвестиционных споров;
- административная и консультационная поддержка.

Снижение административных барьеров может быть достигнуто за счет мер, направленных на упрощение выхода на рынок субъектов информационного предпринимательства:

- создать электронную систему регистрации в режиме он-лайн;
- свести до минимума использование нотариально заверенных документов;
- минимизировать или упразднить плату за регистрацию, а также отменить требования по минимальному размеру первоначального капитала;
- ввести практику выдачи временных разрешений в последующей их заменой на постоянные при одновременном увеличении ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность.

Мероприятия по развитию информационного предпринимательства

Мероприятия по развитию информационного предпринимательства	Содержание мероприятия
1. Формирование инфраструктуры для субъектов информационного предпринимательства	Создание и развитие технопарков, венчурных организаций, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, управляющих компаний, организаций научно-технической сферы.
2. Разработка и совершенствование нормативных правовых актов, регулирующих информационную деятельность	<p>Разработка и совершенствование нормативных правовых актов, регулирующих информационную деятельность, которая должна проводиться с учетом общепризнанных норм международного права в области информационной деятельности.</p> <p>Развитие нормативных правовых актов, регулирующих информационную деятельность, должно обеспечить:</p> <ul style="list-style-type: none"> – правовую защиту и вовлечение в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности, созданных с использованием средств областного бюджета; – создание благоприятной среды для инноваций, способствующей коммерциализации результатов научно-технической деятельности.
3. Создание Интернет-портала информационного предпринимательства.	Информирование широкой научной и гражданской общественности и заинтересованных участников о реализации информационной политики регионов и страны в целом путем активного использования инфокоммуникационных технологий для представления интересов и потребностей на мировом и российском информационных рынках. Для этого необходимо создание портала об информационной деятельности.
4. Создание специализированной информационно-аналитической системы в рамках институтов частно-государственного партнерства	Информирование субъектов информационного предпринимательства, участников международного и межрегионального сотрудничества о направлениях и задачах государственной информатизационной политики.

Мероприятия по развитию информационного предпринимательства	Содержание мероприятия
5. Повышение квалификации субъектов информационного предпринимательства	<p>Создание системы обучения жителей региона базовым навыкам использования информационных и коммуникационных технологий.</p> <p>Разработка и реализация системы подготовки государственных гражданских служащих и муниципальных и коммуникационных технологий в профессиональной деятельности.</p> <p>Создание системы подготовки работников социальной сферы к использованию информационных и коммуникационных технологий в повседневной профессиональной деятельности.</p>
6. Содействие продвижению инвестиционных проектов	<p>Выбор на конкурсной основе банков, предоставляющих льготные кредиты субъектам информационного предпринимательства, под гарантии регионального бюджета.</p>
7. Финансовая поддержка	<p>Стимулирование кредитования и предоставления долгосрочных займов, а также возмещение на конкурсной основе за счет областного бюджета субъектам информационной деятельности, реализующим инновационные проекты, части процентной ставки за пользование кредитами кредитных организаций.</p> <p>Выделение грантов на конкурсной основе на частичное финансирование инновационных проектов.</p> <p>Возмещение на конкурсной основе за счет средств областного бюджета части расходов субъектов информационного предпринимательства на получение патентов, лицензий на использование изобретений.</p> <p>Развитие системы венчурного инвестирования посредством привлечения внебюджетных источников и средств областного бюджета.</p>
8. Продвижение информационного предпринимательства на международный, межрегиональный и областной рынки.	<p>Создание благоприятных условий и механизмов для развития взаимовыгодного и равноправного международного, межрегионального сотрудничества субъектов информационного предпринимательства.</p> <p>В рамках данного направления Программы предусматривается:</p> <ul style="list-style-type: none"> – проведение ежегодных венчурных ярмарок, конкурсов, конференций, круглых столов по вопросам информационного предпринимательства за счет средств областного бюджета части расходов на участие в торгово-экономических миссиях, выставках, ярмарках и других мероприятиях.

Создание специализированных побудительных механизмов для потенциальных инвесторов имеет целью повышению конкурентоспособности территории по отношению к другим регионам России в части привлечения прямых инвестиций.

В наиболее общем виде побудительные механизмы могут быть классифицированы на три основные группы:

1. Механизмы, направленные на повышение рентабельности прямых инвестиций;
2. Механизмы, направленные на снижение издержек инвесторов;
3. Механизмы понижения рисков для прямых инвесторов.

Создание эффективной информационной системы для привлечения потенциальных инвесторов является одной из важных задач, обеспечивающих получение требуемого для территорий результата. Недостаточно создать выгодные условия для привлечения прямых инвестиций, необходимо, чтобы информация об этом достигла потенциальных инвесторов и вызвала у них интерес.

Информационная система для привлечения потенциальных инвесторов должна удовлетворять следующим основным требованиям:

- адресность – инвесторы для территорий подбираются из определенных заранее выбранных секторов (стран, регионов, отраслей производства и т. д.);
- полнота и актуальность – инвесторы должны получить полный спектр актуальных данных, исчерпывающе характеризующих условия информационной предпринимательской деятельности, перспективы рынков и каналов дистрибуции, а также точные адреса возможных деловых контактов на макроуровне;
- привлекательность – инвесторы должны получить информацию о положительном опыте прямого инвестирования в данном секторе, подтверждаемую объективными показателями (статистика, мнения общественных деятелей и т. д.).

Информация о привлекательности сектора для прямых инвестиций должна распространяться среди общественных организаций, международных ассоциаций и агентств, торговых представителей, дипломатических миссий на английском языке. При этом могут использоваться следующие медиасредства: брошюры; статистические буклеты; обзоры экономики и рынков; экономические обозрения; базы данных на CD-ROM; Интернет (Website с обратной связью).

К числу основных мероприятий по созданию благоприятного имиджа информационного предпринимательства для потенциальных инвесторов следует отнести:

- тематические семинары по привлечению инвестиций в информационное предпринимательство;
- научно-практические конференции по определению перспективных способов привлечения инвестиций;
- целевые рекламные кампании в СМИ (в стране и за рубежом);

- непосредственные контакты с главными редакторами основных агентств новостей и телеканалов (в стране и за рубежом);
- проведение «инвестиционных туров» для потенциальных инвесторов;
- создание представительств исполнительной власти в ключевых регионах и странах – источниках потенциальных инвестиций;
- участие в международных выставках и ярмарках;
- «раскручивание» положительного образа агентства развития информационного предпринимательства (торговая марка, корпоративная культура, нацеленность не конкретного инвестора и т. д.).

Реализация федеральной целевой программы развития предпринимательства в сфере производства информации в конечном итоге позволит привлечь дополнительные потоки инвестиций, создать новые рабочие места, сформировать условия для развития информационного предпринимательства в регионах и в стране в целом.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Можяева Е.А.

КРИТЕРИИ ИННОВАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ФИРМЫ

В настоящее время инновационная компетентность фирмы является основным фактором экономического развития отрасли, страны в целом. Инновационная компетентность фирмы предполагает ее инновационную восприимчивость, которая классифицируется по трем видам: 1) восприимчивость собственно к инновациям или открытиям; 2) способность увидеть элементы нового в относительно устоявшемся; 3) способность предложить принципиально новое решение проблемы.

Инновационная компетентность – это все то, что фирма или ее подразделения делают лучше других. Это может быть уникальная технология, ноу-хау, маркетинговые навыки и знания, нечто ценное и оригинальное, чем обладает фирма и что позволяет ей делать продукты, отличные от продуктов других фирм, обеспечивая тем самым ее конкурентное преимущество (Гэри Хэмел).

Попытаемся оценить уровень восприимчивости фирмы к инновациям и уровень ее инновационной компетентности. Чтобы оценить инновационную компетентность фирмы, необходимо измерить уровень ее знаний, что весьма затруднительно.

А именно, во-первых, оценивается уровень внешней компетентности – компетентность предлагаемых фирмой новшеств, прежде всего технологий и соответствующих продуктов: насколько высоки свойства продуктов (каков уровень прогресса поставляемых технологий и продуктов), насколько они качественны, своевременны. Во-вторых, оценивается компетентность внутренней среды фирмы: работники, группы, команды, подразделения.

Прежде всего, необходимо рассмотреть систему критериев конкурирующих инновационных фирм, по которым можно оценить степень восприятия фирмой НТП (внешнюю компетентность):

Основные характеристики инновационных фирм

Критерий	Подкритерий
Научный потенциал	Накопленный научный опыт: низкий, средний, высокий, очень высокий
	Способность к воспроизводству научного потенциала: низкая, средняя, высокая
	Имеющиеся нематериальные активы: отечественные и зарубежные патенты, ноу-хау и т. д.
	Новизна и конкурентоспособность технологии: низкая, средняя, высокая соответствующая отечественному или мировому уровню
	Потенциал научных кадров: низкий, средний, высокий
Организация эффективного производства инновационной продукции	Возможность обеспечения необходимым оборудованием
	Возможность обеспечения необходимыми технологиями
	Наличие технически грамотного персонала
	Наличие связи или возможность организации производства по кооперации
	Затраты по привлечению или приобретению: оборудования, технологий, технического персонала, на оснащение помещения
	Возможность обеспечения помещениями с требуемым оснащением (в %)
Прогнозируемый уровень конкурентоспособности фирмы	Определяется каждая на своем рынке
Социальная значимость результатов инновационной деятельности фирмы	Количество создаваемых рабочих мест
	Уровень экологической безопасности
	Потенциальные налоговые поступления
Привлекательность инвестиционной стратегии	Возможность привлечения собственных средств и (или) средств других инвесторов на всех этапах инновационной деятельности фирмы: низкая, средняя, высокая
	Требуемый объем начальных инвестиций

Итоги обследования инновационно-активных фирм в 2009 г. состоят в том, что в основном инновационная деятельность фирм была связана с освоением новых видов продукции (76% фирм) и повышением конкурентоспособности производимой продукции (73% фирм) [3].

Существенным результатом инновационной деятельности инновационно-активных фирм в 2009 г. было снижение производственных затрат. В частности с 58% I полугодия до 62% II полугодия возросла доля инновационно-активных фирм, снизивших за счет инноваций производственные издержки, вследствие чего произошло снижение себестоимости выпускаемой ими продукции [3].

На фоне ослабления финансового положения промышленных предприятий за II полугодие 2008 г. в 2009 г. произошло резкое снижение инновационной деятельности по улучшению условий труда работников с 46% до 16% [3].

Одним из важных критериев (результатов) инновационной деятельности является экологическая составляющая производства. К сожалению, в условиях начавшегося во II полугодии 2008 г. экономического кризиса доля инновационно-активных фирм, снижающих вредные выбросы в окружающую среду, сократилась более, чем в два раза с 54% до 25% [3].

Необходимо перечислить ряд показателей и коэффициентов, дающих оценку внутренним экономическим условиям реализации инновационных проектов фирмой. Данные показатели могут косвенно измерить уровень внешней инновационной компетентности фирмы с позиции выпускаемой инновационной продукции:

- 1) показатель исполнения маркетинговых прогнозов;
- 2) показатель расхода инвестиционных средств;
- 3) показатель производственного ресурсосбережения;
- 4) показатель реализации проекта в заданные сроки;
- 5) показатель результативности инновационного развития;
- 6) коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью;
- 7) коэффициент имущества, предназначенного для НИР и ОКР;
- 8) коэффициент освоения новой техники;
- 9) коэффициент внедрения новой продукции;

Считаем необходимым охарактеризовать число объектов интеллектуальной собственности научных групп, зарегистрированных в России за последние пять лет. Научная группа – это имеющая или не имеющая организационный статус научная группа внутри фирмы, объединяющая исследователей из нескольких фирм и даже стран, в которой гене-

рируются новые знания, являющиеся товаром на рынке научных исследований и разработок и воплощающиеся в последствии в инновационной продукции и услугах.

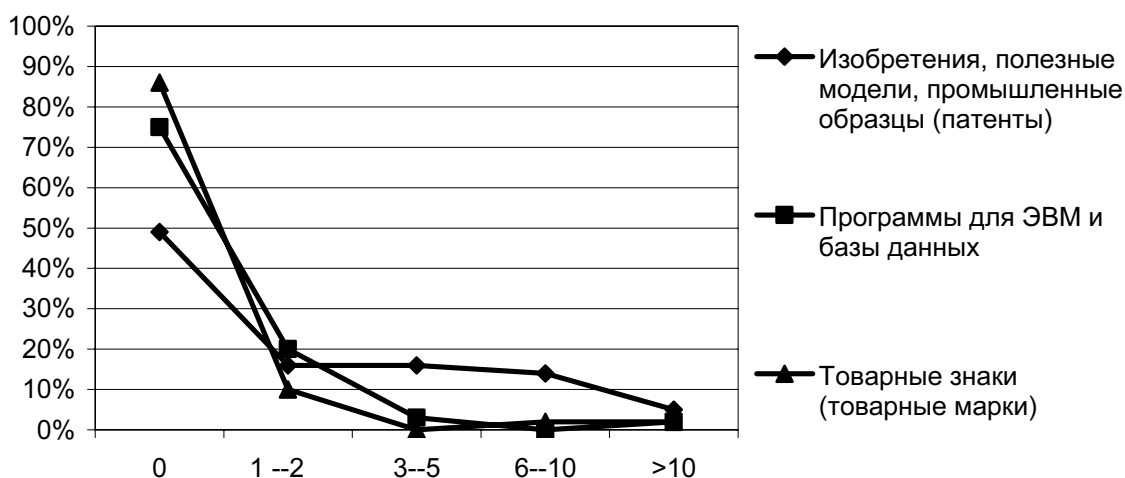

Рис. 1. Распределение российских научных групп по видам и числу объектов интеллектуальной собственности

Источник: [2].

Представленные данные иллюстрируют, что изобретения, полезные модели, промышленные образцы (патенты) имеют более половины научных групп (51%). При этом практически в равных долях распределяются научные группы по числу этих видов объектов интеллектуальной собственности: 15% научных групп имеют 1–2 объекта, 16% – 3–5 объектов, 14% – 6–10 объектов. Более 10 изобретений, полезных моделей, промышленных образцов (патентов) имеют лишь 5% научных групп.

Программы ЭВМ и базы данных как объекты интеллектуальной собственности зарегистрированы только у 25% научных групп, из которых 20% имеют 1–2 объекта этого вида интеллектуальной собственности, 3–5 объектов – 3%, а более 10 объектов – 2% научных групп.

Товарные знаки (товарные марки) как объекты интеллектуальной собственности зарегистрированы 14% научных групп, из которых 10% имеют 1–2 объекта этого вида интеллектуальной собственности, а от 6–10 объектов и более 10 объектов имеют по 2% научных групп.

Далее предлагаем рассмотреть систему показателей и коэффициентов, характеризующих внутреннюю инновационную компетентность фирмы со стороны ее работников. Данные показатели также косвенным образом могут дать оценку уровню знаний фирмы с позиции ее кадрового состава:

- 1) показатель квалификации научных кадров;

- 2) коэффициент персонала, занятого в НИР и ОКР;
- 3) коэффициент инновационного роста.

Оценка квалификации научных кадров, кадрового потенциала может быть проведена на основе анализа научных групп по числу кандидатов наук, докторов наук, молодых ученых (в возрасте до 35 лет). Кроме того, продолжить анализ интеллектуального потенциала можно с позиции не только кадрового состава научной группы, но и по виду и числу публикаций, количества диссертаций, защищенных членами российских научных групп, монографий, опубликованных членами научных групп, предполагающих наличие формализованного знания внутри научной группы.

Оценка численного состава российских научных групп, показала, что большинство научных групп (84%) имеет в своем составе не более 50 человек, а именно 21–50 человек – 10%, 11–20 человек – 25%, 6–10 человек – 39%, менее 6 человек – 25% научных групп. Кроме того, 50–100 человек – 6% научных групп, более 100 человек тоже имеют 6% научных групп [2].

Научные группы, имея некоторый постоянный состав работников, при выполнении исследовательских проектов формируют также и временные коллективы, объем которых зависит как от кадрового потенциала самой научной группы, так и от типа выполняемого исследовательского проекта. Научные группы в среднем для выполнения исследовательских проектов формируют коллективы, на 70% состоящие из сотрудников постоянного состава научной группы, и на 30% – из сотрудников, временно привлеченных для выполнения проекта [2].

К еще одному способу оценки внутренней инновационной компетентности фирмы можно отнести способ рейтинговой оценки уровня подготовленности работника к инновационной деятельности. Данный способ был изобретен в России (Военный университет связи) и запатентован 25 февраля 2003 г. Изобретателями считаются Л.Е. Елизарова и Л.А. Холодкова.

Измеряют показатель уровня креативности $K_{КФ}$. Затем нормируют измеренные значения уровней интеллекта $K_{И}$, креативности $K_{КТ}$ и креативности $K_{КФ}$ относительно соответствующих им минимально допустимых значений уровней $K_{И}^{\min}$, $K_{КТ}^{\min}$, $K_{КФ}^{\min}$ путем вычисления отношений:

$$K_{И}^H = K_{И} / K_{И}^{\min}, K_{КТ}^H = K_{КТ} / K_{КТ}^{\min}, K_{КФ}^H = K_{КФ} / K_{КФ}^{\min}$$

Если хотя бы один из нормированных показателей $K_{И}^H$, $K_{КТ}^H$, $K_{КФ}^H$ меньше единицы, подготовку работника к инновационной деятельности оценивают отрицательно.

При уровнях $K_{И}^H$, $K_{КТ}^H$, $K_{КФ}^H$, превышающих единицу, подготовку работника к инновационной деятельности оценивают положительно.

Необходимо заметить, что частные показатели уровней креативности $K_{КТ}$ и креативности $K_{КФ}$ измеряют с использованием тестов соответственно креативности и креативности. Частный показатель уровня интеллекта $K_{И}$ можно измерять, например, с использованием тестов IQ Г. Айзенка. Минимально допустимые уровни частных показателей $K_{И}^{\min}$, $K_{КТ}^{\min}$, $K_{КФ}^{\min}$ определяются с учетом конкретной области инновационной деятельности фирмы.

Таким образом, строится система оценки инновационной восприимчивости фирмы, а впоследствии и инновационной компетентности. Описываемая методика основана на использовании реально определяемых экономических показателей и направлена на исследование инновационных ресурсов фирмы, включая интеллектуальные, кадровые, имущественные, продуктовые, технологические и инвестиционные. В зависимости от степени восприимчивости фирмы, а также ее инновационной компетентности в сфере НТП формируется стратегия дальнейшего инновационного развития: освоение базисных инноваций или только улучшающих.

Список литературы:

1. Андрианов В. Интеллектуальная модель управления бизнесом // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 3.
2. Баранчев В.П. Управление знаниями в инновационной сфере. – М.: Благовест-В, 2007.
3. Белаи О.Ю., Кутузов В.М. Анализ деятельности российских научных групп // Инновации. – 2009. – № 7
4. Вертакова Ю.В., Симоненко Е.С. Управление инновациями: теория и практика. – М.: Эксмо, 2008.
5. Нойбауэр Х. Инновационная деятельность на малых и средних предприятиях // Проблемы теории и практики управления. – 2002. – № 3.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Названов С.В.

**СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КАМЧАТСКОМ КРАЕ**

Приоритетом экономического развития России до 2020 года является инновационный путь развития, который позволит модернизировать экономику на основе интеллектуального, а не сырьевого сценария.

Для регионов крайне важно определить точки роста, первоочередные цели и задачи, которые на основе инновационных подходов будут способствовать их успешному развитию. Камчатский край, с его моноотраслевой экономикой, остро нуждающейся в модернизации и развитии новых точек роста, также крайне нуждается в инновационных подходах и решениях.

Главным программным документом, в котором должна быть отражена государственная политика в сфере развития инновационной деятельности в Камчатском крае, должна стать Стратегия развития инновационной деятельности в Камчатском крае. Проект такой Стратегии в настоящее время проходит доработку в Правительстве Камчатского края и будет утвержден в ближайшее время.

В общем виде Стратегия инновационной деятельности должна содержать в себе следующие блоки:

- оценка текущей ситуации и определение потенциала для развития инновационной деятельности;
- определение целей и задач развития инновационной деятельности, оценка факторов, оказывающих влияние на реализацию Стратегии;
- определение механизмов реализации Стратегии.

В настоящее время Камчатский край обладает заметным научным и инновационным потенциалом, значительная часть которого сохранилась с советских времен. Научными исследованиями в крае занимаются 15 организаций, из которых 11 – научные и 4 – вузы и прочие. Данные организации в достаточной степени, по мнению автора, обеспечены необходимыми для развития инновационной деятельности средствами: квалифицированным персоналом, площадями и частично оборудованием, которые могут позволить им успешно реализовывать программы инновационного развития по профильным отраслям. Особо, в данном блоке, стоит выделить проблему нехватки в Камчатском крае инновационных менеджеров для реализации инновационных проектов и площадок.

Главной целью реализации Стратегии должно стать обеспечение инновационного развития по приоритетным направлениям экономики Камчатского края: рыбохозяйственный комплекс, минерально-сырьевой комплекс, туризм, инфраструктура (энергетика, транспорт, связь), безопасность и экология. Вместе с тем, автор статьи считает, что возможно появление инновационных проектов, которые будут способствовать развитию экономики Камчатского края в новых направлениях (например: производство строительных материалов, фармакология, производство сорбентов и т.д).

Задачи, которые придется решать в рамках достижения главной цели Стратегии, будут достаточно обширны:

- создание необходимой нормативной правовой базы;
- создание и развитие инфраструктуры поддержки инновационной деятельности;
- поддержка существующих инновационных идей, проектов и предприятий;
- организация взаимодействия между всеми участниками инновационных процессов (власть, бизнес, наука) и др.

На данном этапе необходимо проанализировать внешние и внутренние факторы, оказывающие положительное и негативное влияние на решение поставленных задач, и определить механизмы управления влиянием данных факторов.

Кроме этого в Стратегии необходимо предусмотреть механизмы реализации поставленных задач. Такими механизмами могут быть:

- создание эффективной системы управления развитием инновационной деятельности в регионе;
- разработка различных программ инновационного развития;
- создание и развитие элементов инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубаторов, технопарков, центров трансфера технологий, консультационных центров, венчурных и других фондов и т. д.);
- подготовка инновационных кадров;

– поддержка реализации конкретных инновационных проектов и площадок и др.

Таким образом, Стратегия развития инновационной деятельности в Камчатском крае необходима в качестве эффективного инструмента государственного управления и ее скорейшая разработка будет способствовать скоординированным действиям по развитию инновационной экономики края.

Список литературы:

1. Материалы Портала исполнительных органов государственной власти Камчатского края. – <http://www.kamchatka.gov.ru>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Олиферова О.С.

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Научно-образовательный потенциал государства, его количественные и качественные характеристики являются стратегическим ресурсом развития экономики любой страны. Проблемы сохранения и приумножения этого потенциала становятся ключевыми при выборе государством инновационного пути развития, движение по которому предполагает наличие специалистов обладающих не только определенным набором знаний, умений и навыков, но и склонных (и способных) постоянно их пополнять, обновлять.

Взаимодействие науки и образования – процесс естественный, приносящий выгоды обеим сторонам: наука обогащает образование новыми знаниями, разрабатывает новые, прогрессивные методы обучения, а образование служит источником, питающим науку молодыми кадрами. Так обстоит дело в реальной жизни. Но формально на государственном уровне эти виды интеллектуальной деятельности разделены:

- законодательством РФ наука и образование рассматриваются как *самостоятельные виды деятельности* (институциональный аспект);
- наука и образование, в том числе высшее профессиональное, являются *самостоятельными сферами государственного управления*, каждая из которых имеет свою систему учреждений, организаций и органов государственного управления (за исключением федерального уровня, где эти сферы объединены в настоящее время в лице Министерства науки и образования РФ) (организационно-структурный аспект);
- каждая сфера регулируется *самостоятельной отраслью законодательства* (правовой аспект) [1].

Это разделение создает множество административных и правовых барьеров, препятствующих полноценной интеграции данных двух сфер.

По мнению Г.А. Китовой и Т. Е. Кузнецовой, в России накоплен значительный положительный опыт создания разнообразных интегрированных структур, активно перенимаемый и за рубежом – НИИ при вузах, базовые кафедры вузов в академических институтах, базовые лаборатории вузов и т. д. Год от года все более актуальной провозглашается задача развития и усиления интеграционных процессов. И наряду с этим парадоксально выглядит тот факт, что Россия ежегодно теряет свои конкурентные преимущества, связанные с высоким качеством образования, насыщенностью экономики кадрами высокой квалификации, крупным научным потенциалом и т. д. Эти потери, по мнению авторов, обусловлены сохранением архаичной институциональной структуры, экономической, информационной разобщенностью науки и образования, незавершенностью и непродуманностью процесса реформирования научно-образовательного комплекса [5].

Объемы финансовой поддержки, выделение на развитие науки и образования, механизмы распределения и использования денежных средств являются важнейшими проблемами в данной сфере. Если в развитых странах рост расходов на научно-образовательный комплекс предполагает ужесточение требований к эффективности соответствующих вложений, то в России система оценки результативности научной и образовательной деятельности фактически не развита [5]. Не развита и система многоканального финансирования: использование не только финансовых ресурсов государства, но и привлечение средств частного бизнеса. Инвестиционная активность негосударственных структур носит спорадический характер и связана, как правило, с прикладными разработками. В принципе, это вполне нормальная ситуация: бизнес готов участвовать в финансировании тех проектов и в подготовке тех специалистов, отдача от которых ожидается в ближайшем будущем. Поэтому государство может через систему льгот, преференций, институциональную поддержку стимулировать участие частных структур в данном направлении. Фундаментальные же исследования и подготовка соответствующих специалистов – процесс, вложение средств в который принесет свои плоды через десяток другой лет, поэтому финансироваться он должен и может только государством.

В чем сущность интеграции науки и образования и в каких формах она осуществляется? Интеграция науки и образования означает процесс сотрудничества научных организаций и высших учебных заведений различной ведомственной принадлежности. В данном случае речь идет о межотраслевой (межведомственной) интеграции, целью которой является преодоление административных барьеров, неизбежно порождаемых организационно-структурным разделением науки и образования. При этом предполагается сотрудни-

чество научных организаций только с высшими учебными заведениями, а не с образовательными учреждениями других уровней.

Формами межотраслевой интеграции научной и образовательной деятельности являются:

- совместная деятельность государственных высших учебных заведений системы образования и научных организаций, РАН, отраслевых академий наук (проведение совместных научных исследований, подготовка учебно-методической литературы);
- участие научных работников в педагогической деятельности вузов;
- привлечение студентов, аспирантов вузов к научно-исследовательской деятельности научных организаций;
- совместное пользование информационной и экспериментально-приборной базой научных организаций;
- создание межведомственных научно-образовательных структур (учебно-научных комплексов, научно-образовательных центров и др.);
- создание единых центров коллективного пользования информационными и материально-техническими ресурсами [1].

Активно сегодня обсуждается и идея использования новых форм интеграции, например, создание по западному образцу исследовательских университетов. Поэтому государству в условиях ограниченных финансовых ресурсов необходимо, в первую очередь, определиться: в какой же форме будут протекать данные процессы? А для этого необходимо провести системный анализ как итогов реформирования науки и образования, так и существующих форм и механизмов интеграции. Этот процесс, в свою очередь, затрудняется отсутствием системной информации о том, как развиваются в реальности интеграционные процессы; какие административные, правовые и прочие барьеры существуют; каковы слабые и сильные стороны конкретных форм и механизмов интеграции; какие формы являются наиболее устойчивыми и эффективными; как наиболее рационально адаптировать зарубежный опыт и т. д. Все это затрудняет принятие эффективных решений, как государством, так и конкретными научно-образовательными структурами в данной сфере [5].

Обратимся к региональному аспекту интеграционных процессов в сфере науки и образования. Согласно данным таблицы 1, размещение как организаций, так и персонала, выполняющих исследования и разработки, отличается крайней неравномерностью: подавляющее большинство, как первых, так и вторых сосредоточено в Центральном, Приволжском и Северо-Западном федеральных округах (в совокупности 68,9% и 81,0% соответственно). Это ведет к серьезным диспропорциям в уровне развития науки в регионах, что в

свою очередь, негативно сказывается на социальном и экономическом развитии самих территорий. Поэтому необходимым является формирование равных условий для доступа всех субъектов РФ к результатам, проводимых в стране исследований.

Таблица 1

Распределение организаций и персонала, занятого исследованиями и разработками, по федеральным округам в 2008 г.

Федеральный округ	Организации, выполняющие исследования и разработки*		Персонал, занятый исследованиями и разработками	
	количество организаций	в %	количество человек	в %
Центральный	1445	39,4	396 272	52,1
Северо-Западный	533	14,5	99 556	13,1
Южный	321	8,8	33 633	4,4
Приволжский	549	15,0	120 644	15,8
Уральский	220	6,0	43 695	5,7
Сибирский	429	11,7	53 956	7,1
Дальневосточный	169	4,6	13 496	1,8
Всего	3666	100	761 252	100

Примечание. * В число организаций, осуществляющих исследования и разработки, входят и вузы: в 2008 г. 603 учреждения выполняли подобные работы.

Источник: составлено на основе данных [8].

Также неравномерно по территории РФ распределены и учреждения высшего профессионального образования (табл. 2). Здесь лидируют те же округа: Центральный, Приволжский, Северо-Западный (в них сосредоточено 65,4% государственных и негосударственных учреждений ВПО и 61,9% государственных вузов). Хотя в Южном федеральном округе количество учреждений ВПО превышает показатель даже Северо-Западного округа (150 против 132), однако около половины вузов (48,7%) здесь находятся в частной собственности. По мнению же ряда авторов негосударственные вузы практически не участвуют в научных исследованиях и разработках. Поэтому показатель «количество государственных учреждений ВПО» для оценки интеграционных процессов в сфере науки и образования является более объективным.

Распределение учреждений ВПО по территории РФ

Федеральный округ	Количество учреждений высшего профессионального образования (без филиалов)	
	государственные и негосударственные учреждения ВПО	только государственные учреждения ВПО
Центральный	440	212
Северо-Западный	132	78
Южный	150	77
Приволжский	170	119
Уральский	75	53
Сибирский	117	84
Дальневосточный	50	37
Всего	1134	660

Источник: составлено на основе данных [6].

Вполне очевидно, что интеграционные процессы интенсивнее идут на тех территориях, где выше количественные и качественные характеристики научно-образовательного потенциала. Данные таблиц 1 и 2 позволяют выделить такие регионы (о чем уже говорилось выше) и их ранжировать. Однако более информативными были бы сведения, собранные по федеральным округам, например, о количестве совместных исследований, проведенных вузами и научными организациями; о количестве научных сотрудников, ведущих преподавательскую деятельность в вузах; о количестве студентов и аспирантов, выполняющих исследования на базе научно-исследовательских учреждений и пр. На их основе можно было бы говорить о протекании реальных интеграционных процессов. Но, к сожалению, ни вузы, ни научные организации не обязаны вести подобный учет. Например, по Хабаровскому краю информация о взаимодействии вузов и научных организаций весьма ограничена. Так, Дальневосточная академия государственной службы в свободном доступе разместила отчеты о своей научно-исследовательской работе. На сайте Дальневосточного государственного медицинского университета и ТОГУ можно найти информацию о сотрудничестве с научными организациями (простое перечисление партнеров), но отсутствует количественная характеристика данного процесса. Институт экономических исследований ДВО РАН также просто перечисляет своих партнеров, ничего не говоря о форме сотрудничества с ними. В образовательном процессе вузов г. Комсомольска-на-Амуре (АмГПУ и КнАГТУ) принимают участие научные сотрудники и аспиранты Института

машиноведения и металлургии ДВО РАН (ИМиМ); на базе АмГПГУ функционируют две совместные лаборатории; ведутся переговоры о создании в КнАГТУ базовой кафедры ИМиМ. Взаимодействие же с другими научными организациями носит, как правило, непостоянный характер и чаще осуществляется на уровне «преподаватель – ученый», а не «студент – преподаватель – ученый».

Таким образом, информационное сопровождение (количественное и качественное) процесса интеграции науки и образования не отличается полнотой и систематичностью. Возможно, государству стоит уделить данной проблеме больше внимания, поскольку полнота информации является одним из определяющих факторов эффективности данного воздействия.

Интеграционные процессы в сфере образования и науки будут идти до тех пор, пока существуют эти сферы. Будут появляться новые формы и механизмы интеграции (например, принятое 09.04.2010 г. постановление Правительства РФ № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования», согласно которому ученые на базе вузов будут вести исследования при финансовой поддержке государства), анализироваться причины неудач определенных программ в данной сфере (например, выделение средств МОН РФ в виде гранта для оценки эффективности ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.) и т. п. Поэтому государству крайне важно четко определиться как с формой, так и с содержанием интеграционных процессов, чтобы вложение средств в данную сферу было более целенаправленным и эффективным. Ведь путь инновационного развития экономики одним из базовых условий предполагает тесную, масштабную и многостороннюю интеграцию образовательной и научной сфер.

Список литературы:

1. Гордеева Н.А. Правовое обеспечение интеграции науки и образования / Н.А. Гордеева, М.В. Пучкова. – http://www.strf.ru/material.aspx?d_no=9990.
2. Дальневосточная академия государственной службы. – <http://www.dvags.ru>.
3. Дальневосточный государственный медицинский университет. <http://www.fesmu.ru>
4. Институт экономических исследований ДВО РАН. – <http://www.ecrin.ru>.
5. Китова Г.А. Интеграция науки и образования в экономике знаний / Г.А. Китова, Т. Е. Кузнецова. – <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/74a5f1ab7f970f44c32571-e300472ac6>.
6. Министерство образования и науки РФ. – <http://mon.gov.ru>.
7. Тихоокеанский государственный университет. – <http://www.khstu.ru>
8. Центр исследований и статистики науки (ЦИСН). – <http://www.csrs.ru>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Римлянд Е.Ю., Вежновец И.А., Манухин В.В.

**ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹**

Инновационная деятельность, характерная для современной экономики, приносит свои особенности в структуру и функции общественных институтов, ценности и нормы поведения участников экономических отношений. Вместе с тем неравномерность социально-экономического развития субъектов Российской Федерации оказывает влияние на их участие в инновационной деятельности и потребности в институционализации. В этой связи общие и особенные условия институционализации инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации, определяющие условия развития инновационной деятельности, представляются весьма интересными.

Институционализацию можно рассматривать как процесс упорядочения, формализации и стандартизации чего-либо [5]. Такое толкование термина плохо соотносится со значением слов инновации и инновационная деятельность: для последних более характерны поиск отличий от последовательности (с выходом из ряда), нестандартного решения. Но, вместе с тем, противоречия словосочетания «институционализация инновационной деятельности» становятся несущественными на определенных этапах создания продуктов, технологий, услуг, воспринимаемых рынком как новых. Более того, важность установления формальных и неформальных правил, принципов, регулирующих различные сферы человеческой деятельности в периоды ее развития сложно переоценить: упорядочение

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта № 09-1-П28-02 «Экономика и социология знаний: дальневосточное измерение» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №28 «Экономика и социология знаний».

процесса с выработкой определенной структуры отношений способствует его активизации.

Одним из факторов эффективной инновационной деятельности является взаимодействие субъектов, участников процессов создания, освоения и (или) обновления видов продукции, технологических процессов. Организация такого взаимодействия осуществляется, как правило, посредством апробированных институциональных форм, являющихся элементами инфраструктурных систем поддержки научно-технической и инновационной деятельности [4]: информационного обеспечения, экспертизы программ и проектов, финансово-экономического обеспечения деятельности, производственно-технологической поддержки, сертификации наукоемкой продукции, продвижения на рынок научно-технических разработок и наукоемкой продукции, координации и регулирования развития научно-технической и инновационной деятельности. Анализ инфраструктурных систем поддержки инновационной деятельности в Российской Федерации [7; 11] позволяет оценить полноту институционализации этой деятельности и предложить в отдельных направлениях инфраструктурного развития новые формы.

Информационно-технологическое обеспечение инновационной деятельности. Информационное пространство инноваций является достаточно объемным. Используя все виды СМИ, руководители государства предоставляют возможность ознакомления с задачами: «Мы обязаны быть на переднем крае инноваций в основных сферах экономики и общественной жизни» [6], руководители регионов уточняют: инновации должны стать образом мысли и действия [13]. Очевидно, что инновационная деятельность в настоящее время является приоритетной в модернизации страны.

Автоматизированная система для предварительной оценки и анализа инновационных проектов [10] будет способствовать созданию в регионах института независимой экспертизы научной продукции. Это позволит создать базы данных: потенциальных инвесторов, заинтересованных во вложении денежных средств в инновационные проекты; инновационных идей, находящихся на разных стадиях готовности к коммерциализации и обеспечить работу с новаторами по доведению инновационных идей до готовности к коммерциализации в режиме on-line.

Координация и регулирование развития инновационной деятельности. Выполнение функций координации и регулирования осуществляется с помощью специализированных институтов, при этом установление в качестве формальных правил правовых норм является наиболее оптимальным. В то же время, инновация, будучи принята как экономическая категория в XX веке, становится, на наш взгляд, в XXI веке категорией культуры, тем понятием, которое в числе других (пространство и время, труд, право, бо-

гатство...) характеризует данную конкретно-историческую эпоху [8]. Эта категория не только отражает существенные закономерности и взаимосвязи системы экономических отношений, но и специфику системы ценностей, представляет образцы мировосприятия, социального поведения, а также возможные направления их развития. Введение инновации в систему категорий культуры позволяет не только адекватно отразить всю полноту реалий социально-экономической жизни в современную эпоху, но и выразить социальную потребность в ее освоении.

Такую потребность выражают, прежде всего, молодые граждане России и проявляется это в виде создания новых общественных институтов, таких, например, как объединения молодежи при законодательном органе власти. Основная цель указанных институциональных преобразований – построение целостной системы молодежного парламентаризма.

Вовлечение в молодежное парламентское движение широкого круга молодых людей, аккумуляция идей молодежи, несомненно, содействует реализации государственной молодежной политики. Вместе с тем, шестилетний период работы Молодежной общественной палаты при Законодательной Думе Хабаровского края (МОП) показал продуктивность основного и ведущего направления деятельности МОП – правотворчества. Организуются региональные этапы Всероссийских конкурсов «Моя законотворческая инициатива», «Законотворец», «Моя страна – моя Россия», «Молодой парламентарий», краевого конкурса законопроектов «Идеи молодых – Хабаровскому краю». Развитие правотворческой деятельности в МОП иллюстрирует работа над законопроектами «Об инновационной деятельности в Хабаровском крае», «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», «О Фонде содействия развитию инновационной деятельности в Российской Федерации», выполненная коллективом авторов в 2009–2010 гг.

Рассматривая национальную инновационную систему (НИС) как «совокупность государственных, частных и общественных организаций и механизмов их взаимодействия, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению и распространению новых знаний и технологий» [1, с. 32], мы предполагаем, что ее функционирование обеспечивает множественность выбора личностью вида инновационной деятельности. Самоопределение, выступающее в данном случае как профессиональное самоопределение, предопределяет эффективность воспроизводства трудового потенциала различных отраслей инновационной экономики. Взгляд на НИС как на «...совокупность предприятий и организаций различных форм собственности – от научно-технического сектора до производственных структур и инфраструктурных составляющих, осуществляющих полный инновационный цикл на всех его стадиях» [12, с. 9], позволяет нам обратить внимание на

результативность деятельности участников инновационной системы, к которым отнесены как субъекты, осуществляющие инновационную деятельность, так и субъекты, ее поддерживающие [9].

Системный подход предполагает взаимозависимость и взаимодействие различных факторов, которые влияют на инновации, включая организационные и институциональные. Инновационная система, в связи с этим, определяется также и как «сеть институтов в общественном и частном секторах, чья деятельность и взаимодействие инициируют, модифицируют и распространяют новые технологии» [3]. Для авторов, являющихся членами Молодежной общественной палаты при Законодательной Думе Хабаровского края, указанные факторы представляют условия участия молодежи в координации и регулировании инновационной деятельности.

Финансово-экономическое обеспечение инновационной деятельности. Норма права, в отличие от иных социальных регуляторов (традиции, мораль и др.), обладает такими качествами как общеобязательность, формальная определенность и обеспеченность системой принуждения со стороны государства. Поэтому установление правового механизма финансово-экономического обеспечения инновационной деятельности, на наш взгляд, является одним из важнейших элементов ее институционализации. В то же время правовое регулирование инновационной деятельности (в рамках которой должен осуществляться трансфер знаний) в нашей стране является предметом обсуждений [2]: на федеральном уровне проблемой остается отсутствие действенных правовых и экономических механизмов, стимулирующих как инвестирование в НИОКР, так и финансирование процесса их коммерциализации.

Предлагаемый нами проект федерального закона «О Фонде содействия развитию инновационной деятельности в Российской Федерации» устанавливает правовые и организационные основы оказания финансовой поддержки субъектам Российской Федерации путем создания организации, осуществляющей функции по предоставлению финансовой поддержки в развитии инновационной деятельности субъектам Российской Федерации. Поддержка Фондом осуществляется по результатам рассмотрения заявок, включающих в себя региональные программы развития инновационной деятельности, бизнес-планы региональных инновационных проектов и отражающих реальное состояние инновационной деятельности.

Законопроект определяет компетенцию, порядок образования и деятельности Фонда содействия развитию инновационной деятельности в Российской Федерации, а также регулирует отношения между Фондом и органами государственной власти Российской Федерации, субъектами Российской Федерации, субъектами инновационной деятельно-

сти. Возможно использование предлагаемого механизма взаимоотношений на уровне субъекта РФ и муниципального образования.

Принятие законопроекта приведет к совершенствованию нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности в Российской Федерации, разработке и реализации программ стратегического развития регионов, финансово-экономическому обеспечению инновационных проектов и снижению рисков инвестирования частным капиталом. Это станет условием для увеличения доли выпуска инновационной продукции в объеме промышленной и соответственно – повышения качества жизни населения в субъектах Российской Федерации. Механизм оценки эффекта от принятия законопроекта основан на анализе сведений статистической отчетности о научно-технической и инновационной деятельности организации, данных Роспатента, суммируемых по субъекту Российской Федерации.

Список литературы:

1. *Голыченко О.* Национальная инновационная система России и основные направления ее развития // *Инновации.* – 2003. – № 6.
2. Законодательное обеспечение инновационного развития экономики. Научные технологии: мат-лы парламентских слушаний 12 мая 2008 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2008.
3. Концепция системы инновации. – <http://www.innosys.spb.ru/?id=511>.
4. *Кулагин А.С. и др.* Рекомендации по разработке государственной научно-технической политики субъектов Российской Федерации / под общ. ред. М.П. Кирпичникова; Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации. «Наука и инновации в регионах России». – http://regions.extech.ru/acts/k_ankete/rntp.
5. Материалы сайта. – http://mirslouvrei.com/content_soc/institucionalizacija_8498.html.
6. *Медведев Д.А.* Послание Президента России Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года. – http://archive.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type_82634_208749.shtml.
7. Правовое обеспечение экономики знаний / рук. Е.Ю. Римлянд; исполн. И.А. Вежновец, В.В. Манухин, Е.Р. Фролова; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Лауреат Всероссийского конкурса «Моя законотворческая инициатива». – Хабаровск, 2010.
8. *Римлянд Е.Ю.* Инновационная деятельность высшей школы: процессы развития в регионе // *Инновации.* – 2010. – № 3 (137).

9. *Римлянд Е.Ю.* Об инновационной деятельности в Хабаровском крае: законопроект / Е.Ю. Римлянд, И.А. Вежновец, В.В. Манухин, Е.Г. Резник, Л.В. Гашкова ; Молодежная общественная палата при Законодательной думе Хабаровского края. – Хабаровск, 2009.

10. *Римлянд Е.Ю.* Система оценки инновационных проектов / Е.Ю. Римлянд, Е.Р. Фролова // Моделирование социально-экономических процессов: современные тенденции и подходы: сб. науч. ст. по мат-лам Всерос. конф. молодых ученых и студентов. Ч. 2 / под науч. ред. канд. филос. наук, проф. В.А. Лихобабина, д-ра экон. наук, проф. М.И. Разумовской. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2009.

11. Совершенствование правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации на примере Хабаровского края / рук. Е.Ю. Римлянд; исполн. И.А. Вежновец, В.В. Манухин, Е.Г. Резник, Л.В. Гашкова; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Лауреат Всероссийского конкурса «Моя законотворческая инициатива». – Хабаровск, 2009.

12. *Фридлянов В.* Развитие промышленности как основы национальной инновационной системы // Инновации. – 2003. – № 2–3.

13. *Якушев В.* Ежегодное послание Тюменской областной Думе «О положении дел в области». – <http://www.vsluh.ru/vip/polytic/214273.html>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Фролова Н.С.

**ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА –
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сегодня идет достаточно много споров, дискуссий о том, сможет ли пойти Россия по пути инновационного развития. А если она уже идет, то будет ли в ближайшие 10–15 лет в мировых лидерах.

Сказать, что в России не развивается инновационное направление нельзя. Сегодня это подтверждается многими фактами. Во-первых, наличием нормативно-правовой базы. Начиная с 1990 г., были приняты постановления Правительства Российской Федерации от 24 июля 1998 г. № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 гг.», «Об одобрении Основных направлений реализации государственной политики по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности». Принят Федеральный Закон 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации». Позднее, в 2005 г. был принят ФЗ от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». В 2006 г. была разработана Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2025 г. Здесь следует отметить, что одной из задач Стратегии стало создание эффективной национальной инновационной системы.

Во-вторых, были созданы финансовые институты развития, ориентированные на поддержку инноваций и развитие высокотехнологичных отраслей. В настоящее время функционируют такие организации как Государственная корпорация Внешэкономбанк, ОАО «Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий», Фонд содействия развития малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российский фонд технологического развития.

В-третьих, путем принятия специальных законов создано несколько государственных корпораций, в т. ч. федеральным законом от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ создана Государственная корпорация нанотехнологий. Активно развивается процесс нормативного правового обеспечения создания новых видов высших учебных заведений. В 2008 г. подписан Указ Президента Российской Федерации «О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов». Решаются вопросы подготовки кадров для научно-образовательной сферы. В 2008 г. утверждена федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

Федеральный центр провозгласил и начал создавать инновационную систему. Однако говоря о государственном воздействии на перевод российской экономики на инновационный путь развития нельзя упускать из виду роль государственной власти на уровне субъектов Российской Федерации. Это важно с одной стороны потому что, усилия федеральных властей по инновационному развитию не приводят к должному результату. С другой – подход к инновационному развитию будет полным, лишь в том случае, когда в нем возьмут на себя ведущую роль регионы. Именно на региональном уровне должны формироваться условия для заинтересованности предпринимателей к инновациям, развития венчурного направления в экономике, определения точек ее роста. Для этого необходимо формировать региональную инновационную политику, которая будет направлена на решение вопросов сотрудничества Федерации и региональных органов власти, создание условий для развития инновационной инфраструктуры. Именно инновационная политика на уровне регионов призвана решить проблему их перехода на инновационный путь. Так как политика подходит к вопросу развития региона системно, комплексно, создавая при этом необходимые условия для инновационного развития.

Именно на этом основании многие регионы России разрабатывают свои планы (программы) по созданию инновационной экономики, осуществлению региональной инновационной политики.

На прошедшем в 2010 г. форуме в Томске был подписан меморандум о создании Ассоциации инновационных регионов. В ассоциацию вошли такие регионы, как Татарстан, Иркутская, Томская области, Пермский, Красноярские края и ряд других. Основными целями создания ассоциации является накопления обмен опытом в сфере создания благоприятной, правовой, экономической, социальной и творческой среды для развития инноваций, организация и продвижение совместных инновационных, экономических, научно-технических образцов.

Формирование инновационной экономики для Хабаровского края является одной из приоритетных задач регионального развития. Это способствует включению его в общероссийские тенденции, как одного из составляющих элементов формирования и построения национальной инновационной системы.

При этом особенно важно, будет ли достигнута главная цель, зафиксированная в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г. – закрепление здесь населения за счет формирования развитой экономики и комфортной среды жизнедеятельности человека.

Хабаровский край обладает научно-техническим и инновационным потенциалом, что определяется: существованием на его территории научно-производственного и образовательного комплексов, имеющих возможности для разработки современных наукоемких технологий; размещения промышленных предприятий добывающих и обрабатывающих отраслей, способных воспринимать наукоемкие технологии и выпускать конкурентоспособную высокотехнологичную продукцию; наличия уникальных высокотехнологичных предприятий.

В настоящее время здесь действуют 59 научных организаций: 12 институтов академического профиля, 14 государственных высших учебных заведений, выполняющих научно-исследовательские работы, 7 отраслевых НИИ, 17 проектно-изыскательских и проектно-технологических институтов, 3 проектно-конструкторских бюро, а также 6 научно-технических центров и организаций научного обслуживания.

С учетом вузовской науки, в научно-техническом секторе Хабаровского края занято около 3 тысяч работников, из которых более 350 докторов наук и свыше 2 тысяч кандидатов наук. В профессиональной структуре научных кадров края доминируют специалисты технических и естественных наук (39 и 30%, соответственно). Сельскохозяйственными науками занимается 11%, медицинскими – 7%, общественными и гуманитарными 13% исследователей. В различных отраслях экономики края работает более 700 изобретателей, среди них 12 человек имеют звание «Заслуженный изобретатель Российской Федерации». Численность студентов вузов – 80,5, аспирантов – 1,2 тыс. человек.

В Хабаровском крае для развития инновационной деятельности проводится конкурс научно-технических и инновационных проектов. В последнее время активизировалось участие организаций в федеральной программе Фонд содействия развитию малых предприятий в научно-технической сфере. Проводятся мероприятия по вовлечению молодежи в инновационную деятельность.

Сформированы элементы инновационной инфраструктуры – региональное представительство Роспатента; центр трансфера технологий; сеть рискованного финансирования.

Осуществляется продвижение инновационной продукции, проектов и разработок на международных выставках, готовятся кадры для инновационной деятельности. В течение 3 лет действует АНО ДАСИ, которое содействует развитию инновационной деятельности, в частности привлекает венчурные инвестиции к реализации экономически эффективных инновационных проектов; проводит консалтинговую, патентную, образовательную, рекламную и другую работу по направлениям инновационного развития; способствует развитию международного сотрудничества.

Тем не менее, несмотря на позитивные тенденции, стоит остановиться на проблемах, которые препятствуют интенсификации развития экономики Хабаровского края на инновационной основе.

В последнее время, особенно, в период финансового экономического кризиса, многие предприятия столкнулись с необходимостью жесткой оптимизации издержек. В первую очередь, это коснулось инновационных проектов, НИОКР, модернизации и технического перевооружения производства. Сама по себе инновационная деятельность связана с достаточным количеством рисков, ее сложно начинать, она требует значительных финансовых затрат и длительных сроков окупаемости. В современных условиях это не стимулирует бизнес осуществлять инновации.

Подобные процессы идут и в Хабаровском крае. Число инновационно-активных предприятий за последние 5 лет здесь сократилось с 46 до 33. Восприимчивость бизнеса к инновациям технологического характера снизилась, уменьшился спрос на них. По оценкам экспертов г. Комсомольска-на-Амуре инновационный уровень их предприятий достаточно низкий. В основном продукция реализуется в пределах Хабаровского края и Дальнего Востока (58,3%). Только 16,7% ее соответствует лучшим российским и мировым аналогам и поставляется в другие регионы страны и на экспорт. Почти половина предпринимателей (44,0%) отметили, что инновационную продукцию в 2006–2008 гг. вообще не производили. На сегодняшний день, как отметили эксперты г. Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска (66,7%; 54,3%) основными источниками финансирования инновационных проектов являются средства предприятий. О кредитах банков упомянули 44,0 и 45,4%, фондах поддержки предпринимательства – 36,0%¹. Далекое не последней причиной такому состоянию дел способствует неразвитость «нетрадиционных» рыночных механизмов и инструментов инвестирования.

¹ Данные предоставлены «Дальневосточным научно-исследовательским институтом рынка» (г. Хабаровск).

По экспертным опросам, проведенными Дальневосточным научно-исследовательским институтом рынка наиболее важными экономическими проблемами, сдерживающими развитие инновационно-активных предприятий, является недостаток денежных средств; недостаток финансовой поддержки со стороны государства; отсутствие каналов сбыта продукции; трудности входа на рынок производства новой продукции. Основные производственные проблемы – неразвитость инновационной инфраструктуры; недостаток квалифицированных кадров; отсутствие финансовых средств на новый проект, низкая квалификация работников. Правовые проблемы связаны со сложностью понимания законодательства и практического его применения; с низкой эффективностью принятых законодательных и нормативно-правовых актов, как на уровне РФ, так и на уровне краевого законодательства.

Слабость связей между наукой и производством является уже традиционной проблемой для российской экономики. В Хабаровском крае инновационная продукция проходит лишь одну-две стадии, в большинстве своем это касается подготовительного этапа (проведение научных исследований и выпуск опытного образца изделия). Дальнейшие стадии – производственная и рыночная реализация продукта не получают своего развития.

Особенности организации регионального сектора исследования и разработок – его автономное существование и значительная зависимость от государственного финансирования. С другой стороны, у предприятий слабая восприимчивость к новым технологиям, отсутствуют стимулы к использованию результатов исследований и разработок, существует неразвитость звеньев по передаче научных разработок в производство.

В инновационной экономике одним из условий создания конкурентных преимуществ является подготовка «высококвалифицированных кадров». Однако когда речь идет об инновациях, необходимо учитывать особую специфику в их подготовке. Современная высшая школа развивается без учета потребностей общества и экономики. Из-за этого она пока не может производить конкурентоспособный продукт. Ситуация усугубляется отсутствием аттестации по международным стандартам. Выпускники вузов не способны применять полученные знания на практике. Зачастую они не владеют современным профессиональным инструментарием, обучены по устаревшим технологиям.

Создание адекватной правовой среды является необходимым условием эффективного развития инновационной деятельности. Вместе с тем именно научно-техническое и инновационное законодательство является одним из сдерживающих факторов инновационного развития, так как не обеспечивает регулирование инновационной деятельности в полном объеме. В наиболее общем виде проблемы нормативно-правового регулирования можно сформулировать следующим образом: неполнота правовой базы инновационной

деятельности, в частности отсутствие законодательно закрепленных понятий (критериев) инновационного продукта, инновационного проекта и пр.; нечеткое разграничение федеральных и региональных функций в области инновационной деятельности; отсутствие адаптированной к российским условиям модели региональной инновационной системы.

Основными проблемами, сдерживающими развитие международного сотрудничества в инновационной деятельности являются: ограниченность тенденций к интеграции российских фирм в мировую экономику; недостаточная информация о перспективных отечественных научных разработках; низкая эффективность серийного производства; низкий уровень эффективности управления и др.

Анализ проблем научно-технического и инновационного развития позволил с высокой степенью достоверности обобщить результаты, сформулировать и проранжировать основные. Они включают: отсутствие спроса на инновационную продукцию; разобщенность науки и производства; недостаток финансирования инновационной деятельности, средств на развитие научно-инновационной деятельности, обновление ее материально-технической базы; отсутствие высококвалифицированных менеджеров, способных работать в сфере инноваций; низкий уровень поддержки инновационно-активных малых предприятий; неразвитость нормативно-правовой базы; отсутствие комплекса инновационной инфраструктуры.

Исходя из проблем, формируются основные направления инновационного развития Хабаровского края, где приоритетными являются: развитие научно-технической деятельности; стимулирование организаций к разработке и использованию инноваций; формирование инновационной инфраструктуры; продвижение инновационной продукции на российском и международном рынках; подготовка кадров; нормативно-правовое, институциональное обеспечение инновационной деятельности.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Шишмаков В.Т., Шишмаков С.В., Курочкин П.

**ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КОМПАНИИ
КАК ОСНОВА СТРАТЕГИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ**

Анализ деятельности российских предприятий промышленности и транспорта показывает, что сложившийся порядок принятия и реализации стратегических решений не структурирован и не систематизирован должным образом, а менеджеры плохо ознакомлены с методологией и методикой стратегического менеджмента.

Общая схема проектирования стратегических решений содержит внешний анализ, на основе которого определяются рыночные возможности, угрозы, тенденции и стратегические решения. Второй составляющей является внутренний анализ, на основе которого определяются стратегические способности и ресурсы, стратегические преимущества и слабости, стратегические проблемы. Затем уже формируется набор стратегических альтернатив и производится оценка различных стратегий, охватывающая весь спектр показателей, характеризующих деятельность компании. На этой основе осуществляется конкретный выбор стратегии с оценкой всевозможных рисков.

Стратегия должна соответствовать внутренним возможностям компании, ее сильным и слабым сторонам. Для того, чтобы достичь этого и прежде чем разрабатывать стратегию, необходимо произвести оценку инновационного потенциала компании. Диагностика с целью разработки стратегии должна охватывать все важнейшие аспекты деятельности компании.

Внутренний анализ предприятия в качестве результата должен давать ясное представление не только о текущем состоянии предприятия, но также и о стратегических ре-

сурсах, стратегических преимуществах и слабостях компании, о стратегических проблемах.

Диагностика начинается с выявления важнейших проблем компании на данном этапе, тех видимых и ощущаемых трудностей, которые переживает компания. Следует иметь в виду, что видимые трудности и проблемы могут и не давать представлений о существе истинных затруднений компании. Последние должны быть выявлены в ходе диагностики. Тем не менее, они должны быть учтены при формировании набора стратегических факторов и системы оценочных показателей.

Вопрос о стратегических факторах, степени подробности и системе показателей для количественной оценки инновационного потенциала компании – один из самых сложных в диагностике предприятия и всегда должен учитывать специфику бизнеса компании. В любом случае система показателей должна давать ясное представление о стратегических ресурсах компании, сильных и слабых сторонах. Варианты такой методики были разработаны авторами [1–6].

Для объективного анализа и прогнозирования инновационного потенциала компании как основы для разработки стратегии социально-экономического развития компании определяющим моментом является наличие методики количественной оценки следующих синтезирующих показателей:

K_{Φ} – показатель финансовых ресурсов компании; $K_{НИР}$ – показатель научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок; $K_{МТ}$ – показатель материально-технических возможностей компании; $K_{И}$ – показатель информационных ресурсов компании; $K_{ПД}$ – показатель профессиональных, деловых и личностных качеств персонала компаний; $K_{ОТУ}$ – показатель организационно-технического уровня производства работ; $K_{ЭП}$ – показатель природно-экономических условий производства работ.

Интегральный показатель $K_{ИП}$, характеризующий инновационный потенциал компании, т. е. меру ее готовности к реализации поставленных стратегических задач, определяется по формуле:

$$K_{ИП} = a_1 K_{\Phi} + a_2 K_{НИР} + a_3 K_{МТ} + a_4 K_{И} + a_5 K_{ПД} + a_6 K_{ОТУ} + a_7 K_{ЭП}, \quad (2)$$

где K_i – синтезирующие показатели, характеризующие уровень инновационного потенциала компании: K_{Φ} , $K_{НИР}$, $K_{МТ}$, $K_{И}$, $K_{ПД}$, $K_{ОТУ}$, $K_{ЭП}$; a_i – ранг значимости показателей K_i в общем рейтинге инновационного потенциала компании. Коэффициенты a_i оп-

ределяются экспертным методом. Синтезирующие показатели рассчитываются как отношение фактических значений показателей, характеризующих элементы инновационного потенциала компании, к установленным нормативным или плановым значениям [3; 4].

Чем больше значение частного показателя, тем выше инновационный потенциал компании.

Инновационный потенциал компании характеризуется множеством факторов. Многофакторный результат оценки в данном случае неудобен, так как он затрудняет обобщение отдельных сторон деятельности трудовых коллективов и принятие конкретного решения. Учитывая это, необходимо, чтобы синтезирующие показатели оценки инновационного потенциала компании сводились к одному интегральному.

Такой подход к проблеме позволит одновременно проводить однозначную оценку инновационного потенциала по интегральному и синтезирующим показателям в целом и детальную, поэлементную оценку процесса производства с помощью частных показателей. Эти показатели должны выражать интенсивность и результативность процесса производства работ и определяться относительной величиной.

Синтезирующие показатели по элементам выражают степень соответствия конкретных условий производства, факторов технического и организационного характера нормативным, оптимальным или средним условиям.

Для соблюдения единых принципов и методов расчета количественных показателей они отвечают следующим основным требованиям:

- раскрывают характер конкретных условий производства, содержания финансово-экономического и организационно-технического уровней, качество работ и квалификацию персонала;
- не дублируют другие показатели;
- характеризуют условия производства, технику, технологию, организацию труда, производства и управления как процесс, а не как результат производственной деятельности, что обеспечит возможность выявления резервов роста производительности труда;
- рассчитываются на единой базовой основе и на основе информации, отражающей не случайные, а типичные процессы (явления), и обеспечивают сравнимость результатов оценки во времени по различным предприятиям и их структурным подразделениям.

Предлагаемая система показателей количественной оценки инновационного потенциала предприятий промышленности и транспорта может быть использована при разработке стратегии их социально-экономического развития, а также при обосновании взаимоувязанных текущих и перспективных планов, научных методов измерения, анализа и планирования основных технико-экономических показателей работ; при проведении оперативного

контроля за выполнением инновационных проектов и программ; при разработке научных методов подбора и расстановки специалистов на производстве, эффективных форм и систем оплаты их труда.

Для работников предприятий промышленности и транспорта необходимо знать не только достигнутые финансовые, научные и информационные показатели, технические и организационные уровни работ, уровни квалификации и деловых качеств работников предприятия, сложность природно-экономических условий производства работ, но и причины, обусловившие высокие или низкие результаты производственно-хозяйственной деятельности коллектива. Также следует выделить среди них главные и второстепенные, зависящие и независящие от тех или иных работников, служб, органов управления и обслуживания. В связи с этим результатом оценки должны быть предложения, направленные на выявление новых резервов производства и путей повышения производительности труда и экономической эффективности работ на предприятиях промышленности и транспорте.

Предлагаемая система показателей и методика оценки инновационного потенциала позволяет с высокой достоверностью планировать его по конкретному предприятию или его подразделению на среднесрочную перспективу и прогнозировать на длительный период, что очень важно при разработке стратегии социально-экономического развития компании.

Методика оценки и планирования инновационного потенциала была апробирована в структурных подразделениях предприятий промышленности и транспорта Хабаровского края [2; 5; 6].

Список литературы:

1. *Козырев В.А., Шишмаков В.Т., Мазо Л.А. и др.* Менеджмент на железнодорожном транспорте. – М.: Транспортная книга, 2009.
2. *Соловьева С.М., Шишмаков В.Т.* Оценка конкурентоспособности предприятий промышленности строительных материалов. – Хабаровск: ТОГУ, 2009.
3. *Шишмаков В.Т., Шишмаков С.В.* Инновационный менеджмент на железнодорожном транспорте. – М.: Маршрут, 2006.
4. *Шишмаков В.Т., Шишмаков С.В.* Стратегический менеджмент на предприятиях промышленности и транспорта. – Хабаровск: ДВГУПС, 2007.
5. *Шишмаков В.Т., Шишмаков С.В.* Стратегия социально-экономического развития города Тынды и Тындинского района на период до 2010 года – Хабаровск: ДВИМБ, 2004.
6. *Шишмаков В.Т., Шишмаков С.В., Першин А.Д.* Социально-экономическое обоснование основных направлений стратегии развития Хабаровского края. – Хабаровск: ДВГУПС, 2007.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 5
**«ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ»**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Александрова М.В.

**НАПРАВЛЕНИЯ И СФЕРЫ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В БЛИЖАЙШЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ**

Развитие экономики российских регионов в последние двадцать лет определялось происходящими в стране переходными процессами, в ходе которых произошли существенные изменения в структуре экономики, усложнились происходящие в регионах процессы.

Среди факторов, существенно влияющих на региональное развитие, особое место занимает экономико-географическое положение. Наиболее значительно усилилось воздействие этого фактора в переходный период у приграничных регионов, являющихся обычно периферийными. Они получили возможность взаимодействовать с сопредельными регионами других стран. Совместные проекты и обмен различными ресурсами и товарами через границу стали влиять на конкурентоспособность экономики, количественные и качественные показатели развития регионов, уровень жизни населения.

Развитие российско-китайских приграничных и межрегиональных торгово-экономических отношений в последние 20 лет сыграли большое значение, в «смягчении», возникших в постсоветский период, внутрироссийских социально-экономических диспропорций. Адаптация региональной экономики Дальнего Востока и Сибири к рыночным условиям и проводимая политика экономической открытости, в свою очередь, во многом определили единственно возможный вариант выживания этих регионов, «оторванных» от европейской части России.

И в будущем развитие подобного сотрудничества российских восточных регионов с провинциями Дунбэя будет одним из важных направлений российской экономической

политики, что подтверждают слова сказанные российским Президентом Д.А. Медведевым на о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации» в Хабаровске в мае 2009 г. Говоря о «конкретных приоритетах» взаимодействия, прямо подчеркнул, что «один из наших наиболее серьезных и экономически перспективных партнеров – это, конечно, Китай» [1].

В настоящее время инерционное развитие российско-китайского межрегионального сотрудничества, характерное для 90-х и начала XXI века не только исчерпало свой потенциал, но уже последние несколько лет становится опасным для российских восточных регионов по ряду причин: обострение социальной напряженности на Дальнем Востоке (рост официальной и скрытой безработицы, вызванный закрытием многих предприятий, что привело к активному оттоку населения в другие регионы страны и за рубеж); обострение экологической обстановки (ответственность за которую лежит как на российской и на китайской сторонах – с китайской практически полное отсутствие очистных сооружений на предприятиях, сброс сточных вод в приграничные реки, с российской – беспрецедентная и неконтролируемая вырубка леса и в следствие чего происходит заболачивание и опустынивание приграничных регионов).

В новой экономической ситуации, сложившейся в последние 2–3 года, необходимо рассматривать новые форматы и модели сотрудничества стран. Но при этом не следует ограничивать рамки для участников этого взаимодействия. Важным становится многосторонне сотрудничество в области энергетики. Одной из основных проблем экономического развития стран СВА является проблема обеспечения их растущего экономического потенциала энергоносителями – нефть, газ, уголь. В настоящее время значительными запасами энергоносителей обладает лишь Россия, по оценкам Института нефти и газа СО РАН, после удовлетворения внутренних потребностей страны из Западной и Восточной Сибири, Республики Саха и Сахалина в 2015–2020 гг. можно будет экспортировать в страны АТР 70–85 млн т нефти и 100–140 млрд м³ газа в год.

В общем плане обострение вопросов энергетической безопасности и дефицита энергоресурсов сегодня связаны с рядом как экономических (финансовый кризис), так и политических причин (кризис на Ближнем Востоке). В этих условиях у стран СВА возникает необходимость диверсификации источников поставок энергоносителей из других стран, не затронутых экономическими и политическими катаклизмами, но располагающими избыточными запасами углеводородного сырья. В этой ситуации для стран региона наиболее перспективным рынком энергоносителей выглядит Россия.

Уже более 25 лет обсуждается вопрос целесообразности реализации проекта трансазиатско-европейского транспортного коридора с исходными пунктами в портах КНР,

Республики Корея и российского Дальнего Востока, на западе порты прибалтийских государств, Польши, Нидерландов и Великобритании. При планировании данной транспортной «артерии» нельзя не учитывать интересы северного Казахстана, поскольку в противном случае, китайская сторона может пойти на строительство альтернативной ветки (Ляньюнган – Урумчи – Алашанькоу – Дружба), связывающей китайские порты на восточном побережье с Центральной Азией и далее с Европой.

В связи со стремительным ростом экономики КНР, и прежде всего с принятой программой возрождением старой промышленной базы Дунбэя, встал остро вопрос расширения портового хозяйства провинции Ляонин и поиск новых маршрутов связи этого региона Китая с внешним миром. Именно сотрудничество с РФ в области транспорта и активного использования Транссиба и БАМа (Сковородино – Тында – Ванино) может дать выход китайским грузам к морскому побережью, где у России уже имеются крупные транспортные узлы, сопряженные с морскими портами – Ванино, Находка, порт Восточный (Находка), Владивосток, Посьет, Зарубино. Очевидно, что без дальнейшего расширения пропускной способности транспортных магистралей на российско-китайской границе вряд ли удастся значительно увеличить объем торгово-экономических отношений между странами.

К основным направлениям двустороннего сотрудничества следует отнести:

1. Создание «экологически чистых» растениеводческой и животноводческой баз Дальнего Востока – с целью обеспечения местного населения собственными продуктами питания. Возможно привлекать долевым китайский капитал под покупку самой современной техники в европейских странах, США и Канады. Разделение выращенного продукта может происходить на долевым основе.

Следующей отраслью, которая может создать на Дальнем Востоке большое количество рабочих мест и привлечь китайские инвестиции является развитие марикультуры.

Особенно перспективно развитие марикультуры и искусственного воспроизводства в Сахалинской области, Хабаровском и Приморском краях и на Камчатке. В последние годы китайская сторона стала проявлять большой интерес к сотрудничеству в этой области, как научному, так и технологическому. Следует отметить, что КНР по выращиванию марикультур уже более десятилетия лидирует в мире. В Китае производится более 60% всей мировой аквакультуры. Но при видимом успехе у КНР практически исчерпаны возможности по дальнейшему развитию этой отрасли, к тому же необходимо отметить, что степень загрязнения китайских прибрежных вод значительно выше, чем российских. Благодаря своим высокопродуктивным и чистым прибрежным водам дальневосточных морей Россия легко может потеснить своей продукцией всех имеющихся на мировом рынке кон-

курентов, за счет исключительно высоких потребительских качеств выращиваемых гидробионтов. При этом китайская сторона, с ее огромным потребительским рынком и опытом работы в этой сфере, может оказаться важным партнером. Можно рассматривать различные формы сотрудничества: привлечение китайского капитала, обучение российских специалистов в КНР и др.

Взаимодействие в данной отрасли может создать не только новую инвестиционно-кооперационную модель сотрудничества, но стать базисом для зарождения научно-технических парков и зон развития новых и высоких технологий и технико-экономического сотрудничества в российских городах Дальнего Востока. К основным специализациям которых будет относиться биология, химия, фармакология, создание нанокompозитных и иных новых материалов и других современных отраслей науки и производства.

2. Возрождение зверохозяйств (клеточных) пушных зверей. В 1991 году доля России на мировом рынке меха и пушнины составляла 30–35%. А сейчас не более 3–4%. И все же мы лидируем на мировом рынке пушнины, правда, уже как импортеры – 80% мехов, а меховые изделия, которые продаются в России, поступают к нам из-за рубежа. Закупая 30% всей мировой пушнины, мы производим только 5% – и почти весь российский мех расходуется на внутреннем рынке, и это при том, что рентабельность по разным видам пушнины остается высокой (20–70%).

Надо отметить, что последнее десятилетие пушное звероводство получило широкое развитие в ряде провинций КНР. Но, при росте данной отрасли в Китае, есть очевидные недостатки пушнины животных выращенных в южных широтах, что связано прежде всего с совершенно не подходящим климатом, что конечно отражается на качестве меха, который теряет главное свое свойство – сохранение тепла, а в след за этим укорачивается срок носки шуб.

На Дальнем Востоке и Сибири, есть все предпосылки для развития этой отрасли хозяйства: климат, корм. Именно вопрос корма является одним из самых важных, поскольку для питания зверьков используют рыбу и рыбную муку, отходы боен и молочных заводов, зерно, картофель. Т. е. развитие двух первых отраслей, а именно сельского хозяйства и марикультуры создадут надежную кормовую базу для пушного звероводства.

Кроме дорогого меха, тушка зверька является ценным продуктом. Кроме меха на зверофермах получают мясо (например, мясо нутрии – ценный диетический продукт), технические жиры и кремы, песцовый пух, органические удобрения для полей. У норков и хорьков есть специальный секрет (вещество, вырабатываемое специальными железистыми

клетками животного), которое используется в парфюмерной промышленности и заменяет амбру.

3. Развитие сотрудничества в фармацевтической сфере. В настоящее время российская фармацевтическая промышленность использует около 8 тысяч условных тонн субстанций в год, из которых около 1,7–1,9 тысяч условных тонн производят российские предприятия. Образующийся дефицит закрывается импортом субстанций, при этом основными странами, из которых происходят поставки на российский рынок, являются Китай и Индия (суммарно около 70% от всего импорта субстанций в 2007 году).

Необходимо на базе имеющихся мощностей фармацевтической промышленности Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск), локализовать в регионе производственные, научно-образовательные, финансовые, управленческие, инфраструктурные центры, что позволит использовать, хорошо зарекомендовавшую себя за рубежом кластерную политику развития фармацевтической отрасли.

Дальний Восток России располагает богатейшими и уникальными сырьевыми ресурсами для создания в регионе промышленного производства биологически активных веществ, которые извлекаются из морских организмов, дикоросов. Подобные препараты являются конкурентоспособными, а некоторые из них не имеют аналогов в мировой практике. Важно учитывать, что все это создается природой, а не является искусственно выращенным на плантации, как в КНР и следственно биологическая активность получаемых из российского сырья препаратов, значительно выше и работают они эффективнее.

В заключении, необходимо сказать, что сотрудничество с КНР должно основываться на взаимовыгодных условиях. Все проекты по взаимодействию стран должны быть хорошо просчитаны. Региону Дальнего Востока необходимо постепенно отходить от материально-сырьевой политики экспорта и все ресурсы бросить на подъем традиционного промышленного производства и улучшение социально-демографической ситуации в регионе. Россия и Китай смогут укрепить сотрудничество, если будут вместе стремиться найти такую схему развития своих отношений, при которой различные факторы будут усиливать друг друга, а не оказывать разрушительного влияния на одну из сторон. Необходимо принятие действенных мер в торговых отношениях с Китаем с целью приближения их к общепринятым в мировой торговле нормам. Эти нормы необходимы для устранения таких проблем, как ограниченность российского экспорта сырьевыми ресурсами, неразвитость инфраструктуры взаиморасчетов, преобладание наличных платежей, нарушающих российское и китайское законодательство, низкое качество товаров, ненадежность партнерских взаимоотношений, информационного обеспечения, несовершенство страхового и арбитражного обслуживания. В числе негативных явлений, в которых участ-

вуют китайские граждане, – производство и реализация контрафактных товаров, незаконные валютно-финансовые операции, контрабанда, уклонение от уплаты налогов, браконьерство, незаконная вырубка лесов, скрытые формы торговли и др. Сотрудничество должно быть предсказуемо и вестись только в экономически выгодных для двух стран направлениях (указаны выше).

Список литературы:

1. Стенографический отчет о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации» (21 мая 2009 года, Хабаровск). – <http://www.kremlin.ru/transcripts/4160>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Белоусова А.В.

**ЭФФЕКТЫ ВНЕШНИХ ШОКОВЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ
РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)¹**

Период 2000–2007 гг. характеризуется большинством экономистов как период экономического подъема для РФ в целом и большинства ее субъектов в частности. В качестве важнейшего фактора, обеспечившего положительную динамику роста, как правило, называется долговременная тенденция улучшения конъюнктуры цен мирового рынка. Однако, наличие устойчивого экспортного спроса и установление более высоких мировых, по сравнению с внутренними, цен способствовали созданию условий для возникновения в ряде секторов и регионов симптомов «болезни роста» [12], скрытых для неопытного взгляда за высокими темпами макроэкономических показателей. Доминирование ресурсного сектора в структуре экспортных поставок вызывало все больше опасений ученых и специалистов, заставляя характеризовать развитие российской экономики как негативное, ведущее к падению технологического уровня и сокращению инновационной активности. Среди аргументов, выдвигаемых в пользу данного утверждения, приводилось мнение о том, что ставка, сделанная на ресурсный сектор, приносит значимый ущерб для отраслей с более сложной технологией, не создавая предпосылок для увеличения доли добавленной стоимости – что, в конечном счете, определяет низкий уровень эффективности экспорта как фактора экономического развития [1]. Так, в целом за восьмилетний период опережающими быстрыми темпами росло производство экспортных товаров – в частности, объем выпуска в добыче полезных ископаемых вырос на 48%, в то время как в ряде секто-

¹ Работа выполнена при поддержке интеграционного гранта ДВО РАН и СО РАН № 09-П-СО-10-001.

ров обрабатывающей промышленности прослеживалось явное отставание: в производстве транспортных средств и оборудования выпуск увеличился всего на 30%, в производстве кокса и нефтепродуктов – на 32%.

Кроме того, период высоких экспортных цен создал условия для укрепления национальной валюты, следствием чего явилось снижение относительных цен импортных товаров, обусловившее их большую привлекательность. В 2006 г., несмотря на благоприятную ценовую конъюнктуру внешних рынков и рост экспортных цен на российские товары, темпы роста промышленного производства, по данным Росстата, снизились до 3,9% (против 4% в 2005 г.). Данное снижение интерпретировалось как результат резкого роста импорта, на долю которого, по некоторым оценкам, приходилось около 65–70% прироста внутреннего спроса в промышленности [9, с. 76–77]. Именно такое положение сложилось в снижающих темпы роста машиностроительных секторах: например, в прежде благополучном производстве грузовых магистральных вагонов (в 2006 г. – снижение выпуска на 4,8% на фоне значительного увеличения закупок более дешевой украинской продукции), а также в производстве телевизоров на основе «отверточной сборки» (снижение выпуска на 30% из-за удешевления азиатских жидкокристаллических панелей).

Помимо фиксирования проявлений вышеназванных и других негативных эффектов, сопутствующих развитию экономики, ориентированной на сырьевой экспорт, выражались сомнения в возможности сохранения высоких темпов в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Неустойчивость роста, главным образом, обосновывалась нестабильностью экспортно-сырьевой модели развития как таковой и связанной с этим целой системой возможных рисков. Последними являются: ограничение возможности гибкого реагирования на изменение спроса, обусловленное узкой производственной специализацией; высокая волатильность цен на сырье и др. [4]. Подтверждением вышесказанному явился период начала мирового кризиса, когда сокращение спроса на мировых рынках сырья в 2008 г., привело к сокращению объемов выпуска продукции в России. В результате, уже в начале 2009 г. российская экономика вступила в период спада: падение было зарегистрировано практически по всем основным показателям. Так, индекс выпуска товаров и услуг в январе 2009 г. по отношению к январю 2008 г. составил 87,5%, индекс промышленного производства – 84%, экспорт – 73,9%.

Несмотря на то, что экономика Хабаровского края отличается сравнительной диверсифицированностью структуры и превалированием в ней доли обрабатывающих производств, зависимость экспорта края от внешнеэкономической конъюнктуры привела к тому, что его вклад в экономический рост региона в условиях мирового экономического кризиса оказался также весьма нестабильным фактором. С точки зрения элементов сово-

купных расходов, обеспечивающих рост регионального продукта, можно отметить, что влияние экспортного спроса в период 2000–2007 гг. было достаточно велико: отношение чистого экспорта к ВРП, в среднем за период, составило 40,4%. Наибольший удельный вес в структуре экспорта Хабаровского края занимали следующие товарные группы: топливно-энергетические товары (44,4%), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (26,6%), машины, оборудования и транспортные средства (18,3%), металлы и изделия из них (8,6%). Снижение цен и спроса на многие виды продукции на внешних рынках привело к падению объемов производства на предприятиях края: индекс промышленного производства в январе 2009 г. по отношению к январю 2008 г. составил 92,1%.

Таким образом, рост зависимости российской экономики и ее регионов от доходов экспорта привел к тому, что мировые цены и спрос выступили в качестве основных факторов, определяющих макроэкономические показатели, а также множество микроэкономических показателей. В связи с этим возрос интерес к исследованию экономики региона с точки зрения ее восприимчивости к внешним шокам. Для количественной оценки данных связей используются разные подходы и модели статического или динамического характера. Теоретической базой таких исследований являются работы по теории «внешних шоков» или «голландской болезни» в рамках открытой, равновесной, одно-, двух- или трехсекторной экономики [8].

В наиболее компактном виде эффекты воздействия кризиса на экономику региона могут быть продемонстрированы сопоставлением показателей докризисного периода (2007 г.) с показателями, соответствующими началу кризиса (2008 г.). Как правило, нарушение сложившегося воспроизводственного процесса в регионе запускает внутренние механизмы усиления негативных внешних воздействий (так, падение внешнего спроса на продукцию крупных компаний ведет к лавинообразно распространяющемуся снижению деловой активности большой группы малых, мелких и средних предприятий, прямо или косвенно связанных с ними) и может быть охарактеризовано в обобщенном виде мультипликатором усиления кризиса [14]. Полезность исследований и оценки мультипликативных эффектов очевидна. Раскрывая механизм взаимодействия, мультипликатор четко показывает, как изменения одного сектора экономики вызывают изменения другого; при этом одни импульсы могут быть положительными, другие – отрицательными, т. е. приводить к экспансии либо, как было отмечено выше, к сжатию [6, с. 152–154].

В качестве методического подхода, позволяющего оценить данные эффекты, в настоящем исследовании была выбрана двухсекторная модель экспортной базы Д. Норта,

основу которой составляет вариант общего равновесия с одним регионом¹. Разделение секторов на базовый (внешний) и небазовый (внутренний) соответствует их разделению на отрасли специализации, ориентированные на внешний для региона спрос, и вспомогательные отрасли, ориентированные на внутрирегиональный спрос, генерируемый домашними хозяйствами и отраслями специализации. Колебания базовых отраслей генерируют мультипликативные эффекты во внутреннем секторе экономики, для которого характерно отсутствие технологических изменений и других типов шоков; в результате, двухсекторная модель экономики становится чрезвычайно чувствительной к конъюнктуре в базовом секторе. Доходы региона формируются практически полностью за счет экспортно ориентированных производств и напрямую зависят от доходов последних. Сокращение доходов базового сектора, которое может быть обусловлено изменением внешнеэкономической конъюнктуры, может болезненно сказаться на внутреннем секторе, «сформированном» в момент подъема и требующим своего содержания в период спада. Увеличение поступлений от базового сектора, в свою очередь, позволяет регионам наращивать расходы на реализацию социальных программ, обеспечивая рост инвестиций в социальную сферу, жилищно-коммунальное хозяйство, дорожное строительство. Таким образом, согласно вышеуказанным предпосылкам модели, экзогенные шоки внешнего сектора определяют изменения в небазовом секторе, оценки которых могут быть получены посредством расчета мультипликатора.

Экономическое благополучие региона в рамках модели экспортной базы обусловлено наличием на территории региона уникальных ресурсов. Согласно предположениям модели, производство товара внешнего сектора требует затрат труда и уникальных для региона ресурсов, тогда как производство товаров внутреннего сектора требует исключительно затрат труда. Дж. Ким Свэйлс [10] в данном случае замечает, что более общая интерпретация модели может подразумевать под названными категориями все специфичные для региона виды затрат. Также предполагается возможность миграции труда между внешним и внутренним секторами, а также возможность миграции труда между регионом и остальным миром.

Подход Д. Норта предполагает возможность исследования регионального экономического роста в условиях ограниченности уникальных ресурсов. В результате, формула для расчета мультипликатора, в конечном счете, представляет собой функцию, независимой переменной в которой является эластичность замещения уникальных ресурсов трудом. Для Хабаровского края моделируемая экономическая ситуация является несомненно

¹ Подробное описание методики см. [3].

актуальной. Так, стремление к наращиванию заготовок примитивного сырья без перехода к его обработке в лесопромышленном комплексе региона приводит к неполному использованию исходных ресурсов древесины (в среднем только на 60–70%), большим потерям при транспортировке и хранении (до 30%), ускоренному истощению лесосырьевых баз [7, с. 603]. Стратегические приоритеты развития экономики Хабаровского края, предполагающие изменение технологии производства [11], а именно переход к кардинальному увеличению доли обработанной продукции, в том числе глубокой переработки, готовых изделий в общем объеме продукции, обусловят потребность в дополнительной рабочей силе, поскольку сырьевые отрасли, как правило, обеспечивают сравнительно малое количество рабочих мест. По мере роста глубины переработки предполагается увеличение спроса на квалифицированные трудовые ресурсы в несырьевых отраслях. Так, развитие машиностроительного комплекса Хабаровского края предусматривает реализацию крупных инвестиционных проектов по созданию высокотехнологичных продуктов в авиастроении, судостроении, выпуску новой конкурентоспособной продукции военного, двойного и гражданского назначения. Очевидно, что осуществление данных программных решений потребует привлечения высококвалифицированных специалистов.

Кроме этого, для ресурсной модели развития экономики характерно наличие слабых прямых и обратных связей сырьевого сектора с сектором переработки и, следовательно, его ограниченная способность продуцировать рост через систему межотраслевых взаимодействий. Таким образом, если основой регионального вывоза является сырье, не подвергающееся переработке на территории региона, то развитие внешнего сектора в минимальной степени генерирует спрос во внутреннеориентированных отраслях, и не создает значимых стимулов для их развития.

Другой важнейший фактор экономического благополучия региона в модели – степень концентрации на его территории «выгодных» видов экономической деятельности, а также распределение прав собственности, диктующих распределение доходов от производственных факторов. Наиболее часто используемым подходом для определения региональной специализации является расчет коэффициентов локализации. Если величина коэффициента локализации превосходит единицу, то предполагается, что избыток направляется на вывоз из региона, а соответствующий вид экономической деятельности является специализированным.

Д. Норт вводит определенные предположения относительно локационных характеристик труда и собственности на уникальные ресурсы [15]: весь труд, используемый в производстве, находится внутри региона, тогда как уникальные ресурсы принадлежат ре-

гиону только частично. Данные предпосылки модели приносят важные эффекты распределения доходов и особенно актуальны применительно к приграничным регионам.

Хотя изначально модель экспортной базы Д. Норта была рассчитана на моделирование экономики страны, с учетом некоторых дополнений она может быть вполне применима и для исследования экономики региона. Модель предполагает открытый характер изучаемого объекта, который наиболее характерен для региона, нежели чем экономики страны в целом. Модель также широко использует допущения малой страны, означающие, что изменения в рассматриваемой системе оказывают незначительное влияние на экономику системы, частью которой она является, в данном случае – экономику страны.

В региональном масштабе исследовательская проблема оказывается сравнительно сложнее, поскольку зависимость экономики региона от внешнего спроса определяется поставками предприятий региона не только на международный, но и на межрегиональный рынок. В случае если экономика региона в значительной степени ориентирована на оба рынка, а межрегиональный рынок продукции, в свою очередь, характеризуется значительной степенью зависимости от международного рынка, то рассматриваемый регион оказывается вдвойне уязвим от возможных негативных колебаний последнего. В связи с этим, при моделировании экономики Хабаровского края был произведен досчет показателей совокупного регионального вывоза, а именно, наряду с расчетами коэффициентов локализации, были оценены показатели межрегионального вывоза края на основании данных, представленных по форме № 1 – вывоз «Сведения о вывозе продукции (товаров)»¹. В конечном счете, в состав внешнего сектора Хабаровского края были включены следующие виды экономической деятельности: «Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических», «Лесное хозяйство, и предоставление услуг в этой области» (включающее лесозаготовки), «Обработка древесины и производство изделий из дерева», «Производство кокса и нефтепродуктов», «Производство транспортных средств и оборудования», «Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий».

Основной задачей проводимого анализа являлось исследование реакций экономической системы на возможные изменения во внешнем секторе. Расчеты по модели Д. Норта позволили получить следующие результаты (табл. 1).

Из таблицы следует, что, например, при эластичности замещения факторов производства равной единице, прирост выпуска внешнего сектора Хабаровского края в 2007 г.

¹ Более подробно см.: [2].

на 1% сопровождался соответствующим увеличением производства внутреннего сектора на 7,8%.

Таблица 1

Соотношение изменений показателей внешнего сектора и экономики Хабаровского края в целом при действии ценового шока в 2007 г. (2008 г.)

Эластичность замещения уникальных ресурсов трудом	Выпуск, %	Численность занятых, %	ВВП, %
0,5	10,36 (12,09)	10,69 (11,78)	5,42 (6,17)
1	8,80 (9,87)	9,08 (9,62)	6,46 (7,20)
2	8,02 (8,76)	8,27 (8,54)	7,49 (8,23)
3	7,79 (8,39)	8,15 (8,18)	8,03 (8,74)
5	7,55 (8,10)	7,79 (7,90)	8,50 (9,25)
10	7,39 (7,88)	7,62 (7,68)	8,95 (9,72)
20	7,32 (7,77)	7,54 (7,57)	9,20 (9,98)

Примечание. Изменения макроэкономических показателей приведены при изменении соответствующих показателей внешнего сектора на 1%.

Из полученных оценок мультипликаторов видно, что при исходных условиях, относящихся к 2008 г., экономическая система, при одних и тех же значениях эластичности замещения факторов, обладала большей степенью чувствительности к изменениям параметров регионального вывоза, нежели в 2007 г. Поскольку сами изменения внешнего сектора, согласно модели, предполагались не только положительными, но и отрицательными (последние характеризовали период начала экономического кризиса), то более высокие значения мультипликаторов могут означать соответственно как большее увеличение, так и большее снижение соответствующих макроэкономических показателей края (очевидно, что для 2008 г. был характерен второй вариант). Однако, сопоставление полученных оценок мультипликативных эффектов со статистическими данными Территориального органа Федеральной службы по Хабаровскому краю не позволило говорить о доминирующем влиянии внешнего сектора на динамику внутреннего сектора. Фактический отрицательный прирост внешнего сектора, к примеру, по показателю занятости превосходил по абсолютной величине отрицательный расчетный прирост. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии дополнительных факторов роста в экономике края. Одним из возможных факторов могут являться миграционные перетоки: отрицательное сальдо миграции могло

привести к сокращению внутрирегиональной активности, несвязанному с сокращением внешнего сектора.

В настоящее время одной из основных задач экономической науки является оценка основных макроэкономических последствий для региона разразившегося мирового кризиса; ее решение позволит сформировать комплекс эффективных мер, направленных на амортизацию негативного внешнего влияния [13]. Приоритетным направлением экономической политики является поддержка проектов, связанных с ресурсосбережением, формированием и развитием производств, продукция которых характеризуется более высокой добавленной стоимостью. Одним из вариантов достижения данных целевых ориентиров выступает внедрение новых технологий в рамках реализации программ развития на уровне групп промышленных предприятий или в отраслях, являющимися точками роста. Место и значение данных программ в качестве инструментария, способствующего подъему производства и экономическому росту, определяются степенью влияния внедрения новых технологий в отдельных отраслях или на предприятиях на развитие прочих отраслей промышленности и экономику в целом. Полученные оценки мультипликативных эффектов внешнего сектора в экономике Хабаровского края могут дать четкое представление о целесообразности проведения предполагаемых программных мероприятий, а также дать ответ на вопрос о том, насколько будут затронуты кризисом и потребуют корректировок параметры программ регионального социально-экономического развития.

Список литературы:

1. *Аренд Р.* Как поддерживать рост в ресурсно-зависимой экономике? (Основные концепции и их применение в случае России) // Вопросы экономики. – 2006. – № 7.
2. *Белусова А.В.* Региональный вывоз как фактор экономического роста (на примере Хабаровского края): автореф. ... канд. экон. наук. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010.
3. *Белусова А.В.* Экспорт как фактор регионального экономического роста // Вестник ДВО РАН. – 2009. – № 5.
4. *Дюмулен И.И.* Внешнеэкономические связи России. Достижения и проблемы // Российский внешнеэкономический вестник. – 2008. – № 37.
5. *Ершов Ю.С.* Пространственный аспект российской экономики и перспектив ее развития: до и после кризиса // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 2.
6. *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966.
7. *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. – М.: Экономика, 2006.

8. *Михеева Н.Н.* Двухсекторная модель развития ресурсодобывающих регионов // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2.
9. Российская промышленность на этапе роста: факторы конкурентоспособности фирм / под ред. К.Р. Гончар и Б.В. Кузнецова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Вершина, 2008.
10. *Свэйлс Дж. Ким.* Определение мультипликаторов экспортной базы региона в присутствии ресурсных ограничений: подход Норта // Пространственная экономика. – 2006. – № 1.
11. Стратегия социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года»: пост. Правительства Хабаровского края от 13.01.2009 № 1-пр. // Официальный сайт Правительства Хабаровского края. – <http://www.adm.khv.ru>.
12. *Сусицын С.А.* Развитие регионов Российской Федерации между кризисами 1998 и 2008 гг. // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 2.
13. *Сусицын С.А.* Экспресс-оценки возможного влияния финансового кризиса на долгосрочное развитие Новосибирской области // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 1.
14. *Сусицын С.А., Суслов Н.И.* Опыт оценки последствий влияния финансового и экономического кризиса на развитие региона // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2.
15. North Douglass C. Location Theory and Regional Economic Growth // Journal of Political Economy. – 1955. – V. 63. – № 3.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Виноградов В.В.

ТРАНЗИТНЫЕ КОНТЕЙНЕРНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Перевозки грузов в контейнерах активно развиваются. Преимущества контейнерных перевозок очевидны. Именно по этой причине номенклатура грузов, перевозимых в контейнерах, расширяется. В мире в контейнерах перевозится более 60% грузов, пригодных для этого способа транспортировки.

В докризисном 2007 г. мировой контейнерооборот достиг 493 млн TEU в год [2]. В 2009 г. он составил 489 млн TEU. По разным данным мировой контейнерооборот за 2008 – 2009 гг. снизился от 2,5 до 8,5%, в результате чего перевозчики вынуждены были снизить тарифы. Особенно сильно снизились цены у морских перевозчиков (до 50%). Объемы контейнерных перевозок из Азии в Европу в 2009 году снизились на 15% до 11,5 млн TEU против 13,5 млн TEU в 2008 г. Объемы перевозок по Транссибирской магистрали упали на треть – до 780 тыс. TEU, из них транзитные перевозки уменьшились примерно на 23% и составили 119 тыс. TEU [3; 4].

Основные проблемы транзитных перевозок через РФ заключаются в следующем: высокие тарифы на перевозку контейнеров, низкий уровень информационного обеспечения и поддержки грузоотправителей, недостаточный уровень развития транспортной инфраструктуры (в том числе и Транссиба), отсутствие координации в погрузо-разгрузочной деятельностью железнодорожников и портовых рабочих, отсутствие эффективной системы государственной поддержки развития транзита и должного правового обеспечения международной перевозочной деятельности.

Несмотря на огромную территорию РФ, ее возможности и потенциал по наращиванию транзитных грузов между Европой и Азией используется не полностью, доля транзита в общем объеме перевозок ОАО «РЖД» составляет всего 1,8%. Главным образом кон-

тейнеры идут по международному транспортному коридору «Восток – Запад», где Транссибирская железная дорога не дает ожидаемых преимуществ. За период с 1981 г. по настоящее время максимальный результат был достигнут в 2004 г., когда было перевезено 174 тыс. транзитных контейнеров (TEU). Однако в 2006 г. показатели транзита вернулись к уровню 1990-х годов [6]. Это объясняется тем, что перевозка контейнеров по Транссибу за 16 суток обходится дороже, чем по морю в течение полутора месяцев. Преимущество сухопутного маршрута (Транссибирской магистрали) в скорости перемещения грузов. Прямое железнодорожное сообщение значительно сокращает расстояние перевозки грузов из Китая в Европу; 11–12 тыс. км против 21–22 тыс. км в альтернативном морском варианте; меньшие сроки доставки грузов; 12–16 суток против 30–45 суток по морю. Ускорение доставки означает высвобождение колоссальных финансовых ресурсов от 100 до 1000 долл. с одного контейнера, которые на период следования груза фактически «замораживаются» [3; 5].

Меры по снижению тарифов на железной дороге пока не привели к росту перевозок по двум причинам. Первая: конкурировать с морскими перевозчиками лишь в тарифной сфере проблематично. Контейнеровозы серии «Панамакс» берут уже до 8 тыс. TEU, в скором времени будут введены в эксплуатацию сверхбольшие морские контейнеровозы, готовые брать на борт до 11–13,6 тыс. TEU. Это позволяет морским перевозчикам гибко управлять своими тарифами. А стандартный контейнерный поезд берет всего 152 TEU. Вторая: когда российские железные дороги понижают сквозные ставки, не все следуют их примеру, а оставляют их на прежнем уровне, или даже повышают. Так например происходит со ставками морского фрахта, стивидорными сборами и железнодорожными тарифами на перевозку грузов по территории соседних стран. Организации, которые перевозят свои контейнеры, также недовольны нестабильностью даже установленных тарифов, так как их могут изменить в любой момент, не предупреждая об этом перевозчика заблаговременно. Тарифы нестабильны и на услуги перевозки контейнеров железнодорожным транспортом, они пересматриваются в лучшем случае раз в полгода или раз в два месяца, в то время как у морских перевозчиков они действуют на долгосрочной основе, от года и более, что позволяет компаниям проводить свои логистические расчеты и заключать контракты на длительное время. Мы полагаем, что постоянное снижение тарифов является не эффективным способом привлечения транзитных грузов. Необходимо договариваться со всеми участниками транзитных перевозок и устанавливать единые тарифы, которые были бы стабильными в течение года. Это позволило бы зарубежным компаниям составлять долгосрочные прогнозы на логистическом рынке. Можно снизить себестоимость перевозок путем внедрения прогрессивных способов транспортировки контейнеров, например, в два яруса.

Опытным путем было доказано, что такие перевозки можно применить на Транссибе [1]. Такой способ не только повышает загрузку подвижного состава, а следовательно веса поездов, но и повышается сохранность грузов, что будет привлекать клиентов на российский рынок транзита.

Отсутствие координации между судоходными компаниями, портом и железной дорогой приводит к тому, что отгруженные контейнеры могут простоять более недели, что недопустимо при перевозке скоропортящихся товаров. Для решения данной проблемы создана необходимая нормативная база, разработан, но пока еще не принят федеральный закон «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках» [7]. Это большой шаг в решении данной проблемы. В данном случае необходимо создание единого программного обеспечения, посредством которого железнодорожный оператор будет получать информацию о прибытии контейнеров одновременно с портовым оператором, что на наш взгляд значительно увеличит оперативность принятия решения у железнодорожников о количестве платформ и времени их доставки, чтобы не было простоя контейнеров.

Использование информационных технологий обеспечивает улучшение качества предоставляемых услуг по перевозке и транспортному сервису. Опыт показывает, что для привлечения грузов на Транссибирский маршрут, играет не менее важную роль высокое качество сервиса, чем уровень тарифа. Регулярность доставки грузов к месту назначения, особенно к многочисленным промышленным предприятиям Германии, Японии, Республики Кореи и Китая на территории России и в странах Восточной Европы, имеет решающее значение для привлечения грузов на транссибирский маршрут. Японские и южнокорейские грузовладельцы и экспедиторы утверждают, что при условии обеспечения регулярности и сохранности доставки грузов к месту назначения, а также при неуклонном соблюдении согласованных сроков они готовы отправлять грузы по Транссибу, даже если тарифные ставки будут несколько выше фрахтовых ставок океанских судоходных компаний. Несмотря на внедрение новых информационных технологий, позволяющей в реальном режиме времени следить за продвижением контейнера, уровень информационной поддержки клиента еще недопустимо низок.

Долгое время слабой стороной транзитных перевозок является отсутствие единого правового и информационного пространства, вследствие чего становится крайне затруднительным обеспечение беспрепятственного транзита грузов при действии правовых систем приграничных стран. Данные проблемы решаются, так 1 августа 2009 г. вступил в силу ФЗ № 152 «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о международных железнодорожных перевозках (КОТИФ) от 9 мая 1980 года в редакции Протокола об изменениях от 3 июня 1999 года». Благодаря вступлению РФ в КОТИФ стало возможным осу-

ществлять оформление перевозок грузов с применением унифицированной накладной ЦИМ/СМГС, которая позволит снизить стоимость перевозок и время доставки грузов.

Для достижения наибольшего эффекта от внедрения единой информационно-правовой среды целесообразно создать специализированный информационный портал, что позволит получить уникальную базу данных. Юридически значимый электронный документооборот позволит предложить всем участникам транспортного рынка новые информационные услуги.

Наша страна фактически упустила создание новой отрасли грузоперевозок. Поэтому сейчас не хватает терминальных мощностей для переработки контейнеров. Анализ транзитного времени перевозок показывает, что портовый транспортный процесс сегодня далек от удовлетворительного, и только 63% всего груза обрабатывается в пределах 10 суток, 33% контейнеров обрабатывается в срок до 30 суток и 4% – в абсолютно неприемлемый срок 65 суток. Нехватка фитинговых платформ является основной проблемой при организации вывоза контейнеров из порта, в том числе и 80-ти футовых. Недостаточна оснащенность железнодорожных станций перегрузочным оборудованием, способным обрабатывать крупнотоннажные контейнеры международного стандарта.

Для привлечения транзитных контейнеров в 2008 г. российские железнодорожники совместно с южнокорейскими, приступили к модернизации Транскорейской магистрали, в которую Республика Корея готова внести в течении 5 лет 50 млрд долл. Данное строительство планировалось давно и уже воплощается в жизнь, со слов Президента Республики Корея, осталось договориться только с КНДР [8]. Первую секцию двухколейного полотна заложили на приграничной Северокорейской станции Туманган, новая железная дорога станет продолжением российского Транссиба. Такой шаг приведет к созданию самого большого транспортного коридора, протяженность которого свыше 10 тыс. км. За счет этого контейнеры из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европейский регион будут доставляться за две недели против 45 суток морского пути, что должно повысить шансы на звание самого привлекательного транзитного маршрута из Европы в Азию и обратно. По мнению экспедиторов Республики Корея, уже на начальном этапе при правильной организации перевозок на Транскорейский маршрут могут быть переключены с моря ежегодно до 100 тыс. контейнеров.

Все перечисленные подходы для привлечения транзитных грузов на Транссибирскую магистраль верны и неоспоримы. Но все эти пути могут стать тщетными, если со стороны таможенных органов не будут приняты меры, которые не будут препятствовать развитию транзита в нашей стране. Именно из-за них отказываются приходить на наш транзитный рынок крупные зарубежные предприятия.

Уже более 15 лет существует предварительное электронное таможенное оформление грузов (ПТЭО). Данная процедура давала возможность оперативно оформлять грузы, она сократила время досмотра с трех дней до 1,5 часов. Но с 1 июля 2010 г. введен в действие новый кодекс Таможенного союза, который не совпадает с технологией работы припортовой станции и технологическим процессом перевалки контейнерных грузов в порту. По новым правилам нельзя оформлять контейнеры до тех пор, пока они не окажутся на фитинговых платформах железной дороги, а это задерживает контейнеры как минимум на три дня. Так, например, в терминале Восточной стивидорской компании простаивает свыше 4 тыс. контейнеров.

Большинство проблем транзита грузов по Транссибу связано с отсутствием правового поля. Необходимость его формирования очевидна, поскольку на транзит так или иначе влияют 17 различных госструктур. Согласовать их работу без единой правовой базы невозможно. Остановить транзитный груз может любое из этих 17 ведомств. Налоговому ведомству достаточно ввести НДС на порожний контейнер, и транзитные перевозки будут не выгодными.

Транзит по российской территории – это транзит по единой территории, на которой действуют единые законы, в том числе таможенное законодательство, тогда как конкурентам на морском транспорте приходится искать консенсус между интересами различных суверенных государств. Транзит – это стабилизирующий фактор. Какие бы политические или экономические изменения не происходили, избранный, развитый и закреплённый на практике транспортный транзитный маршрут остается стабилизирующим долговременным фактором. При решении проблем, которые мешают увеличить объемы транзитного груза, Россия может получать высокие доходы, развивать широкий спектр сопутствующих услуг.

Список литературы:

1. *Аршинцев Д.Н.* Динамические качества платформы колодцеобразного типа для перевозки контейнеров в два яруса // Вестник «ВНИИЖТ». – http://www.css-rzd.ru/vestnik-vniizht/v2005-2/v2-2_1.htm.
2. *Войтенко М.Д.* Мировое судоходство // «Морской Бюллетень – Совфрахт» Daily. – <http://www.msun.ru/div/subdiv/ntic/Texts/Sources/SovFracht/302.doc>.
3. Выступления руководства / Пресс-центр РЖД. – http://press.rzd.ru/isvp/public/press?STRUCTURE_ID=951&layer_id=4069&id=75586.
4. Годовой отчет ОАО «ТрансКонтейнер» за 2009 г. – <http://www.trcont.ru/fileadmin/template/images/finans/transco-ntainer-annual09-final-compressed.pdf>.

5. *Закатаев В.* Преимущества Транссиба объективны, но очевидны не для всех // Гудок. – <http://www.gudok.ru/index.php/32412>.
6. *Ицкович Б.С.* 15-е пленарное заседание Координационного совета по Транссибу // Железнодорожный транспорт. – <http://www.zeldortrans-journal.ru/map/map.htm>.
7. Клуб логистов. – http://www.logist.ru/forum/Attachments/oskp_pr.doc.
8. Соединение Транссиба с Транскорейской магистралью увеличит грузопоток в регионе – мнение // Информационный портал «РЖД-Партнер». – <http://www.rzd-partner.ru/news/2010/09/10/358012.html>.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Гайкин В.А.

ПРОЕКТ «ТУМАНГАН», «РАСОВЫЕ ВОЙНЫ» И ФУТУРОПРОГНОЗ
НЬЮТОНА

Первоначальная («стволовая») концепция проекта Туманган (официальное название «План развития бассейна реки Туманган») заключалась в создании в устье р. Туманган на стыке трех границ трансграничного территориального анклава, состоящего из трех сегментов (китайского, корейского, российского), который будет управляться некоей международной структурой (с постепенной интернационализацией анклава).

Отсутствие реальных подвижек в его реализации на протяжении первых 15 лет (с 1991 г.) объяснялось в частности осознанием российскими властями роли «Проекта» в первоначальном виде как «убийцы» Транссиба и морского порта Владивосток. Сыграли роль и бесцеремонные откровения политологов, которые озвучивали позицию западных лидеров. Директор кельнского Института Восточной Европы Хайнц Тиммерман в своей статье-меморандуме писал: «Целью политики Запада должны быть не легитимизация и укрепление искусственного построения СНГ, а поддержка естественным путем формирования в его рамках субрегиональных образований типа ГУАМ...таким образом должны быть усилена поддержка проекта Евразийского транспортного коридора» [9, с. 42–45]. Бросалась в глаза и сама дата возникновения «Проекта» – 1991 г. – год развала СССР и появления (в его подбрюшье) независимых среднеазиатских государств, что давало возможность строительства по их территории Евразийского транспортного коридора и изоляции России.

В результате Китай и ООНовские промоутеры «Проекта» решили поменять его имидж. На 8-м заседании консультативной комиссии ООН по развитию района реки Туманган (КНР, Чанчунь, сентябрь 2005 г.) было принято решение переименовать его во

внешне аморфную и ни к чему не обязывающую «Расширенную Туманганскую инициативу» [13]. Изменилась и суть: теперь Китай уже не настаивает на строительстве порта в устье р. Туманган. Это предприятие оказалось сложным и по техническим (гидрологическим) причинам – скалистое дно, малая глубина, возможность того, что дноуглубительные работы приведут к исчезновению р. Туманган как водной артерии. И по международно-правовым причинам – принадлежность нижнего течения реки России и КНДР.

Тем не менее, выход к Японскому морю Китаю по-прежнему нужен. В 2002–2003 гг. Китай пытался взять в аренду российский порт Зарубино на 49 лет, что означало его полное экономическое подчинение китайской администрации. По мнению вице-губернатора Приморского края В.В. Горчакова «Порт должен оставаться российской собственностью. Если мы сейчас отдадим его в аренду, встанет вопрос о передаче в аренду и специального транспортного коридора» [3]. Что в итоге, как в случае с КВЖД, может привести к созданию протяженной «экстерриториальной» зоны с фактическим иностранным управлением на территории Приморского края. Минтранс России выступил против китайской аренды портов Зарубино и Посыет [2].

Поступившись второстепенным (переименование «Проекта») Китай оставил главное: формирование трансграничного экономического анклава на сопредельных территориях Китая, КНДР, России (хотя об управлении анклава неким международным административным комитетом уже не говорится). В Китае территорией реализации «Расширенной туманганской инициативы» является корейский национальный округ Яньбянь. Надо сказать об исторически сложившейся способности корейцев в Яньбяни к восприятию инноваций, их двух (четырех) языки – корейский, китайский (русский, английский), о том, что уровень урбанизации в Яньбяни самый высокий среди провинций КНР – 56% (в 2 раза больше, чем средний показатель по Китаю – 27% [5]. Северо-корейская часть будущего анклава это свободная экономическая зона Раджин, которая даже при тоталитарном режиме строится и развивается. Соответственно в приграничных районах Приморья все с точностью до наоборот – депопуляция, развал промышленности.

Трансграничный экономический район обречен на внутреннюю специализацию: высокотехнологичное производство на основе дешевой северокорейской рабочей силы и китайском капитале – в китайском и корейском сегментах анклава, колониальная экономика – в российском (Приморье) сегменте, контуры которой начинают вырисовываться уже сегодня – создание (на японские, китайские, корейские деньги) рисоводческих комплексов, заготовка и переработка леса, роль железнодорожного (морского) извозчика). Как писала газета Женьминь жибао: «Полностью используя богатые природные ресурсы соседних стран России и КНДР, в том числе лес и полезные ископаемые, морские ресур-

сы, Яньбянь интенсивно развивает отрасли переработки продукции на экспорт, в то же время ряд мощных предприятий округа инвестирует капитал в экономику России, КНДР» [1].

Примыкающая к границе территория Приморья будет постепенно заселяться корейцами (российскими и приезжими), которые будут трудиться на лесных, сельскохозяйственных предприятиях, принадлежащих иностранному (китайскому, корейскому ...) капиталу. Экспорт квалифицированной рабочей силы из Яньбяни – одна из главных статей дохода этого округа. В 2005 г. рабочая сила экспортировалась в 20 стран мира (доходы округа от экспорта рабочей силы составили в 2005 г. 880 млн долл., в 2,3 раза выше всех внутренних финансовых поступлений [1]. Доказать что эта приграничная территория Приморского края в далеком прошлом принадлежала Корее или Чжурчженьскому государству, состоявшему в вассальных отношениях с Китаем будет несложно. Что остановит изменение ее международно-правового статуса?! (прецеденты – Косово, Осетия – уже есть).

Помимо экономической существует еще более серьезная – геополитическая опасность, связанная с проектом «Туманган». Экономический конфликт, являющийся доминантным на планете последние пять тысяч лет, будет «снят» в конце XXI века в связи с выходом человека из «сферы собственно производства» (выражение К. Маркса). На смену ему придет в качестве главного межрасовый, повторяющий согласно гегелевскому закону «отрицание отрицания» расовую конфронтацию (межвидовую борьбу) первобытного общества.

Основными оппонентами в расовой войне будут монголоиды и европеоиды, соответственно главным театром военных действий – Евразия. Расовая война будет самым страшным из конфликтов, по сравнению с которой вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Ее ведение не будет преследовать ни одной из целей предыдущих конфликтов (захват рабов, материальных ценностей, создание империй, смена общественного строя). Главная и единственная ее цель – полное уничтожение всего населения расы-антагониста. (Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце XXI века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003 г. была найдена неизвестная рукопись И. Ньютона, в которой великий ученый прогнозирует на 2060 г. глобальный катаклизм – апокалипсис. Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080 – 2100) и Ньютона (2060) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан за 400 лет до события, 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5%) [7].

Именно Россия должна будет сыграть роль интегрирующей силы (Запад – Восток), благодаря тому, что она граничит с основными монголоидными государствами и что по ее территории проходит Транссиб – готовая артерия, связывающая Европу и со Средней Азией и с Дальним Востоком. Роль Транссиба будет состоять в «правильной» организации евразийского пространства. Соответственно дезорганизующую роль сыграет Евразийский транспортный коридор, который планируется создать в обход России. Этот проект, связанный с проектом «Туманган», протезирует ООН. В докладе ООН по проекту «Туманган» говорится: «Значение этого маршрута в том, что он пройдет по Северо-Восточной и Центральной Азии» [8, с. 42]. На самом деле ничего позитивного в этом нет. Строительство транспортного коридора в обход России объединит в первую очередь монголоидный мир, а не всю Евразию.

В евразийской системе Россия должна будет стать третьим интегрирующим центром (наряду с Европейским сообществом и Китаем), снижающим до минимума «расовое напряжение» между европеоидным и монголоидным полюсами планеты. Ее задача в том, чтобы расколоть монголоидное сообщество, создав союз с государствами Центральной Азии, Кореей и Японией, тем самым опередить Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств (Китай, Корея, Япония, страны Центральной Азии). Два проекта, которые сейчас обсуждаются, будут реальным шагом на пути реализации этого плана: строительство подводного туннеля между Японией и материком с выходом на Транссиб и проект Транскорейской железной дороги, также с выходом на Транссиб, осуществление которого уже началось.

16 июля 2008 г. создано совместное предприятие «РасонКонТранс» с участием ОАО «Торговый дом РЖД» и порта Раджин для реализации проекта «Хасан – Раджин». Российская сторона владеет 70%-ной долей в СП, северокорейская – 30%, российская сторона вносит инвестиции, северокорейская сторона – имущественные права на порт (3-й причал и прилегающая территория). СП будет заниматься реконструкцией железной дороги Туманган – Раджин, строительством контейнерного терминала в морском порту Раджин с потенциалом пропускной способности до 400 тыс. TEU в год, а также последующей эксплуатацией данной инфраструктуры. Инвестиции в реконструкцию железной дороги и строительство терминала составят, по предварительным расчетам, 140 млн евро.

8 августа 2008 г. Российско-корейское совместное предприятие «РасонКонТранс» (СП ОАО «Торговый дом РЖД» и порта Раджин, Северная Корея) и железнодорожно-транспортная компания «Тонхэ» Министерства железных дорог КНДР подписали договор аренды на 49 лет железнодорожной инфраструктуры на участке Туманган – Раджин [11].

Этот пилотный проект позволит создать трансконтинентальный транспортный коридор длиной более 10 тысяч километров и доставлять грузы из Азиатско-Тихоокеанского региона всего за две недели вместо 45 суток морским путем. Грузопотоки транскорейской железной дороги будут формироваться из объемов взаимной торговли между Россией, КНДР и Республикой Корея, транзитных грузов в сообщении Республика Корея – европейские страны и обратно и возможно контейнерных грузов из Японии, перерабатываемых в порту Пусан. В мае 2009 г. в Сеуле состоялся совместный корейско-российский семинар. Эксперты правительства Республики Корея подчеркивали, что для них главный приоритет – объединение страны, а экономические аспекты стыковки Транссиба и Транскорейской магистрали менее важны [4, с. 178].

По мнению эксперта Института геополитической информации «Энергия» Андрея Диева: «Процессу объединения двух Корей будет способствовать реализация...проекта воссоздания, при участии КНДР, Транскорейской железной дороги и ее стыковки с Транссибом. Так что геоэкономические проекты России на Дальнем Востоке имеют и геополитический аспект, способствуя новым, более благоприятным для Москвы «раскладам» в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [6].

Список литературы:

1. В Яньбянь-корейском автономном округе провинции Цзилинь в основном сложилась архитектура полной открытости внешнему миру. – <http://russian.people.com.cn/315118/4622616.html>.
2. Ведомости. – 03.03.04.
3. Золотой рог. – 18.03.03.
4. *Кибалов Е.Б., Нехорошков В.П.* Юго-восточный вектор стратегии развития опорной железнодорожной сети России // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 3.
5. Китай. Цзилинь. – <http://polpred.com/?cnt=77&art=5963&searchtext=яньбянь>.
6. Красная звезда. – 11.03.09.
7. *Лаговский Владимир.* Исаак Ньютон назначил конец света на 2060 г. // Комсомольская правда. – 19.06.2007.
8. Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 1999. – № 1.
9. *Тиммерман Хайнц.* Процессы дезинтеграции и реорганизации СНГ // МЭиМО. – 1998. – № 12.
10. *Усов Павел.* Путь к интеграции // Гудок. – 06.10.08.
11. *Щербакова Екатерина.* Пропуск в Корею // Гудок. – 16.07.08
12. *Григорьев Леонид.* Договор ведет в Раджин // Гудок. – 11.08.08.
13. *Ячеистова Наталия.* Туманган в центре Северо-Восточной Азии. – www.tumenprogramme.org/news.php?id=523PK.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Данченко Е.В.

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ
НА РЫНКЕ ТРУДА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Ситуация на рынке труда Амурской области находится в постоянной динамике и характеризуется довольно высоким уровнем безработицы и дисбалансом между спросом и предложением на рабочую силу. На 01 января 2010 г. уровень общей безработицы в области составил 3,8% от трудоспособного населения, 4,2% от экономически активного населения. Одной из причин высокого уровня безработицы является несоответствие спроса и предложения. Предложение на рынке труда в несколько раз превышает спрос на воспитателей, секретарей, юристов, экономистов, инженеров, бухгалтеров, ветеринаров. Наибольший спрос на рабочую силу отмечается в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, оптовой и розничной торговли, образовании. Причины незаполнения вакансий в данных сферах заключаются в наличии значительного количества низкооплачиваемых рабочих мест, а также в несоответствии качества рабочей силы предъявляемым требованиям работодателей. Спрос на данные специальности на рынке труда Амурской области частично удовлетворяется за счет иностранных рабочих.

Присутствие иностранной рабочей силы на рынке труда всегда имеет отрицательные и положительные последствия. Следует отметить, что в настоящее время иностранная рабочая сила не оказывает существенного негативного влияния на областной рынок труда. Напротив, позволяет частично заполнить существующие вакансии по выполнению тяжелых или малопривлекательных для местного населения работ. В то же время с помощью иностранных рабочих в области активнее развиваются строительство, добыча полезных ископаемых, сельское и лесное хозяйство, торговля.

Использование иностранной рабочей силы на рынке труда Амурской области в последние 10 лет имеет положительную динамику. За период с 2000 г. по 2010 г. числен-

ность иностранных работников в области увеличилась более чем в 8 раз, с 3 759 человек до 31 319 [3, с. 12]. С увеличением численности иностранной рабочей силы увеличилась и ее доля в численности занятого населения с 0,9% до 7,5% соответственно.

Иностранную рабочую силу используют все города и районы области. По состоянию на 01 июля 2010 года ее использовали 239 предприятиях различных форм собственности. Среди отраслей хозяйства области лидерами по использованию иностранных рабочих являются строительство и лесозаготовительная промышленность, сельское хозяйство, торговля.

В силу своей территориальной близости основным поставщиком иностранной рабочей силы в Амурскую область является Китайская Народная Республика. Количество китайских мигрантов в области ежегодно увеличивается, при этом основными сферами приложения труда китайских рабочих являются: сельское и лесное хозяйство, строительство, торговля, на долю которых в 2009 году приходилось 35,2%, 35,0% и 17,7% всех работающих китайских граждан. Только за последние 10 лет численность прибывших в область китайских рабочих увеличилась почти в 50 раз. На сегодняшний день их доля в общей численности трудовых мигрантов составляет 75,2% [2, с. 21].

Второе место в составе иностранной рабочей силы приходится на граждан Корея Народно-Демократическая Республика (КНДР) – 13,3%. Сферой приложения их труда является в основном лесозаготовительная отрасль.

Принимая во внимание положительную динамику численности иностранных рабочих в Амурской области на современном этапе, можно предположить, что их численность в ближайшие 5–10 лет будет увеличиваться. Для ее увеличения существуют объективные причины.

Одной из причин увеличения использования иностранной рабочей силы является устойчивая депопуляция населения, которая в разной степени затронула все регионы России, в том числе и Амурскую область. Убыль населения в области наблюдается уже 18 лет. За данный период численность постоянного населения сократилась почти на 20%, численность населения в трудоспособном возрасте на 12%. Следует отметить, что в отличие от предыдущих периодов сокращение численности населения России в целом и Амурской области в частности обусловленных демографическими факторами, современная демографическая ситуация предопределена в большей мере самим ходом демографического развития. Именно в силу своей внутренней обусловленности, данная тенденция устойчива, и в ближайшее время вряд ли изменится. Поэтому в настоящее время и в ближайшем будущем трудовые мигранты необходимы Амурской области для нормального функционирования экономики и их число будет увеличиваться.

Еще одной причиной увеличения трудовых мигрантов в области является огромный демографический потенциал Китайской Народной Республикой, с которой Амурская область имеет общую границу. Протяженность российско-китайской границы на территории Амурской области составляет почти 1250 км, а это около 30% общей протяженности всей российско-китайской границы. Трудоустройство огромных масс населения всегда было проблемой в КНР. В настоящее время примерно четверть трудоспособных горожан и крестьян – фактически полностью или частично безработные. По данным Министерства труда КНР, численность населения в трудоспособном возрасте будет увеличиваться до 2020 г., а с 2030 г. – начнет снижаться. Крупнейший экспортер китайской рабочей силы в Амурскую область – приграничная провинция Хэйлунцзян, отличающаяся высоким удельным весом трудоспособного населения и довольно высоким уровнем безработицы в стране. Поэтому трудовая миграция в настоящее время и на ближайшую перспективу является закономерной. Рынок труда Амурской области готов к принятию иностранных рабочих, и именно тех специальностей, которые и поставляет провинция Хэйлунцзян.

Кроме того, в Амурской области есть и дополнительные плюсы в использовании китайских рабочих, от которых будет трудно отказаться в ближайшем будущем. Так, работающие в строительстве и сельском хозяйстве китайцы совершенно нетребовательны к социально-бытовым условиям, очень выносливы, трудолюбивы, в основном дисциплинированы, всегда ориентированы на достижение поставленной цели. Амурских работодателей устраивают китайские мигранты, способные качественно и в кратчайшие сроки выполнять любую тяжелую работу. Использование китайских строителей при исполнении подрядно-заказных контрактов на строительство различных объектов позволяет создавать дополнительные рабочие места для жителей области, занимающихся монтажом различных коммуникаций, сноса старых строений и т. д. Положительный результат имеет использование иностранной рабочей силы на предприятиях общественного питания, так как способствует созданию дополнительных рабочих мест для амурчан, работающих в качестве бухгалтеров, официантов, менеджеров. Привлечение иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве частично снимает напряженность локальных рынков труда, так как на сельхозработы привлекаются также жители, проживающие в близлежащих селах, что повышает занятость населения.

Еще одной причиной увеличения численности иностранных рабочих в области, на наш взгляд, является экономическая выгода использования дешевой рабочей силы из азиатских стран. Амурские работодатели стремятся заполнить дешевой рабочей силой не пользующиеся спросом у населения, непрестижные, низкооплачиваемые рабочие места. В ряде случаев по условиям контрактов иностранные работники обязуются применять свою

технологии, использовать свои инструменты и оборудование, а в сельском хозяйстве – свои семена.

В перспективе, в силу своего географического положения, основным поставщиком рабочей силы в Амурскую область по-прежнему останется Китай. В условиях сокращающейся численности трудоспособного населения области при динамичном развитии экономики использование китайской рабочей силы в ближайшие 5–10 лет неизбежно. Увеличению числа китайских рабочих будет способствовать и принятая в 2009 г. «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-востока Китайской Народной Республики на период 2009–2018 гг.», в которой одним из основных моментов является укрепление российско-китайского сотрудничества в сфере трудовой деятельности. В программе предусматривается временная трудовая деятельность граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации через проекты в сельском хозяйстве, животноводстве и строительстве на условиях генерального подряда и субподряда. В Амурской области к числу более перспективных проектов, включенных в данный список, на наш взгляд, являются:

- комплексная застройка «Северного жилого района» г. Благовещенск;
- проект совместного производства лифтов в г. Благовещенск;
- проект по сотрудничеству в сфере производства сельскохозяйственных культур;
- строительство завода по производству цемента и клинкера на базе Чагоянского месторождения известняка.

В перспективе по мере реализации данных инвестиционных проектов масштабы использования китайской рабочей силы будут увеличиваться.

Однако, следует подчеркнуть и тот факт, что уже в настоящее время правительство КНР серьезно озабочено проблемой старения населения страны, что является результатом политики «Одна семья – один ребенок». По данным официальной статистики Китая, численность населения в возрасте старше 60 лет уже достигло 169 млн, что соответствует 12,5% населения КНР. По последним оценкам Китайского фонда изучения старения населения количество нетрудоспособного населения в ближайшие десять лет будет прирастать на 8 млн человек ежегодно [5]. Все это может привести к тому, что к 2015 г. Китай столкнется с нехваткой рабочей силы, а Амурская область может потерять источник получения дополнительной рабочей силы. И с 2015 г. численность китайских рабочих в области начнет сокращаться.

Кроме того, динамичное развитие, которое демонстрирует Китай в последние годы, может привести к тому, что Дальний Восток в целом и Амурская область в частности перестанут быть привлекательными для китайских рабочих. Увеличение уровня жизни в

КНР может существенно повлиять на количество въезжающих в область китайских граждан с целью получения работы и заработка. Возможно, мы получим обратную тенденцию, увеличение и преобладание в обмене трудовыми ресурсами числа амурских мигрантов. Уже в настоящее время число выпускников высших учебных заведений, уезжающих в поисках работы в КНР, неуклонно возрастает. Не в пользу Амурской области свидетельствует, например, и тот факт, что амурские пенсионеры с удовольствием сдают в аренду квартиры в Благовещенске и на эти деньги живут в Хэйхэ. Сегодня Китай уже привлекателен для пенсионеров и молодежи, а завтра возможно и для всего трудоспособного населения области.

Таким образом, в ближайшие 5–10 лет численность иностранной рабочей силы в Амурской области будет возрастать. Ее главным экспортером по-прежнему останется Китай. Большая часть китайских рабочих будет сконцентрирована в строительстве, сельском хозяйстве, на предприятиях общественного питания. В территориальном разрезе центрами их концентрации останутся г. Благовещенск и прилегающие сельскохозяйственные районы области.

Список литературы:

1. Внешнеэкономическая деятельность Амурской области за 2000–2008 годы: сб. / Амурстат. – Б., 2009.
2. Динамика миграционных процессов на территории Амурской области: записка / Амурстат. – Б., 2010.
3. Использование иностранной рабочей силы на рынке труда Амурской области: записка / Амурстат. – Б., 2010.
4. *Мотрич Е.Л., Найден С.Н.* Влияние социально-демографической ситуации на трудовую миграцию: Дальневосточный вектор. – <http://www.nstitutiones.com/general/1509-trudovaya-migraciya.html>.
5. *Чжэн Цзычжэн.* Китаю не хватает рабочих. – <http://www.china-pro.ru/rubrics/5/4963>.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Изотов Д.А.

СЕВЕРО-ВОСТОК КИТАЯ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА¹

Стимулирование национальной экономики, направленное на достижение стабильности экономического роста с точки зрения «кейнсианской» теории заключается в увеличении государственных расходов как на потребление, так и на инвестирование. В свете современного мирового кризиса многие страны реализуют антикризисные меры для того, чтобы компенсировать негативные тенденции в национальной экономике. Данные меры, безусловно, отличаются в зависимости от структур национальных экономик (страны традиционно делятся на две группы: с высоким (развитые страны) и с низким уровнем потребления по отношению к ВВП. Кризисные тенденции в мировой экономике привели к сокращению конечного потребления развитых стран. Поскольку в развитых странах доля конечного потребления довольно высока, реализация антикризисных мер для данных национальных экономик направлена на рост потребления через государственные расходы. Сокращение потребления в развитых странах в связи с кризисными тенденциями привело к снижению потребления ими продукции из стран, удовлетворяющих их конечный потребительский спрос. В результате этого, экспорт последних значительно сократился, что привело к снижению темпов роста их экономик, росту безработицы и другим негативным последствиям.

Самой большой экономикой, которая обеспечивает удовлетворение конечного спроса развитых стран, является Китай. На протяжении последних трех десятилетий темпы роста китайской экономики являются одними из самых высоких в мире (средний темп прироста ВВП составил более 9% в год). Растущий внешний потребительский спрос обеспечил Китаю значительное увеличение его чистого экспорта. Китай превратился в одного

¹ Работа подготовлена при поддержке проекта № 09-I-ООН-02.

из главных реципиентов прямых иностранных инвестиций в мире, которые обеспечивают быстрый рост его экономики и внешней торговли (в 1978–2008 гг. всего было использовано около 900 млрд долл. ПИИ). Предприятия с иностранным капиталом обеспечивают более 60% китайского экспорта и импорта. Эффекты, получаемые от экспортной ориентации экономики, позволили Китаю длительное время увеличивать темпы инвестирования в национальную экономику. Доля инвестиций в ВВП Китая составляет более 45%. Несмотря на то, что высокий потребительский спрос в США, странах ЕС и Японии обеспечивает Китаю огромное активное сальдо торгового баланса, такая модель крайне зависима от внешнего спроса, сокращение которого автоматически вызывает кризисные явления в китайской экономике. По итогам четвертого квартала 2008 г., в результате сокращения экспорта, экономический рост КНР составил рекордно низкую величину – менее 7%. Поскольку потребительский спрос в Китае увеличился в последние годы крайне незначительно, направление экспортной продукции на внутренний рынок страны является крайне затруднительным.

Для того, чтобы поддержать устойчивость китайской экономики в условиях сокращения внешнего спроса, было принято решение на два с половиной года увеличивать государственные расходы на возведение капитальных объектов. В ноябре 2008 г. было заявлено о реализации Пакета антикризисных мер для экономики КНР, который предусматривает значительное увеличение инвестиций по семи основным направлениям общим объемом 4 трлн юаней (585,5 млрд долл.): возведение социального жилья, улучшение сельской инфраструктуры, развитие транспорта (с акцентом на железные дороги), строительство и реконструкция школ и больниц (особенно во внутренних провинциях), улучшение экологической обстановки (строительство очистных сооружений), инвестиции в разработку новых технологий и восстановление районов, пострадавших от землетрясения в провинции Сычуань.

Разумеется, реализация уникального по масштабам Пакета антикризисных мер привлекла внимание, как бизнеса, так и научного сообщества. С 2008 г. практически все крупные международные экономические организации стали оценивать возможные эффекты от данных мер на кратко- и среднесрочную перспективу развития КНР. Так, специалистами ОЭСР, МВФ, HSDC отмечается, что реализация масштабных мер стимулирования китайской экономики будет поддерживать ее высокий рост в среднесрочной перспективе. С улучшением общей ситуации на рынке труда, личное потребление будет расти, вследствие этого, совокупный внутренний спрос будет оставаться устойчивым. Как ожидается, рост экспорта Китая восстановится с выходом из кризиса мировой экономики, но не достигнет значения докризисных темпов. В результате этого, прирост ВВП будет выше 10% в

2010 г. Исходя из текущих планов, расходы на стимулирование экономики будут прекращены в 2011 г. Предполагается, что даже при ослаблении внутреннего спроса, профицит текущего счета платежного баланса увеличится до 6% ВВП в 2011 г. Звучит общий вывод о том, что бесконечно наращивать инвестиции невозможно и эффективность от них для Китая с каждым годом будет снижаться. В связи с этим расширение внутреннего спроса в долгосрочной перспективе можно считать стратегическим курсом стимулирования экономического развития КНР.

Очевидно, что проявления кризиса в экономическом пространстве Китая являются различными. Поскольку публикация региональной статистики в КНР значительно отстает от национальной, в настоящее время не существует работ по количественному анализу воздействия кризиса на китайскую экономику в пространстве. Очевидно, что кризисные тенденции в наибольшей степени коснулись регионов с большой экспортной квотой в экономике, которым предоставляется поддержка в виде дешевых кредитов и снижения налогов. Поскольку в других регионах Китая экспортная квота не является столь высокой, экономический рост в них поддерживается, прежде всего, инвестиционными вливаниями. К регионам данного типа относится приграничный с Россией Северо-Восток КНР.

В целом, реализация Плана возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного Китая оказывает положительное воздействие на экономику данного региона, рост которой с 2000 г. был выше среднего по стране. Руководство Китая уделяет пристальное внимание развитию северо-восточных провинций, реализуя по отношению к ним ряд программ, а также политику, направленную на их сотрудничество с регионами России. Вследствие более детального понимания траектории развития северо-восточных провинций, необходимо проанализировать поведение их экономики в условиях мирового кризиса. Поскольку имеющаяся информация о ходе реализации Пакета антикризисных мер носит довольно ограниченный характер, в которой отсутствуют количественные показатели регионального распределения бюджетных средств, воздействие стимулирующих мер на экономику Северо-Востока Китая возможно рассматривать лишь косвенно, на качественном уровне.

По итогам 2009 г. темпы прироста ВРП всех северо-восточных провинций (около 13%) превышали средние темпы прироста китайской экономики в целом (10,7%). Можно сказать, что последствия мирового кризиса стали проявляться в экономике Северо-Востока КНР только в первом квартале 2009 г., в то время как для национальной экономики снижение темпов прироста, обусловленное кризисными явлениями в мировой экономике, отмечалось уже в начале четвертого квартала 2008 г. Со второго квартала 2009 г. наблюдалось восстановление прежних высоких темпов роста как национальной экономи-

ки, так и северо-восточных провинций. В результате, в условиях реализации Пакета стимулирующих мер, экономика Северо-Востока Китая по темпам прироста ВРП к второму кварталу 2010 г. значительно превысила свои докризисные значения. После июля 2009 г. падение цен в целом в северо-восточных провинциях остановилось, а по некоторым товарным группам (например, по продуктам питания) цены стали расти.

Общеизвестным является тот факт, что доля предприятий государственного сектора в экономике северо-восточных провинций довольно значительна, часть из них являются убыточными. Меры, направленные на сокращение государственного сектора в экономике провинций пока не приносят ощутимого результата. Структура экономики Северо-Востока Китая, с большой долей государственных предприятий, с низкой экспортной квотой, довольно длительное время консервирует значительную разницу доходов населения по сравнению со средним значением данного показателя для КНР в целом. Тем не менее, государственный сектор, занимая значительную долю в экономике Северо-Востока КНР, несмотря на низкую оплату труда, был менее чувствительным к кризисным тенденциям в мировой экономике. Так, в 2009 г. для провинций Цзилинь и Хэйлунцзян, с наибольшими долями госсектора в экономике, кризисные тенденции в наименьшей степени повлияли на доходы городского населения, по сравнению с Ляонин и с КНР в целом.

Уже в первом полугодии 2009 г. темпы прироста инвестиций в основной капитал северо-восточных провинций (в городах) превысили значения предыдущего года. Это стало возможным вероятно благодаря реализации Пакета мер по стимулированию внутреннего спроса – в данном случае, поддержке по возведению объектов жилого фонда¹.

В отличие от средних значений по стране в целом, экспортная и импортная квота в ВРП региона не является большой, и, резкое сокращение внешнего спроса в первой половине 2009 г., не привело к диспропорциям, которые наблюдались в приморских районах. Из трех регионов Северо-Востока КНР наиболее прочные торгово-экономические связи с Россией имеет провинция Хэйлунцзян. В условиях мирового кризиса в 2009 г. наметилось заметное сокращение суммы фактически освоенных иностранных инвестиций и объема внешнеторгового оборота данной провинции – на 29,9% по сравнению с прошлым годом. Объем внешнеторгового оборота с Россией провинции Хэйлунцзян за 2009 г. составил 5,58 млрд долл. (снижение на 49,7%), экспорта – 3,27 млрд долл. (снижение на 59,1%), импорта – 2,31 млрд долл. (снижение на 25,4%). Сокращение в основном коснулось экспорта товаров инвестиционного спроса, вместе с тем, в 2009 г. наблюдалось увеличение

¹ Помимо реализации данной меры, продолжается увеличение инвестиций в экономику Северо-Востока КНР некоторыми зарубежными компаниями. По состоянию на первый квартал 2009 г., в приморской зоне провинции Ляонин шла реализация 756 проектов общей стоимостью 437,6 млрд юаней.

вывоза продуктов питания в российском направлении. Зарегистрировано также сокращение объема импорта российских лесоматериалов параллельно со значительным подорожанием российской древесины.

Руководством трех провинций осознается факт того, что сокращение объемов внешней торговли является лишь временным явлением, вследствие этого ведется довольно активно проработка возможных путей перспективного сотрудничества с зарубежными странами, в том числе с соседними российскими территориями.

В итоге, можно заключить, что в условиях мирового кризиса, решение об увеличении капиталовложений (прежде всего в сооружение инфраструктуры), как главной антикризисной меры, являлось единственным способом поддержания высоких темпов роста национальной экономики, поскольку потребление в Китае продолжает оставаться низким. В итоге, происходит «компенсирование» сокращения национального экспорта инвестиционными вливаниями. Данные меры носят вынужденный характер. В дальнейшем, расширение внутреннего спроса можно считать стратегией экономического развития КНР. Прежде всего, рост спроса будет наблюдаться в регионах с высокими темпами роста доходов населения (приморские провинции).

Кризисные тенденции в мировой экономике довольно ощутимо отразились лишь на внешнеторговом секторе северо-восточных провинций, но его доля в ВРП региона гораздо меньше, чем в среднем по стране. Реализация Пакета антикризисных мер наряду с Планом возрождения экономики Северо-Востока КНР привела к тому, что главным источником высоких темпов роста региона стала являться инвестиционная составляющая. При этом высокая доля инвестиций в ВРП региона продолжает генерироваться государственным сектором. Большая доля государственных предприятий в экономике Северо-Востока КНР в долгосрочной перспективе ведет к трудностям, связанным с низкой конкурентоспособностью продукции, низкими зарплатами и скрытой безработицей. Этот фактор будет сдерживать рост внутреннего спроса региона. Исходя из этого, развитие экономики Северо-Востока Китая будет все больше отставать от приморских регионов. Вместе с тем, в среднесрочном периоде воздействие кризисных тенденций в мировой экономике на государственный сектор северо-восточных провинций является слабым, поскольку продукция данного сектора в основном направлена на внутренний рынок, конечное потребление которой дотируется из центрального и региональных бюджетов.

Список литературы:

1. *Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е.* Северо-Восток Китая в условиях реализации Плана возрождения экономики // *Пространственная экономика.* – 2009. – № 2.

2. Хэйлунцзян обещался нарастить русскую и монгольскую торговлю.
<http://www.zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=62585>.

3. Heilongjiang Province. – <http://www.hktdc.com/info/mi/a/mpcn/en/1X06BWA2/1/-Profiles-Of-China-Provinces-Cities-And-Industrial-Parks/HEILONGJIANG-PROVINCE.htm>

4. Jilin Province. – <http://www.hktdc.com/info/mi/a/mpcn/en/1X06BWDZ/1/Profiles-Of-China-Provinces-Cities-And-Industrial-Parks/JILIN-PROVINCE.htm>.

5. Liaoning Province. – <http://www.hktdc.com/info/mi/a/mpcn/en/1X06BWFx/1/Profiles-Of-China-Provinces-Cities-And-Industrial-Parks/LIAONING-PROVINCE.htm>.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Калашникова И.В.

**НЕФОРМАЛЬНЫЕ БИЗНЕС-ПРАКТИКИ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

Сразу уточним, что в данной статье речь пойдет об импорте машинно-технической продукции из Китая в Амурскую область. До 98% российских предприятий приобретают данный вид продукции через торгово-посреднические структуры. Наш интерес именно к данной статье экспорта из Китая в область резким ростом объема спроса на машины, оборудование и транспортные средства в период с 2006 по 2008 гг. (рис. 1).

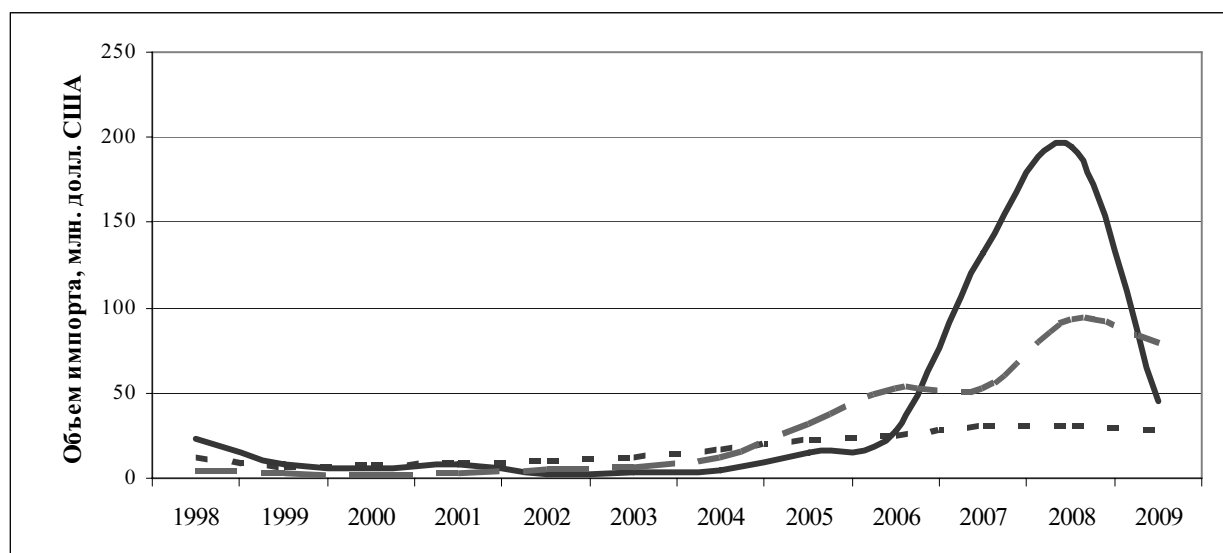

Рис. 1. Динамика импорта Амурской области из Китая по основным группам товаров: ■■■■ – продовольственные товары и сырье для их производства; — — — — — машины, оборудование и транспортные средства; — — — — — текстиль, текстильные изделия и обувь (по данным таможенной службы).

Объем поставок машинно-технической продукции в структуре импорта Амурской области из КНР с 2001 по 2009 гг. варьировал от 27 до 52%. Особенно резкий рост импорта строительной техники и грузовых автотранспортных средств, произведенных в Китае, наблюдался в 2007 г., что и обусловило исследовательский интерес к выявлению его причин.

Российско-китайское экономическое сотрудничество имеет характерную особенность, поскольку российские компании сталкиваются в Китае со специфичной бизнес-средой, отражающей предпочтения китайских бизнесменов вести бизнес с теми, кого они хорошо знают. В результате управленческие решения, принимаемые хозяйствующими субъектами, должны учитывать различного рода сложившиеся неформальные бизнес-практики, инициируемые торгово-посредническими структурами сопредельного государства.

Сделки по импорту машинно-технической продукции из Китая могут осуществляться на основе контракта между китайским заводом-изготовителем и российским посредником. Однако, как показали исследования, проведенные С.О. Олонцевым в ходе мониторинга деятельности наиболее крупных игроков Амурской области, ориентированных на импорт машин и оборудования, на практике российские торгово-посреднические структуры наиболее часто указанные сделки реализуют при участии китайских посреднических структур (рис. 2).

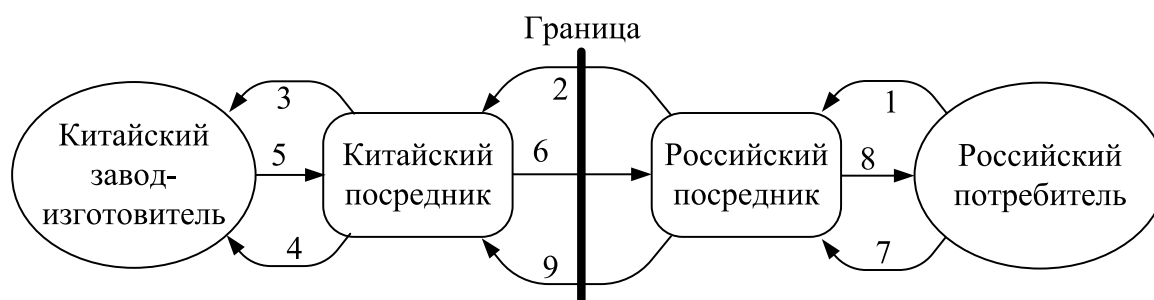

Рис. 2. Организация импорта машинно-технической продукции с участием российского и китайского посредников

Логичным было бы предположить, что дополнительное посредническое звено приводит к удорожанию импортируемых товаров. В действительности же участие китайского посредника не только упрощает решение некоторых вопросов организационного обеспечения реализации внешнеторговой сделки, но и способствует увеличению экспорта машинно-технической продукции из Китая именно через использование в бизнесе неформальных отношений. Подобная практика объясняется тем обстоятельством, что китайский

бизнес представляет собой сложноорганизованное сообщество, где конкуренция сочетается с кооперацией и интеграцией совместных усилий, где все связаны друг с другом семейными, земляческими и деловыми связями, пронизанными конфуцианством. Поэтому неформальные бизнес-практики, иницируемые китайскими бизнесменами, основанные на личном доверии, зачастую более эффективны практик, основанных на юридических обязательствах.

Китайские посредники, будучи заинтересованными в увеличении объемов продаж, используют систему бонусов для российских контрагентов. Источником покрытия недополученной выгоды является часть средств, получаемых от государства китайскими торгово-посредническими структурами при возмещении НДС на экспортируемую продукцию. Условно можно считать, что посреднические структуры переуступают некоторую долю прибыли в пользу российского партнера. Эта «переуступка» носит неформальный характер, поскольку ни в одних документах, сопровождающих внешнеторговую сделку, она не оговаривается. Данную неформальную бизнес-практику мы идентифицируем как практику «переуступки части дохода». Благодаря такого рода бизнес-отношениям продукция, приобретаемая через китайские посреднические структуры, как правило, обходится с меньшими издержками, нежели при заключении контракта российского посредника непосредственно с заводом-изготовителем в Китае. Этим объясняется высокая рентабельность импортных сделок и один из самых низких уровень цен в регионе на китайскую машинно-техническую продукцию по Дальневосточному федеральному округу.

Стремясь к минимизации авансируемого собственного капитала, российские торгово-посреднические структуры при импорте машинно-технической продукции китайского производства применяют «неформальную практику софинансирования». Суть данной бизнес-практики имеет следующий формализованный вид:

$$\begin{cases} A + B + C = 100\% \\ A \rightarrow \min \\ B + C \rightarrow \max \end{cases}$$

где A – доля финансовых средств российского посредника в общей величине инвестиций, необходимых для совершения сделки (капитал, авансируемый торговым посредником); B – доля финансовых средств, вкладываемых в сделку китайскими посредниками («неформальная практика софинансирования»); C – доля предоплаты российским заказчиком оборудования, спецтехники и др. в общей стоимости импортируемой продукции.

Основу упомянутых ранее неформальных бизнес-практик составляет специфическое китайское умение вести бизнес по-своему, что позволяет многим малым и средним компаниям КНР, как отмечает в своих публикациях Я.М. Бергер, успешно конкурировать

и сотрудничать с иностранными партнерами на своем внутреннем рынке и на рынках многих других стран. Это умение основано на доверии, взаимных обязательствах и совместном опыте, которые всегда были и остаются очень важным социально-экономическим механизмом, направленным на снижение риска и неопределенности. Понимание того, что в китайском бизнесе межличностные отношения составляют основу бизнес-отношений, что обязанности и ответственность на межличностном уровне определяют и укрепляют деловые транзакции, представляет собой особую ценность при ведении бизнеса с китайскими партнерами.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Новопашина А.Н.

**ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ
РЕГИОНОВ РОССИИ И КИТАЯ**

Для России и Китая большое значение имеет привлечение и эффективное использование инвестиционных ресурсов с целью повышения темпов экономического роста. В этой связи особое место занимают приграничные районы России и Китая, для которых характерны свои особенности динамики и структуры привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а также степень влияния их на основные социально-экономические показатели развития данных регионов. Необходимость в привлечении инвестиций в приграничные регионы обусловлена тем, что эти регионы, как правило, удалены от национальных рынков. В этой связи привлечение и эффективное использование иностранных инвестиций является важным условием для их экономического развития.

Отсюда целью данного исследования является оценка влияния иностранных инвестиций на основные социально-экономические показатели приграничных регионов российского Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная и Амурская области) и Северо-Востока Китая (прежде всего, провинций Хэйлунцзян и Цзилинь). Информационной базой исследования явились официальные данные государственных органов статистики России и Китая.

Анализ динамики поступления ПИИ в 2000–2008 гг. позволил заключить, что приграничные регионы Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая активно участвуют в процессах их привлечения. Однако общий объем привлеченного капитала в приграничные регионы Китая выше, чем в России. Кроме того приток иностранных инвестиций в приграничные регионы Дальнего Востока носит нерегулярный характер (в отдельные пе-

риоды наблюдается существенный рост, за которым следует их значительное сокращение), в то время как развитие иностранного сектора в приграничных провинциях Китая происходит равномерно.

В начале 2000-х годов основным центром притяжения ПИИ среди приграничных регионов Дальнего Востока стал Приморский край, где они концентрировались в промышленном секторе и в сфере транспорта. В 2005–2007 гг. основной объем ПИИ направлялся в добывающие отрасли промышленности Амурской области и Хабаровского края. Однако в 2008 г. произошло существенное увеличение объема ПИИ в Приморский край в связи с подготовкой к проведению Саммита АТЭС, который состоится в 2012 г. в г. Владивостоке [3]. Что касается приграничных районов Северо-Востока Китая, то здесь основной объем ПИИ поступает в провинцию Цзилинь [5].

Для оценки влияния прямых иностранных инвестиций на экономику приграничных регионов обеих стран были рассчитаны парные коэффициенты корреляции между объемом ВРП и основными показателями деятельности иностранных и совместных предприятий. Также была построена регрессионная модель зависимости ВРП от основных характеристик иностранного сектора. Проведенный анализ позволил сделать следующие основные выводы:

1) между ВРП приграничных регионов Китая и объемом ПИИ наблюдается сильная зависимость, в то время как в приграничных регионах России между рассматриваемыми показателями существует средняя сила связи. В России данную зависимость можно объяснить, прежде всего, тем, что производительность иностранного сектора в стране выше, чем национального, и в течение 2000–2008 гг. разрыв между производительностью данных секторов только увеличивался;

2) в приграничных регионах обеих стран значительное влияние на объем ВРП оказывают индивидуальные эффекты каждого региона. В Китае данные эффекты наиболее сильны в провинции Хэйлунцзян и связаны они, прежде всего, с развитием приграничной торговли данной провинции с регионами России. Среди российских приграничных регионов наибольшее влияние индивидуальных эффектов отмечается в Приморском крае. Данная ситуация связана с отраслевой спецификой экономики края, в которой, в отличие от других приграничных регионов Дальнего Востока, преобладают обрабатывающие производства, сфера транспорта и связи;

3) иностранный капитал не играет значительной роли в экономике приграничных регионов, как России, так и Китая. Данная ситуация связана, прежде всего, с низкими объемами ПИИ, которые в приграничных регионах Дальнего Востока направляются преимущественно в добывающие отрасли, в частности в лесо- и золотодобычу, а в приграничных

районах Северо-Востока Китая в сферу торговли. Однако в России начиная с 2005 года роль иностранного сектора в экономике приграничных регионов увеличивается. Кроме того, в приграничных регионах Северо-Востока Китая при включении в модель внутренних инвестиций в основной капитал, ПИИ начинают оказывать отрицательный эффект на объем ВРП. Данную тенденцию можно объяснить тем, что в Китае внутренние и иностранные инвестиции конкурируют друг с другом, при этом внутренние инвестиции поглощают иностранные. В связи с этим как в приграничных регионах России, так и Китая необходимо проведение государственной политики, направленной на дальнейшее стимулирование иностранного сектора.

В этой связи основными направлениями политики Китая в данной сфере должно стать изменение законодательства в отношении предприятий с иностранными инвестициями, в котором должны быть четко определены права собственности и гарантии иностранным инвесторам. Кроме того должно быть ограничено влияние органов власти на процесс принятия решения об установлении деловых связей с иностранными и совместными предприятиями.

В то же время меры российского правительства, прежде всего, должны быть направлены на повышение привлекательности отраслей обрабатывающей промышленности, особенно отраслей с высокой степенью переработки, а также на создание благоприятных условий для организации и функционирования иностранных и совместных предприятий в приграничных районах. Важную роль при этом должно приобретать инвестиционное сотрудничество России и Китая в приграничных регионах Дальнего Востока.

Долгое время внешнеэкономические связи Дальнего Востока России и Китая характеризовались преобладанием торговых отношений. Среднегодовой рост внешнеторгового оборота приграничных регионов Дальнего Востока с Китаем за период 2000–2009 гг. составил 18,6%. Наиболее быстрыми темпами росли объемы внешней торговли Амурской области (26,3% в год) и Приморского края (25,7% в год) [2]. Однако если в начале 2000-х годов структура внешнеторгового оборота приграничных регионов характеризовалась активным торговым балансом с Китаем, то в 2007–2009 гг. стоимостной объем импортных операций превысил объемы экспорта. При этом основными статьями импорта из Китая являются продукция легкой, химической и пищевой промышленности, а наибольший удельный вес в экспортных поставках приграничных регионов Дальнего Востока в Китай составляют необработанные лесоматериалы, лом черных и цветных металлов, электроэнергия¹, что свидетельствует о сырьевой направленности российского экспорта в КНР.

¹ По данным таможенной статистики.

Несмотря на это, китайская сторона заявляет, что не рассматривает приграничные регионы Дальнего Востока и Дальний Восток в целом в качестве своего «сырьевого придатка» [4].

На долю Китая в структуре внешней торговли приграничных регионов Дальнего Востока приходится около половины внешнеторгового оборота. В период 2000–2009 гг. возросла роль внешнеторговых связей Дальнего Востока с КНР, что было обеспечено в основном за счет роста торговых операций приграничных территорий с Китаем. Наибольшее значение торговые отношения с Китаем имеют для Еврейской автономной и Амурской областей, что выражается в более высоких показателях участия Китая во внешнеторговой деятельности данных регионов. Так, если на долю внешнеторгового оборота с КНР в 2009 году в целом по Дальнему Востоку приходилось 25,5%, то в Амурской области данный показатель составил 82,5%, в Еврейской автономной области – 97,0%¹.

На нынешнем этапе двустороннее инвестиционное сотрудничество характеризуется относительно небольшими масштабами по сравнению с объемами двусторонней торговли и находится на стадии своего становления. Динамика объемов поступления инвестиций из Китая в экономику приграничных регионов России свидетельствует о том, что в последние годы российский Дальний Восток и Китай стали активнее сотрудничать в этой сфере. За период с 2002 по 2009 гг. объем инвестиционных потоков из Китая в приграничные регионы Дальнего Востока увеличился на 80 %, при этом наибольшее увеличение инвестиционных потоков наблюдалось в 2009 году за счет значительного притока капитала из Китая в экономику Приморского края.

В последние годы изменилась и региональная структура инвестиций из Китая, направляемых в эти регионы. Если в 2002 г. в экономику Приморского края направлялось более 90% объема инвестиций, то настоящее время доля Приморского края в общем объеме привлекаемого иностранного капитала в приграничные регионы сократилась до 51%. В то же время удельный вес Амурской области составляет 25%, Хабаровского края – 21% [1], что связано с ростом инвестиционной привлекательности данных регионов в последние годы. При этом более высокие темпы прироста инвестиций из КНР наблюдаются в Приморском крае и Амурской области в связи с реализацией в этих регионах совместных российско-китайских проектов, таких как, например, строительство нефтепровода «Сквордино-граница КНР», строительство линии электропередач от Зейской ГЭС до границы с Китаем, а также совместные российско-китайские проекты в рамках подготовки к Саммиту АТЭС в 2012 г. в г. Владивостоке.

¹ По данным таможенной статистики и Амурстата.

В объеме поступивших инвестиций из КНР преобладают прямые инвестиции, причем в последние годы большая их часть (до 90%) приходится на кредиты, поступившие от зарубежных совладельцев, приносящих прибыль китайским бизнесменам. Вместе с тем, данная форма вложения способствует изъятию (погашению) инвестиций из экономики приграничных регионов.

Однако, несмотря на рост объемов поступления иностранных инвестиций из КНР, их роль в экономике приграничных регионов остается очень низкой. Доля инвестиций из Китая в общей структуре иностранных инвестиций приграничных регионов Дальнего Востока по итогам 2009 года 1,6%. Наибольший удельный вес капитала из КНР отмечается в Еврейской автономной, а также Амурской областях. В целом в период 2000–2009 гг. наблюдалось сокращение роли инвестиций из Китая в экономическом развитии приграничных регионов, что, в первую очередь, было обусловлено более высокой инвестиционной активностью владельцев капитала из Великобритании и Кипра, по сравнению с инвесторами из КНР.

Одним из важнейших факторов, определяющих экономическое развитие регионов, является создание предприятий с участием иностранного капитала. Для приграничных регионов Дальнего Востока наибольшее значение имеет создание совместных российско-китайских предприятий на территории данных субъектов. На сегодняшний день более половины иностранных и совместных предприятий, осуществляющих свою хозяйственную деятельность на приграничных территориях Дальнего Востока, созданы с участием капитала из КНР. Однако, наибольший удельный вес предприятий с участием капитала из КНР функционирует в сфере лесозаготовки, в строительстве, в сфере оптовой и розничной торговли, что свидетельствует о низкой привлекательности обрабатывающих отраслей для предпринимателей из Китая.

Таким образом, проведенный анализ позволил оценить влияние иностранного сектора на ВРП приграничных регионов российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. Следует отметить, что и российская, и китайская стороны принимают активное участие в процессах создания на своих территориях эффективного иностранного сектора. Несмотря на это национальный сектор продолжает играть основную роль в экономиках как российских, так и китайских приграничных регионов. В этой связи России и Китаю необходимо проводить политику, предусматривающую стимулирование инвестиционного сотрудничества своих приграничных территорий. Несмотря на значительный удельный вес предприятий с участием китайского капитала в общей численности иностранных и совместных предприятий приграничных регионах Дальнего Востока, объемы инвестиционных ресурсов, вкладываемые инвесторами из КНР, незначительны по сравнению с объе-

мами привлекаемых капиталов из других стран. Однако можно предположить, что следует ожидать дальнейшего роста инвестиционной активности со стороны Китая в таких сферах, как электроэнергетика, строительство, лесозаготовка.

Список литературы:

1. Материалы Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье» / Режим доступа: <http://www.assoc.fareast.ru>.
2. О приграничном сотрудничестве Амурской области с Китаем: записка / Амур-стат. – Б., 2010.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001–2009 гг.: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. – <http://www.gks.ru>.
4. China Statistical Yearbook. 2001–2009 / National Bureau of Statistics of China. – <http://www.stats.gov.cn>.
5. *Graham, Edward M., Wada, Erica*. Foreign direct investments in China: effects on growth and economic performance // Working Paper / Institute for International Economics. – 2001. – № 01-03.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Норин В.Г.

**ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
РОССИИ СО СТРАНАМИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД
РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Необходимым условием развития экономики является высокая инвестиционная активность. Она достигается посредством роста объемов реализуемых инвестиционных ресурсов и наиболее эффективного их использования в приоритетных сферах материального производства и социальной сферы.

Проблема инвестиций на Дальнем Востоке России является одной из самых важных и сложных проблем. Разумная стратегия капиталовложений может облегчить структурную перестройку экономики в посткризисный период, уменьшить масштабы безработицы, сохранить наукоемкие производства и ускорить интеграцию в сообщество развитых стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Главной особенностью Дальневосточного региона, определяющей как его привлекательность для инвесторов, так и многие черты развития, является экономико-географическое положение (ЭГП). Оно характеризуется двумя основными чертами, имеющими разнонаправленное влияние на инвестиционную привлекательность и экономическое положение Дальнего Востока. С одной стороны, это значительная удаленность региона от наиболее развитого и заселенного центрального района России. По сути дела, Дальний Восток является существенно оторванным от основных рынков сбыта страны. Именно эта удаленность определяет очень многие проблемы региона. В первую очередь – высокие затраты на транспортировку продукции и на электроэнергию. В результате на Дальнем Востоке самый высокий средний показатель прожиточного минимума среди всех

регионов России. Это негативная особенность экономико-географического положения Дальнего Востока. Но, с другой стороны, именно ЭГП определяет во многом экономический потенциал региона. Ведь Дальний Восток является приграничным регионом по отношению к странам бассейна Тихого океана. Дальневосточный федеральный округ имеет протяженную границу с Китаем, от США он отделен лишь Беринговым проливом, а от Японии Сахалин и Курильские острова отделены лишь Кунаширским проливом и проливом Лаперуза. Кроме того, Дальневосточный регион находится на пересечении морских и сухопутных путей в страны Тихоокеанского бассейна. Эта особенность ЭГП очень важна для формирования инвестиционной привлекательности региона, определяя, во-первых, круг потенциальных иностранных инвесторов, во-вторых, приоритетные направления хозяйства Дальнего Востока – развитие и обслуживание внешнеэкономической деятельности.

Многие эксперты отмечают, что Дальний Восток (особенно его южная часть) обладает весьма выгодным экономико-географическим положением, благодаря которому оказывается вовлечен в хозяйственно-экономические связи так называемого Азиатско-Тихоокеанского региона. Благодаря наличию крупных морских портов (Владивосток, Находка, Восточный) и железной дороги Дальний Восток потенциально может стать своеобразным «мостом», посредником между Россией и странами АТР. Сейчас Дальний Восток (прежде всего, Приморский край как самый развитый регион ДФО) активно интегрируется в сообщество стран АТР. Развивается туристический бизнес.

Но, несмотря на привлекательность обширного рынка в силу его масштабов и освоенности, наличия огромных ресурсов, Дальний Восток испытывает значительные трудности, сдерживающие инвестиционный процесс. К их числу можно отнести следующие:

- Политические риски (возможно, они сказываются в меньшей степени на Дальнем Востоке и в Забайкалье, чем в других регионах).
- Незаработанность системы гарантий и возврата инвестиций (отсутствие системы страхования как от коммерческих, так и политических рисков, неразвитость залогово-страховых фондов, крупных финансовых институтов – банков и др.).
- Слабое правовое обеспечение инвестиций (система налогов и тарифов однобока и концептуально сориентирована лишь на пополнение бюджета, в то же время сам бюджет фактически не стимулирует развитие производства за счет инвестиций).
- Отсутствие финансовых механизмов привлечения инвестиций (неразвитость РЦБ, низкая ликвидность предприятий, устарелость основных фондов на 50–60%, отсутствие нацеленности приватизации на привлечение инвестиций и развитие производства).

- Недостаточная развитость инфраструктуры для нормальной организации бизнеса, слабое развитие транспортных коммуникаций, связи.

- Завышенность тарифов на электроэнергию и транспортировку. Резкое удорожание сырья и энергоресурсов сказалось на «утяжелении» структуры производства, а это – на снижении привлекательности многих дальневосточных инвестиционных проектов, даже по добыче золота.

В 2009 году иностранные компании вложили в экономику Востока России 8571 млн долл., что на 4% ниже уровня 2008 года.

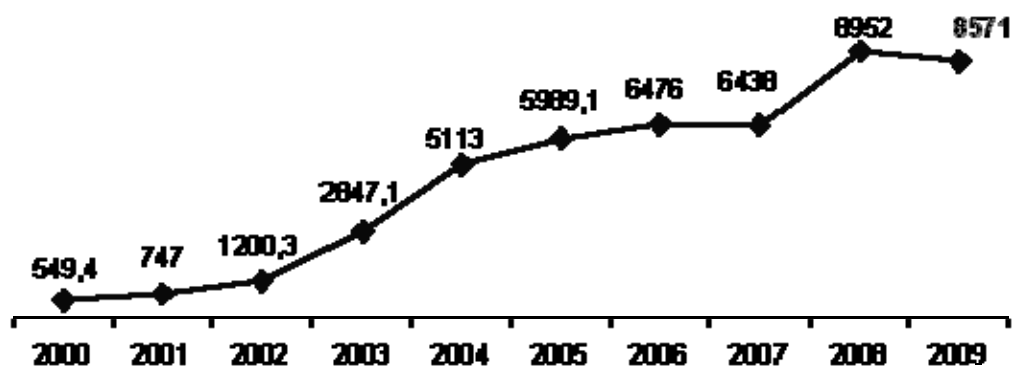

Рис. 1. Динамика поступления иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока и Забайкалья в 2000–2009 гг., млн долл.

В структуре иностранных инвестиций преобладают прочие инвестиции. Доля прямых инвестиций составляет 18% от совокупного объема или 1556 млн долл. Доля портфельных инвестиций – 4% или 343 млн долл.

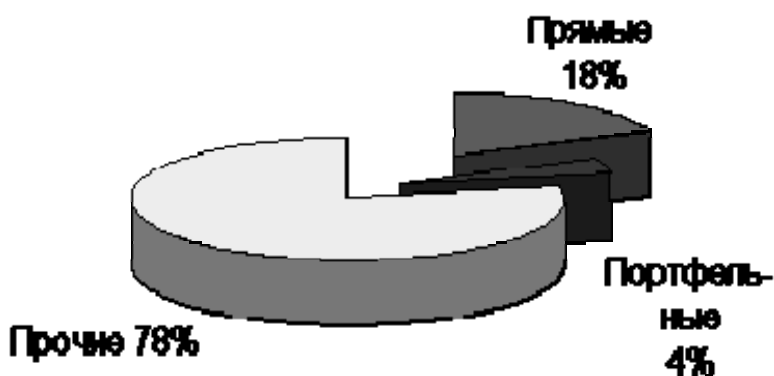

Рис. 2. Структура иностранных инвестиций Дальнего Востока и Забайкалья в 2009 году

В 2009 году по привлечению иностранных вложений лидировала топливная промышленность, с долей 75% или 6446 млн долл. от общего объема инвестиций. Причем ос-

новная часть инвестиций поступила в Сахалинскую область – 5504 млн долл. или 85% от объема инвестиций в данную сферу.

По объему накопленных и поступивших иностранных инвестиций Сахалинская область является лидером на Востоке России. В 2009 году на ее долю пришлось 67% или 5769 млн долл. всех иностранных поступлений. Приоритетными направлениями у иностранных инвесторов остается нефтегазовый сектор.

Второе место занимает Республика Саха (Якутия) с объемом инвестиций 1118 млн долл., что составляет 13% от объема иностранных инвестиций Востока России. Темп прироста иностранных вливаний в экономику Республики Саха (Якутия) составил 68%. Основная часть вложений поступила в топливно-энергетический комплекс.

На третьем месте по привлечению иностранного капитала находится Чукотский автономный округ с долей 11% или 933 млн долл. Объем иностранных вложений увеличился в 2,7 раза, по сравнению с уровнем 2008 года. Основная часть вложений поступила в топливную промышленность. В 2010 году планируется начать реализацию таких международных инвестиционных проектов, как развитие Анадырского промышленного узла, освоение Беринговского каменноугольного месторождения, строительство нефтеперерабатывающего комплекса, проведение геологоразведочных работ на территории округа.

Доля Хабаровского края 3% или 244 млн долл., 68% которых поступают в обрабатывающие производства, 13% – в сферу услуг и аренду, 10% – в транспорт и связь.

Объем поступивших в экономику Амурской области иностранных инвестиций в 2009 году составил 212 млн долл. (доля 2%), что на 54% выше уровня 2008 года, наибольшая доля (93%) которых поступила в горнодобывающую промышленность.

Приморский край с долей 1% от общего объема иностранных инвестиций или 81 млн долл., что в 10 раз ниже уровня 2008 года. Резкое сокращение объема иностранных вложений произошло в основном за счет уменьшения вложений в транспорт и связь в 79 раз.

В 2009 году место лидера по объему инвестиций заняла Япония, с долей 30%. Япония инвестировала 2661 млн долл. в территории Востока России, что в 4 раза превышает уровень 2008 года. Большая часть вложений направлена на добычу нефти и природного газа на шельфе о. Сахалин.

Нидерланды инвестировали 1906 млн долл. в нефтегазовые проекты Сахалинской области, что составляет 22% от общего объема вложений в территории Дальнего Востока и Забайкалья. По сравнению с уровнем 2008 года, поступления сократились на 60%.

На третьем месте по объему инвестиций находятся Кипр, с долей 11% или 909 млн долл., и Великобритания – 905 млн долл. Кипр инвестировал горнодобывающую про-

мышленность Республики Саха (Якутия) – 341 млн долл., топливную промышленность Сахалинской области – 165 млн долл. и Чукотского автономного округа – 163 млн долл. Великобритания основную часть своих вложений – 720 млн долл. направила в топливную промышленность Чукотского автономного округа.

По 1% вложений пришлось на КНР, Республику Корея и США.

Для повышения привлекательности дальневосточных территорий необходима разработка новой инвестиционной политики в Дальневосточном регионе, элементами которой могли бы стать:

- Гибкое поощрение инвестиций путем: а) предоставления гарантий, б) мер бюджетного и финансового стимулирования, в) целевого назначения гарантий (снижения для инвестора коммерческих рисков), г) введения стимулов, укрепляющих конкурентоспособность продукции будущих СП, д) ускоренной амортизации и инвестиционных скидок.

- Комплекс стимулов по реализации проектов: сюда могут войти такие виды льгот, как предоставление статуса «пионера» новому предприятию (с освобождением от ряда налогов на 4–5 лет, в зависимости от важности предприятия, размера фонда оплаты труда, т. е. занятости населения и т. д.), доведение амортизационных списаний при инвестировании до 25% и более, списание затрат на будущие периоды (это особенно важно на «период строительства», т. е. момент освоения инвестиций).

- Широкий диапазон поощрений промышленного экспорта, например освобождение от подоходного налога на фиксируемое время (у нас такими льготами пользуются артели); производство определенных вычетов на уменьшение налогооблагаемой суммы дохода; выдача свидетельств о зачете налоговых сумм при использовании отечественных комплектующих и т. д.; предоставление таможенных льгот, в том числе по ввозу оборудования, сырья и материалов для производства экспортной продукции; развитие секторальных стратегий по поддержке производственного потенциала вследствие стимулирования инвестиций (прежде всего, + в развитие высокотехнологичного производства с максимальным использованием научно-технического потенциала региона); подготовка высококвалифицированных кадров.

Список литературы:

Раевский С.В. Инвестиционная активность в регионе: монография / С.В. Раевский, А.Г. Третьяков. – М.: Экономика, 2006.

Чернов В.А. Инвестиционный анализ / под ред. М.И. Баканова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

Шевченко И.В. Территориальная концентрация иностранных инвестиций в регионах России / И.В. Шевченко, Е.О. Горецкая // Региональная экономика. – 2007. – № 10.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Понкратова Л.А.

**ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТОКОВ И ТЕНДЕНЦИИ НА ПЕРСПЕКТИВУ**

Трансграничное экономическое сотрудничество является достаточно новым для России механизмом регионального развития. В концепции приграничного сотрудничества в РФ понятие «приграничное сотрудничество» соответствует принятому в ЕС понятию «трансграничное экономическое сотрудничество». В этой связи трансграничное экономическое сотрудничество представляет собой механизм региональной политики, формирующийся на межрегиональном уровне различных государств, который охватывает все сферы деятельности, включая миграцию населения.

Особое место в межрегиональных взаимодействиях России и Китая принадлежит трансграничной миграции населения. Изучение взаимодействий в этой сфере является весьма актуальным в связи с тем, что миграция населения не только сыграла существенную роль в «фактической интеграции» приграничных регионов стран, но и заложила основу для дальнейшей интенсификации всех трансграничных обменов в сфере торговли товарами и услугами, инвестиций, туризма, трудовой деятельности и др.

Отметим, что с начала либерализации внешнеэкономической деятельности в России на российско-китайской границе миграционный обмен не прекращался, а в отдельные годы наблюдались периоды спадов и подъемов, а также структурные сдвиги, связанные с изменением институциональной среды. В этой связи возникла необходимость в проведении периодизации в трансграничных миграционных процессах. Результатом проведенного исследования стало не только выделение 6 этапов в развитии миграционных процессов между РФ и КНР на Дальнем Востоке, но и выявление структурных сдвигов в миграцион-

ных потоках между странами. При этом основным полигоном исследования стали контактные территории Амурской области.

I этап (1988–1990 гг.) – «открытие» – миграционный обмен ограниченный. Начальный этап, характеризующийся ограниченным миграционным обменом населения, как с российской, так и с китайской стороны. Основой открытия послужила политика обеих стран по либерализации внешнеэкономической деятельности. В КНР курс на реформы и открытость был взят еще в 1978 г., а в 1988 г. была фактически ликвидирована монополия на приграничную торговлю. В СССР первые ласточки либерализации появились в 1986 г., когда были расширены права министерств, а небольшой группе предприятий было дано право выхода на зарубежные рынки при условии сохранения монополии государства на внешнюю торговлю. В этот период начинает формироваться и правовая база межрегионального сотрудничества стран. В этой связи на данном этапе ведущей формой сотрудничества между странами была торговля (прежде всего, бартерная), а ограниченный миграционный обмен был направлен на ее обслуживание. Наряду с этим подписанное в этот период соглашение о взаимных поездках граждан положило начало развитию туризма на базе предприятий.

II этап (1991–1993 гг.) – «эйфория» – миграционный обмен динамичный.

Данный этап отличался высокими темпами прироста миграционных потоков, которые определялись подписанием в 1991–1992 гг. межгосударственных соглашений и договоренностей, в том числе в сфере безвизового туристского и трудового обмена, и правовых документов в РФ, направленных на либерализацию в сфере ВЭД. Комплексный анализ институциональных условий показал, что большая часть принятых документов в этот период была направлена на открытие границ, на снижение барьеров во взаимной торговле, что выразилось в развитии приграничной торговли в целом, прежде всего челночной, шоп-туризма при минимальном контроле со стороны государства. Слабый контроль и хаотичность на начальном этапе формирования торгово-экономических связей привели к значительным государственным потерям. Со второй половины 1992 г. в России начинает возрастать регулирующая роль государства, что проявилось в принятии закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», Таможенного кодекса РФ и закона «О таможенном тарифе» в 1993 г. Эти документы оказали влияние на международную торговлю, но не затронули динамику миграционных потоков между странами, поскольку их основу составляли поездки, связанные с «челночным бизнесом» как с российской, так и с китайской стороны.

Таким образом, все принимаемые на этом этапе меры способствовали массовому вовлечению граждан РФ и КНР в торговый обмен (преимущественно бартерный), а также

повышению трансграничной мобильности населения по всем каналам (прежде всего в рамках безвизового туризма). В 1993 г. только через пункты пропуска Амурской области проследовало в Россию 177 тыс. чел. китайских граждан [1, с. 11], из них большая часть служебники – 45,6%, 41,2% – туристы, остальные представлены транспортными служащими. В этом же году в Китай выехало 185 тыс. российских граждан, при этом в выездном потоке преобладали туристы (включая представителей «челночного бизнеса») – 57,6%, затем только следовали служебники – 30,9%. В результате в 1993 г. был достигнут пик мобильности китайских и российских граждан на российско-китайской границе за все последнее десятилетие XX века. При этом оба этих потока по численности мигрантов были почти равнозначными.

III этап (1994–1998 гг.) – «наведение порядка» – стабилизация динамики в миграционном обмене между странами с преобладанием российского вектора.

Этот этап характеризовался стабилизацией динамики в миграционном обмене. Значительный наплыв и практически бесконтрольное пребывание китайцев на российской территории, которые явно обозначились во второй половине 1993 года, способствовали активным действиям федеральных и местных властей по направлению миграционных потоков населения в законное русло. Следствием стало подписание межправительственного соглашения между РФ и КНР «О визовых поездках граждан» Соглашение вступило в силу в январе 1994 г., с этого времени для посещения страны и решения различного рода коммерческих задач требовалась виза, стоимость которой обходилась весьма недешево. Это привело к резкому сокращению служебных поездок россиян в Китай и китайцев в Россию. Важно отметить, что на данном этапе с российской стороны возросла регулирующая роль государства в сфере внешних миграций в целом, что прослеживалось в принятии целого ряда нормативных актов, способствующих усилению контроля за въездом и пребыванием иностранных граждан на территории РФ. В результате всех этих мер поездки китайских граждан в Амурскую область сократились в 1994 г. по сравнению с 1993 г. в 3,6 раза, а российских в Китай – в 2 раза.

Усилия государства по наведению порядка в сфере миграций совпали с беспрецедентным падением в 1994 г. объемов во взаимной торговле субъектов РФ Дальнего Востока и северо-восточных провинций КНР. После обвала официальной торговли Китай стал особое внимание уделять развитию приграничной торговли, что проявилось в законодательном оформлении в 1997 г. 9 зон приграничной народной торговли между городами «Хуши» в районах Хэйхэ, Суйфэньхэ, Дуннин, Тунцзян, Мишань, Хулинь, Фуюань, Жаохэ, Лобэй [5]. Однако только торговая зоны «Хуши» острова Большой Хэйхэ (г. Хэйхэ) в полной мере отвечало требованиям Документа №2 Госсовета КНР. На этом фоне россий-

ские власти стали приводить в порядок «челночную торговлю» за счет введения ограничений в перемещении товаров физическими лицами через таможенную границу РФ.

Однако принимаемые меры не только не обеспечили снижения объемов «челночной торговли» и количества поездок, а наоборот в какой-то мере даже способствовало увеличению трансграничных миграций в 1997 г. по сравнению с 1994 г.: китайских граждан в 2,2 раза до 105,5 тыс. чел (за счет роста служебных поездок), российских граждан в 1,7 раза до 160,0 тыс. чел. (за счет опережающего роста туристских поездок, доля которых составила 84,7%) [1, с. 11]. Это было реакцией на попытки нашего государства ограничить «челночную торговлю».

IV этап (1999–2003 гг.) «меняющиеся правила игры» – выравнивание российско-китайского обмена и трансформация в структуре миграционных потоков населения.

В конце XX – начале XXI века основные изменения в миграционных процессах между приграничными регионами стран обязаны двум важнейшим событиям: экономическому кризису в России, связанной с ним девальвацией рубля и подписанию Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР по организации упрощенного пропуска граждан РФ в ряд торговых комплексов, расположенных с китайской стороны от линии российско-китайской границы (в форме обмена нотами).

Экономический кризис 1998 г. сделал привлекательной Россию для китайских туристов, а также для китайского торгового бизнеса за счет разницы цен, сложившейся на российских и китайских рынках. В 2000 г. был достигнут абсолютный максимум количества прибывших китайских граждан в Амурскую область за период с 1994 по 2008 гг. (166, 9 тыс. чел.) [4]. Упрощенная система въезда для российских граждан в Хэйхэскую зону приграничной народной торговли «Хуши» острова Большой Хэйхэ, введенная 18 августа 1999 г., способствовала увеличению челночных поездок и шоп-туров с российской стороны.

Однако усиление роли государства, направленной на выработку механизмов регулирования пребывания иностранных граждан в России как в сфере трудового, так и в сфере туристского обменов, наряду со снижением эффекта девальвации и эпидемией SARs в 2003 г. способствовали сокращению миграционного обмена между странами в конце данного периода. Так, выезд россиян из Амурской области в Китай в 2002 г. сократился до минимальной величины в 105,8 тыс. чел за весь период после спада 1994 г., а въезд китайцев в Россию вернулся в 2003 г. к уровню 1996 г. и составил 97,2 тыс. чел.¹ При этом трудовая миграция в Россию начала набирать обороты. В 2003 г. в приграничных субъектах

¹ Данные пограничной статистики.

РФ Дальнего Востока количество китайской рабочей силы увеличилось в 2,7 раза по сравнению с 1999 г. и составило 22,8 тыс. чел., в основном за счет их увеличения в Амурской области и Хабаровском крае.

Уэтан (2004–2008 гг.) – «притяжение – выталкивание» – асимметричная динамика миграционного обмена между Россией и Китаем с преобладанием российского вектора.

Асимметричный характер динамики миграционного обмена на данном этапе обусловлен решением Народного Правительства провинции Хэйлунцзян о расширении зоны российско-китайской приграничной народной торговли «Хуши» до границ города Хэйхэ [2], а также принятием в 2003 г. льготных «Временных правил регулирования зоны российско-китайской приграничной народной торговли «Хуши» в г. Хэйхэ», которые действуют и поныне. Эти события способствовало резкому приросту поездок российских граждан в Хэйхэ и их преобладанию в трансграничных миграционных потоках.

В этот период динамика выезда российских граждан в Китай отличалась не только высокими темпами роста показателей (выехало в 2008 г. 583,7 тыс. чел. по сравнению с 131,5 тыс. чел. в 2003 г., рост в 4,4 раза)¹, но и ярко выраженным асимметричным характером. При этом челночные поездки российских граждан сочетали в себе не только перевозки товаров для китайских торговцев, но и шоп-поездки, отдых, получение различных медицинских, бытовых услуг, а также развлечений по относительно низким ценам, что делало поездки семьями достаточно эффективными. Важно отметить, что предпринимаемые на этом этапе государственные меры по наведению порядка в «челночной торговле» за счет ограничений частоты пересечения таможенной границы и веса товара не только не сократили количество пересечений российскими гражданами, но и способствовали их увеличению за счет «кирпичей» и «фонарей», выполняющих функции транспортировки товара.

Въезд китайских граждан в Россию через пункты пропуска Амурской области за период с 2003 по 2008 г. вырос на 36,4%, достигнув величины 132,6 тыс. чел., но не превысил максимальных уровней 1993 и 2000 г. Что касается динамики китайского трансграничного потока мигрантов, то на нее в большей мере оказали три важнейших события: во-первых, введение в России в 2006 году ограничений по занятости иностранцев в розничной торговле; во-вторых, внесение в этом же году изменений в межправительственное соглашение о безвизовых туристских поездках с сокращением сроков пребывания; в-

¹ Данные пограничной статистики.

третьих, введение запретов в Китае на выдачу туристских паспортов образца 1992 года. Эти события наряду с возросшим спросом на рабочую силу в России обусловили динамику прироста в основном за счет трудовых мигрантов из Китая. Только за последние 10 лет количество привлекаемой китайской рабочей силы в приграничные регионы Дальнего Востока увеличилась более чем в 6 раз и составило в 2008 г. 57,2 тыс. чел. При этом лидером среди приграничных субъектов РФ стала Амурская область. Отличительной чертой занятости китайских граждан в приграничных регионах является существенное преобладание и увеличение в последние годы занятых в строительстве, в лесном хозяйстве (прежде всего на лесозаготовках). Занятость в торговле напротив несколько утратила свои позиции в связи с последними ограничениями для иностранцев.

Подводя итог данному этапу, следует отметить, что для него характерно ассиметричное преобладание в международных миграционных потоках россиян при стабилизации китайцев. Это позволило заключить, что на данном этапе барьерные функции границы для россиян были существенно снижены, а возможности для их отдыха и решения деловых проблем в приграничном городе Хэйхэ расширены.

***VI этап (с 2009 года ...)** – «балансировка» – наметившаяся тенденция к выравниванию миграционных потоков населения между странами.*

Характеризуется началом снижения российского потока и ростом китайского за счет туристских поездок. С одной стороны, это связано с удорожанием поездок для российских граждан в Китай в связи с экономическим кризисом, ужесточением контроля за «челночной торговлей» в РФ, с сокращением квот на привлечение иностранной рабочей силы, а с другой, утверждением в КНР 5 городов / уездов, включая Хэйхэ, Суйфэньхэ и Дуннин (провинция Хэйлунцзян) в качестве пилотных районов, где граждане КНР независимо от места их жительства могут оформить туристские паспорта [3].

Ответной реакцией трансграничных обменов в Амурской области на изменившиеся условия стало сокращение в 2009 г. общего выездного потока российских граждан в Китай на 48,4% в основном за счет «челноков» – транспортировщиков товаров. Что касается въезда китайских граждан в Россию, то этот поток практически не изменился, даже увеличился на 2% в основном за счет туристских поездок на безвизовой основе. На этом фоне количество китайских трудовых мигрантов в Амурской области сократилось на 14,8% и составило 20,1 тыс. чел. Однако реализация перспективных проектов в соответствии с Программой сотрудничества России и Китая на период до 2018 г. (по мере выхода из кризиса) будет способствовать дальнейшему их привлечению на Дальний Восток России. В то же время в связи с образованием в 2010 г. Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси, введением в действие Таможенного кодекса и внесением изменений в порядок

перемещения физическими лицами товаров для личного пользования следует предположить, что количество поездок россиян снова возрастет.

В заключение следует остановиться на тех тенденциях, которые будут определять международные миграции между странами в ближайшем будущем: преобладание экономических мотивов в миграциях при опережающем росте туристских обменов; устойчивый рост трудовой миграции в условиях усиления демографического, трудового дисбаланса по обе стороны российско-китайской границы, проведения внешнеэкономической политики Китая, направленной на поощрение экспорта рабочей силы, и реализации совместных перспективных проектов; а также усиление роли всех видов миграций в интенсификации межрегиональных взаимодействий в регионе.

Список литературы:

1. Внешнеэкономические связи Амурской области с Китайской народной республикой / Амуроблкомстат. – Благовещенск, 2000.
2. Интервью заместителя мэра г. Хэйхэ Ху Дуншэна по вопросу расширения территории зоны российско-китайской приграничной народной торговли «Хуши» // Хэйхэ жибао. – 15.01.2004. (пер. с кит. яз.)
3. Китайские туристы въезжают в Россию по одноразовым паспортам. – http://www.ratanews.ru/news/news_20042009_12.stm.
4. О приграничном сотрудничестве Амурской области с Китаем: записка / Амурстат. – Благовещенск, 2008.
5. Строительство российско-китайских зон приграничной народной взаимной торговли провинции Хэйлунцзян (зоны «Хуши») // Хэйлунцзян цзимао. – 2004. № 6 (пер. с кит. яз.).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Рыжова Н.П.

ВЗАИМНАЯ ТОРГОВЛЯ И ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ И КИТАЯ:
ПРОСТРАНСТВО И ИНСТИТУТЫ

1. Постановка проблемы. Приоритетом для регионов Дальнего Востока является интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион, в том числе через развитие сотрудничества с северо-восточными провинциями Китая. На это постоянно указывают документы стратегического развития², политические заявления [12] и научные исследования [13]. В 2009 году Китай закрепил свою позицию основного внешнеторгового партнера в регионах, имеющих с ним общую границу (в Приморском и Хабаровском краях доля Китая в обороте составила около 50%, в Еврейской автономной области – 97%, в Амурской – 83%); в 2009 году впервые значительно возросла доля Китая в обороте Камчатского края (до 30%).

Вместе с тем, внешняя торговля в целом и с Китаем в частности не стала для регионов реальным «локомотивом» интеграции. Показатели внешней открытости³ (рассчи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 09-06-00309-а «Цикличность валютной интеграции и дезинтеграции в процессе глобализации экономики (на примере Азиатско-Тихоокеанского региона)».

² «Использование возможности двустороннего и многостороннего регионального сотрудничества при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока» (Внешнеэкономическая стратегия России до 2020 г), «Создание ... газотранспортной системы для обеспечения нужд потребителей региона в газе и экспорте газа в страны Азиатско-Тихоокеанского региона» (Концепция долгосрочного соц.-экон. развития РФ до 2020 г), «Немаловажным является создание транспортно-логистической инфраструктуры в целях обеспечения выхода на рынки стран Северо-Восточной Азии» (Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г).

³ Индексы рассчитываются, например, Всемирным банком для оценки уровня открытости страны. Так, если объем внешнеторгового оборота к ВРП превышает 40%, страна признается «открытой». Этот по-

таные как отношение объема товарооборота, а также экспорта к ВРП) говорят о том, что регионы ДФО, за исключением Сахалина, оставались «закрытыми», т. е. не интегрированными в мировую и/или азиатскую экономику. В 2008 г открытость ДФО по совокупности входящих в него регионов составляла пороговые 40%, но достигнуто это значение было только благодаря сахалинским нефтегазовым проектам (на Сахалин в 2008 г. приходилось 42% всего внешнеторгового оборота округа, а в 2009 г. уже ровно половина). Уровень открытости ДФО без Сахалина составил в 2008 году 31%, а без Приморского края лишь 20% (т. е. в 2 раза ниже, чем рекомендовано WB).

Следовательно, все усилия, направленные на интеграцию дальневосточных российских регионов в АТР (в том числе и прежде всего через Китай), нерезультативны и, если Россия и показывает определенные успехи азиатской интеграции¹, то они достигаются не через «Тихоокеанскую Россию». Оценка пространственной структуры российско-китайской внешней торговли [9] показывает, что основной оборот проходит отнюдь не через регионы Дальнего Востока. Совокупная доля внешнеторгового оборота Сибирского и Дальневосточного ТУ с КНР меньше доли Центрального ТУ. Объяснения расхождения между заявляемыми целями и получаемыми результатами через структурные проблемы экономики Дальнего Востока логичны, но, на наш взгляд, не достаточны. Другой, не менее важной проблемой, является неэффективность институционального дизайна интеграции. Попытки доказательства этого тезиса через анализ институтов торговли и интеграции между РФ и КНР и представлены в данной работе.

2. Теоретическая рамка: трансплантация институтов, внешняя торговля и интеграция. Международная интеграция (в любых ее формах – от самых примитивных приграничных взаимодействий до участия в международных объединениях типа АТЭС), может рассматриваться как «институт» в трактовке D. North [19] через взаимодействие «формальных правил, неформальных ограничений и способов инфорсменты, то есть порядка обеспечения действенности этих ограничений». Ряд эмпирических исследований [17] показывает, что торговля активнее, а интеграция глубже между странами со сходными неформальными ограничениями (то есть традициями, языком, культурой, колониальным прошлым и т. п.). Вообще институциональные основы международной интеграции, понимание, откуда она «возникает» и почему приобретает те или иные формы, является вполне

казатель, правда, с определенными ограничениями, может применяться для грубой оценки уровня внешней открытости региона.

¹ На фоне общего снижения объема инвестиций в Российскую Федерацию приток инвестиций из стран АТР в российскую экономику за 2009 год вырос почти в 3 раза и составил без малого 17 млрд долл. [4].

традиционной темой исследований в парадигме новой институциональной экономики [14]. Однако эти процессы гораздо чаще рассматриваются на примере стран со стационарной хозяйственной системой, нежели стран, недавно импортировавших или создавших большое количество экономических институтов. И, наоборот, в странах с переходной экономикой другие институты чаще становятся предметом исследования, нежели внешняя торговля.

Вместе с тем, реформа экономических институтов влияет на внешнеэкономическое сотрудничество возможно даже в большей степени, чем на другие сферы. В.М. Полтерович [8] указывает, что шоковая трансплантация в Россию либерального режима торговли обернулась нелегальным экспортом, массовым занижением экспортных цен и т. п. Также в указанной работе (со ссылками на J.Stiglitz, G.Roland, La Porta) обозначены другие, более «изошренные» и при этом результативные стратегии трансплантации институтов. Это: (а) модификация института для адаптации его к новой среде, (б) выращивание из имеющегося или исторически сложившегося в стране, (с) построение последовательности промежуточных институтов для получения заданного результата. Рассмотрим, какие новые институты определяют взаимную внешнюю торговлю Китая и России.

3. Тенденции формальных институтов торговли и интеграции России и Китая. Между Россией и Китаем подписано и действует более 60 двусторонних договоров по разным направлениям экономического сотрудничества [5], подписана совместная «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)». Кроме того, регулярно подписываются Протоколы заседаний Российско-Китайской Комиссии (и ее 11 подкомиссий) по подготовке регулярных встреч глав правительств¹, заключаются соглашения и подписываются протоколы на уровне субъектов РФ², а также отдельных муниципалитетов³. Количество и содержание этих документов указывает на институциональные особенности как Китая, так и России: доминирование государства над рынком,

¹ Больше количество подкомиссий учреждено только с Украиной, Венесуэлой, Кубой [6].

² Только за 2009-2010 годы между Правительством Амурской области и Народным правительством провинции Хэйлунцзян и г. Хэйхэ было подписано 9 двусторонних документов, в т. ч. о сотрудничестве (от 14.04.2009, 25.06.2009, 09.11.2009), о развитии приграничного сотрудничества (от 3.03.2009), о создании Совместной координационной группы (от 14.04.2009), о сотрудничестве в сфере сельского хозяйства (от 16.07.2009), о развитии сотрудничества в лесной сфере (от 27.03.2010), о совместном продвижении проекта производственного комплекса для переработки углеводов и транспортировки нефтепродуктов (от 27.04.2010).

³ Некоторые из них своеобразны – «Соглашение о *приграничном* (выделено мной – НР) сотрудничестве между городами Хэйхэ и Красноярском» (от 19.08.99) (см. [3]).

посредничество органов власти в поиске бизнес-партнеров, продвижение проектов по принципу не их аккуратно оцененной коммерческой успешности, а «стратегической» ценности, или вовсе другим – слабо поддающимся измерению – принципам. Можно ли сделать вывод, что поддержка таких механизмов интеграции как раз и учитывает культурные и иные традиции двух стран? И поэтому следует эффективным стратегиям создания институтов? Вероятно, лишь в некоторой степени и явно не через механизм приграничной торговли (обозначим его как МПТ), который в последние два года декларируется как основной для интеграции в АТР: «Приграничное сотрудничество должно задавать тон и дух всему диалогу с Китаем» [1, с. 6–7].

О том, что именно МПТ приведет к интеграции в АТР, свидетельствует не только упомянутая выше «Программа сотрудничества», но и ряд других официальных документов. В том числе внесенный в «Стратегию развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года» раздел по «Приграничному сотрудничеству субъектов Российской Федерации с северо-восточными провинциями Китая и Монголией, а также экономическое взаимодействие с другими странами Северо-Восточной Азии». В перечень конкретных проектов, наполняющих создаваемый МПТ, входят крупные отраслевые программы (в нефтяной сфере с участием Роснефти, в электроэнергетической сфере с участием РАО ЕС и транспортной с участием РЖД).

Поскольку ранее неоднократно доказывалось, что МПТ в России не определен действующим законодательством [7], а для интеграции страны в АТР он нов по определению, оценим, по какому же из вариантов институционального дизайна следуют его создатели?

4. Институт приграничного сотрудничества. Модификация существующего в мире института для адаптации к новой среде? Конечно, приграничная как часть международной торговли, – это вполне традиционный институт, существующий, пожалуй, в любой стране мира. В соответствии с Европейской рамочной конвенцией под приграничным сотрудничеством понимаются «любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между соседними территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более договаривающихся сторон» [11]. Для Европы, продвинувшейся в вопросах интеграции, пожалуй, дальше всех регионов мира, апелляция к отношениям на уровне регионов или даже муниципалитетов – принципиально важный вопрос. И хотя существует дискуссия [15] по поводу того, что эффективнее, интеграция «сверху» или «снизу», сомнения в том, что к приграничной торговле относится торговля, как минимум, на уровне регионов в принципе отсутствуют. Приграничная торговля – это малая и по объемам и по формам торговля, с архаичными формами (типа приграничных рынков или бартера), ведущаяся благодаря наличию изъятий из налогового, таможенного

и другого права, предоставляемых субъектам, зарегистрированным в пределах узкой, специально оговоренной полосы по обе стороны сухопутной или речной границы. Приграничное экономическое сотрудничество включает помимо торговли и другие формы взаимодействий, весьма разнообразные, но также жестко привязанные к границе. С таким прочтением приграничного сотрудничества, кстати, «согласна» утвержденная в России, правда, практически нерабочая из-за отсутствия конкретных механизмов ее наполняющих, Концепция [2]. Впрочем, определенно, МПТ, в котором участвуют крупнейшие госкорпорации более чем далек от традиционного прочтения института приграничной торговли.

Выращивание из имеющегося в стране опыта? Следует отметить, что Китай в конце 1980-х пошел именно по этому пути: приграничные регионы (прежде всего, провинция Юньнань) реализовывали специфический «эксперимент», призванный оценить влияние «малой» торговли на региональный экономический рост. Полученные результаты оказались убедительными, в результате в 1992 году был создан «приграничный пояс открытости» [10], а к 1996 году в целом закончено формирование нормативной базы по приграничному сотрудничеству и торговле. В настоящее время в приграничную торговлю вовлечены предприятия разных уровней, но по-прежнему существует приграничная торговля в «малых формах». Тот факт, что с начала либерализации ВЭД в России, бизнесы обоих государств, преимущественно мелкие, научились адаптироваться друг к другу, создали экономически успешные схемы и трансформировали и укоренили формальные правила в неформальных способах их выполнения (см. подробнее [20]), также мог бы быть учтен при выращивании института приграничного сотрудничества в России. Однако МПТ такую возможность не учитывает.

Построение последовательности промежуточных институтов? Можно предположить, что дизайнеры МПТ пошли именно по этому пути – и участие крупного бизнеса в приграничном сотрудничестве лишь временная мера, которая постепенно заменится новыми формами и, трансформируясь, будет создавать условия для развития региональных бизнесов и смещать пространственно стянутую в центр внешнюю торговлю в сторону регионов. Впрочем, для подобных выводов нет оснований – начав получать выгоды от «приграничной торговли» в виде изъятий из правил международной торговли, корпорации вряд ли откажутся от них.

Следовательно, дизайнеры института интеграции через МПТ пошли по пути даже не шокового заимствования, а конструирования собственного гибрида. Конечно, в создаваемом МПТ можно увидеть элементы заимствования. Оно проявляется, например, в копировании действий китайского правительства – которое продвигает приграничное со-

трудничество и в форме крупного бизнеса, продолжая при этом приветствовать малые формы приграничной торговли. В результате провинция Хэйлунцзян является ведущим торговым партнером РФ, а на китайские провинции пространственно приближенные к соседствующим с ними странам приходится большая часть торговли с этими странами¹.

Вывод. Структурные проблемы экономики Дальнего Востока – неоспоримый факт. Поиск путей их решения – важная задача, ее возможное решение – в реализации именно тех механизмов, что заложены Стратегией развития Дальнего Востока, и в том числе в развитии разных форм международной торговли на уровне регионов, включая и приграничную торговлю. Только почему для этого нужно разрушить существующий институт приграничной торговли – пусть и преимущественно неформальный, но работающий на интеграцию, т. е. достижение поставленной цели? Почему нельзя попытаться его трансформировать, развить до приемлемого уровня легальности и институционализировать, т. е. закрепить, например, в форме свободных зон приграничной торговли? А параллельно создавать и подстраивать другую форму интеграции, опирающуюся на крупный бизнес.

Список литературы:

1. *Касачев К.И.* Приграничное сотрудничество должно задавать тон и дух всему диалогу с Китаем // Парламентские слушания на тему «О законодательном обеспечении приграничного сотрудничества в Российской Федерации». – М, 2009.
2. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации: утв. распор. Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р.
3. Концепция развития внешнеэкономической и международной деятельности города Красноярск на 2003–2007 гг.: утв. пост. администрации города от 04.04.2003 г. № 150.
4. Материалы сайта. – http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depasia-africa/doc20101011_08.
5. МИД РФ. – http://www.mid.ru/spd_md.nsf/webcantr.
6. Минэкономразвития РФ. – <http://www.economy.gov.ru>.
7. *Павлов П.В.* Приграничная торговля как особый режим осуществления внешнеторговой деятельности: правовое обеспечение и государственное регулирование // Юрист – Правовед. – 2009. – № 3.

¹ В торговле Китая с Вьетнамом на торговлю приграничных провинций приходится около 20% совокупного оборота страны. С Казахстаном – около 60%, с Таджикистаном и КНДР – около 70%, с Киргизстаном – более 80% (рассчитано по [16]).

8. *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. – 2001. – № 3.
9. *Рыжова Н.* Влияние приграничной торговли на экономическое развитие Китая и России // *Вопросы экономики*. – 2009. – № 6.
10. *Рыжова Н.П.* Развитие окраинных регионов КНР: роль приграничного пояса открытости // *Пространственная экономика*. – 2008. – № 4.
11. Статус европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. ETS № 106. – Мадрид, 1980. 21 мая.
12. Стенографический отчет о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации». – <http://kremlin.ru/transcripts/4160>.
13. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир. – Хабаровск: РИОТИП, 2007.
14. *Abbott K.W., Snidal D.* Why States Act through Formal International Organizations // *Journal of Conflict Resolution*. – 1998. – № 42.
15. *Brunet-Jailly E.* Economic Integration and the Governance of Cross-Border Regions: Forms and Functions of Cross-Border Urban Regions – North American Functional Regions, European Territorial Regions // Annual meeting of the American Political Science Association. – Boston, Massachusetts, 2002.
16. China Data Center. – www.chinadatacenter.org.
17. *Kim M.H., Kim D., Han Y.* The Impact of International Institutions on Bilateral Trade: Economic and Political // *Global Economy Journal*. – 2008. – Vol. 8. – Is. 4.
18. *Martin L.L., Simmons B.A.* Theories and Empirical Studies of International Institutions // *International Organization*. – 1998. – № 52.
19. *North D.* The Role of Institutions in Economic Development // UNECE Discussion Paper Series. – 2003. № 2.
20. *Ryzhova N.* Informal economy of translocations. The case of the twin city of Blagoveshensk-Heihe // *Inner Asia*. – 2008. – Vol. 10. – № 2.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Суслов Д.В.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Процессы развития экономического сотрудничества между странами Восточной Азии, и Северо-Восточной Азии (СВА) в особенности, в начале XXI в. приобрели особую актуальность не только для участников региональной интеграции, но и для всей системы глобального хозяйствования.

Во-первых, субрегион СВА устойчиво развивается более высокими темпами, чем среднемировые, и занимает, соответственно, все больший вес в экономике, становится международным флагманом экономического роста.

Во-вторых, это – не только быстрое, но и прогрессивное развитие, с большим удельным весом высоких технологий.

В-третьих, Северо-Восточная Азия – это хозяйственная система, непрерывно расширяющая свой экономический потенциал за счет включения в интеграционные процессы других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Интеграционная составляющая в СВА и в Восточной Азии в целом становится все более влиятельной в организации и координации развития.

Наблюдается заметное возрастание значения внутрирегиональных экономических связей в развитии. Так, например, доля внутрирегиональной торговли стран Восточной Азии непрерывно растет. Если в 1985 г. он составлял 22,4%, то в 1999 г. – 45,4%. К 2003 г. доля взаимной торговли достигла показателя в 51,8%. Это достаточно близко к значению

¹ Работа подготовлена при поддержке проектов № 09-I-ООН-02 , 09-II-УО-10-001.

для Евросоюза – 61%, и превосходит аналогичную характеристику для такого межстранового объединения как НАФТА – 45,8%.

Движение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) также приобретает внутрорегиональную направленность.

Наконец, важным объединительным фактором для стран региона, стали принятые в декабре 2005 г. решения о создании Восточноазиатского сообщества (ВАС) и разработки в его рамках азиатской коллективной валюты АКЮ. Они свидетельствовали о выдвижении в качестве генеральных целей целенаправленного осуществления институциональной и финансовой интеграции, которые в предыдущие периоды развития были латентными и не принимали активных форм. Процесс усиления этих интеграционных направлений длительное время шел де-факто, но для придания устойчивого развития экономики региона становится очевидной необходимость институционализации процессов интеграции.

Проблемы развития различных форм и механизмов взаимодействия в регионе СВА постоянно поднимаются во многих исследованиях. Особое место уделяется институционализации процессов экономического сотрудничества и создания в какой-либо форме восточно-азиатской интеграционной группировки. Несмотря на давний общий интерес к этой проблеме до настоящего времени реального создания экономического блока, включающего три крупнейшие страны СВА, похоже, все еще остается делом отдаленного будущего.

Хотя для институционализации трехстороннего сотрудничества, как правило, в виде соглашения о свободной торговле или об экономическом партнерстве, существует целый ряд объективных, и неоднократно подробно описанных предпосылок, таких как быстрые темпы роста экономик трех стран СВА, растущее значение внутрорегиональной торговли и инвестиций, историческая и культурная общность и т. д., этот процесс постоянно сталкивается с определенными трудностями. К ним традиционно относят имеющийся разрыв в уровнях развития, различия политических и экономических систем, наличие определенной конкуренции за лидерство в регионе, территориальные споры, различия в отношениях с США и др. Учитывая, что многие из этих факторов, являясь наследием прошлого, продолжают оказывать свое влияние и в будущем, в скором времени ожидать создания регионального интеграционного объединения не приходится, а основой экономического взаимодействия между странами СВА, как и ранее, продолжают оставаться деловые контакты, стимулируемые рыночными мотивами, а не межгосударственными соглашениями.

Прогнозы о том, что «в ближайшей перспективе экономическая и политическая конкуренция между национальными государствами будет развиваться в форме конкурирующих между собой региональных интеграционных проектов пока не сбываются.

При этом, если финансовый кризис 1997–1998 гг. стал в некотором роде катализатором интеграционных процессов в регионе, продемонстрировав уязвимость его экономик от колебаний мировой экономической конъюнктуры и вызвав к жизни ряд важных совместных инициатив, призванных в будущем смягчить негативные последствия нестабильности финансовых рынков, то наступивший затем период относительно высоких темпов роста и последовавший за ним мировой экономический кризис 2008–2009 гг., когда политика государств региона в большей степени была направлена на поддержание внутреннего спроса и реализацию масштабных инфраструктурных проектов за счет бюджетного финансирования на фоне замедления динамики внешней торговли, несколько снизили интеграционную активность.

В складывающихся условиях экономическое сотрудничество между странами региона развивается в различных форматах, не представляющих собой альтернативу трехстороннему договору о свободной торговле, а скорее предшествующих и создающих определенную почву для более глубокой экономической интеграции.

К таким форматам традиционно относят двустороннее и многостороннее сотрудничество в отдельных секторах, совместное развитие определенных территорий, транспортный, энергетический и финансовый форматы интеграции, а также сотрудничество государств СВА с другими региональными объединениями.

Так, учитывая, что немедленное создание региональной зоны свободной торговли, включающей все государства СВА или заключение трехстороннего соглашения о свободной торговле между странами «большой тройки» в ближайшем будущем пока не предвидится, каждая из них ищет собственный подход к взаимодействию с уже существующей в Юго-Восточной Азии группировкой АСЕАН. В связи с чем уже к началу 2010 г. все страны «большой тройки» СВА (Китай, Япония и Республика Корея) имели подписанные и вступившие в силу соглашения о свободной торговле с АСЕАН. Одновременный интерес к развитию взаимодействия со странами АСЕАН, а также к укреплению торговых связей внутри «большой тройки» СВА делает возможным и институционализацию их взаимодействия в формате АСЕАН+3 или уже упоминавшегося Восточноазиатского сообщества.

Различные расчеты, основанные на применении вычислимых моделей общего равновесия и демонстрирующие выигрыш (в основном в виде увеличения ВВП и объема внешней торговли), который получит каждая из стран в том или ином формате институционализации торговых взаимодействий на протяжении многих лет используются в качестве основного аргумента ее полезности. Кроме того, ожидается определенный геополитический эффект, выражающийся в снижении влияния США в Восточной Азии, повышения роли внутрирегиональных экономических и политических связей.

Другой сферой сотрудничества в Северо-Восточной Азии, развивающейся за рамками переговоров о создании зон свободной торговли, является модернизация и расширение транспортной инфраструктуры региона. Не менее важным является «энергетический» формат взаимодействия. Япония и Республика Корея давно являются нетто-импортерами энергоресурсов. Растущие потребности в них заставляют искать новые пути взаимодействия в данной сфере. Быстрыми темпами растут и потребности Китая. Это выливается не только в необходимость создания страховых запасов нефти, но и поиска новых нефтегазовых ресурсов (проектов по их разработке) как в регионе, так и за его пределами. Однако в данной области какое-либо институционализированное трехстороннее сотрудничество между этими государствами вряд ли возможно, так как они в большей степени являются конкурентами за ресурсы третьих стран.

Таким образом, несмотря на взаимную заинтересованность в развитии трехстороннего взаимодействия в рамках «большой тройки» СВА в различных форматах, его конкретное воплощение на государственном уровне в большинстве случаев сдерживается рядом объективных препятствий.

Это свидетельствует о том, что три крупнейшие в экономическом плане страны региона не являются самодостаточными для реализации мощных наднациональных проектов и им следует активной вовлекать в сферу своих взаимодействий экономически менее развитые, но, тем не менее, имеющие значительный потенциал развития, страны и регионы, каковыми в данном случае являются КНДР, Монголия и Россия (в частности ее дальневосточные территории).

Особо следует выделить процессы финансового регионального сотрудничества, которое осуществляется как в виде двусторонних, так и многосторонних проектов. Новые для интеграции в СВА тенденции и относятся, по мнению автора, к наиболее радикальным изменениям в региональном развитии. При этом в отличие от торгового формата взаимодействия, его финансовый формат в СВА облечен в определенные институциональные рамки. В то же время все указанные договоренности являются многосторонними, включая в себя государства как Северо-Восточной Азии, так и ее Юго-Восточной Азии, а в некоторых случаях и другие страны АТР.

Примером непосредственного взаимодействия стран СВА в финансовой сфере является идея, возникшая в 1989 г. и касающаяся создания в регионе специализированной финансовой организации, которая в 1991 г. оформилась как предложение об основании Банка развития Северо-Восточной Азии.

Если предыдущие проекты взаимодействия в финансовой сфере в основном носили характер взаимного страхования от последствия финансовых кризисов, т. е. целью данно-

го проекта явилось непосредственное финансирование международных проектов, направленных на совместное экономическое развитие в регионе, в первую очередь, транспортных и энергетических проектов.

Хотя данная инициатива является весьма перспективной и предоставляет значительные возможности для развития и укрепления экономического сотрудничества в СВА, но ее реализация все еще вызывает много вопросов. Вероятно, что и нынешний экономический кризис также сыграл свою роль в затягивании процесса создания указанного банка.

Интенсивное финансовое сотрудничество дает основания утверждать, что период обособленного экономического развития каждого из государств Восточной Азии, который характеризовался стремительными рывками в экономическом и социальном развитии той или иной страны или группы стран в отдельные периоды второй половины XX в., подходит к завершению. Процессы глобализации и интеграции, охватившие и этот регион, остро поставили вопрос о необходимости установления и быстрого развития эффективного финансового и монетарного взаимодействия между расположенными здесь странами. Подписание 14 декабря 2005 г. руководителями 16 стран Восточной Азии декларации является свидетельством формирования новых подходов участников процесса к решению задач экономического развития.

Если в течение длительного времени к приоритетам международного сотрудничества относились преимущественно сферы торговли и инвестиций, то к числу наиболее заметных сфер взаимодействия последнего времени относится финансовая кооперация, развивающаяся как на двухсторонней, так и многосторонней основе.

Из большого числа событий первого десятилетия XXI века выделим три, которые можно считать чрезвычайно важными для оценки происходящих сдвигов и защитными механизмами от негативного влияния мирового финансового кризиса.

Первое – формирование региональной системы обмена валютами в рамках инициативы Чанг-май.

Второе – формирование особых валютных режимов на приграничных территориях Китая, российского Дальнего Востока, Вьетнама и КНДР.

Третье – проект азиатской валютной единицы АКЮ (ACU – Asia Currency Unit)

При всей значительности влияния на развитие интеграционных процессов двухсторонних связей, особого внимания требуют наднациональные проекты, реализация которых кардинальным образом может изменить системные характеристики в АТР.

Остановимся более подробно на развитии проекта по созданию единой азиатской валюты. В 2001–2003 гг. ряд финансовых организаций региона начали целенаправленные исследования, связанные с формированием общей валюты для стран Восточной Азии. В

этой работе участвовали Азиатский банк развития, Японский банк международного сотрудничества, ряд научно-исследовательских центров.

Ими было теоретически доказано, что странами АСЕАН, Японией, Китаем и Республикой Корея может быть сформирована общая валютная единица, которая в значительно лучшей мере, чем доллар США, будет выполнять функции региональной валюты. Было показано, что с ее помощью можно оказать существенное стабилизирующее влияние на торговые балансы и финансовые потоки внутри Восточной Азии.

В 2006 г. процессы валютной интеграции в АТР приобрели большую и постоянно нарастающую активность. Представители Азиатского банка развития, правительственных структур крупнейших стран региона выступили с заявлениями, из которых следует, что проект введения общеазиатской валюты АКЮ вступил в стадию практической реализации. Президентом Азиатского банка развития Х. Курода было обещано, что, уже начиная с 2006 г., во многих странах Азии она станет расчетной единицей, а в обозримой перспективе – займет место национальной валюты.

То, что появление в АТР нового финансового инструмента окажет активное влияние на все экономики, не только инкорпорированные в валютную систему, но и сопредельные включая Россию, является очевидным. Для них возникает ряд проблем, связанных с изменениями, возникающими в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона после введения АКЮ.

В частности, вопрос о позиционировании России в АТР становится более сложным, поскольку согласование национальных интересов страны в различных «центрах» мировой экономики – Северной Америке, Европе и Восточной Азии – приведет к необходимости выбора структуры используемых валютных инструментов.

Таким образом, сотрудничество в финансовой сфере играет важную роль в обеспечении стабильности торговых и инвестиционных взаимодействий в регионе, а создание таких институтов как Азиатский валютный фонд и предложения по введению единой азиатской валюты стимулируют страны региона к созданию более устойчивой и динамично развивающейся финансовой системы региона.

Интеграционные процессы в СВА весьма отличаются от таковых в других регионах мира. Процесс интеграции в регионе идет в основном в экономической сфере и в большей степени обеспечивается рыночными мотивами, нежели институциональной интеграцией, которую должны осуществлять государства. Процессы институциональной интеграции явно отстают от темпов развития экономического сотрудничества.

Пока что они осуществляются главным образом в форме неформальных и полужформальных связей, а также механизмов достижения консенсуса. Восточная Азия в целом

и страны СВА в частности уже являются интересным объектом для проверки гипотезы о том, что сотрудничество в финансовой и монетарной сфере в большей степени, чем торговой и производственно-инвестиционной, может служить главным мотором региональной экономической интеграции. Европейский опыт предлагает последовательность, в которой торговое сотрудничество предшествует монетарному. Однако известно, что выгоды от финансового сотрудничества возрастают по мере роста уровня торговой интеграции. Восточная Азия с ее «новым регионализмом» может стать одним из первых регионов, где процесс формирования интеграционной группировки будет базироваться в большей степени на основе сотрудничества в монетарной и финансовой сферах, нежели в сфере внутререгиональной торговой кооперации.

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 6
«НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ТЕХНОЛОГИИ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ»

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Абрамов О.В., Грибова В.В., Торгашов А.Ю.

**РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НАУЧНО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА¹**

Разработка концепции должна быть основана на выявлении перспективных научных и технологических направлений, которые могли бы лечь в основу долгосрочной научной и инновационной политики развития Дальневосточного отделения РАН; определении потребности в новых, высокотехнологичных продуктах и научных направлениях, конкурентоспособных на мировых рынках; определении перспектив долгосрочного развития по каждому из направлений, возможные варианты развития и прогноз конечных результатов. Разработка региональных прогнозов научно-технологического развития должна базироваться на методах научного прогнозирования: экстраполяции, экспертизы, моделирования и балансовых методах. Особое место в разработке прогнозов должны занимать методы экспертных оценок, основанные на разработках компетентных специалистов, работающих в определенных областях науки и техники и хорошо знающих региональные особенности объектов исследования.

Формирование региональных приоритетов НТР с учетом существующих и перспективных возможностей ДВО РАН

Региональные приоритеты должны акцентироваться на областях науки, научные результаты в которых соответствуют лучшему уровню мировых и отечественных исследований, а перспективные технологии имеют наибольший инновационный потенциал; областях знаний, специфичных для региона, а также стратегически важных для его успеш-

¹ В докладе излагаются основные результаты работ по проекту 4.11 «Научно-технологический прогноз» в рамках Программы фундаментальных исследований ДВО РАН «Тихоокеанская Россия -2050»

ного развития и привлекательности должен быть составлен предварительный перечень направлений научно-технологического прогноза, рекомендации по формированию региональных приоритетов и прогнозу научно-технологического.

Разработка концепции и методологии долгосрочного регионального прогноза

Концепция основана на *экспертной оценке* приоритетных и стратегических направлений НТР ДВО РАН, выявление научных и технологических прорывов, способных оказать воздействие на экономику региона, а по некоторым направлениями страны и мира в средне- и долгосрочной перспективе.

Основные положения концепции долгосрочного регионального прогноза можно сформулировать следующим образом:

- обеспечение ускоренного научно-технологического развития по тем приоритетным направлениям развития, утвержденным Президентом, которые в ДВО РАН имеют традиционно высокие научные результаты, а также соответствуют особенностям региона;
- концентрация ресурсов ДВО РАН на перспективных научно-технологических направлениях, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах с привлечением к ним частного бизнеса;
- обеспечение притока молодых специалистов в научные институты, развитие ведущих научных школ;
- развитие исследовательской деятельности в высших учебных заведениях;
- содействие развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, их интеграции в систему научно-технической кооперации;
- развитие научной приборной базы институтов ДВО РАН;
- развитие эффективных элементов инфраструктуры инновационной системы региона.

Результатом таких прогнозов должно стать формирование более обоснованной научно-технической и инновационной политики, появление новых идей, связанных с совершенствованием механизмов управления наукой, интеграцией науки, образования и бизнеса и, в конечном счете, повышение привлекательности региона. К результатам также можно отнести получение нового знания, создание единого представления о ситуации в ДВО РАН и регионе в целом. Критерии оценки могут быть качественными и количественными, частными и общими, индивидуальными и комплексными. При этом очевидно, что в ряде случаев количественные оценки могут быть затруднительны, поэтому оправдано применение качественных характеристик. Цель прогноза – предугадать тенденции будущего развития каждого из направлений, по которым делается прогноз на основе изуче-

ния закономерностей, взаимодействия внутренних и внешних факторов, а также возможных рисков.

Методология прогноза должна базироваться на всестороннем исследовании закономерностей в прошлом и возможных направлений изменений в будущем.

Методология прогноза должна базироваться на следующих важных принципах.

Проведение тщательного и детального анализа той области знаний, для которой производится прогноз, при этом важно сформулировать принципы отбора по мнению экспертов наиболее значимых в данном направлении приоритетов развития. Проведение тщательного, с учетом мирового опыта обзора результатов и заявленных направлений исследований, а для прогнозов по технологическим направлениям принять во внимание развитие стран-инноваторов, таких, как Китай, Индия и др. Выделить сильные и слабые стороны региональной науки, проблемы в научно-инновационной сфере. На основе этого провести процесс отбора научных приоритетов, сформировать экспертные группы с ведущими учеными в данной области, провести опросы экспертов. На основе проведенной работы выделить приоритеты по областям знаний, согласовать результаты с экспертами, представителями бизнеса.

Результаты такого исследования могут быть представлены в форме отчетных докладов, включающих:

- Область (либо разделы) фундаментальной или прикладной науки, которая (ые) являются объектом прогноза.
- Параметры и свойства прогнозируемых результатов и технологических процессов, необходимых для того, чтобы предсказанные тенденции стали реальностью с учетом возможных рисков, природных явлений, особенностей региона.
- Потребности в ресурсах и специалистах, необходимых для реализации прогнозов.
- Потенциальные возможности, выгоды и угрозы, связанные с параметрами или свойствами прогнозируемых результатов или технологических процессов;
- Круг возможных участников, сторон, заинтересованных в получении прогнозируемых результатов;
- Ресурсы, которые могут либо должны быть привлечены для получения результатов, ограничения по их привлечению и/или использованию;

Разработка методических рекомендаций для разработчиков прогноза по конкретным приоритетным направлениям НТР Дальневосточного региона

Общая методологическая схема может быть представлена следующими основными шагами:

1. Предпрогнозная ориентация (программа прогноза). Уточнение задания на прогноз: характер, масштабы, объекты прогноза и т. д. Формулирование целей и задач, проблемы и рабочих гипотез, а также структуры и организации прогноза.

2. Исследование истории развития объекта прогнозирования для получения его систематизированного описания. На этом шаге необходимо провести сбор и обработку информации, источников, необходимых для прогнозирования, окончательно сформировать структуру и состав характеристик объекта прогнозирования.

3. Анализ мировой литературы, выявление из литературы тенденций и прогнозов развития по исследуемому объекту,

4. Анализ региональных особенностей – кадровое, материально-техническое обеспечение и динамики развития направления, области либо раздела в регионе по сравнению с изменениями в мире.

5. Обобщение результатов, полученных из п. 2 и 3 в виде прогнозных сценариев.

6. Уточнение каждого построенного сценария с конкретизацией минимального, максимального и наиболее вероятного результатов.

7. Оценка достоверности и точности, а также обоснованности (верификация) прогноза, основанное на собственном прогнозе и опросах экспертов.

8. Выработка рекомендаций на основе полученных прогнозных результатов.

9. Экспертное обсуждение (экспертиза) прогноза и рекомендаций, их доработка с учетом обсуждения и сдача заказчику.

Долгосрочный научно-технологический прогноз должен быть интегрирован в единую систему стратегического управления региональной экономикой. Это может быть достигнуто при выполнении следующих условий:

– включения сценарных параметров, используемых при формировании долгосрочного экономического прогноза, для описания условий разработки научно-технологического прогноза;

– описания макроэкономического и структурного эффектов реализации предполагаемых направлений научно-технологического развития;

– оценки возникающих социальных и экономических рисков, связанных с изменением технологического профиля региональной экономики;

– согласование глобальных технологических трендов, имеющих научно-технологических заделов с результатами долгосрочного научно-технологического прогнозирования;

– максимально возможной реализации проектного подхода к выбору способов осуществления приоритетов научно-технологического развития, причем, в сфере не только прикладной науки и инжиниринга, но и фундаментальных исследований.

Разработка региональных прогнозов научно-технического прогресса должна базироваться на основных методах научного прогнозирования: экстраполяции, экспертизы, моделирования и балансовых методах. Особое место в разработке прогнозов должны занимать методы экспертных оценок, основанные на разработках компетентных специалистов, работающих в определенных областях науки и техники и хорошо знающих региональные особенности объектов исследования.

Широкое применение для прогнозирования ряда проблем, поддающихся количественному измерению, должны найти методы моделирования с помощью экономико-математического аппарата, а так же балансовые методы, позволяющие увязать отдельные направления и мероприятия социально-экономического и научно-технического развития по этапам их реализации и ресурсам. Адекватным инструментом для реализации поставленной задачи может стать используемый практически во всех развитых и многих развивающихся странах – Форсайт. Методология Форсайт отличается от традиционного прогнозирования, футурологии (изучения будущего) и стратегического планирования и не сводится к предсказанию: это методология организации процесса, направленного на создание общего у участников видения будущего, которое стремятся поддержать все заинтересованные стороны своими сегодняшними действиями. Таким образом, эта методология связана не с предсказанием будущего, а скорее с его формированием, что позволяет считать Форсайт специфическим инструментом управления технологическим развитием, опирающимся на создаваемую в его рамках инфраструктуру. Концепция современного Форсайта базируется на: заинтересованности участников заниматься предвидением своего будущего; готовности их к сотрудничеству; понимании ими необходимости сконцентрироваться на долгосрочной перспективе; желании объединить усилия и ресурсы; создании координирующей структуры, помогающей прийти к консенсусу.

С целью обеспечения более адекватного прогноза и эффективного использования его результатов необходимо: создание коммуникационных площадок для лиц, готовящих и принимающих решения (представителей министерств и ведомств, организаций бизнеса, научных организаций и экспертов); организация постоянных экспертных процедур и формирование экспертного сообщества для оценки и согласованного выбора перспективных научных и технологических направлений. Кроме того, долгосрочный прогноз научно-технологического развития следует разрабатывать как систематически проводимую процедуру, встроенную в систему государственного управления. Результаты прогноза должны быть сформулированы таким образом, чтобы обеспечить их адекватное позиционирование в ряду других стратегических документов федеральной исполнительной власти. Прогноз должен создавать информационную основу для корректировки научно-технической и инновационной политики, формирования соответствующих разделов других документов, определяющих цели долгосрочного развития.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Бек В.А.

**EX-OFFICIO – КАК УСЛОВИЕ КАЧЕСТВЕННОЙ РАБОТЫ
ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ РФ**

Современный мир интернационален. Торговые, экономические, политические отношения с другими странами стали неотъемлемой частью успешного развития любой отдельно взятой страны. Одним из аспектов торговых отношений является торговля товарами, содержащими объекты прав интеллектуальной собственности. Термин «интеллектуальная собственность» означает любую собственность, признаваемую по общему согласию в качестве интеллектуальной по характеру и заслуживающую охраны, включая, но не ограничиваясь научными и техническими изобретениями, литературными или художественными произведениями, товарными знаками и указателями деловых предприятий, промышленными образцами и географическими указаниями. Каждый товар или услуга, получивший популярность на рынке, включает в себя объект интеллектуальной собственности и соответствующие права. В современном мире достаточно остро становится проблема по охране интеллектуальной собственности. На рынке любой страны присутствуют поддельные товары или товары, ввезённые с нарушением прав правообладателя. В нашей стране уровень распространения контрафактных товаров остаётся на достаточно высоком уровне схожим с развивающимися и наименее развитыми странами.

Как показывает мировая практика нарушения прав интеллектуальной собственности можно фиксировать на этапе пересечения товарами границы. На основе норм одного из базовых договоров Всемирной торговой организации – Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) во многих странах сформирована система таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Таможенный контроль таких товаров, как новый самостоятельный институт в

работе таможенной службы России был создан в 2004 году с введением в силу новой редакции Таможенного кодекса РФ (ТК РФ). Система также построена на базе норм Соглашения ТРИПС. Схематично модель таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, представлена на рисунке 1.

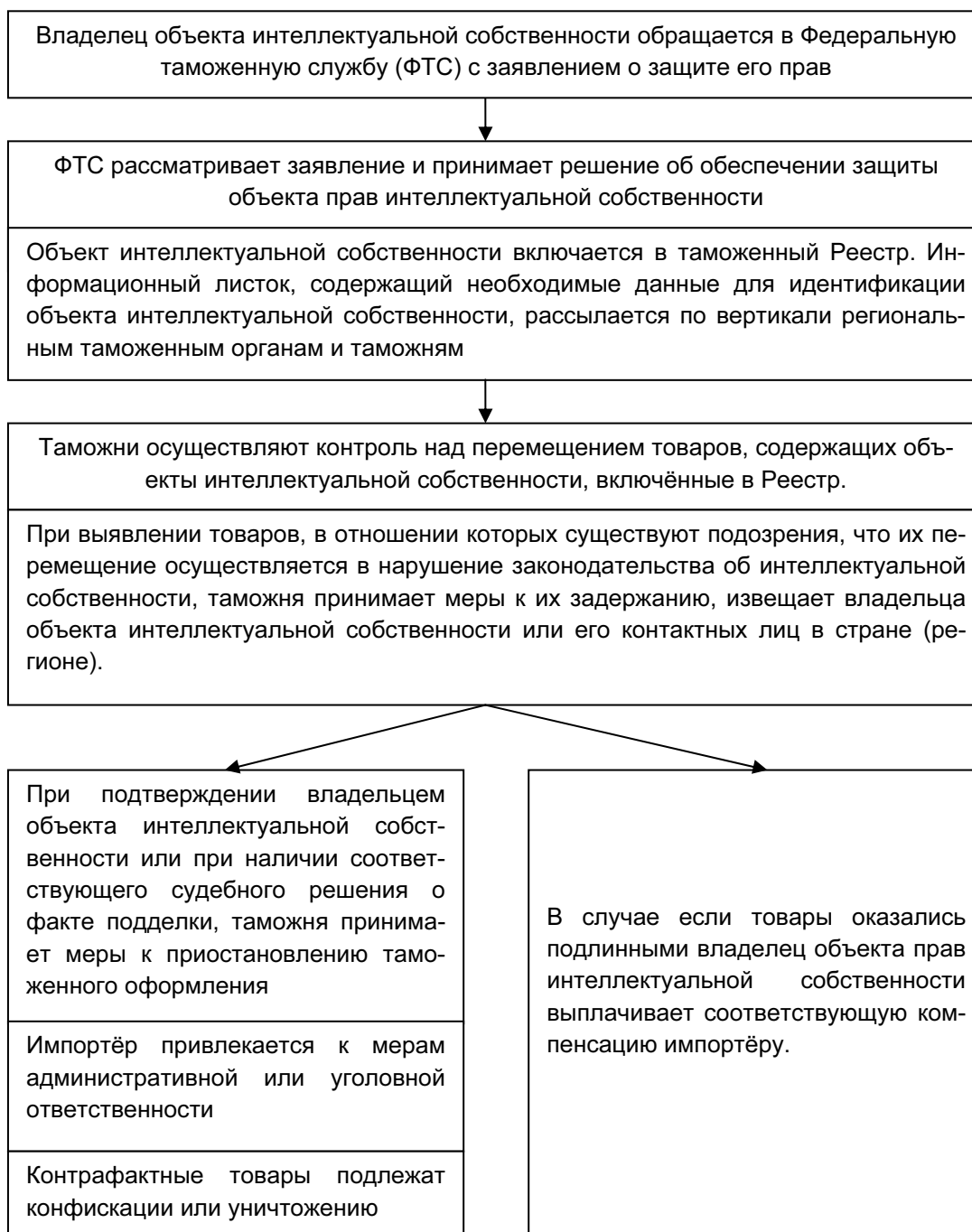

Рис. 1. Модель таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности в Российской Федерации

Система функционирует уже шесть лет и следует признать, что положительные результаты достигнуты. Однако существуют и недостатки: на практике правообладатели не стремятся к регистрации своего объекта в таможенном Реестре (на март 2009 года в Рее-

стре зарегистрировано 1340 объектов интеллектуальной собственности, в то время как в базе данных Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам «Роспатент» только товарных знаков на март 2009 года зарегистрировано 295617 единиц (из них в 2007 году зарегистрировано товарных знаков 30724, а в 2008 г. – около 50 тыс. знаков). Количество зарегистрированных объектов в динамике в базе данных Роспатента и таможенном Реестре представлены на рисунках 2 и 3.

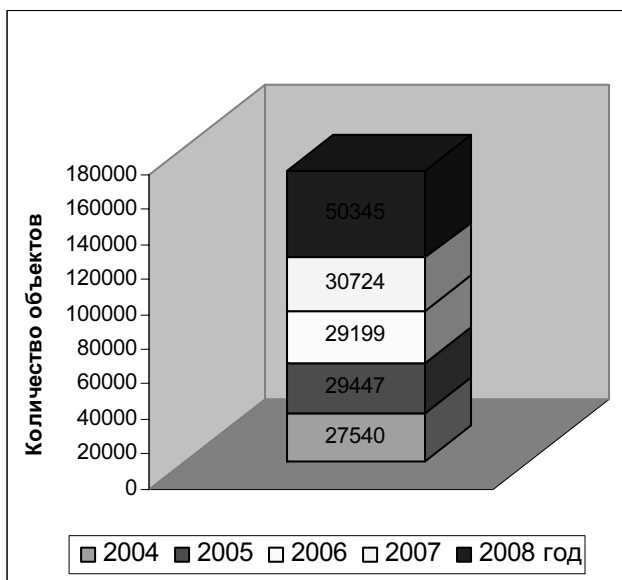

Рис. 2. Динамика регистрации товарных знаков Роспатента

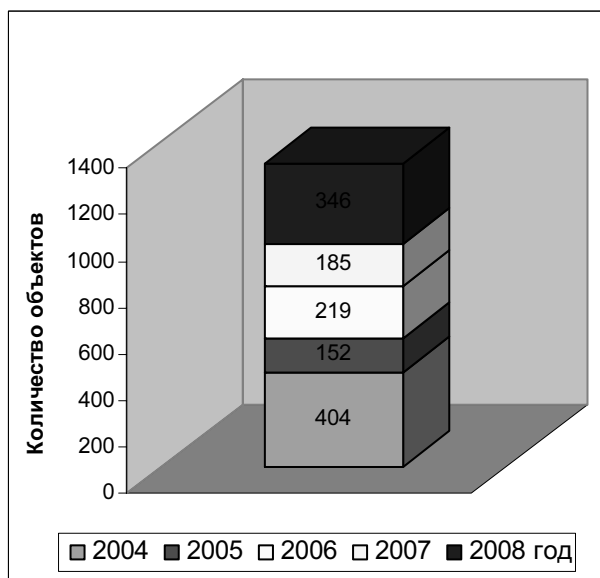

Рис. 3. Динамика регистрации товарных знаков таможенного Реестра

Среди недостатков системы таможенного контроля также можно выделить: правообладатели не торопятся отвечать на запросы таможенных органов, которые задерживают вызывающие сомнения товары; отсутствие права у таможенных органов самостоятельно принимать решение о приостановлении выпуска товаров без заявления правообладателей

(действия *ex-officio*); нехватка специалистов по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности в таможенных органах; различное толкование судьями законодательства в области интеллектуальной собственности; нет чёткого механизма распределения изъятых на границе товаров по данному правонарушению, и другие. Следовательно, существуют объективные предпосылки и возможности к модернизации российской системы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности.

На взгляд автора один из наиболее существенных недостатков в работе российской системы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности – отсутствие права у таможенных органов самостоятельно принимать решение о приостановлении выпуска товаров без заявления правообладателей (действия *ex-officio*). Таможенной службе необходимо иметь возможность приостанавливать выпуск товаров по собственной инициативе (*ex-officio*) без заявления правообладателя и внесения объекта интеллектуальной собственности в таможенный Реестр. Полномочия таможи действовать *ex-officio* являются ключевым элементом эффективного пограничного режима. В большинстве случаев сотрудники таможи единственные кто знает, когда и какие предполагаемые контрафактные товары перемещаются. С учётом существующей сегодня системы работы российской таможи автором предложен механизм внедрения положения о действиях таможенных органов по собственной инициативе при выполнении функции по защите прав интеллектуальной собственности. Суть идеи заключается в том, чтобы ввести процедуру «ускоренной» регистрации объекта интеллектуальной собственности в таможенном Реестре в момент приостановления выпуска товаров по собственной инициативе таможенных органов, либо, в случае, если правообладатель сам заранее узнал о предполагаемой дате и месте перемещения контрафактных товаров и обращается в таможню с просьбой о приостановлении выпуска этих товаров. Таким образом, будет обеспечиваться постоянное пополнение таможенного Реестра новыми объектами интеллектуальной собственности, а таможенные органы, принимая меры, будут иметь достаточно информации и оснований для объективного суждения о правильности принимаемых действий. Схематично модель представлена ниже (рис. 4).

В настоящее время Федеральная таможенная служба России подготовила поправки в Таможенный кодекс о введении для российских таможенников режима *ex-officio*. Этот режим позволит таможенникам задерживать товар на семь дней при подозрении, что его происхождение контрафактное. На второй день таможня должна сообщить владельцу товарного знака и перевозчику груза о приостановке выпуска товара в обращение. Если правообладатель попросит проверить происхождение товара, товар может быть задержан еще на три дня. Поправки разрешают таможеннику самому решать, похож ли товар на под-

дельный, используя базу Роспатента. То есть речь идёт о создании возможности сотрудникам таможенной службы использования базы данных зарегистрированных в России всех товарных знаков. С одной стороны возможность пользования базой данных Роспатента необходимо для объективного суждения должностного лица таможенного органа о контрафактности объекта интеллектуальной собственности.

Рис. 4. Модель таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности в РФ по схеме работы ex-officio

Однако, с другой стороны, принимая данное положение в таком виде, государство, теряет возможность получения экономической выгоды от введения сбора за регистрацию объекта интеллектуальной собственности в таможенном Реестре. Кроме того, учитывая перспективы увеличения подконтрольных таможенным органам объектов интеллектуальной собственности в будущем, у таможенных органов должен быть собственный Реестр со своей специфической для таможенных целей дополнительной информацией.

Таким образом, рекомендовано, во-первых, модернизация системы таможенного контроля товаров содержащих объекты интеллектуальной собственности в целом путём введения «особого ускоренного порядка подачи заявления» по принципу Модели законодательства Всемирной таможенной организации и, во-вторых, в «новой» системе – введение положения о действиях таможенных органов по собственной инициативе (*ex-officio*) с возможностью использования баз данных Роспатента.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов

(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Власюк Л.И.

**ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРСПЕКТИВЕ¹**

В перспективе экономика Дальнего Востока окажется перед необходимостью учитывать, по крайней мере, несколько основных ограничений, которые возникают как множество, формируемое при пересечении общероссийских ограничений и тенденций развития и собственно региональных условий и проблем. Развитие социально-экономической системы Дальнего Востока в среднесрочной и долгосрочной перспективе будет происходить в русле общенациональных трендов и тенденций, безусловно, со своей региональной спецификой.

Формирование структуры экономики Дальнего Востока происходило на неэкономической основе, рывки в развитии экономики региона были так или иначе связаны с приоритетами государства. Масштабы и пропорции хозяйственной деятельности на территории Дальнего Востока длительное время развивались и продолжают развиваться в терминах известной модели «экспортной базы». Хотя исторически механизмы и стимулы «экспортной базы» здесь действовали шире традиционной версии модели, опирались не только на внешний для региона сбыт продукции (до 1990-х гг. – в основном на национальный рынок), но и размеры и структура производства в регионе определялись, прежде всего, выделяемыми в различных формах ресурсами государства. Все это, а так же инсти-

¹ Работа выполнена при поддержке интеграционного гранта ДВО РАН и СО РАН № 09-П-СО-10-001.

туциональные особенности экономики России и методические проблемы измерения ВРП предопределили то, что начиная с 2000 г. на фоне регистрируемых положительных темпов роста, в функционировании экономической системы Дальнего Востока наметился ряд характерных тенденций (отстающие от среднероссийских темпы роста ВРП, высокая норма накопления, низкая доля реинвестируемой предприятиями прибыли, низкая доля чистого экспорта в ВРП, высокая скорость роста импорта и т.д.), свидетельствующих об особенностях экономической системы региона, которые необходимо учесть и на перспективу.

Вызовы и ограничения, способные оказывать влияние на развитие региона в перспективе, условно можно объединить в четыре группы: макроструктурные, сырьевые, социально-демографические ограничения и ограничения с точки зрения критериев эффективности.

Макроструктурные ограничения. Достаточно условно можно выделить следующие макроструктурные ограничения для развития экономики Дальнего Востока в долгосрочной перспективе.

1. Структурные сдвиги в промышленности региона. За период 2004–2008 гг. произошел существенный сдвиг структуры промышленного производства за счет снижения доли обрабатывающей промышленности с 9,3 до 6,3% и увеличения доли добывающей промышленности с 14,9 до 20,9% при росте доли промышленного производства с 29,7 до 31,2% в структуре ВРП. Хотя за этот же период в целом по России ситуация выглядит иначе: снижение доли обрабатывающей промышленности с 20,4 до 19,3%, уменьшение доли добывающей промышленности с 11,3 до 9,9%, уменьшение доли промышленного производства в структуре ВРП с 35,9 до 32,7%.

2. Зависимость от внешнеторговой конъюнктуры. Рост экономики Дальнего Востока в период 2000–2007 гг. базировался на внешнем спросе (межрегиональном и экспортном), так как емкость регионального рынка недостаточна для обеспечения эндогенного роста. В товарной структуре экспорта Дальнего Востока в 2008 г. продукция ТЭК составляла более 70% и более 30% ВРП субъектов РФ, входящих в состав ДФО, формируется за счет сырьевого экспорта. В случае прекращения стремительного роста мировых цен, прекратится расширение совокупных доходов экономики, что приведет к возникновению новых структурных вызовов.

3. Высокие темпы роста и неэффективная структура импорта. Темпы роста импорта товаров за рассматриваемый период составил 11,5%, для РФ 5,9%, при равных темпах роста экспорта – 3,4%. В структуре импорта Дальнего Востока преобладает продукция производственно-технического назначения (оборудование, транспортные средства), легковые автомобили и товары потребительского спроса. Рост конкурирующего импорта все

в большей степени становится фактором, ограничивающим внутреннее производство. Поскольку импортируемая продукция используется либо для наращивания объемов добычи и экспорта ресурсов, либо для покрытия конечного потребительского спроса, она становится препятствием на пути формирования эффективно функционирующей экономики региона [3, с. 56].

4. Неэффективность сырьевой специализации при сложившихся институциональных условиях. Концентрируясь только на первичном секторе экономики, продавая в другие регионы сырье для дальнейшей обработки, регион теряет потенциальные доходы в виде добавленной стоимости, которая создается на других территориях, а потом ввозится в регион в виде потребительских и производственных готовых товаров и полуфабрикатов. В результате завышается уровень издержек и снижается рентабельность регионального производства [6, с. 323]. Неэффективность сырьевой специализации проявляется в неспособности ресурсных отраслей продуцировать рост через систему межотраслевых взаимодействий в силу относительной автономности и невысокого уровня межотраслевых взаимодействий. Это означает, что увеличение экспортного спроса и обусловленный этим рост в сырьевом секторе не приводит к соответствующему росту в других секторах, а наиболее связанным с остальными отраслевыми секторами является сервисный сектор экономики Дальнего Востока [2, с. 87].

5. Слабая зависимость между темпами роста инвестиций и динамикой ВРП. Экономика ДФО характеризуется высокой нормой инвестирования, составившей в 2004–2008 гг. 36–40%, в то время как среднероссийский показатель – 20–24%, при этом ДФО демонстрирует самые низкие среди федеральных округов темпы роста ВРП. Дисбаланс темпов роста ВРП и инвестиций в основной капитал объясняется, во-первых, наличием резервов пассивной части основных фондов, во-вторых, структурой инвестиций с преобладанием капиталоемких долгосрочных проектов в инфраструктурных и сырьевых отраслях, которые являются необходимым, но недостаточным условием экономического роста (адекватного прироста добавленной стоимости).

Структура инвестиций в долгосрочном периоде не претерпит существенных изменений. Несмотря на то, что инвестиционные намерения потенциальных инвесторов могут обеспечить 60–80% потребности в инвестициях, дисбаланс между темпами роста инвестиций и ВРП будет воспроизводиться и высокие темпы прироста инвестиций не смогут обеспечить адекватный прирост ВРП в регионе в ближайшие 10–15 лет.

Сырьевые ограничения. Истощение источников экспортно-сырьевого типа развития и возможностей быстрого развития в рамках сложившейся структуры экономики, декларируемые для национальной экономики, приобретают особую актуальность примени-

тельно к экономике Дальнего Востока. В долгосрочной перспективе эксплуатация сложившейся модели экспортно-сырьевой экономики с той же интенсивностью станет невозможной, поскольку сужение возможностей наращивания энергетического и сырьевого экспорта приведет к уменьшению вклада топливно-энергетического комплекса в прирост ВВП и к его уменьшению. Собственно эти ограничения относятся и к другим сырьевым комплексам региона, работающим на внешний спрос.

В целом для страны прогнозируется рост капиталоемкости добычи полезных ископаемых (нефти и газа), который вызовет снижение рентабельности и инвестиционной привлекательности проектов [1]. Это объясняется двумя главными тенденциями в развитии нефтегазового комплекса. Во-первых, изменится география добычи углеводородов за счет вовлечения в эксплуатацию ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, полуострова Ямал, континентального шельфа арктических морей и Каспийского моря, во-вторых, сменой структуры разведанных запасов топливно-энергетических ресурсов в пользу трудноизвлекаемых и сложнокомпонентных топливно-энергетических ресурсов (увеличение доли трудноизвлекаемой и сверхвязкой нефти, «жирного» и низконапорного газа) [8].

Инновационные тенденции будут наблюдаться в добывающем секторе, где транснациональные корпорации станут ориентироваться на использование передовых технологий извлечения сырьевых ресурсов, эффект «диффузии инноваций» при этом будет минимальным [5, с. 42].

На развитие региона в перспективе будет оказывать сложившаяся модель природопользования Дальнего Востока, которое имеет свои специфические черты: большой разрыв между потреблением природных ресурсов и их добычей в регионе; неопределенность перспектив развития природопользования в силу неосвоенности значительной части потенциала увеличивает степень; необходимость разработки системы концепций разного масштаба в силу дифференциации природно-ресурсного потенциала по территории [7, с. 78-79].

Социально-демографические ограничения. Применительно к Российской Федерации в целом можно сказать, что будет происходить старение населения, которое в совокупности с низкими темпами рождаемости и высокой смертностью приведут к уменьшению численности трудоспособного населения, росту пенсионной нагрузки. В перспективе даже при самом благоприятном сценарии демографического и миграционного прогнозов прирост трудовых ресурсов будет в России минимальным, не выше 0,5–1,5% в год, а при неблагоприятном варианте он станет снижаться [4].

Рост реальных доходов населения в последние годы значительно меньше конвертируется в повышение благосостояния населения. Возникает феномен «замкнутости» социального эффекта роста, что проявляется в усилении социальной дифференциации, возникновении «застойной бедности», деградации человеческого капитала. Существенное сокращение численности населения может стать серьезным испытанием для российской экономики, поскольку к 2020 г. страна столкнется с проблемой нехватки трудовых ресурсов. Одновременно обострится проблема низкой территориальной и профессиональной мобильности рабочей силы. По мере модернизации крупных производств (особенно в удаленных регионах) начнется массовое высвобождение работников. В случае сохранения низкой мобильности возникнут дополнительные риски ухудшения социальной обстановки в отдельных регионах [1].

Таким образом, даже при благоприятной динамике численности населения уже в ближайшие годы и российской экономике, и экономике Дальнего Востока придется столкнуться с последовательно сокращающимся предложением на рынке труда и увеличением демографической нагрузки на занятое население.

Ограничения с точки зрения критериев эффективности. В условиях усиления конкуренции на внутренних и внешних рынках, связанной, с возрастанием требований потребителей к качеству товаров, ростом открытости российской экономики и растущей интеграцией в процесс мирового разделения труда, исчерпанием ценовых конкурентных преимуществ обрабатывающих производств (из-за опережающего роста заработной платы, энергетических издержек и укрепления курса рубля) поддержание высоких темпов роста становится возможным только за счет эффективности использования ресурсов и возрастающей отдачи факторов производства.

Важнейшим фактором экономического развития является рост производительности труда, отражающий эффективность использования в экономике трудовых ресурсов. Его значимость повышается поскольку, с одной стороны, усиливается ограничение со стороны предложения трудовых ресурсов в экономике России, с другой стороны, развитие современного общества определяется качеством и эффективностью использования человеческого капитала. В перспективе рост трудовых издержек станет устойчивым трендом, ключевым условием повышения конкурентоспособности и обеспечения роста будет достижение высоких темпов роста производительности труда.

С точки зрения производительности труда, экономика Дальнего Востока оказывается в не очень выгодном положении, так как темпы пророста производительности уступают среднероссийским, а базовый уровень производительности труда в регионе по ВРП

ниже, чем в целом по стране. Таким образом, невысокая производительность труда в экономике региона может стать ограничивающим фактором развития в перспективе.

Список литературы:

1. Белоусов Д.Р., Сальников В.А., Апокин А.Ю., Фролов И.Э. Направления технологической модернизации ведущих отраслей российской промышленности // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 6.

2. Власюк Л.И. Исследование экономики Дальнего Востока России на основе таблиц «затраты – выпуск» // Пространственная экономика. – 2006. – № 2.

3. Деваева Е.И., Котова Т.Е. Внешняя торговля Дальнего Востока Росси: современное состояние и тенденции развития // Пространственная экономика. – 2009. – № 4.

4. Итоги развития 2009 года и прогноз экономического развития на долгосрочную перспективу. Обзор макроэкономических тенденций № 40. Мониторинг ЦМАКП. – <http://www.forecast.ru/mainframe.asp>.

5. Калашиников В.Д., Власюк Л.И. Экономическая динамика Дальнего Востока на новом этапе государственного стимулирования // Экономический рост, ресурсозависимость и социально-экономическое неравенство: мат-лы Всерос. конф. (15–17 октября 2008 г.). – СПб.: Нестор-История, 2008.

6. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2006.

7. Природопользование Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии.. потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза. – Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005.

8. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ № 1715-р от 13 ноября 2009 года.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Гудкова Е.В.

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ¹**

В целях обоснования концептуальной идеи стратегического развития обрабатывающей промышленности региона, обоснована система факторов, определяющих технико-технологическую модернизацию в системе региональной, национальной, глобальной интеграции:

- фактор региональной обусловленности развития обрабатывающей промышленности;
- фактор «межкризисного» развития;
- фактор взаимообусловленности трансформационных шоков и технико-технологического прогресса;
- фактор регионального позиционирования конкурентных преимуществ;
- фактор конкурентных преимуществ технико-технологического развития региона;
- фактор региональной инновационной модели;
- фактор корпоративных интересов крупных компаний и ресурсной безопасности;
- фактор эволюции стратегических ориентиров промышленной политики в регионе.

Основной вывод оценки структурных факторов, возможностей и ограничений инновационного развития отраслей экономики Дальневосточного региона показывает недостаточный уровень развития инновационных процессов в регионе, перспективы коренного

¹ Статья выполнена при поддержке грантов ДВО РАН П29 № проекта – 09-1-П26-02 «Научно-технологический прогноз развития экономики российского Дальнего Востока», П27 № проекта – 09-1-П24-01 «Формирование инновационной системы в Дальневосточном федеральном округе»

изменения которых пока не просматриваются, что достаточно четко обозначилось в результате действия мирового финансового кризиса 2007–2008 гг.

В части фактора регионального позиционирования конкурентных преимуществ основные позиции региона определяются следующим. Переход к постиндустриальному обществу предопределяет интернационализацию потоков финансов, товаров, рабочей силы, информации и технологий и тем самым противоположен процессу административной регионализации России. Основными экономическими секторами постиндустриального общества становятся третичный (транспорт, коммуникации); четвертичный (торговля, финансы, страхование, недвижимость) и пятеричный (здравоохранение, образование, исследование, государственное управление, отдых), а «несущей конструкцией» – транснациональные сетевые структуры [1, с. 157–159]. Рост регионов в этих условиях больше не сводится к концентрации основных фондов и административных полномочий, а понимается как наращивание организационного потенциала, т. е. способности создать предпринимательский климат, реализующий конкурентные преимущества региона.

До рыночных реформ дальневосточные субъекты РФ 75% [3] своей продукции реализовывали в рамках внутрисоюзного рынка, 19% – внутренний региональный рынок и 6% – экспортная квота. К 2000 г. 75% составляет внутренний региональный спрос между дальневосточными субъектами РФ, 10% – внутрirosсийский спрос, 15% – экспортная квота.

Как следствие, обозначились пределы роста регионов, которые выражаются в процессе «сжатия» экономического пространства:

1. Возможности регионального бюджета реализовывать конкурентные преимущества территории ограничиваются при тенденции роста отчислений в федеральный бюджет. Обязательства региональных бюджетов превышают федеральные обязательства в продолжающей действовать традиции советской распределительной системы;

2. Налоги уходят по месту регистрации предприятий, хотя они осуществляют свою деятельность на территории, акционерный капитал приватизированных предприятий уходит за границы регионов. В целях предотвращения этого процесса, эффективные предприятия переводятся в муниципальную собственность (например, КГУП «Амурский кабельный завод).

3. Снижается количественный и качественный уровень трудовых ресурсов в регионах как следствие миграции в регионы с лучшими условиями и резкого снижения профессионального уровня и квалификации после многих лет спада и ограниченного восстановительного роста в промышленности. Особенно это характерно для таких регионов, как

Дальний Восток, встроенных в «систему национального разделения труда исключительно на базе абсолютных конкурентных преимуществ» [4, с. 16].

Реализация организационного потенциала региональных администраций заключается, в основном, в нормативно-правовом регулировании. Система налогового и инвестиционного регулирования в регионе не предполагает инструментов стимулирования отраслевой направленности, в том числе и машиностроения, как производственной базы модернизации и инновационного развития. Основными рычагами налогового стимулирования в регионе являются льготы по налогу на имущество и прибыль организаций. Льготы по налогу на имущество (общая ставка – 2,2%) предусмотрены для ряда субъектов хозяйственной деятельности в следующих субъектах:

- Хабаровский край (субъекты инвестиционной деятельности – в отношении имущества, созданного (возведенного, приобретенного, реконструированного, введенного) в рамках реализации инвестиционных проектов на территории края по ставке 1,1%. За исключением имущества, предназначенного для оказания брокерских и иных посреднических услуг.

- Еврейская автономная область (организации, реализующие на территории области инвестиционные проекты, отобранные в порядке, установленном законодательством области) по ставке 1,5%;

- Приморский край и Магаданская область (имущество организаций в отношении объектов жилищного фонда и инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса, содержание которых финансируется за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и (или) местных бюджетов) по ставке 0,5%.

В ряде дальневосточных субъектов РФ предусматривается льготная ставка (13,5%) для налога на прибыль предприятий – субъектов инвестиционной деятельности (ЕАО, Хабаровский край, Республики Саха (Якутия)).

Во всех дальневосточных субъектах РФ приняты законы о поддержке инвестиционной деятельности. В то же время, далеко не все они имеют производственную ориентацию, не содержат специфических мер по обеспечению технико-экономического развития высокотехнологичных отраслей. Перечень приоритетных отраслей инвестирования предусмотрен только в законе Приморского края.

Стимулирование технологического перевооружения производства через льготное инвестирование строительства мощностей существует в законах Хабаровского края, Приморского края, Республики Саха (Якутия), Амурской области. Таким образом, не прослеживаются явных инициатив по радикальному изменению отраслевой структуры инвестиций на Дальнем Востоке в соответствии с региональными стратегическими приоритетами.

Перечень мер поддержки инвестиционных проектов в региональных законах (намерений о возможности предоставления) представлен основными позициями:

- предоставление краевых (областных) инвестиционных ресурсов на возвратной и безвозвратной основе;
- предоставление субъектам инвестиционной деятельности налоговых льгот в соответствии с федеральным и региональным законодательством о налогах и сборах.
- предоставление государственных гарантий субъекта Федерации;
- выпуск облигационных займов, в том числе целевых;
- предоставление субсидии для возмещения части процентной ставки по кредитам, полученным в кредитных организациях для реализации инвестиционных проектов;
- предоставление субсидии на компенсацию части купонного дохода по корпоративным облигационным займам, выпущенным для реализации инвестиционных проектов;
- предоставление субсидии на компенсацию тарифа на электроэнергию;
- предоставление субсидии на организационную подготовку инвестиционных проектов;
- создание различных видов локальных зон экономического благоприятствования;
- оказание информационной, консультативной, организационной и методической помощи.
- содействия в развитии инфраструктуры, необходимой для обеспечения инвестиционной деятельности.

Привлекательность Дальнего Востока для крупного капитала, способного инвестировать масштабные проекты, финансово обеспечивать венчурные фонды, как связующего звена цепочки «технологии – производство», пока избирательна и ограничена. Доля Дальнего Востока составляет менее 2% в географической структуре основных финансово-экономических результатов деятельности корпораций. В регионе основные капиталы вкладываются в природно-ресурсный сектор, связь, морские порты. Это закономерно. В качестве «точек роста» Дальнего Востока традиционно выделяют энергетику, транспорт и добычу полезных ископаемых. Потенциал дальнейшего развития масштабных компаний определяется реализацией крупных инвестиционных проектов, таких как: строительство Дальневосточного металлургического комбината на базе Гаринского железорудного месторождения; космодром «Восточный»; новые ГЭС; нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан; железные дороги, включенные в Стратегию развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года; инфраструктурные проекты развития портового хозяйства (п. Ванино, свободная портовая экономическая зона), обновления

парка судов морского флота. Приоритетные направления развития Дальневосточного федерального округа, планируемые к реализации в 2007–2020 гг. и на период до 2025 г., основаны на проектах с привлечением мировых крупных компаний: по реконструкции и строительству предприятий судостроения и судоремонта в порту Восточный; созданию производственного комплекса на ФГУП «Дальневосточный Завод «Звезда»», совместного российско-корейского судостроительного объединения «Дальневосточная верфь – STX», Дальневосточного инновационно-технологического центра (морские технологии и освоение Мирового океана), Дальневосточной судостроительной лизинговой компании (Приморский край); по производству региональных гражданских самолетов SSJ100 на ОАО «КНААПО» (Хабаровский край) на основе международной интеграции; по производству базальтовых труб на ОАО «Судостроительный завод им. Октябрьской революции»; по созданию предприятия по производству вводов термических контрольных кабелей для АЭС с реакторами типа ВВЭР (Амурская область). Стоимость основных инвестиционных проектов на данный период составляет 28 117 млн руб.

Развитие экспорта и выход на рынки технологически развитых стран связываются с реализацией проекта на основе международной кооперации по созданию регионального самолета SSJ100. Данный проект основан на современной организационно-технологической схеме его создания: частные инвестиции, риск-разделенное партнерство, международная кооперация. Серийное производство предполагает ежегодный выпуск 30 – 40 машин. Маркетинговые исследования показывают, что в ближайшие 15–20 лет мировой рынок может востребовать около 800 самолетов SSJ100, из них примерно 300–350 машин для России.

Приоритетными видами конкурентоспособной высокоэкономичной продукции являются морские платформы и специальное оборудование для освоения месторождений нефти и газа на шельфовой зоне Сахалина. Сегмент технических средств освоения шельфа включает нефтеналивные суда, создание судостроительного комплекса для строительства крупнотоннажных танкеров. Предполагается широкая кооперация с зарубежными компаниями (Shell, BP и др.) по созданию средств освоения шельфа на Дальнем Востоке России.

При сырьевой ориентации интересов крупных компаний в перспективе необходимо учитывать отрицательное влияние дефицита нефти на мировую экономику – прогнозируется через 15–30 лет по оценке Центра трансформации бундесвера (Германия) [2]. Ресурсная безопасность – основной фактор роста: помимо Китая в качестве крупнейших покупателей выступают Япония, Индия, Сингапур и Республика Корея. В то же время ресурсная безопасность – более высокие требования к технико-технологическому уровню обрабатывающей промышленности с точки зрения повышения эффективности использования ми-

нерально-сырьевых, энергетических и других, в том числе возобновляемых, ресурсов. С одной стороны, рост цен на энергоносители, с другой – использование альтернативных источников энергии на основе высоких технологий и развитие на этой основе наукоемких производств. Стратегические национальные интересы Евросоюза, США и Китая направлены на альтернативные источники энергии. К 2010 году [5] меньше 1% всей энергии в России добывается из возобновляемых источников. К 2020 году эту долю планируется увеличить до 4,5%. При этом в Евросоюзе к этому же времени на альтернативные источники будет приходиться 20% – в соответствии со стратегическим ориентиром, определенным Еврокомиссией. Активно солнечные и ветряные проекты реализуются в США и Китае. Площадь солнечных водонагревателей в КНР составляет 125 млн м², что является самым большим показателем в мире, а к 2019 году здесь планируется построить самую большую в мире солнечную электростанцию. Стратегия ресурсной безопасности является глобальным вызовом изменения технико-технологических приоритетов с возможным кризисом перепроизводства в новой парадигме информационного, постпотребительского общества.

Список литературы:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999.
2. Бундесвер предсказал вторую волну кризиса. – 02.09.2010 Г. – <http://news.rambler.ru/7436660>.
3. Зайцев В.К. Стенограмма семинара «Стратегия развития Дальневосточного региона» 28.06.2000 г. / Центр стратегических разработок. – <http://www.csr.ru/conferences/-28.06.2000-dv.html>.
4. Ишаев В.И. Дальний Восток России: долговременные перспективы сотрудничества в Северо-Восточной Азии. – Хабаровск, 2000.
5. Материалы сайта. – http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2010/07/100729_russia_solar_power.shtml.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Домнич Е. Л.

ОТРАСЛИ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ
В ПЕРИОД КРИЗИСА¹

Ядром отраслей высоких технологий на ДВР (ОВТ ДВР) являются машиностроительные предприятия, осуществляющие деятельность в рамках трех важнейших видов экономической деятельности: производство машин и оборудования (без производства оружия и боеприпасов) (подраздел DK), производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, (подраздел DL) и производство транспортных средств и оборудования (подраздел DM). В исследовании на основании агрегированных данных бухгалтерской отчетности крупных, средних и малых предприятий экономики России (Центральная статистическая база данных, ЦСБД) представлен анализ экономической значимости, финансового состояния и сравнительной конкурентоспособности ОВТ ДВР в кризисный период 2008–2009 гг.²

ОВТ составляют незначительную часть экономики региона, под воздействием ряда негативных факторов их удельный вес монотонно снижается. Если в 2003 г. в терминах

¹ Статья подготовлена при поддержке проектов «Формирование инновационной системы в Дальневосточном федеральном округе» (№ 09-И-П24-01), «Научно-технический прогноз развития экономики Российского Дальнего Востока» (№ 09-И-П26-02), «Научный капитал регионов России и внешние эффекты его использования» (№ 09-III-A-10-544).

² Сопоставление числа предприятий и организаций, предоставивших бухгалтерскую отчетность для ЦБСД с количеством организаций, учтенных в административной части Статрегистра в 2005–2009 гг. (на 1 января каждого года) показало, что в целом по стране выборка ЦБСД стабильно охватывает 15–16% организаций экономики, тогда как на ДВР – 13–15%. Это достаточно большая часть генеральной совокупности, которая не снижается, несмотря на уменьшение абсолютного числа предприятий в выборке, что позволяет считать выборку, используемую в исследовании, достаточно репрезентативной.

выручки, стоимости активов и занятости удельный вес ОВТ в экономике ДВР составлял около 5%, то к 2009 г. он снизился до 2%. Число занятых в ОВТ ДВР за 5 лет с 2005 по 2009 гг. сократилось с 84,7 до 80,6 тыс. чел.

К числу важнейших факторов упадка дальневосточных ОВТ следует отнести:

1) Кризис материальной базы ОВТ в стране и регионе. Проявляется как исчерпание потенциала оборудования российского машиностроения (снижение технического прогресса), также старение и выбытие наиболее квалифицированных специалистов (снижение технической эффективности). Экономический механизм данного кризиса основан на дисбалансе между стабильно существующим внутренним спросом на продукцию машиностроения, такую как рыболовецкие суда, электрораспределительная аппаратура и бытовая электроника, и монотонно снижающимися внутренними производственными возможностями страны и региона.

2) Кризис системы управления промышленным комплексом страны и региона. Проявляется как уменьшение объемов и эффективности государственной финансовой поддержки промышленного комплекса, в том числе технологичных производств. Экономический механизм кризиса основан на противоречии между стремлением предприятий сохранить относительно высокий технологический уровень производств (что возможно только при систематической прямой финансовой поддержке государства) и необходимостью развития механизмов смешанного финансирования (что неизбежно ведет к снижению научно-технологического потенциала отраслей промышленности).

3) Локальные проявления финансового кризиса 2008 г. Экономический механизм данного кризиса основан на резком изменении спроса и цен на сырье и конечную продукцию на внешних рынках, бремени значительных внешних заимствований российских предприятий, а также сокращении госрасходов в стране, наполнение бюджета которой тесно привязано к экспорту углеводородного сырья.

Как следствие значительных технико-экономических отличий ОВТ ДВР, траектории их развития отличаются друг от друга (рис. 1). В частности, производство транспортных средств и оборудования за последние 7 лет пережило 2 периода глубокого кризиса, связанных с нехваткой заказов: 2006 г. и 2008–2009 гг. (полностью все месяцы указанных лет). Для производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования характерна как годовая, так и полугодовая периодизация кризисов: январь – июнь 2005 г., весь 2007 г., январь – сентябрь 2010 г. Производство машин и оборудования в регионе явной циклической динамики не имеет, реакция на кризис 2008 г. здесь была достаточно умеренной. Таким образом, для целого ряда технологичных предприятий финансовый кризис 2008 г. оказался гораздо меньшим внешним шоком, в сравнении с кризисом технологий и управления.

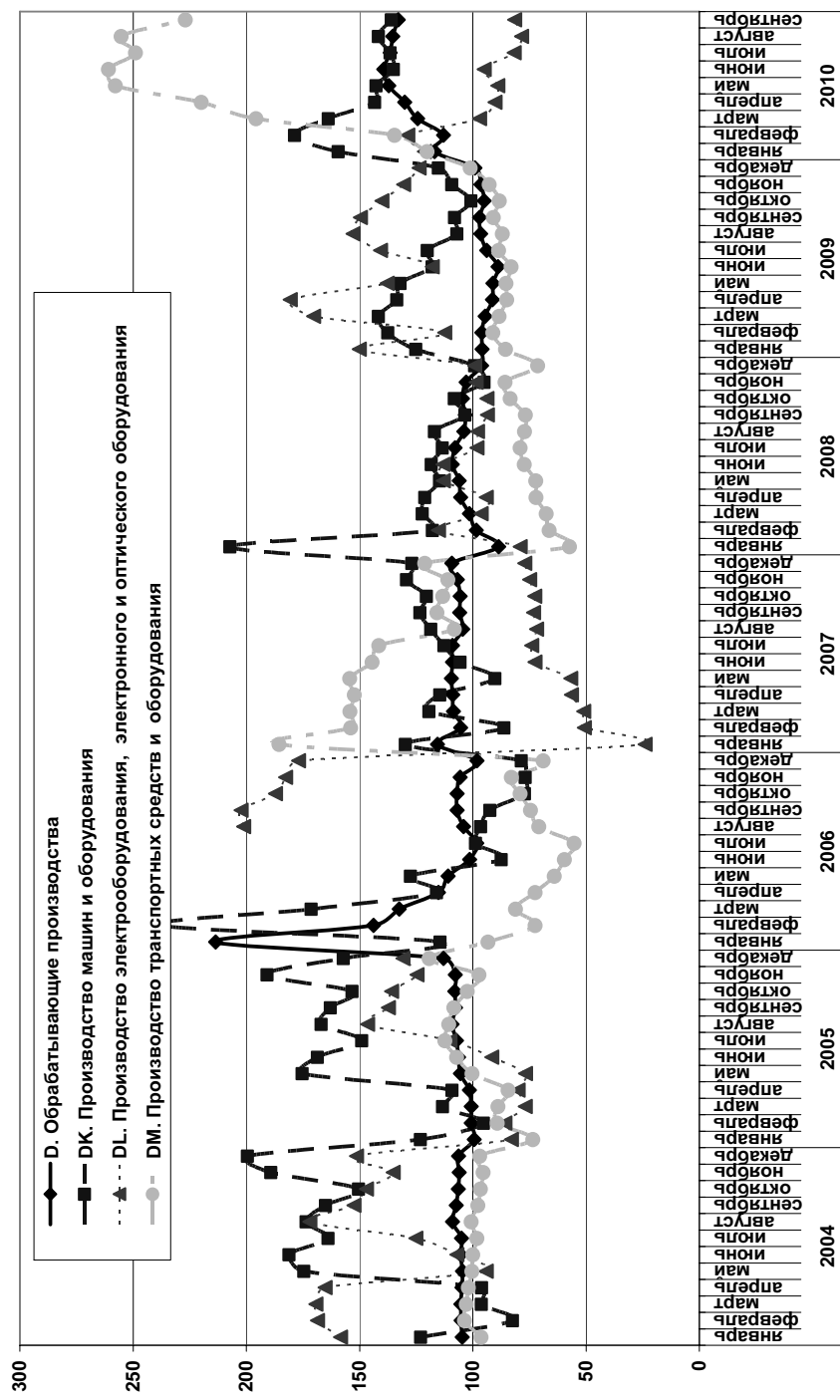

Рис. 1. Индекс производства, период с начала отчетного года в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: рассчитано по [1].

Сила финансового шока 2008 г. напрямую коррелирует со степенью вовлеченности предприятий в кредитно-финансовые отношения. Глубокий спад в производстве транспортных средств и оборудования тесно связан с высокой кредиторской задолженностью, которая в 2009 г. перекрывала сумму выручки почти в 2 раза (табл. 1). По мнению специалистов машиностроительных предприятий Хабаровского края, существующие условия кредитования для производств такого типа в регионе являются кабальными. Прежде всего, здесь следует отметить высокий процент кредитных ставок и обеспечение кредита залоговыми обязательствами в 2,5 раза превышающими размер кредита. При этом выделенные государством средства банкам на развитие реального сектора экономики фактически не попадают по назначению. Характерно, что положение предприятий, занятых в добыче нефти и газа при этом неуклонно улучшается. Как показал анализ прибыли ОВТ ДВР в разрезе основных бухгалтерских итераций, основные потери в период финансового кризиса такие предприятия несли в результате осуществления финансовой, а не основной хозяйственной деятельности.

Таблица 1

Удельный вес кредиторской задолженности в выручке (нетто) в экономике
Дальнего Востока России, %

Вид экономической деятельности	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	39,8	32,0	28,4	32,5	29,0	27,0	35,9
Добыча сырой нефти и природного газа	34,9	66,8	13,2	33,3	22,1	14,0	16,0
Д. Обрабатывающие производства	44,9	40,7	43,6	42,5	41,7	42,2	60,8
ДК. Производство машин и оборудования	60,8	54,3	40,3	39,6	40,9	52,1	59,5
DL. Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	26,2	25,2	25,4	36,4	39,4	25,7	25,9
DM. Производство транспортных средств и оборудования	58,3	69,6	155,0	139,4	114,4	135,7	187,2

Источник: рассчитано по [1].

В настоящее время, технологичные предприятия региона наиболее остро переживают дефицит собственных оборотных средств (табл. 2). Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами принимает низкие, часто отрицательные значения, при нормативном показателе 10%. Причину такой ситуации предприятия ОВТ видят в несовершенстве закона № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Как отмечается специалистами ряда предприятий, производители по этому закону сегодня не имеют возможности строить свои отношения с заказчиками на взаимовыгодных условиях, поскольку в число требований большинства тендеров является предоставление банковских гарантий и залогов.

Таблица 2

Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами в экономике Дальнего Востока России, %

Вид экономической деятельности	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	-32,2	-15	-15,5	-23	-15,7	-17,4	-25
Добыча сырой нефти и природного газа	-136,3	-27	39,8	-188,4	-49,5	-22,7	14,3
D. Обрабатывающие производства	2,3	-1,8	-0,6	-2,2	-4,2	-12,5	-13,5
DK. Производство машин и оборудования	-7,5	2,1	-14,3	-22,2	-6,3	-2,8	-1,5
DL. Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	12,2	3,5	7,9	-12,6	-17,9	9	6,2
DM. Производство транспортных средств и оборудования	35,6	35	22,7	18,8	16,2	8,4	7,3

Примечания. Коэффициент обеспеченности собственными средствами определяется как отношение собственных оборотных средств к величине оборотных активов предприятия. Собственный капитал в обороте вычисляется как разность между собственным капиталом организации и ее внеоборотными активами.

Нормативное значение коэффициента 10% (утв. пост. Правительства РФ от 20,05,1994 года № 498 «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий»).

Источник: рассчитано по [1].

Возможности перспективного развития предприятиями ОВТ ДВР связаны, главным образом, с их способностью привлекать капитал и квалифицированные кадры. С точки зрения инвестиционной привлекательности, ОВТ ДВР являются одними из наименее привлекательными в экономике. На протяжении длительного времени рентабельность активов здесь не поднимается выше 5%, нередко принимая отрицательные значения (табл. 3). В этой связи период финансового кризиса 2008 – 2009 гг. не стал особо заметным потрясением, лишь обнажив известные проблемы. При прочих равных условиях, т. е. в условиях отсутствия целенаправленной прямой государственной поддержки ОВТ в регионе, свободный капитал будет аккумулироваться в ресурсном секторе экономики.

Таблица 3

Рентабельность активов в отраслях экономики Дальнего Востока России, %

Вид экономической деятельности	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	3,6	8,5	6,2	4,5	5,5	2,9	4,2
Добыча сырой нефти и природного газа	5,6	0,4	26,5	2	1,4	32,1	29,7
D. Обрабатывающие производства	2,4	1	0,4	1	2,5	0,2	0,1
DK. Производство машин и оборудования	-1,3	-2,4	-1,5	2,4	1	3	3,4
DL. Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	1,7	1,8	2,7	-5,8	-1,1	5,3	-2
DM. Производство транспортных средств и оборудования	7,1	1,4	-1,8	-2,4	-0,8	-4,1	-0,9

Источник: рассчитано по [1].

Низкая привлекательность ОВТ ДВР распространяется также на рынок труда (табл. 4). Как видно, в 2009 г. средняя месячная заработная плата в добыче нефти и природного газа превышала средний по экономике уровень почти в 4 раза, тогда как заработная плата в ОВТ была меньше этого уровня на 5–20%. То есть на сегодняшний день какие-либо возможности для привлечения и закрепления высококлассных специалистов в данный сектор экономики практически отсутствуют.

Таблица 4

Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в отраслях экономики Дальнего Востока России к средней по экономике, %

Вид экономической деятельности	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего по экономике	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Добыча нефти и природного газа	245,4	287,5	298,7	356,1	341,2	363,8	393,6
D. Обрабатывающие производства	91,5	90,1	81,1	81,2	80,3	80,1	78,9
DK. Производство машин и оборудования	–	–	85,6	85,4	86,7	78,4	77,4
DL. Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	88,6	93,3	76,6	83,5	93,2	93,4	95,2
DM. Производство транспортных средств и оборудования	116,9	108,6	94,7	91,8	91,3	91,5	93,7

Источник: рассчитано по [1].

Подводя итоги, отметим, что финансовый кризис 2008 – 2009 гг. стал важным, но не основным фактором финансово-экономических потрясений в ОВТ ДВР. Гораздо более серьезную проблему для будущего развития таких отраслей представляет деградация кадрового и технологического потенциала в системе с отсутствием адекватных мер государственной поддержки.

Список литературы:

1. Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ. – <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Ларичкин Ф.Д., Глущенко Ю.Г., Фадеев А.М.

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ НА БАЗЕ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ НЕДР

Будущее человечества, по мнению многих исследователей, характеризуется как борьба за ресурсы. Устойчивое экономическое развитие стран во многом определяется имеющейся в их распоряжении базой природных ресурсов. Россия, обладая значительным природно-ресурсным, особенно минерально-сырьевым, потенциалом, при рациональном его использовании в течение 30–50 лет будет иметь преимущество по сравнению с экономически развитыми странами, природные ресурсы которых менее значимы и в значительной мере исчерпаны. В перспективе все будет зависеть от того, насколько эффективно будет решена проблема интеграции естественных ресурсов и достижений научно-технического прогресса, т. е. использованы современные ресурсосберегающие технологии геологоразведки, добычи и глубокой комплексной переработки природного сырья для производства конкурентоспособной на мировом рынке продукции с высокой добавленной стоимостью.

Положение России в глобализирующейся экономике в значительной мере определяется наличием стратегического запаса природных полезных ископаемых Севера и Арктики, который обеспечивает экономическую стабильность страны и выступает как будущий мировой энергетический центр. Север – крупнейшая ресурсная база планеты. По оценкам экспертов, привлекательных для долгосрочного инвестирования объектов на Севере России больше, чем в любом другом государстве.

Российская часть Евро-Арктического региона, включающая в себя субарктические и заполярные районы СЗФО (Республики Карелия и Коми, Архангельская и Мур-

манская области), представляет собой сегодня наиболее экономически развитый и урбанизированный регион в Заполярье. В регионе известно более 1000 месторождений и рудопроявлений полезных ископаемых, при этом 297 из них детально разведаны и учтены в Российском балансе минеральных ресурсов. В начале XXI века Россия получала из этого региона 100% циркония, редкоземельных металлов, титана, стронция, апатита, более 90% керамических пегматитов, нефелинов и ниобиевых концентратов, более 75% слюд, около 60% тантала и марганца, более 40% никеля и кобальта, 15–20% железа и меди, 8% алюминия. Подготовлены к освоению активные запасы алмазов (16% от общероссийских), хромовых руд (63%), высокоглиноземистого сырья для огнеупоров (99%), высокочистого кварца для плавки (80%), титана (более 60%). В регионе выявлено более 200 месторождений нефти и газа.

Большое разнообразие и запасы ценных сырьевых материалов в северных регионах СЗФО создают предпосылки для более активного развития горнодобывающей, нефте-газовой, металлургической и др. отраслей, а существующие предприятия требуют серьезной модернизации в направлении более полного использования добываемого сырья. Необходимость перехода к новой стратегии, основанной на концепции сбалансированного устойчивого природопользования и комплексного безотходного (малоотходного) использования добываемого сырья, очевидна как с позиций экономики, так и сохранения среды обитания.

Экономически и экологически наиболее эффективными направлениями воспроизводства, расширения и повышения экономической эффективности освоения минерально-сырьевой базы страны в современных условиях являются комплексное использование всех видов материальных ресурсов (на принципах экономической эффективности), отходов производства и потребления, организация рециклирования металлов и многих неметаллических соединений (стекло, огнеупоры, макулатура и т. п.), преимущественное производство строительных материалов на основе использования горно-промышленных отходов, повышение эффективности потребления энергии, применение энерго- ресурсосберегающих технологий, освоение и увеличение доли производства материалов и энергии на основе возобновимых видов ресурсов, ограничение неконтролируемого использования энергии, стимулирование применения более «чистых» альтернативных технологий и ресурсов.

На основе обобщения работ отечественных и зарубежных исследователей и сравнительного анализа принципиально возможных моделей монопродуктового, интегрированного (по типу конгломерата) и комбинированного (комплексного) производств на базе одного и того же месторождения многокомпонентного минерального сырья вы-

явлены специфические особенности и закономерности экономики комплексных производств. Доказаны существенные недостатки традиционной методологии оценки экономической эффективности извлечения (производства) каждого из ценных компонентов и комплексного использования сырья в целом, базирующейся на узкоотраслевом подходе, понятиях «основной» и «попутной» продукции, не имеющих строго научного обоснования. Теоретически обоснован, разработан и апробирован ряд новых методик, в частности определения предельных (браковочных) содержаний каждого из ценных компонентов в исходном минеральном сырье, ниже которых их извлечение, следовательно, учет в промышленных запасах экономически нецелесообразны. Браковочные содержания в дополнение к минимально-промышленному содержанию условного компонента (в пересчете на основной) позволяют более обоснованно оконтуривать промышленные запасы комплексных руд, расширить их ресурсы и экономическую эффективность эксплуатации месторождений [3; 4].

Исключительно важным резервом расширения ресурсной базы является эффективная организация сбора и переработки амортизационного лома – вторичного сырья, образующегося в результате вывода из эксплуатации изношенных основных фондов, металлического скрапа (отходов машиностроительных заводов), освободившихся упаковочных материалов на производстве и в быту и т. д. Переработка накопленного за предшествующее время металлического фонда и ряда неметаллических соединений (причем неоднократно) позволяет ограничить объемы изъятия из недр невозобновимых первичных минеральных ресурсов при резком сокращении затрат на производство и вредных выбросов в окружающую среду [1]. Использование комплексных подходов к использованию ресурсов недр, учитывающих прежде всего необходимость максимального использования добываемого сырья, обеспечивает возможность уменьшения отходов в среднем на стадии добычи в два раза, на стадии обогащения – в десять раз и на стадии глубокой химико-металлургической переработки – в шесть раз [2; 6].

Однажды полученный из руды, например, алюминий при его последующем многократном применении в виде изделий рассматривается как своего рода «энергетические консервы», позволяющие существенно экономить энергию, резко уменьшить загрязнение окружающей среды (т. е. и «экологические консервы») и сохранить для будущих поколений невозобновимые ресурсы недр.

Необходим пересмотр действующих ставок платежей за сбросы и выбросы загрязняющих веществ и размещение отходов [5; 7] в сторону повышения теоретически до размеров наносимого ущерба, что одновременно будет способствовать более объек-

тивной оценке и повышению эффективности комплексного использования ресурсов и утилизации горнопромышленных отходов.

Реализация перечисленных направлений позволит существенно ограничить объемы изъятия из природной среды первичных ресурсов без снижения достигнутых объемов производства и потребления и обеспечить, таким образом, переход от экспортно-сырьевого к эколого-сбалансированному, ресурсосберегающему, ресурсно-инновационному типу экономики, сохранение и упрочение конкурентных позиций страны на мировых сырьевых рынках. Достижение этого невозможно без государственного регулирования недропользования, введения обоснованных платежей за загрязнение, стимулирующих комплексную многопродуктовую и малоотходную переработку первичного рудного сырья и горнопромышленных отходов (всей совокупности георесурсов).

Парадигма комплексного использования георесурсов заключается в повсеместном применении ресурсосберегающих технологий, обеспечивающих сокращение потребления экономических ресурсов на единицу продукции по всей технологической цепи от геологоразведки до получения конечной продукции. В основу комплексного использования сырья закладываются экономические и экологические интересы – стремление производить максимум конкурентоспособной продукции с более высокой потребительской стоимостью и минимизировать отрицательное воздействие на природную среду, что особенно важно для регионов Севера и Арктики.

При переводе экономики России с сырьевого на инновационный путь развития северные области СЗФО могут стать главной базой снабжения страны остродефицитными стратегическими материалами, без которых невозможны, ни модернизация, ни развитие высокотехнологичных областей промышленности, ни обеспечение технологической безопасности России, потерянной после распада СССР и разрушения интегрированных производственных систем Минсредмаша СССР. Из утвержденного распоряжением Правительства РФ от 16 января 1996 г. № 50-р перечня из 29 основных видов стратегического минерального сырья 20 могут производиться в регионе: нефть, природный газ, уран, хром, титан, бокситы, медь, никель, молибден, цирконий, тантал, ниобий, кобальт, скандий, литий, германий, рений, редкие земли, золото, платиноиды, алмазы, особо чистое кварцевое сырье.

Для эффективного использования потенциала региона необходимо в приоритетном порядке с использованием современных кластерных стратегий создать в регионе ряд новых высокотехнологичных горно-металлургических и химических корпораций, ориентированных в первую очередь на обеспечение национальных потребностей в

стратегических материалах, для получения которых требуется не только добыча сырья, но и его глубокая переработка. Важнейшими из перспективных кластеров должны стать:

- Кольский горно-химический кластер для обеспечения страны высокочистыми соединениями и сплавами тантала, ниобия, титана, циркония, редких земель, иттрия, лития, рубидия, цезия, тория, никеля, меди, кобальта, платины, палладия, огнеупорами на основе хромитов и кианитов, высокочистым кварцем, природными сорбентами на основе слюд для борьбы с нефтяным загрязнением и захоронения высокотоксичных отходов.

- Горно-металлургический кластер Коми для обеспечения страны нефтью, титаном, бокситами и глиноземом, золотом, баритом.

- Штокмановский межрегиональный кластер для освоения одноименного газоконденсатного месторождения на шельфе Баренцева моря, организации производства сжиженного природного газа в Мурманской области и обеспечения природным газом западных регионов СЗФО.

- Архангельский кластер для добычи алмазов.

- Межрегиональный глиноземно-цементный кластер для восполнения острого дефицита цемента в СЗФО за счет более полного освоения хибинских нефелинов в сочетании с архангельским и норвежским карбонатным сырьем с попутным производством глинозема, соды и поташа.

Научно-инновационный потенциал региона, опирающийся на мощные исследовательские объединения Санкт-Петербургского, Кольского, Карельского и Коми научных центров Российской академии наук, вузовскую науку региона, способен обосновать оптимальный выбор современных технологических схем новых производств и поддержать их непрерывное совершенствование в дальнейшем, что является обязательным условием для успешной конкуренции на рынках стратегического сырья.

Список литературы:

1. Глобализация и рынки минерального сырья / А.Е. Воробьев, Г.А. Балыхин, С.Ф. Усманов, Т.Ф. Чекушина; под ред. д-ра техн. наук, проф. А.Е.Воробьева. – Бишкек: Изд. КРСУ, 2003.

2. Каплан Е.Л., Литовка О.П., Новиков Э.А. Социально-экономические аспекты рационального природопользования в регионе. – Л.: Наука, 1989.

3. *Ларичкин Ф.Д.* Научные основы оценки экономической эффективности комплексного использования минерального сырья. – Апатиты: КНЦ РАН, 2004.
4. *Ларичкин Ф.Д.* Оценка экономической эффективности комплексного использования минерального сырья. – Апатиты: КНЦ РАН, 2005.
5. Любишь мусорить – плати // Мурманский вестник. – 2004. – № 10(3153). – 17.01.04 г.
6. *Макаров Г.С.* Развитие производства вторичного алюминия в России // Цветные металлы. – 2004. – № 1.
7. Экология и экономика природопользования / под ред. проф. Э.В. Гирусова, проф. В.Н. Лопатина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2002.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов

(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Латкин А.П., Кузьменко М.Д.

**МНИМЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА РОССИИ**

Реализация масштабных капиталоемких инвестиционных проектов с участием государственных средств в отдельных регионах России за последние годы дает основание многим экспертам прогнозировать общее оживление экономики. Впоследствии это находит отражение в целевых показателях разрабатываемых проектов схем территориального планирования и стратегий социально-экономического развития регионов до 2025 года. Анализируя запланированные результаты реализации стратегий по семи регионам Дальневосточного федерального округа можно отметить сохранение позитивных темпов ежегодного роста инвестиционных расходов хозяйствующих субъектов, в том числе в 2013 году, т. е. после завершения проектов подготовки г. Владивостока к проведению Саммита АТЭС в 2012 г. (табл. 1). Отметим, что на пике указанной активности в 2013 году окажутся два региона: Приморский и Хабаровский края, как территории, наиболее тесно интегрированные в осуществление строительных процессов на о. Русский. Однако и по другим регионам ДФО количество реализованных инвестиционных проектов фирм увеличится в 2013 г. на 17–20% по сравнению с 2012 годом.

Согласно прогнозным данным рост инвестиционных расходов будет возможным в результате реализации системы приоритетных направлений в рамках следующих регионов ДФО:

- Хабаровский край: развитие и повышение эффективности энергетической инфраструктуры; развитие и совершенствование транспортной инфраструктуры; повышение эффективности использования природных ресурсов; обеспечение инновационности развития экономики края. Ключевые инвестиционные проекты: «Строительст-

во линии электропередачи 500 кВ «Ургальская ТЭС – Комсомольская» (объем инвестиций – 16,7 млрд рублей за счет средств частного инвестора); «Строительство комплекса глубокой переработки нефти на ООО «РН – Комсомольский нефтеперерабатывающий завод» (объем инвестиций – 19,0 млрд рублей за счет средств ОАО «НК «Роснефть»); «Строительство магистрального газопровода «Сахалин – Хабаровск – Владивосток» (объем инвестиций – 220,0 млрд рублей за счет средств ОАО «Газпром»).

Таблица 1

Основные целевые показатели стратегического развития отдельных регионов

ДФО, в % к прошлому году

Регион ДФО	Индекс промышленного производства по полному кругу организаций			Инвестиции в основной капитал			Работы и услуги по ВЭД «Строительство»			Денежные доходы в среднем на душу населения		
	2008	2013	2025	2008	2013	2025	2008	2013	2025	2008	2013	2025
	/	/	/	/	/	/	/	/	/	/	/	/
	2007	2012	2024	2007	2012	2024	2007	2012	2024	2007	2012	2024
Приморский край	108,4	123,9	121,6	112,0	126,6	145,5	123,1	139,1	203,5	100,0	113,0	165,3
Хабаровский край	87,1	113,6	113,8	100,4	113,5	130,5	100,7	113,8	166,5	114,0	128,8	188,5
Амурская область	108,4	123,9	121,6	100,8	113,9	121,0	119,3	134,8	197,2	120,6	136,3	199,4
Камчатский край	105,1	120,1	127,3	103,8	117,3	124,9	123,3	139,3	203,8	116,9	132,1	193,3
Магаданская область	102,4	117,0	123,8	105,2	118,9	126,7	126,9	143,4	209,8	112,4	127,0	185,8
Сахалинская область	87,0	129,4	130,7	82,5	115,2	127,2	67,8	116,6	122,1	120,9	136,6	199,9
Республика Саха (Якутия)	104,3	119,2	136,3	105,6	119,3	127,2	108,0	122,0	178,5	113,0	127,7	186,8
В среднем по ДФО	100,4	121,0	125,0	101,5	117,8	129,0	109,9	129,9	183,1	114,0	128,8	188,4

- Камчатский край: развитие морехозяйственной деятельности, туризма, минерально-сырьевого комплекса; создание агломерации; ключевые инвестиционные проекты «Развитие порта Петропавловск-Камчатский до 2015 г.» (объем инвестиций – 205 млрд рублей, из которых 61% – за счет средств федерального бюджета); вложения в инвестиционные объекты санаторно-курортной зоны «Паратунка» (объем инвестиций уточняется).

- Сахалинская область: обеспечение высоких показателей качественного человеческого капитала; инновационное развитие и рост конкурентоспособности экономики; активизация развития малого бизнеса. Ключевые инвестиционные проекты: «Создание биотехнопарка «Курильская гряда»; «Строительство нефтегазохимического комплекса в п. Ильинский Томаринского района»; «Создание транспортного коридора Евросоюз – Россия – Япония со строительством железнодорожной линии Ныш – Селихино (Хабаровский край) с тоннельным (мостовым) переходом через пролив Невельского»; «Строительство электростанции «Сахалинская ГРЭС-2» (объем инвестиций по каждому проекту уточняется).

- Магаданская область: освоение новых крупных месторождений бурого угля, нефти и газа, активизация геологоразведки, разработка новых месторождений драгоценных металлов, меди и железных руд. Ключевые инвестиционные проекты: «Строительство Усть-Среднеканской ГЭС на р. Колыма» (объем инвестиций – 33,8 млрд рублей, из которых 84% – средства инициатора проекта РАО «ЕЭС» «Производственно-энергетическая компания Колымы» ОАО «Колымаэнерго»); «Техническое перевооружение Магаданского морского торгового порта» (объем инвестиций – 0,5 млрд рублей за счет привлеченных инициатором – ОАО «Магаданский морской торговый порт» – средств).

- Амурская область: наращивание объемов добычи золота, а также начало добычи других металлических руд и прочих видов минерального сырья и продолжении увеличения объемов геологоразведочных работ; повышение финансовой устойчивости и эффективности использования потенциала энергетического сектора; создание предприятий машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности в рамках деятельности будущей производственно-промышленной зоны. Ключевые инвестиционные проекты: «Освоение Евгеньевского месторождения апатитов» (объем инвестиций – 1,2 млрд рублей, из которых 50% – за счет средств иностранных инвесторов); «Строительство нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплекса в г. Сквордино» (объем инвестиций – 180,0 млрд рублей, состав инвесторов и доля софинансирования уточняются); «Строительство Нижнее-Зейской и Нижнее-Бурейской ГЭС»

(объем инвестиций – 55,2 млрд рублей, из которых 50% – за счет средств инициатора проекта ОАО «РусГидро»).

В случае успешного поиска соинвесторов заявленных проектов и плановой последовательности их реализации можно ожидать наступления для экономики округа многих позитивных эффектов. Одним из таких эффектов может стать приращение основного капитала предприятий ДФО за период 2010–2015 г. примерно на 331,4 млрд рублей в ценах 2009 года, что создаст стимул для активизации строительных услуг, стоимостной объем которых к 2024 г. по ряду регионов ДФО прогнозируется с ежегодным двукратным увеличением (см. табл. 1). Сообразно этому мультипликативный эффект должен распространиться на оживление производств в других видах экономической деятельности, дав рост индекса физического объема промышленности, среднедушевых денежных доходов населения. Таковы позитивные прогнозы и оптимистические перспективы развития Дальнего Востока России. Вместе с тем, анализируя данные официальной статистической отчетности можно сформулировать совершенно иные выводы.

Прежде всего, рассмотрим общее состояние имущественной базы предприятий округа, на которые возложена миссия реализации масштабных инвестиционных проектов развития. Здесь важно отметить, что из девяти регионов ДФО только четыре являются наиболее капиталоемкими, сосредоточивая на своих территориях более 10% основных фондов: Приморский и Хабаровский край, Сахалинская область, Республика Саха (Якутия) (рис. 1).

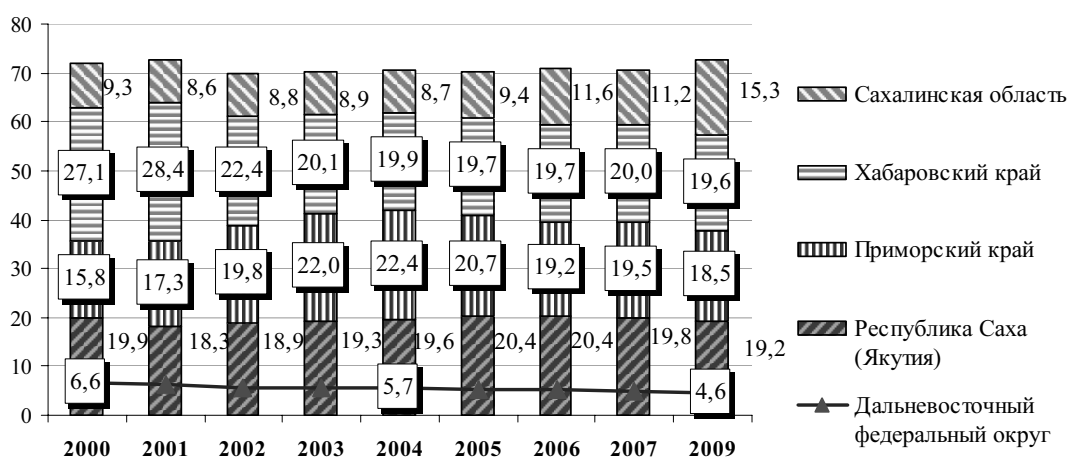

Рис. 1. Доля основных фондов регионов ДФО в сумме активов округа и ДФО в сумме активов Российской Федерации, в %

Примечание. По полному кругу организаций по полной учетной стоимости на конец года.

Можно сказать, что преимущественно данные территории имеют основание выступать некими «локомотивами» инвестиционной активности округа. Однако видно, что за последние девять лет доля активов (в объеме основных фондов округа) сокращена в Хабаровском крае и Республике Саха, соответственно, на 7,5 и 0,7 процентных пункта (п.п.) и увеличена в Приморском крае и Сахалинской области, соответственно, на 2,7 и 6,0 п.п. При этом, если в Хабаровском крае сокращение доли активов осуществлялось ежегодно и поступательно, что можно интерпретировать, в том числе, и как возможное уменьшение неликвидных активов, то в Приморском крае динамика неравномерна и показывает резкий спад в 2005 г., когда начался массовый отток иностранного капитала из муниципалитетов, где базировались предприятия легкой промышленности и активизировались процедуры банкротства муниципальных предприятий сферы ЖКХ. В некотором смысле «выравнивает» ситуацию в Приморском крае осуществление проекта по подготовке г. Владивосток к проведению Саммита АТЭС и в Сахалинской области – завершение проектов Сахалин-1, Сахалин-2, однако эти проекты, хоть и масштабны, но строго точечны, ситуативны и, к сожалению, не распространяют мультипликативного «оздоравливающего» эффекта на состояние других предприятий в указанных регионах. Этот вывод, в частности, подтверждает сопоставление степени износа основных фондов в среднем по предприятиями округа и ввода в эксплуатацию новых фондов (рис. 2).

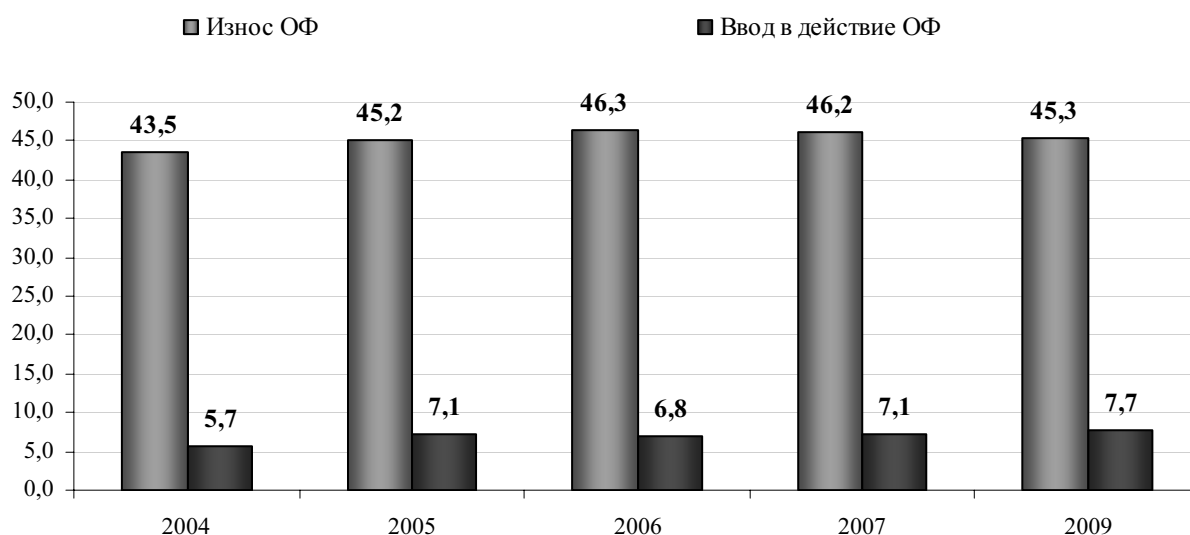

Рис. 2. Сопоставление степени износа основных фондов и ввода в действие новых активов в среднем по ДФО, в % к стоимостному объему основных фондов

Видно, что практически половина производственных активов (в широком смысле этого понятия) предприятий ДФО является физически и технологически устаревшей.

Это – достаточно известный факт, который в приложении к перспективе осуществлять масштабные инвестиционные проекты означает острую необходимость модернизировать региональные производства. Следовательно, не сложно сделать вывод, что из 100% инвестиций по проектам около 45% будут направлены на восполнение материально-технической базы, на поддержание текущей деятельности компаний, а не в их стратегическое развитие. И, прежде всего, обозначенный вывод будет справедливым для предприятий, занятых в области рыболовства и рыбоводства (рис. 3), в производстве и распределении электроэнергии и воды, в сфере транспорта и связи. Это убедительно подтверждается текущей практикой инвестиционной деятельности филиалов крупнейших компаний Дальнего Востока, как например ОАО «Дальневосточная компания электросвязи», ОАО «Дальневосточная энергетическая компания».

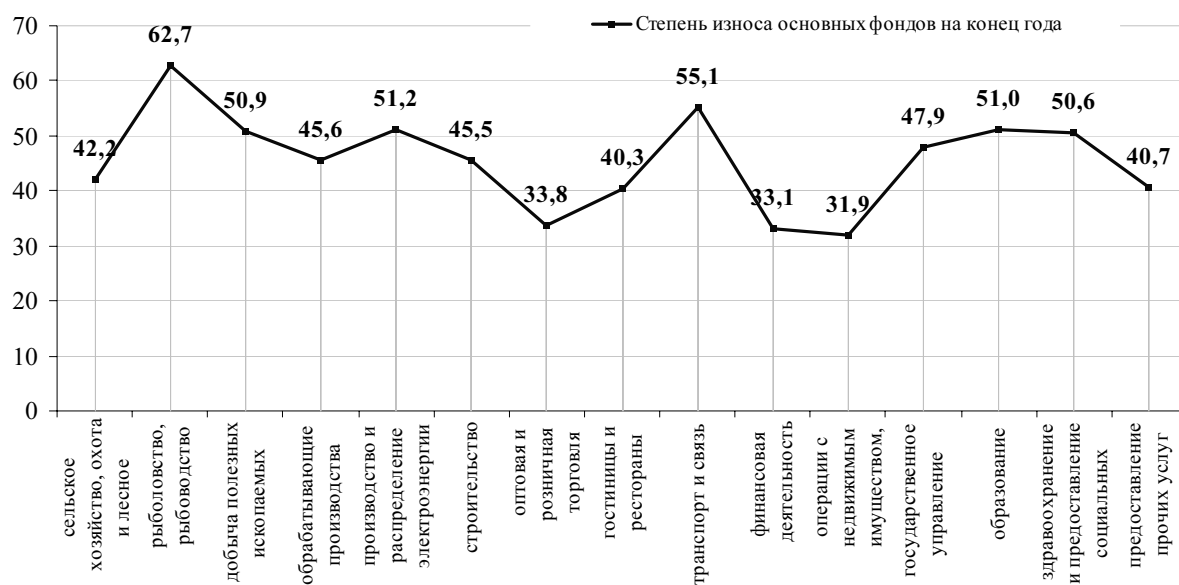

Рис. 3. Степень износа основных фондов предприятий округа в зависимости от вида экономической деятельности, в % от суммарной стоимости активов

Анализ ежегодных инвестиционных планов данных компаний за период 2006–2009 г. показал, с одной стороны, преобладание в их составе проектов, с так называемой качественной отдачей, не подразумевающих возврат капитала и направленных либо на обновление производств, либо на инфраструктурную поддержку предприятий. С другой стороны, большую долю в составе инвестпланов данных монополистов занимают проекты с «финансовой» отдачей, прирост капитала по которым станет возможным по истечении определенного количества лет после ввода объектов в эксплуатацию. Причина этому – капиталоемкость модернизационных работ, как это имеет место в

проектах строительства сетей Metro Ethernet, что входит также в векторы стратегического развития Приморского, Хабаровском краев, Магаданской и Амурской областей.

Анализируя динамику доли ДФО в российском показателе ввода в эксплуатацию новых активов (см. рис. 2) можно найти повод для осторожного оптимизма, увидев в ней рост модернизации производственных фондов. Однако, исследование структуры работ, входящих в состав данного показателя, показывает, что основная активность сконцентрирована в части общестроительных работ по возведению зданий (рис. 3) – на уровне 35,7% в объеме работ, строительству автомобильных дорог (11,2%), мостов, тоннелей, подземных дорог (11,1%), магистральных трубопроводов, линий связи и линий электропередачи (9,8%). Безусловно, подобное распределение может демонстрировать намерение власти развивать производственную инфраструктуру, однако в чистом виде не отражает обновление непосредственных производственных фондов предприятий реального сектора экономики округа.

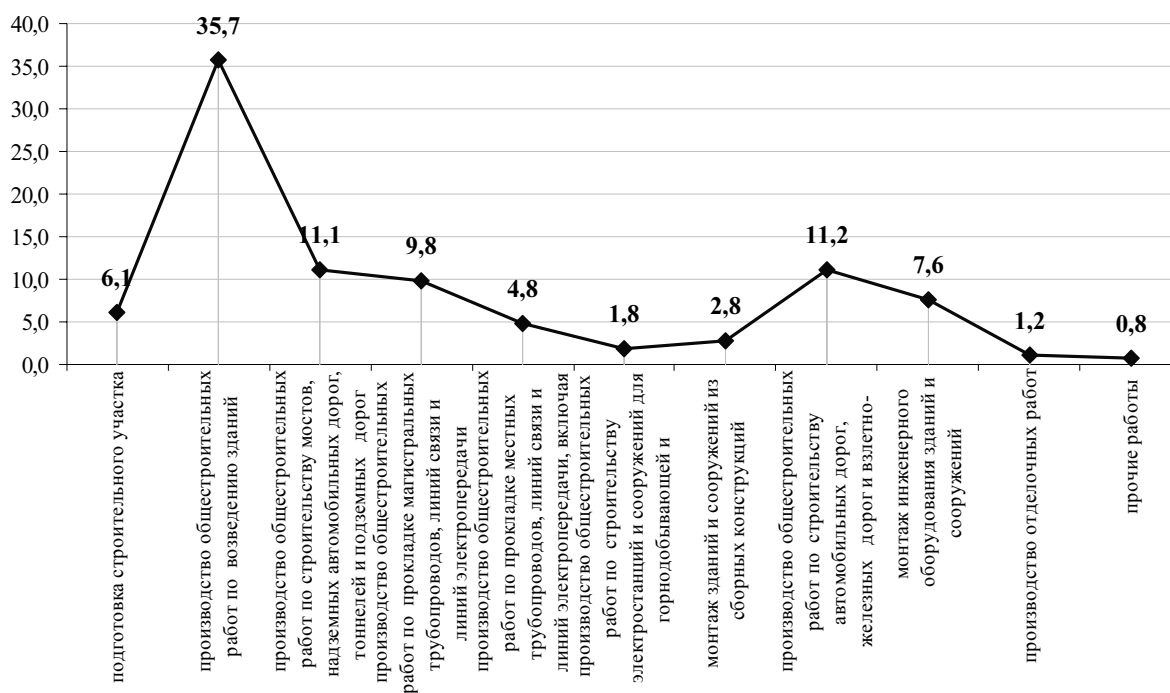

Рис. 3. Структура работ, входящих в состав расчета статистического показателя «ввод в действие основных фондов» по ДФО, 2009г., в % к значению показателя

Вторым значимым фактором более реальной оценки перспектив развития Дальнего Востока России является динамика сальдо производственных инвестиций. Как видно из представленных данных (рис. 4), за последние шесть лет сальдо капитала со-

кращено на более чем существенные величины, и прежде всего, за счет снижения притока прямых иностранных инвестиций в округ практически в два раза.

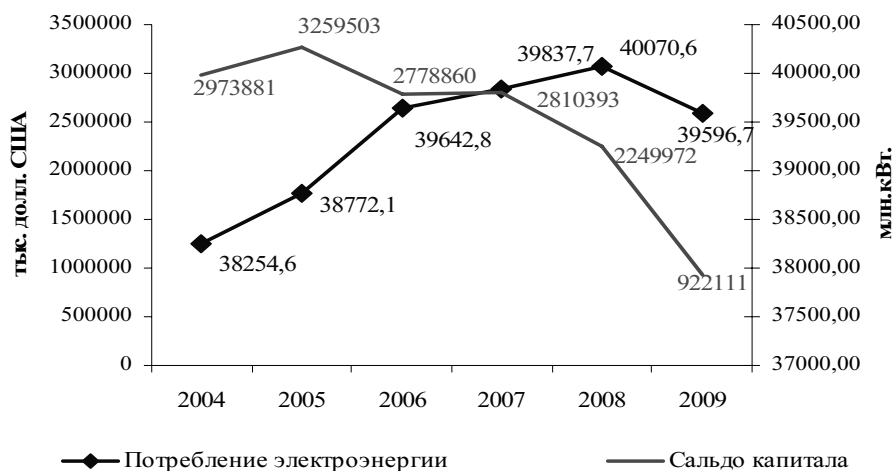

Рис. 4. Динамика сальдо инвестиционного капитала ДФО, тыс. долларов США

Рис. 5. Географическое распределение прямых иностранных инвестиций по регионам ДФО, 2009 год, тыс. долларов США

Географическая структура распределения иностранных инвестиций по итогам 2009 года (рис. 5) показывает преобладающую их концентрацию в Сахалинской области по понятным причинам. Вместе с тем очевидно, что реализация инвестиционных проектов в Приморском крае либо не вызвала должного интереса со стороны иностранных инвесторов, либо проведена в форме, исключающей их участие и влекущей за собой рост бюджетных инвестиций Российской Федерации, а стало быть – повышение налоговой нагрузки на предприятия реального сектора экономики.

Между тем, отметим еще раз, что сальдо капитала характеризуется положительной динамикой, что, в идеале, должно, так или иначе, стимулировать деловую активность предприятий Дальнего Востока России. Однако, анализируя динамику показателя как «потребление электроэнергии по субъектам Российской Федерации» (рис. 4) можно отметить отсутствие четкой взаимосвязи между указанными экономическими параметрами. Это еще раз убедительно указывает на существенное различие между планируемыми, и подчас декларируемыми, намерениями властных структур в части экономического развития экономики округа и реальными возможностями их реализации.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Леонов С.Н.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ¹

Говорить о вариантах развития российской экономики и просто, и сложно одновременно. Просто, в силу существования значительного числа прогнозов, подготовленных как международными организациями, так и российскими государственными и негосударственными организациями.

Подобная широта взглядов оборачивается другой своей стороной, – при столь большом разнообразии подходов и мнений, результаты прогнозов сильно разнятся, что затрудняет возможность их верификации и окончательного выбора.

Представляется, что активный интерес и дискуссия о вариантах развития российской экономики, новых источниках и механизмах управления, определяется изменениями экономической ситуации, диктуемыми изменением глобальных тенденций и вызовов.

Основные моменты, на которых необходимо остановиться:

- тенденции и вызовы для России,
- конкурентные преимущества России,
- перспективы развития российских межотраслевых комплексов.

Глобальные тенденции и вызовы

Построение долгосрочного прогноза национального социально-экономического развития требует учета основных глобальных тенденций и вызовов мировому развитию.

¹ Работа подготовлена при поддержке проектов № 09-П-УО-10-001, 09-И-П24-01.

Проблему неопределенности в развитии внешней среды для любого государства устранить невозможно, но можно структурировать неопределенности в развитии внешней среды.

Для России подобный подход позволяет выделить два фактора, которые будут наиболее сильно воздействовать на макропараметры ее экономики в прогнозном периоде:

Во-первых, нарастающее изменение паритета силы мировых экономических центров. К сложившимся в середине XX века центрам силы (США, ЕС и азиатская часть АТЭС) уже добавились такие крупные игроки, как Китай, Индия, Бразилия, Иран. Новые центры силы меняют конфигурацию мировой торговли, валютной сферы, потоков капитала и трудовых ресурсов.

Россия ввиду своей огромной территории, контактирует с крупнейшими мировыми экономическими группировками в различных ее частях. Именно изменение паритета силы мировых экономических центров будет определять изменения на основных направлениях экономической интеграции России в мировое хозяйство – европейском, южно-азиатском или дальневосточном.

Во-вторых, рост инновационной активности увеличивает скорость изменения ключевых мирохозяйственных тенденций, сильно влияет на повышение неопределенности развития внешней среды. Ранее страны мира путем заимствования технологий могли выиграть в индустриальном соревновании. Вспомним опыт Германии, за XIX век сделавшей скачок от малозаметной страны до великой державы, США, из аграрной страны превратившиеся в первую экономику мира... (Сталинская индустриализация СССР – пример из этой же серии).

В настоящее время, сделав ставку на заимствованные технологии, выйти на первое место невозможно. Система конкуренции в индустриальном развитии изменилась. Рост скорости и многовекторности мирового развития усложняет задачу долгосрочного прогнозирования.

Крайне важным становится оптимальное распоряжение потенциалом конкурентных преимуществ, которым располагает та или иная держава.

Конкурентные преимущества России

В условиях стремительно глобализующегося мира, наиболее «комфортно» смогут чувствовать себя те страны, которые сумеют оптимально использовать собственные ресурсы для удовлетворения потребностей мирового сообщества. При этом ряд стран сможет не только адаптироваться к этой ситуации, но и выиграть от нее, воздействуя на мировые потребности (в определенной мере формируя среду) путем рационального ис-

пользования особо значимых с мировой точки зрения ресурсов (сырьевых, технологических и др.), становящихся конкурентными преимуществами стран в стратегической гонке.

Реальные конкурентные преимущества России с точки зрения возможностей удовлетворения потребностей цивилизации, можно разделить на четыре группы: ресурсные (энергетические и водные); технологические; аграрные; транспортно-транзитные.

I. Ресурсные преимущества России зиждутся на разведанных запасах углеводородов и водных ресурсах.

Одно из главнейших российских преимуществ – наличие традиции освоения и реальная независимость по топливно-энергетическим ресурсам. Разведанных запасов нефти и газа в стране хватит на 34 и 75 лет добычи, соответственно. Главной задачей на перспективу остается освоение новых месторождений и диверсификация поставок за счет азиатских потребителей. Главным вызовом здесь может явиться значительное увеличение себестоимости добычи. Стоимость добычи нефти к 2030 году, по существующим оценкам, возрастет в полтора раза, капитальные вложения на тонну добычи – в 1,3 раза, газа – в 1,5 и 1,7 раза, соответственно. У страны при этом есть шансы сохранить устойчивые позиции в мировом энергетическом секторе при условии, что российские добывающие отрасли будут развиваться на инновационной основе, поскольку за ресурсами они идут все дальше на Север и все глубже (наиболее известный пример – «Арктика»).

Наряду с нефтегазовыми ресурсами, одним из самых ценных ресурсов для России на мировом рынке может стать вода. Пресная вода – наиболее интенсивно расходуемое природное богатство. В настоящее время в среднем за сутки ее мировое потребление достигает объемов, равных годовой добыче всех полезных ископаемых. При этом только 0,3% всего объема воды на Земле приходится на пресные поверхностные воды (реки, ручьи, озера, болота).

Люди уже используют более половины всего доступного стока поверхностных вод. Ожидается, что к 2025 г. этот показатель возрастет до 70%.

Россия, где проживает 2,5% населения планеты, обладает десятой частью мировых водных ресурсов и является одной из наиболее благополучных стран мира, занимая второе место по запасам ресурсов пресных вод (табл. 1).

Страны-лидеры по запасам ресурсов пресных вод

Страна	Км ³	%
Бразилия	6950	14,8
Россия	4500	9,6
Канада	2900	6,2
Китай	2800	6,0
Индонезия	2530	5,4
США	2480	5,3
Бангладеш	2360	5,0
Индия	2068	4,4
Венесуэла	1320	2,8
Мьянма	1100	2,3
Всего в мире	47000	100,0

Как видим, всего 10 стран мира обладают более 60% мировых запасов пресной воды. И хотя в их число входит Китай, но, учитывая достигающую 90% загрязненность рек Китая, жители Поднебесной уже сегодня испытывают дефицит воды. По существующим оценкам, если среднедушевое потребление воды в мире будет увеличиваться и сохранятся темпы загрязнения основных источников, то уже к 2030 году использование годового запаса пресной воды на Земле приблизится к своему пределу.

Водный кризис может оказаться самым сильным вызовом мировому сообществу в не столь отдаленной перспективе.

Как в этих условиях строить стратегию страны?

По существующим оценкам, о глобальном рынке воды, подобного рынку нефти, речи идти не может, так как воды расходуется больше чем нефти в 100–200 раз, и организовывать ее транспортировку в подобных масштабах экономически абсолютно нереально. Отвечать на потребности жаждущего мирового сообщества в этих условиях целесообразно производством водоемкой продукции. Речь идет о продукции электроэнергетики, практически всех подотраслей цветной и черной металлургии, целлюлозно-бумажной и химической промышленности, сельского хозяйства. Для РФ эти отрасли традиционно составляют основу промышленного ядра. При этом развитие водоемких отраслей должно базироваться на инновационных технологиях, поскольку хотя водо-

емкую продукцию нельзя произвести без больших затрат воды, но сами эти затраты следует снижать...

II. Инновационные (технологические) преимущества России не столь блестящи, как ресурсные. Россия входит в тройку лидеров по числу занятых в сфере исследований и в число 15 стран-лидеров по абсолютным масштабам затрат на НИОКР, но эффективность их использования – одна из самых низких в мире. При максимально эффективном управлении технологическим потенциалом, к 2030 году Россия может нарастить экспорт высокотехнологичной продукции в несколько раз. В противном случае страну ждет технологическая стагнация.

III. Сложная ситуация складывается с использованием аграрного потенциала. С одной стороны, в стране утеряна вся технология внесения удобрений, машинный парк критически изношен, более 80% российской пашни размещено в зонах неустойчивого увлажнения, производство продовольствия на имеющихся и потенциально доступных землях требует существенных инвестиций и привлечения квалифицированной рабочей силы.

С другой стороны, – страна занимает первое место в мире по площади сельскохозяйственных угодий и второе – по объему запасов пресных вод. По существующим оценкам, в условиях надвигающегося продовольственного и водного кризисов при интенсификации сельского хозяйства, Россия смогла бы прокормить 10% населения мира.

III. Транспортно-транзитные преимущества России не бесспорны. Для компенсации потерь транзитных потоков в связи с развалом СССР, РФ должна не только стремиться сохранить и увеличить транзитный грузопоток «Восток-Запад» (за счет использования Транссиба), который может быть «перехвачен» Китаем (альтернативный проект ТРАСЕКА). Важно создание принципиально новых международных транспортных коридоров (Север-Юг, Восток-Запад, Северный морской путь), а также оптимальное сочетание трубопроводного и морского транспорта в экспортных перевозках.

Резюмируя, отметим, что мировая экономика входит в неустойчивое, переходной состояние, характеризующееся возвышением новых центров силы, усилением процессов глобализации, масштабными технологическими изменениями.

Подобные перемены создают для России «окно возможностей», позволяющее эффективно позиционироваться в мировой экономике, обеспечив реализацию собственного конкурентного потенциала, что может обеспечить России значимое место среди конкурирующих центров силы мировой экономики. С другой стороны, усиление борьбы за ресурсы развития создает риск стать лишь пространством борьбы между внешними игроками (США, Евросоюзом и Китаем) (Первые признаки подобной борь-

бы, например, вокруг прохождения трасс трубопроводов в Европе и в Азии, наблюдаются уже в настоящее время).

Подробнее рассмотрим возможные последствия реализации глобальных вызовов и существующих конкурентных преимуществ для роста основных российских межотраслевых комплексов.

Перспективы развития российских межотраслевых комплексов в условиях реализации международных вызовов

Место Российской Федерации среди других стран в значительной мере определяется условиями формирования внешнего спроса на продукцию крупнейших российских межотраслевых комплексов.

Более подробно остановимся на характеристике стратегических тенденций в развитии межотраслевых комплексов России.

Энергосырьевой комплекс Российской Федерации. На фоне небольшого расширения потребления сырьевых материалов и энергоносителей в Европе, роста потребления энергоносителей в Северо-американском регионе, прогнозируется резкий рост потребления в Восточной Азии (прежде всего – в Китае).

Для России именно Китай может стать перспективным рынком сбыта.

Отметим, что экстраполяция сложившихся тенденций на энергосырьевых рынках возможна только до 2020–2025 годов. Именно до этого времени крупнейшие мировые агентства и компании прогнозируют сохранение в данном сегменте рынка сложившихся тенденций и технологий.

В перспективе 30–40 лет возможны 2 сценария развития энергетической отрасли:

– развитие принципиально новых технологий производства энергии из нетрадиционных источников;

– инерционное развитие ситуации. При этом ориентация энергетической стратегии России на использование традиционных источников энергии при отсутствии государственного стимулирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по получению электроэнергии из нетрадиционных источников, может привести к потере Россией места крупнейшего экспортера на мировом рынке и к зависимости страны от поставок оборудования для производства энергии из альтернативных источников.

Производство черной и цветной металлургии занимает значительную долю в экспорте российского энергосырьевого комплекса и ее перспективы связаны с использованием производственных мощностей, созданных в период индустриализации СССР. При прогнозируемом исчерпании запасов наиболее эффективных месторождений, росте себестоимости продукции, возможна потеря значительной части конкурентных

преимуществ. Наиболее перспективным рынком сбыта продукции черной и цветной металлургии могут выступить гиганты Азии – Китай и Индия.

Экспорт и импорт лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности отличается наличием «встречных потоков» в экспортно-импортных поставках. Значительные поставки продукции данной отрасли направляются в Европу, Китай, Японию, но одновременно из Европы и Китая ввозится широкий ассортимент продукции. При этом если экспортируется в основном древесина и сырье ее первичной переработки, то импортируется в основном готовая продукция мебельной и полиграфической промышленности с высокой долей добавленной стоимости. Перспективы изменения ситуации в значительной мере связаны с возможностью инновационного развития российской обрабатывающей промышленности.

Анализ структуры внешней торговли России показывает, что страна практически не экспортирует технологическое оборудование. Это не удивительно, учитывая положение, сложившееся в отрасли (табл. 2). Несмотря на продолжительные и достаточно внушительные темпы роста в предкризисный период, по большинству промышленных видов деятельности Россия все еще заметно отстает от дореформенного уровня.

Таблица 2

Динамика производства РФ по видам хозяйственной деятельности (1991=100%)

Показатель	2000	2007	2009
Добыча полезных ископаемых	74,3	103,5	102,5
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	80,9	116,6	115,7
Обрабатывающие производства	51,0	81,8	70,3
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	66,8	94,2	80,9
Производство машин и оборудования	32,3	58,7	43,7
Производство транспортных средств и оборудования	53,1	63,2	42,9

Источник: рассчитано по [1, с. 201; 2].

Как видно из приводимых данных, объем производства советского периода превышен только в добыче полезных ископаемых (особенно – топливно-энергетических ресурсов), что не удивительно, при наличии бурно возраставшего спроса на них со сто-

роны внешнего рынка. В обрабатывающей промышленности ситуация гораздо хуже, а по машиностроительной продукции – вообще удручающая. Так, и после 2000 года продолжалось падение выпуска металлорежущих станков (их производство упало к 2009 году до 4,8 тыс. штук, что в 11 раз меньше, чем в 1992г.), объем кузнечно-прессового оборудования хотя и вырос с 2000 г., но более чем в 7 раз уступал масштабам их производства в 1992 г. В электротехнике в 2008 г. крупных электромашин было изготовлено в 3 раза меньше, чем в 1992 г., а электродвигателей переменного тока – в 2 раза.

Можно предположить, что рост производства технологического оборудования возможен в тех секторах, где Россия имеет значительные преимущества в сфере технологий, при обеспечении высокого качества продукции и конкурентоспособности по цене, или при поставках машиностроительной продукции в качестве сопровождающей составляющей других (например, сырьевых) товаров (поставки нефти и газа упрощают экспорт в европейские страны технологического оборудования для их транспортировки).

Как следствие, в региональном разрезе для экспорта машиностроительной продукции приоритетными останутся страны СНГ, Восточной Европы, Восточно-Азиатские страны (в первую очередь – Китай и Индия), что определяется сложившимися историческими связями, географической близостью и сложившимися конкурентными преимуществами по соотношению «цена – качество» (речь идет о поставках грузовых автомобилей, продукции гражданской и военной авиации). Проникновение же на западноевропейские и северо-американские рынки возможно лишь с товарами, выпущенными на основе использования новых технологий.

В части продукции химической промышленности для Российской Федерации характерно преобладание в экспорте сырьевых товаров (углерод, инертные газы, кремний, редкоземельные металлы, удобрения), а в импорте – высокотехнологическая продукция (лекарства, инсектициды, ПАВ, средства парфюмерии, лаки, краски, столовая посуда).

Резюмируя, отметим, что в долгосрочной перспективе, учитывая условия реализации международных вызовов и собственные конкурентные преимущества, Россия имеет возможности к развитию традиционных, в значительной мере водоемких отраслевых комплексов, на базе инновационных водо- и трудосберегающих технологий.

Список литературы:

1. Россия в цифрах. 2008 / Росстат. – М., 2008.
2. Федеральная служба государственной статистики РФ. – www.gks.ru.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Ли Е.Л.

**РЫНОК ТРУДА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Параметры рынка труда на Дальнем Востоке до 2030 г., будут меняться под действием множества факторов, важнейшим из которых станет реализация национальной и региональной социально-экономической политики.

Сохранение существующей структуры экономики и динамики занятости на Дальнем Востоке в среднесрочном периоде может привести к усилению негативных тенденций на рынке труда:

- Усиление зависимости экономики Дальнего Востока от иностранной рабочей силы, прежде всего в сельском хозяйстве, строительстве, лесозаготовке и деревообработке.
- Повышение риска безработицы среди работников, занятых на этапе строительства и обустройства проектов и не востребованных на стадии эксплуатации.
- Ухудшение качества трудового потенциала вследствие миграции молодых специалистов в другие регионы страны, сокращения численности населения в трудоспособном возрасте и старения трудовых ресурсов.
- «Вымывание» молодых и квалифицированных кадров из вторичного в первичный и третичный сектора экономики.
- Повышение дифференциации территорий по параметрам функционирования рынка труда (занятости, безработице, заработной плате и мобильности труда), а также увеличению пространственных разрывов – ареалов, в которых спрос на труд и его предложение отсутствуют.

Можно предположить, что вслед за усилением ресурсной специализации экономики региона произойдет ослабление социальных связей и увеличение пространственных разрывов между локальными рынками труда, прежде всего, в средних и малых населенных пунктах. В результате произойдет снижение мобильности труда в пределах Дальнего Востока и повышение миграционной мотивации населения. При устойчивом сохранении негативных тенденций может усилиться деградация существующей системы расселения, что приведет к повышению риска, уже не столько для развития удаленных от административных центров населенных пунктов, сколько для их физического существования. Осуществляемая в настоящее время политика оптимизации бюджетных расходов в сфере образования и здравоохранения за счет введения подушевого финансирования привела к исчезновению социально-необходимых услуг (школ, больниц, ветеринарных пунктов, милиции, почты, суда, загса, жкх и др.) в населенных пунктах с низкой концентрацией населения и удаленных от административных центров. В долгосрочной перспективе это может привести к формированию дефицита государственных услуг и дефицита в специалистах социальной сферы.

Государственные и муниципальные предприятия на Дальнем Востоке представляют наиболее стабильный сегмент рынка труда, значимость которого возрастает в местах, где не происходит автоматического формирования частного сектора. Сокращение количества предприятий государственной и муниципальной форм собственности, наряду с оптимизацией численности работников социальной сферы можно назвать как постепенный «уход» государства из экономики. Однако уход государства не приводит к автоматическому появлению идеальной модели рынка свободной конкуренции там, где для этого не созданы условия. Это противоречит парадигме рыночных трансформаций, в которой суть «перехода» понималась как выбор между низкопроизводительным трудом в государственном секторе и высокопроизводительным трудом в частном секторе [18], но находится в полном согласии с институциональным направлением экономической теории.

Указанные выше негативные тенденции хорошо описываются в терминах концепций «проклятия ресурсами» и «голландской болезни». В соответствии с этими концепциями усиление социальных симптомов «проклятия ресурсами» проявляется в снижении занятости в секторах экономики, ориентированных на производство товаров для внутреннего потребления и их рост в экспортно ориентированных видах деятельности; повышении безработицы, бедности и дифференциации населения по доходам; снижении экономического роста вследствие вытеснения человеческого капитала природным [19].

Анализ мирового опыта показывает, что наличие «ресурсного проклятия» на территориях богатых природными ресурсами возникает только при слабости институтов [21] в сфере законотворчества, регионального администрирования и государственного управления [14]. В странах и регионах с сильными институтами данная проблема отсутствует. Длительное проявление «проклятия ресурсами» связывают также с наличием рентно ориентированного поведения государства [16] и стремлением сохранить централизованную систему управления [15], не позволяющую отдельным регионам развиваться более независимо.

Таким образом, в среднесрочной и долгосрочной перспективах прогнозируется ухудшение параметров функционирования рынка труда на Дальнем Востоке.

Возможны ли позитивные изменения на рынке труда Дальнего Востока до 2030 г. и какие для этого необходимы условия?

На Дальнем Востоке необходима новая политика в сфере занятости населения, способная в долгосрочном периоде способствовать снижению негативных тенденций на рынках труда и формированию положительных. Положительными тенденциями для Дальнего Востока станет достижение сначала не отрицательного, а затем и положительного сальдо миграции трудовых ресурсов, а также снижение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации регионов по уровню безработицы, занятости и заработной платы. Зарубежный опыт показывает, что государственная политика в сфере занятости может быть эффективной по критерию степени достижения поставленных целей (положительных тенденций), если происходит: изменение системы стимулов, установление эффективного переговорного процесса между участниками рынка, снижение асимметрии информации, повышение партнерских отношений и доверия [17]. При этом важным является не скорость проведения реформ, а их последовательность [12], что требует создания институциональной инфраструктуры [20], обеспечивающей поддержание эффективных норм¹ (официальной занятости, «белой» заработной платы, взаимной социальной ответственности государства, предприятий и работников). Это предполагает кардинальное изменение целей, задач, инструментов реализации политики в сфере занятости.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется «активная политика» в сфере занятости, заимствованная из зарубежного опыта. Цели и инструменты «активной политики» концептуально определялись в США в период великой депрессии конца 1930–х гг. Для индустриально развитых и густонаселенных территорий данная полити-

¹ Под эффективными нормами понимаются такие нормы поведения, которые одобряются обществом [5]. Здесь эффективные нормы рассматриваются как антонимы неэффективным нормам (институтам) Полтеровича В.М. [11].

ка оказалась действенной¹. Важнейшим ее инструментом является создание временных рабочих мест в сегменте неквалифицированного труда (например, уборщики, дворники, разнорабочие и т. д.), обучение и содействие в развитии предпринимательской активности среди безработных. Однако, во-первых, эти меры носят краткосрочный характер и являются в долгосрочной перспективе малоэффективными [6; 7], во-вторых, условия их реализации в России и США являются несопоставимыми. Процесс заимствования институтов, сформировавшихся и показавших свою эффективность в других исторических и социально-культурных условиях, получил название – «трансплантация институтов» [13]. При наличии конфликта между старыми и новыми нормами возникают институциональные ловушки, связанные с формированием застойной безработицы и теневой занятости [1; 3; 9; 10].

Новая политика в сфере занятости должна работать на качественно новой концептуальной основе. Отличительной ее чертой является нацеленность на формирование модели «достойного труда» в условиях «социального государства» (табл. 1). Для реализации новой политики необходимо изменить масштаб регулирования с микроуровня (безработные и предприятия) на макроуровень (территориально-хозяйственные системы).

Таблица 1

Сравнительная характеристика существующей и новой политики в сфере занятости

Характеристика	Современная политика	Новая политика
Главная цель – прикладная	Снижение уровня безработицы, контроль и надзор в сфере труда	Повышение уровня занятости, социальная защита населения
Главная цель – концептуальная	Обеспечение минимальных государственных социальных гарантий в условиях рынка	Создание условий для обеспечения «достойного труда» в «социальном государстве»
Объект воздействия	Безработные, предприятия	Население, территориально-хозяйственная система
Субъект воздействия	Территориальные органы федеральной службы по труду и занятости (Роструд)	Органы государственного и муниципального управления в сфере социальной и экономической политики

¹ Примеры регулирования проблем функционирования рынка труда в США в период депрессии рассмотрен в работе: [4, с. 201, 205].

Характер мероприятий	Универсальный – единый на всей территории РФ без учета региональных различий	Адресный – локальный с учетом специфики региона, района и типа рынка труда
Способ воздействия	Предоставление пособий по безработице; содействие в создании временных рабочих мест	Формирование условий для создания постоянных рабочих мест в мобильных и стационарных точках
Направления повышения эффективности работы	Совершенствование системы предоставления пособия по безработице	Оптимизация территориально-хозяйственной системы
Критерий эффективности	Повышение доли безработных, трудоустроенных территориальными органами Роструда, снижение нарушений в сфере труда	Повышение уровня занятости, степени распространения «достойного труда», уровня жизни, качества человеческого потенциала; снижение нарушений в сфере труда
Эффект по продолжительности	Краткосрочный	Долгосрочный
Стоимость мероприятий	Стабильно низкая	Высокая на этапе создания условий и средняя на этапе реализации концепции «достойного труда»
Реакция системы	Деградация системы трудовых отношений; увеличение структурного, отраслевого и территориального дисбаланса; развитие теневых форм занятости; повышение барьеров входа на рынок труда	Создание новой модели отношения к труду основанной на доверии к государству; снижении структурного дисбаланса; росте официальной занятости, снижении барьеров входа на рынок труда
Образ Дальнего Востока	Регион с «непривлекательными» для россиян условиями труда и «привлекательными» для иностранной рабочей силы	Регион с «привлекательными» для россиян и конкурентными для иностранной рабочей силы

Источник: составлено автором.

Конечной целью реализации новой политики в сфере занятости является создание образа Дальнего Востока как региона с привлекательными условиями труда для дальневосточников и граждан из других регионов России, а также соотечественников из стран Ближнего Зарубежья. Это предполагает оптимизацию территориального размещения хозяйства и системы расселения.

Привлекательность условий труда определяется превышением величины реальной заработной платы и реальных среднедушевых денежных доходов населения на Дальнем Востоке относительно их уровня в районах-конкурентах. Такими конкурентами за привлечение трудовых ресурсов и населения являются регионы европейской части РФ.

Привлечение иностранных и российских высококвалифицированных управленцев потребует повышения экономических стимулов до уровня, который сложился или в потенциале возникнет в районах-конкурентах.

В сегменте спроса на труд низкой квалификации помимо повышения размеров оплаты труда, необходимо создание условий для профессионального роста и повышения качества человеческого капитала.

Формирование новой модели занятости с привлекательными условиями для работников потребует активной государственной политики. Необходимо:

- создание инфраструктуры для реализации государственных социальных обязательств (сети пунктов обслуживания, транспортных путей, инженерных коммуникаций), формирование условий для развития сопутствующих видов услуг (банковских, страховых, коммуникационных);
- повышение минимальных государственных гарантий (МРОТ, потребительской корзины, прожиточного минимума, системы районных коэффициентов и надбавок, пенсий);
- повышение качества и доступности жилья, модернизация инженерных коммуникаций, осуществление государственной программы долгосрочного ипотечного кредитования по минимальной процентной ставке;
- модернизация существующей системы транспорта, сети дорог межпоселенного и поселенного уровня, снижение транспортных тарифов на внутрирегиональные и межрегиональные перемещения;
- содействие в создании инфраструктуры отдыха, оздоровления и культурного развития населения;
- предоставление льгот на получение среднего и высшего профессионального образования, повышения квалификации;

- пересмотр условий привлечения специалистов в рамках государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [2]¹;
- освобождение от прохождения срочной службы в армии;
- содействие в развитии ознакомительного туризма на Дальний Восток ориентированного на школьников, студентов, молодежи из России, Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Реализация указанных мероприятий позволит снизить миграционный отток квалифицированных специалистов и создаст условия для роста конкуренции и производительности труда на рынках труда Дальнего Востока.

Список литературы:

1. *Гимпельсон В.Е.* Временная или непостоянная занятость в России: данные, уровень, динамика, распространенность: препринт WP3/2004/02 (Сер. WP3, Проблемы рынка труда). М.: ГУ ВШЭ, 2004
2. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: утв. указом президента РФ № 637 от 22.06.2006 г. (с изм. от 30.06.2009 г., 12.12.2010 г.).
3. *Капелюшников Р.И.* Нестандартные формы занятости и безработицы в России: препринт WP3/2004/06 (Сер. WP3, Проблемы рынка труда). М.: ГУ ВШЭ, 2004.
4. *Костин Л.А.* Международная организация труда. М.: Издательство Экзамен, 2002. С. 201, 205.
5. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий. Общественные науки и современность. 2001. № 3
6. *Ли Е.Л.* Влияние адресной денежной социальной помощи на снижение уровня бедности в регионе, на примере Хабаровского края: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2006.
7. *Макинтайр Р.* Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2
8. *Мотрич Е.Л.* Миграционные процессы и демографический потенциал Дальнего Востока России // Демографические перспективы России и задачи демографической

¹ В настоящее время условия программы не являются привлекательными для мигрантов. По состоянию на 1 января 2009 г. программа, с начала ее реализации, обеспечила приток 78 семей, что составило лишь 4,7% от запланированных объемов [8].

политики: мат-лы науч.-практ. конф. (6–8 апреля 2010). Вып. 2. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2010).

9. *Подузов А.А., Кукушкин Д.К.* О измерении продолжительности бедности в России // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1

10. Политика противодействия безработице / Ф.Т. Прокопов, Т.М. Малева; Бюро экон. анализа. М.: РОССПЭН, 1999

11. *Полтерови, В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. № 2.

12. *Полтерович В.М.* Стратегии институциональных реформ: перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. № 1.

13. *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.

14. *Alexeev M., Conrad R.* The natural resource curse and economic transition. // CAEPR Working Paper. 2009. № 018. September; *Brunnschweiler Christa.* Cursing the blessings? Natural resource abundance, institutions, and economic growth // World Development. 2008. 36 (3).

15. *Blanchard O., Shleifer A.* Federalism with and without Political Centralization: China versus Russia // NBER Working Paper. 2000. № 7616. March.

16. *Esanov A. Raiser M., Buiter W.* Nature's blessing or nature's curse: the political economy of transition in resource-based economies // EBRD Working Paper. 2001. № 65. November.

17. *Freeman R.* Labor market institutions around the world // CEP Discussion Paper. 2008. № 844. January.

18. *Garibaldi P., Brixiova Z.* Labor Market Institutions and unemployment dynamics in transition economies // IMF staff papers. Vol. 45. № 2 (June 1998).

19. *Nelson B., Behar A.* Natural resources, growth and spatially-based development: a view of the literature // World Development Report. 2008. February 7.

20. *North D.C.* The role of institutions in economic development // Discussion paper series. 2003. № 2003.2. United Nations Economic Commission for Europe. October Geneva, Switzerland.

21. *Sachs J.D. and Warner A.M.* Natural resource abundance and economic growth. Cambridge MA: Harvard University, 1997.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов

(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Непп А.Н., Колотов Ю.

**ПОСТРОЕНИЕ СКОРИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ РИСКОВ УЧА-
СТНИКОВ ВЭД ПРИ ЭКСПОРТНОМ КРЕДИТОВАНИИ. ИНСТРУМЕНТЫ
МИНИМИЗАЦИИ**

Для российских предприятий различных отраслей промышленности одной из важных задач является поиск эффективного источника финансирования закупок технологического оборудования.

Возможными источниками денежных средств для закупки оборудования представляются самофинансирование, банковское кредитование и финансовый лизинг. В случаях, когда оборудование импортируется из-за рубежа, при определенных условиях имеется возможность привлечь кредит иностранного банка (экспортный кредит).

Экспортный кредит мы рассматриваем как отдельный бизнес-проект, для анализа эффективности которого используются показатели инвестиционного менеджмента: чистая приведенная стоимость (NPV) совокупных затрат на финансирование, относительная стоимость финансирования, эффективная процентная ставка.

Каждый из указанных способов представляет собой один из подходов к анализу совокупности потоков платежей, возникающих у приобретателя оборудования при покупке за счет собственных средств, либо использовании кредитной или лизинговой схемы.

Оценка NPV совокупных затрат на финансирование. Совокупные затраты на финансирование, для которых определяется чистая приведенная стоимость, состоят из прямых затрат приобретателя в виде оттока денежных средств в оплату приобретаемого оборудования, процентных платежей и иных выплат по кредиту, лизинговых платежей, комиссии лизингодателя и т. п. (в зависимости от анализируемого вида финанси-

ния). Эти затраты уменьшаются на суммы НДС, подлежащего возмещению из бюджета после ввода оборудования в коммерческую эксплуатацию. Кроме того, чистый отток денежных средств у приобретателя сокращается благодаря налоговой экономии, возникающей за счет уменьшения налогооблагаемой базы по налогу на прибыль на размер амортизационных отчислений, налога на имущество, процентов по кредиту, лизинговых платежей.

Чистая приведенная стоимость потока n платежей определяется как:

$$NPV = \sum_{i=0}^n NCF_i \frac{1}{(1+r)^i}, \quad (1)$$

где NCF_i – размер «чистого» платежа в момент времени i ; r – ставка дисконтирования.

Чистый денежный поток дисконтируется по требуемой для сопоставления ставке (например, уровень инфляции, средневзвешенная стоимость капитала предприятия, иная расчетная ставка).

Для потенциального приобретателя оборудования рассчитанный по формуле (1) показатель NPV означает приведенную к текущему времени сумму затрат, которые приобретатель понесет в будущем в связи с покупкой и владением необходимым ему оборудованием. При выборе способа финансирования следует отдавать предпочтение тому способу, который дает наименьшее значение NPV по совокупным затратам, при условии, что сроки сравниваемых инструментов примерно равны. Отсюда следует главный, на наш взгляд, недостаток использования показателя NPV: переоценка «длинных» инструментов финансирования, неоправданное предпочтение длинных по срокам кредитов и лизинговых сделок.

Оценка относительной стоимости финансирования. Для определения относительной стоимости финансирования с помощью кредита или лизинга воспользуемся формулой, с помощью которой вычисляется эффективность коммерческого (товарного) кредита:

$$\frac{[\text{Размер скидки}] \times 365}{(([\text{Цена товара без учета скидки}] - [\text{Размер скидки}]) \times ([\text{Срок коммерч. кредита}] - [\text{Срок предоставления скидки}]))} \quad (2)$$

В формуле (2) цена товара без учета скидки – это та сумма, которую в конечном итоге заплатит приобретатель после погашения кредита или завершения лизинговых платежей. Она включает в себя чистую стоимость оборудования и все начисленные проценты, комиссии и прочие выплаты по кредиту за срок его погашения, либо сумму лизинговых платежей, если речь идет о лизинге. Тем самым под «скидкой» подразуме-

ваются все указанные расходы, подлежащие выплате заемщиком (лизингополучателем) сверх чистой стоимости оборудования. Срок предоставления скидки – это период, в течение которого имеется возможность оплатить оборудование за счет собственных средств покупателя. Срок коммерческого кредита равен сроку предоставления банковского (экспортного) кредита или сроку лизинга.

Для потенциального приобретателя оборудования относительная стоимость финансирования – это годовая ставка, по которой предоставлялась бы отсрочка платежа за покупаемое оборудование на период соответствующего кредита или лизинга (за вычетом срока для оплаты оборудования собственными средствами), при условии, что все затраты по кредиту (лизингу) сверх базовой стоимости оборудования выплачивались бы в последний день такой отсрочки. При выборе способа финансирования следует отдавать предпочтение тому способу, который дает наименьшее значение относительной стоимости финансирования. При этом следует учитывать, что результат формулы (2) игнорирует распределение конкретных денежных потоков во времени, поэтому его использование оправдано только в совокупности с другими показателями эффективности.

Оценка эффективной процентной ставки потока платежей может проводиться несколькими способами. Воспользуемся методикой, рекомендованной Банком России для раскрытия информации о стоимости потребительских кредитов. На наш взгляд, эта методика является универсальной, т. е. применимой к любой последовательности платежей, в том числе лизинговых.

Согласно Указанию ЦБ РФ от 12.12.2006 № 1759-У, размер эффективной процентной ставки определяется исходя из следующей формулы:

$$\sum_{i=1}^n \frac{CF_i}{(1 + IRR)^{\frac{d_i - d_0}{365}}} = 0, \quad (3)$$

где CF_i – сумма i -го платежа по кредиту; d_i – дата i -го платежа; d_0 – дата начального платежа; n – количество платежей; IRR – эффективная процентная ставка, в процентах годовых.

Рассчитанная по формуле (3) эффективная процентная ставка является внутренней нормой доходности чистого потока платежей, возникающего у приобретателя оборудования.

Эффективная процентная ставка является интегральным показателем, характеризующим стоимость привлекаемого финансирования. Она отражает как конкретные суммы всех платежей заемщика (лизингополучателя), так и сроки осуществления таких платежей. Кроме того, в отличие от NPV, ставка является относительным показателем,

что позволяет применять ее для сравнения различных по срокам и номинальной ставке инструментам финансирования. Эти свойства, на наш взгляд, делают эффективную процентную ставку основным из предложенных показателей для оценки стоимости финансирования.

В таблицу 1 сведены рассмотренные способы анализа эффективности для видов финансирования, применимых к закупкам технологического оборудования.

Таблица 1

Возможность применения способов анализа эффективности к видам финансирования закупок технологического оборудования

Способ анализа \ Вид финансирования	Собственные средства	Кредит	Лизинг
NPV совокупных затрат	✓	✓	✓
Относительная стоимость финансирования	✓	✓	✓
Эффективная процентная ставка		✓	✓

Примечание. В качестве относительной стоимости финансирования за счет собственных средств можно рассматривать рентабельность собственного капитала предприятия.

Рассмотренные показатели были применены нами для оценки эффективности закупок технологического оборудования для ОАО «Уралсвязьинформ», привлекающим экспортные кредиты, предоставленные предприятию немецкими банками для финансирования закупок под страховое покрытие экспортно-кредитных агентств Hermes, ONDD и EKN.

При приобретении имущества в собственность (с постановкой на баланс) налог на добавленную стоимость предъявляется покупателю к зачету из бюджета. Кроме того, по данному имуществу начисляется амортизация, списываемая на себестоимость с уменьшением налогооблагаемой базы. На себестоимость также списывается налог на имущество. Это приводит к возникновению налоговой экономии в размере уменьшения налога на прибыль, подлежащего уплате в бюджет.

В целях определения совокупных затрат при приобретении оборудования прием следующие исходные данные:

1. Нормативный срок службы оборудования – 15 лет.

2. Ставка налога на прибыль – 20%. НДС (18%) в полном объеме предъявляется к зачету.

3. Ставка налога на имущество – 2,2%.

Денежные потоки у приобретателя в случае, если закупка оборудования осуществляется за счет кредитных ресурсов (непосредственно операции по поступлению кредитных средств на расчетный счет заемщика и списание их в оплату оборудования при анализе потоков можно исключить). Совокупные затраты заемщика представлены выплатами в погашение кредита, процентами по нему, комиссиями банка и страховой премией экспортно-кредитного агентства. Приобретенное за счет кредита оборудование не находится в залоге по обеспечению возврата кредита, собственником его выступает заемщик, оно учитывается на балансе заемщика.

В отношении вычетов из совокупных затрат возникает ситуация, аналогичная с вариантом приобретения оборудования за счет кредита, поскольку и в том, и в другом случае последствия, связанные с постановкой имущества на баланс, начислением амортизации и налога на имущество, а также списанием их на себестоимость, идентичны. (Данное утверждение отчасти справедливо лишь в теоретическом плане. Для упрощения предполагается, что даты получения кредита и даты оплаты поставщикам, а также даты поставки имущества и даты ввода его в эксплуатацию совпадают. На практике приобретение имущества за счет кредита неизбежно влечет за собой включение процентов за кредит за период с момента получения кредита до ввода имущества в эксплуатацию в первоначальную стоимость).

Заемщик сталкивается с необходимостью прогнозирования значений плавающей процентной ставки (LIBOR, EURIBOR) и курсов валют на достаточно длительный срок. На практике чаще всего обращаются к специализированным агентствам или подразделениям финансовых организаций, занимающихся прогнозированием макроэкономических показателей на основе собственных методик технического и фундаментального анализа. В России наиболее часто применяются данные агентства «РосБизнесКонсалтинг». Прогнозирование может строиться по моделям New York Risk Metrix Group, Кругмана-Обстфельда, модели, предлагаемой Неппом и Пономаревой [3].

Одним из способов избежать необходимость точного прогнозирования ставки и валютного курса является моделирование конечного результата методом статистических испытаний, более известным как метод Монте-Карло. Применению метода Монте-Карло в финансовых расчетах посвящена разнообразная литература. Например, Т. Уотшем и К. Паррамоу в [5] определяют степень волатильности доходности акции, моделируя методом Монте-Карло динамику индекса S&P 500. Т.В. Струченкова отно-

сит метод Монте-Карло к одному из основных способов получения исходной информации для вычисления параметра Value at Risk (VAR) [1; 4].

Предлагаемая система показателей для оценки вариантов закупки была применена на ОАО «Уралсвязьинформ» [2]. Применение предлагаемой системы показателей с учетом процентных и валютных рисков позволит:

- провести оценку эффективности для приобретателя потенциальных видов финансирования закупок основного технологического оборудования (собственные средства, кредит, лизинг);

- использовать полученные показатели для сравнения доступных видов финансирования, как в местной валюте приобретателя, так и в иностранной валюте;

- провести анализ чувствительности полученных показателей к изменениям входных параметров, в том числе для инструментов, подверженным процентному и валютному риску, к изменениям плавающей ставки и курса валюты;

- учесть в расчете показателей процентные и валютные риски.

Относительная простота и скорость получения результатов повышает ценность рассмотренных показателей и делает целесообразным создание на их основе скоринговых систем на российских предприятиях.

Список литературы:

1. *Косарев А.С., Пальмова Н.Ю.* Постановка процессов управления процентными рисками на предприятиях нефинансового сектора в условиях нестабильности финансовых рынков // Управление финансовыми рисками. – 2010. – № 01(21).

2. *Непн А.Н., Колотов Ю.С.* Построение скоринговой системы показателей для анализа привлечения экспортных кредитов в условиях процентных и валютных рисков на примере ОАО «Уралсвязьинформ» // Управление финансовыми рисками. – 2010. – № 03(23).

3. *Непн А.Н., Пономарева Е.С.* Валютные риски: выявление влияния, прогнозирование и минимизация убытков // Проблемы анализа рисков. – № 1. – 2010.

4. *Струченкова Т.В.* Оценка валютного риска и прогнозирование валютного курса: дис. ... канд. экон. наук. – М.: РГБ, 2003.

5. *Уотшем Т. Дж., Паррамоу К.* Количественные методы в финансах: Учеб. пособие для вузов / пер. с англ. под ред. М.Р. Ефимовой. – М.: Финансы, ЮНИТИ, 1999.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Резанов В.К., Скурская А.В.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕСНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ С УЧЕТОМ
ЭНЕРГОЕМКОСТИ СИСТЕМ МАШИН И
СТЕПЕНИ ИХ НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛЕС

Важным направлением экологизации хозяйственного механизма управления ЛПК, по мнению автора, является совершенствование методических положений по дифференциации лесных платежей в зависимости от типа применяемых систем машин, от степени прямого и опосредованного воздействия техники и технологии на лесную экосистему [6].

Принципиальная схема определения размера лесных платежей с учетом экологического фактора представляется собой две части, первая – отражающая традиционный аспект лесопользования (экономические результаты и затраты), вторая – экологический срез (оценки последствий деятельности). Прикладным моментом при расчете платежей за лесные ресурсы с учетом экологического аспекта является определение коэффициентов увеличения базового размера платы из-за учета экологических последствий.

Экологический аспект в определении платежей за лесные ресурсы часто рассматривается именно через учет величины изменения природно-ресурсного потенциала участка леса после осуществления на нем лесопользования, то есть в этом случае критериями построения совокупности поправочных коэффициентов могут выступать величины экономических ущербов вследствие негативного воздействия на лесной фонд.

Опосредованное отражение в платежах за лес изменение природно-ресурсного потенциала нашло на практике, где ставка платы для сплошных рубок при крутизне склона более 20° составляет при использовании канатно-подвесных установок 0,7 от

базового размера платы, а при использовании вертолетов – 0,5. При проведении рубок с сохранением подроста и/или второго яруса ценных пород ставки снижаются на 20%.

Реализуя принцип учета экологических последствий, были предложены специальные меры экономической ответственности лесопользователей за экологические последствия рубки лесов, которые, во-первых, отражали бы реальные экологические потери от рубки леса; во-вторых, стимулировали бы лесозаготовителей к применению средосберегающих технологий. В качестве таких мер были разработаны дифференцированные компенсационные платежи за экологические последствия, возникающие в горных лесах Краснодарского края. Так, при заготовке леса с применением тракторов платежи увеличивались в 2–3 раза, а при использовании вертолетов составляли 0,11–1,35% от нормы.

Промежуточным принципом отражения экологического аспекта в платежах является отражение в них доли затрат лесохозяйственного производства в зависимости от величины кадастровой стоимости участка леса.

Прямые методы экологической оценки лесных ресурсов с позиции экологии обладает существенным недостатком, они не в полной мере учитывают экологическую и социальную значимость лесных ресурсов. Последнее обеспечивается на основе косвенных методов экологической оценки лесных ресурсов, содержание которых определяется использованием системы поправочных коэффициентов к базовым ставкам лесных платежей.

При формировании минимальных ставок, должны учитываться факторы, которые можно сгруппировать по трем группам: факторы, учитывающие специфику видов деятельности; факторы, учитывающие интересы государства и государственного регулирования в данной сфере; факторы, учитывающие интересы лесопользователей.

Каждый фактор раскладывается на составляющие (параметры), которые количественно определяются и позволяют в той или иной степени формализовать каждый параметр в виде модели поправочных коэффициентов [4]. Система коэффициентов включает рельеф, цель использования, вид рубки и пользования, экологическую ценность леса, их поврежденность, льготное лесопользование, использование отходов, коэффициент льготности, региональный коэффициент, региональную добавку. Далее полученная базовая стоимость корректируется программой с учетом комплекса поправочных коэффициентов, учитывающих конкретную ситуацию, описываемую пользователем рядом параметров.

На наш взгляд, рассмотренная схема формирования системы поправочных коэффициентов страдает следующими основными недостатками.

Во-первых, в данной методике в системе анализируемых факторов перемешаны рентообразующие и природно-экономические факторы; первые органично, в той или степени, учитываются при определении базовых ставок платежей.

Во-вторых, система поправочных показателей громоздкая, построенная, в части некоторых факторов, без должного расчетного обоснования.

В-третьих, она не отражает региональные особенности Дальнего Востока и характер, применяемых здесь лесозаготовительных технологий.

Поэтому для условий многолесного региона (Хабаровского края) должна быть создана своя модифицированная шкала поправочных коэффициентов в разрезе систем машин, способов рубок и направлений комплексной переработки древесного сырья.

Нами принимается методология определения ставок лесных платежей, которая основана на рентном подходе. Тем не менее, полагаем, что вполне допустимо и необходимо полученные экономические оценки корректировать в сторону увеличения с учетом значимости экологического фактора на лесозаготовках и в переработке древесины.

При этом реализуется совокупность основополагающих принципов: дифференциации; стимулирования лесовосстановительных мероприятий; инновационных, адаптивных технологий; рациональности и комплексности использования лесных ресурсов.

Нормативной основой построения шкалы поправочных коэффициентов являются исследования эколого-лесоводственных аспектов лесопользования в условиях Дальнего Востока, в которых системно изучен опыт различных способов рубок и технологий лесосечных работ в основных лесных формациях [1], формализованы эколого-лесоводственные показатели функционирования различных систем лесозаготовительных машин [7], а также произведены оценки негативного воздействия на природную окружающую среду пожаров и лесозаготовительной деятельности [2].

На первом этапе формирования системы поправочных коэффициентов, учитывающих экологический фактор в освоении лесов, авторами реализуется энергетический подход, содержание которого определяется тем, что более высокий уровень энергоемкости системы машин обуславливает и более высокую степень воздействия на лесной фонд. Опираясь на оценки Б.П. Рябухина по энергоемкости наиболее распространенных систем машин Дальнего Востока, производился расчет коэффициентов исходя из соотношения удельной энергоемкости. Сначала отдельно по хлыстовой и сортиментной технологиям лесозаготовок, а затем совместно по хлыстовой и сортиментной технологиям лесозаготовок (табл. 1).

При этом авторами исследовалась взаимосвязь уровня энергоёмкости систем машин и величины отрицательных экологических последствий, представленных выбросами вредных веществ в атмосферу. Оценка производилась по данным Л.П. Майоровой с учетом общей приведенной массы выбросов и удельной их величины, которые были определены лишь по лесосечным работам. Определенная логика взаимосвязи энергоёмкости и объема воздействий на среду имеет место в вариантах хлыстовой технологии.

Представляется, что для практического применения возможно использование коэффициентов, построенных на основе оценок энергоёмкости систем машин, тем более, что их уровень не слишком высок.

Таблица 1

Коэффициенты, рассчитанные по системам машин хлыстовой и сортиментной технологий заготовки древесины

Система машин	Поправочные коэффициенты, построенные по:	
	энергоёмкости	общему / удельному объемам выбросов
Система X1 (хлыстовая технология)	1,22	1,19 / 1,13
Система X2 (хлыстовая технология)	1,00	1,00 / 1,00
Система С1 (сортиментная технология)	1,12	1,69 / 1,60
Система С2 (сортиментная технология)	1,09	1,83 / 2,51

На втором этапе формирования системы поправочных коэффициентов, учитывающих экологический фактор в освоении лесов различными системами машин и технологиями, реализуется эколого-экономический подход.

Содержание данной методики заключается в экономической оценке лесоводно-экологических последствий применения тех или иных систем машин посредством расчета экономического ущерба.

При этом авторами оценивался прямой экономический ущерб, связанный с изменением состояния лесных насаждений и потерями древесины, а также косвенный экономический ущерб, который был представлен оценкой ущерба от загрязнения атмосферы.

Определение прямого экономического ущерба вследствие оставления древесины на лесосеке осуществлялось исходя из потерь древесины на 1 га, среднего запаса древесины спелого леса на 1 га и среднего уровня арендной платы на 1 м³ вывозки (35 руб.).

Экономический ущерб от оставления древесины на лесосеке можно было бы определить исходя из дополнительных затрат лесного хозяйства на приведение лесосеки в нормативное состояние, а также исходя из размера недополученной прибыли лесозаготовителей [3]. Однако наши предложения в большей мере соответствуют принципам устойчивого развития, а нормативы оценок являются более стабильными характеристиками.

Оценка экономического ущерба от негативного воздействия на атмосферу определялась исходя из величины удельной приведенной массы загрязняющих веществ на 1 м³ заготовленной древесины и удельного ущерба от загрязнения атмосферы для Дальневосточного региона нашей страны (61,4 руб.). Наибольшую долю в структуре суммарного экономического ущерба занимает ущерб, связанный с потерями древесины (табл. 2).

Таблица 2

Эколого-экономические коэффициенты, рассчитанные по системам машин хлыстовой и сортиментной вывозки древесины

Система машин	Величина компенсации экономического ущерба, %		
	100,0	50,0	25,0
Система X1 (хлыстовая технология)	1,20	1,10	1,05
Система X2 (хлыстовая технология)	1,10	1,05	1,05
Система С1 (сортиментная технология)	1,15	1,10	1,05
Система С2 (сортиментная технология)	1,15	1,10	1,05

На следующем шаге, исходя из соотношения величины суммарного эколого-экономического ущерба и размера арендной платы, нами построена система поправочных коэффициентов. При этом система корректировок строилась дифференцированно, а именно, предполагалась 100, 50 и 25% величина компенсации суммарного экономического ущерба (см. табл. 2).

Анализируя две системы показателей – «энергетическую» и «эколого-экономическую» можно сказать с уверенностью, что на первых порах возможно использование энергетического метода при построении поправочных коэффициентов. Это сократит затраты времени на формирование системы корректировок и обеспечит более адекватную оценку вследствие большей достоверности и нормативности расчетов энергоемкости систем машин.

Возможным дополнением к разработанной системе поправочных коэффициентов могут стать поправочные «рисковые» коэффициенты, разработанные применительно к оценке инвестиционного потенциала лесозаготовительных предприятий [5, с. 139].

Считаем, что рассмотренные принципы дифференциации лесных платежей с учетом адаптивности систем лесозаготовительных машин и полученные коэффициенты могут использоваться в практике стимулирования устойчивого развития лесного комплекса и его предприятий, а также во внутрифирменном управлении (планировании).

Список литературы:

1. *Ковалев А.П.* Эколого-лесоводственные основы рубок в лесах Дальнего Востока. – Хабаровск: ФГУ «ДальНИИЛХ», 2004.
2. *Майорова Л.П.* Рациональное использование древесного сырья как эколого-экономическая основа функционирования лесопромышленного комплекса. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009.
3. *Мишенин Е.В.* Эколого-экономические проблемы природопользования в лесном комплексе. – Суми: ВВП «Мрия-1» Лтд, 1998.
4. Разработка параметров установления платежей за пользование лесным фондом. – М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 2007.
5. *Резанов В.К.* Инвестиционная привлекательность лесного комплекса: оценка и управление. – Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2003.
6. *Резанов В.К., Скурская А.В., Панкратова Н.Н.* Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием лесного комплекса региона. – Хабаровск: ДВАГС, 2010.
7. *Рябухин П.Б., Ковалев А.П., Казаков Н.В., Луценко Е.В.* Лесозаготовки на Дальнем Востоке – состояние и перспективы. – Хабаровск: Изд-во ФГУ «Дальневосточный научно-исследовательский институт лесного хозяйства», 2010.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Сергеев А.С.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
В РАЗВИТИИ ТРАНСПОРТНЫХ УЗЛОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Современные тенденции развития мирового транспортного рынка сформировали новый портфель ресурсов, который будет действовать на протяжении до 2025–2030 гг. Глобальный характер этих ресурсов будет оказывать определяющее воздействие на развитие транспортных рынков, как отдельных стран, так и трансграничных регионов.

Кроме традиционных материально-технических, трудовых и социальных ресурсов, обеспечивающих текущий процесс функционирования транспорта, необходимо выделить приоритетные или стратегические ресурсы, от которых в основном зависит долгосрочное устойчивое положение транспортного комплекса российского Дальнего Востока на мировом рынке АТР. При этом необходимо выделить такие ресурсы как:

- внешнеторговая грузовая база – ресурс в виде производственного запаса, необходимого для обеспечения непрерывного процесса загрузки транспортных средств и эффективной работы транспортного комплекса в целом;
- транспортная логистика – информационный ресурс, обеспечивающий оптимальное распределение грузопотоков в смешанных перевозках;
- корпоративный менеджмент – ресурс профессиональных компетенций специалистов по управлению транспортом в условиях мирового рынка.

Именно эти ресурсы способны обеспечить стратегические цели и задачи развития транспортного комплекса в целом. В частности, характеристика стратегических ресурсов включает следующие приоритетные направления в развитии транспортного комплекса региона:

- применение новых инструментов и технологий контроля конкурентных рыночных позиций – бренды, контрактные базы по грузам, скорость, сервис, стоимость, гарантия сохранности грузов;
- образование новых региональных корпораций-резидентов смешанных видов транспорта, реализующих агрессивную стратегию роста на глобальном транспортном рынке;
- формирование глобальных региональных и межрегиональных транспортно-логистических комплексов и международных транзитных транспортных узлов, обеспечивающих связанность региональных и национальных рынков;
- выход на новый уровень управленческих компетенций за счет создания универсальной трансграничной идентичности кадровых ресурсов, способных одновременно эффективно действовать в разных национальных рынках бизнес-ценностей в системе мирового рынка транспортных услуг.

Если Дальневосточный регион России, как страны-участницы глобального транспортного рынка будет игнорировать перечисленные ресурсы, то независимо от нацеленности на развитие собственной транспортной инфраструктуры, его отставание от конкурентов будет накапливаться.

Как показал анализ грузооборота морских портов ДФО (рис. 1), их доля в общем объеме освоения внешнеторговой российской грузовой базы сократилась с 28% в 1993 г. до 13% в 2008 г. При этом доля Дальневосточных портов, общий грузооборот которых составил в 2009 г. около 80 млн т, осталась почти на уровне освоения национальной грузовой базы портами сопредельных государств (Финляндии, Прибалтики и Украины).

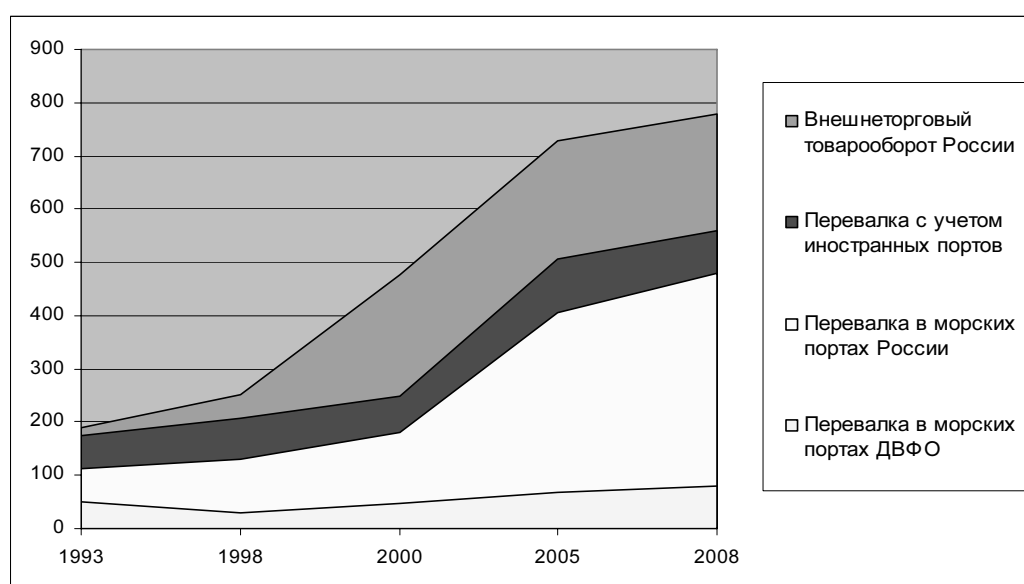

Рис. 1. Динамика освоения внешнеторговой грузовой базы России морскими портами за 1993–2008 гг., млн т

Несмотря на то, что мощности портов на Дальнем Востоке России увеличились за этот период в среднем почти в два раза, их фактический грузооборот за период 2000–2009 гг. увеличился только на 33% и достиг уровня 1989 г. При этом доминирует экспорт, сокращается импорт, а доля транзита вообще упала до 1% (738 тыс. т). По оценкам экспертов «Владивостоквнештранса» реальный рынок стран СВА, находящийся вблизи Приморья, в контейнерном исчислении составляет 40 млн TEU в год, в то время как контейнерооборот всех портов Приморья составляет немногим более 500 тыс. TEU

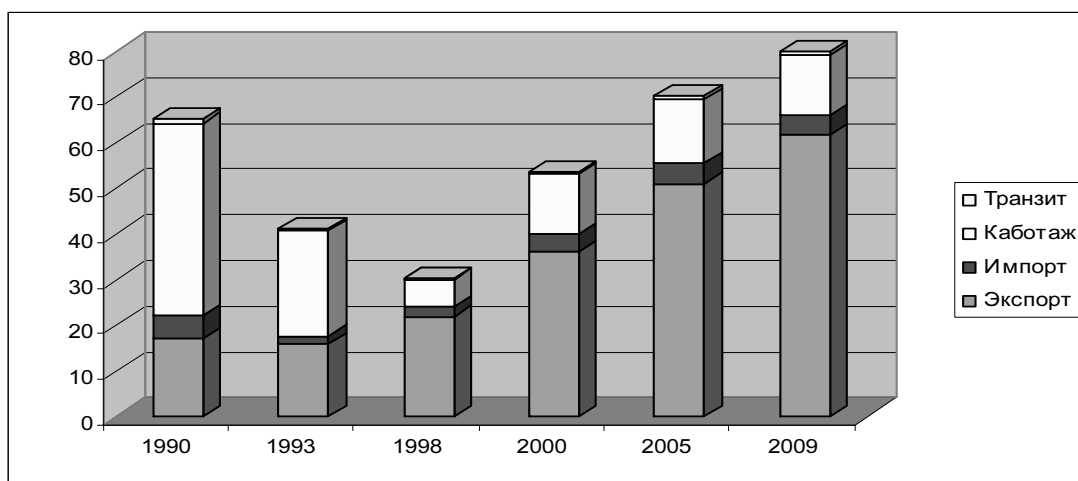

Рис. 2. Динамика грузооборота морских портов ДФО за 1990–2009 гг., млн т

В настоящее время грузовые перевозки ДВЖД по Транссибу составляют около 50-ти млн т в год. При этом интенсивность его использования снизилась с 28,5 тыс. т на 1 км пути в 1990 г. до 9,5 тыс. т в 2009 г. Это привело к снижению загруженности Транссиба и в целом к образованию резервов пропускной способности транспортных узлов региона.

Перевозки морским транспортом Дальневосточного региона также сократились более чем в два раза и составляют в настоящее время около 12 млн т в год. Несмотря на достаточно стабильное положение флота ДВМП и ПМП на обслуживании ряда международных транзитных линий, где используется в основном лучший в техническом отношении дальневосточный флот, дающий прибыль, трамповые перевозки отечественным флотом имеют в основном отрицательный финансовый результат из-за использования в этом виде перевозок старых низкорентабельных судов. В результате доля иностранного флота в перевозках грузов отечественных фрахтователей составляет более 80% с учетом упущенной выгоды на фрахте до \$ 5 млрд в год.

Использование логистических ресурсов на отечественном транспорте ограничивается пока отдельными функциями транспортно-экспедиторской деятельности портовых терминалов. В отечественной практике работы портов исторически сложилось так,

что на их территории происходит совмещение функций объектов транспортной и логистической инфраструктур. Кроме основных стивидорных функций по перевалке грузов на морские суда и обратно, порты занимаются также их хранением и экспедиторской обработкой, что противоречит современной мировой практике работы крупных морских портов, где давно уже доминируют самостоятельные транспортно-экспедиторские или логистические компании. Следует признать, что транспортно-экспедиторские конторы отечественных портов в условиях прямого подчинения стивидорным компаниям по своим функциям уже давно устарели. Они не несут прямой ответственности за своевременную и качественную доставку грузов в той мере, как это призваны делать самостоятельные логистические компании. Это препятствует не только эффективному использованию перегрузочных мощностей морских портов, железнодорожных и автомобильных подходов, но и развитию собственно логистического сектора в рамках единого транспортного узла (ТУ).

По оценке экспертов, величина непроизводительных затрат по причине низкой скорости перемещения грузов, плохой организации погрузочно-разгрузочных работ, избыточных запасов предприятий на случай сбоев поставок, а также несовершенства технологии грузопереработки в целом по России составляет порядка 1,3 млрд рублей в сутки. При этом основная часть затрат возникает из-за несовершенной технологии терминально-складского или логистического обслуживания.

В результате проведенного анализа мировой практики управления транспортом можно сделать вывод о том, что в наиболее развитых морских державах ТУ развиваются в основном по двум сценариям:

1) усилением роли региональных органов власти в управлении и регулировании деятельности ТУ, включая защиту государственных интересов национальной безопасности, стремясь ограничить от проникновения на внутренний рынок иностранных перевозчиков и иных участников транспортного процесса, защитить зоны тяготения своих портов от поглощения их хитерландами или портами-хабами других стран;

2) повышение роли государственной политики в стимулировании интеграции региональных ТУ в мировую транспортную систему. В связи с этой политикой государственные органы власти проводят целый ряд технических и организационных мероприятий, направленных на расширение МТК, открытие новых приграничных ТУ и припортовых СЭЗ, способствуя тем самым привлечению международных транзитных грузопотоков.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)**

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Сидоренко О.В.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДХОДОВ К СЕЛЕКТИВНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Одной из негативных тенденций современного этапа развития в России является все нарастающая межрегиональная дивергенция. Дифференциации российских субъектов Федерации по показателю ВРП на душу населения за 1995–2007 гг. увеличилась с 18 до 28 раз (табл. 1).

Таблица 1

Дифференциация субъектов РФ по показателю ВРП на душу населения

Показатель	1995	2000	2007
Отношение максимума к минимуму (раз)	18	26	28
Число регионов, имеющих ВРП на душу населения выше среднего российского уровня	23	17	14

Источник: рассчитано по [4].

Усиливается доминирующее положение в национальной экономике нескольких крупных регионов-доноров (табл. 2), и повышается зависимость проблемных регионов от внешних источников финансирования.

Как видно из таблицы 2, если десять регионов-лидеров в 1995 г. производили 42% суммарного ВРП страны, то в 2007 г. этот показатель вырос до 57%. На регионы последней двадцатки (республики Северного Кавказа, юг Сибири и Дальнего Востока)

совокупно приходилось 5–3% суммарного объема российского ВРП, и эта доля снижалась на протяжении всего рассматриваемого периода.

Таблица 2

Доля отдельных субъектов РФ в суммарном валовом региональном продукте (ВРП), %

Регион	1995	2000	2007
Регионы-лидеры (10 субъектов РФ)	42	53	57
г. Москва	10	20	24
Тюменская область (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО)	7	10	10
Регионы-аутсайдеры (суммарно 20 субъектов РФ)	5	4	3

Источник: рассчитано по [4].

«Выравниванием» уровней экономического развития регионов за счет перераспределения финансовых ресурсов между ними, как показывает практика, проблему решить невозможно. Все более значительные объемы финансовых ресурсов, предоставляемых федеральным центром проблемным регионам, не только не дают ожидаемых результатов, но требуют все новых расходов для разрешения региональных проблем. Другая крайняя позиция представленная в концепции «поляризации» регионального развития – закрепление статуса «зон опережающего роста» за регионами – лидерами и предоставление им дополнительной финансовой поддержки со стороны федерального правительства, оставляя менее благополучным регионам роль получателей социальной поддержки для обеспечения стабильного уровня жизни населения территорий, будет приводить только к усилению межрегиональных различий и углублению проблем развития отстающих территорий. В связи с этими обстоятельствами, требуется разработка новых подходов с селективной региональной политике.

Авторами предлагается новый взгляд на совершенствование подходов к селективной региональной политике в отношении проблемных регионов, с целью преодоления неравномерности социально-экономического развития регионов и возникновения процессов конвергенции в российском экономическом пространстве.

Общеизвестно, что существует два источника средств, направленных на стимулирование развития проблемных регионов: внешние и внутренние. Экзогенное стимулирование развитие проблемных территорий осуществляется при сильном внешнем вмешательстве со стороны государственных органов власти, на что в условиях ограни-

ченности федеральных ресурсов рассчитывать не приходится. Ориентация на эндогенное экономическое развитие, т. е. преимущественно на внутренние источники развития, происходит при слабом государственном вмешательстве в виде стимулирования государством тех сфер и видов деятельности в регионе, которые могут вызвать усиление позиций региона на внешних и внутренних рынках. В этой связи следует упомянуть опыт глубокой структурной модернизации экономики регионов зарубежных стран. Основой современной селективной региональной политики ФРГ является программа «Совместная задача совершенствования региональной хозяйственной структуры» [5]. Ключевой целью мероприятий в рамках программы выступает ликвидация различий в уровне развития регионов, прежде всего, путем улучшения инвестиционной привлекательности структурно слабых территорий. Особое внимание уделяется стимулированию экономического роста в отсталых регионах благодаря структурной трансформации, которая признается более эффективным направлением селективной региональной политики, нежели экзогенное стимулирование проблемных территорий.

Реструктуризация экономики российских проблемных регионов также является единственно правильным направлением совершенствования селективной региональной политики. Основой реструктуризации проблемных регионов является активная промышленная региональная политика, которую следует формировать в соответствии со следующими принципами:

- определение структурно перспективных секторов и перераспределение ресурсов (муниципальных, региональных, федеральных) в пользу их ускоренного развития;
- постепенное усиление экономического потенциала избранных «точек роста» в результате наращивания базы для фундаментально-прикладной деятельности и подготовки высококвалифицированных кадров в системе высшего и среднего образования;
- развитие экспортного потенциала данных отраслей и увеличение объемов производства и сбыта продукции на внутреннем и внешних рынках.

Сложность данного подхода состоит в том, чтобы найти те отрасли, которые способны дать толчок развитию всей региональной системы проблемного региона. Можно предположить, в идеальном варианте, что функции аккумуляторов роста должны выполнять отрасли с высоким уровнем рентабельности и высокой скоростью оборачиваемости капитала. Однако в проблемных российских регионах такие отрасли отсутствуют. Так как основная функция полюса роста – способствовать развитию отсталых регионов, то полюсом роста может быть и отрасль с низким уровнем рентабельности и сравнительно невысокой скоростью оборота капитала, если она способна обеспечить высокий уровень занятости или значительное увеличение заказов для других отраслей.

Упрощенно схема формирования полюса роста в проблемном регионе выглядит следующим образом: 1) определение зоны роста; 2) определение узких мест функционирования производств, образующих зону роста, «расшивка» которых требует инвестиций; 3) выбор форм и методов поддержки предприятий, образующих зону роста (льготные кредиты, гарантии, налоговые льготы, таможенная защита и т. п.).

В качестве методического инструментария для определения отраслей-полюсов роста в проблемных регионах, автором исследования предлагается структурно-динамический метод, который основывается на идее объяснения тенденции экономического развития закономерностями изменения экономических структур, в нем предлагается соизмерение оценок структурной динамики и оценок экономического роста (спада). Итоговый показатель расчетов – индекс роста S (индекс физического объема произведенной продукции) является суммой двух составляющих: показателя меры структурной динамики D и показателя меры инерционной составляющей экономического развития N , что позволяет связать исследование качественных особенностей структурной динамики хозяйственной системы с особенностями ее экономического развития.

В методике структурно-динамического анализа предполагается, что структурный сдвиг является всегда позитивной составляющей экономического развития, то есть $S = N + D$ [3]. Согласно методике, можно оценить структурный сдвиг как фактор экономической динамики в проблемном регионе: если структурный сдвиг отсутствует, то $D=0$ и $S=N$; если развитие сопровождается позитивным структурным сдвигом (увеличивается доля частей совокупности с темпом роста больше единицы по сравнению с базисным периодом), т. е. $D > 0$; если же развитие сопровождается негативным структурным сдвигом (увеличивается доля частей совокупности с темпом роста меньше единицы по сравнению с базисным периодом), т. е. $D < 0$.

В качестве примера проблемного региона ДФО была рассмотрена Амурская область, согласно типологии проблемных регионов, предложенной С.Н. Леоновым и Б.Л. Корсунским, область стабильно относится к типу депрессивных регионов [2, с. 31]. Расчет производился на основании данных государственного комитета статистики об отраслевой структуре валовой добавленной стоимости в реальном секторе экономики региона. Согласно проведенным расчетам наибольший позитивный структурный сдвиг может ожидать в области от следующих видов экономической деятельности: «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство»; «производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

В качестве конкретного направления перспективного развития Амурской области в сфере «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» может быть развитие соево-

го комплекса в области. На долю Амурской области приходится 60% валового производства сои в России. Амурская соя имеет высокое содержание белка (35–42%), что составляет ее сравнительное преимущество перед российскими и зарубежными аналогами [1]. Потенциально в Амурской области, при совершенствовании технологии выращивания (гребне-грядовая технология), может быть достигнута высокая урожайность 20–25 ц / га. В отличие от многих направлений инвестиционной деятельности, соевое растениеводство, ввиду особенно благоприятных естественных условий, требует относительно небольших первоначальных затрат, и имеет относительно высокие сроки окупаемости капиталовложений (1,5–2 года). При этом может дать высокий эффект ввиду простой рационализации процессов обработки почв и улучшения технологий посевов, следовательно, внести существенный вклад в преодоление дотационности области в течение 2–3 лет. Развитие соевого растениеводства и формирование соевого комплекса позволят начать осуществление реиндустриализации экономики Амурской области и постепенное формирование высокотехнологичного комплекса в результате развития селекционирования, химизации, развития механизации, развития транспортной системы, развития промышленной переработки сои. Такой вариант промышленного развития является благоприятным как для самого региона, так и для повышения продовольственной безопасности страны.

Список литературы:

1. Концепция Стратегии развития Амурской области до 2025 года / Администрация Амурской области. – 2007.
2. *Леонов С.Н. Корсунский Б.Л.* Управление развитием проблемного региона / отв. ред. П.А. Минакир. – Хабаровск: РИОТИП, 2006.
3. *Сидоренко О.В.* Отраслевая структура производства как фактор экономической динамики в регионе: монография. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2005.
4. Федеральная служба государственной статистики. – www.gks.ru.
5. Sechsendreißidster Rahmenplan der Gemeinschaftsaufgabe «Verbesserung der regionalen Wirtschaftsstruktur» für den Zeitraum 2007 bis 2010. – Berlin, 2007.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов
(Тихоокеанская Россия – 2050)
Материалы международной научно-практической конференции
18–19 ноября 2010 г.
г. Хабаровск
Сборник статей

Скиба А.Н.

**СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРО-
ИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ**

В настоящее время термин «модернизация» стал едва ли не самым употребляемым в дискуссиях, посвященных стратегии посткризисного развития отечественной экономики. Внимание к проблеме модернизации заметно повысилось в связи с осознанием нереальности скачкообразного перехода экспортно-сырьевой российской экономики на инновационный путь развития без промежуточного подготовительного этапа.

С момента возникновения теория модернизации прошла несколько этапов развития и междисциплинарной интеграции. Первоначально она развивалась в русле теории стадий экономического роста и линейного перехода ряда стран на путь индустриализации. Теоретические предпосылки «ранней» концепции модернизации заложены в трудах К. Маркса, У. Ростоу, А. Льюиса, Я. Тинбергена, П. Бауэра, К. Кларка и ряда других ученых. Позже предметная база теории модернизации заметно расширилась за счет исследований политических, социокультурных и иных аспектов трансформации традиционных хозяйственных систем в развитые индустриальные. При этом «традиция» трактовалась как архаичность экономических укладов и системы общественных ценностей [18].

В современном представлении модернизация – это многоаспектное понятие, связанное с прогрессивными изменениями в социальной, экономической, экологической, институциональной и иных сферах. В зависимости от выбора объектно-субъектной позиций авторов она связывается: с выбором соответствующей стратегии экономического развития [12; 13; 15], реализацией промышленной политики [1; 10; 16; 17], институциональными и технологическими изменениями [2; 12]. В более узком

смысле модернизация представляет собой сокращение технического отставания ведущих региональных производств за счет внедрения преимущественно заимствованных (улучшающих) технологических инноваций.

Важным условием успешной модернизации является использование принципов системного подхода. Его методологическую основу составляют общие положения теории систем Л. Берталанфи (цельность, связность и взаимодействие с внешней средой) и основ кибернетики Н. Винера, У. Эшби, С. Бира (роль положительных и отрицательных обратных связей в обеспечении устойчивости и динамики систем). В последние годы методология системного подхода дополнилась выводами теории синергии о нелинейности эффекта, создаваемого упорядочиванием внутрисистемных взаимодействий [7; 8; 11].

Системное понимание процессов, происходящих в экономике, обосновано в работах Я. Корнаи, Г.Б. Клейнера, А.И. Татаркина и других [9; 16; 17]. Это позволяет производственно-технологический комплекс рассматривать как цельную совокупность элементов (субъектов), взаимодействующих между собой в процессе разработки, производства и потребления товарной продукции, т. е. открытую систему. В русле неоклассического подхода ее элементами являются: технологическое оборудование, материально-сырьевые компоненты, кадры (персонал) и финансы. Их связное взаимодействие обеспечивается за счет эндогенных (технологических и организационно-функциональных) и экзогенных (институциональных, финансовых и кооперационных) связей.

Согласно классическому определению, возникающий в данном случае эффект системы (эмерджентности) связан с образованием структуры, обладающей свойствами, которые отсутствуют у всех ее элементов в отдельности. Речь идет о качественных (воспроизводственных) свойствах. Важно отметить, что функциональное несоответствие либо устранение любого компонента, равно как и нарушение связей приводит к снижению эффективности системы либо утрате ею своих основных свойств. Важным в методологическом плане представляется и то, что категория «связь» выражает не только статический аспект системы, входя наряду с составом в ее структуру, но и динамику, являясь всеобщей формой осуществления взаимодействий. Это дает основание рассматривать статическое состояние системы в большей степени как абстракцию. Поэтому производственные технологические комплексы в реальности являются открытыми динамичными системами, параметры которых изменяются под воздействием внешних и внутренних факторов.

К факторам внешнего воздействия следует отнести: а) сигналы положительной обратной связи, поступающие через кооперационные связи (в первую очередь это сигналы спроса и предложения с сырьевых, товарных и финансовых рынков); б) влияние макроэкономической и институциональной среды. Соответственно эндогенными факторами являются: а) степень соответствия функциональных и циклических характеристик элементов системы; в) ее адаптивные способности, т. е. способность адекватно реагировать на изменение внешних условий. Из этого следует, что в циклично функционирующей системе согласованность внутренних элементов и внешних сигналов положительной обратной связи вызывает эффект нелинейного роста ее выходных параметров. Иными словами, в производственных комплексах системный эффект имеет синергетический (мультипликативный) характер, аналогичный явлению резонанса. В таком случае основной целью модернизации следует считать не просто замену технологического оборудования (само по себе это не даст положительного результата), а достижение системного эффекта. Это возможно только при условии согласованности ее внутренних процессов и внешних воздействий.

Проанализируем процесс модернизации с позиций системного подхода и приведенных доводов. Начнем с общей стратегии. По мнению ряда авторитетных специалистов, общее состояние российской экономики, ее научно-производственного потенциала и институтов сохраняет возможность реализации стратегии «догоняющего» развития [4; 6; 12]. Это нацеливает на сокращение технического отставания большинства ведущих производств до уровня, обеспечивающего импортозамещение на региональных (национальных) потребительских рынках. В этом случае внешние экономические и институциональные условия должны способствовать: а) обновлению технологического элемента производственных комплексов за счет заимствования более совершенных импортных аналогов; б) последующему возникновению в границах данных комплексов системного эффекта роста. Для решения данной задачи могут быть применены меры селективной поддержки в рамках проводимой промышленной политики [1; 10; 16; 17], использования методов экономического зонирования, развития институтов и т. д. С другой стороны, это меры экономического стимулирования, включающие набор таможенных, налоговых, банковских, административных и иных льгот, предоставляемых инвесторам и участникам соответствующей программы, либо проекта. В конечном итоге внешняя среда должна, во-первых, обеспечивать необходимые стимулы и условия для связного и целенаправленного взаимодействия всех субъектов модернизации [3; 14; 15]. Во-вторых (это не менее важно для возникновения эффекта системы), внешняя среда является источником импульсов, ускоряющих внутрисистемную динамику. Как

было отмечено ранее, это инвестиции и сигналы спроса, играющие роль положительных обратных связей¹.

К внутренним (эндогенным) условиям развития системного эффекта нужно отнести: а) прочность и гибкость внутренних межэлементных связей²; б) функциональное соответствие элементов системы; в) внутреннюю организацию, обеспечивающую связность и согласованность внутрисистемных взаимодействий и мобильность реагирования на внешние флуктуации. Другими словами, системный эффект модернизации возникнет в том случае, если замена технологического звена будет сопровождаться обновлением внутренних и внешних связей, перестройкой (либо заменой) всех сопряженных функциональных звеньев, налаживанием их эффективного взаимодействия.

Выводы. 1. В условиях российской экономической действительности переход на инновационный путь развития возможен лишь через промежуточный этап углубленной модернизации. Это наиболее близко к стратегии «догоняющего» развития, где основной целью модернизации является сокращение технологического отставания ведущих регионально-отраслевых производств за счет внедрения заимствованных преимущественно импортных технологий.

2. Производственно-технологические комплексы являются сложными открытыми динамическими системами. С точки зрения ресурсного подхода в их состав входят технологический, сырьевой, финансовый, кадровый и финансовый элементы. Основываясь на общих положениях теории систем синергетическом представлении экономической динамики, эффект системы может быть интерпретирован в виде мультипликативного количественных показателей производственного комплекса. Величина такого эффекта зависит, с одной стороны, от соответствия и согласованного взаимодействия элементов системы, с другой стороны, от иницирующего влияния конъюнктурных и инвестиционных воздействий, с третьей – от ее восприимчивости к такого рода воздействиям.

3. Важным приоритетом модернизации является изменение правил поведения экономических субъектов, прогрессивные сдвиги в институциональных преобразова-

¹ Важно отметить, что модернизация экономики в свою очередь дает толчок к развитию формальных и неформальных институтов, изменению социальных, инфраструктурных и иных условий. В этом находит еще одно свое проявление принцип открытых сложных систем.

² Речь идет преимущественно об организационно-распорядительных, контрактных и функциональных связях. Что же касается взаимодействия с внешней средой, то здесь преобладают кооперационные (товарно-сырьевые, контрактные), информационные, финансовые, а также неформальные (коммуникативные) и иные связи.

ниях, повышение конкурентоспособности региональных экономик, развитие их кадрового, инновационного и инвестиционного потенциала.

Список литературы:

1. *Власкин Г.А., Ленчук Е.Б.* Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике: Опыт стран Центральной и Восточной Европы и СНГ. – М.: Наука, 2006.
2. *Григорьев Л. и др.* Коррупция как препятствие модернизации (институциональный подход) // Вопросы экономики. – 2008. – № 2.
3. *Григорьев Л. и др.* Модернизация через коалиции // Вопросы экономики. – 2008. – № 1.
4. *Дементьев В.Е.* «Догоняющая постиндустриализация» и промышленная политика. Препринт # WP/2006/199. – М.: ЦЭМИ РАН, 2006.
5. *Дементьев В.Е.* Модернизация российской экономики и государственное управление. – М.: КомКнига, 2006.
6. *Дементьев В.Е.* О характере российской «догоняющей модернизации» и ее институциональном обеспечении // РЭЖ. – 2005. – № 2.
7. *Евстигнеев Р.Н. и др.* От стандартной экономической теории к экономической синергетике // Вопросы экономики. – 2001. – № 10.
8. *Евстигнеев Р.Н. и др.* Экономика как синергетическая система. – М.: Ленанд, 2010.
9. *Клейнер Г.* Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2.
10. *Львов Д.С.* Новая промышленная политика России // Экон. наука соврем. России. – 2007. – № 3.
11. *Малинецкий Г.Г., Капица С.П. и др.* Синергетика и прогнозы будущего. – М.: УРСС, 2003.
12. *Полтерович В.М.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – 2008. – № 1.
13. *Сенчагов В.К.* Стратегия развития России: ориентиры и ограничения // Вопросы экономики. – 2008. – № 8.
14. *Тамбовцев В.* Коалиции за модернизацию: анализ возможности возникновения // Вопросы экономики. – 2008. – № 1.
15. *Тамбовцев В.Л. и др.* Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Вопросы экономики. – 2008. – № 1.

16. *Татаркин А.* Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Проблемы теории и практики управления. – 2008. – № 1.
17. *Татаркин А., Романова О.* Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход // Экономика региона. – 2007. – № 3.
18. *Чекмарев Э.* Теории модернизации и современная Россия. – www.rau.su/observer/N9_2009/016_022.pdf.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов

(Тихоокеанская Россия – 2050)

Материалы международной научно-практической конференции

18–19 ноября 2010 г.

г. Хабаровск

Сборник статей

Шишмаков В.Т. , Бек В.А.

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ОБЪЕКТАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Россия как современная страна с большим потенциалом во многих направлениях и сферах всегда стремилась к интеграции в мировое сообщество, быть цивилизованной и развитой во всех отношениях страной. С учетом курса на инновационную экономику вопросы интеллектуальной собственности, интеллектуальный капитал приобретают большую значимость. Особенно актуально и остро встают проблемы обеспечения надежной защиты и охраны интеллектуальной собственности. Торговля контрафактной продукцией имеет отрицательные политические и экономические последствия для страны на международном и на национальном уровне, так как следствием этого является: непоступление либо заниженные налоговые отчисления в бюджет; утечка интеллектуального капитала; подрыв легальной индустрии; приостановление процессов создания объектов интеллектуальной собственности и их вовлечения в хозяйственный оборот; снижение заинтересованности бизнеса в инвестициях в сферу инноваций; сокращение рабочих мест (в том числе в сфере научных исследований); подрыв имиджа страны в глазах мирового сообщества; потеря инвестиционной привлекательности ее экономики; угроза здоровья граждан страны.

На сегодняшний день в России можно выделить четыре сферы распространения контрафакта: господствующего распространения – 70–80% (CD, DVD, программное обеспечение), сферу массового распространения – 30–40% (одежда и обувь, алкогольная продукция), сферу широкого распространения – 10–15% (парфюмерия, медикаменты и лекарственные средства), сферу ограниченного распространения контрафакта – на

уровне 1–2% (чай, кофе, бритвенные лезвия). Из приведенных данных видно, что уровень распространения поддельной продукции в России остается высоким.

Как свидетельствует мировая практика, нарушения прав интеллектуальной собственности можно фиксировать на таможенной границе. Не может вызывать сомнений тот факт, что таможенные органы должны играть одну из ключевых ролей в сфере защиты интеллектуальной собственности. В большинстве стран мира сформирована система таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Система построена на основе норм одного из базовых договоров Всемирной торговой организации (ВТО) – Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). С 2004 года в России также была создана аналогичная система.

Возможно, именно в работе с интеллектуальной собственностью таможня в состоянии проявить и развить свой регулятивный потенциал. Ведь на большинстве других направлений она действует, прежде всего, как традиционная фискальная машина. Реализация регулятивной функции важна для становления ФТС России в качестве подлинно современной структуры, способной содействовать развитию рынка и служить эффективным инструментом государственного управления экономикой.

Есть в этой теме и другая сторона. Всемирная таможенная организация прямо увязывает на необходимость ограничения оборота контрафактных товаров с задачей ослабления финансовой базы международного терроризма, с утверждением стандартов безопасности международной торговли.

При детальном рассмотрении российской системы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности в теории, в практическом аспекте, в контексте систем некоторых зарубежных стран становится ясным, что системе можно и нужно совершенствовать.

В России система функционирует с 2004 года и следует признать, положительные результаты были достигнуты. Однако, существуют и недостатки: на практике правообладатели не стремятся к регистрации своего объекта в таможенном Реестре (в ноябре 2008 года в Реестре зарегистрировано 1306 объектов интеллектуальной собственности, в то время как в базе данных Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам «Роспатент» только российских товарных знаков на ноябрь 2008 года зарегистрировано 285 796 единиц, из них в 2007 году подано заявок на регистрацию товарных знаков 57 262), кроме того, правообладатели не торопятся отвечать на запросы таможенных органов, которые задерживают вызывающие сомнения товары; отсутствие права у таможенных органов самостоятельно принимать

решение о приостановлении выпуска товаров без заявления правообладателей; существует нехватка специалистов по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности в таможенных органах; имеет место различное толкование судьями законодательства в области интеллектуальной собственности; нет четкого механизма распределения изъятых на границе товаров по данному правонарушению, и другие. Следовательно, существуют объективные предпосылки и возможности к совершенствованию российской системы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности.

Соглашение ТРИПС является своего рода основой национальных законодательств в сфере защиты прав интеллектуальной собственности и, в частности, построенных на его основе моделей и системы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Сравнивая положения Соглашения ТРИПС в сфере применения мер на границе по защите интеллектуальной собственности с российской системой таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, были обнаружены значительные расхождения. Например, Соглашение ТРИПС выделяет семь объектов прав интеллектуальной собственности, в то время как в российской системе таможенного контроля отдельных товаров только три.

С одной стороны, в преддверии вступления России во Всемирную торговую организацию, отличие национального законодательства от международных норм, имеет большое значение. С другой стороны, Россия имеет право на уникальность своей системы и ее отличие от систем других стран, учитывая особенность и специфику российской действительности.

Учитывая положительный практический опыт функционирования систем и статус исследованных моделей таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности той или иной страны, авторы предлагают решения и рекомендации по совершенствованию системы таможенного контроля России [1].

- Для более результативного таможенного контроля над перемещением товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, необходимо расширение перечня этих объектов. Это можно сделать поэтапно, вводя в перечень объектов таможенного контроля по одному новому объекту в определенный период времени.

- Предложена идея взимания сбора за внесение объекта интеллектуальной собственности в таможенный Реестр. С одной стороны, пополнение госбюджета – выполнение фискальной функции таможенных органов. С другой стороны, введение данного сбора может стать одним из источников формирования материально-технической базы для организации таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуаль-

ной собственности, на более высоком качественном уровне (от подготовки профессиональных кадров и до новейшего технического оборудования по проверке легальности происхождения определенного объекта).

- Для выполнения требования Соглашения ТРИПС о залоге или равноценной гарантии, достаточной для защиты ответчика и компетентного органа и предотвращения злоупотреблений правами, вместо существующих в настоящее время 500 тыс. рублей предложено применение «Договора о возмещении расходов таможенных органов, связанных с приостановлением выпуска товаров и убытков декларанта», на случай, если будет установлено, что подозреваемый товар не является контрафактным.

- Следуя международным тенденциям по сохранению и защите конфиденциальной информации и возможности предоставления информации государственным органам и третьим лицам в определенных случаях, предложена новая редакция по данному положению российского таможенного законодательства в сфере таможенного контроля отдельных товаров Положения «О защите прав интеллектуальной собственности таможенными органами».

- Для оптимизации работы системы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, таможенной службе необходимо иметь возможность приостанавливать выпуск товаров по собственной инициативе без заявления правообладателя и внесения объекта интеллектуальной собственности в таможенный Реестр. Полномочия таможи действовать являются ключевым элементом эффективного пограничного режима. В большинстве случаев сотрудники таможи – единственные, кто знает когда и какие предполагаемые контрафактные товары перемещаются.

- В целях выполнения требования Соглашения ТРИПС о запрете реэкспорта контрафактных товаров с неправомерно используемым товарным знаком в неизменном состоянии или применения в отношении них иного таможенного режима, предложено решение по распределению конфискованной продукции в соответствии с национальными интересами без противоречий с требованиями международных норм.

Кроме того, учитывая дополнительные положения модели Всемирной таможенной организации, которые не нашли отражения ни в Соглашении ТРИПС ни в Системе таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности России, предложены дополнительные рекомендации по совершенствованию российской системы:

- помимо таможенного контроля экспорта и импорта товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, следует также вести контроль над перемещением транзитных товаров.

- для отдельных категорий продукции (например, скоропортящихся товаров) предложено установить меньший период приостановления выпуска товаров.

Система таможенного контроля отдельных товаров частично сформирована и работает. Однако в силу колоссальной доли контрафактной ввозимой, вывозимой, транзитной продукции, таможенная служба России не ставит точку в этом вопросе, принимая на веру наличие пробелов в законодательной базе и правоприменительной практике в деятельности таможни в этой сфере. Анализируя множество материалов на тему таможенного контроля объектов интеллектуальной собственности можно сделать выводы: таможенные органы стремятся к дальнейшим исследованиям, изменениям и дополнениям системы с целью достижения больших результатов в количестве и качестве работы таможенной службы в целом и системы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности в частности. Хорошие результаты работы таможенной службы в этой сфере не только положительно отразятся на экономике страны (начиная от увеличения собранных сумм таможенных платежей в виду увеличения таможенной стоимости легальной продукции и заканчивая удовлетворением качеством товаров конечного потребителя), но и на международной арене станут одним из аргументов в формировании положительного имиджа России.

Список литературы:

1. Бек В.А., Шишмаков В.Т. Таможенный контроль в сфере торговли объектами интеллектуальной собственности: монография. – Хабаровск: Издательство ТОГУ, 2009.

Печатается в соответствии с решением Ученого совета
Института экономических исследований ДВО РАН от 24.06.2008 г.